

Юрий КРАСАВИН

ПИСЬМЕНА

Роман

461-

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КРАСАВИН

Родился в ночь на Рождество Христово – 7 января 1938 года в с. Мелковичи Солецкого района Новгородской области. С августа 1941 г. по август 1944 г. - малолетний узник немецко-фашистских концлагерей /для беженцев/.

Детство прошло в деревне, в Калязинском районе Тверской области. Закончил Калязинский машиностроительный техникум в 1959 году.

Работал монтажником на стройках Красноярска, инженером-технологом и инженером-конструктором на Красноярском комбайновом заводе, конструктором на Конаковском фаянсовом заводе, учителем в школе рабочей молодежи г. Конаково, инспектором районного отдела культуры, собственным корреспондентом областной газеты. В 1969 году закончил Литературный институт им. Горького при Союзе писателей СССР.

В 1975-1982 руководил Новгородской писательской организацией. Лауреат литературной премии им. Н. Островского.

Автор 14 книг прозы, вышедших в издательствах: «Молодая гвардия», "Московский рабочий", "Лениздат", «Советский писатель», «Современник», "Советская Россия", "Детская литература" и других.

Более 30 романов и повестей опубликовал в столичных журналах «Новый мир», «Знамя», «Наш современник», «Роман-газета», «Октябрь» и в региональных – «Нева», «Звезда», «Север», «Волга», «Дальний Восток», «Дон», «Подъем», «Русская провинция».

«Сия книга греховна, сиречь вредна по из-бытку досужего вымысла, а проще сказать, по многообилию бессовестной лжи. В ней искушение любоплотием, безбожным высокоумием, любо-страстием, гордыней окаянной - то дьяволовы козни и ухищрения, коими да не соблазнимся. Чистоты духовной ради сию книгу надобно сжечь, а пепел развеять по ветру да по текучей воде с молитвою: Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас.

Раб Божий КИРИЛЛ»

Этот приговор был вынесен рукописной книге неведомо когда, начертан химическим карандашом на верхнем листе её – увы, не на титульном, титульный утрачен - очень твёрдым почерком, по-видимому, в сердцах; после «КИР» карандаш сломался, оставив безобразную запятую, и добавлено уже фиолетовыми чернилами «ИЛЛ».

Не могу сказать определённо, откуда она взялась, эта книга, поразившая меня прежде всего своим внешним видом: не напечатана типографским способом, а написана *от руки*, цветными чернилами, с красочными маленькими рисунками, виньетками, заставками. Помнится, я впервые увидел её в день похорон моей бабушки Прасковьи Ивановны. Или я ошибаюсь? Надо полагать, до той поры книга хранилась в потайном месте... или пряталась сама? Ныне могу предположить, что её достали со дна сундука, когда разбирали особо ценные вещи, составлявшие наследство покойной.

Сундук же бабушкин, именовавшийся также *ларём*, украшен был искусной резьбой; он всегда стоял в холодной горнице; летом на нём спали; запирался он на внутренний замок со звоном, равно как и сама горница, а оба ключа, от сундука-ларя и горницы – большие, кованые; они немало удивляли меня. Сундук же оказался наполненным под самую крышку всяческим добром: в нем сберегались выходные кофты и юбки, совсем не старушечьи, а девичьи, должно быть, некогда модные... а ещё платки и поневы, полотно тканое и чистые половики, плюшевая жакетка, кружевной подзор для кровати, праздничная скатерть, тяжёлая шаль с кистями, лоскутный сарафан дивного покроя, расшитый кожаный кисет, наполненный разноцветными пуговицами, некоторые с орлами... В сундуке лежали также фетровые девичьи сапожки, туфли – их называли почему-то *баретками*, нитяные кружева, пожелтевшие от времени...что-то ещё, чего

уж не помню, – каждую вещь бабушка перед смертью *отказала* поимённо родственникам и подругам, кому что.

Подозреваю, что любая из этих вещей имела долгую жизнь – лежала в иных сундуках и перешла к бабушке по наследству неведомо когда и неведомо от кого. Может быть, это добро составляло некогда девичье приданое, когда 18-летняя Паша Тихомирова из деревни Панютино, что на берегу реки Нерли(Волжской), вышла замуж за добра молодца Степана Воронина в деревню Хонино, что на ручье с названием Ир, впадающем в Нерль; у них потом было трое детей, моя мать – младшая в семье.

После памятных мне похорон минуло более полувека, так что я не могу ныне поручиться, что книгу достали именно из этого сундука. Вполне возможно, она явилась совсем в ином месте – у другой бабушки моей, Орины Сергеевны. Она-то, Оринка Стрельцова из деревни Микулкино, что рядом с большаком от Калязина до Сергиева Посада, вышла замуж за Федора Красавина в деревню Ремнево, что по другую сторону от этого большака. Отец мой, Василий Фёдорович, был у них первенцем.

Бабушка Орина прожила долгую жизнь, но она уехала из нашей деревни к дочери в Монино, и вот, должно быть, при переезде книгой она пренебрегла... если, конечно, дело было так, а не иначе.

На всякий случай запомните эти названия – Нерль, Ир - в них слышится что-то языческое, не правда ли? А от названия бабушкиной деревни не веет ли древним славянством: тот Микулка, давший название деревне, жил-поживал, небось, ещё во времена былинные. Меня изначально осенила догадка: не здесь ли пахал землю степенный крестьянин Микула Селянинович? Эта догадка не оставляет меня и поныне.

*Как орёт во поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипывает,
Омешки по камешкам почиркивают...*

Да ведь и фамилии мои родовые тоже с историческими корнями: Стрельцовы, надо полагать, пошли от некоего *стрельца*, небось, времён царя Алексея Михайловича, а Красавины – от некоей *Красавы*, уж верно замечательной красоты девушки, давшей имя всему нашему роду. А девичья фамилия бабушки Прасковьи не в ладу ли с прозвищем величальным царя Алексея Михайловича – Тишайший? Впрочем, не настаиваю, это всё мои фантазии.

Сундук с добром был и у бабушки Орины, и у бабушки Прасковьи; я не помню, в котором из них хранилась рукописная книга, доставшаяся мне и так меня поразившая, да и не важно это. А важно то, что её не завещали никому, потому я вступил в наследование по праву близкого кровного родства, то есть на вполне законных основаниях.

А куда делись потом те сундуки, хоть один, хоть второй? Кто-то куда-то увёз. Кстати сказать, на крышке одного из них всю ширь неясно проступали вырезанные по дереву изображения, очень напоминавшие то, что оттиснуто было на переплёте книги: островерхие ели... змея, свитая кольцами... летящая странная птица с длинным клювом наподобие ножниц... страшный зверь на двух ногах, волосатый, черевистый, кривоногий - этакое чудище... просто дивные глаза в листве и чья-то мохнатая лапа в травном переплетении... Я мальчиком, случалось, ночевал у бабушки той или этой, и спал на тех сундуках, но вот не сумел как следует рассмотреть то, на чём сплю; осталось в зрительной памяти только общее впечатление.

А про нечто, завернутое в ветхую льняную домотканину и перевязанное крест-на-крест суровой ниткой подумали, что там деньги или облигации; а когда распеленали, оказалась просто книга, даже не Библия. Вот и решили: вещь нестоящая, потому и забыли о ней. Но я-то сразу сообразил, что она и есть самое ценное, что осталось мне от той ли бабушки, от этой ли!

Верхние два листа плотной серой бумаги были отличны от книги-рукописи и уцелели только потому, что на самокрутки не годились. Они были исписаны с обеих сторон; один из них обкапан воском, на нём в правом верхнем углу наискось поместился приговор некоего *Кирилла*.

Кто такой и почему *раб Божий*?

Ниже опять карандашом и другим почерком были выписаны странные имена, одни крупно и подчёркнуты, другие более мелкими буквами; и на оборотной стороне, и далее, на соседнем уже листе – довольно длинный список. Вот он :

ЯР ВЫШАТИЧ, муж добр, он же Яр-Огонь, 33 лет.
МЛАД-ВОИНКО - земледельец, прозвищем «князь Бобёр», 20 лет.

РАДИМА СУРОЖАНКА - жена Млад-Воинка, «княгиня Рысь», 18 лет.

УМИЛА, она же **УСТЯ**, девица не менее 19 лет.

ЛИПИЦА - вдова малого, подколенного князя **Злата** (Златко), молода.

МАЛУША ЯСУНИНА – ведунья, травница, не более 19 лет.

ЗЛОБКА СКОСЫРЬ - лытатель по градам и весям, «Хорь», в 20 летах.

ШЕСТАК МАЛЫГА – тоже лытатель, прозвищем «Вепрь», лет 25.

ЯНКА, Янина (Анна), Веселинка тож, лет ей 15 или 16.

Князья набольшие и подколенные: **Родослав Добрынич**, **Богуслав Святovidич** - князь во Кремь-граде, **Остромир** - князь, разоривший Змиев-град, **Сбыслав** (Сбышко) Волосович – князь безместный, безудельный, **Лукослав Охотник**.

Коротил Яскович - посадник в Червень-граде
Волостель **Кормило**.

Купцы: **Братко Сухорук** и его сын **Незговор**, купеческий старшина **Всеслав Единоок**, **Семейко Сестринич**, **Ратмир Полочанин** и брат его **Ладислав**,

Жители Червень-града: **Любава** (Любыня) Рукославна, её братья-плотники **Покор** и **Бородай**, а ещё вдова **Каптелиница**, Милован, Клопец, Толоконница, Лычный Лапоть, Тоскун, Кубышка, Верея, Лях-в-луде, Рукосуй, Ростиславко.

Жители села Посад: **Нежко Лунь**, «вож» Городило, отрок Путята, Вятко Кривой, Юрок, Орлец, друзья-отроки Смирята, Славко, Шестунок; плотники Савин, Любим, Богумир, Любослав, Радило.

Жители веси Льяняные Дворы: Овсяник Ворохабин и его жена Дружина, его дочери Нехорошка (Воислава) с Утешкой (Ждана), Овсяник Трещиллов с женой Братаней, и ещё один Овсяник, а то и несколько, вдовица Осеня.

Жители лесного поселения: **Некрас** - бортник-древолоз, жена его Звездица, их сыновья Зяблик, Вьюрок, Снегирёк, Дятлик, Щегол.

Жители слободки Сырокомля – Людота Коваль, Ульянов Сивый.

Жители слободки Лотошино – Гостиата Лыков, Крик Тыртов, братья Жабка и Трубец, Семьон, Несвит.

Волхвы, ведуны, колдуны: **Щур** – в сельце Трызново, **Потвор** – в веси Льяные Дворы, **Ильм** - на жальнике, **Бубл**.

Разбойники: **Чюрило, Нелидко, Шушпан, Немир, Щепа**, он же **Глуздырь, Лосёнок**.

Прочий люд: Кормило Озорной, Поташка Лаптихин, Тюлга, Вышко, Дрочил Нездилов, Дуда, Миловзор, Ратиславец, Богиня, Ладислав Менший, Вратослав Кривоуст, Боброк, Звездца, кожевник Вяхирь Овражный, кожевник тож Ивень, воценик Волох, искусный коваль Ратиславец, хлебосольный хозяин Гюргей Чик, Сёмок и Осьмок Кувалдины...мимоходцы, лесники, рыбаки, земледельцы...

Под этим списком твёрдым почерком было написано:

«А всего полтора ста с десятком».

Еще ниже наискось уже чернилами – почерком третьего человека - красиво, витиевато, крупными буквами:

«КРАШНОСМОТРИТЕЛЕН И РАДОСТЕН ВЫСОКОВА СОКОЛА ЛЁТ».

Не знаю даже, с чего начиналось повествование в книге той и чем заканчивалось – сверху листы оказались утраченными, а снизу неведомо когда подмочены, чернила расплылись и обесцветились, в середине же кое-где буквы размыты натёками воска, у корешка её переплёта когда-то благоденствовали доисторические клопы, их следы успели окаменеть от времени. С верхнего правого угла книга, вроде бы, обгорела или просто изветшала, правый нижний угол замаслен... многие срединные листы, как потом выяснилось, были также утрачены.

Однако, несмотря ни на что, в памяти моей с детства запечатлелось диковинное, полусказочное повествование, да и весь образ книги видится мне ныне благородным, светоносным...значительным! Суровый приговор некоего Кирилла озадачил меня с самого начала, а потом, по мере чтения книги я был с ним решительно не согласен. Всё, что удалось мне прочитать, с неопровержимой ясностью располагается передо мною сейчас; едва закрою глаза - история та, вернее, переплетение историй, живо, многошумно, разноголосно.

Она была подобна явленной иконе из времени дальнего-дальнего, древнего-древнего. Впрочем, сравнение с иконой

уместно ли? Оставим его без внимания. Она вскоре пропала и каким-то образом явилась вновь; такое происходило и далее не раз. Исчезновения её, равно как и неожиданные появления, таинственны и не поддаются разумному объяснению. Меня не покидает мысль, что книга та живет сама по себе, своей собственной жизнью и поступает своевольно, не считаясь ни с чем, а уж тем более с моими желаниями. Вот и сейчас, когда я пишу это, она исчезла на некоторое время назад – уже несколько лет я не видел её! - но верю: она непременно явит себя снова самым странным, почти волшебным образом, как это бывало и прежде.

Глава первая. Мимоходец.

Картинки и буквы. Радима и живой пенё. Певец Боброк по прозвищу Соловко. Сказки Малуши. Сон о древесном борении. Липица и чудище в муравейнике. Мимоходец в порубе. Страж его Маковец. Русалка - её разговор с лягушками. Хозяйственный бобёр. Утопленник из слободки Лотошино. Моё наследство – то Божий промысел, мы не могли разминуться.

1.

Мне было тогда тринадцать или четырнадцать лет. К тому времени я уже немало прочитал книг – и о путешествиях, и о приключениях, и о войне... Я был книгочей, брал книги сразу в двух библиотеках – в селе Спасское, где начальная школа, и в селе Поречье, где школа-семилетка. Такая начитанность позволила мне понять, что рукописная книга, попавшая мне в руки, гораздо занимательнее и важнее, нежели все прочие. Поначалу я приступил к ней, движимый интересом и вспыхнувшим вдруг азартом разгадывать письма... А потом увлёкся по-настоящему.

Она была довольно велика, та книга, и тяжела, словно большой кирпич или камень. Строки в ней состояли из угловатых букв, похожих на нынешние и непохожих. Страницы, заполненные этими буквами, перемежались более витиеватыми, лёгкими, из тонких, словно паутина, переплетенных между собой росчерков, подобных кружевному узору. Но повсеместно на страницах буквы располагались плотно, иногда друг на друге; слова же не разделялись просветами, бежали непрерыв-

ной чередой. Строки подпирали одна другую – писавший явно берёт бумагу, исписывая каждый лист от края до края с обеих сторон. На обтрепанных местах текст был вовсе стёрт, уже утрачен или едва угадывался.

А вот буквы в начале каждой главы – потому и заглавные! – стояли вольготно, ничем не теснимые, и не на краю листа, а отступя, искусно нарисованы разноцветными чернилами – зелеными, синими, красными, золотыми... Эти буквы изображали собой сказочных зверей и птиц, вьющиеся растения и цветы, из переплетений которых пристально смотрели на меня странные глаза, угадывались пугающие морды, когтистые лапы, дивные перья, грозные, суровые или улыбающиеся лики неведомых существ – полулюдей, полужверей.

Картинки иногда и не были буквицами; они вторгались в текст своевольно, сами по себе, неся какой-то неведомый мне смысл. В них явно был поясняющий намёк, коего я не мог уразуметь. Разнообразие тех маленьких картинок поражало меня: змеи с хищно разинутыми ртами, из которых высовывались раздвоенные языки, и многоглавые клыкастые существа, заглатывающие этих змей; их бесконечно длинные тела свивались замысловатыми кольцами, завязывались в хитроумные узлы... А были ещё какие-то чудища с собачьими головами и с пороссячьими хвостами, перегрызавшие чужие и собственные шеи – смертельная схватка двух или нескольких сказочных существ как раз и изображала ту или иную букву. Зелёные чудища изрыгали багровые языки пламени или чёрный дым, иногда держали в лапах мечи или луки со стрелами на туго натянутых тетивах; иные из чудищ были запряжены в двухколесные повозки со щитами – колесницы... На ветках деревьев сидели никогда не виданные мною птицы с пышными хвостами и когтистыми лапами; угадывались и мелкие птицы, их гнёзда с кладками яиц или с птенцами... Рядом с птичьими гнёздами вдруг выглядывала морда обыкновенной коровы или лошади... тележное колесо, жирно смазанное – дёготь стекает каплями... печное чело и сковорода с оладьями на шестке... огородное пугало, увенчанное дырявым горшком... сотовый мёд в берестяном корце... Чего только не было на тех картинках!

Иногда изображалась уморительная житейская сценка: мужик в треухе полощет в проруби *порты*... голая баба выскочила из загоревшейся баньки с веником в руке... двое пьяных тузят друг друга и собака лает на них... кошка подбирается к

горшку со сметаной... летящая птица капнула на нос добру молодцу...

Я хохотал над этими картинками! Поначалу только они интересовали меня. Потом захотелось найти пояснения к ним, и я попытался прочесть написанное. Прежде всего мне, помнится, удалось - отнюдь не на первой странице! – прочесть:

«День тот был до полудня красен вельми, а в полдень помрачилась грозно закатная сторона неба, надвинулись тучи и разбушевались силы небесные в гневе или буйном веселии...».

Был-де погожий день, и вдруг надвинулась туча с громами и молниями по закатной стороне. Там и дальше были красивые описания ветра буйного да огненных стрел, которые *прыскали* из тучи; и о том, что *вострепета листья и травы*, замолчали разом птицы, замерли звери... Помимо живописности, что-то грозное, значительное заключалось в этих словах, некое иносказание, намёк: жили-поживали люди в радости, но произошло что-то, ужаснувшее их... Стало тревожно и мне, читателю.

Потом, уже в ином месте меня позабавили выражения: *«Меч туп, а меченосец глуп»*, *«Сидеть бы тебе, малый, на нашести с курами вместе»*, *«Нишкни, воробей, не почиркивай!»*. Фразы эти вошли у меня в обиход; я стал употреблять их к месту и не к месту, удивляя мать и своих сверстников.

2.

Разбирая текст далее, я сумел прочесть несколько строк о том, как некая Радима, должно быть, молодая женщина (сказано: *жёнка*) – чья жёнка? откуда взялась? – шла лесом и увидела пень обомшелый, поросший ягодником (небось, черничником или брусничником) на темени. Она просто шла мимо и вдруг замерла, даже вздрогнула от испуга: кора этого пня зашевелилась, и сказано было, что так-то, мол, взморщивается кожа на шее могучего *тура*.

«Что это за зверь такой – *тур*? – озадачился я. – Наверно, бык, вроде Яшки».

Яшка из нашего колхозного стада был истинно могуч и грозен – на шее у него складки, как раз вроде древесной коры.

«Наверно, он из турьей породы», - так я решил.

А Радима явственно увидела, как раздвинулись морщины по бокам пня, и между ними выглянул глаз величиной с куриное яйцо. Глаз смотрел на Радиму; она же, онемев от ужаса, не мог-

ла стронуться с места. А к ней, буровя и бугря лесную подстилку и мхи, потянулись от пня живые корни; один из них проворно переполз через босую ступню её подобно змее, коснувшись при этом очень ласково. В том не было угрозы – всего лишь прикосновение, такая осторожная звериная нежность. Но тем страшнее!

Радима выдернула ногу из-под живого корня – он был даже тёплым, почти горячим! - и отступила. Она услышала, как пень тяжело вздохнул и даже, вроде бы, кашлянул. Он словно собирался что-то сказать ей; у него открылся ещё один глаз, чуть пониже и в стороне от первого; согласно моргая, они с возросшим вниманием уставились на Радиму тёмными, будто сделанными из старой коры зрачками. От этого взгляда и от нового прикосновения подкравшегося корня она опамятовалась и кинулась бежать... а пень то ли засмеялся хрипло, то ли закашлялся ей вослед.

Я сумел прочесть о том, как жители многих селений собирались на возвышенном месте, рассаживались полукругом, а перед ними вставал отрок по имени Боброк, прозванный также Соловко, и пел дивно; голос его поднимался до небес, а собравшиеся слушали с замиранием сердец, иной раз веселились, а иной раз плакали – Боброк-Соловко владел душами их, очаровывал.

Расходились они в печали или веселии, а уходя, кланялись певуну, который волшебным образом волновал их души. Потом, в иной условленный день опять собирались на том холме послушать. Боброк-Соловко не брал с них никакой мзды, - он всего лишь скотий пастырь, то есть пастух, да ещё и *на дуде игрец, на иных звонах звонец*.

Я прочитал о том, как некая Малуша рассказывала о странах заморских; там люди будто бы рождаются, словно грибы в лесу: вдруг вспухает земля и восстаёт из неё человек ростом с гриб-боровик, уже в старческом возрасте - седоват, брадат, немощен. А где-то рядом, иногда бок-о-бок с ним, тоже подобно лесному грибу восставала из земли старушка ветхая. Они оба росли, набирались сил, заботились друг о друге, достигали цветущего возраста, обзаводились детьми, достигали юности, потом отрочества, становились детьми и во младенчестве румяном умирали, чтоб родиться по другую сторону жизни... там люди жили обычным порядком: младенцы росли и выросли, с годами мужали, потом старились и умирали в свой срок ...

Это была сказка Малуши неким девам; и сказочница, и слушательницы её были простодушны настолько, что искренне верили глупой выдумке: есть, мол, такое царство-государство, где *испод бытования земного*.

Было там ещё несколько подобных историй, занимательных или не очень, пересказывать их теперь у меня нет времени и охоты.

3.

И в детстве, и в отрочестве я был впечатлителен, пожалуй, сверх меры, к тому же простодушен, как и те девы, верил всему, что пишется в книгах, а в этой особенно. Прочитанное всегда глубоко волновало меня. Я живо представил себе, как могло бы быть, если бы сам увидел, к примеру, шевелящийся пень в лесу. Я даже подумал, что встречал такие, только они не обнаруживали себя.

Наверно, пни даже переползают с места на место, думалось мне, но делают это незаметно для людей: замирают от человеческого взгляда. А вот над той *женкой*, которая называлась именем столь непривычным для меня - Радимой - пень решил подшутить или замышлял что-то иное. Наверно, она понравилась ему. Или это был вовсе не пень, а кто-то похожий, принявший на себя его облик? Но Радима не могла ошибиться, она стояла близко!

В самом деле, размышлял я, у пней какая-то своя жизнь! Они распускают во все стороны корни-щупальца и таким образом отыскивают своих соседей, чтобы пообщаться, как это делают и люди. На ощупь узнают своих знакомых, здороваются с ними крепкими пожатиями (корнепожатиями!), а то и переплетаются в дружеских объятиях или, напротив, в борении.

Ночью мне приснилось... Нелепица приснилась! Что-то вроде лесной войны: толстые, в обхват, сосны и ели сшибались стволами, подобно богатырям, стремясь повергнуть друг друга наземь, наступали рать на рать, переплетаясь ветвями с жадой одоления... а пни в ярости душили друг друга смолистыми корнями подобно осьминогам. Всё это смешалось в невообразимую кучу... слышался ужасный скрип или хрип, треск отдираемой щепы и хруст ломаемых сучьев, тяжкие удары падающих на землю стволов...

Впрочем, погодите-ка... это ведь было не мое сновидение - так описывался сон Радимы после того, как у неё случилась

встреча в лесу. Именно ей явилось ночью *борение древесное*; она же оказалась пленницей в самой гуще схватки, выбиралась из переплетения змееподобных корней и ветвей, и никак не могла освободиться: кто-то неведомый хотел овладеть ею. Уж не она ли стала причиной лесной войны! Но появился некто по имени Млад-Воинко, который отважно врубился в самую гущу, иссекая корневища и ветки дроворубным топором, как мечом; он освободил Радиму и увёл её в безопасное место, где они *совокупися любовью*.

«Обнялись и поцеловались», - сообразил я, смутясь.

Да, это приснилось Радиме, но, клянусь, и мне тоже! Всё так же было и в моем сне: и протяжный скрип, подобный мучительному стону, и тяжкое содрогание земли при падении деревьев, и шум хвои молодых ёлочек, скачущих отрядами, подобно летучей коннице, и шорох ползущих змеями корней. Вот только не освобождал меня храбрый Млад-Воинко, я освобожден был собственным пробуждением. Но из-за этого сна, помнится, уже стал я как бы причастен к происходящему в книге, с которой и на ночь не расставался – держал под подушкой. Я вступал в тот мир, становясь его жителем. И как было не верить написанному, если в любом лесу можно увидеть погибшие, задушенные или поваленные деревья?

4.

Каждый день из книги той я узнавал о событиях и происшествиях сказочного ли, героического ли, дивного ли, а то и просто забавного содержания.

Вот некая *земляная суседка*, черна да слепа, явилась к ежу, подарила ему шубу, а скряга-ёж пожалел для гостыи даже малую щетинку. Однако, несмотря на это, заключили они крепкий союз против лисицы. *Земляной суседкой* был назван, по видимому, крот. А понимать всё это надо было как иносказание о нравах людей, что-то вроде басни: два селения, спорившие между собой, объединились против третьего, чьи охотники промышляли воровски на их угодьях....

Вот о том, что нельзя ходить в баню ночью: там-де *банник* моется – слышно, как плещётся... А жёнки-то рожали в *мыльне*! Так он иногда подменял новорождённого на своего. Растёт такое дитяtko в семье, ни на мать, ни на отца, ни на доброго молодца не похожее. Но непременно есть на нём мета: бельмо на глазу или тавро тёмное на теле, а то волосом дик или голосом

трубен, у иного *весь лик звероват* – верные признаки породы нечистиков.

Вот человек, поименованный *мужем добрым*, положил камень на два, и ударил ребром *долони*, и расколол верхний, как орех... Камень! Ребром ладони! А расколов, сказал гордо:

- Чего меч не разрубит, то разрубит моя *долонь*!

О нём же, ещё мальчике, говорилось, что-де переходил он реку Оцу по дну её, под водой, прижав к животу большой камень. Шёл от берега к берегу и, переведя дух, тем же порядком возвращался обратно.

А что это за Оца, и где она? Не Ока ли?

Рассказывалось о корове кроваво-бурой масти с виловатыми и острыми, будто заточенными рогами (подумалось: вот откуда пошло слово *рогатина*!). Она пробиралась лесом неведомо откуда и неведомо куда, но с явным стремлением и быстротою. Сороки сопровождали её, беспокойно стрекоча над нею, и была она голодна, но не останавливалась даже на травных полянах. Не до кормления было: переполненное молоком вымя досаждало ей и ярило.

В месте буреломном с коротким рыком и треском ломаемого валежника кинулся на корову ту медведь, да промахнулся: она же в ярости и страхе мотнула головой и вспорола чрево медведю, так что вывалилась требуха, а корова поскакала прочь, брызгая молоком на землю и на траву.

Помнится, смутило меня прочитанное о том, как некая вдова Каптелиница спала на широком ложе, *на шубе ильковой*, что на хорьковом меху; спала, вольно раскинув ноги под взбитым высоко подолом красной тафтяной *срачицы*... и вошел некто с улицы воровски, и *поял* её, за что был бит ею же *лвояростно*, в смирении каялся, и был прощён.

Слово «ильковая» тоже озадачило меня – поди-ка, догадайся, что это?

А какая-то жёнка, вернее молодая вдова, названная Липицей, пробираясь в дебрях лесных (а мне уже казалось, что это я сам пробираюсь!), увидела покрытого густым волосом человека... или не человека вовсе, а некое существо с головой, вросшей в плечи. Чудище это сидело в муравейнике, будто в лохани с водой, облепленное муравьями, и сладострастно охало, обсыпая ими себя со всех сторон, и хлопало в ладоши, и *кречетало* по-жабьи. Голова его была безволоса и поросла сизым мхом, какой бывает на старом дереве; на плечах короста, вроде коры

древесной, а нос имел *круглое оконечие, подобное свиному... чудище озорно и страхолико!*

Липица обмерла, и я вместе с нею... А был-то я один в избе, и уже вечерело, темнота густилась по углам. Я вздрогнул и стал оглядываться вокруг: а нет ли и в нашей избе такого чудища, заросшего диким волосом, с острыми ушами, с поросячьим носом? Небось, сидит в подпечье... или в подполе... или на чердаке...

Вот охотник именем Змеюлан – сказано о нём: *человек добр и семьянист* - в погоне за *ланию* – наверно, это олень? - провалился в ловчую яму, напоролся животом и грудью на два рожна и умирал в муках – жизнь утекала из него вместе с кровью. Был он один в глухом лесу, некому помочь...

5.

А совсем в другой яме – сказано: *в порубе* – во многих поприщах от попавшего в беду Змеюлана и не в лесу, а в немалом селении – едва ли не град - по приказу волостеля прозвищем Кормило, посажен был странный *мимоходец*, явившийся из чужих земель. *Поруб* был глубокой ямой, забранной с боков тёсаными брёвнами, а располагался позади некоей *съезжей избы*, в которой судил и рядил тот Кормило. Он-то и *приговорил мимоходца к ямному сидению* на всю ночь, до окончательного решения своей судьбы: живота ему или смерти. А за что? Да за дерзкие речи, богопротивные, охульные, за них боги могут наказать всё селение это, и тогда оно пострадает за его, пришельца, вину. И вот Кормило грозил ему ещё более суровой карой, и стража с рожном к нему приставил.

Стража того звали Маковец, должно быть, за малый рост или за что-то иное; кстати, он тоже был *семьянист*.

- Человече, - воззвал к нему рано поутру, на рассвете, пленник из *поруба*, - ты спустил мне славно зажаренную утицу - узнает волостель Кормило, будет гневен. Он ли велел тако потчевать меня?

- Я бросил тебе, яко худому псу, гузно тухлой куры, - возразил ему суровый страж Маковец. – Как велено мне, так я и поступил. Это чтоб ты не издох до того, как волостель наш учинит над тобой скорый и правый суд. А суд будет поутру - соберутся на него *лучшие люди*, терпи. Коли повинисься да покаешься да зарок на себя наложишь – попотчуют тебя батогами да и отпустят; а коли не повинисься и не покаешься – помрёшь смертью

позорной. Так пока жируй на тухлом курином гузне и будь смиренен, а не то я тебя сам живота лишу.

- Человече, - был голос снизу, из *поруба*, - ты жалостлив и милосерден, хоть и грозен в словах. Ты, а не кто-то иной, зажарил утицу на угольях и спустил мне во хлад да тьму. Вот она, та утица, передо мною, в хрусткой корочке, мясо нежно и бело – такую не в стыд и вашему черевистому волостелю подать: источает сладкий *арамат* и благовонный жир, мясо во рту куда как лакомо! То и не утица, а молодая лебедь.

И далее *нахваливал он ество красными словесами*, соблазня стража, то и дело вопрошал:

- Разве не слышишь, как вкусно мясо дичины этой? Оттого, что важная приправа у неё!

На Маковца и впрямь повеяло ветерком, он явственно ощутил *арамат* жареной птицы с какой-то приправой заморской; *арамат* такой густой, что голова кружилась, - таков бывает из стряпной избы волостелевой в дни особые – праздник Перунов, торжество Квасурово.

«А уж не прислали ли ему то *ество*, пока я дремал? - усомнился страж. – Под утро сон меня долил... и я слышал шаги лёгкие, женские. Или то мне побластилось?».

- А кто, коли не ты, спустил мне горлатый кувшин с медовухой? - продолжал пленник вкрадчиво. – Ты не пожалел того и сего для страждущего. Я перед тобой отныне в неоплатном долгу, ибо ты истинно добрый человек, а это и деткам твоим зачтётся – благо им будет.

Сладкие речи говорил, и, право, запах медовухи опять-таки явственно обонял Маковец. Ему ли не знать медовух! Третьего дня на пиру не такую ли пили по случаю рождения у волостеля шестого младенца от самой юной жёнки его? То есть пять сыновей от двух старших жён, не считая дочерей, а шестой – от третьей, недавно обретенной им силою на чужой стороне.

- Поди ко мне, попируем братски, -- позвал пленник. – Уж я-то не обнесу чаркой, как обнесли тебя на пиру у волостеля.

Откуда ему ведомо, сколь обидно было сидеть Маковцу на том пиру с самого края стола у дверей? И за гостевым столом, да не в чести.

- Поди ко мне! – это был истинно голос искуителя. - Я тебя одарю лучшим кусом, какой пожелаешь, – лебяжьей ли шеей, крылышко ли, грудку ли. Тебе у меня будет честь и место!

Откуда он взялся, этот человек? Одни говорили: приплыл на лодии с низа. Другие: пришёл пешком по берегу. Третьи:

приехал на коне... Но все согласны были в том, что он издалека, *из стран Царьграда*. А потому встречен был поначалу радушно, как богатый гость, хотя и малоимущ. Говорили о нём, дивясь: *муж телом крепок, ступание имеет кроткое, глас умерен, пищу и питье принимает немятежно, умеренно потребне зрит, в ответах сладок, и беседование ведёт в светле лице с радостью для беседующих с ним*. Жил он по дворам с почётом день и два, и с десятков. К нему шли послушать умного слова, в гости зазывали.

Однако же не всегда был разумен, речи стал говорить дерзкие, несусветные, временами словно не в себе становился: поносил богов, порывался порушить кумирню Перунову, за что был бит кулачным боем и брошен в *поруб* впредь до окончательного решения его участи волостелем Кормило. Теперь, вишь, жирует... по чьему-то соизволению. Или по чьей-то доброте? Иному человеку и в *порубе* не томительно.

- Благослови, Отче, Господь мой, на питание и ядение, - слышно, сказал пленник и даже причмокивал от сладости, а растворённый в воздухе аромат мёда хмельного стал явственней. – Благослови и стража моего, тоскует он в сердечном томлении: есть у него жёнка, а сердцем прилегает не к ней, а к другой.

Смутился Маковец! Ах, как смутился! То была тайна его, которую никому не открывал. Откуда же сиделец ямный проведаль? Уж верно говорили: не простой это гость в селении. И не зря он тут явился. А раз так, то не получилось бы от него худа простому человеку Маковцу!

- Поди ко мне! – опять позвал сиделец тот, почти повелел. - Я знаю, ты добр, хоть и изъясняешься грубо. За мягкодушие своё будешь утешен мною в печалях да заботах.

Страж, повинувшись, опустил в *поруб* бревно с поперечинами, сошёл по нему, как во сне. Но в яме той сырой, забранной заплесневелыми, осклизлыми брёвнами, не оказалось ни медовухи, ни утицы: всё обман и обольщение. Однако же ямный сиделец дружески обнял своего стража, после чего они оба выбрались наверх.

- Иди, жёнка тебя ждёт, истомилась от утреннего сна, - сказал своему стражу пленник. – Полюби её, в том твоё обретение будет, а не потеря. А об иной забудь. Разумеешь ли? Отпускаю тебя, иди.

И они расстались, пошли в разные стороны. Маковец спохватился: а ладно ли сотворил? Остановясь, оглянулся – недав-

ний пленник уходил от него в сторону слободки поречной: шагал легко, не торопясь – не как тать ночной, а как вольный человек. И поди-ка его останови.

«Наверно, не простой человек, - опять подумал страж, в котором боролись робость и храбрость. – Он чаровник и чудодей, не остановят его ни замки, ни засовы. Мне ли устеречь его! Тут надобно было четверток стражей! Так и скажу волостелю».

Уже совсем рассвело, петухи пели. Солнце поднималось из-за края земли жар-птицей – его ещё не видать, но перья вставали, пронзая тонкие облака. Страж явился домой весел, жену обнял с лёгким сердцем, не принуждая себя, как бывало прежде.

А *мимоходца* того в селении том больше не видели. Пропал без следа. И тому опять дивились.

6.

Познакомившись таким образом с несколькими героями книги, я читал далее о том, как некая дева, сидя на берегу реки при впадении в неё малого ручейка, слушала его журчание, шелест прибрежных камышей и разговор лягушек. Она вот именно слушала и разумела, о чём толкуют лягушки меж собой, даже принимала участие в их беседе!

Облик той девы был таков: распущенные волосы облегали её тело подобно струящимся одеждам и ничем, кроме длинных волос – золото с зелёным отливом - не прикрыта была нагота её, а ступни ног тонки и долги, словно рыбы плавники.

Родник выбивался из-под земли совсем рядом и тоже был живой, ибо обладал даром собственной речи или, вернее, так: его негромкий и словно бы детский лепет легко перелагался на человеческий язык, смысл же этого лепета был понятен слышавшим его. Да, пожалуй, именно так: происходил общий разговор отнюдь не на человеческом и не на лягушином языке, но таким образом, что разумелся смысл и кваканья лягушек, и журчания ручья, и шелеста прибрежных зарослей. А дева с распущенными зеленоватыми волосами тоже говорила, и её человеческую речь понимали и ручей, и листва, и те лягушки, они в свою очередь отвечали ей, говоря каждый своё и по-своему.

Это было немного смешно, потому что судачили они о прошедшем дожде, о пролетевшей цапле, о щуке под упавшим в воду деревом (а щука тоже слушала их). Разговаривали точно так же, как это делают у нас в деревне бабы у колодца, при

этом посматривали в ту сторону, где довольно далеко от них, на противоположном берегу сидели возле костра люди, недавно сошедшиеся вместе, ещё чужие друг другу. Толковали об этих людях лягушки и дева с распущенными волосами тоже, причем очень забавно, с удивительным простодушием и с насмешкой. Я смеялся, читая, и жаль мне ныне, что память моя не сохранила их разговора дословно. А восстановить теперь нет возможности, потому что в ту пору, когда книга исчезала из поля моего зрения (я лежал в больнице после дорожного происшествия, потом учился в техникуме, потом поступил в институт), она утратила как раз этот лист – кто-то вынул... или он исчез сам собой? Я и такое вполне допускаю. Хотя... зачем именно ему исчезать столь загадочно? Небось, употребили для хозяйственных нужд.

На малой картинке, помещённой тут, угадывалась заглавная буква, написанная словно бы золотом, - буква, удивительным образом похожая на ту нагую деву. Лягушка сидела на «колене» её, а на плече то ли птаха, то ли бабочка. Картинка была столь мала, что удивительно, как на ней уместились все, да ещё и побеги травные, и ветка дерева или куста, и солнечный блик на водной струе, и щучий хвост из-под упавшего в воду дерева.

Припоминаю, что ещё они толковали об утопленнике, которого несло мимо них течением реки - это был уже второй утопнувший человек за нынешний день. Этот мертвый был жив нынче поутру, но у него страшные язвы на теле, ужасавшие и лягух, и русалку.

Тут же было сказано и об охотнике Змеюлане, умиравшем в ловчей яме: он-де силен, отважен, с мужественным ликом. Однако вот не сторожко, без опаски бежал по тропе, выслеживая лося, потому и попал в беду. Уж верно, не обошлось без чьего-то злого умысла: небось, поперечил лесовику или не воздал ему чести, и тот подстроил козни... Дева та сожалела, что не в силах помочь добру молодцу, а между тем Змеюлан молод и хорош собой; кто-де может спасти его, тот не хочет сделать этого по злему нраву своему.

Не о лесовике ли речь? Или о ком-то другом? Я гадал и не мог найти убеждающей разгадки.

О несчастье со Змеюланом поведала прилетевшая сорока, названная тут как-то иначе, но это была именно сорока. Она тотчас улетела, чтоб кому-то ещё рассказать. А зеленоволосая дева и лягвы продолжали обсуждать события дня, как делали прежде и не раз, и не два.

Та дева вот какого роду...

Сказано о ней словно мимоходом, что с древности среди прочих людей, населявших землю, выделялся своим могуществом род *русов*. Из них некоторые мужеского рода обрели крылья и стали орлами, кречетами да соколами, а другие, они рода женского, переселились в реки да озёра, потому зовутся русалками.

- Мы жалеет вас, - сказали лягушки. – Вы всегда девы и не паруетесь. А без любви жить как? Скучно. Мы, лягвы, любимся и ночью, и днём, песни поём хоровые неумолчно. В том радость для нас неисчерпаемая.

- Для любви я найду себе самого красивого молодца, - ответила дева-русалка и засмеялась. – И улещу, и очарую, и совлеку с берега в воду, и будет мой. Когда Змеюлан купался в реке, я его ласкала, целовала...

Сказавши так, ловко скользнула она в воду и поплыла, поплыла вдоль прибрежных зарослей, потом пробралась сквозь тростники, пошевеливая их. Миновала бобровую запруду, пересекла глубинную часть речного русла и вышла на другом берегу, скрылась в зарослях ивняка, обеспокоив сидевшую там на гнезде выпь.

Это было написано отнюдь не в сказочном стиле – напротив, очень обыденно, словно ничего тут нет удивительного. Ну, бойкая беседа лягушек или осмысленный неспешный разговор ручья – что тут особенного? Все обладают речью: и ветер, и деревья, и травы, и вода. Если, конечно, за речь принимать шум, шелест, шорох, свист, журчание... И как не принимать, коли в них ясный смысл! Они суть выражение радости, торжества, ликования – в том смысл и суть жизни.

А что до иных чудес... ну, поплыла дева в водной глубине подобно рыбе – эго, подумаешь, диво дивное! Не она одна такова, есть и ещё.

7.

А хозяин запруды, хозяйственный бобёр, в это время тащил к своему жилью подгрызенную им накануне и поваленную в реку молодую осину – ствол её следовало утопить до самого дна таким образом, чтоб перегородить широкий проход у коряги, занесенной илом. Мимо этой коряги, словно по натопанной тропе, каждый день по несколько раз проплывала большая рыба, собирая свой корм, - пиявок, жуков, червяков... Она беспокоила бобра, потому что и велика, и глупа, и *наглодушна*; у неё

почему-то были короткие толстые лапы, как у ящерицы, хотя все прочее рыбье - и чешуя, и плавники, и костистая голова с широким ртом... Однажды, изловчаясь, бобёр ударил её хвостом по голове, но рыба ответила ему тем же; после её удара бобёр долго плавал очумелый, потом отдыхал на берегу и невесело размышлял: потому и глупа она, что сила есть, а при такой-то силе и ума не надобно.

Теперь он решил загородить рыбий путь стволом осины, трудился старательно и разумно, сообразуясь с течением реки таким образом, чтоб оно помогало ему. А ещё накануне вода принесла, прикатила по дну ломаную *бочюрку для огуречного соленья* – и её приладил хозяйственный бобёр к запруде. Так-то к месту пришлась! Но мешала осока, мешала коряга и подводный *сугорок каменный*, мешали и торчащие осиновые сучья, потому сердился бобёр и *бранился всякою непотребною позорною бранью*. Так было сказано.

А что до утопленника, проплывавшего совсем близко, то до него хозяйственному бобру дела не было, он продолжал усердно свои хлопоты и потому не увидел, как утопленник вдруг поднял из воды и опустил с плеском мёртвую руку, облепленную пиявками.

Но это увидели люди, сидевшие у костра; они встали, глядя одни озадаченно, другие растерянно, третьи с испугом... Как это так - человеческая рука поднялась вдруг из реки! Они явственно увидели это: мертвец перевернулся с боку на бок и медленно взмахнул рукой. Наверно, его подтолкнуло снизу полузатопленное дерево, тоже плывшее по течению. Людьми же у костра было сказано, что водяной любит устраивать всяческие проказы и над мёртвыми, и над живыми. Он не оставляет в покое ни тех, ни других. Бывает, оплетёт водорослями ноги купающегося человека или утащит у зазевавшейся жёнки мужнины порты, кои та полощет с мостков, потянет из рук рыбака сеть, а то и схватит иного плывущего за *таинный уд*... да ещё и хохочет при этом! А смех его - это когда видно, как из воды пузыри поднимаются чередой: буль-буль-буль. Вот и теперь это именно он, и никто иной, повернул мёртвое человеческое тело, так что рука мертвеца поднялась из воды. Испугать хотел... Он, больше некому!

Но тут же было высказано и предположение, что вовсе не водяной проказит, а сам мертвец о чем-то хочет предупредить живых, от чего-то предостеречь... Хочет, да не может, вот и

махнул безмолвно рукой. А если б мог, что сказал бы? Пожалуй, вот это...

8.

Стояла невеликая слободка названием Лотошино на берегу широкой заводи, что у реки Оцы. Жили тут все меж собой согласнo, советно – сеяли рожь и жито, ловили рыбу, собирали урожаи лесные и болотные, дикого зверя били – лосей да тура да вепря, добывали соболя, горноста, белку, лисицу, бобра...

И жил-был в Лотошине Гостята Лыков, добрый человек. Изба его под соломенной крышей стояла в самой середине слободки, старая мать в ней хозяйкой... была жена и детки – шестеро; а рядом шабры-соседи: Крик Тыртов, Семьон Сеятель, Несвит Курицын, двое братьев Домашниных – Жабка и Трубец...

Но пришел Лютомор, и теперь вот никого не стало: одни померли ужасной смертью, другие покинули слободку в страхе великом и ушли неведомо куда.

Тот недуг таков: ударит человека, будто рогатиной, под грудь, против сердца или *между крыльцами* – больной почувствует сильный жар, обильный пот выступит по всему телу и язвы откроются, дрожь его охватит, начнет харкать кровью. Прохворает день-два, редко три, и отойдет навеки. А язвы на теле – то *бесьи меты*, следы не когтей, а ядовитой слюны *бесей невидимых*.

Словно тучу заносило над Русью! – моровая напасть наступала со стороны полуденной, *из стран каменистых и неполных, а не лесистых, там летом жарко, а зимой тепло*; там люди голы, ходят пеши и необуvenными ногами по острому камению. Может, там поначалу лютовал Чернобог, а теперь напустил своих *бесей на Русскую землю*.

Вымирали целыми семьями, большими и малыми селениями, даже городами. Можно было идти от дома к дому – в них лишь *мертвецы изъязвленные*. Во градах и слободах *трупие по улицам и на торгу, и по путям, и всюду; пояша наймиты возить мертвых и хоронить в поле*. Одичалый скот бродил по окрестностям, погибая от зверей, а те тут во множестве: и медведь, и волк, и рысь, и вепрь, и тур. Рыбы, дикие звери и домашняя скотина не ведали той болезни, ибо к людям лишь воспылал ненавистью Чернобог за их гордыню, за их неуёмное стремление к свету, за их любовь к красоте – в лицах, в одежде, в жилищах, в песнях, в речах.

Наступало моровое поветрие широко, истинно как грозовая туча по небу или как весенний пал по земле или как нашествие неисчислимых племён из Дикой Степи; *и был на Руси трепет великий во всех человецех.*

Молодые и сильные перед лицом неминуемой смерти *восхоте отбежати в полунощную сторону*, то есть уходили на север, в леса. Так звери спасаются от лесного пожара – бегут куда глаза глядят, покидая родные места.

И ропот был среди людей:

- Боги казнят нас мором, овогда же голодом и огнём...

- К покорности да послушанию да ко смирению тако призывают.

- А подобает быть смиренну, кротку, не сварливу, не завистливу, не мстительну... Мы же горды, и жадны, и немилостивы.

А в Лотошине беда началась с того, что Несвит Курицын погостил у дальней родни своей и принёс оттуда *Лютоморовых бесей* - они вспрыгнули на него и прильнули к нему невидимо. Уже в пути он занемог, из последних сил едва добрался до своей избицы и слёг тотчас, и умер, а с него *беси* те скакнули на его жену и детей, с них на соседей. Скорбные, тяжкие дни наступили в Лотошине: стали вымирать семьями, а слободка хоть и невелика, но и не мала – два на десять изб по красному посаду, да чуть меньше по чёрному.

А слух-то о моровом поветрии, несущем смертельные язвы, пришёл сюда загодя, потому едва помер Несвит Курицын, едва занемоглось его жене и чадам, Крик Тыртов и братья Жабка да Трубец Домашнины да Семьон Сеятель в великом страхе ушли с жёнами и детьми безоглядно – в глушь, в леса – и пропали безвестно; может быть, тем спаслись. А кто не восхотел оставить родной кров, покинуть насиженное место, кто замешкался, тех немочь одолела и погубила до смерти.

Гостята Лыков по доброте своей ходил из избы в избу, помогал, чем мог: утешал словом, приносил водицы... А у самого поразились жена и дети, умирали на его глазах. Потом ударило и Гостяту в спину между крыльцами. На второй день болезни, собрав остатки сил и превозмогая непереносимое страдание, он обошёл село – никого уже не осталось живых. Гостята поджигал дома, помогая умершим возноситься на небеса, к богу Вышне-

му; поджог и собственное жильё, в котором лежали мёртвыми его мать, жена и чада...

Жар его томил... в голове мутилось... Вышел к реке напиться, зачерпнул воды, поскользнулся на мостках...

Такова была история того мертвеца, что плыл утопленником по реке мимо русалки на берегу, мимо трудоусердного бобра и мимо сидящих у костра нездешних людей. Должно быть, то и хотел сказать он: уходите все, уходите в леса, поспешайте, так спасётесь.

Но кто из живых людей мог его понять?

* * *

Бабушка моя, Прасковья Ивановна, жившая в деревне Хонино, была тиха и незаметна; нечего даже вспомнить о ней, разве что блины её овсяные, которые она пекла с великим мастерством, сразу на трёх сковородах. Они летали у неё по кругу: с шестка на угли в жаратке или на чугун с картошкой, оттуда на шесток; хлопнет по блину ладонью, чтоб не пузырился, и на залавок его – остывать. И тотчас на сковороду плеснёт жидкого теста... снова в печь... а уж пора выхватывать из печи готовый... ещё успевала мазнуть куриным пёрышком с маслицем льняным по блину на залавке... стопка блинов росла, росла... Это было завораживающее действие!

Бабушка напечёт блинов большую стопку, выставит на подоконник, на ветерок: блин овсяный надо есть остывшим. Свернёшь трубочкой и - с молоком. А можно и так, без молока. Они были колючие, те блины, потому как овёс мололи на ручных жерновах в сенях; случалось, и я бывал к тому приневолен. Потом муку просеивали, но всё равно мелкие овсяные остья попадали в тесто.

- Ешь, - скажет бабушка.

Но уж приласкать меня, парнишку, некогда ей: хлопот много по хозяйству.

А вот другая моя бабушка, Орина Сергеевна, умела ли печь овсяные блины? Того не помню. Она отличалась строгим нравом, лик имела суровый, голос громкий, взор взыскательный.

Шел одна тысяча девятьсот пятьдесят первый, несчастный для меня год: бабушка Прасковья умерла... а я сломал руку - то был сложный перелом с вывихом в локте. Недели две лежал в сельской больнице, потом в Калязине... И вот из-за калечества

своего в школу не ходил, и книга, доставшаяся мне, была единственным моим утешением и развлечением.

У нас в доме иногда гостила старшая сестра бабушки Орины, которую я называл тетей Сашей, потому что моя мать так её называла. Тетя Саша жила в деревне Микулкино, она не пропускала церковных служб в Спасской церкви пела там в хоре. Она заходила к сестре своей Орине или же к нам, иногда оставалась ночевать. А о тётё Саше я помню ныне только то, что она меня, парнишку, учила молитвам – это было ещё до того, как появилась рукописная книга. Мы становились вдвоём на молитву перед иконами, и я повторял за нашей гостьей:

- Богородица дева радуйся благодатная Мария господь с тобою благословенна ты в женах...

- Отче наш иже еси на небеси да святится имя твоё да приидет царствие твоё...

- Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас...

Не она ли принесла рукописную книгу на сохранение? В том я со свойственным мне простодушием усматриваю Божий Промысел: она предназначалась мне, а я ей. Наше обоюдное стремление друг к другу, надо так полагать, оказалось встречным, как взаимовлечение двух сердец. Мы не могли разминуться!

Глава вторая. Знамения.

Четыре солнца. Нежко Лунь – видение на небесах. Боги, демону, беси. Селение Посад в походе. Ночлег под повозками. Птица Нежить. Муж добр на месте лютой сечи. Ратный труд.

1.

А начиналось-то повествование на первом, увы, лишь наполовину уцелевшем листе с полуфразы: «...бысть знамение на небеси – бяху на востоце три солнца, а четвертое на западе».

Оттого-де наступил разброд в людях – не знали они в страхе, которому солнцу молиться, и в ужасе ждали беды, которая и не замедлила прийти. Явление одновременно трех великих светил на востоце и четвертого на закатной стороне неба, отчего у каждого человека стало четыре тени, равно как и у де-

рева, и у скота, и у камня, и у травного стебля, явление это опажнуло и меня, тогдашнего читателя, суеверным ужасом точно так же, как и тех людей, о которых повествовалось. Даже само по себе предзнаменование ужасало и озадачивало, не говоря уж о последствиях!

Все это было записано на первом неполном листе книги. А на следующем рассказывалось, как охваченные ужасом люди приносили в жертву богам свои дары, чтоб умиловить их: шкурки куниц и бобров, тканое полотно и вяленую рыбу, девицы отстригали косы – всё это клали к большому камню или к могучему дереву или к сильному роднику; бросали в реки и озера золотые да серебряные украшения, *земчюги* да *андракс*; совершали иные действия, смысл которых был непонятен мне.

Я очень живо представил себе: четыре солнца над горизонтом применительно к моему деревенскому миру. Появились бы три из них над деревней Суцёво, то есть на западе от моего Ремнева, четвёртое над Селятином, то есть на востоке, а потом, что же, они раскатились по горизонту? На север, где Калязин, на юг, где заречье Нерли... А может быть они поднимались прямо вверх, к зениту, сходясь в одно место, и соединились... Или всё-таки раскатились в стороны, как тележные колеса, чтобы кануть за край земли?

Солнца эти, появившись над моей деревней, непременно предвещали бы не просто беду, а что-то совершенно ужасное – не для одного человека, а для всех людей, живущих в нашей округе и на всей русской земле.

А те, что поместились в книге, извлекли из памяти своей ещё одно небесное знамение, случившееся прежде, при дедах-прадедах: *явися звезда велика, а от нея луч долог и вельми светел, светлее самой звезды, а на конец того луча аки птич хвост распростерт* – так свидетельствовали старики, знавшие о том от своих отцов или дедов. Звезда была видна не только ночью, но и среди бела дня. В ином месте о ней сказано так: *явися звезда, глаголемая копие, простираша копейным образом. Мало того, бысть тогда и буря, ею же великия дрeвеса и забрала крепкие и жилища многие от самыя земли из основания яростно исторгахуса, ветер яр дунув, многая дрeвеса ис корене всторгнув. Последовали в ту пору великий мор и глад.*

Мне представилось, что первые листы рукописи так сильно пострадали именно потому, что трагического смысла не выдержала бумага, она прогибалась под тяжестью текста, становясь ломкой. Но не зря, не зря сохранилось на остатке верхнего лис-

та самое главное – весть из неведомой исторической глубины о таких мрачных и знаменательных явлениях в небе, о грядущей всеобщей беде, которая определила течение жизни в пределах тогдашней земли, позднее названной Русью. То есть я хочу сказать, что сам этот столь значительный текст и губил, и одновременно берёг свою несущую плоскость – бумажный лист. Слова, исполненные важного смысла, не давали ему истлеть насовсем, распасться окончательно и исчезнуть. Слова имеют силу, дремлющую в них...

Впрочем, это мои фантазии.

2.

Итак, я вчитывался в странный текст, узнавая всё новые и новые ужасающие подробности о некоем моровом поветрии, последовавшем за небесным знамением – четыре солнца! – и поразившим, надо полагать, многие племена и народы не только на Руси. Написанное постигалось мною с трудом; я отступался, но, томимый любопытством, вновь принимался разбирать, что же написано.

Далее можно было понять, что земля, как место обитания всяческих существ, есть не что иное, как поле битвы сил небесных, светоносных и тёплых, с силами подземными, *мгленными и хладными*.

- Белобог – на небе, от него свет и живое тепло, он благовестен, благолепен, благоносен. А Чернобог – под землёй, он безобразен и страшен, несёт тьму и хлад, пагубу и смерть..

Так говорил человек по имени Нежко Лунь, немощный старик в ветхой рубахе (сказано: *срачице*) ниже колен, подпоясанной лыком. Ещё его слова:

- От небесного исходит добро, от подземного – зло. Между ними нет и не может быть мира. Одолеет Белобог – будем жить в свете и тепле, в любви и радости, как птицы небесные. Одолеет Чернобог – будем в вечной печали и горести, во тьме и холоде, как черви.

А слушали старика люди некоего села с названием Посад: Городило, Вятко Кривой, Орлец, Юрок, отроки Смирята, Славко, Шестунок... и прочие.

- Посмотрите, – говорил Нежко Лунь, – вот яблоня: её ветви, листья, цветы – всё стремится вверх, всё обращено к Белобогу, потому так благолепна она. Но у неё есть корни – они тянутся к Чернобогу, потому черны, безобразны.

- Корни питают деревья и траву, - осторожно возражали ему.

- Они роются во тьме ради блага; вид имеют безобразный, но тело всякого корня бело и чисто под одеждой, - терпеливо объяснял старик, склонный к подобного рода суждениям.

Его слушали с почтением, хотя и не всегда с полной верой.

- Посмотрите, огонь стремится вверх, к небу, - говорил он. - Там его родина: от молнии, от солнечного луча. А угли уходят в землю, за тьмой ночи – там им приют...

Ему опять возражали, но не очень уверенно: мол, огонь – от неба, а творит пожары, которые губят и жилища людей, и леса, и санные стога. Солнце иссушает пашню, лишает людей урожая - значит, несёт смерть. Но на каждое такое суждение Нежко Лунь находил слова убеждения:

- Не сами ли мы устраиваем лесные пожары во благо себе? И не с неба ли идут благодатные дожди, от которых иссушённая земля становится плодородной? Не огонь ли в очаге согревает нас, и не на нём ли мы готовим себе еду? Огонь – это божий дар нам.

Далее он наставлял:

- Мы, люди, должны стремиться к небу, обращать к нему наши взоры, наши долони, говорить слова приветствия – то либо Белобогу, радетелю и защитнику нашему. То ему поможет в борьбе с силами мгленными. Мы должны изгонять из себя и злобу, и зависть, и вражду – всё, что не угодно светоносному небу. Но не гневите и Чернобога, ибо мы слабы, а он могущественен; в его силах погубить любого из нас и всех вместе. Выкажем ему покорность, не творя друг другу зло ему в угоду.

«И нашим, и вашим под дудочку пляшем, - пометил в этом месте химический карандаш раба Божьего Кирилла. – Глупый старик... заблудшая душа...»

3.

Кто он таков, этот Нежко Лунь? Почему внимали ему? Про Городило сказано, что он вожь, то есть предводитель, что-то вроде старосты или председателя. А кто Нежко Лунь? Как я понял потом, он иногда завирался и говорил сущие глупости. Однако же бывал и мудр.

В ином месте он рассказывал, что видел на небе среди облаков сидевших вольно богов в белых сияющих одеяниях, и красных, и золотых, и голубых, *сияющих тож*. Они расположи-

лись широким полукругом, пили, должно быть, медовую брагу из прозрачных, словно лёд, кубков и держали меж собой совет, поглядывая вниз, на землю. Должно быть, решали, как управлять ею далее.

Среди них и чуть выше прочих сидел *велико лепый Старец*... я повторяю, как было написано: *велико лепый*, то есть замечательной внешности... в рогатом венце, с особенно грозными, блистающими очами. Борода его ниспадала волнообразно по груди и чреву. Сияние исходило и от венца, и от чела, и от очей его, и от ослепительно белой бороды, и от всей его величественной фигуры. Нежко Лунь повествовал о том радостно, с воодушевлением великим и в голосе, и во взоре.

- Была ли на нём *срачица* и *порты*, и пояс, и какого вида? – спрашивали у него любопытно. – Или был он обнажён?

Но спросивших осудили: у богов всё иное – ни *срачиц*, ни *портов*, ни лаптей или иной обуви. Но были сомневающиеся: верно ли видел богов в небесах Нежко Лунь? Может, поел чего да и *поблазнилось*? Или приснилось?

Но старик твёрдо стоял на своём, говорил убеждённо: видел! Он поведал, что на *велико лепом Старце* не было ни лёгкого платья, ни шубы горностаевой, ни иной одежды людской, а было некое *облачение* - не тканое, не шитое, а как бы из облака сотворённое.

«Потому и облачение, - подумал я, - что из облака сотворённое»

- Мы того не видели, - сожалели те, кто слушали рассказчика. – Отчего?

Он сказал, что стоял тогда на лесной поляне, сознавая себя маленьким, как самый малый из *мурашей*, небось, совершенно неразличимый сверху. Однако же был замечен, потому что один из богов, веселый, молодой, озорно плеснул на него с небес из кубка – тотчас прогрехотал гром, и пролился на поляну и на лес дождь обильный, от которого Нежко Лунь вымок весь с головы до ног, и каждое дерево тоже - от вершины до комля. А те, что восседали на небесах, заслонились белым облаком да голубой дымкой, исчезли.

Так рассказывал Нежко Лунь, потрясенный увиденным в небе.

На странице этой, где о видении его повествовалось, как раз напротив упоминания о *велико лепом Старце* стоял жирный знак вопроса, поставленный негодующим и возмущенным хими-

ческим карандашом. Такие же знаки начертаны были и в иных местах, о том придётся мне ещё не раз упомянуть. У *раба Божьего Кирилла* было немало поводов возмущаться, потому как простодушные рассуждения автора книги иногда можно было принять за богохульство.

4.

Насколько я мог понять из книги, в те поры всем миром управлял с небес Бог Вышний, он же Дид, он же Белобог. Оговарюсь, что в иных местах повествовательной ткани он назывался иначе, но я для себя выстроил их по важности, как сумел, - чтоб понятней было.

Так вот, во владении Белобога обретался необозримый мир – земля с бесчисленными реками, озерами, болотами и лесами, моря с островами, околоземное пространство с ветрами и облаками, и самым небом тоже... Одному за всем этим не углядеть – так было сказано - потому он поручил управление отдельными хозяйствами своим подручным – детям своим или младшим братьям. А те в свою очередь имели верных помощников среди небожителей - полубогов, ангелов... как хочешь назови их. У любого из слуг в ведении опять-таки неохватные пространства – ведь, в каждой стихии всяческое движение, а на земле и живность, которой надо управлять, *творить уряд*.

А миром невидимым, то есть тем, что под землёй, повелевал Чернобог. У него тоже были верные слуги для управления – демоны, только уж не белые, а чёрные. Они творили всяческие пакости и людям, и прочим живым существам. Это они устраивали ветровые вихри и бури с вырыванием деревьев, затопления водные, нашествия неисчислимой рати летающих и ползающих тварей, происки хищных зверей – это всё они, демоны подземного мира, покидавшие ради этого земные глубины; они прятались от света, будучи уже не в ночи мгленной, а во дне светлом.

Один из чёрных демонов – Лют (он же Лих, он же Мор) - ведал болезнями, которые несли неисчислимые страдания людям, пресекали жизнь всему, что ни есть на земле, будь то человек или зверь, птица или рыба, дерево или же просто трава. Этот Лют творил для всего живого тяготы и немочи. И вот теперь для людей он измыслил особенно коварный и безжалостный недуг, способный умертвить всех и каждого при жестоких мучениях. Невидимые и неслышимые прислужники его, именуе-

мые *беси*, перескакивали с больного на здорового и жалили, поражая без милосердия смертным ядом, от которого следовала неминуемая и скорая гибель. Потому демона Люта именовали ещё и Лютомором.

5.

Уж не вспомнить теперь, в самом ли начале книги, в середине ли её, открыв наугад, прочитал я о том, как снялось с места целое селение, называемое Посадом - не знаю, как писать это слово, с прописной ли буквы, со строчной ли. А перед тем, как отправиться в путь, истово помолились жители его, составлявшие как бы одно общество, подобное колхозу.

Сцена же моления была такова.

Все, как один, стар и млад, вышли рано поутру за крайние жилища, встали на колени, обратясь лицами к восходящему солнцу. Вместе с ними не встал лишь самый старейший, совершенно седой человек – это был тот самый Нежко Лунь, что лицезрел богов в небесах; он был отдельно от всех.

Нежко Лунь... Что тут имя, а что прозвище? Не знаю. Впрочем, это неважно, потому что эти два слова всегда стояли рядом и никогда врозь. *Тленный человек, а яко земной царь, только в одном селении* – так было сказано о нём с ласковой насмешкой. Он имел совершенно седую бороду, а длинная рубаха его, подпоясанная вервием, была изношена до ветхости и высветлена, как и борода. Старик Нежко Лунь едва мог ходить, едва мог стоять на ногах – ветерком его шатало! – был лёгок так, что и травы не приминал, ступая по ней. Он поднялся на круглый невысокий холм (сказано: *на опупок*) перед всеми и обратился к солнцу со вполне осмысленной речью. То есть не стал произносить каких-то бессвязных заклинаний, а просто молил освещать путь родным ему людям и согревать их. Молил он и небо, чтоб не нагоняло туч и не пугало громом, не мочило дождями и не било градом, не метало перья-молнии. Молил ветер, чтоб не валил на людей древес. При этом Нежко Лунь поднимал худые руки вверх, ладонями навстречу солнечным лучам, и казалось, сейчас он взлетит, словно тополиный пух или пух лебединый.

- Не карай птицу в полёте и до гнездования, - говорил он, возвышая голос насколько мог. - Коли она виновата, накажи её, когда сядет на дерево, совет гнездо, выведет и выкормит птенцов. И с людьми так: будь милостив, пощади их. Они спасают

себя и чад своих от ярости Лютовой. Позволь им добраться до места тихого, до места многообильного, до места надёжного – там дозрили они землю пашенную и сенные угодыя привольные.

Так взывал он, пока не обессилел. Прочие, подкрепляя его просьбы, вторили громко, произнося те же слова.

Сам он, Нежко Лунь, повернувшись к людям Посада, сказал, что решил не покидать родное место, желает тут умереть. Здесь он родился, возрос, возмужал, вырастил детей, похоронил жену свою... А умереть обещал коли не сегодня ввечеру, то уж завтра поутру наверное, потому как уже чувствует веяние крыл подстерегающей его птицы Нежить - птицы смерти.

- Я прошел свой путь подобно ручью – от малого и слабого родника до того, как влиться в большую реку, - примерно так заключил свою речь старик. – Я устал, у меня больше нет сил, я расстаюсь с вами и с миром.

Его решение выслушали с покорностью, никто ему не посмел прекословить и не отговаривал – не от бессердечия, а из уважения в его последней воле. С ним остались на время двое отроков – Торопка и Путята, а все прочие поднялись с места и тронулись в путь.

6.

Шли пешими, больные и дети малые сидели на повозках, примостясь среди домашнего скарба, сильные подталкивали повозки на подъёмах да в низинах, позади обоза гнали скот единым стадом.

Сначала двигались местами пашенными да лесом лиственным, потом начался лес чёрный. *Лешьи глаза* следили тут за ними, *Дивий голос* окликал из глухого урочища, с небес падал *клёкот орлий*. Птицы разносили весть: люди идут... куда-то двигаются мохнатой гусеницей-многоножкой - впереди дозор, по сторонам рыщут проворные отроки, позади широкий хвост - стадо. При выборе пути приостанавливались, совещались, как обогнуть чащу лесную или болотную низину, перебраться через ручей, и двигались далее.

Передние числом семеро ехали верхами; главным был Городило – *муж черевистый, рассудливый*, а замыкали это шествие опять же верховые, подгонявшие скот. Упоминались тут по разным поводам Вятко Кривой, Большак, Посеня, Юрок, Шестунок, Любослав... Они разрубали палые стволы, перегорожи-

вавшие путь, гнули на камне какие-то скобы, звонко стуча молотками, перепрягали лошадей, меняли сломанную оглоблю.

Среди женщин названа по имени Роксана с малым дитём на руках, которого она ласково называла Потешкой. Сказано было, что на Роксане той летний опашень, зеленый, подбитый мехом, с пуговками и с поясом. Рядом с нею держалась *молодшая* сестра её по имени Белица. На одной из повозок страдала недужная жёнка Ивиня, возле неё неотлучно находилась дочь её Звана, уже чья-то невеста.

Был там ещё Орлец, *добрый молодец в тафье красной*, лихо заломленной назад. (Я выписывал себе в тетраточку: *тафья* - должно быть, шапка такая). Он держался не с первыми мужами, а *со товарищи*, словно *малый князец* со своей дружиной. И что-то не жаловал Городило его, строг был с ним и даже суров: Орлец строптив и непокорлив, однако ловок в любом деле. Он сбил стрелой на лету утицу, которую потом, на привале, жарил на вертеле и угощал Роксану с Белицей...

А как велико всё это общество и сколько повозок двигалось, то не обозначено. Так думаю, что людей не менее двух сотен, а телег... трудно судить. Позади оставался широкий след - примятая трава и поломанные кусты, глубокая колея, местами исчезающая в жидкой грязи.

Во всё время пути их провожали то Полевой, то Леший, то Водяной, обретая каждый по обычаю своему тот или иной облик и выглядывая из камышей ли болотных, из дупла ли древесного, из-за пня или камня...

7.

Ночевали они на возвышении, чтоб ночной туман не пополнил, наступая из *лядин*. Для ночлега поставили телеги в две улицы, сделали пологи да завеси из молодых березок, и расположились семейно на медвежьих полстях, на овчинах, ими же и укрывались.

Перед тем ночлегом или перед следующим явились Путята с Торопкой. Они были пеши, но шли быстро и принесли скорбную весть: Нежко Лунь умер. При жизни своей он не раз наказывал не класть его тело в землю, когда умрёт, а сжечь в собственном доме, чтоб и пепел его вознесло к небесам.

Старик весь день пролежал в своей избе недвижимо, только глаза ещё были живы, он шевелил перстами и что-то говорил сам себе шепотом. Отрокам сказал слабым, неживым голосом,

чтоб поспешали, когда умрёт, потому как придут в покинутое селение *нищевроды*, меченые Лютом.

Он умер ввечеру. Путята с Торопкой просидели до утра возле его избицы, а убедившись, что Нежко Лунь не дышит, исполнили его последнюю волю с трепетом и почтением: обложили избицу соломой да хворостом, подожгли от принесенной головешки, а когда вспыхнул большой огонь – встали оба на колени и заплакали. После чего и впрямь показалось им, что словно бы тени вошли в село, потому они бежали вослед ушедшему обозу и к вечеру догнали.

Луна сияла над посадскими переселенцами, остановившимися на ночлег; на лунном лице виделись глаза под бровными дугами, и нос, и улыбающийся рот – то был несомненно божий лик, надзирающий, стерегущий мир земной и небесный. *А поелику на небеси он, светоносен, то и добр.*

В ближнем лесу кто-то ухал: «Ху-гу! Ху-гу!». Может, то был леший. С невидимого водоёма – то ли озеро там, то ли болото – доносился переклик гусей. Оттуда же слышался звонкий писк «тильк!» и стихающий птичий посвист «уить-уить-уить». Затихнет и снова «тильк!.. уить-уить».

Тихая и тёплая ночь воцарилась, отчего посадские решили, что мольбы Нежко Луня не пропали даром: они услышаны и приняты богами благосклонно, потому ниспослана эта тишина и благолепие.

От описания того ночлега у меня в памяти остался говор там и сям:

- *Летось бысть ведро вельми и мнози леса и боры и болота загораху и воздымаху.*

- *Снидет небесный блеск огнём, пламенновиден, и совокупися с молниею, и сходит долу творити сгорание – се же наречётся пожар.*

Этот *пламенновидный* огонь, *совокупившийся* с молниею, покори́л меня: как необычно сказано по какому-то поводу! А повод был тот, что в ту ночь небо вызвездило необычно, и одна звезда на закатной стороне неба светила ярче всех, ровно, без мерцания.

Две жёнки в ином месте переговаривались тихо, сонными голосами. Звучало:

- *Творимый и тестовый котлы...*
- *И судок с накрышкою.*
- *Овкachi да болванцы...*

То у них был разговор о завтрашнем дне, когда надо готовить *ество*.

Трое отроков – Смирята, Славко и Шестунок - устроились на охапках сухого камыша просто под деревом, не спали. Один из них искусно передразнивал птичьи пересвисты: и «тильк!», и «уйть». Другой унимал его: не мешай, дескать, спать.

- Вот услышит Городило, отведаешь его лозы.

- Он не отличит моего свиста от птичьего.

- *Отгони от ней облак и даждь свою лучу*, - сказал второй, но не товарищу, а лунному лику.

Это он о звезде, ровно блещущей, которую заслонило облако. Лик же лунный - лик божества небесного, назирающего землю, в его власти и отогнать облако.

- А ну как померкнет солнце и луна не даст света своего? - сказал свистевший по-птичьи. – Станет всегда ночь. Како быть нам?

- Будемо спати вечно, - отвечивал его товарищ.

- Мертвыми?

- Нет. Сон – не смерть.

- Спите! – приказал третий, уже сердясь.

Но не спали, смотрели в звёздное небо.

- А ещё бывает – вырастут вдруг рога на солнце, - молвил один из них. - Совсем как у быка, только прямые, не гнутые.

- Бывают и гнутые!

Но уже отошли ко сну уставшие в пути отроки Торопка и Путята, не добудиться.

Спал богатырским сном вож Городило, имея на десной руке голову любимой жёнки своей....

Спал лихой стрелец-охотник Орлец, раскинув босые ноги...

Спали рядышком братья - Большак, Дедилец, Мирослав, Ждан, Дружина...

Спали, обнявшись, Радило и жёнка его Дугиня, а рядом их малые чада...

Ночная птица обеспокоила младенца Потешку, он захныкал, и спящая Роксана дала ему грудь. От мелькнувшей тени она крепче прижала к себе дитя, но спросонок не поняла, кто пролетел над ними. Тут была ещё и сестра её Белица, и ещё две жёнки – не родня, а добрые соседи.

Но не спал сидевший у дымящегося костра одноглазый Вятко, в кафтанце с прохудившимися *зепами* (карманами), на-

кинутом на плечи поверх рубахи (*срачицы!*). Он помотал головой, освобождаясь от навалившейся дремоты, посмотрел на небо – стирая звезды, по нему летела неслышно большая птица. Вятко поднялся, подошел к повозке, растолкал ногою спящего:

- Юрок! Вставай... Твой черёд.

Из-под телеги вылез некто помятый, выбрал из бороды травинки, покашлял и пошел к костру. А Вятко лёг на его место.

Кое-где раздавался храп или слышалось сонное бормотание. Стреноженные лошади дремали тут же, некоторые лежали. И коровы тоже. И овцы.

Между прочим, при описании сцены этой, не заслоняя текста, был изображён во всю страницу ствол древесный с веткой в сторону, а на ветке сидела птица с опущенным вниз пышным хвостом. По древу к птице той, обвиняя ствол, подбиралась змея с узкой головой, с хищно разинутой пастью, из которой высовывался длинный язык с раздвоенным жалом на конце... Имело ли это изображение какой-то смысл по отношению к посадским людям, о том я догадаться не мог тогда, как не могу с уверенностью судить и ныне.

8.

Наутро поднялись, запрягли лошадей, уложили скарб и при тёплом, а не жарком солнце отправились дальше... медленно, иногда приостанавливаясь, поджидая отстающих, помогая увязнувшим.

Мычали коровы, блеяли овцы, фыркали кони, скрипели колёса повозок, плакали младенцы, лаяли собаки... говор людской мешался с голосами животных, передние перекликались с идущими следом. В низинах верховые припрягали своих лошадей к чужим и помогали вытащить повозки из хляби. Поклажа при этом разгружалась и переносилась на плечах.

Опять Див кричал им вослед. Опять следили за ними глаза и Полевого, и Лешего, и Водяного, и птицы передавали весть, предупреждая друг друга: прячьтесь, люди идут!

Переломилась тележная ось, наскоро вырубили новую... потерялись четыре овцы, искали их, нашли... *вылетел петел из крошни* (из корзины), большой, с багряной грудью, с иссиня-чёрными перьями по спине и на крылах, ловили его... сломалось колесо – приладили запасное....

Так двигались с раннего утра до полудня, а в полдень останавливались отдыхать. Задымили костры, скотину пасли возле,

не отгоняя далеко; дети играли на траве, женщины варили в котлах кашу из проса и гречихи, поили детей молоком. На трапезе той сидели семейно, а говор общий разбивался на несколько и опять становился общим.

- Кабы конюшню с прихлевицею да курник со свинухом...

- Не погнётше пчёл, мёду не ведать.

- В женской голове да мужеский ум...

- Обрезоша ему обе лоне с таинным уdom и, болев три дня, скончался...

То были мужские голоса, а женские с разных сторон:

- То положи в крошню, чтоб ветер заходил...

- Ту головню с прошлого года храню... Та головня из родительского очага... от неё огонь будет материн.

- А в уху тестяные мешочки с крошеной рыбой...

- Не чревом жируй, а духом ликуй...

Оглядывались назад, то и дело вспоминая покинутое *насельное место*. Посматривали на небо: не нанесло бы дождя ветром-полунощником – именно он приносит тяжкие тучи. Говорят, в той стороне соседствуют море ледяное и море тёплое, оба исходят паром, тот пар поднимается к небу, становится тучей и, несомый ветром, приплывает к иным землям, проливается дождём или падает снегом.

После обеденной трапезы отдыхали какое-то время, тихо было в становище этом, только иногда раздавались детские голоса. Но по громкому повелению Городила поднялись все, запрягли лошадей, построились в прежний порядок, кто за кем был, и двинулись дальше.

Так село Посад перебиралось в иное место, удаляясь от Лютовой ярости, и надеясь спастись в тех землях, что проведали ранее.

А в яме ловчей умирал Змеюлан, отважный и умелый охотник. Огненный жар охватил всё его тело и смертным потом покрылось оно – смерти восхотел он сам, потому как непереносимы стали страдания. Но вышла к ловчей яме девица лет десяти из тех, что проворно рыскали стороной от посадского обо-за, склонилась над ямой и услышала стон. Отбежала и стала колотить палкой по сухой стволине дерева, призывая взрослых...

9.

Раскрыв книгу в очередной раз наугад, я смог прочесть о том, как некий *муж добр*, будучи то ли воином, то ли просто путником в дальней дороге, то ли... кем ещё?.. оказался в лесу, в котором день или два назад по злоумышлению Лютову случилась жестокая битва, названная *лютой сечей*, ибо секлись тут немилосердно мечами и боевыми топорами две рати. Потому и лютая, что случилась по проискам чёрного Люта. Живых не осталось, только мертвые люди да мертвые кони среди поломанных кустов, пораненных деревьев. Тут и там валялись окровавленные мечи и поножи, помятые щиты и шеломы с забралами... оперенные стрелы торчали из человеческих тел, из мертвых коней, из древесных стволов. Было тут душно и парко от крови людской.

Павшие пребывали в тех положениях, в которых настигла их смерть: одни лежали так или сяк, другие сидели, прислонясь к стволам, свесив голову на грудь... некоторые даже стояли, застряв между деревьями, в развилинах. Тут были вовсе обезглавленные, у иных разрублены лица, шеи, плечи... иные тела пронзил меч ли, пика ли, стрела ли. У того мертвеца не было руки... а этот умер, удерживая руками распоротый живот... рядом лежал с расколотой, как горшок, головой. Местами трупы были навалены беспорядочной кучей, один на другом; мёртвые продолжали схватку, не выпуская из рук боевых топоров и мечей.

Битва была зла – истинная сеча! - но теперь в лесу стояла тишина. Ни стоны, ни крика не слышал *муж добр*, оказавшийся тут. А и сам был воин... Он, как книгу, читал то поле брани: где что происходило, кто кого одолел и как. А лес остался равнодушен к тому, что было тут меж людьми. Деревья молча страдали от своих ран, миротворно шелестела листва, и пели в лесу том *сладкогласые* птицы.

- Я сам не раз был в рати, - обронил рассказывавший о том. - Однажды мы секлись мечами с утра и до полудня... отдохнули и секлись – до захода солнца. А поутру продолжали....

Кому он это рассказывал, я не сразу понял, открыв книгу наугад. Потом прояснилось: сидели у костра он и четыре девы, а более никого, они его внимательно слушали. Был вечер тихий.

- Как страшно! – сказала одна из дев и вздрогнула всем телом.

- В битве не бывает страха, - возразил он, - равно как и жалости – только ярость. Но тогда, в этом лесу после жестокой сечи, мне стало страшно.

Сказав так, он как бы отрешился от них, словно увидел это воочию вновь.

- Я многое повидал, - говорил он. - Однажды в море корабль наш опрокинуло волнами и ветром, и мы тонули... Страшно видеть погибающих... Я видел казнь рабов – их распинали на крестах... Но ужасней всего было стоять на месте той сечи... Смерть ещё осеняла крылами то место – и лес, и мертвых. Тень её лежала там, хотя день был ясен, светило солнце.

- Это птица Нежить, - сказали ему.

- Она ещё кружила над тем местом, - продолжал рассказчик. - Я слышал её клёкот... она ликовала.

- В том была ей радость? – недоумевали девы.

- Так, - подтвердил он.

И вот то, что зловещая птица радовалась кончине множества воинов, охватывало его яростью, голос его твердел.

- Она выклевывает из человека его жизнь, - сказала одна из слушательниц.

- У неё сердце из камня или изо льда, - молвила другая.

- Так, - подтвердила третья. - Птица Нежить не ведает ни жалости, ни милости и никого не щадит: ни правого, ни виноватого, ни слабого, ни сильного. В том сладость ей – видеть, как мучается и умирает человек.

- Люди, не ведая того, исполняли её волю, а это воля Люта, - молвил рассказчик. - В том лесу, среди мертвых, я подумал: вот жатва... чья она и кому нужна? Этот тяжкий труд – ради того, чтобы убивать друг друга? А у каждого есть мать, сестра или даже дети.

- И женка, - подсказали слушательницы.

- С тех пор я не восхотел быть воином, - заключил он.

* * *

Очень живо представился мне тот лес: лучи солнца между стволами, окровавленные тела, роса на холодных воинских доспехах... и мирное пенье птах сладкоголосых. Более всего впечатлило упоминание о мирной тишине в лесу - при множестве павших только беспечальный щебет птиц.

Где это было? Почему тела мертвых не похоронены после битвы? Не могли же враги сражаться так, что не осталось никого

в живых ни с одной, ни с другой стороны. Или победители ушли преследовать побежденных ради их полного истребления, бросив павших без погребения, а раненых без помощи? Они даже не собрали оружие и доспехи.

«Битва продолжалась два дня? – размышлял я. - С отдыхами... как на пахоте... или словно дрова кололи...».

Ведь не только мечами секлись, но и саблями, и кривыми ножами, и булавами, и топорами, и некими *секирами*... если просто махать мечом в работе или в забаве – иссекая, к примеру, кусты - труд кому посильный? Сколько весил он, тот меч? Небось, не легче большого кузнечного молота. Каково махать им пусть не целый день, а хотя бы час... или два? Рука онемеет... А ведь не в мирной кузнице работа – сражение... рядом со смертью. Каково сечь живое человеческое тело, проливать живую человеческую кровь... Иначе нельзя: или ты убиваешь, или убьют тебя. А стрелы или копья, или камни из пращи? В то же время могут достать тебя пикой, стоптать конём, раздавить боевой колесницей, расколоть твою голову палицей или булавой, словно тыкву или глиняный горшок... И не присядешь отдохнуть, не скажешь врагам своим: подождите, ребята, дайте дух перевести! Так бились день, второй... может быть, и третий? Верно сказано: ратный труд – самый тяжкий труд.

«Только богатыри могли, - размышлял я. - Кузнецы, кожемяки, плотники... Значит, этот *муж добр* очень силен, если ходил с ратью и участвовал в сечах».

Сцена эта надолго погрузила меня в размышления.
Я перечитывал ту страницу ещё и ещё раз.

Глава третья. Князь Бобёр и княгиня Рысь

Двое: Млад-Воинко и Радима. Трапеза из толоконца. Злорадник. О Русском море. Ведун по имени Бубл. О Беловодье. Труж чтения был нелёгок.

1.

Далее было довольно связное повествование о том, как идут двое, он и она, из тех мест, где их *отцына своя и дедина*. Однако же где та *отцына да дедина*? Не было каких-либо понятных для меня географических названий, то есть шли эти двое неведомо откуда и неведомо куда, но ясно, что по русской

земле, со стороны полуденной в сторону полунощную, с жаркого юга, пораженного Лютомором, к холодному северу, где ночи длинные и зимы студены. *Лютоморовы беси* боятся холода и стуж, там можно от них спастись.

Я не сразу уразумел, что была и другая причина, из-за которой *утекли* эти двое с *отцыны* своей: их преследовал гнев могущественного человека. А имя ему Любослав, он назван князем *набольшим*, у него под рукой князя помельче, именовавшиеся *подколенными*.

Эти двое прятались от него, а потом бежали, зная о посланной вослед погоне. Да и моровое поветрие подгоняло их, как бы наступая на пятки. Оно уже косило людей, *яко траву*. И вот шли они поспешно и сторожко, но по мере того, как удалялись, всё смелей и смелей, то есть уже без прежнего страха, только с опаской.

Путь их был сопряжён со множеством мелких происшествий, череда которых, упоминаемых кратко, удерживала моё читательское внимание. Чаще всего это было просто перечисление хлопотных занятий: вот встали поутру и развели костёр, но отсырел трут и не удавалось добыть огня... вот подстрелили летящую птицу... вот хрустнула кочка под ногой, издав звук, подобный человеческому гласу, отчего оба остановились и переглянулись... вот пень со взморщенной корой, вдруг ожив, едва не пленил *жёнку*...

А была весна на исходе или лето в самом *начатке*. Листва деревьев и кустов набрала полную силу, являя собой торжество жизни. Повсюду царствовали жёлтые цветы – звездоподобные, чашеподобные, венцеподобные - и в особенности те, что похожи на круглые золотые бубенцы – они полонили низины и лесные поляны, теснились на опушках лесных; их рати были неисчислимы и победительны.

Реки и озера и болота в эту пору полноводны, тут и там отстаивались благодатные озерца талой воды: солнце согрело ее, она была тепла, подобна парному молоку. Потому двое путников смело пересекали мелководья, не боясь попасть на глубокое место и вымокнуть: ветер да солнце высушат. Они даже смеялись, оглядывая себя, вышедших из очередной водной купели. Смеясь, продолжали путь.

Меж собой был у них такой лад, что стоило им переглянуться, как они улыбались друг другу.

2.

Молодой муж шагал первым, юная жёнка за ним след в след. Так шли....

Тут надо отметить, что шли они не налегке, ноша у них была тяжка, приходилось останавливаться для отдыха. Вот остановились в очередной раз... Цапля совсем рядом поднялась и полетела, задевая длинными ногами за кусты. Где-то в кустах говорливо струился ручей.

- Можно тут *летовать*, - сказала жёнка, облегчённо вздыхая. - Ишь, какое *лепое* местечко.

Путники стояли возле *изложницы*, густо заросшей и отенённой листвой. Меж корнями деревьев – сплошной ковер из крупных листьев. Муж раздвинул плавающие листья – под ними вода чёрная с блеском – лесной ручей! Черна же вода – от тени и глубины, а так-то чиста. Он *почерпоща* её рукой, будто глиняной латкой, и *пьяху*, потом *ляху* на голову спутнице своей, чтоб умылась, освежила потное лицо.

Они устроили трапезу: ели *толоконец*, разводя его водою, да *рыбу щипаную*... то есть вяленую. И опять воды *почерпоща* да *ляху*.

После того пошли далее.

И раз, и два путники видели над лесом столб дыма – скорей всего горело чье-то жилище или даже целое селение небось, огнищане обычным порядком выжигают *пашенный лес*, вздирают ещё одну деревню, на нови. Так или иначе эти двое, завидев дым, из предосторожности обошли его стороной.

Даже медвежий рёв, раздавшийся в опасной близости, не мог столь насторожить их, сколь настораживали признаки близкого человеческого присутствия: охотничья тропа; затеси на деревьях, поименованные *бортными знаменами*; силок на летающую дичину, хитроумно прилаженный в кустах или меж деревьями; яма звероловная, искусно укрытая; прутяная ловушка для рыбы в заводи или просто след лаптя на земле.

Не могу объяснить, почему меня так увлекало это их путешествие. Впрочем, ясно почему: всё так необыкновенно, если принять во внимание время столь давнее... и такими словами о том повествуется - «*пьяху*» и «*ляху*», «*вздирают деревню*» (то есть новую пашню), «*почерпоща*», «*летовать*»...

3.

Однажды совсем неподалеку слышали они голоса: люди числом не более пяти шли друг за другом по лесу и перекликались, ведя общую беседу. Шагали они налегке, что означало: путь их недалёк. Двоим путникам очень хотелось окликнуть их, остановить, расспросить, но не решились. Речь этих людей была им знакома, только немного странна: произнося что-то кратко, голос говорящего возрастал и опадал напевно, к тому же они растягивали окончания слов и забавно коверкали некоторые из них. А разговор у мимоидущих был отрывочный, не всё слышно за шумом деревьев, за хрустом валежника.

- *Аще крадут у клети-и говедо-о, то убить вора-а в пса место-о!* – зло, громко говорил один.

Другой ему в ответ боязливо, остерегающе:

- *В ту-у ночь был яко-о бы курный клик и вороний гра-ай.*

И третий с гневом:

- *На нём охабень нов, с чужого плеча-а... да с ним другой охабень зуфь лазорева-а – женский, непросто-ой...*

- *Ворья повада - красть!* - громко и сердито сказал четвёртый.

- Не покараем – сами станем как тати, - это в лад им пятый.

Судя по разговору и по ярости, звучавшей в голосах, эти люди поспешали творить скорый и правый суд над кем-то, кто сотворил бесчестное дело. Они были столь захвачены этим стремлением, что по сторонам не зрели и чужих, притаившихся совсем близко, не заметили. А те, переждав, переглянулись и свернули в чащу лесную, не оставляя следов.

И все-таки нечаянная встреча с этими людьми немного приободрила их: те о моровой пагубе не говорили и страха перед нею с собой не несли. Значит, не дошла до них беда; значит, далеко она. Может, остановилась? Так-то добро бы, но вряд ли укротился гнев князя набольшего Любослава, от которого уходили эти двое!

В другой раз вовремя заметили они стадо коров и костёр возле него; трое пастухов сидели вокруг костра, вели неторопливую беседу. Та беседа была такова, что путники, оставаясь незамеченными, некоторое время слушали, рискуя обнаружить себя.

Пастухи говорили о том, что будто по реке Непре (или Вепре?) вверх по течению поднимается то *в лодейце, то пеши* по берегу человек, лицом светел, исполнен силы. Он останавлива-

ется в селениях и говорит, обращаясь к людям и к небу. Он не молод - лет сорока или поболее, а речи его странны: очень утешно говорит о всеобщей любви меж людьми, о всепрощении, о терпении. Так-то бы и ладно, но иногда речи его дерзки: он хулит богов... убеждает людей отказаться от них и поклоняться тому богу, которому поклоняется он. За то его прогоняют из селений в толчки, ему не дают крова на ночлег, на него гnevаются и даже покушались убить, но он непостижимым образом уберёгся. Сам же он незлобив и терпелив, и смирен, и рассудлив. Однако же хоть и бранят, хоть и гонят его, но всё-таки слушают и бывают смущены. Эта смута к добру ли?

Наверно, не слушали бы люди того *мимоходца*, но за словом его следует и дело: именно он, человек тот, явившийся издалека, будто бы из-за моря, врачует больных подобно целителям-знахарям. Таким образом он ратоборствует с самим Лютомором не мечом, не палицей, не снадобьями – горячей мольбой, обращенной к небу, преграждает путь его бесам, укрощает их. Именно он останавливает страшную моровую напасть - она замирает, как волна, доплеснувшая до берега и не сумевшая его одолеть.

- Он придёт к нам? – с надеждой спросил один из пастухов.

- Ждём, - сказали ему в ответ сразу двое.

4.

Двое путников переглянулись: они тоже слышали о том человеке, но иное: старый Бубл говорил совсем обратное:

- Ждите: идёт человек ликом тёмным, со вкрадчивой речью, с глазами лукавыми и лживыми, зловреден и злоумышлен. Он хулит наших богов словами дерзкими, тому радуются и Лих, и Лют. Увидите – убейте его! Иначе он погубит вас.

Бубл свиреп и злобен, он владеет колдовской силой и знает, что говорит.

- Не убьёте - наложу на вас проклятье, - сказал он,.

О том вспомнили путники теперь, выслушав пастухов.

Путь их и далее был благополучен. Но случилось однако, что некий человек, по-видимому, охотник, приметил их, шедших уже неосторожно, вольно. Тот охотник был недоброго нрава, потому наречен прозвищем Злорадник. Невидимый бес именем Лих подзуживал его, внушал тайно и коварно, чтоб Злорадник замыслил худое, потому некоторое время он, крадучись воровски, сопровождал двоих путников, словно выслеживал дичь.

Именно выслеживал, и умысел его по наущению Лихову был таков: юная женщина *прельстила собой* взор его, он возжаждал завладеть ею. Те двое проходили совсем близко от готового к злодейству человека. Он же натянул тетиву лука, и стрела с *кречатым оперением, с железным наострием* готова была сорваться и пронзить грудь идущего впереди. Но засомневался лиходея, трус им овладел.

Тот, в кого он целил, был широкогруд, голова на крепкой шее; но главное, что, наверное, и смутило злого лучника, – решительное, смелое выражение лица *жёнки*, шедшей следом за своим *вожем*. Эта не покорится никому, не совладать с нею, если стрела пронзит сердце широкогрудого, – так решил Злорадник и завистливым взглядом любовался ею: ему нужна была именно такая в жены ли, в подруги ли - невысокого роста, с благодатной грудью, на крепких ногах, с широкими чреслами, румяноликая, густоволосая. Он, крадучись, следовал за ними довольно долго, потом отстал, сожалея и досадуя.

Так же разочарованно отлетел от Злорадника, словно дым от костра, злокозненный Лих, побуждавший его сотворить убийство и силой овладеть чужой *жёнкой*.

5.

А двое шли дальше и дальше, даже не заподозрив о беде, с которой так счастливо разминулись. На этот раз они не узнали Лиха.

Они шли, стараясь держать направление таким образом, чтоб солнце по летнему-то восходу вставало у них со стороны сильной руки (десницы) и чуть впереди, а к полудню уходило бы им за спины - тогда полуденная тень каждого из них указывала бы им дорогу.

Оба они были под гнётом тяжёлой ноши, перевязанной *вервием лыковым*, - и за плечами, и в руках. Муж нёс столько, что коню впору, *жёнка* его немногим меньше, потому шли не споро, не ходко. При нём был большой нож, довольно грубо кованый, но с *остро отточенным лезом*, - этот не сломается и не погнется при ударе и в живую кость медвежьей, и в дерево. Был у него и *лук стрелебный в лубяной налучи*, был и топор. При ней же на поясе нож надёжный в деревянных ножнах на кожаном ремне, а иного оружия не несла, ибо *жёнке* защита не меч и не топор, а муж. Имей мужа, поимеешь и защиту.

Его звали Млад-Воинко, в отличие от отца, который прозывался Стар-Воин. Я сначала решил, что, судя по именам, они оба, отец и сын, были ранее дружинники – наверно, при князе набольшем Любославе, которого разгневали по какой-то причине. А потому ещё так подумал, что упомянуто к месту о жестокой ране, нанесенной Стар-Воину копьем – это было не нынче в лето, и гораздо в прошлом. Но потом выяснилось, что отец с сыном никогда не ходили в рати. Они оба - *земледельцы*, то есть просто пахари, оратаи, смерды. Впрочем, однажды случилось им и *ратиться*: на стене осажденного городка стояли! Так что умели они и меч держать, и стреляли из лука метко, а землю в ту пору пахали и сено косили только наездом - о том был у Млад-Воинка разговор со спутницей, когда шли. А что до отца, до Стар-Воина, то он лишь упомянут был, а нигде в книге потом не появился. Наверно, его уже не было в живых.

А она звалась Радимой - ещё у неё было прозвище Сурожанка, и именно она встретила живой пень, который чуть не завладел ею, как паук мухой. Радима стала женой Млад-Воинку совсем недавно, по их взаимному сговору, о чем знали только они двое. Как я понял, у них не было какого-то свадебного торжества, он просто увел её вопреки чьей-то властной воле, за что и боялись жестокого преследования, - увёл не просто так, а с бою. То есть отбивал у кого-то силой.

И вот шли они, Млад-Воинко и Радима... Он говорил, что можно им не держаться строго полуденной тени, а надобно забирать чуть по деснице-руке или чуть *ошую*, но не намного... иначе, мол, угодишь или в земли каменные, или к холодному морю, а море – это река с одним берегом, другого *не имаше*. Она же хотела увидеть такую реку и даже уговаривала его держаться по шуйце-руке, на зимний закат.

- Там *многолюдие и чуждолюдие*, - возражал он, - и чтутся иные законы и обычаи, поклоняются иным богам, которым приносят в жертву пленников и живую дичь. Там *прусы и волохи*, их князья и волостели налагают непосильное *мыто*, не зная меры, - отбирают то, что обретаётся трудом и умением.

- Откуда то ведашь? – удивлялась Радима.

- Говорили, - кратко отвечал Млад-Воинко.

Он этак по-доброму стращал её: там от них потребуют послушания и могут даже разлучить. На это Радима решительно мотала головой: нет, разлука подобна смерти.

- Туда не пойдем.

И тотчас любопытно спрашивала-предлагала:

- А если в горы каменные? Там никто нас не настигнет.

- На камениях как сеять жито? – спрашивал он рассудительно.

- Но у тебя нет ни лошади, ни сохи, ни жита, - напоминала она.

- О том не думай. Всё будет, - отвечал он беспечно.

А за морем да за горами не живут, а бедуют племена, говорящие вовсе на непонятном языке; сказывают, что они поедают своих врагов, взятых в плен, и просто пришельцев, а то и друг друга! Так Млад-Воинко говорил, а Радима смеялась и не верила ему: ведь он не бывал там, он просто слышал об этом от старших. Мало ли что говорят! Однако она целиком доверилась ему в выборе пути, а иного и не мыслила. У неё было только одно желание: всегда находиться с ним рядом. А уж куда идти, до моря или за море, в глухие леса или за горы высокие – пусть он решает. Не к чести жёнке указывать мужу, как ему поступать.

6.

В сторону, в сторону от чужих племен, что живут на берегу холодного моря! И подальше от тех, что зовутся *самоядь*. Надо идти прямо на *полунощь*, в край вольный; там не пуганы куница и горностаи, соболь и лисица; там рыбы столь изобильно, что её можно добывать без снасти ловецкой, просто голыми руками; там вольготно живут гусь и гагара, утка и лебедь, кура лесная и тетёрка. Именно потому, что там вольно, улетают туда по весне птичьи стаи. Там даже медоносные пчёлы незлобивы и не жалят людей, ягоды вызревает столь многообильно, что солнечные взгорки и опушки лесные и моховые болота покрыты ими сплошь.

Именно добрые боги правят в тех краях: один рекой, другой лесом, третий ветром и огнём. Они не корыстны, не мстительны и берут лишь дань чести и уважения, не более. Никто из них не творит зла человеку, потому что люди по сугубой малочисленности своей не досаждают им.

Так рассказывал Млад-Воинко Радиме. А ему в свою очередь о тех краях поведали старшие, ходившие на *полунощь* далеко: об озёрах со множеством островов и об островах, на которых опять же множество малых озёр со всякой дичью; о ручьях, в которых плавают серебристые рыбы, похожие на водные струи; о заводях, где живут раки величиной в мужескую пясть; о

болотах, на которых гнездится столько птиц, что если спугнуть – их стая закрывает небо из края в край и солнце, так что на земле наступают сумерки. В лесах тамошних звери и птицы вовсе не знают человека, потому не боятся его: белка берёт орехи с руки охотника, тетерева прилетают на свист его, лань подходит столь близко, что можно потрепать её шелковые уши. Земли там плодородны, воды чисты... и всё это ничьё.

А самое главное: там нет жестоких и своенравных князей, отнимающих силой чужое добро и чужих жён и карающих непослушных им смертельными обидами и самой смертью. А коли так, чем те князья отличны от Лиха, от Люта?

Подальше, подальше от княжьей ярости – к добронравным людям, к доверчивым зверям и к милосердным богам!

- А живут там лишь русичи, они же *доброзрачны, веселы, разумны, здоровы и крепкословны, правды любители, добра стяжатели.*

Так говорил уже не Млад-Воинко, а ему самому старый Бубл, добрея от собственного рассказа. Он умел волхвовать, потому знал больше прочих людей, ведал и вовсе незнаемое. Бубл называл тот край Беловодьем.

- Кто дошел до Беловодья, - говорил он, - тот уж не захотел вернуться, остался там и живет счастливо. Но путь туда долог и труден, нет торного пути ни по воде, ни по суку. Если идти туда, будут и топи погибельные, и хляби зыбучие, и дебри лесные непроходимые... однако же упорством и ярым стремлением можно всё одолеть и достигнуть земли вольной.

Млад-Воинко безоглядно верил Бублу и теперь повторял его слова:

- Самое сладкое яблочко - на вершине дерева. Самая крупная рыба – на глуби. Лучший мех – у самого хитрого зверя. Потрудишься - достанешь и сладкое яблоко, и добрый мех, и рыбу, и мёд. А само в руки ничто не пойдет.

- Самая сладкая жена – из-за моря, - поддразнивала Ради-ма. – Кто взял ту, что жила близко, промахнулся. А кто промахнулся – плохой охотник.

- Жёнка лучше всех та, что живёт близко к сердцу, - почти сурово отвечал он, не принимая её шуток.

- Значит, это не я? – спрашивала она, заранее зная ответ. – Ведь я вот она, а не там, возле твоего сердца.

Она клала свою ладонь на его широкую грудь.

- Меня там нет?

- Есть, – отвечал он. – Ты во мне, а я в тебе, и нас не разделить. Мы вместе. Вот жёлудь, расколи скорлупку – в ней две доли. Так и мы. Меж долями – малый росток, наш сын.

Этот разговор меж ними повторялся не раз и заканчивался тем, что она пылко обнимала его и смеялась, и тормошила, опять смеясь.

7.

Итак, его звали Млад-Воинко, её – Радима Сурожанка. Потому, кстати сказать, «сурожанка», что отец Радимы, Сновид Людинич, был из Сурожи, а это город на берегу Русского моря. Море же то потому так прозывается, что живут по берегам его русские люди. Они плавают по нему вдоль и поперек, словно это малое озеро или пруд. Отец рассказывал ей, дочери, что оно очень синее, то море, и потому у всех русских людей глаза той же синевы, раз они постоянно смотрят на него. В море том ловится рыба в сажень длиной, а бывают и величиной с лодку... По берегам Русского моря горы высокие, до неба, на склонах их деревья плодоносные, а в долинах текут быстрые речки, а в пещерах глубоких россыпи дорогих камней.

Ещё отец Сновид Людинич Сурожанин говорил, что когда-то давно на месте нынешнего Русского моря была страна со многими городами, в которых жили люди большого роста, светловолосые и голубоглазые. Они знали всяческие ремёсла и искусства, умели строить большие и красивые терема из дерева и камня, ткать тонкие полотна и шить из них удобные одежды, знали речь мысленную и письменную и были столь умны, что смогли сосчитать звёзды, предсказывать будущее, излечивать раны и болезни.

Бог, называемый Вышенем, то ли в гневе на гордость их, то ли из великой любви к ним изъял их страну из земли, подобно тому, как ветер вырывает из почвы дерево вместе с корнями, и унёс на небо. Теперь на месте том огромная яма, заполненная лазурной водой – Русское море. По берегам его сохранилось несколько городов от той великой страны – Царь-град... Корсунь... Сурож... Понтикапей...Троя. Впрочем, они – как слободы вокруг большого града, как щепки разбитого бурей корабля, выброшенные на берег волнами. Но, как дети похожи на своих родителей, так нынешние города по берегам Русского моря похожи на великую страну русов, взятую на небо... где она была и ранее.

Радиме приятно было сознавать столь высокое родство: она из племени людей, что живут ныне на небе и могут беседовать с самим Богом и его Божихой. Разве Радима не похожа на них? Светловолоса, синеглаза...

- Может быть, Вышень перенёс ту страну не на небо, а в иное место на земле, - размышлял вслух Млад-Воинко и показывал на полунощ. - Она теперь там, за морем.

- Но то море студёно.

- И как раз посреди – свет и тепло. А льды и снега вокруг – чтоб никто не достиг страны русов, не нарушил их вольности.

Радима догадывалась, что он завидует такому её родству, потому и возражает. Впрочем, это не зависть: ему хочется, чтоб она была ближе к нему, а не к небу, дабы не возникло отчуждения между ними.

- Почему мы не идём к Русьскому морю? – спросила Радима у Млад-Воинка.

- Там Мор лютует, - отвечал он.

- Если б не было Мора, пошли бы.

- Нет, - отвечал он, покачав головой. – Я не умею ходить морем, ловить в нём рыбу. Я хочу жить в лесу, сеять жито, бить зверя.

- А мой отец умел плавать на судне, ставить паруса.

- Что ж ушёл оттуда?

- Мать увела его.

- К лицу ли мужу идти на поводу у жёнки своей, быть слабее её?

- Так ему сердце повелело. С сердцем своим нельзя жить в раздоре. Моя мати не могла без родины своей, а отец не мог жить без неё даже на берегу своего Русского моря.

- Почему же ты идёшь за мной, а не ведёшь сама?

- Сердце так велит. Знай: мне в радость твоя власть надо мною.

8.

Во всей этой истории с перенесением целой страны с горами и реками, с лесами и озерами была явная нелепость: возможно ли такое?

- Как он вынул её из земли? – спрашивал Млад-Воинко. - Ведь не дом, и даже не город – целую страну!

Она показывала, как это делал и её отец:

- Вот так... Вонзил руки в землю... вынул, как куст вместе с корнями... и перенёс. Не всколыхнул, не расплескал рек и озёр...

- Такова его сила?

- Он Бог Вышний, - напоминала Радима. – Он может всё: и море осушить, и небо расколоть, и камень сделать водой, превратить в зверя, дереву повелит ходить подобно людям, и оно ходит.

- Вынул и перенёс, – дивился Млад-Воинко. – И города не разрушились, и реки с озёрами не выплеснулись... люди не погибли...

- Когда пересаживают куст или дерево, они не засыхают, если делать это с бережением, - объясняла Радима. - Люди заметили, что вздрогнула земля, услышали, как гром раскатился да ветер велик поднялся, но не уразумели, что к чему.

Отец прежде говорил дочери:

- Вышеньь всесилен и мудр. И земля, и небо – его владения. Делает, что хочет... как человек на своем поле. Ветром вспашет, дождем засеет, солнечным светом согреет – и вот растет по его воле всё: и трава, и деревья...и птаха поющая, и зверь рыщущий, и рыба плавающая... и человек поющий, плавающий, бегающий.

Всё это было удивительно, как сказка. Теперь она повторяла слово в слово:

- Да, Вышеньь всесилен и мудр... Ветром вспашет, дождем засеет, солнечным светом согреет – и вот все вокруг растет, и мы тут. Как всё ладно устроено!

- Так, - удовлетворённо кивал он.

- Вышеньь может рассмотреть нас оттуда? И тебя, и меня? Ведь мы так малы, коли глядеть с высоты!

- Ты же видишь малого мураша, комарие, букарицы...

При разговоре таком Млад-Воинко становился серьёзен и строг и напрягал морщины на челе. Он так нравился ей в эти минуты, что она кидалась его обнимать.

Имея его рядом, она забывала об отце и матери, потому те и не упоминались более.

9.

Они знали друг друга с детства, хотя жили в разных местах большой слободы. Однажды встретившись, еще мальчиком и девочкой, они каким-то образом сразу поняли, что Вышень уже

соединил их невидимыми узами: им хотелось видаться как можно чаще, хотелось быть всегда вместе. Когда Радиму задумал взять в жёны человек сильный и богатый, она именно к Воинку, а не к братьям своим и не к отцу, кинулась ради избавления. Те вступились бы, не жалея себя, но ей было важно, чтоб вступился именно он, Млад-Воинко. И он взял её под свою руку, как законное достояние, только ему одному предназначенное.

Сказано было: Млад-Воинко *лицем бел, очи лазоревы... на челе меж очима бороска... под левым глазом метинка*. Румянец выдавал юность Воинка, а между тем какие-то бурные события уже оставили на нём свои неизгладимые следы: нос расшиблен и покривлён, левое ухо то ли разорвано, то ли рассечено, так что мочка висела полновесной ягодой, на шуйце отсечен перст крайний, мизинный. По кое-каким косвенным замечаниям можно было понять, что он вырвался из-под гнета, наверно, из темницы, после чего вместе с нею прятался в старом овине, а потом и утёк.

С отчины своей они, двое, уходили, как уходит лисица от охотника, заматавая следы хвостом. А перед тем он едва не поплатился жизнью своей: поднял руку на ближнего к князю человека. И хоть не было в том злого умысла – он просто защищал себя и ее, но в схватке княжий человек был убит, а князь Любослав велел жестоко покарать непокорного Млад-Воинка. И схватили, и карали: *водою студеною на голову ливали, и льду и снегу за пазуху кладывали*, и жизни определили одну ночь, но он бежал.

Перед тем, как покинуть родной дом навсегда, Млад-Воинко наведился с дарами к Бублу-волхву за советом и за помощью.

Он пришёл к волхву тайно. Тот сидел перед очагом с алыми углями, в думах сидел. Выслушав Млад-Воинко, бросил на угли горсть сухой травы, потом молодого мха, а когда всё прогорело, долго всматривался в пепел, поднося к нему ладони, словно ловя жар, после чего сказал:

- Поспешай... Большая беда наступает на всех нас, словно пал по степи. Мор идет на людей полуденной стороны. Погибнут многие, но князь наш Любослав останется жив и силен, а он не забывает взыскивать долги: ты убил его родича, потому не будет тебе прощения и спасения, если не уйдешь.

- Куда? – спросил Млад-Воинко.

Бубл пошевелил тонким стеблем пепел, выкатил живой уголёк:

- Видишь? Это хороший знак.

Он опять вглядывался в пепел и огоньки в нём, разгадывая смысл.

- Иди в полунощную сторону... долго-долго иди и не оглядывайся. Ты молод, силен, одолеешь леса дремучие, реки текучие, болота погибельные... и придешь в землю, где всего довольно. Там живи. И я ушёл бы, но стар и слаб...

10.

Она, его возлюбленная, была невысока ростом, на крепких ногах, круглолица и чем-то удивительно похожа на него, как сестра. В схожести этой - ещё одно свидетельство крепости их союза.

При тяжеловатой своей фигуре Радима была стремительна в движениях, и он всегда с радостным удивлением отмечал ту быстроту, с какой она отзывалась на всё. Хрустнет ли ветка в лесу, падает ли еловая шишка, шелестя по хвое, ударит ли хвостом рыба рядом, под берегом – его подруга мгновенно повернёт голову, готовая к действию всем своим крупным, сильным телом, смотрит зоркими глазами рыси.

«Раньше она была зверем лесным, - думал он, следя за нею. – Не рыбой, не птицей, а... горностаем или куницей... или рысью».

Иногда он звал её этим именем: Рысь. Что-то покоряюще дикое было в облике его возлюбленной, и особенно в движениях – в походке, в том, как она хлопотала у костра, как переодевалась, выжимая мокрую после дождя одежду, как настилала их общее ложе для ночлега. Каждое движение пробуждало в нём радость и даже ликование: так может быть завораживающе притягателен бег волка, идущего в мах, или прыжки мышкующей лисы, или перелет соболя по вершинам сосен, или скрад рыси, готовый к прыжку, на ветвях дерева...

Он всегда любовался тем, как Радима бесстрашно входит в воду, когда они переплывали на пути своём реку: не станет пробовать воду босой ногой и вглядываться, что там? Нет, ринется вдруг, разрывая кусты, распахивая воду, как соха пахотную землю, и поплывет, сильно загребая руками и отбрасывая движением головы густые и жёсткие, как лошадиная грива, волосы на спину

Ещё Млад-Воинко с удовлетворением отмечал: что бы ни происходило неожиданное, даже такое, что угрожало бы её жиз-

ни, – выломится ли вепрь из чащи, послышится ли поблизости медвежий рык или громкий всплеск в воде неведомо кого – Рысь не отпрянет в испуге назад или в сторону, не отступит и не поспешит под защиту своего спутника – нет, она готова защитить себя сама. Да что себя! Он с усмешкой замечал, что она готова кинуться и на его защиту! Её оборона всегда наступательна, шаг навстречу врагу остерегающий – движение не юной женщины, а матерого зверя, сильного, уверенного в себе.

Нет, не отцовская кровь сказывалась в ней. Ее отец, Сновид Сурожанин, – мягкий и добрый человек. Материнская кровь текла в жилах Радимы! А мать была взята Сновидом в жёны себе дивным случаем из малого лесного селения. Там люди жили в соседстве со зверями, в ежедневном противоборстве с ними, отсюда и отвага Радимы в зыби ли болотной, в буреломной ли чаще, в глухом ли овраге – это у неё в крови. Отсюда и бесстрашие при встрече со зверем, будь он хоть матерым медведем, хоть вепрем свирепым, хоть могучим туром. Никто не купался в грозу на реке или озере, а Радима и то могла – это был её вызов неведомо кому при уверенности в своих силах.

Но Радима была мягка в обиходе, застенчива и даже своеобразно робка – при взгляде на него, при разговоре с ним, с Воинком: не осудит попусту, не поперечит ни в чем зазря, не погордится заносчиво. С ним была она податлива, как пчелиный воск, но со всеми прочими – камень.

Пожалуй, только один раз он увидел её испуганной – когда пробирались в дремучем лесу и посреди небольшой поляны увидели: *вырублена в камне человечья личина...* та личина имела поразительную схожесть с ликом его, Млад-Воинка. Радима остановилась, переводя взгляд с личины на мужа своего, и страх обуял её: почему тут его лик? А Млад-Воинко посмеялся над нею, однако от места того они ушли поспешно. И долго потом она вспоминала лицо Воинка в камне. Он тоже был озадачен, только не подавал вида. Подумал: «Кто-то шутит над нами... Зачем?».

11.

Она звала его Бобром. Ей нравилось, что он нетороплив, обстоятелен и даже несколько медлителен в делах. Из-за безделицы не вскочит, уж тем более не кинется, не побежит опрометью и, кажется, ногой не ступит и рукой не взмахнет без нужды – все у него разумно, все оправдано деловым расчетом.

Крался ли он к дичи, шагал ли в дальнем пути, рубил ли дрова для костра, устраиваясь на ночлег, - всё этак хозяйственно, основательно.

- Истинный бобёр! – говорила она, глядя на него с улыбкой.

Ей даже казалось, что он и ликом похож на бобра. И недаром, недаром кто-то высек в лесу на камне обличье его! В том какой-то знак им. Когда удалились от того места, Радима уже пошучивала над мужем, говоря, что его избрали главным среди зверей лесных.

- Князь Бобёр, - говорила она.

- Княгиня Рысь, - отвечал он.

- Все реки и озера твои.

- А тебе все леса со зверями и птицами.

Так они возвели самих себя в княжеское достоинство.

У них была жадность друг к другу; они не выпускали друг друга из поля зрения и неохотно расставались: когда он отлучался поохотиться, она ждала его беспокойно, тревожно, то и дело прислушиваясь, не возвращается ли. И он возвращался в таком же стремлении поскорее видеть её, быть рядом с нею.

* * *

Я по несколько раз перечитывал заинтересовавшие меня места. И вот странно: от каждого нового прочтения узнавал что-то такое, чего прежде не было. То есть я готов был поручиться, что книга каким-то образом пополняется... слова раздвигались, освобождая местечко, и между ними втискивались новые имена или словосочетания... или некоторые из них обретали иной, более глубокий смысл, оттого текст казался живым, он играл, как играет самоцветный камешек при солнечном свете.

Я придирчиво разглядывал начертания букв, уточнял, так ли понял, верно ли уразумел неясные для меня выражения и обороты речи. Тут надо то иметь в виду, что я далеко не сразу научился различать некоторые буквы. Например, «В», «П» и «К» писались одинаково, а буквы «Ф» и «Т» часто переходили одна в другую. Потому и «играли» фразы, меняя смысл. Но я был настойчив, и неуверенные догадки мои сменялись неоспоримыми отгадками.

Что и говорить, труд чтения оказался нелёгок, но это был творческий труд, связанный с обретением мною чего-то нового, что благотворно влияло на меня. А потому, добравшись до нижней строки на странице я, нимало не медля, возвращался к

верхней и принимался за чтение сызнова, и радовался, отыскивая какую-нибудь пропущенную мною ранее подробность. Трудности при чтении доставляли мне с самого начала не только досаду, но и удовлетворение, когда я их преодолевал. Ещё скажу: каким-то образом я стал даже себя считать не только действующим героем той книги, но и как бы её автором: воображение моё дополняло то, о чём я читал.

Глава четвёртая. Яр-Огонь.

Муж облика приметного. Баёк, он же Провор, он же Яр-Огонь. Девы Умила(Устя) и Малуша(Матрёша). Юная Янка, она же Веселинка. Ведунья и травница Ясуня. Живой топор. Шпыни Шестак-Малыга и Злобка Скосырь. В книге было молодое лето.

1.

Затейливая буква-картинка из переплетенных языкастых змей, уносимых хищной птицей, начинала главу, в которой описан был дремучий лес, буреломный, непролазный. Мхи победно напоздали тут на поваленные деревья, бородами свисали с ветвей. Могучие деревья подступали к береговому обрыву; некоторые упали, утопив свои вершины в воду, а корнями цепляясь за верхний пласт земли. Птицы – надо полагать, это были ласточки – издырявили отвесную стену обрыва подобно пчелиным сотам – те ласточки совсем недавно прилетели из тёплых краёв и теперь клубились над местом своего селения, как пчёлы возле улья.

Красный лес был по обеим берегам. Сосны подпирали небо! Река словно разрезала этот лес, словно совсем недавно проломилась сквозь чащу да и потекла дальше, раздвигая берега. Бор этот сосновый наполнен был щебетом птичьим, словно людским говором на многолюдном торгу. Казалось, птахи стремились во что бы то ни стало перепеть, перекричать, пересвистеть одна другую и делали это с восторгом и самозабвением. Всё было полно движения – воздух, вода, облака, травы...

Стайка птах – я понял по описанию, что это были чижи – порхала, поглядывая любопытно на расположившихся *по крут-цу* людей – они сидели тут совместно, однако же каждый на особицу... сказано: *мужи и девы*.

Гонимые моровой язвой, молодые и сильные, они *восхоте отбежати в полунощную сторону*, то есть на север, в леса,

уходили поспешно, оставив под родным кровом нажитое добро, в растерянности и глубокой горести. Ещё сказано было о них, что все они *единцы безженнии, бесчаднии, бездомовии*. Их остановила эта река с названием Оца, а подошли-то сюда каждый своим путём и вот остановились передохнуть, ещё незнакомые друг другу, обсуждали, как перебраться через реку и надо ли перебираться через неё; не лучше ли плыть по течению или идти берегом. Разговор же вели *с пенями да сокрушениями, с тугой да печалью*:

2.

Перед ними весело потрескивал костёр, но развели его не по нужде, то есть не для обогрева или приготовления еды, а ради общения. Костёр объединял этих чужих друг другу людей.

Более других заботился о нём человек облика приметного – о нём сразу было сказано, что это *муж добр*. Поначалу он любовно сложил грудку из *дровяного нащепы*, а потом ударил *долонями* одна о другую и возгласил:

- Встань, огонь!

Голос был повелителен, исполнен силы, но дровяная грудка не шелохнулась. Однако девы заметили у него кремёнок и кресало, и при ударе искры пали в пучок сухой травки.

- Как бы не так! – насмешливо молвил детина, сидевший тут. – Не тебе повелевать огнём.

Но *муж добр* сунул затлевший пук травы в дрова, и потянулась вверх кудрявая струйка дыма, а следом пробился язычок пламени. Девы переглянулись. А тот, кто повелевал огнём, воспринял это, как должное, и продолжал подкладывать щепу и сухие прутья бережно, несуетливо, словно священнодействовал.

Клёкот сокола падал с небес, пугая малых птах и мелкое зверьё. Сказано было о нём так:

«Красносмотрителен и радостен високова сокола лёт».

Это была одна из тех самых первых строк, которые мне удалось прочитать; она очаровала меня, я повторял её вслух. Станным образом красивая эта фраза соотносилась с человеком у костра, хотя он ничего ещё не совершил, кроме того, что возжёт огонь.

Он был *густобрад и зерк, и долголик, с седоватой володю*. Ещё о нём было сказано, что-де телом *бьяше красен...* то есть *роста доброго, статен, плечист, тонок в чреслах*.

«Зерк» означало, как я решил, не просто с зоркими глазами, а и «проницательный умом»; а *володия* - это шевелюра. Что же касается слов «*муж добр*», то речь не о добросердечии его, а о том, что человек достойного поведения и похвального нрава. Возраст его назван: тридцать лет и три года, то есть ещё не стар; а что седина в его *волосах* и в бороде, так тому были причины, о том речь впереди.

Одет он был добротнo: нательное - из *тафты*, *порты* из *киндяка*, с широким кожаным поясом...

Не понял я, что такое *тафта* и что *киндяк*, но можно было догадаться, что это не простые ткани, уж верно добротные и нарядные.

Ещё он носил в правом ухе серьгу с прозрачным камушком – эта серьга иногда ослепительно взблещивала на солнце; коли попадал кому в глаз выскерк, ослеплял на один миг. На поясе нож в кожаном *поножи*. И вот ещё что: был он бос, но имел сапоги из выделанной козловой шкуры, хоть и ношенные, но ещё крепкие; они стояли под обрывом, поверх брошен зипун лазоревый на меховой подкладке, и ещё некий кошель неведомо с чем, и лук в *налучи*, и колчан со стрелами. Всё говорило о том, что имущий человек, хоть и не богат, - самовластелен, и в поведении своём самостоятелен.

Держался он на особицу, лишних слов не ронял; внимательно слушал и тем самым как бы участвовал в общей беседе, но сам ничего попусту не говорил. Однако же и не молчалив был, мог и кратко сказать, и обстоятельно поведать. Речь же его изобличала в нём человека *рассудливого*, доброжелательного, но и сурового. В другом месте было сказано, что он *крепкорук*, *дерзкосерд* и *лвояростен*. Последнее случилось с ним внезапно, как вспышка молнии, - это когда он впадал во гнев.

А имя ему... в разное время носил он разные имена. В малом возрасте звали его Баёк, потому как заговорил, едва родившись, - так утверждали отец его и мать то ли в шутку, то ли всерьёз. А подросток – дед, бравший его с собой на дальнюю охоту, нарёк Провором, потому что расторопен и сметлив оказался внук, и неутомим в пути ли, в делах ли.

Это именно он, будучи отроком, удивляя всех переходил по дну глубокую реку, прижав к животу большой камень.

Когда подросток и ещё не совсем возмужал, стал он подручным у коваля Ходаты, тот имя ему дал - Яр-Огонь - за то, что огонь любил: горн ли в кузне, костёр ли в лесу возжигал легко и

просто, словно тот того только и ждал, чтоб вспыхнуть от его повеления «Встань, огонь!».

Но было в его неторопливых, степенных движениях, во всей его повадке что-то такое, что заставляло думать: не прост этот человек, потому так высоко себя ставит.

Девы переговаривались меж собой:

- Отчего на землю нашу беды всякие: или глад, или мор?

- Или чужая рать...

- ...или иные напасти да скорби.

- Не потому ли алкают её, что красна да благодатна, всем любя: и людям, и богам?

Муж *добр* сказал:

- Как не любя земля наша! Гляньте вокруг: река многоводна... лес красный, стволы сосен до неба... птахи поют сладкогласно... травы вольно да радостно цветут... В чужих землях и цветы не пахнут, и травка не шелкова. Там пыль да сушь, песок да камение, а вода солона и мутна, питье не утоляет жажды.

- Откуда тебе то ведомо? – спросили девы.

И смотрели на него, испытывая взорами: что за человек? Не о нём ли слух идёт по земле?

- Там *ослие дикое* бродит стадами, подьёмлет пыль и прах, - продолжал он, - а пыль хрустит на зубах, глаза от неё плачут.

- Что есть *ослие*? – спросила самая младшая из дев.

Он ответил:

- Лошадь малая с заячьими ушами и с хвостом, как у теляти.

Смех был ему ответом, но смех опять-таки невеселый, *кручинный*. Смеялись, а *очима печаловались*.

3.

Как я понял из дальнейшего повествования, отец Яра по имени Вышата был медник: делал посудины из меди *домовой ветошной да из новой красной*. Домовая ветошная медь – это, надо полагать, старые ломаные вещи, бывшие в употреблении у очага. Ну, а новая, она новая и есть. Только неведомо, откуда бралась и какой вид имела.

А жила семья эта в слободе возле града, к которому приплывали торговые лодии издалека, даже из-за моря. Место бойкое... Вышату Гордынича убили на торгу лихие люди, а Росица, мать Яра, вскоре померла *от столбовой порчи*.

Сиротами остались пятеро малолетних братьев Вышати-чей: Добровит, Домажир, Ярунко-Провор, Климьята и Сторонька. Их приютили родственники – разобрали по семьям. Яра вырастил дед-охотник, промышлявший в разных местах зверя пушного; он брал с собой внука, приучая к своему ремеслу, будучи уверен, что внук станет именно охотником, когда вырастет. А ходил-то дед на дальние промыслы, где, по его расчёту, можно добывать пушнину, не делясь с владетельными людьми, – соболи да горностаи там не пуганы.

В селении дедовом было немало покалеченных от зверя – того кабан посёк острым клыком, этого медведь лапой достал и скрючил, а кого-то загрызли волки. А Ярунко, ещё отрока, лось ногами топтал, а другой *рогами бол*, но не было ему равных среди сверстников: метко стрелял, был неутомим в гоне по следу и бесстрашен.

Однако же не стал внук охотником: поскользнулся дед на лесине сырой возле медвежьей берлоги, и задрала его медведица. Осиротевший Яр плотничал в артели братьев Ждановых, был подручным у коваля Ходаты, кожевенному ремеслу учился у Вяхиря Овражного, а когда возмужал, был взят на службу к князю Родославу Добрыничу, стал воином в его дружине.

Где княжил тот Родослав, осталось для меня загадкой – назывались по той земле городки да слободки – Малча, Люботин, Славень, Дугинец, Куря, Млынъ, Самостоев – но они, как я выяснил потом, не занесены в летописи, а если и занесены, то где та летопись? С княжеской дружиной ходил Яр на реку *Боронез* и в *Тмуторокань*, он *зрел очима своима всю ту землю*. Случалось и сражаться на ратном поле.

Прозванье – Яр-Огонь – закрепилось за ним, когда взяли его от подручного Ходаты-коваля в дружину ко князю Родославу Добрыничу. Князь же возлюбил Яра за то, что не было ему равного в бою, а ратиться приходилось князю часто: никак не мог закрепиться на отчем столе. Истинно *лвояростен*, а вернее, безоглядно отважен был в схватке сын медника Вышаты, внук охотника Гордыни. В начале вроде как медлителен, в схватку вступал нехотя, а разгорится – не унять. Яр-Огонь – так звал его и князь, проведая, что ранее он так прозывался.

4.

А по-над лесом этим, под соколом тем, что пугал малых птах, неторопливо летел чёрный аист. Другой ему навстречу

призывно трещал клювом; *куковица*-езгуля окликала, звала кого-то; и ворковали неподалёку от людей лесные горлицы стайей, и чижи любопытно порхали в береговых кустах.

Аиста проводили настороженными взглядами: точно ли птица? отчего так черна? и почему не страшится сокола? Что высматривает тут? А ну как сядет к ним да и молвит человеческим голосом, что тогда?

Но *езгуля* окликала так утешно, словно известить хотела: не страшитесь... Аист опустил куда-то в лес: небось, лядина там с лягвами – нет ему лучшего кормления, *понеже лягвы те*. И солнце светило приветно, и ветер был ласков.

- Кручины лишней не берите на себя, - сказал *муж добр* от костра.

Он вступал в общий разговор кратко – скажет и замолчит. Словно камушек положит.

А как не кручиниться, коли позади у каждого страх и ужас, утрата родного дома и близких? Часть души отсечена, и рана словно бы кровоточит.

Никому не удавалось выжить, если поразила его та страшная болезнь, но вот чудо: выздоровел один из тех, что сидели теперь у костра, – рослый детина именем Шестак, а прозвищем Малыга. Он среди прочих *хотел быть наибольшим от убожества и малоумства своего, понеже скудота у него разума и всяким добрым делам*. Так о Шестаке Малыге перешептывались две девы, севшие теперь рядом, бок-о-бок.

- Ежова кожа, сомовья рожа, осетрова спина, - тихонько насмешничали они над ним.

А Шестак Малыга поведал хвастливо, как у него во время болезни *выступила железа* на шее, а *на стегне явился желвак*, какой у иных бывает от болезни той за пазухой или на спине. И вот жар у него был - словно *уголие* в него насыпано или *каменное* раскалённое, и дурная кровь выходила наружу через язвы. Бесчувственно лежал он рядом с мертвыми... но пришел ночью некто тёмный, большой, волосатый, и вывел его из душной избы, сказав: «Иди... потом позову!». Полумёртвый детина сразу почувствовал облегчение, пошёл куда глаза глядят, и вскоре исцелился насовсем.

- Но не светел обликом он, как вы брехали, - сказал детина угрюмо, - а вовсе напротив, тёмный и страшен. Я видел его ясно и слышал его дыхание, потому сужу знаемо. А вы не видели, не ведаете, меж вас одни только пустые слухи да *лжа*.

- Кто же это, по-твоему, был? – спросили у него в страхе.

- Сам Лют, - убежденно отвечал Малыга. – Больше никому.

- Может, тебе побластилось от телесного жара? – сказала самая рослая из дев. - Может, кто-то надел шубу овчинную мехом навыворот да и объявился тебе, чтоб напугать до смерти, чтоб помер ты и далее не мучился?

Он только свирепо оглядывал всех.

5.

Во всё время общей беседы Яр не сидел праздно, искал себе дела: вырыл яму на месте пробивавшегося рядом, под берегом, слабого родничка; потом как-то очень ловко, словно играючи, вытесал и сложил в той яме малый срубец, подобный колодезному, глубиной в локоть, а русло выложил мелкими камнями. Родниковая водица заполнила его срубец, по деревянному лоточку упала тонкой струей, зажурчала и устремилась под уклон, к реке. Муж *добр* послушал ручьевого голосок, чем-то остался недоволен, потому пошевелил камни, переставил их местами, и голос ручья стал явственнее. Вот теперь Яр был удовлетворён.

Он всё делал как-то очень красиво – *лепо!* - рубил ли, строгал ли, тесал ли, сидя на корточках у костра... вдруг легко и упруго вставал и шагал. При этом взглянет на небо, на реку, на лес - на лице его отражалось раздумье. Улыбнется скупой на слова беседующих или принахмурится, кинет внимательный взгляд на говорящего – всё не зря, всё со смыслом. Его сопровождали взглядами.

Девы поглядывали на Яра с приязнью и любопытством. А двое *лытателей по градам и весям* совсем напротив – дерзко, вызывающе. Шестак Малыга язвительно сказал товарищу сидевшему рядом:

- Поддай эту сухостоину седоватому старику по немощи его.

Яр на дерзость такую никак не отозвался, но некоторое время спустя, сказал как бы для себя, как бы рассуждая вслух, и при этом даже улыбнулся:

- *Старость вельми крепльши уности. Уность многажды надеющихся телесной крепости, в непослушании водима есть... потому внезапно погибает.*

Прозвучало, как предупреждение, но ни Скосырь, ни Малыга не уразумели того, не озаботились, - наверно, из-за улыбки, с какой было сказано. Улыбка, вдруг словно освещавшая лицо Яра, покоряла любого.

Отойдя от родника, он обратился к костру: обложил его камнями по кругу, чтоб огонь не убежал по сухой подстилке в лес; рубил сухую дровину своим лёгким и чрезвычайно острым топором, имевшим странную, необычную форму, – что-то похожее и на топор, и на секиру; кривое *лезо* ослепительно взблескивало на солнце, как и тот прозрачный камушек в его серье. Взмах руки – мгновенный сверкнувший круг – и сухое дерево срезано, будто тростинка. Как-то очень легко рассёк он эту лесину на части, уложил в костёр, и тот отозвался благодарно: затрепещал весело, пламя поднялось торжествующе.

Яр поигрывал своим топором, а тот был словно живой. Казалось, не рука направляла его, а напротив: «живой» топор тянул за собой руку, готов был вырваться и полететь, подобно тому чёрному аисту над лесом. А носил его *муж добр* на поясе в кожаной петле, но чаще держал в руке, словно это продолжение её. Он не боялся затупить его, копал им и землю, а когда на то указали ему: мол, попортишь *лезо* – отвечал, что топор этот трудно наточить, а коли заточишь, то трудно и затупить.

- Он может рубить и камень, – ехидно подсказал Злобка.

- Рассеки вот этот, – предложил Шестак Малыга, показав на большой валун у воды.

Но Яр только глянул на него остро и не отозвался.

Он опять отошёл к своему родничку, с серьёзностью на лице понаблюдал за ним, слушая его журчание – что-то детское проступало в его лике. Вот он зачерпнул водицы широкой ладонью, словно ковшом, и попил, а потом и вовсе припал к родниковой струе губами.

- Кто на море не бывал, *тот воду нападкой не пивал*, – в желании ехидствовать над ним заметил Злобка.

Он заметил на его ногах чуть выше щиколоток раны, уже зажившие, хитро посмеялся и сказал что-то сидевшему рядом Шестаку Малыге. А Яр, не обращая на них внимания, отправился по берегу собирать дрова для костра, хотя в том не было особой нужды: солнце уже припекало. Он искал себе заделья, чтоб не сидеть праздно.

6.

Он был неутомим и, по-видимому, находил душевное успокоение лишь в деле, а праздности чурался. Топор его то и дело взблескивал на солнце, и блеск этот завораживал; потому и ка-

залось, что он живой, сам взлетает, играя, а хозяин едва удерживает его, словно охотник ловчую птицу.

Тут упомянуто было, что на топоре том вытравлены *мечевые письма*, нестираемые, вечные, они со старанием были прописаны в книге, но я не смог прочесть.

- Дай мне, - сказал Шестак Малыга повелительно и протянул руку, когда Яр проходил мимо.

- Глаз твой жаден на чужое, - сказал Яр, приостановясь, и посмотрел в глаза детине.

Это как-то сразу укротило Малыгу: не слово сказанное, а взгляд.

- Сей топор нельзя отдать в чужие руки даже на краткое время, - сказал Яр примирительно. - Он упал с неба, как кус железа, и не поддаётся ни огню, ни молоту. Но я навёл-таки лезо и сделал ему эту рукоять, теперь он мой навеки.

Шестак Малыга хоть и сник, но он отступил лишь на время, решил выждать более удобный случай.

- Погоди, - сказал он сам себе глухо. – Посмотрим.

- Я сплю с ним, как с женой, - сказал Яр с усмешкой. - А женку свою можно ли дать кому-то...?

И усмешка, и спокойствие, и речь его раздражали Шестака Малыгу, пробуждая в нём ярость.

- Зачем тебе жена? – сказал этот детина и переглянулся со Злбкой. – Ты уже сед, значит, немощен, ни на что не годен. только пареную репу жевать.

- *Старость вельми крепльши уности*, - повторено было уже не Яром, а там, где сидели девы.

- Ты был рабом – вон на ногах у тебя след от железных пут, - сказал Шестак Малыга. - Ты приобык гнуться, потому и не тщишься... Не бывать зайцу волком, а *гвору* соколом.

- Не тебе, шпынь, корить меня рабством! – мгновенно вспыхнул гневом Яр-Огонь.

Но усмирил свой гнев усилием воли.

- Ишь, лук у тебя богатый, – заметил он в свою очередь, посмотрев остро. – Под рогами золочён... То не княжий ли доспех? Небось, краденый? Не могу думать, что добыт тобою в честном бою: ты ведь не воин. И не могу думать, что сам изготовил: ты ведь не умелец.

- Откуда тебе ведать, воин ли я, умелец ли? – сердито отвечал Шестак.

- Видно птаху по полету, зайца по помёту, - сказал ему Яр.

- Добра молодца *по возгрям*, - добавила Устя.

Янка засмеялась звонко. Детина же в ответ Яру и Усте выговорил бранные слова.

- *Студословец*, - молвила Устя и отвернулась.

- Лук надежный – как друг сердешный, - загадочно молвил Злобка Скосырь.

Из такого разговора следовало, что добру меж ними не бывать, а быть худу. По-хорошему не разойтись этим людям. Малуша так и сказала негромко, словно для себя:

- Не бывать согласия у огня с водой.

А детина достал откуда-то свой топор – тот был тяжёл: обыкновенный, дроворубный, на грубой дубовой рукояти.

- Будем меняться, – сказал он, не вопрошая, а как о деле решённом.

- Меч туп, а меченосец глуп, - отозвался на это Яр. - Сидеть бы тебе, малый, по чину твоему на заднем нашесте с курами вместе. А ты в набольшие норовишь.

Сказал и отошёл от него.

- Личико беленько, да разума маленько, - сказала Устя, посмотрев на Шестака Малыгу насмешливо.

7.

Наверно, от *скудоты ума* детина рассказал не к месту, как третьего дня в лесной чаще зверь зловредный набежал на него, и он, Шестак Малыга, *учал его бить ослопьем да криквами*, так что тот *в бою крехтел*.

Из рассказа его мне, читателю, можно было понять, что *криквы* те – лесины с комлем, а *ослопье* – что-то вроде оглобли. И не сразу уразумел я, читая, что бил он этак не кого-нибудь, а медведя. Медведь тот чуть не задрал до смерти некоего Ратиславца - так загреб лапой, что у неprovорного малого *жилы и персты сволокло крюком*. И быть бы, мол, Ратиславцу мёртвым, если б не *ослопье* в руках детины: бежал медведь в трусе великом.

А что-то плохо верилось в молодецкую удасть Шестака Малыги, хотя детина он по виду его в силе. Как-то просто всё у него получалось в рассказе и про избавление от болезни, и про схватку с медведем - слишком храбрым и мужественным выглядел, тогда как Ратиславец, если верить на слово рассказчику, неповоротлив был да трусоват, за что и поплатился.

А небось не зря такое имя дали тому Ратиславцу! Ведь храбро вышел он на медведя, просто не повезло добру молодцу. Зачем было Шестаку Малыге понапрасну чернить его! Но чего ждать от малоумного! Помимо того, что глуп, ещё и хвастлив. Свирепством своим во взгляде и голосом трубным, и широко расставленными маленькими глазами в белесых ресницах он и сам походил на зверя, хоть бы и на медведя.

На него смотрели с удивлением и страхом. Ужасала и болезнь, которую он одолел с помощью неведомого ночного пришельца и которая, наверно, еще гнездилась в нём: как бы не перенесло её ветром на других! Пугали и его блёклые глаза, смотревшие на каждого в упор, с вызовом. И уж совсем худым повеяло, когда он, не таясь, рассказал, как, выздоровев, нанялся вывозить мертвых из некоей слободы на скорбное место и там класть в общую яму. Но старшина слободской, его нанявший, умер и сам в одночасье, не заплатив наёмнику за работу хлебом, как обещал, потому Шестак Малыга ушёл, взяв себе в товарищи Ратиславца. А по пути в месте диком повстречалась им медведица, с которой они и задрались. Пожалуй, всё так и было: он одолел медведицу - такой вполне может справиться. И храбр он более по глупости, а не от мужества своего. И так бывает.

- А что с Ратиславцем?

- Остался болеть, - кратко сказал Шестак Малыга.

Значит, бросил товарища. За то его укоряли, на что он сказал:

- Я не слуга ему.

8.

Рядом с ним, словно *гридень* при князе, держался его новый товарищ примерно того же возраста, то есть лет возле двадцати с небольшим лишком. Звали его Злобка Скосырь - что тут имя, а что прозвище? Был он небольшого роста, не дюжий, но *ловкий телом и дерзновенен, как разбойник, на словах и во взгляде...* И ещё: по тёплому времени на голове носил он шапку с лисьей душкой поверху, шапка та называлась *кучмой*. Ещё было сказано: в колчане у Злобки Скосыря стрелы *кречатьи*, и что он *ловец лют, смышлён*, но более всего охоч до потехи кречетиной...

Впрочем, нет, я ошибаюсь: это отец его именем Завид ловек был в кречетиной забаве, служил при некоем *князце* Луко-

славе Охотнике... Потому он *князец*, а не князь, тот Лукослав, что владел градом малым и был под рукой у князя *набольшего* Святовида, который сидел во граде Славене *на отчем столе*...

Однако хоть и мал князец Лукослав, но ловчий двор имел богатый и гордился им безмерно. Вот при нём-то и ведал кречетами да выездом Завид. Он жил однако не при дворе княжеском, а *на воле*, в стороне, *и на ловы ездил с ястребы, с соколы, и с кречеты, и псов множество имаше*. От отца кое-чему научился Злобка и взят был в *ловчие* при княжьем дворе, но скоро проворовался и был изгнан сначала Лукославом со двора, потом и отцом своим, Завидом, из родного дома. После чего отец и сам *обвиноватился* перед господином. Завид *много плакастася от хуления его*, а потому продал дом свой и вместе с семьёй переселился в иное место, там его и настигла моровая пагуба.

Такова была предыстория Злобки Скосыря, но он о том умолчал тут, у костра. А сказал с важностью, что был-де в великой чести у князя, но ушёл о него, воли захотел. Для придания себе важности сказал, что купил-де на торгу коня и поехал на нём.

- А отъехав гораздо, *увидех очима своима*: ноги-то у коня *человечьи*!

- Это бывает, - подтвердил Шестак Малыга с самым мрачным выражением на лице.

- Я исхитрился и вспорол ему брюхо, выпустил черева, чтоб он не мог меня догнать, и убежал.

Злобка Скосырь всем видом своим показывал, что признаёт Шестака Малыгу за более сильного, но отнюдь не за более умного, потому усмехался коварно, когда Шестак говорил что-нибудь невпопад. По всему было видно, что неверный он человек, этот Злобка Скосырь, готов в любую минуту отступить от своего товарища и перекинуться к другому, более сильному. Впрочем, какие они товарищи, коли встретились в этот день, а ранее вовсе не знали друг друга.

Автор книги заметил без обиняков, что оба они, Злобка и Шестак, не кто иные, как *лытатели по градам и весям, ежели есть шпынь*.

«*Шпыни* – это, по-нынешнему говоря, шпана, - решил я. – Вишь ты, и тогда была шпана, и ныне».

9.

В толстых корнях старой сосны, что тянулись отвесно вниз по обрыву, можно было рассмотреть вход в земляное убежище. Перед входом натоптана площадка, и *стёшка* от неё мимо *виловатой елины* к воде говорили о том, что место это обитаемо уже несколько дней, и не зверями, а людьми. А жили в укывище этом две девы, Устя и Матрёша.

Именно так прочитал я поначалу их имена: Устя и Матрёша. А понял свою ошибку не сразу. По-настоящему-то они звались Умила и Малуша. Но я уже привык к их неправильно прочитанным именам, и никак было не отвыкнуть. Если с «Малушей» я смирился, то «Умила» не приживалась в моем сознании. Так что, если я буду называть одну из дев то Матрёшей, то Малушей, знайте, что речь об одной. Про «Умилу» же давайте забудем, она - Устя. А впрочем, как хотите. Можете вместо имени «Устя» сразу подставлять «Умила». Но я этого делать не стану.

На моё тогдашнее понятие имена эти – Матрёна и Устинья – к лицу лишь старухам, а не молодым девушкам, каковыми были только что упомянутые героини рукописного повествования. Меня смутили эти имена (напомню ещё раз: прочитанные неверно), но потом даже понравились, при повторном же чтении они уже не казались «старушечьими».

А самая юная из дев ходила, заметно прихрамывая. Её звали Янкой, а ближе к середине книги Веселинкой, потом Яниной, и только в самом конце имя это естественным образом превратилось в Анну. Но пока что она была Янкой и отличалась смешливостью, подчас неуместной: о смерти ли речь шла, о болезнях ли – ей и страшно, и весело. Юную Янку матерински осуждали взглядами и Устинья, и Малуша, но она, понимая их упрёк, не могла превозмочь себя.

- Сестрица, разуйся, дай глянуть, - распорядилась Матрёша ласково.

Та разулась: так и есть, стёрла пята, потому что обувь у неё с чужой ноги.

- Надо целить, не то злая рана вспухнет, скоро раздерётся, и великая кровь истечет.

Малуша добыла два камушка из своей сумы, потеряла один о другой, серой мучкой этой присыпала больное место, что-то шепча и жарко дыша на него, крепко сжимая щиколотку Янки. И вот рана уже не кровоточила, а словно промоину малую ледком, стянуло её коросточкой.

- У Малуши бабка могла любую рану залечить, - тихо сказала Устя сидевшим тут. - Вывихнутую руку или ногу вправить, лихоманку усмирить, кровь остановить...

- Ты знала её бабку? – спросили *лытатели*.

- Нет, но слышала о ней. Да и кто не слышал о бабушке Ясуне! И дочка её, Малушина мать, тоже многое могла... Такая у них семья. Ясуня лекарка была, ведунья; на неё накнулись *Моровы беси*, от того и померла.

При этих словах победно усмехнулся Шестак Малыга и переглянулся с товарищем своим.

- Что ж не одолела *бесей*? – спросил он. – Али не помогли ни заговоры, ни снадобья? Коли так, то и это пустой брех: не была она ни лекарой, ни ведуньей.

- Тех *бесей* заговором не унять, - сердито молвила Устя. - Всем ведомо, что Ясуня отрубленный перст или даже руку могла прирастить! А *беси* то смогут?

Тут даже Яр с сомнением покачал головой:

- Нет, того никто не может. Видел я немало отрубленных рук и ног и голов, потому знаю. Меч сломанный можно соединить в горну да на наковальне, а живую плоть не срастить. Что отсечено, то утрачено.

- Небось, не одни добрые дела могла она творить, но и пагубу, - предположил Злобка Скосырь. - Пошепчет, погладит – и станет рука лягушиной лапой... или обрастет человек шерстью, аки вепрь или медведь...

На это отозвалась Малуша сердито:

- Бабушка была вельми добра к людям, про то все ведали. Она о себе не помнила, когда целила других, потому и немочь её постигла. Доброе ли ей сделал человек, худое ли – она целила и того, и другого равно.

- То верно, - подтвердила Устя. - От моровой болезни всех по ряду лечила, не убоясь и зла на обидчиков своих не помня.

Матрёша добавила:

- Бабушка пагубы никому не творила, хотя могла, ей то было по силам. Я тоже что-то злое могу, но не стану. Так и она. Только добро от неё было. Бельмо с глазу снимала, желвак на теле разглаживала без следа...

- Враждующих мирила, гневливых умирала, отчаявшихся ободряла, - это Устя в лад с Малушей.

- Скажет иной жёнке: родишь зверя в шерсти – и родит, - ехидно молвил Злобка, змея запазушная.

Шестак Малыга тоже что-то добавил от себя.

Тут Малуша встала, топнула ногой и молвила с неожиданной силой:

- Будете порочить бабушку Ясуню – нашла на вас порчу! Обрастёте щетиной, аки вепри!

И оба-два молодца смутились, промолчали. Малуша же, успокоясь, молвила:

- Она не только лечила, но и узнавала судьбу каждого из людей: добра ли ему ждаться, худа ли...

- Гадала по *воронограю*, *куроклику* и *ухозвону*? – улыбнулся Яр.

- По угольному пеплу в костре гадала, по рыбьему зраку, по ивовому дыму, - перечисляла Малуша. – По текучей воде, по ночному клику в лесу.

- На торгу в греческом граде Эфесе ворожея предрекла мне в скором времени смерть на кресте, как рабу, - сказал Яр словно бы самому себе. - Где тот крест и где та смерть? Два года прошло, а я жив-здоров. А в Корсуни красавица-гречанка нагадала мне по воронограю: сидеть, мол, тебе, *муж брадатый*, по правую руку от князя, как самому важному гостю на пиру... Где тот князь и где тот пир?

Злобка Скосырь хохотнул и повторил:

- Где тот князь и где тот пир!

Но сказанное о том, что бывал он в греческой земле, произвело впечатление на всех, на него смотрели с ещё большим интересом и приязнью.

* * *

К тому времени, как книга попала мне в руки, образование мое шестиклассное было не таким уж малым по понятиям в нашей-то сельской местности. Обычно мальчишки и девчонки у нас в деревне едва добивались до третьего-четвертого класса, а больше-то и не требовалось для колхозной работы. Я же слыл грамотеем сызмала; именно меня, а не кого-то другого, заставляли читать вслух газету, которую выписывал председатель сельсовета, после чего газета шла на курево. Я в полной мере осознал вопиющий недостаток своих школьных знаний, лишь заполучив в своё владение эту написанную пером, а не напечатанную типографским способом книгу, в которой и буквы имели незнакомый мне облик, и слова многие непонятны, и рисунки загадочны.

Я с упоением погружался в тот мир, где шумели девственные леса, а в лесах то и дело ревели медведи, трубили неведомые мне туры... в речных заводях то и дело вскипала вода – это всплескивала играющая рыба... в небесах кружились орланы и кречеты, пролетали лебеди и журавли... белые цапли бродили по болотам, испуганные утиные стада поднимались с тех болот, закрывая небо... в светлых ручьях и речках изобильно водилась незнакомая мне белорыбица и стерлядь... А люди красивого и мужественного облика совершали простые и вместе с тем героические поступки вопреки воле недобрых богов.

Не знаю её названия, потому что отсутствовали титульные листы, а на кожаной обложке никаких слов я не смог различить. То есть они были когда-то оттиснуты, но стерлись, сгладились. И вообще вид у книги был ветхий, трёпанный; она была так стара, что выпадали листы.

Как вспомню... Ударили первые крепкие морозы, а вскоре деревню нашу занесло снегом, между избами сугробы в рост человека налезали на низкие крыши дворов, подступали к окнам; в колодцах выросли наледи – не достанешь воды, ведро застревало в сузившейся горловине сруба; луна всходила в радужном ореоле, и само солнце казалось заиндевелым.

А в книге было молодое лето: солнышко ликовало, ветер шелестел листвой деревьев и кустов, травы расцветали, птицы щебетали и промышляли о корме для птенцов...

Глава пятая. Лики людей и лики богов.

Рисунок на камне. Птица-семиглавка. Птичий язык. Как разбиться на пары. Схватка. Гнев Яра. Трудности пересказа содержания книги.

1.

Ещё одна дева, а вернее, молодая женщина – жёнка! - сидела на особицу, и не обращала внимания на прочих, не слушала, кто и что говорит. Прекрасные глаза сияли на её лице, а брови на высоком и чистом челе были, небось, как раз те, что называют соболиными. Так и было сказано: *брови ея соболиные...* А ещё о ней же: *роста середнева, но стройна, доброноса, лепа, велеока, руса власы, поступь несуетна, голос тих и чарующ...* Что-то ещё было отмечено в ней и всё в похвалу, да

уж я позабыл: не скупился неведомый автор книги на лестные слова об этой жёнке.

Здесь, на берегу реки Оцы, она ещё не наречена была никаким именем, потому что не назвалась никому, даже когда её о том спросили. Но потом было витиевато написано её славянское имя - Липица. Было у неё и ещё одно, о том речь впереди. А одета по сравнению с другими богато: в *ластовице-рубаше из голубой тафты с поясом шелковым, рдяным*, поверх того *епанечка*, расшитая дивно, и в расшитых же сапожках из хорошо выделанной кожи; при ней шубейка лапчатая лисья лежала рядом. Эта жёнка была явно не из простых людей, потому как руки тонки и белы, лицо нежно... Да всё это ничто, а вот глаза её, как сказано в книге, просто покоряли каждого, завораживали. Чудный свет излучали они, дивный был взгляд у этой жёнки! Потом уж, где-то в середине книги сообщалось вскользь, что и мать её слыла красавицей, и бабка, и прабабка. Род их на Тане-реке, *иначе зовомой Танаис*, – словно шелковая прядь в конопляной кудели.

Она сидела на стволе дерева, упавшего с берегового обрыва к воде, и в задумчивости рассеянно рисовала что-то на большом камне, до которого вода доплескивала лишь в самый полный разлив, а теперь он был сух и гладок. Рисунок её изображал лик мужественного человека, его широкие плечи и грудь. Рядом, чуть ниже, личико дитяти с большими, ясными глазами. Яр, проходя мимо, глянул бегло и остановился поражённый: очень уж примечательны писанные образы - оба лика, и малого, и взрослого, были прямо-таки живыми. Должно быть, отец и сын... брови черны, глаза сини, губы рдяны, у старшего борода кудрява...

- Чем ты пишешь? – спросил Яр.

- А вот... *хлапы*, - сказала Липица. – Здесь на приплёске собрала.

Она показала ему на ладони несколько камушков - зелёный, красный, голубой, чёрный...

Хлапы!

Липица произнесла именно это слово! Оно поразило меня вот почему: в ручье, что течет мимо нашей деревни и называется Ир, на перекатах были целые россыпи маленьких камней и среди них эти самые *хлапы* – по сравнению с другими более мягкие камушки, ими так способно было писать и рисовать на больших валунах!..

Но я был всегда уверен, что это слово - *хлапы* - выдумали мы сами! А если и не мы, если от кого-то слышали, то всё равно оно было сугубо местное, изобретенное в нашей деревне и нигде более не употребляется. И как было не удивиться, когда я встретил его в книге той!

Оттого, что Липица произнесла это слово, оттого, что держала *хлапы* на ладони своей, доверчиво показывая Яру, она тотчас стала ближе ко мне, и это как бы связало её с моей деревней... и со мной тоже... этаким мосточек перекинулся оттуда сюда, из далёкого прошлого ко мне.

Красный камушек она называла рдяным, черный – аспидным, голубой – *блакитным*. И так каждый цвет именовался иначе.

Хоть и отвечала она Яру, и камушки показала, но сделала это не просто, а со снисхождением, как малому дитяти.

А на камне большом и у младенца, и у взрослого волосы из-под *наголовья* выбивались кольцами, на плечах у старшего перекинута *корзно* с ярко-желтой застёжкой, тут сверху вниз по краю камня написаны два слова. Яр прочел их: «*Злат*» и «*Ждан*» - должно быть, дорогие ей имена.

- Смоет первым дождём, - сказал он, сожалея. – Пропадёт, зря трудилась.

- Не зря, - ответила она ему. – И слова, и дела наши отражаются на небесах, там видимы и слышимы.

Через некоторое время, опять проходя мимо Липицы и приостановясь возле неё, Яр сказал:

- Я видел за морем головы людей, сделанные из камня... и не только головы, а во весь рост.

- Я знаю, это их боги, - отвечала Липица. – Там поклоняются им.

- Они стоят, как вживе, иные в доспехах и на коне, или со змеем, или с быком, или со львом - и в борении, и в играх, и на пиру... а иные в любви.

На последние слова Липица осуждающе отозвалась:

- Бесстыдно то.

- Но в радость их лицезреть, - возразил он. – Они не пробуждают худых мыслей, не на потеху сотворены, а чистоты душевной ради. Душа играет, когда лицезрешь их.

Девы обеспокоенно и ревниво поглядывали в их сторону: почему он к ней подходит? Им не слышен был разговор, но видно лицо Яра, говорившего что-то с волнением. Самой догадли-

вой оказалась Малуша, она сказала негромко, ни к кому не обращаясь, но слышно всем:

- *Не взирай на красоту женьску и сердцем не жадай.*

- *Изнуряша себя алканием,* - молвила в лад с нею Устя с усмешкою.

2.

Между тем малая птаха, почему-то названная *семиглавкой*, сердилась на людей, расположившихся на берегу реки. Гнездо *семиглавки* было устроено в дупле осины, близ которой сидела Липица, а поверху иногда наносило дым костра. От дыма у птах малых слезились глаза и першило в горлышках, птенцы дружно и очень жалобно пищали. *Семиглавка* трогательно утешала их человеческими словами, а когда они все-таки поднимали жалобный писк, сердито строжила: нишкните, мол, а не то разорят наше жилище. Она именно строжила, то есть выговаривала им сердито, досадуя на беспутных, праздных людей, не имеющих своих гнёзд и птенцов.

Устя с Малушей прожили тут какое-то время, выкопав в обрыве *кельюшку*. Можно было подумать, что та же Липица тут жила, а к ней прибилась Янка. Но нет, не могу себе представить красавицу, к тому же богато одетую – как она оказалась тут? - и, наверно, изнеженную, в той земляной норе. Ведь было сказано: тесная земляная *кельюшка*, словно медвежья берлога, над нею сплелись корнями могучие сосны. Тут, мол, жила одна из дев, к ней присоединилась другая как раз накануне того дня, с которого начиналось повествование.

Их разговор утренний:

- *Сон виде... истекоше неведомо откуда великие стада единошерстни зверие и волцы выющие.* Вот и пробудилась.

- *А по мне поползе множество жужелиц и червей множество... и змея ехидна, что чад своих ненавидит.*

- *Она поедает их.*

- *Чада, спасаяся, прогрызают чрево её и выходят.*

- *А вчера приснился единорог - зверь, подобный коню, един рог имат во главе, вельми же крепок и страшен...*

- *Зачем таковы сны? Многи человецы неразумьем веруют в них, видя судьбу.*

- *И в сон, и во встречу, и в полз, и в птичий грай.*

- *То загадки загадывают нам.*

- *Кто?*

- *То есть ещё одна загадка.*

Этот разговор был ранним утром, между двумя девами, когда всех прочих не было тут. Медвежьи следы легли на песок неподалеку от временного человеческого *укрывища*: зверь приходил нынче поутру – спустился с обрыва совсем рядом, где *древо елинка небольшая*, долго стоял на камнях возле заводи и вдруг стремительным прыжком настиг добычу – большую щуку. Слышно было, как он чавкает, как ворчит, чем-то недовольный. Насытившись, медведь ушел в лес, не заметив затаившихся под корнями людей – ветер дул на него не с их стороны.

3.

О том рассказывали теперь девы у костра – а кто именно из них? - отчего вся компания развеселилась немного. А то всё был у них тревожный, печальный разговор. Говорили, что Лют лютовал в иных землях всю зиму, а там зима тепла. Теперь вот по весне идёт на Русь с неисчислимой бесовской ратью.

- Кто-нибудь из нас несет на себе Лютову мету, - сказал Злобка. - Его беси прыгают с больных на здоровых, пятнают.

- Особливо любят неумытых и нечёсанных, - добавила Устя. На это Шестак Малыга *ругахуся непотребно*.

- Лисица рече: о, злодей мой, проклятый кур, что ты когтишь меня, яко врага? – нараспев проговорила Малуша.

Янка засмеялась, и Злобка Скосырь хихикнул.

- *А хто груб да глуп, хто крадлив да ленив, ни на что не пригодитца*, - бойко продолжала Малуша, ни к кому не обращаясь, а как бы для себя.

Устя высказалась решительнее:

- *Иные, на такого дурака глядя, испортятца*

Детина был озадачен и весёлой дерзостью Малуши, и решительностью Усти.

- Злоречивой хоть язык обрезать – она перстом наживает, - наконец, нашелся он.

- Они прежде были жабами с бородавицами, - сказал Злобка Скосырь, чтобы поддержать товарища.

- А ты червем в свином помёте, - отвечала ему Малуша, рассердясь.

- Обрати этого детину в вепря, а того в хоря - посоветовала Устя - Пусть бегает по лесу, и волки их дерут.

Девы засмеялись, а «вепрь» и «хорь» мрачно переглянулись. Воистину они были похожи один на вепря, другой на хоря. Так и следовало их наречь.

Тут прилетела и села совсем близко от Малуши-Матрёши – только руку протянуть, и поймает – птаха нарядная: спинка зелена, хвостик чёрен с желтыми полосками, и брюшко тоже зеленато. Птаха была столь доверчива и отважна, что того и гляди сядет кому-нибудь на голову. На неё глянув, засмеялась Янка.

- Наверно, никогда не видела людей, - сказала она о зеленушке. – Думает, что за звери такие – на двух ногах. Сама тоже на двух, так думает, небось, не родня ли мы ей.

- Что-то поведать хочет, - одними губами тихо молвила Малуша и протянула руку чуть в сторону, чтоб не испугать гостью.

Птаха тотчас перепорхнула к ней на ладонь. Теперь её можно было рассмотреть всю, каждое пёрышко. Примечательнее всего были бусинки черных глаз, смотревшие очень умно. Она попискивала тихо-тихо, перепархивая по ладони. Малуша что-то шептала ей, и зеленушка отвечала. После такого их взаимно «разговора» зеленушка вспорхнула и улетела.

Янка следила за всем этим с изумлением.

- Что она тебе сказала? – тихонько спросила Устя у Малуши.

- Нам надобно уходить наборзо, - отвечала Малуша. - То её совет.

4.

Злобка Скосырь оглядывался на Липицу, сидевшую отдельно, – та по-прежнему не принимала никакого участия в разговоре, продолжала писать *хлапами* на большом камне. Видимо, это занятие было для неё превыше прочих, а всё происходящее словно бы не касалось её. Но вот она заметила, что и к ней примерился коварный хитрый Хорь, что усмехнулся он с непонятным смыслом, потому гневно нахмурилась.

«Что ж, и на самую норовистую лошадь найдется узда, - так подумал Хорь. – Она одна, не призрена никем... Куда ей податься ныне? Надо иметь рядом мужа, он оборонит и от зверя, и от лихого человека. А я ли не обороню?».

Шестак напыжился и заявил вдруг, что у него на реке Лисице есть родня, место там доброе. Он, Шестак Малыга, пойдет туда и поведет с собой кого захочет. А теперь из всех сидящих

тут дев он одну оставит своему товарищу, а остальных возьмет себе.

- Поделим по-братски: две тебе и две мне, - с неожиданной твердостью в голосе возразил ему Злобка.

- Возьмешь одну, - решил Шестак Малыга, обрета свирепое выражение на лице.

Он встал и подошел к Усте:

- Ты пойдёшь со мной. Уразумела?

Не просил, а приказал.

- Чтоб я стала женой *волочуги безродного*? – словно вслух размышляя, молвила Устя. - Не бывать тому!

- Или ты будешь при мне, или жизни лишу! – прорычал тот, становясь истинно вепрем.

То была совсем не пустая угроза.

- Что ж, возьмешь меня мёртвую, - отвечала ему Устя.

Но, кажется, тем самым она еще больше понравилась Шестаку Малыге. Он схватил её за руку. Устя вырвала руку с такой яростью, что он опешил. Но не отступился - грубо обхватил её... может быть, намеревался связать, как пленницу? Она же опять вырвалась, при этом выхватила нож, который был спрятан у неё на поясе и взмахнула им с такой яростью, что детина отшатнулся.

- Прочь от меня, шпынь!

Девы заволновались, закричали. А Яр внимательно и почти спокойно следил за происходящим. Подошел к костру, стал готовить *дрвяной нащеп*, взмахивая топором. Но то было спокойствие человека, в любое мгновение готового к решительным действиям.

- Я тебя буду *кротить*, подобно дикой кобылице, - пообещал Шестак Малыга Усте, но в голосе его уже не было прежней уверенности. – И обуздаю, и приручу, и будешь послушна.

И сказано было в книге, что сравнение с кобылицей справедливо по отношению к Устинье, рослой, сильной, диковатой.

- Разве мы звери? - воскликнула Малуша. - Так ли надо между людьми? Мы можем договориться по-доброму.

Шестак оглянулся на неё выжидательно.

- Зачем хочешь взять Устинью силой, когда нужно, чтоб она пошла своей охотой? – улыбнулась та. - И кобылицу кротят не кнутом, а добрым словом да лаской, и деву приручают так же. Али ты того не ведашь?

Она как бы намекала детине на свою помощь в этом деле, и пошутила, как посоветовала:

- Не будь тем, чем ворота-то запирают.

Шестак Малыга отступился, сел на прежнее место.

Как раз в эту минуту стайка чижей прилетела на осину, что наклонилась с обрыва над Липицей. Чижи порхали, пересвистывались, поглядывая на людей, и Малуша сказала, что они тут неспроста, они присланы присматривать за спорящими.

5.

А дальше случилось вот что: и Устя, и Малуша, и Янка, пошептавшись между собой, заявили, что дальше они пойдут с Яром, если будет на то его соизволение. Они сказали это очень смиренно, назвав его по имени-отчеству - Яр Вышатич, и все вместе смотрели теперь на него. Откуда-то знали, как его зовут-величают!

Шестак Малыга и Злобка Скосырь переглянулись, усмехаясь криво.

- Он уже седой, - сказали они девам. – От него у вас не будет приплоду!

А те в ответ на это опять укорили их за скудоту разума и студословие.

- Он стар и скоро умрёт, – возвысил голос Шестак Малыга.

В голосе его прозвучала угроза. Вот теперь Яр, до сих пор молчавший и делавший вид, что всё это его не касается, посмотрел на детину внимательно. Взор его был тверд и неуклончив. Однако на этот раз решимость Шестака Малыги было не угасить только взором.

- Откажись от них, - сказал он требовательно, при этом красноречиво положил руку на пояс, где был у него нож.

- Отступать не в обычае моём, – отвечал им Яр. - Я принимаю их под свою руку.

Его решительность озадачила Хоря и Вепря.

Между тем три девы неспешно перешли по берегу к Яру.

- Тогда будем биться на ножах, - угрюмо буркнул Шестак Малыга. - Зачем тебе жены? Ты уже стар. У тебя седина в *волондии*.

- О смерти думай, а не о жене, - дерзновенно вторил ему Злобка Скосырь.

- *Язык обостриша, яко копие*, - насмешливо отозвалась на это Янка, которая теперь осмелела. – Сомовья рожа, ежова кожа...

Тут про детину и его товарища было сказано, что они громко *ругахуся*, что от *диавола их усты глаголюще*, но их брань не пробуждала ни страха, ни гнева в Яре. Он ободряюще кивнул девам, успокаивая их:

- Пусть лают. Негоже лаять и нам.

А чижи, порхавшие по деревьям, были совсем рядом и оживленно перекликались, словно хотели что-то подсказать людям. «Чиви-чиви», - попискивали они. Да поди-ка пойми, что они советуют.

- Брат, - сказал товарищу коварный Злобка Скосырь, - они выбрали его в мужья себе, не станем противоречить! На то их вольная воля.

- Я не уступлю ни одной, - свирепо отвечал ему Малыга, глядя угрюмо, и встал. – Сойдёмся на ножах.

- Выслушай меня, брат, - остановил его Злобка. - Он им уже муж, они его выбрали. А теперь сделаем их вдовами и поделим снова! Тогда всё будет честно и по справедливости.

Это понравилось Шестаку Малыге, он даже повеселел тотчас.

- Выйдете на меня по одному или оба сразу? – поинтересовался Яр с явной насмешкой.

- Я с тобой, - тихонько сказала Устя Яру, вставая бок о бок. – Их двое, и нас двое.

Это была девица-воин. Яр оглянулся на неё с интересом.

- Не говори с ними, не роняй себя, - посоветовала Устя. - Надо прогнать их прочь, аки псов.

- Пусть покажут свою доблесть в бою, - отвечал он. - Не мешай, в бою мне нужен простор. Случалось стоять и против четверых.

Между тем Злобка Скосырь подсказал товарищу тихо-тихо:

- У тебя знатный лук, застрели его во око, чтоб не портить шкуру. А шкуру напаялим на корягу ту.

Он показал на рогатую корягу, наполовину утопленную в воде. Шестак Малыга поднял лук с золочёными рогами, сказавши:

- Отступись, старик! Или они сейчас станут вдовицами.

Стрела легла на тетиву, и тут Яр сделал шаг навстречу ему - казалось, сейчас его топор опишет свой блистающий круг и раскроит голову детины. Вместо этого Яр стремительно на-

гнулся, подобрал камень-голыш и метнул с такой меткостью, что угодил детине как раз в межбровье. Шестак упал навзничь.

Яр подошел к упавшему, нагнулся над ним: нет, не мёртв, дышит. Сказал:

- Так карают пса, а не воина. А лук его будет моей ратной добычей.

- Отпусти меня, - сказал ему Злобка Скосырь, струсив, и положил свой лук на землю в знак покорности.

Яр отвечал ему:

- Я не жаден до мщения.

- Не может свиной хвост с конёвым в ладу быть, - насмешливо молвила Малуша.

Она почему-то отнюдь не испугана была происходящим, словно знала наперед, чем всё кончится.

- Лодейцу возьми и отплывай, - разрешил Яр. – Лук свой возьми, негоже охотнику без лука. Да товарища своего не бросай!

Малуша между тем принесла от родничка пригоршню воды, плеснула на окровавленное лицо Малыги. Он застонал, попытался встать и не смог. Яр кивнул Злобке: мол, помоги товарищу. С трудом поднялся на ноги поверженный детина, провёл рукой по мокрому лицу. Малуша дала ему широкий травный лист, велела приложить к ране, сказала:

- На тебе, как на звере, заживет скоро. А наперёд будь разумен: с умным не бранись, с сильным не дерись.

Оба-два шпыня влезлоша в лодейцу и отбегоша.

6.

То была, как оказалось, лодейца спаренная, то есть из двух стволов древесных долблена, - неуклюжа, в ходу небыстра, но устойчива.

Но схватка еще не закончилась! Когда *лытатели по градам и весям* уже отплыли, началось *лучное стреляние*: вдруг стрела вонзилась рядом с Яром в ствол дерева, отколола щепу. Тотчас вторая просвистела над его головой. И третья готова была сорваться с тетивы лука в руках того, о ком было сказано, что он дерзновенен, как разбойник, хотя и не джуж: Злобка Скосырь целился, упираясь коленями в борт, но лодейца качалась, ему было не утвердиться. *Муж добр* уже овладел луком Шестака Малыги, и теперь его стрела впиалась в смоляной бок лодки-набоиницы. Злобка же Скосырь отложил лук и стал поспешно

грести веслом, чтоб поскорей удалиться. Шестак Малыга ещё бессильно сидел, он был ему не в помощь.

Набоиница плохо слушалась, Злобка замешкался, и вторая стрела угодила ему в руку над локтем. Видно было, как он дёрнулся и прилёг, скрываясь за бортом, а лодку уже выносило на стрежень. Она поплыла вниз, относимая течением и ветром.

- Опричь смерти ничего не наживешь себе! – крикнул издали злобный *шпынь*, почувствовав себя в безопасности. – Мы вас настигнем! Ждите нас и днём, и ночью! Будем скрадывать вас, как глупых утиц!

Но это были угрозы от бессилья его. Шестак же Малыга, доселе на днище лежавший, еле-еле приподнялся, сел, и погрозил кулаком. Яр не стрелял в них более.

7.

Лытатели по градам и весям пребывали во гневе и раздражении, обидчика своего называли не иначе, как *лосём рогатым*, ярились и грозились. Лодейца двигалась тяжело, Злобка грёб, озлясь ещё более от этой работы, а Шестак лежал, растянувшись едва ли не во всю длину этого судёнышка. Злобка же кое-как мостился рядом и грёб одним коротким веслом, второе упустил в суматохе, когда стрелил из лука.

И вот, не имея охоты плыть далеко, причалили они к берегу. Место оказалось довольно низкое – обширная *ляговина*, заросшая кустами. Они соблазнились тем, что отсюда открыта река на большом протяжении, их же в этих кустах будет с реки не видно. Хотели же они укрыться не из страха, а от злого умысла: если-де их обидчик поведет оставленных ему девиц берегом или поплывут они водою на плоту, так чтоб можно выследить их и устроить засаду, вот именно как на глупых утиц. Ударить из кустов стрелой, и разом порешить: и девы, и всё добро, и топор, выкованный из небесного железа – всё обретёт нового хозяина. И о луке стрелебном горевал Шестак, горевал больше, чем от раны не челе: жалко было – где теперь такой добудешь?

Но пока что им хотелось просто перевести дух и обдумать дальнейшие действия. Может быть, *лось рогатый* не вскоре поведёт своих *телиц* далее, время есть. Малыга устроил себе ложе под ивовым кустом и улёгся там, вяло отмахиваясь от комаров и поглядывая в ту сторону, откуда они приплыли. У него болела голова, он то и дело трогал рану на лбу перстами и при-

кладывал к ней листья травяные без всякого разумения, что попадали под руку, отчего рана раздражалась ещё более.

- Все равно выслежу... они не уйдут далеко, а коли уйдут, оставят след... - бормотал детина. - Нашедши, убью до смерти.

«Словно можно убить не до смерти», - усмехнулся его товарищ.

- Сначала подстрелю, потом обухом по голове, как лося или тура...

- Или медведя, - подсказал Злобка.

- Поставлю на колени... и велю каяться слёзно, - раздавалось из-под ивового куста.

А что-то плохо верилось в исполнение его страшных угроз. Охал и стонал раненый Малыга и, небось, в душе-то благодарил своего покровителя Люта, что помог уцелеть. Рана заживёт, сила вернётся, и с обидчиком ещё встретится он, а там уж непременно одолеет.

Скосырь же Злобка ухмылялся злорадно и коварно утешал приятеля, что этак-то у него теперь ума прибавилось. А до того, мол, был он глуп: следовало стрелить сразу же, не тратя времени и слов на угрозы. Лучший удар - внезапный. А столько раз Яр поворачивался к ним спиной, собирая дрова для костра по берегу! Разве не ясно было с самого начала, что добром не поделить приبلудных девиц?

Злобка тоже страдал от боли - от пораненной руки. Рана хоть и невелика - просто содрана кожа над локтем - однако кровоточила и не давала забыть о себе. И досада тоже не отпускала, потому и попрекал товарища.

- Плыл бы он теперь следом за тем мертвяком, которого давеча теребили рыбы или водяной, - ворчал Злобка в укор Шестак. - И девы сидели бы теперь смиренно возле нашего костра, ждали нашего слова, готовые упредить любое наше желание.

Недаром же он прозван именно Скосырем, что обозначало человека вёрткого и вороватого, и бесчестного, и бесстыдного. К тому же и Злобка он потому, что склонен к злобе, к сотворению всяческих пакостей.

- Тогда и доспех его славный - топор этот или секира - достались бы тебе, - ворчал он. - И лук золочёный, княжий вернулся бы к тебе.

- Далеко не уйдёт, - отозвался Шестак.

- Твой Лих разве не подсказывал, как надо делать? – упрекал его товарищ. - И почему он не отвел камня от чела твоего? Почему не заградил тебя?

Шестак Малыга в ответ скорготнул зубами.

- Ладно, вперед будем умней, - утешал себя и его Злобка. - Только так набираются ума: вколачивают его в голову подобно кованому гвоздю. Больно, зато крепенько.

Шестак вдруг принялся ругаться непотребными словами - *ругахуся без лепоты*. И закончил тем, что *Лих подскажет, како отомстит*.

- Вот отлежусь, и пойдем за ними по следу, как волцы за овцами, как лисица за трусливым зайцем. Будем кружить над ним подобно вон тому белому орлану. От нас не уйти ему...

А орлан тот как раз кружил над ними, равно как и над теми, от кого бежали *утеклецы*.

8.

Когда *шпыни* скрылись за речной излучиной, победитель их был в великой досаде и даже во гневе. Злая сила, нахлынувшая на него во время схватки, осталась нерастраченной, просила исхода. Он отошел в лес и своим топором врубился в чащу, с яростью сёк стволы и ветки и кусты, сокрушил сильное дерево – оно рухнуло с великим шумом и треском. То была его битва с лесной ратью, подступавшей со всех сторон. Так сражался он, пока не изнемог и не утишил свой гнев. А утишив, на поваленное дерево сел, тяжело дыша и отирая рукавом тафтяной рубахи обильно выступивший пот с чела. Он был уже смирен и даже кроток.

Малуша понаблюдала за ним издали, пока он рубил и сёк, потом тихо отошла в задумчивости, словно смутилась от того, что увидела невольно. А когда он вернулся к костру уже светел взором и с виноватой улыбкой, спросила тихо:

- Ты гневен был на самого себя?

- Так, - признался он, смутясь.

- За что?

- Я отступил от завета, однажды себе данного: не ратиться ни с кем. А вот не удержался: эти двое скорбных разумом взяли меня... значит, я ослаб и тоже разумом скорбен стал. Поэтому было мне то в великую досаду.

- Но иначе как? – спросила она. – Покориться шпыням? Быть у них на посылках?

- Надо искать мира, - тихо сказал он. – Надо одолевать словом, а не ратной дланью. Слово – от разума, а сила, она и у зверя есть. Но мы - люди, и тем от зверей отличны, что разум имеем... или должны иметь, коли нет.

Малуша понимающе кивнула, а он отошёл к реке - умыться.

Что-то сильно бултыхнуло в воде неподалёку, но Яр даже не посмотрел в ту сторону.

- Водяной, - сказала Янка боязливо. – Плавает тут... слушает.

- Я нынче поутру голову его видела, – отозвалась Малуша. – Высунулся из тины возле берега, словно пень-коряга. Лупы вот такие, над лупами чело покатое в морщинах, рот от уха до уха, как у лягвы, усы длинные и зеленые.

- То был бобёр, - предположила Устя. – *Побластилось* тебе, и уж *трус* напал.

Откуда-то издалека донёсся протяжный крик – то ли человеческий, то ли чей звериный. Крик тот принесло ветром, и был он так тосклив, так горестен, что все они встали, кто сидел, и смотрели в ту сторону, ожидая, что он повторится, и желая знать причину. Но не повторился, и они опять расселись, только тревога осталась на лицах.

* * *

Хочу пояснить: в книге рукописной не было связного повествования, а всё этак вразброд. Может быть, безвестный переписчик по своему разумению переставлял главы, перетасовывал разговоры и описания, словно карточную колоду? Или те, кто читали потом, истрепали рукописную книгу, перепутали её листы?

Номера страниц были обозначены не привычными для меня цифрами, а буквами, потому я не мог понять их значения. Я даже стал нумеровать страницы по-своему, карандашом, но мои цифры не в ладу были с буквицами да и нельзя своевольничать в книге, как в чужой избе. Потому я решил: пусть останется всё так, как есть. Я не мог разобрать текст последовательно, страницу за страницей, потому читал, что наугад выпадало...

О том, как некие жители, названные *лесовиками*, выставляли угощения на ночь на лесной ли поляне, на камне ли, на болотной ли кочке - для лесных или болотных нечистиков, чтоб не приносили вреда...

О том, как заневестившиеся девы готовились к какому-то празднику, вроде смотрин, надевали на себя *шейные гривны, височные кольца, обережные подвески, подвески-лунницы*... Матери да бабки им помогали в том.

Удивило меня упоминание о некоей костяной коробочке, - в ней шильце, иглолка, свёрлышко... Ах, да, такую коробочку имела Малуша.

Ещё о том прочитал я, что в иных селениях давали детям имена: мальчикам – Ясень, Дуб, Камень, Родник, Ветер... а девочкам – Волна, Живица, Светлана, Травка...Нарекаясь такими именами, объяснял я матери, дети обретали себе защитников: добрые духи леса уводили от беды мальчика по имени Лес... роса травная, роса земляная, роса листовая исцеляли девочку Росицу... камень или родник, или дерево охраняли новоназванного от злых сил в открытом ли поле, в гиблом ли болоте, в лесных ли дебрях, в зверином ли овраге...

И о том, как подстреленный и пойманный заяц пропищал: не убивайте, мол, насовсем, не оставляйте сиротами его деток. Он был отпущен, а вместо зайчатины у костра ели *лебедятину*...

Помню, прочитав о *лебедятине*, мы с матерью сначала решили, что это трава лебеда, которую в голодные-то послевоенные годы и в нашей деревне ели. Но потом догадались: лебедей сбивал стрелой тот или иной охотник, жарили такую прекрасную, благородную птицу на вертелах над костром, как обыкновенную дичину, вроде уток диких или голубей лесных...

- Значит, много лебедей тогда было, - вздыхая, говорила мать. – Небось, как грачей или галок.

И я уверял её, что в ту пору было много всяческой живности – белорыбицу и стерлядь можно было ловить голыми руками, птицы непуганой изобильно, неисчислимые стада вепрей и лосей бродили, а в самые простые силки попадали горностай и куница, соболь и лисица...

Я ожидал, что вот-вот появится на страницах книги моей какой-нибудь царь или князь, или полководец, или хотя бы герой-богатырь. Но этого не произошло. Князья упоминались иногда по именам, но не участвовали в общем действии. Может быть, потому и повествование было лишено стройности, часто нарушалась последовательность событий. Было как бы общее течение жизни, оно составляло содержание книги.

В этом, кстати сказать, немалая сложность и моего пересказа.

Глава шестая. Сговор.

Белохвостый орлан. Рассказ Яра о земле, им знаемой. Девы решают быть с ним. Мраморная богиня. Послание по водам. Он принимает решение. Я читаю матери о старике-ведуне.

1.

А стояла та весенняя пора, когда всякая краса земная процветает и древа лиственным покровом одеваются.. Нежная зелень вокруг, чистота и свежесть небес и воздуха, застенчивость и скромность первых цветов, неумолчный щебет птиц – всё живое воспрянуло, во всём видимом и невидимом мире вододушевление и предчувствие торжества жизни, и ожидание его. Водополица уже унялась, большая вода схлынула, оставив в низинах мелкие озёра; вода в них тепла, словно живая, и прозрачна - видна каждая травинка. Лягвы уже наметали икры тут и там, в каждой икринке живое движение зародыша. Лягушки просто душно выглядывали из воды тут и там или бесхитростно прятались в траве и тине; тут же расхаживали, высматривая их, чёрные да белые аисты, длинноногие колпицы с расплюснутыми клювами, журавли....

«Ганг!» – раздавалось с одной стороны.

«Курлы...курлы...» – доносилось с другой.

Прозрачные, чистые воды зеркально отражали весеннее небо с плывущими по нему облаками, с пролетающими птицами и весело блистающим солнцем. Ветер набегал упруго, волнами, как бы играя; он этак неожиданно взбрыкивал, подобно молодому жеребёнку - этот шаловливый ветерок набегам ласкал молодую листву деревьев и кустов, словно всадник уши любимого коня, налегал вдруг на водную гладь, возмущая её, и отступал довольный.

Тут и там журчали и бурлили ручьи, шумели белопенные потоки, они были неостановимы в своем стремлении неведомо куда! Трава повсюду зеленела, поднималась дружно – кажется, слышно было, как скрипят, вылезая из земли, её молодые ростки.

Большой белохвостый орлан кружил высоко в небе, роняя на землю глуховатое «кра-кра-кра». Под ним была река с ответвлениями ручьев... словно дерево, лежащее на земле, – дерево с нескончаемо долгим, извилистым стволом и такими же корявыми, виловатыми ветками. По обеим сторонам «водяного древа», словно густая крона его, - леса хвойные, леса листвен-

ные, травяные лога, песчаные отмели и береговые обрывы; кое-где посверкивали на солнце зеркальца болот и озёр, поочередно то одно, то другое, по полету орлана.

Ему не видно было оттуда ни комля, ни вершины этого лежащего на земле «дерева», но он знал, что они есть, только очень далеко. Туда орлан летал, как летал и кречет, поселившийся неподалеку, с которым у орлана были довольно сложные и отнюдь не добрососедские отношения. Они соперничали и меж собой, и с беркутом, залетававшим сюда от дальнего леса. Сейчас и кречета, и беркута не было видно, и орлан чувствовал свое царственное положение в этом сияющем мире.

От земли исходил мощный поток её дыхания, державший орлана в полёте; ветер волнами ударял в его широко раскинутые крылья, давая ему опору и движение. Орлан кружил, отмечая зорким взглядом: вон заяц проскакал и скрылся в кустах... вон две мыши на пригорке возле камня беспечно выскочили из норы... вон дрозды увлеклись любовными играми, забыли об опасности... вон плавают глупые утицы... Орлану нынче поутру удалось закогтить зайца, был он сыт и благодушен, потому не собирался охотиться на кого-либо, просто отмечал то, что видел: бобра, подгрызавшего на берегу осину; белого стерха и его подругу на дальнем болоте; стадо вепрей, кормившихся в дубовой роще; пару лосей, переходивших ложбину, заросшую кустами; глупых уток, круживших низко над старицей... Он видел даже недостижимых ему рыб в воде и самую большую из них, лежавшую под крутым скатом речного русла – рыба та была величиной с лодку, на каких иногда проплывали по реке люди.

Орлан окидывал всё это хозяйским взором. Сосед-кречет поднялся над лесом и упал, кажется, в самую чащу, там всполошенно закричали сойки. Вид соперника всегда настораживал орлана, но пока что у них не доходило до открытой схватки. Небо просторно, на земле и в воздухе полно всякой живности, делить им нечего, всего хватает, однако же надо быть всегда готовым к схватке – таков закон жизни.

Ни на минуту орлан не упускал из вида несколько высоких деревьев, стоявших кучно. Там на вершине старой сосны было гнездо, в котором сидела его подруга.

У пары белохвостых орланов наступила пора напряжённого и счастливого ожидания: в единственном яйце, которое насиживала орланиха, вот-вот должен был проклюнуться птенец. Они уже слышали, как он там шевелится и стучает клювом в скорлупу. Может быть, сегодня, в крайнем случае завтра он

пробьет окошечко и выглянет. Потом ещё одно усилие - скорлупа расколется, он выйдет из узилища своего на волю, в мир.

Нынче поутру орлан принес и положил на край гнезда растерзанного зайца, но орланиха была так взволнована ожиданием, что не хотела есть. Супруг несколько раз пытался спихнуть её с места, чтоб самому сесть на яйцо и погреть его своим теплом, слушая, как шевелится в скорлупе птенец, повзрослевший настолько, что может выломить окошко наружу и заявить о себе и родителям, и всему миру.

Орлану хотелось, чтоб счастливый миг появления на свет детеныша пришелся на его «дежурство». Но орланиха не уступила и теперь сидела, прислушиваясь к шорохам под собою, посматривая вверх, где кружил в нетерпении её супруг, в любую минуту готовая подать желанный клик: свершилось! Тогда он круто пойдет вниз и сядет рядом, чтоб услышать родной голосок. Хорошо бы это случилось сегодня, потому что стоит ясная, тёплая погода. Новорожденный увидел бы солнечный свет и голубое небо, и зелень деревьев, услышал бы шум сосен, шелест листвы, птичий щебет...

Белохвостый орлан ждал, пока что оглядывал всё, что внизу. Он видел, как небольшая стайка людей на берегу распалась на три части. Двое встали на плот, переплыли реку, после чего вскинули на плечи ношу и пошли лесом, то скрываясь в чащах, то появляясь на полянах. Еще двое отплыли в неуклюжей лодке вниз по течению, пока не причалили в укромном месте. А прочие, числом пятеро, остались. Впрочем, один из них отошел от костра к реке и сел тут, опустив в воду босые ноги. Напрягая зрение, орлан рассматривал этого человека: большеголов, лбаст, с сединой в волосах... наверно, силён, но ведь и он не умеет летать! И у него не такое острое зрение, как у птиц. Орлан же смог увидеть даже то, как суетились мальки вокруг опущенных в воду ног человека, и видел, как взблёскивало что-то, висевшее на ухе его.

2.

Из-за деревьев вдруг вышла плачущая корова кроваво-бурой масти. Слезы катились у неё из глаз, к ним с жадностью приникли мелкие лесные мухи. Она, должно быть, шла берегом от насельного места, где все поумирали, и теперь направилась прямо к людям быстрыми шагами, словно только их и искала, а найдя, остановилась возле костра.

Это была та самая корова, о которой рассказывалось, что она одолела медведя, выпустив ему *черевы*. Она именно плакала - задние ноги её до копыт были обрызганы молоком. Молоко побрызгивало и по следу.

Явление страдающей коровы испугало дев, тем более, что Яр отошел к воде, был несколько в стороне. Но Малуша быстро сообразила, в чём дело, и сказала:

- Не бойтесь! Она просит нас об избавлении, ей надобно помочь... Видите, что с её выменем?

Устя от *земляной кельюшки* проворно принесла *горшок-растворник*, выплеснула из него воду, присела возле коровы и быстро-быстро стала доить. Та хоть и брыкалась от боли, но разумела, что ей хотят добра и благодарно взмывала. Когда горшок наполнился, Устя позвала:

- Сестрицы, идите скорей! Пейте.

Более всего ей хотелось напоить Яра – был бы случай стоять рядом с ним, коснуться его рук, но он замешкался у воды.

- То не корова принесла нам молока своей охотой, она прислана кем-то добрым, - пояснила Малуша, отпивая из *растворника*.

И Янка напилась, и сама Устя, после чего снова присела возле коровы и доила. Малуша стояла рядом, придерживая страдалицу за шею, поглаживая острые рога в засохшей медвежьей крови.

- Она сражалась с кем-то, - заметила Малуша.

Позвали Липицу молоко пить.

- Оно нечисто, - сказала та.

- Не страшись, - ласково уговаривала её Малуша. – То доброе молоко, я пила, знаю.

И Липица приняла горшок-растворник, она была очень голодна. Позвали Яра. Он подошел, тоже пил, похлопывая корову по теплему боку, а на Липицу он не смотрел, то ли не смея, то он был в обиде. И снова надоили полный горшок. Пустили по кругу, причём Устя заметила, что Яр - случайно ли? – припал губами как раз к тому краю, которого коснулись губы Липицы.

- Поведём тебя с собой, - сказала Малуша корове. – А не то волцы задерут.

Но корова, словно уразумев её слова, бесстрашно направилась опять в лес скорыми шагами. Её стали окликать ласково, призывая вернуться, но она побежала, не догнать.

- Ушла искать свою хозяйку, ей верна, - пояснила Малуша.

- Какое время наступило, - вздохнула Устя. – Скот бродит по лесам без пригляду, одичал.

Далее был у них разговор, в котором упоминались *лошади пахотные и ездовые, свиньи закутные и поросята надворные*, и некие *курцы да петелы*... Разговор этот прерван был сильным всплеском на стремнине реки. Девы испуганно оглянулись, словно ожидали, что опять поднимется из воды мертвая человеческая рука.

- То рыба-конь, иначе зовомая жерех, - спокойно, со снисходительной усмешкой сказал Яр, поймавший водный всплеск взглядом. – Гуляет... Этак-то беззаботно нам бы плавать по реке!

3.

Далее было... Яр заявил, что намерен *восприяти новое житие*, а потому, мол, держит путь на полунощь, в землю вольную, никем не поруганную. Он промышлял некогда в той дальней стороне отроком с дедом-охотником - один раз по теплу, летом, во второй раз по зиме, когда *путь был крепок, и студ и мраз велик*. В первый, летний поход по дебрям лесным они построили два тайных амбарца – приготовили их для зимней охоты. Не построили б заранее - померзли бы зимой. А ещё ходил он в те края с князем Родославом в его дружине - то был воровской поход в полюдые, потому как из-под чужой хозяйской руки *мыто брали по редким селам*, рассудив здраво, что земля та окраинная, худо призираемая законным властителем.

Яр на долгие годы сохранил в памяти облик той земли: реки и озера там изобильны рыбой, в лесах полно диких пчёл и орехов; а деревья там все добрые – красная сосна, шатровая ель, медоносная липа, рясная черемуха, столетние клёны и дубы.

- Там я *лаксир*-рыбу лавливал руками, - рассказывал теперь он, - потому как тьмы и тьмы её, и безбоязненна она к человеку. И рыбу *лодогу* лавливал, и рыбу *сурь*, и рыбу *каяну*. Из максы да ксени рыбьей кашу варили – нет её вкуснее!

Муж этот *добр*, рассказывая, становился похожим на Млад-Воинка. Только в отличие от него Яр знал, а не только верил: он там всё *зрил своима очима*.

В той земле, говорил он, полно дичи и бегающей, и летающей, и плавающей, и в земле роющей. Там соболев и горно-

стай, куница и белка, лисица рыжая да сиводушная, да чернобурая... вепри ходят стадами, лоси и лани непугливы...

- Змеи ядовитые, пчелы жалящие, - подсказывала Янка, смеясь.

- Медведи лютые, *волцы* зубастые, рыси свирепые, - добавила Устя.

- И медведи, и *волцы*, так, - кивал головой Яр, ласково поглядывая на Янку. – Всего изобильно. Мы с дедом Гордыней по зиме держали оборону в малой *мурье*: волчья стая осаждала нас. Морозы стояли такие, что стволы деревьев трескались, а звери те оголодали. Уйдут и опять придут. Мы не прятались от них, не подумайте - выходили из нашей *мурьи* на бой, отступали отдохнуть и выходили снова; мы их ножами, они нас клыками. Всю одежду в лоскуты изорвали, хотя одежда была прочна, из кожи бычьей.

- Вы были для них дичью, – сказала Малуша. – А они охотниками.

- Нашу собаку Прыню разорвали, у деда руку погрызли, у меня колено... Многих волков достали мы с дедом, ещё больше пораненными ушло. Зато потом спали мы на волчьих шкурах и шкурами укрывались – куда как тепло! И на ногах у нас были волчьи шкуры, и рукавицы, и *наголовья*.

Опять в нём проснулся воин, словно и не раскаивался давеча в том: горделивость во взоре, блеск в глазах, плечи словно бы стали шире. Впрочем, не воин, а охотник. Да ведь это почти одно и то же!

- То был честный бой, - заключил он. – *Волцы* потом не мстили нам, не устраивали козни.

Липица прислушивалась к его рассказу, хотя и не подавала вида. Раза два он поймал на себе её взгляд, показавшийся ему добрым - это его ободрило и воодушевило.

- *Тетеря, гуси, жеровля, ряби, голуби, заяцы и вепреве*, - перечислял Яр, – в том краю всего изобильно. Никто, кроме медведей, не добывает там дикий мёд; никто, кроме белок, не собирает орехов; и много земли плодородной, где растёт не кислая осока, а сладкий злак, можно землю ту засеять и завести скот.

4.

Из его рассказа становилось всё очевидней, что это едва ли не единственное место на земле, куда и следует стремиться.

Очевидней для Усти, Малуши и Янки, но не для Липицы – она по-прежнему держалась в стороне и никак себя на проявляла.

- Многообильно там земляной ягоды на полянах, малины по опушкам и смородины по оврагам... и каманики, и ежевики много, и костяники, – рассказывал Яр. – На болотах необеримо ягоды журавлиной. Богата земля, щедра... Но путь туда долог, и по пути леса густые да тёмные, дебри непроходимые – места истинно дикие, зыби и хляби бездонные. Потому редко заходят туда владетельные люди со своими дружинами, собирая мыто. Не доплеснет и моровая напасть – там можно жить, ничего не убоаяся.

- Ты хотел идти туда *единцом*, без товарища? – спросили у него.

- *Единцом*, - подтвердил он. - Я устал от людского множества. *Восхотел быть един.*

- Почему не взял с собой жёнки, когда собрался в путь? Ты не отрок – зрелый муж...

- Небось, взял бы с собой девицу велелепую да трудоусердную.

- Или ты робок с девицами? – это спросила Устя.

Он отшутился, пошевеливая дрова в костре:

- Нужен ли в пути лишний груз? Зачем брать с собой питьё, если впереди реки и озера?

- Жёнка – не ноша на спину, не кладь, - сказали ему. – Она - посох дорожный, на неё опереться можно. Разве бок-о-бок с кем-то идти не легче?

- Жёнка беспрременно народит детей, - он улыбнулся. – Это и кладь, и ноша.

- А кто защитит и утешит тебя в старости, если не сыновья? - спрашивали девы. - Или родишь их один, без жены?

- Даже звери не живут поодиночке, - очень серьезно и даже строго сказала Матрёша. – То противно *людской порядне* и не в угоду богам.

- Всё приходит в своё время и в своём месте, - сказал он тоже строго. – И солнце поутру, и добыча на охоте... и жена, и детки.

- Но ты говорил, что в тех землях безлюдно, - напомнили ему. – Откуда взяться им?

- Малолюдно, - поправил он. – Однако два раза в году, по осени и по весне, на берег большого озера выходят из лесов людие на великое торжище – с пушниной, с зерном, со скотом, с ярим воском и льняным полотном и прочим товаром. Приплы-

вают корабли издалека с солью, со скобяным товаром, идёт торг весёлый, шумный. Родители привозят невест, устраивают общий праздник. Там высматривают себе жёнок те, кто не может жить *единцом*.

- Высматривают, а потом крадут или выкупают?

- Их лучше обольстить подарками да гостинцами и увести с согласия родительского.

Отмечу: он сказал *лучше* вместо *лучше*. И вообще весь этот разговор, равно как и прочие, изложен был в книге той такими словами, что я не понимал смысла некоторых из них, мог только догадываться.

В этом месте беседы была у них пауза. После неё он сказал девам, что давешний уговор следует забыть

- Я взял вас под свою руку только на то время, пока умышляли злодейски лихие эти люди. Теперь же вы вольны. Я не держу вас и отпускаю, как птиц, на волю, - заключил он, словно уже прощаясь.

Они отнюдь не обрадовались тому, а напротив, озаботились.

- От сугубой воли беда да горе, - тихо отозвалась Малуша.

Девы поглядывали на него: почему он так сказал? в том великодушие его или жестокосердие?

5.

Неподалеку летала стая *емелух* – так были названы, как я понял потом, обыкновенные дрозды, какие селятся кучно, городками. Белочка роняла старые сосновые шишки, следя за падением каждой из них... А по-над лесом вдали вставал столб дыма... тоскливый протяжный звук прилетал оттуда снова - от всего этого было тревожно.

- Я пойду с тобой, - вдруг заявила Устя. – Богата ли та земля, о которой ты говоришь, скудна ли – я хочу быть с тобой.

Малуша с Янкой оглянулись на Устю с удивлением: как она бесстыдна! И Липица посмотрела на Устю осуждающе, словно сказать хотела: нельзя, мол, так, ибо девицу украшают скромность и целомудрие в поступках и словах.

- Ты не пожалеешь, если возьмешь меня, - смело сказала Устя и, ничуть не смущаясь, пересела к нему поближе.

Белочка-*веверичка* перескочила на соседнюю сосну, побежала вниз по стволу, обеспокоив птаху, у которой в дупле *чада*

пищали, даже заглянула любопытно в это дупло, скользнула вниз и пропала.

- У доброго мужа должно быть две жены, - решила Малуша. – Возьми и меня. Я тебе пригожусь.

Яр молчал.

- Возьмём и её, - тихонько подсказала ему Устя, словно уже стала принятой им.

Но пока непонятно было, как он воспринимает всё это, и как думает поступать впредь. Малуша же села рядом с ним, с другой руки.

Янке стало страшно: вот сейчас все уйдут с мужем добрым, и она останется на берегу дикой реки совсем одна.

- И я пригожусь, и меня возьми, - попросила она испуганно и добавила словами Малуши: - У доброго мужа могут быть и три жены.

- Тебе мало лет и рано в жёны, - возразила ей Устя.

- Я буду с вами, даже если изгоните, - заявила Янка. – Поплечусь следом, как прирученная. А что рано иметь мужа, так это сегодня, а завтра будет в самый раз.

Сказавши так, она засмеялась, что свидетельствовало о том, какая она лёгкая нравом девушка, именно лёгкая, не задумчивая, потому и названа тут Веселинкой. Она села рядом с Малушей.

- Через год станет красавицей, - сказала Яру Малуша. - И как знать, которая из нас станет тебе дороже! Будем все вместе. Нельзя её оставлять тут. Те двое шпыней непременно вернутся.

Яр некоторое время сидел в молчании, потом встал и сказал:

- Подождите тут... я должен подумать, как мне быть..

Он отошел к реке, сел на камне, спустив босые ноги в воду, и так сидел некоторое время. Подобрал с приплёска несколько камушков и кидал их в воду, явно не сознавая, что делает. Размышлял, следя, как расходятся круги по поверхности воды.

6.

Не помню точно, в каком именно месте, то ли чуть ранее, то ли чуть позднее, повествовалось, как Яр ходил в рати за море, был пленён и продан в рабство, бежал... сидел в темнице, был выкуплен богатым греком по имени Лисандр и увезён им на острова... жил там с весны до весны, после чего опять скитался,

пробираясь на Русь тем берегом моря, за которым *солнце спит*. Да не в добрую пору вернулся он в отчину свою и дедину: тут великий мор и неустройство...

Обо всем этом было сказано вскользь, бегло, о чём, мол, ранее повествовалось подробно. А где повествовалось? Загадка эта мучила меня: то ли в самом начале книги, у которой утрачены первые листы, то ли в другой. Может быть, списков с той первоначальной книги несколько? Как определить, где она, отчина да дедина Яра? На реке ли Боронеж? На другой ли реке с названием Вепра... или Непра... Или на реке Оце? Что за реки? Где они? Я искал их на карте в учебнике географии и не находил.

В этом месте как-то вдруг и, пожалуй, некстати повествовалось о некоем греческом острове, о потаённой пещере, укрытой цветущими кустами. Они росли, цепляясь корнями за камни, и свешивались подобно пологу вниз по горе. А за пологом в пещере стояла мраморная статуя как раз в рост человеческий - на низком широком камне, лицом к морю, которое отсюда было видно широко, до самой дальней дали - ваятель изобразил юную богиню без одежд; она стояла царственно, явно не смущаясь своей наготы, руки держала в разлёт, в порыве радостном. Статуя, как сказано, имела столь прекрасные, столь совершенные формы, что глаз не оторвать. Возле неё у ног был устроен жертвенник в виде большой плоской раковины этаким блюдцем; сюда тонкой струйкой падала вода, стекая из зеленого, полупрозрачного потира в *десной* руке у богини мраморной.

Мне очень понравилось это слово – *потир*. Оно соответствовало моему представлению о царственности. Я так понял, что *потир* - чаша какой-то особой формы, и, наверное, не ошибся.

У ног мраморной богини в жертвеннике-раковине лежали золотые да серебряные монеты и рдяные да лазоревые камушки – небось, кто-то приносил в знак благодарности или в чаянии грядущей удачи. А в чашу-потир, что в руке богини, вода наливалась такой же тонкой струйкой со свода пещеры – с грозди виноградной, не живой, а изваянной из камня же. Солнечный свет, попадая на винные ягоды, пронизывал их насквозь, оживлял – не отличить от настоящих.

Сюда некая *госпожа*, привела своего *пленника*. Она саму себя называла так – *госпожой*, а его *пленником*, и шла впереди, он же просто следовал за нею. Она приняла из руки богини тот потир, отпила сама, предложила и ему, и он отпил, вернула ис-

кусное изделие на прежнее место – на мраморную *долонь* богини, после чего сбросила с себя одежды – это был неведомый мне *леплум* из тонкой льняной ткани

Боже мой, как очаровало меня это слово – *леплум*! Не знаю почему. Он был, как сказано, именно льняной, что показалось мне удивительным: там, где растёт виноград, где цветут кусты роз, где море, есть и лён? Небось, привезли с Руси?

Оставшись совсем обнажённой, она встала на подножие рядом со статуей. Они оказались ростом вровень, а живая была точным подобием, копией мраморной, особенно когда так же подняла *десную* руку раскрытой ладонью(*долонью*) вверх, чуть согнув в колене *десную* же ногу. Не хватало только ещё одного потира...

- Есть ли различие между нами? – спросила она ревниво. – Говори по правде, не лукаво.

- Нет, моя госпожа, - сказал её спутник с улыбкой.

Но говорил он с нею, как равный, а не как пленник со своей госпожой, хотя и называл так.

- Есть ли на Руси столь прекрасные каменные и живые богини? Говори!

- Я давно разлучен с Русью, - отвечал он. – Не помню.

- Хитрец! Ты не хочешь солгать даже из почтительности ко мне. Разве ты не считаешь нас - живую и мраморную – совершенными?

- Зачем тебе пустые похвалы? Ты разумна и не примешь грубой лести.

Говоря так, он любовался ею, не отводя взгляда, а взгляд красноречивей, нежели слова.

- Русь - холодная, суровая страна, - продолжала она. - Там не растёт виноград, не вызревают царственные плоды, не цветут вот такие розы, как здесь, камни холодны и мертвы. И там нет такого мрамора, который оживает под резцом ваятеля.

- Зачем рассуждаешь о неизвестном тобою? – нахмурился *пленник*. – На Руси есть то, чего и в помине нет здесь. Русь – сторона *опричная*, она не сестра прочим странам. Лучше или хуже - сравнения тут неуместны. Она – страна-небожитель.

- Но на Руси нет мрамора!

- Наши ваятели берут дерево и творят из него не только людей, но и крепости прочнее каменных, и кружева тоньше тканых.

- Не возражай своей госпоже, или я прикажу опять заковать тебя в железа.

Это не было угрозой, это было шуткой.

- Красота камней, возрастающих на Руси, - продолжал он, - ничуть не уступает вашим. Русские ягоды вызревают среди снегов, на болотах, просто в шелковой траве, они слаще и ароматнее греческих. Равно скажу и о красоте цветов. О жёнах же Руси я молчу, чтоб не обижать тебя.

- Ладно, - легко согласилась она. - Я не сержусь. Ты знаешь, мати моя была с Руси, с реки Танаис. Половина моей крови – русская, а другая половина – греческая. Потому мне не в обиду то, что ты сказал.

- Прежде греки были белокуры и синеглазы. Их только называли греками, а были они русские люди, пришли сюда с нынешней Руси, потому белотелы от снегов и синеглазы от обилия озёр и рек. Но вот со временем посмуглели от жаркого солнца.

- Знаю-знаю! – воскликнула она со смехом. – Ты это уже говорил! Это твоя любимая сказка!

Она подвинулась теснее к статуе, поглядывая на неё, как на свою подругу, повелела ему:

- Запомни меня такой

- Твоя богиня разгневается и покарает тебя, - предостерёг он. – Или не ведаешь: ваши боги не любят соперничества живых людей.

Та, что называла себя *госпожой*, засмеялась, сошла с низкого пьедестала и позвала его:

- Иди сюда...

Взяв за руку, увлекла за собой на каменное ложе под розовым кустом, покрытое кипарисовыми ветвями, а поверху леопардовой шкурой. И легли они...

- Пусть она смотрит... пусть знает, что мне доступно то, что не доступно ей. Она мне не соперница.

И он покорился...

На нижней кромке этого листа было написано химическим карандашом:

«Горе народу, низведшему своих богов до уровня застольных гостей.

Горе народу, низведшему любовь до уровня утех на ложе.

Когда так, народ обречён».

Уж верно, это неведомый Кирилл написал!

7.

Липица снова принялась рисовать, давая понять, что всё происходящее её совершенно не касается; Устя выглядела взволнованной, она то и дело поглядывала в сторону сидящего у воды; Малуша затаённо улыбалась, словно уже знала наперёд, что будет. Янка-Веселинка водила прутиком по земле, следя за какой-то маленькой тварью: то ли жук ползал перед нею, то ли муравей.

В ближней заводи плавала утица, *красноклюва да белошея*, с хохолком на голове и снежно-белыми подкрыльями - вдруг она нырнула и поплыла под водой, превратившись в серебристую рыбу, и скрылась под упалым деревом – словно луч солнца скользнул туда. Малуша заметила это неожиданное превращение, качнула в удивлении головой и вернулась к костру.

В глубокой задумчивости Яр тронул вздрагивающими пальцами поверхность воды, и едва заметный трепет побежал от них, а далее гонимый лёгким ветром. Он закрыл глаза от напряжения мысли и напряжения души своей, прослеживая путь трепетной волны долго-долго, мимо селений и городов... И хотелось ему, чтоб добежал он до моря и далее морем мимо того берега, который видел с лодии по пути туда и по которому сам шёл по пути обратно... к проливам, где град великий, и далее - до острова с обрывистыми берегами... добежала бы малая волна от его пальцев да и приласкалась бы к тем знакомым ему береговым камням. А там по выбитым ступеням сошла бы к воде юная золотоволосая женщина, запечатлённая в мраморе столь бесстыдно... Она опустила бы руку в воду и ощутила бы трепет его души...

Он сказал ей теперь шёпотом:

- Почему ты не просила меня взять тебя с собой, как теперь просят они? Почему ты не восхотела этого? Да, путь далёк, зато теперь мы были бы вместе. Ведь, в твоих жилах течет славянская, русская кровь. Разве она не зовёт тебя сюда, как звала меня? Ты родилась там... а родина твоей матери здесь! Разве зов крови не властен над тобой? Разве голос сердца – ничто?

Ветерок опахнул её, и был лик золотоволосой женщины печален. Яр увидел этот лик перед собою в воде, по нему и сквозь него плавали шустрые рыбки-мальки.

- Выпускаю тебя, как птицу из клетки, - сказала она при расставании. – Плачу горячими слезами, но выпускаю. Как реку

не повернуть вспять, от устья к истоку, так не остановишь течения жизни, прошлого не воротишь. Тут мы бессильны, потому как живые люди, а не боги.

- Значит, не сильно любила, - горестно произнёс он теперь.

Малёчки вились вокруг милого лица и пересекали его, как молнии пересекают облако.

- Прошу тебя: оставь меня, не приходи и во сне, - попросил Яр. - Так надо. Прощай.

И она отозвалась эхом:

- Прощай...

Но при этом загадочно улыбалась. Почему? Что-то обещала...

Яр встал, распугав мальков, вынул из уха серьгу со сверкающим прозрачным камушком величиной с каплю слезы и, широко размахнувшись, забросил на середину реки. Серьга, взблескивая на солнце, описала дугу и беззвучно исчезла в воде. И Малуша, и Устя, и Янка проводили взглядами этот полёт непонятно чего, однако с высверками, переглянувшись.

Но никто из них не увидел, как опускалась серьга с драгоценным камушком в глубину и как темная тень крупной рыбы стремительно метнулась к ней.

8.

Вот теперь он направился от реки к девам. Они смотрели ему навстречу ожидающе, стараясь угадать, что же он решил, что его смущает и почему он колеблется, брать ли их с собой. Вдруг скажет, что хочет уйти один и вовсе не нуждается в попутчицах! Что тогда? Они останутся здесь ожидать неведомо чего или пойдут куда-то на свой страх и риск. А рядом бродит медведь, да и не один, небось. Ночами слышен был дальний вой волков. И детина белоглазый с товарищем могут выследить и настигнуть, как охотники дичь. К тому же моровая волна настигает ...

Яр подошел и сказал краткую речь.

- Дела поспешные не бывают мудры, - так начал он. - Суетливостью да торопливостью можно испортить и самое доброе начало. Однако же и промедление губительно.

И далее продолжал:

- Нынче беда в Русской земле – много бездомных людей. Разбрелись, как стадо без пастухов. Кто защитит вас от зверя и лихого человека? Пойдёмте пока вместе. А что до того, кем мне

быть при вас... даже звери, и те сходятся не сразу, а по сердечному стремлению. Я решил: идти вместе дня два или три. Потом сделаем каждый свой выбор, быть ли нам одной семьей, разойтись ли в разные стороны.

Он пообещал, что ни одну из них не оставит в диком лесу, а доведет до какого-нибудь селения: впереди ещё будут *насельные места*.

«Оглядист», - отметила Устя то ли с удовлетворением, то ли с укором. Кажется, она была несколько разочарована его решением, ждала чего-то иного.

- Теперь же нам пора в путь, - заключил Яр.

Вид его был уже суров. Девы тотчас начали собираться.

- Как долго идти до той земли, о которой ты говорил? – спросили они у него.

- Луна истаёт, пока идём, – отвечал он, подумав. – А может, и долее.

Ещё он сказал, что идти им следует *наборзо*, чтоб не потерять время: лето на пороге, а там, в земле красной, непоруганной, в земле вольной, предстоит начинать новую жизнь: строить жилье, делать запасы еды, обзаводиться домашней утварью, шить одежду...

- *Будем трудоусердны – спасемся от бед*, - заключил он, - *а в праздности пропадём*.

* * *

Мать иногда просила меня почитать ей что-нибудь из книги той. Помнится, однажды я прочитал ей о старике-ведуне, который жил в лесу один-одинешенек, и был беловолос, белоглаз, ничего не ел, кроме травы сныть да воду пил из родника. Однако жил, не зная болезней, год за годом. Ещё более поразило нас обоих то, что на пальцах у него не было ногтей...

- Это какой-то святой, – решила мать. – Небось, много молился... Нынче святых нет, всех расстреляли, а тогда они были.

Она наказывала мне остерегаться, никому не говорить о книге.

- А то, сынок, как бы чего не вышло. Ты её прячь подальше. Неровен час, увидит кто, скажут: ведёте вредную пропаганду... Да и Бог накажет, - заключила она.

Страх её был не столько перед Богом или церковью - ведь мы читали «греховную» книгу, про язычников! - а перед властями земными, так что чувствовали себя виноватыми вдвойне.

- А ну-ка, почитай вслух, что там написано, - иногда просила или даже приказывала мать.

Я выбирал что-нибудь такое, что не могло её насторожить и пробудить в ней тревогу и сомнения. Вместе мы разбирались, что такое *ферязь, кожух, епанча, охабень, зипун...* как понимать *обнизь у зипуна из-под кафтана...* Мы вместе дивились сообщённому в книге, что *дятлы раньше были людьми-бортниками*, то есть добывали мёд диких пчёл; что у змеи в иную пору вырастают ноги, и она бежит, как ящерица; и что где-то шел тогда по земле Русской человек *светообразен*, исцеляя людей от мора...

Глава седьмая. МАЛАЯ ДРУЖИНА

Трапеза. Разговор о весеннем уборе леса. Егзуля кокует. О муже Липицы - Злате. Сборы в путь. О знатных ларьщиках. Одежда Малуши и Янки. Остров Силян. Как устроен мир – в высь и в глубь. Крома хлебная. Соболёк над Липицей.

1.

Перед тем, как отправиться в дальнюю дорогу, они устроили трапезу. Малуша принесла в наскоро сделанном лубяном лукошке *грибы-кубарики*, белые, ровненькие, – решила приготовить их на огне *для ествы*.

- То поганые, - сказали ей.

В ответ она лишь засмеялась: дескать, не ведаете, так по-малкивайте. Зачерпнула в медную посудину речной воды, крошила те грибы, поставила на угольки, варила, помешивая и посыпая сверху мелкой травкой да кореньями.

Что за *кубарики*, я не понял – небось, обыкновенные дождевики, именуемые у нас в деревне *мышиными банями*: в старости они курятся дымком. Они в изобилии растут возле скотного двора да на выгоне с ранней весны до поздней осени.

«Вишь, они были и в те времена», - отметил я.

Но далее было сказано, что на вкус они напоминали жареные бараньи потроха – вкус этот, мол, усиливался травной приправой. Значит, это не дождевики, а сморчки, вот что.

Появление *кубариков*, столь знакомых мне, как-то сразу приблизило меня к этим людям, потому я как бы переместился к ним на берег.

- *Ядите*, - потчевала Малуша сотрапезников. – Не сытно, а *лакомо*. Нам ли ныне быть привередными в *ядении*!

Она подавала приготовленное *ество* каждому на берестяной *латке*, *словно на талерке*. А была проворна, расторопна, оттого что мелка ростом, как отроковица.

Ество, подаваемое на берестяной *талерке*, показалось *лакомо* всем, кто не погнушался им. Разговор у них при этом шёл такой:

- Брюхо заворчит: поселится в нём злой дух.

- А в иных землях едят помёт лягушиный да раков, кои суть водяная вошь.

- Но не тех, что в наших реках, а тех, что в море, они страховидней.

- Там из раковин мясо едят, и ежей морских.

- И всякие гады земные и болотные едят: змей и лягу.

- И червя, и *торокана*, и пьявицу..

- Толкуют: в них, мол, нет скверны.

Говорили так и смеялись дружно.

- Годится к *еству* всё, что бегают, летает, плавают, ползает и растёт, - сказал Яр, усмехаясь.

- Нет, - возразила ему Малуша. – Нельзя есть гадов и лягу – бородавицы наскочат по всему телу. Нельзя есть всякую траву – от иной помрёшь в одночасье. Нельзя есть гриб-дурман, и гриб клёклый, и гриб-слизень – одуреешь. Нельзя пить росу с иной травы – станешь пьян и малоумен.

2.

А он угощал их вяленным мясом, *отрезая по кроме от лоскутины говяжьей*. И делал он это, как отмечено, великодушно, от сознания того, что теперь они у него *под рукой*, то есть он их покровитель и защитник, и попечитель. Нет, ещё не муж каждой из них, но уже и не чужой человек.

Не сразу, а после сомнения щедрую *крому говяжьё* отнес он и Липице – она не села в общий круг, держалась наособицу, положил перед нею на щепе дровяной, а сделал это вежливо, бессловно, с полупоклоном. И Липица, смутясь приняла это с таким же полупоклоном, однако тоже слова не промолвив, только быстро и почему-то с опаской глянула на Яра. А когда глянула, тоже смутился он и вернулся к костру.

А за трапезой был разговор... Устя высказала ему похвалу за то, что оградил их от людей нрава разбойного. Он же, при-

нахмурясь, в ответ опять подосадовал на случившееся. Сказал *с сокрушением сердца*, что чуть не убил дурака, потому как в такое время бранный дух вселяется в человека, хоть бы и в него, в Яра, и нет уже жалости к врагу, который жаждет твоей смерти. Лихова воля владеет воином в бою, лихим становится человек.

- То звериный обычай – решать всё силой, - сказал Яр, хмурясь ещё более. – А меж людьми должно быть по любви и согласию.

- Любить того, кто поднимает на тебя руку? – так же насмешливо возразила Устя. – Даже *головных татей*, которые хотели тебя убить, а нас полонить, и принудить к бесстыдному соитию?

- Не думай, что эти оба-два отступились от нас насовсем, - молвила Малуша. - Они по злобе замысляют и по злобе совершат еще немало.

- Вернутся, как пообещали, - сказала и Янка.

- Пусть не дрогнет твоя рука, когда надо убить татя, – то зверь лютый, - молвила Устя строго.

И он словно приободрился. Встряхнул головой, сказал:

- Не страшитесь ничего.

Девы поглядывали в ту сторону, куда *отбегоша лытател*, опасались, что те причалят за поворотом реки да берегом же лесистым и подкрадутся сюда.

Малуша сказала Яру:

- Хитрого да лукавого бойся больше, нежели храброго и сильного. На тебя одного у нас надежда теперь. Ты надежда наша, на тебя уповаем.

Вот с этой поры она звала его не иначе, как «мой надежда». Это было немного смешно и в то же время трогательно.

А он не проявлял видимой тревоги, хотя и был чуток к звукам леса и реки. Немного насторожил его дальний сорочий переполох или словно бы не птичий свист в чаще лесной, но, прислушавшись, он успокоился.

Разговор у костра шел опять о том же: что беда бывает не только от моровой язвы - минувшей зимой в иных землях *людие многие с голоду помроша, а иные ядоша кору березову, а иные лошадину*. Яр в ответ на это покачал головой, нахмурился и сказал, что лошадина хороша только для прикормки волков, а впрочем есть племена людей, у которых она ценится выше, нежели *говедо*.

Когда говорил он, девы замолкали и слушали, глядя на него каждая со своим выражением на лице: Устя с сугубой серьез-

ностью, Малуша с почтением, а Янка с доверчивой улыбкой или даже со смехом беззаботным. Липица была в стороне и не участвовала в разговоре.

3.

Они вдруг прислушались все разом: как-то очень печально издалека окликала лес кукушка, названная тут и *куковицей*, и *еззулей*... а в иных местах книги *зогзицей* или *зогзулей*. Речь тут была именно о кукушке, но та дева, что приготовила столь проворно да расторопно грибы в медном котелке на угольях, тихонько повторила ее клик – «Ку-ку!» – и сказала, вздохнув:

- *Еззуля кокует*... сама своему гнезду не хранительница есть.

С осуждением сказала. Другая молвила:

- *Злонравна сущи: народивши бо яйца, во иных птиц гнезда вметает.*

А *куковица* словно бы звала кого-то издалека, но ей никто не отвечал. Потому печальным, тоскующим был её призыв. Девы, сидевшие *на крутце*, негромко переговаривались:

- *Еззулю* за то птицы гонят, что гнезда своего не въёт. Вот она и кричит жалостно, гонимая.

- Не мы ли подобны ей? Гнезда не имам...

- Но и чужого корыстно не жаждем!

- Нас будто ветром вынесло из гнезда родительского, с отчины нашей.

- Сорвало, подобно *листу* ветром.

Тут они попечаловались: сокрушались каждый о своём. Только самая младшая из них, совсем отроковица, посматривала вокруг с улыбкой. Хоть и думать так не думала, но весь вид её говорил: весна... красно солнышко... птахи поют... как не радоваться!

- А кто так нарядил дерева? – удивлялась Янка, оглядываясь вокруг.

Она была весела, беспечна.

- Кто такое измыслил и кто претворил?

У молодых сосен на конце каждой ветки – красный росток, устремленный вверх, а самый яркий, самый крупный – на оконечии веток.

– Гляньте, как лепо! – не унималась Янка, названная тут Яниной. - Наверно, их украшают по ночам, чтоб днем было так мило любому сердцу – и человеку, и птахе, и всякой букарашке.

Устя снисходительно улыбалась, но при этом озабоченно оглядывалась в сторону Яра.

- Гляньте, вся сосна в уборе праздничном, - звенел голос Янки. - Отчего так?

- Полюбила, наверно, - предположила Устинья,

- Кого полюбила? – спрашивала Янка-Янина. – Иное дерево? Тут все деревья женски, а мужеских нет – ни дуба, ни ясеня, ни вяза.

- А ты спроси у самой сосны, она тебе поведает.

Янка даже встала из-за трапезы и подошла к сосне, взяла её дружески за колючую лапу:

- Поведай мне, сестрица, кого полюбила? Отчего красна? Кого ждёшь, кого манишь?

- Кто ни полюбит, всяк цветёт, – сказала Малуша словно бы сама себе. - Так заведено.

- Кем заведено? – с живостью обратилась к ней Янина.

- Да уж не нами. Небось, таково повеление с неба. Есть добрые боги, у них добрые дела.

- И так по всему лесу, по всей земле. Для кого такая лепота?

- Для нас с тобой.

- Но мы могли бы и не прийти сюда! Вся лепота осталась бы не увиденной нами, людьми! И так повсюду! Для кого же тогда?

Ей не отвечали, не зная, что сказать. Да и не к месту был разговор.

4.

После трапезы собирались в путь. Яр придирчиво оглядел каждую из тех, кто собирался с ним идти, насколько они к тому готовы.

Лучше прочих, пожалуй, была одета и обута Устя: в крепкой рубахе с *ластовицами*, плетёная опояска из кожаных ремешков, по концам медь; поверх рубахи той - душегрея на подкладке тёплой, с меховой оторочкой по вороту и рукавам – мех уже пообносился, но это была добротная одёжина; на ногах Устиньи сапоги недавно сработанные; *наголовье* расшито травным узором с буквицами-заговором. Это был не праздничный, но именно добротный, обиходный наряд.

- Богато жили? – спросил Яр.

Вернее, не спросил, а сказал утвердительно.

- Тятя с дядьями знатными *ларьщиками* были, - отвечала она. – Делали сундуки да ларцы слободским жителям, торговым людям... и для княжьего двора тож. Делали и для торго, и на за-каз.

Ей в радость было говорить это, и она продолжала:

- Прочней да ладнее никто сделать не мог. На всякую нужу умели сготовить товар: и ларь большой для муки или зерна, и ларец малый - для серёжек да колец. А сундуки на замках, большие, крепкие – вору не унести и не разбить. Тятя мой и дядья работали много, потому и достаток был.

Вспомнив отца, она опечалилась, вот-вот слезу уронит. Но не уронила.

- У нас, помню, тоже сундук был, - сказал Яр словно бы в утешение ей. - Медью кованый по углам, два замка – один по-тайной, другой явный. То не твой ли отец делал?

Конечно, он пошутил: далеко одно от другого были их род-ные места.

- Может, и мой, - отозвалась Устя.

Ей хотелось, чтоб в прошлом между ними была такая связь.

- А у меня был девичий сундук – с серебряными науголь-никами и гвоздочками, расписан лебедями.

В том её сундуке, как сказано, вместе с невестиним при-данным хранилось много всякой всячины: кукла тряпичная, сви-стульки глиняные, свирель малая, птичьи пёрышки радужные, засушенные цветы - это как-то не соответствовало облику муже-ственной Устиньи. А впрочем...

- Он мне был, как друг сердечный, тот сундучок, - сказала она с усмешкой. – Все самое дорогое в нём.

Яр пошутил:

- Негоже друга покидать. Небось, унесла бы его на пле-че...

- Много чего покинула...- вздохнула Устя. - А на сундуке том мати моя померла. *Важко* мучилась...

- Не тужи, - сказал Яр Усте. – Не затем родились, чтоб ту-жить да сокрушаться.

Они очень душевно говорили, так что Малуша ревниво заметила:

- Богат шепчет с кумою, а убог с сумою.

5.

На Малуше было платье из домашней крашенины с заплаты на локтях, но с *нашвами* по подолу; на ногах *обутка* худая.

- *Нагота и босота одолели*, - призналась она беззаботно.

- Не выдержит твоя *обутка* дальней дороги, - покачал головой Яр.

- Лето теперь, - возразила Малуша. – Боса пойду... я привычна.

- К нищете привыкнуть чести мало. Будешь ходить голый по лесу – обрастешь шерстью, подобно вепрю или волку. А будешь ходить боса – обретёшь копыта, как у лося или коровы.

- Того не допустят ни *мати* моя, ни бабка.

- Они умерли, - напомнил Яр.

- Мертвые заботятся о живых, - возразила Малуша убежденно. – И о тебе, и о них, - она кивнула на Устю и Янку, - и обо мне. Родичи наши остерегают нас, внушают благие мысли, подскажут добрые решения. Если с кем-то случится беда, значит, непочтителен к ним. Если же случилось доброе, благодари: то их промысел, то они умолили, умилиствовали богов.

Разговаривая с нею, он придирчиво оглядывал её: телом легка и слаба, но, судя по глазам да по речам, быстра умом. А ранее отметил: языком остра, но нрава покладистого.

- Привыкать способней к богатству, нежели к нищете да босоте, - сказал Яр с улыбкой.

- Было б богатство, а привыкнуть к нему долго ли! - тотчас отозвалась она. - Только ведь иной беден, да ликом светел, а богат - худ и бледен.

Она любила выражаться этак складно, присказками да поговорками.

- О богатстве ли печься, когда живешь? - добавила с хитрой усмешкой.

- О чем же ещё?

- Зачем спрашиваешь? Ты знаешь. Не мне тебя наставлять.

- Знаю, да от тебя услышать хочу.

- Нам следует печься о радости: вот солнышко светит, вот твой родничок-студенец журчит – внемлешь? – вот птахи поют, лес шумит... о том и думай. И людям станешь мил, тем и богат.

Так отвечала ему Малуша. Что-то она знала такое, что пока недоступно было ему, Яру, и он с удовлетворением воспринял то, что Малуша будет теперь в пути бок-о-бок с ним.

- Ладно. Потом поговорим об этом. А пока надобно о твоей босоте печься.

Столь же пристально осмотрел он и Янку. У той поверх лёгкой рубахи из неведомой ткани были одеты однорядка да опашень внакидку, а на ногах большие сапоги. Но девушка эта улыбалась светло и весело.

- Свою хорошую *обутку* отдала, а чужую плохую надела? – шутливо спросил он.

- Горели мы, - объяснила она, беспечально улыбаясь. – Ночью подожгли нас. Некогда было примерять, своя ли *обутка*, чужая ли. Спасалась, как смогла и в чем смогла.

- Не тужи, - сказал и ей Яр.

- Я не тужу, – весело отвечала она, однако слезу смахнула.

Слеза оттого, что пожалел он её по-отечески, и это душевно тронуло сироту.

Замечу в похвалу себе: я очень бережно относился к своей книге, не делал в ней никаких пометок, не исправлял явных грамматических ошибок, как я их понимал при своих шести классах образования.

А вот некий *Кирилл* иногда вольничал. Против строк, где сказано, как одета Янка, пометил: «*Не могла она надеть на себя и опашень, и однорядку*». А почему не могла, не объяснил.

6.

Яр подошел и к Липице, сидевшей в стороне. Ему было уже ясно, что она не пойдет с ними.

- Что ж, - сказал он, - видно, нам не по пути и следует расстаться?

Она склонила голову: да, не по пути.

- Я взял бы тебя с собой, - сказал Яр нерешительно.

Она пожала плечами и отвернулась: мол, я к тебе не прошу. Он нахмурился.

- Будешь жить в земляной норе под деревом, оставшись одна?

- Вернусь к людям, - сказала она.

- Они мертвы.

- Где-нито есть и живые...

- На них надежду кладёшь?

Она промолчала в ответ.

Ясно было, что Липица нравится ему больше других, но этот храбрый воин почему-то робел перед нею! Так и было сказано, что он разговаривал *с робостью*. Упомянуто, что в поведении её, во всем облике, во взгляде да и в речах проступало нечто такое, что названо высокоумием, то есть была она в гордыне, высокого о себе мнения. И одета нарядней всех: в летник с рукавами, и упоминалась ещё некая *епанечка*... и на персте безымянном носила прозрачное колечко, каких не имели простолюдины.

- Ты хочешь увести их в дальние земли? – спросила Липица строго.

- То место не чужое - знакомое, - отвечал он, подумав. – Там я вступлю во владение ловищами и тонями, и пожнями, и лесом дремучим, и рекой чистой, и озером - то моя вотчина, я буду ею владеть, как князь.

- Будешь брать дани с огнищан?

- Люди живут там вольно, никому не платят дани. Я хочу того же.

- Но ты берешь с собой их, - она кивнула на дев, – чтобы владеть ими.

- Они будут мной владеть, - возразил он, усмехнувшись.

- Три жены при одном муже? – уточнила она.

- Или одна из них. Я никого не неволю. Ведь они сами просили меня о том! Ты слышала.

- Нехорошо это – сразу несколько жён иметь, - тихо укорила она.

- Предки наши не чурались такого порядка: кому по силам держать одну жену, имел одну; кто мог несколько, имел несколько; а кто ни одной не мог, жил бобылём.

- Так только звери в стае.

Тут он смутился, возразил неуверенно:

- У зверей бывает по-всякому: и парами живут, и стаями.

Она же сказала очень тихо:

- Люди – не звери. У людей – любовь. Или ты того не ведаешь?

- Не от своей нужды я беру их с собой, - отвечал он, подумав, - а от их немощи да слабости. Не ими от зла творящегося загородиться хочу, а их самих загородить от такового. Не силой беру их, а по их доброму согласию и соизволению.

Устя, Малуша и Янка, уже готовые в путь, стояли и смотрели в их сторону. Они уже беспокоились: что-то долго он разго-

варивает с гордечкой, как бы она не переманила его к себе. Приласкает словами да взором – и самые сильные мужи укрощены бывают и покорны, как овцы, коли на них обратится взор женский. Вот обернётся он к ним и скажет: «Идите без меня... я остаюсь с нею, больше никого мне не нужно, мы пойдем в иную сторону». И останутся они ни с чем. А куда идти? Который путь спасителен?

Но нет, Липица не удерживала она его.

- *В чём ты кручинна, повеждь?* - спросил он у неё перед тем, как расстаться:

Она ответила не сразу и тоже очень тихо:

- Не стало в животе мужа моего, Злата Богуславича... и дитя моего Жданко... никакой утехой не могу утешиться.

Он понимающе кивнул и вернулся к девам. Велел собираться в путь.

Крепко препоясавши чресла свои, Яр вскинул на спину суму, повесил лук на плечо, кивнул девам: пора. И пошел по берегу походкой привычного ко mnogой ходьбе человека. За ним тотчас двинулась Устя, за Устей Янка, а Малуша оказалась замыкающей – у каждой заплечный короб и ноша в руках.

Липица провожала их глазами, как шли они друг за другом, пока не скрылись в лесу...

7.

Шли берегом Оцы... в нешироком месте переправились... а как? То ли на плоту, то ли вброд. Просто сказано: переправились. И далее шли уже не берегом, а прямо, удаляясь от реки, держа перед собой свою тень от полуденного солнца

Земля здесь была неровна, холмиста. Взойдя на возвышение, Яр оглядывал то, что впереди, выбирал верный путь. И шли дальше. Спускались в низины, перебрехали болотца, пересекали ручьи...

Шли.

Спутницы Яра дивились тому, как жадно он, шагая впереди, оглядывается вокруг. То была не настороженность и не опасение чего-то, а именно жадность, словно он хотел вобрать в себя всё, что видел.

На привале очередном отыскался сам собой камень-наждак. На нём точил Яр топор свой, при этом восхищался камнем и жалел, что не унести его с собою: уж очень хорош – по-

верху ровный, очень плотного естества. Но велик, с собой не унесёшь.

- Годился бы и к алмазному делу, - знающе сказала Малуша.

Но рассказать, откуда она это знает, не захотела.

- А видел ли ты в дальних землях *измарагды да червьцы?*

- Видел, но в руках не держал.

- *Егда червьцы* выкапывают из земли, *тогда невелику в себе черноту содержат. А егда алмазник лице на него наложит*, тогда светел бывает и силу свою покажет. Тогда зовут его *мани*.

Она быстрым движением достала откуда-то из-за пазухи камушек покрупнее лесного ореха, огранённый, показала всем, но тотчас спрятала, объяснив, что он не любит солнечного света. Камешек был красен яро-яро...

- Есть остров Силян, - сказал Яр, - не ведаю, где – то ли за морем, то ли за горами, то ли просто на краю земли, там находится *камень драгое – червьцы да фатисы, да бабогуры, да бинчаи, да сумбада...*

- Там стоит столп медян, в нём закрыт яд змеиный, - добавила Малуша.

- Так, - подтвердил он. – Откуда то знаешь?

Она только улыбнулась в ответ.

При бедности своей Малуша носила на шее богатое жемчужное ожерелье, но не выставляла его напоказ, прятала за складками ворота.

- То не с острова ли того? – спросила Устя про ожерелье. – Небось, торговые люди привезли. У них купила? Или они одарили тебя?

С улыбкой спросила, заранее зная, что она ответит.

- Нет, - сказала Малуша. – То с нашей реки, зовомой Грустинька.

- Таково прозвание у речки? – удивился Яр.

- Да. На ней собирали жемчуг... Я сама добыла, сама и снизила ожерелье моё.

- Небось, в дальних землях, на том же острове Силян говорят о Руси, как о дивной стране, где жемчуга да драгоценные камни рождаются изобильно.

Это сказала Устя. Яр подтвердил, усмехнувшись:

- Истинно так.

И любовно точил свой топор, иногда пробуя острое лезо пальцем.

8.

Шли дальше... временами им казалось, что позади следом идет кто-то: сороки стрекотали там. Некто, вроде бы, крался следом.

- А ну как Вепрь и Хорь выслеживают нас? – Янка пугливо оглядывалась. – Кто знает, что на уме у тех шпыней! Пойдут по нашим следам...

- Не думай о том, – строго отвечал ей Яр. - То не твоя забота.

А Устя шепнула Янке-Янине:

- Твой страх ему в обиду.

- Они не посмеют, - сказала Малуша и добавила в раздумье: - Людие разные на земле... От пчёлки – медок, а от жука – что?

Янка с Устей засмеялись.

- То же, что от жука, то же и от шпыней.

В пути не до разговоров, а вот когда устраивали привал, поглядывали испытующе на вожа своего и судили-рядили, стараясь вовлечь и его в суд и ряд.

- Ввысь видно далеко-далеко, - скажет, к примеру, Янина. – Там птицы, *облацы*, *звездицы*, солнышко... там небо, как лёд, прозрачно. От него может отколоться кусок и пасть на землю. Всё это видно, всё знаемо. А что внизу, под нами? Того не ведаем.

- Под нами глубь земная, - отвечала ей Малуша. – Там живет Чернобог.

- А каков он?

- *Единоок, мрачен и мглен*. А слуги его – тут, на земле: и злой дух Срам, и змей, и вран чёрный, и козёл бородатый, и чёрт рогатый, и кощей, и щур, и бес.

Яр вставлял своё суждение:

- Под землёй в холодной воде, во мраке плавают слепые рыбы, подобные теням, узкие и длинные, и прозрачные, будто ледяные. Они иногда поднимаются и выходят в тёплое море, но жить в нём не могут, погибают. Я видел такую рыбу - без глаз, но у неё были лапы, как у ящерицы...

Ужасались девы, слушая. А он продолжал:

- Там во тьме текут реки, сдвигаются и расходятся толщи земные, падают с каменных уступов потоки водные, плещут моря. Есть там и реки огненные. Когда ратоборствуют вода и

огонь, случается великое смятение, горы содрогаются, моря расплёскиваются, *на земли от страха все людие падоша*.

Девы, опять ужасаясь, переспрашивали:

- Огненные реки? Во тьме?

- Так. Те реки вырываются из-под земли, из своих узилищ, от них лучи пламенные восстают до самого неба, и грохот с земли до небес.

- То *драконты*, - воспротивилась Малуша. – Они огонь выдыхают... а живут под землёй.

- *Драконтов* не видел, - отвечал Яр, по-своему усмехаясь.

- Но видел, как гора *воскуряхуся*. И говорили мне, что оттуда река огненная текла не раз. Та река страшнее *драконта* – всё испепеляет, даже камни.

- Может испепелить и лес, и селение, и большой град, - подтвердила знающе Малуша.

- Есть пропасти с каменными уступами, по которым можно спуститься под землю, - добавил он, о чём-то размышляя.

- Зачем? – ужаснулась Янка.

Он усмехнулся той усмешкой, которая так нравилась им:

- Чтобы собирать там камни... вроде того лала, который у Малуши за пазухой. Наверно, её бабка Ясуня спускалась туда...

Того Малуша отрицать не стала: может и спускалась.

9.

Шли... Устинья посматривала на вожа, волнуясь неведомо отчего, думала:

«Зачем он охотник... или воин? По повадке быть бы ему князем: добролик, рассудлив, неспешен в делах и в словах».

Она ревниво оглядывалась на Янку и Малушу: которая из них больше нравится ему, которая соперница опасней. И утешала себя: только она ему подстать.

«Как хорошо, что он с нами», - это была мысль Янины. Она не ревновала и не примерялась насчет соперничества. У неё в душе было дочернее чувство к этому сильному человеку, что вёл их куда-то.

А Малуша сказала вслух, но словно бы самой себе.

- Не ошиблись мы... Не в неволю попали: себя спасём и его не уроним.

Вдруг потянуло дымом густо. Решили было, что это лесной пожар, и теперь придется идти по горелым местам. Но нет – в

той стороне, откуда наносило дымом, огнищане выжигали лес, вздирали новую деревню.

- Тут живут люди лёгкие сердцем, - сразу определила Малуша.

А почему она так решила? Просто посмотрела издали, и вот сделала такой вывод.

- Пойду выменяю у них хлеба, - предложила Устя.

А они к тому времени с хлебом *проелись до крох*.

- Мой надёжа, отпусти её, не страшись, - попросила Малуша. – В этом месте нет Мора.

Яр отпустил, однако же наказал Усте разговаривать с людьми, не подходя к ним близко. Велел взять с собой гуся, недавно им подстреленного, – обменять на хлеб.

Устинья ходила недолго. Вернувшись, рассказала, что новосёлы сначала прорубили кольцом широкую просеку, повалили лес в этом кругу, а уж потом подожгли, не давая огню уходить за обозначенные границы и вот с краю этого широкого кольца уже сеяли и одновременно расширяли угодье. Они уже построили себе временное жильё – низкие срубы с крышами из дерновины – и загоны для скота. Хозяин крайнего жилья оробел при виде её, *метал очи семо и овамо*.

- *Емлет* со стола хлеба *кромуху*, - сказала она, смеясь, – и даёт мне без единого слова, но с поклоном. Словно я гость желанный или разбойник с рогатиной.

Гуся она оставила ему, тогда он ещё хлеба дал и красных блинов... Родичи его подошли, разговаривала она с ними.

- Нет у них больных, - заключила Устя. – Однако слышали о язве моровой, что где-то настигает она людей. Тоже отошли в дебри лесные, памятуя о той беде и со страхом: авось не найдёт их Лютомор.

- Мой надёжа, поселимся здесь, - предложила Малуша. – Земля хороша, люди добрые. Куда идем?

На это он даже не отозвался.

Пошли далее...

* * *

А я остался с Липицей, когда Яр и его девы, названные им *сёстрами*, удалились... В этом месте книги Липица могла пропасть неведомо куда, просто исчезнуть навсегда, раствориться в том далеком историческом пространстве. Но она продолжала жить, запечатлённой в этих письменах...

Помнится, я не сразу понял, что *нет в живом* означает «нет в живых» - это когда говорила Яру о муже своём. Я посчитал, что это просто ошибка переписчика, хотел даже поправить своей рукой, но удержался.

Мы долго сидели, я и Липица, глядя, не появятся ли ещё раз на излучине речного берега Яр и его *сёстры*. Мне было очень грустно. Я слышал, как Липица сказала:

- Прощай, Яр Вышатич, муж добрый... А здоровствовал бы Златко мой, не нуждалась бы я ни в чьей заботе, и ты не посмел бы предложить мне своё покровительство. Ему б сидеть перед тобой, а тебе перед ним стоять. Может, он взял бы тебя в свою дружину... а мне быть бы тогда твоей госпожой. Ныне же я сирота...

Я не мог ей ни возразить, ни ответить согласно. Я её мужа Златко не знал, судить о нём не мог. А вот за Яра немного обидно стало. Я б вступился за него, если б эта жёнка могла меня слышать. Ишь, как она высокомерно о нём судит! Приветливей, обходительней надо быть с людьми, мягче... А не то за гордость Бог накажет.

Где-то сказано было в книге той: *«Злой человек от злого сокровища сердца своего износит злое»*. А разве излишняя гордыня не зло? О том говорила мне богомольная тётя Саша, сестра моей бабки, приходившая к нам в гости.

Берегись, Липица! Сама себя наказываешь.

Мать моя говорила: «Самого себя в угол загонять - последнее дело».

Словно в утешение ей пробежал по деревьям *соболёк, зверёк зело предивный*. Он так легко, так игриво пробежал, что Липица засмотрелась на него и вытерла слезы. Даже улыбнулась.

На углу страницы этой в переплетении травном поместилось три лица, похожие одно на другое. Два как бы недорисованные – просто лоб, глаза, нос... а третье удачнее – грубоватое, но мужественное, привлекательное. Кто-то пытался запечатлеть портрет главного героя... И ошибся рисовавший: серьга в ухе была тут ни к чему – ведь Яр выбросил её в реку... и какая-то рыба унесла ту серьгу.

Глава восьмая. Птица Нежить

Община Посад. Вож Городило. Явление Нежко Луня. Отроки во Вселенной. Воислава за каменной релью. Слухи о мимоходце. Трапезы Воинко и Радимы. Лесовик на ночлеге.

1.

Община Посада, как выяснилось, уже добралась до места, которое заранее облюбовала для своего поселения. Ещё года два назад охотники посадские разведали его и облюбовали: тут лес добрый, пригоден к строению жилому, земля удобна для хлебопашества; родниковая вода и чистый ручей, в бочагах непуганая рыба... и всё это ничьё, поскольку никого нет на много поприщ, никаких селений! Никто не оспорит владение землёй этой.

Здесь поджидали своих шестеро мужей, из коих упоминались поименно Савин, Богумир да Любим, остальные безымянны. Вновь прибывшие уже располагались в радости от окончания пути. В тот день перед самой встречей Богумир с Савином да Любим с ними добыли лося: угодил сохатый в ловчую яму. Теперь мясо оказалось куда как кстати: тушу разрубили и раздали по семьям. Задымили костры...из котлов и горшков запахло вкусно варевом.

После трапезы не общей, а посемейной, Городило собрал всех мужей в круг – для совета. Были тут и готовившие место поселения, и братья Большак, Дружина, Ждан, Мирослав да Дедилец, и кривой Вятко, и Юрок, и Орлец, и Радило, и Любослав... Широким кругом сидели на пнях да брёвнах, говорили степенно, каждый в свой черёд, не перебивая друг друга – как было заведено издавна. Прежде всего выразили довольство выбранным местом – говоря о том, оглядывались вокруг с воодушевлением.

Из дальнейшей беседы их явствовало, что сам Городило со товарищи да те шестеро или ещё кто-то были тут зимой, заготавливали лес для строительства жилья: именно в эту пору и следовало готовить брёвна – тогда-де *от стужи выступают из дерева всякие мезги, лишние мокроты*. А ещё год назад тоже приходили - повалили тут лес большой, подрубили мелкий и кустовье да выжгли всё это под будущую пашню. Выжигать же следовало именно лежащий лес, иначе не будет проку. Но крепкого жилья ещё не строили - скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается – жили в землянке.

Теперь о том говорили посадские мужи: не мало ли заготовлено. А ещё о том, где кому ставить избу, где скот пасти, кому расчищать землю под будущую пашню, кому идти на охоту...

- Надобно знаменовать владения наши, - молвил Городило в заключение. – Пока что земля ничья, так чтоб не было потом раздора с соседями, кои должны быть где-то или придут новые. Присмотрите охотничьи угодья, рыбные ловища, сенные покосы, места для пастьбы скота.... Обозначим пределы наши, и стоять нам на страже их честно и грозно.

Тут упоминали о владетельном человеке – князе набольшем Остромире, который простирает свою властную длань над людьми и землёй далеко. И жаден он, и жесток.

- Он о нас не скоро узнает, - кратко возразил Городило. – Тут мы укрепим, А узнает – опять уйдём.

Круг отозвался одобрительным ропотом.

- Не промедлим ни дня во трудах своих! – продолжал Городило. - Ты, Богумир, возьми с собой одного из братьев и ступайте на восток до края, а край тот определите сами по нуждам нашим. Ты, Вятко, и ты, Юрок, пойдёте на закат за тем же. Ты, Орлец, и с тобой кто-либо, подите на зимник. Я сам пойду на летник. Лишнего не захватывайте, но и нужного не оставьте без призрения. Знамёна поставьте на деревьях или на каменной груде, потом выбьем на камне, чтоб было ясно и зримо всякому.

Сидевшие за пределами круга отроки Смирята да Славко попросили:

- И мы пойдём.

- Добро, - отозвался вож. – Возьмите и их. Завтра при восходе солнца пойдём, а к закату вернёмся.

Пока шёл этот совет, женщины готовились к ночлегу. Но это был особый ночлег – уже на месте. Располагались, как и в прежние ночи, под повозками и в шалашах, наскоро поставленных... Опасались дождя, потому навесы сделали поплотнее, из молодых берёз и елового лапника, из тростника, связанного в снопы.

2.

Но наутро намеченный план пришлось отложить: вдруг появился Нежко Лунь! Да, он встал на той дороге, что проложил Посад в своем движении, и смотрел на своих односельчан.

Старик был в привычном для всех виде: с непокрытой головой, белые волосы падали на плечи, выгоревшая, выбелен-

ная солнцем и ветром рубаха ниже колен, подпоясанная вервием, ноги босы.

К нему обратились все лицами и в изумлении, и в радости, и в страхе, не смея окликнуть, заговорить. Ведь он умер и сгорел! Откуда же теперь взялся? Взрослые оглядывались на двоих отроков: так ли? Торопка и Путята смутились, переглянулись. Да, они подожгли дом, когда Нежко Лунь умер в нём – так он сам завещал. Они даже видели, как вместе с дымом и огнём устремился он в небо белым облаком – ясно различались и его выбеленная до ветхости *срачица*, и седая голова, и бледный лик. Почему же теперь...

А Нежко Лунь вздел руки вверх, держа в каждой по ветви в цветах, проговорил какие-то слова и осенил всех быстрыми взмахами, при этом улыбался по-детски радостно беззубым своим ртом. Затем он приблизился, словно подгоняемый ветром, ступал неверно, пошатываясь, однако выглядел гораздо *крепльше*, нежели прежде.

К нему подошёл храбрый вож Городило, обнял, не как друга или простого родича, а почтительно.

– Я умер, так, - подтвердил Нежко Лунь в ответ на вопросы, к нему обращенные. – Не корите отроков... Когда загорелась *избица* моя, подняло меня огненным вихрем и отнесло в сторону, и опустило. Очнулся на траве посреди *круглицы* – это в лесу, что за Гнилым ручьем... Именно там я зрел однажды богов, сидящих на небе советно. Именно там... И лежу на круглице той – не ночь уже, а светлый день, птахи вокруг меня поют... Уж на место Посада нашего не вернулся я, пошёл за вами следом и никак не мог настигнуть, пока вы не остановились. В пути пил воду родниковую, она оказывалась молоком. Растирал мягкую траву сныть и ел, а она становилась ячменной кашей. Оттого окреп и вот достиг вас.

- Где же ты ночевал? – сострадательно спрашивали жёнки.
- Ведь ночи холодны, а на тебе *лопотина* ветхая, лёгкая.

- Во мне был огонь, - отвечал Нежко Лунь. – А когда в ночи я залёг под комлем сосновым - медведь явился ко мне, мы рядом спасались от ливня. Он грел мне бок. Я разговаривал с ним, поутру велел ему уйти, потому как от него отнюдь *не благое воение* ... Он покорился мне, ушёл.

Воскресшему старику поднесли детей, их он коснулся ласково перстами, тронув чело каждого – чтоб окрепли они, как и он сам.

И опять собрал Городило мужей в круг. Теперь уж Нежко Лунь сидел с десной стороны от вожа со словом самым веским.

Тут надо сказать, что потом он рассказывал о своём избавлении иначе: когда занялась избица огнём, из дыма возник человек и вынес его. А вынеся, напоил, накормил, и беседовали они, после чего расстались.

А был тот человек совсем чужой и не один, с ним спутники, только Нежко Лунь помнил их смутно

3.

Трое друзей-отроков – Смирята, Славко и Шестунок – разведывали всё окрест. Первым делом: где тут вода, – река ли, ручей ли, озерцо ли. Глухой овраг с шумящим потоком заинтересовал их. Озадачила яма – этакий провал в земле, заросший красноталом. *Восторгнула* их поляна с ягодой-земляницей, но ягодки были ещё незрелы.

На ночь отроки устроили себе ночлег дружеский *купный*, отдельно от своих семей: связали верхушки молодых берёз и набросали сверху веток много. Явление Нежко Луны волновало их, потому обсуждали шёпотом: а не явился ли в образе его некто другой...Боялись.

- Ништо! Городилу не обойдёшь. Он разгадает.

Сквозь прорехи в листвяной кровле проглядывало облачное небо, и в облаках появлялась и исчезала яркая звезда. Та звезда немало дивила их. О том речь тоже вели.

- Бывало прежде: *явися звезда на небесах и протяже, испусти от себя луч светел, аки хвост...*

- А случается течение звездное на небесах и *отторгаху звезды от небеси на землю...*

То сказали Смирята со Славком, а Шестунок посвистел «*уйть-уйть-тю-тю-фиу-вить!*», как зяблик, и молвил:

- Кто смотрит на небо, упадет в яму, аки лось.

Засмеялись все трое. Потом один из них продолжал:

- Нежко Лунь баял прежде: *явися звезда, глаголемая копие, простираша копейным образом.*

Другой сказал:

- Ещё я слышал: *в ночи потече небо все, и бысть червено, аки кровь... и на снег, на крышах, и на листие древном аки кровь пропита...*

Далее они говорили о том, что будто бывают *рога на солнце златы и сияющи...*

- А ещё: бывает, что слоится оно, словно кладь блинная, на-двое, на-трое, а то и на-четверо и раскатываются эти блинцы по небу, подобно тележным колесам - тогда у каждого человека и у дерева, и у куста бывает не одна, а несколько теней.

- Да полно, бывает ли то? - сомневался один из них, кажется, Шестунок. – Солнце – это дыра в небе, в ней великий огонь проглядывает. Как может та дыра слоиться блинно?

А Смирята со Славком в один голос убеждали его:

- Бывает! Бывает!

Шестунок на это посвистывал, словно зяблик перед дождем, - *рюмил*: рю-рю-рю.

- Солнце – оно сухим златом ткано, - сказал Славко. – Поэтому так яро.

- А кто его *видех своима очима, тот станет слеп*, – сказал Шестунок, прерывая свист.

- Иногда опирается на багряный столп...

- То не солнце, а само небо.

- А оно с небом едино...

- Истинно молвлю: то дыра в небе, а за небом огонь великий, ярый.

Так они толковали, устроившись на ночлег, те трое отроков – Смирята, Славко и Шестунок..

И вдруг прозвучало в их разговоре:

- Гляньте-ка, гляньте-ка на божьи звёздочки, - будто пчёлки роятся!

«Да это же у Тургенева в «Бежином луге!» - обрадовался я.

И далее про отроков тех было, опять же, словно по Ивану Сергеевичу:

- Это кулички летят, посвистывают...Что за крик?...

- Цапля кричит...

4.

А далее в этой главе повествовалось о Млад-Воинке и Радиме.

После лесов диких перед ними вдруг открылось место обжитое: обширная *чистина*, по *закустовью* можно было угадать дорогу, а далее возле нее, упятившись задом в лес и насторожась, словно живая, стояла избушка, не велика и не мала, но крепка, с двускатной крышей из осиновых *латок* - словно рыба чешуя; под верхним бревном-гнётом волоковое окошко, обмазанное глиной и закоптелое, два окна красных, то есть оба на

перёд, с бычьими пузырями – для света; окна те круглы и подобны глазам, отчего избушка и казалась живой.

Хлопнула дверь, и с крыльца настороженно сошла по ступеням жёнка, да и не *впросто*, а вооруженная, как ратник: и *лук стрелебный* при ней, и боевой топор на поясе. Она сделала повелительный, останавливающий взмах рукой, словно отсекая, проводя черту: не подходи, дальше запрет. А уж лук поднят и стрела на тетиве. И Млад-Воинко остановился, удивленный и озадаченный. Она поначалу видела лишь его одного, но тут за ним показалась Радима, потому воительница немного успокоилась, опустила к ноге уже поднятый лук. Однако стояла ещё в боевой позиции, боком к ним, широко поставив крепкие ноги, и смотрела на пришельцев с твердостью, решая, что за люди и чего ей от них ждать, добра или худа. Радима поспешила заговорить с нею, и та отвечала на странном наречии, но смысл понять можно. То есть слова знакомы, произносила же она их непривычно для пришедших, нараспев. Назвалась Воиславой – имечко ей было к лицу – а выговор столь забавен, что Радима улыбалась.

Разговаривали, стоя на расстоянии прицельного полёта стрелы. Воинко смотрел с прежним интересом и молча, а жёнок было не унять, особенно Радиму, соскучившуюся по людям.

Из-за избушки вышел малый дет десяти... нет, пожалуй, поболее, уже отрок. Он держал за ошейник крупного чёрного пса, едва удерживая его. Пёс смотрел на пришельцев грозно и не ла-ял, только напрягался всем телом, делая попытки сорваться с руки, его удерживающей. Воинко знал: не опасайся пса лающего, берегись молчаливого. Равно и с людьми так. Отрок встал рядом с матерью, смотрел тоже сурово.

Разговаривая, понемногу сближались, но не сходились слишком близко - разделяла *каменная рель*...

Сначала-то я решил, что незнакомое мне слово это - *рель* – означает каменную россыпь или выложенную камнем дорожку. Но нет, оказалось: выкладка булыжниками, что-то вроде огорожи. Наверно, для обороны от турьего стада или ещё для чего-то.

«В городах – *кремник*, в таких вот поселениях – *рели*», - соображал я.

Воислава сказала, что живет одна, то есть без мужа, с малыми детьми, их у неё шестеро. А мужа похоронила зимой: ушибло до смерти упавшим деревом *по злему лешьему умыслу*. Нет, Лютомор не достиг её жилища, но с некоторых пор, про-

слышав о наступающей болезни, она не подпускает никого близко к своему жилью. Говорят, *морозы беси* перескакивают с немочных людей на сильных, так что не перескочили бы случаем на неё саму и на детей и не изъязвили бы – страх владел отважной вдовицей.

Слышала она также от знакомых охотников и о человеке светлого облика, что идёт по реке Непре или по Тапне-реке, собирает вокруг себя людей, соблазняет речами. Воислава сказала, что не шибко верит в добрые намерения бродяги, что не допустит и его к своему дому; коли явится, - выйдет с луком да топором, и пса не станет удерживать. Пёс при этом зарычал глухо, словно подтверждая: изорву в лоскуты! Она обернулась к нему с коротким повелительным словом, укротила.

- Но он будто бы останавливает морозу напасть, - сказал Млад-Воинко осторожно, словно спрашивая.

- Он чужестранец, - молвила Воислава сурово. – От них ли ждать добра! Отец говаривал: они хитры и лукавы, наглодушны и жадны. Не верю я им ни в чём.

Поскольку пришедшие вели себя с *вежеством*, она предложила им *ествы и питья*, но сказала, чтоб не подходили к её жилищу, что и то, и другое поставит на *рели*,. Радима с Воинком переглянулись и отказались, поблагодарив. Тогда она поклонилась им с достоинством: простите, мол, люди добрые, что сурова с вами.

- А если придут лихие люди большим числом и восхотят выгнать тебя из жилища твоего? Что тогда? – полюбопытствовал Воинко.

- Буду биться, - отвечала она. - Тут моё гнездо. И птаха малая, и зверь самый малый держит оборону своего гнезда, не то, что человек. Как можно быть изгнанной или отдать отчий дом лихим людям, разбойным!

Видно было, как Воинку понравилась эта жёнка. Он мог живо представить себе её в бою: иногда ходили жёны и в рати, сражались бок-о-бок с мужьями ничуть не хуже их. Эта была истинно воительница. Радима даже заревновала.

А из-за *рели* каменной выглядывали ещё две детские головы.

- Подрастут – будут матери защитой, - кивнула на них Радима.

- Так, - горделиво молвила Воислава.

Хоть и мирный разговор, но она не склонна была продолжать его. Просто посоветовала, как лучше обойти её стороной, и отступила к своему дому, давая понять, что разговор закончен.

Млад-Воинко с Радимой попрощались с тем же *вежеством*, пожелали добра и удалились. Отрок с грозным псом некоторое время сопровождали их в отдалении, потом отстал.

- Вот какую тебе нужно в жёны, - сказала Радима.

Он даже не откликнулся на это.

- Хочу, чтоб и у нас с тобой было много сыновей, - вздохнув, призналась она. – Хочу, чтоб было шестеро... оборона в старости.

- Сами себя охраним, - сурово отвечал он, - и наших шестерых детей, коли будут, тоже обороним.

5.

Их угнетала ноша – то, что несли с собой: завернутое в рожи, увязанное вервием льняным и лыковым. Сказано было, что у Млад-Воинка от тяжести той болело пораненное плечо. Однако он стойко переносил боль и никогда не жаловался, даже если разбередит рану, и та начнет кровоточить. Они оба очень заботливы были к ноше своей: укрывали от дождя, не бросали на сырую землю, не оставляли без присмотра: могут разорить при ночлеге звери: лиса или ласка, а то и мышь..

Ночи были ещё по-весеннему холодны, потому на ночлег останавливались задолго до сумерек, чтоб подготовиться. Воинко, взяв лук, уходил к ближнему болоту или к ручью, а Радима внимательно осматривалась на новом месте, искала что-нибудь съедобное, а что именно, не понять было мне, читателю. Сказано, к примеру:

«Растет трава под берегом – корень, что репка или луковица, бел».

А что это за трава такая? Как понять? Но именно её искала Радима: репки да луковки хороши и к рыбе, и к дичине. Собрав что-то в лесу да по овражкам, Радима разводила костёр, сильно, по-мужески ударяя о камень кресалом. До возвращения мужа успевала искупаться, коли было где, сушила волосы у огня, расчесывала их деревянным гребнем: у гребня выщербились несколько зубцов, это огорчало её.

Запомнилось мне об одном из их привалов: Радима зашла в лес в своих поисках и увидела сидящего на дереве филина. Она вздрогнула от неожиданности – он был совсем рядом, сидел

низко, не уровне её плеча. Не тронулся с места, только поворачивал голову и молча смотрел, должно быть, совсем не видя: был слеп от дневного света!

Радима засмеялась, протянула руку и тронула его – филин снялся и полетел низко над землёй, сел неподалёку. Она пошла следом, встала перед ним.

- Ты глуп, - сказала она ему. – Почему не боишься меня? Откуда тебе знать, что у меня на уме? Может, я хочу погубить тебя? Не бойся, то не в моём обычае – творить напрасное зло.

Филин повернул голову туда и сюда, словно говоря: нет, я не глуп, и попробуй тронь, я клюну тебя своим крючковатым носом

- Сиди, - сказала ему Радима. – Скажи своим, что я не сделала тебе зла.

Сказав так, ушла.

Когда Воинко возвращался с добычей, они готовили трапезу вдвоём, дружно: запекали рыбу на углях или птицу *на рожне* или пекли в золе яйца – утиные, лебединые, гусиные. Иногда в пищу шли и яички помельче: можно было догадаться, что это теревинные, рябчиковые, даже сорочьи или дроздины... что попадалось в пути. Было у Воинка с Радимой кое-что и несомое с собой: упоминалось *осердьё лосье рассольное* или вяленая рыба. Но гораздо чаще ели они мясо птицы. Именно за гусями да утицами охотился Млад-Воинко, уходя к ближним водоёмам. Он неслышно подкрадывался близко к самой сторожкой птице, и стрела его с кречатым оперением не знала промаха. А ведь сказано было, что не охотник он, а *земледелец*, то есть землепашец, крестьянин. Но вот ловок и в охоте.

Трапезы их не были скудны. Скорее напротив! Многому я позавидовал из того, чем угощались они, сидя у вечернего или утреннего костра, от многого я только вздохнул завистливо. Было сказано, к примеру, что Воинко и Радима любили *яства рядовые горячие*: уху стерляжью, уху карасёвую, уху окунёвую да налимью. Таковых я и не едал, кроме разве что щучьей. Карасей из нашего деревенского пруда мы просто жарили на сковородке, но чтоб уху из них варить...

Пока ужинали, нагорало много углей, и земля прогревалась. Они разметали угли по сторонам и на теплом месте устраивали ложе – прямо на горячей земле с ещё тлеющими малыми угольками Радима стлала еловый лапник, потом сухой камыш и, наконец, некое *настелье*. А сверху укрывались *лопотём*, в

изголовье – сумы. Наверно, то *лопотыё* - его шуба да ее *охабень* с *рыжими ласками*.

По сторонам, *на десно и на шуе*, сообразуясь с направлением ветра (чтоб дымное курево потом не досаждало), Млад-Воинко разводил два костра, уже нежарких, ленивых, на каждый из них требовалось по три сухих ствола древесных. Между этими кострами делали они из сырого камыша и лапника низкую крышу косым навесом – на случай дождя. Вот тут и был им жилой кров, ночной приют до утра. Обочь, под рукой, клали и лук, и ножи, и топор. Спали, крепко обнявшись для любви и тепла.

6.

Кстати, об одежде... Во что одевались и во что обувались вот хотя бы эти двое, Млад-Воинко и Радима? Может быть, о том не говорилось в книге?

Немного забегаю вперёд, скажу: когда повествовалось и о городском люде, и о сельском, и о купцах на лодиях, и о разбойниках в лесу, упоминалось и о *волоknяных портах* или, скажем, такие названия: *ферязь, опашень, корзно, епанча или епанечка, тягиляй*... Что это такое? Какого вида? Как сшито? Упоминались ткани, мне неведомые, – *камка, бель, паволока, объярь, хамьян, шерстяная волочень, грубая толстина, льняная вотола*... Ясно было только одно: и одежды в ту пору были разнообразны по покрою, и ткани самых разных видов в сочетании с кожей и мехом. И уж конечно, моды чередовались столь же прихотливо, как и в века более поздние, как чередуются и ныне.

Опашень зуфь лазорева... ферязь тёплая женская с ласицами... епанечка камчатая... мех беличий хребтовой... запла-та дублёная... Встречая их в тексте, я бывал озадачен: что это?.. Или вот: *епанча червлёна, подложена зуфью жолтою... одарил корзном и кунами*....

Названия эти очаровывали меня. Не знаю, почему.

Вот Млад-Воинко...Мне виделся широкоплечий молодой муж в рубаше полотняной, в душегрее (или как это назвать?) с меховой выпушкой по бортам; в портах из ткани домодельной или из хорошо выделанной мягкой кожи, с широким поясом, на котором и деревянный чехол для ножа (ещё один нож – *засаложник*), и кожаный кошель для кремня и кресала. На голове у него, небось, шапка, лихо заломленная назад, на ногах сапоги из свиной или козловой кожи...Или он идёт босым? Ну, когда как.

У них там конец мая или начало июня, значит, вряд ли на Воинко зипун или кафтан да ещё что-то поверх зипуна с обнизью из меха беличьего, как о том упоминалось далее, когда речь шла о некоем другом человеке. Впрочем, по ночам да по ранним утр-рам могло быть и холодновато. Да ведь в дальнюю дорогу не пойдешь налегке! Как же без зипуна или кафтана? По крайней мере это у него могло быть, если не на нём самом, то в клади, которую несли. И тут не о нём ли сказано с лукавой насмешкой: «*Моложавился, зипун за кафтан выдавал*». Впрочем, это о ком-то другом, в ином месте.

Может быть, такой портрет нарисовался в моем воображении позднее, и он не имеет отношения к рукописной книге. Но каким ещё видеть Млад-Воинка? Думаю, что он именно так был одет и обут.

А вот на Радиме была красная *исподница*, а поверх неё *летник лазоревый с подпушкой* - где-то к месту упоминались они. А сапоги у них обоих одинаковы: из грубо выделанной кожи, но прочные, ноские. И перевязь с дорожною сумою у обоих сбоку, помимо прочей ноши. Упоминалось, помнится, слово *накапка* – то в смысле покрытия на шапку, то в значении длинного рукава...

Люди, жившие в то далёкое время – а ведь это два тысячелетия назад! - казалось бы, должны носить что-то очень грубое, очень простое, дерюгами прикрываться от дождя, на ногах иметь лишь лапти лыковые да берестяные или самые примитивные кожаные опорки. Но, припоминая, и Радима, и Воинко, равно как и прочие действующие лица книги, были облачены в удобную одежду. Во всяком случае они не страдали от холода или непогоды, хотя и испытывали из-за этого некоторые неудобства, вполне знакомые и нам ныне.

7.

Ночью над ними пролетала и кружилась, хоронясь от луча месячного, птица с огромными оранжевыми глазами и опущенным вниз длинным-длинным клювом. Она почти задевала спящих когтистыми лапами и высматривала что-то, словно бы желая вырвать у них по глазу, как зёрна из колоса. Воинко невнятно бормотал во сне, птица пугливо отлетала и садилась на ближний сук дерева – ждать. Чего ждала? Что замышляла?

Приподнявшись, он шевелил бревна в костре; искры взмывались вверх. Птица беззвучно, как тень, шарахалась в ночную тьму, а искры оставались сверкать на небесном своде.

Ёж ползал у изголовья, шуршал сухим быльем, собирал остатки их вечерней трапезы. Радима впросонках отпихивала его, ёж сердито фыркал и не уходил, просто сворачивался клубком, а развернувшись, продолжал свои настырные дела.

Являлся из чащи лесной и некто грузный, пыхтящий, на двух ногах, с головой, вросшей в плечи. Он хихикал, словно от щекотки, и подбрасывал к горящим бревнам зеленую траву и сырой мох. Костёр начинал дымить, спящие кашляли, и лесовик отступал, довольный. Потом он появлялся снова и приводил с собой тучу комаров, напускал на Воинку и Радиму. Они кутались в шубу, насылаемые комары отчаянно пищали им в уши и кусались... Лесовик опять отступал удовлетворенный и ухал в чаще лесной, трещал сучьями и скрипел сухим деревом о другое, тоже сухое. Радима слышала сквозь сон, как Воинко вставал, шевелил прогоревшие бревна – на некоторое время становилось дымно, однако скоро ветерок относил дым, и спалось хорошо.

Ночь текла над ними, как равнинная река, медленно и неостановимо. Тишина царила, только иногда то тут, то там раздастся непонятный звук – то ли предсмертный крик зверька или птицы, то ли чей-то вздох, то ли жалобный, протяжный свист.

«Хху-гу! Хху-гу!» – кричал филин из чащи лесной. Или это был не филин, а кто-то более грозный?

Словно турий рев – голос выпи с болота, из камышовых зарослей.

Иногда приползала змея длиной в сажень, грелась у костра и шипела, как шипят сырые дрова. По стволу ближнего дерева змея ползла вверх и свешивалась оттуда с ветки, покачивалась в тёплых струях воздуха над костром. Иногда прежде, чем заползть на дерево, она скользила по спящим, тесня их дыхание, а те отпихивали её впросонках, и она исчезала, словно исполнив чье-то повеление.

А в ближнем, *лешьем* озерце стройно, неумолчно *кречетали* лягушки. Лягушиная рать присылала разведчиков к спящим пришельцам. Те высматривали и выслушивали спящих, потом возвращались к озеру; там усиливалось хоровое *кречетанье*, бульканье и шлёпанье по воде. Лягушиное войско собиралось *ратиться* с людьми, что вторглись в их владения.

Под утро совсем недалеко стадо вепрей проходило на кормежку...

Неслышно, как тень, опять пролетала птица с огромными оранжевыми крыльями. Это была птица Нежить, она искала себе добычу и среди людей, и среди зверей.

8.

Не всегда ночи были тихими. Отчаянно кричал невдалеке веprёнок, уносимый филином...Крякала утка, обеспокоенная тем криком... Случалось, костёр выстреливал в спящих угольком, и тогда тлела под Воинком и Радимой подстилка. Однажды от порыва ветра вспыхнула камышовая крыша; они вскочили оба – и рядом огонь, и над ними огонь. Едва успели спасти своё добро, что увязано и что служило постелью.

Больше уж они не делали крыши из сухого камыша, только из елового лапника.

Случалось, приносило тучу, громыхал гром, ветер шумел и *навее дождь на землю*. Небесные воды струились над ними по наскоро сделанной кровле – Млад-Воинко и Радима, уставшие за день, даже не просыпались. Вдруг раздавался в чаще лесной протяжный стон, и старое дерево падало с глухим стуком на землю. Радима крепче прижималась к мужу, ловила рукой *оберег* на груди, с которым не расставалась никогда, сонно шептала слова заклинания. В такие ночи птицы молчали, лягушки не *кре-четали*, и *комарие* не *свиристело* в уши.

Кстати, об *обереге* том... Это была плоская деревянная дощечка с вырезанными на ней письменами. А что за письмена, не понять: всего несколько слов, а над ними глубоко вдавлен камушек лазоревый, подобный птичьему глазу. Должно быть, он и впрямь оберегал Радиму: дождь её не кропил, тогда как до Воинка он достигал.

Однако и после самых беспокойных ночей Явь наступала в свой черед. С рассветом исчезали нечистые создания, прятались во мхи и болота, зарывались в норы, залезали в дупла старых деревьев. Птахи радостно щебетали, трепетала листва, ловя солнечный луч, раскрывались цветы...

Свет побеждал тьму.

* * *

Я читал эту книгу медленно, не торопясь...

В ту пору моя мать каждый день мяла льняную тресту да трепала лён у нас во дворе - у неё, как и у других, было тогда задание: натрепать для колхоза столько-то льноволокна. Вернувшись домой со двора, она всегда заставляла меня за чтением и

радовалась этому: мол, не баловством сын занят, от книги вреда быть не может.

Она дивилась на Млад-Воинка и Радиму:

- Какие смелые! Одни... в тёмном лесу... Я никогда на такое не решилась бы.

- И с отцом? – ревниво спрашивал я.

- С твоим отцом хоть на край света пошла бы, - вздохнув, признавалась она.

Когда я прочитал ей про некое село Посад, которое снялось с места да и двинулось неведомо куда, мать предположила:

- Небось, земля у них оскудела, вот и решили переселиться куда-нибудь *на пустоша*.

- Моровое поветрие в ту пору было на Руси, - напомнил я ей. – Спасаются, потому и снялись с насиженного места.

- Ишь, какая на них напасть... Это что же, чума или оспа?

- Не знаю... Наверно, нынче таких нет. Учёные изобрели прививки и укротили оспу и чуму...

А посадские жители ушли в пространство книги и исчезли надолго.

Помню, мать моя озаботилась:

- Куда ж они делись? Почитай о них ещё: охота мне знать, как у них дальше-то сложилось всё.

- Небось, вынырнут потом, узнаем, - успокаивал я её, поглядывая на книгу. - Раз показались один раз, то уж не зря, что-нибудь последует.

Книга была толста, словно сундучок с добром, - в ней много всего поместилось.

- А что ж эти нечистики-то за ними следят? Какой им интерес?

- Наверно, замышляют какую-нибудь пакость.

Ответы на многие вопросы были где-то в книге, их предстояло отыскать.

- А что же за вера у них, коли не православные они люди?

- Язычники! – объяснял я. – Верят всяким бредням, что с них спросишь? Бестолковые, тёмные люди. Но вот сказано, что идёт какой-то человек, просвещает их.

- Помнится, тётя Саша говорила: ходил-де на Русь в незапамятные времена апостол Андрей, проповедовал Христову веру, за это предан был мученической смерти - распяли его на кресте, да не на таком, как самого Спасителя, а просто на крестовине, какая под руку злодеям подвернулась. Его первого позвал с

собой Христос, за то и имя ему Андрей Первозванный. Так тётя Саша говорила, а она была куда как грамотна!

Глава девятая. Поприще.

О Русьской земле. Почему птицы летят на Русь? Трава кропка, от сердечного томления. Мой надёжа, той печали не избудешь. Беседы женски суть ловения. Хороши ли девы за морем. Продал угодыя с лешими и водяными. Мир подземный.

1.

Яр и его дружина взошли на очередное возвышенное место; отсюда открылась даль; муж добр приостановился, повёл взглядом, и на лице его отразилось – в который раз уже! - выражение сильной взволнованности. Малуша дивилась тому и ранее, дивилась молча, а теперь спросила:

- Отчего так смотришь? Словно узрел родимый дом.

- Не могу наглядеться, - признался он. – Красна земля... Отрада и утешение. Думаешь: тут бы и обрести прибежище, а отойдёшь немного - за лес, за реку, за дол – там ещё краше! Иное видишь: уныло... ан и в том красота и отрада сердцу!

- Что ж, тут, как везде: леса... небо... воды...

Малуша немного лукавила, говоря так: желала разговорить его.

- Поживи в неволе да на чужбине. Вернёшься – глаза твои не насытятся смотреть. Своя сторона – как мать родна.

- Но твоя сторона осталась позади, откуда ты уходишь.

- То Русь, - отвечал он твёрдо. – Она велика, и повсюду я дома.

Подумав, он сказал, что повидал немало разных и чудных мест, где и горы, и море, и цветущие доли, где реки падают с гор, волны морские плещут о каменные горы, подобные великим теремам... в тех землях цветут дивные цветы, в садах созревают сладкие плоды... во градах дома каменные, в лазурные гавани заходят корабли под белыми парусами – куда как лепо!

- Но нет на свете краше и отраднее нашей *отчины да дедины – Русьской земли!* – заключил он.

Малуша была тронута его словами, но в ответ напомнима поговорку, которая ныне звучит так: всяк кулик своё болото хвалит. Малуша же выразилась иначе, как-то ладней, но я, каюсь, не выписал это в тетрадку свою и теперь забыл. Он же сказал в от-

вет, что о *Русьской земле* в дальних краях самые разные языки говорят согласно: она велика и изобильна, нет её лучше, нет её богаче. Кто хоть раз побывал на Руси, поманит она его властно и в полон возьмёт красотой своей.

Он далее признался, что тосковал на чужбине по дому, по родине. Каждый день по многу раз определялся по солнцу: вот в этой стороне Русь. И смотрел туда, она его манила, как мать своё дитя: иди скорей ко мне, я тебя утешу, я тебя приласкаю... лети на крылах, плыви быстрой рыбкой... проворней, проворней ступай ножками, сынок! Он молил всех богов помочь ему вернуться. Казалось, у него высохнут глаза, и он ослепнет... или просто умрёт от тоски, если ещё год или два проживёт на чужбине.

- Высохнут глаза... от слёз? – уточнила Устя. – Это не достойно мужа.

- Я не постыдился бы и слёз, - отвечал он ей строго, не принимая её осуждения.

- А как ты на Русь из неволи ушёл? – спрашивала Малуша.

- *Осенесь пришел трус на землю, и земля вскипела под городом, учала ходить аки море волнами зыблуще, в тот же час пали многи дома, и дворцы, и стена городская... Велик страх стал у людей, многи умираху...* Кому до меня было дело! Вот я и убежал. Нас было *осьмеро*. Долго плыли... потом долго шли чужими землями... И вот я здесь.

В детстве я был чрезвычайно патриотичен, потому с глубоким сердечным чувством воспринял слова Яра о родине своей – Руси. А он ещё не раз и не два говорил так на протяжении всего повествования, глубоко радуя и волнуя меня.

Я с удовлетворением отмечал, что и слова *Русь* и *Русьская Земля* были выписаны - нарисованы! - в книге с особым тщанием. Сквозь них и рядом непременно просматривалось что-либо – крохотная ветёлка над водой, череда ёлочек под падающими снежинками, васильки на хлебном поле... На эти строки садилась диковинная птица, опустив по краю листа длинный-предлинный хвост из дивных перьев. Наверно, это была жар-птица... Она не случайно тут садилась! И не зря была так красочно изображена!

Яр признался, что и теперь часто снится ему... будто бы всё хорошо: день солнечный, город шумный, многолюдный, небо лазурно – однако сознавалось им во сне, что снова он на чужбине. Какой-то красивый город... на свирели кто-то сладко играет, птицы щебечут... но говор вокруг чужой, ветер чужой, небо чу-

жое. И Яр тосковал во сне: опять Русь далеко-далеко от него... Просыпался и с отрадой сознавал, где находится... Слушал шум леса, дыхание спящих рядом... прохлады ночи отрезвляла, он успокаивался и засыпал снова.

- Какова там земля? – спрашивала Малуша.
- Разве не таково там небо? – спрашивала Янка.
- Разве не те там *облацы*? – спрашивала Устя.
- Там всё иное: и воздух, и травы, и твердь под ногами, и *звездицы* на небе... Но нам пора в путь. Потом расскажу.

Тот разговор очень сблизил их. Они стали доверчивей к нему.

2.

Места, по которым шли, были ему совершенно незнакомы. Он никогда здесь не был – с княжеской дружиной ходил по берегам рек, а не этак напрямик. Однако теперь шёл уверенно, заявив, что на этой земле, именуемой Русью, хоть и столь великой, заблудиться или потеряться мудрено. Где ни остановишься, тут и дом твой.

Шли и шли они лесами, чистыми и буреломными, спускались в овраги, огибали озёра и болота, переправлялись через реки...

Временами ход их был *мешкотен*, потому что дебри лесные вставали стеною. Но тут попадались лазы, протоптанные охотниками, а в оврагах иногда видели они лавы, неведомо когда и неведомо кем переброшенные через ручей, через зыбкую гать по болоту. Встречались им и затеси, тоже давние, может быть, оставленные прошлой осенью или даже ранее, но были редки.

Обходя весенние озёра, путники могли узреть тут и там плавающих утиц самого разнообразного облика - с длинными клювами, загнутыми вниз, с широкими носами, с хохолками и без них, с перьями такого или сякого окраса. Тут же важно ходили голенастые цапли. Стаи лебедей и гагар, гусей и журавлей ночевали на этих вешних озёрах или просто садились подкормиться на них, чтоб потом лететь на иной водоем.

В пути *ко естве* были им и *тетери*, и *гуси*, и *жеравиа*, и *ряби*, и *голуби лесные*, и *лебедятину ели*... Ещё упоминалось не раз, что Яр ловил рыбу *малой удой*, то есть наскоро сделанной. А что ему служило рыболовным крючком и что было вместо лесы, не понял я.

Пролетавшая цапля уронила перо – Малуша приняла его на лету и спрятала за пазуху, что-то шепча: этот дар предназначен именно ей, а не кому-то иному. А за что таковой или с какой целью? Цапля знала, и Малуша знала, а более никто.

- Отчего они летят к нам на Русь? – спрашивала Янка. – Кто им повелел? Кто их зовёт? Где их ждут?

- В странах каменистых да песчаных, а не лесистых, летом знойно и потому томительно, нет питья, а зимой студёно, - отвечал Яр, провожая взглядом пролетавших над ними птиц. – Там они гнезда не вьют, птенцов не выводят.

- Отчего же?

- Голодно им там, не выкормить малых. Потому летят на Русь – тут их родина, она приютит всех, и тут изобильно всего.

Оглядываясь на спутниц, он пошучивал, что ведёт свою стаю для поселения и гнездования тем же путём, что и птицы..

- Будем и мы вить гнездо? - заинтересованно спросила Янка.

- И выводить птенчиков, - добавила Устя со смехом.

- У каждой птахи – гнездо, у каждого зверя – нора, а нам изба или лепший терем, - пояснил он. - А как иначе? Без него нельзя.

- На землю ляжем, небом укроемся, - пошутила Малуша.

- Найдем готовое гнездо и займем его, – сказал Яр однако не очень уверенно, с сомнением. - Птицы так делают: занимают пустующее и живут. Одно такое я знаю... если не занято.

- Кто ж для нас его свил? – не спросила, а этак вздохнула Устя.

Яр не ответил, ответила Янка:

- А вот те, кто наряжает деревья. Они всё могут.

- Сами нанесём прутьев да веток, сами выложим сухой травкой да пухом-пером, - пошутила Малуша и добавила. - Одно перышко уже есть.

Она имела в виду то, что положила себе за пазуху.

Тут вспомнили, что не они одни так-то, а и многие другие тоже идут в чаянии нового гнездования для себя. Устя сказала о каком-то сельце: всё оно из семи дворов в страхе снялось с места и ушло неведомо куда. А Яр сказал об ином селе то же самое. Да и те двое, что ушли от костра на берегу Оцы первыми, тоже ищут себе доброго места, держат путь в сторону полунощную.

- Сидели врозь, а были сговорившись, - сказала Янка о Млад-Воинке и Радиме. – Я видела, как они переглядывались. Какие лукавцы!

- Их хитрость была вся на виду, - отозвалась Малуша. – Если б теперь шли они следом за нами или впереди, чего лучше! Глядишь, встали бы мы на поселение рядом, были бы добрыми соседями.

- Великий исход, - обронил Яр, вздохнув и нахмурясь.

- Мой надёжа, отчего мы не сговорились с ними?- окликнула Малуша.

- Они решили, что мы будем заодно с Вепрем да Хорём, - ответила на это Устя. - Зачем им такое соседство! Они хотят жить укромно, на свой нрав.

- А и та, что сторонилась нас, тоже могла бы идти с нами, - сказала Малуша. – Пусть отдельно, однако всё-таки вместе.

- Как она теперь? – спрашивала Янка. –Что будет с нею?

- И робка, и упряма, и пуглива, и горда – все вместе. Гордыня окаянная её мучит – то Лихово наущение.

Это Устя говорила. Она и осуждала Липицу, и жалела её.

- Не пропадёт, – улыбалась Малуша, словно зная наперёд все, что будет с красавицей-жёнкой.

Вспоминая о ней, девы оглядывались на Яра: он-то как, жалеет ли? Но вож не показывал вида, и не понять было, помнит о ней или уже забыл.

3.

Он был неутомим в пути, мог шагать с утра до вечера, не присаживаясь отдохнуть, чем удивлял своих спутниц. Он просто не ведал усталости! Эта способность была обретена им ещё в отроческих летах, когда с дедом Гордыней знали они только *леший промысел* – охоту. Когда подрос и в силу вступил, вепря настигал погоней и хватал в отчаянном броске за заднюю ногу; раненый зверь не мог уйти от него – будь то лось или тур – Яр преследовал его хоть целый день. Но теперь вынужден был придерживать шаг: спутницы не могли выдерживать быстрого хода, и ноша тяготила каждую из них.

Он шел впереди. По утрам роса с веток деревьев да кустов кропила его щедрее других. Однако и следом идущим тоже доставалось; одежда скоро намокала. Но поднималось солнце и обсушивало великодушно и людей, и деревья, и птиц со зверями. А коли утренняя роса обильна – погожий день наступал.

Яр по-охотничьи зорко посматривал по сторонам, мимоходом отмечая сам для себя:

- Пахотная земля, однако затравела, закустарилась и лесом поросла.... А тут рыбные ловища удобны... А тут лесной пал случился – не от людей, а от молнии, посланной с неба.

Завидев путников, плававшие на водоёмах птицы удивленно восклицали и провожали их глазами. Они были так непугливы, что подпускали к себе довольно близко.

- Лебёдушки, - умилялась Малуша и приостанавливалась, прослеживая их полёт или плавание. – Журавушки.

Она становилась блаженненькой от всего этого. В густых да буреломных лесах или кустарниках выручали звериные тропы: вот проложило себе путь стадо вепрей; вот тур проломился через чащу или даже целая семья турья... вот лоси прошли да и не раз. Яр замечал на стволах деревьев следы медвежьих когтей, но ничего не говорил о том, чтоб не пугать своих спутниц. Сколь ни хорош лес, каждую минуту ожидай встречи со злоумышленным зверем, и Яр был всегда готов к этому.

А девы его были беспечны, весело переговаривались, смеялись, уверяли друг дружку, будто бы медведи могут любую из них утащить к себе в берлогу и там с нею тешиться.

- А что за любовь с медведем! Он обнимет – сразу дух вон.

Медвежий рев они могли слышать совсем близко и ночью, и днём; а волчий вой долетал по ночам, но издалека. По разуменью мужа *доброго*, уж лучше с медведем встретиться, чем со стаей волков.

- Медведь умен, рассудлив, а *волцы* хитрее, - пояснял он. - *Волцы* берут числом, ярость их неотступна, злоба их неуголима. Они нападают стайно и потому не знают страха ни перед грозным туром, ни перед медведем.

- Самый страшный зверь – это человек, - убежденно возразила Малуша и помянула недобрым словом детину Шестака и его товарища Злобку.

- То верно, - вздохнул Яр, вспомнив о чем-то своём.

На что Устя возразила: всё-таки страшнее мыши зверя нет. В ответ на это они громко смеялись.

Янка с Устей перед очередной трапезой отошли в сторону, где угадывалось болото. Возвратясь, рассказывали весело, как блуждали по тростникам да камышам. Измокли обе, однако принесли яиц утиных в платах головных, в *очелышах*.

- Лебеди там живут, две пары, - сообщили Янка с Устей. – Не шибко-то боялись они нас.

- Не убивай их, мой надёжа, - тотчас попросила Малуша.
– Лебедя убьёшь - скоро умрёшь. А *ко еству* гораздо лучше
дичь лесная: голуби да *ряби*, да *тетери*...или *утицы*.

И он обещал, потому впредь лебедятины они не ели.

4.

Шли дремучим лесом – притихали. Выходили на светлые места – оживлялись; раздавался смех Янки, степенный разговор Устиньи с Матрёшей. Опять углублялись в дебри – говорили чуть не шепотом – лес слушал их. Так шли...

Малуша иногда присаживалась на корточки, легонько опаживала рукой цветок, говорила ему что-то, словно он мог понимать её слова. Ту или иную травку она давала жевать подругам:

- Ядите, румянец на щеках будет... Ядите, то от сердечного томления... А тот *лопушник* собою *воложит и мягчит*.

То и дело Яр слышал, как она поучала:

- *Кропка* есть трава, а растет по борам, по соснякам, и по брусничникам, вышиною в локоть по одной стволине... варить в воде и пити жёнкам, у которых дитё умерло или выкинула... Кто приемлет *кроп*, того сон сладок наводит. От этой травы цвет жевать – это коли *восхощешь благолепность навести лицу*. Наведёшь – на неё всяк любитца, не насмотритца.

Переходя ручей, где россыпь камешков накатило течением, Малуша останавливалась, наклонялась низко и рассматривала их, вдруг выхватывая тот или другой, словно цапля лягушонка, и, пряча за пазуху, приговаривала:

- Лазоревый... оный растереть, присыпать бородавицу и тако истребляет.

После чего пускалась догонять ушедших. Или, приостановясь на ходу, бережливо выдергивала росток, говоря:

- Вот корень: будет на ком трясовица, навязать на ворот исцеления для...

Или так:

- *Это былие чистотелно, иже мало пьемо – целит, а много пьемо – смерть наводит*.

Яр отзывался:

- А вот трава боровой лист, что брусница. Цвет у неё таков же красноват будет. Она добра борти окуривать.

Малуша одобрительно кивала: знала то. Спрашивала мимоходом:

- Али ты пчельное дело разумеешь?

- Бортничали с дедом, - отвечал Яр. – Не для торгу – для себя.

А подумал покаянно, что бортничали разбойно, то есть грабили пчёл, а сами для них бортей не устраивали.

- Бортники после смерти становятся дятлами, - сказала Малуша. - Коли услышишь – дятел стучит, знай: может то дед твой Гордыня.

Дятлов немало повстречали они в пути. Много было бортников на земле этой.

- Небось, не все разбойники, - утешил он сам себя.

Пожалуй, Малуша уставала в пути больше других, потому что была слабее да и отвлекалась на что-нибудь; отстанет, потом бежит, догоняя. Устя милосердно помогала нести её ношу. Да и Янка была не шибко вынослива, но она по юности своей быстрее набиралась сил, когда устраивали привал.

5.

Шли.... Иногда вож бросал взгляд через плечо - поспевают ли за ним *дружина*? - и придерживал шаг, уже хмурясь: нет Малуши. Но вот она появилась, и он успокаивался. Эту его заботу – не потерять бы которую-нибудь из них в пути – скоро отметили его спутницы и даже пошучивали над ним. Кажется, девам нравилось, что он так ревниво стережёт их. Устя сказала с улыбкой:

- *Како зверие, тако и людие*. Вожак стережёт стаю.

«Мой надёжа», - назвала его в первый же день Малуша. И это сразу прижилось.

- Мой надёжа, той печали не избудешь, - сказала она по какому-то поводу.

Янка и Устя по первости смеялись на такое обращение к нему, а потом приобыкли, и сами стали звать так же. Он отзывался на это хорошей улыбкой.

- Мой надёжа... не смотри на меня, яко коршун на воробья, - пошучивала Малуша, - а смотри, как ластовица на птенца своего.

И опять они смеялись, хотя сказано было ею с самым серьёзным видом.

Он старался сохранять суровое выражение лица, это ему удавалось не без труда: нравилось, что они немножко пошучивают над ним, хотелось и самому отозваться шуткой. Даже радостно было от этого: значит, приняли к душе своей, не боятся его.

И ещё он знал, что нельзя ему быть с ними вровень, - не признают за *набольшего*, тогда *порядне не быть*. Коли князь спит на голой лавице наравне с холопами, коли из одной с ними плошки хлебково ест, то и сам холоп.

- Откуда берутся болотные кочки? – с самым серьёзным видом вслух размышляла Янка. – Наверно, дерево упадёт, обломаясь у комля, а пень обрастает мхом. А рядом другое. Иногда межпенье столь глубоко, что лешего скроет с лешихою.

Или так:

- Почему птицы не родят своих писклят живыми, а родят яйца? Ну-ка, если б лошади да коровы вместо жеребят да телят родили яйца, каковы они были бы?

Рассуждение это прерывалось её же восторгом:

- Ой, гляньте, вон тетёрка раскапывает муравейник! Что ей в нём?

Устя подсказывала:

- У мурашей тоже есть яйца – они для тетёрки лакомые.

Янка ей совсем по-детски:

- И я б полакомилась: штей капустных хочу... и каши с гусяными потрохами.

Малуша на это по-матерински наставительно:

- Чревоугодие не красит человека. Слышала, что вож наш сказал? Не чревом жируй, а духом играй.

- Каково чрево, таков и дух, - бойко сказала Янка.

- Говорили, знаю, что любоплотны иные народы, для них угождение плоти – самая важная забота. А мы – русичи, нам то не личит.

- Мы – лучше?

- Лучше ли, хуже ли, не нам судить, но мы – другие, - твёрдо сказал на это Яр. – Как человек отличен от человека, так один народ от другого. Как семья отлична от семьи, так племя от племени.

- Чем живут люди за морем? – спросила у него Устя. – Каковы их занятия?

- Как везде... Землю орут или скот разводят... иные торгуют, иные сидят в лавках меняльных.

- Что на что меняют?

- Серебро на золото, а золото на серебро, - усмехнулся он и пояснил. - В том корысть имеют.

- То не воровство и не разбой, - заметила Малуша. – На то ловкость и хитрость нужны.

- Куда как хитры! Сребролюбие да златолюбие прилагают к скупости да скарედности да сугубой жадности, а за то боги карают нещадно.

- А я не смогла бы, - вздохнула Устя. – Во мне хитрости нет.

- А я хитра, - похвастала Малуша. – Хитрей меня нет никого..

- Ты не хитра и не лукава разумом, ты искусна, - сказала ей Устя.

6.

Он вёл за собой свою *малую дружину* и прислушивался, ловя говоримое сзади, сожалея, что подчас не всё слышно ему из их разговора. Голоса дев сладко отзывались в его сердце. Подумал с усмешкой: *«Беседы женски суть лукавые ловения, и невода суть сердца их... Кто мне так рёк? Нечуй...»*.

Истинно мудрый был муж, старший товарищ. Не будь его, не обрести б воли: он придумал, как избавиться. Его часто вспоминал Яр. Как ни тяжело бывало, а стоило взглянуть на его лицо, и на душе становилось легче, отраднее: глаза у Нечуя ясные, бледно-голубые, волосы над челом легкие, словно пух – словно сияние разума его. А голос тихий, приятный... Чем далее разделяло их время и расстояние, тем чаще вспоминался. И ныне воспоминание о нём было утешно. Нечуй словно бы всё время шёл рядом, с ним Яр говорил мысленно.

«Беседы женски суть ловения... - это он упреждал, предостерегал. - Будь мужественным, Яр-Огонь, не угоди в тенета, в невода те, пропадёшь».

И вот теперь они рядом, те невода ... Быть мужественным? С какой целью? То есть отвергнуть? Надо ли?

Было ему любопытно всё, о чём переговаривались девы, даже если о малом, обиходном.

- *Во едину ночь сухое древие возкресе, великое возрасте и изнесоша ветвия и листия...*

Это Малуша что-то рассказывала.

- *Орали ту деревню добро и безохульно, и пожен не заростили, и вновь расчищали,* - это рассказывала Устя какую-то семейную историю. - Но не доглядели - зарезали корову волцы. И вот лёг он посреди горницы и велел всякому человеку бить себе по пяти ударов плетью по окаянной спине – и мимоходцы, и соседи, и жена, и дети. А плеть крепкая, из жил говяжьих...

Разговор в пути отрывочен, перескакивает с одного на другое подчас без всякой связи. Но под говор этот не столь утомительно идти.

- Меня русские люди взяли на погроме маленьку, - сказано было Янкой.

Где её взяли? Откуда она родом? Что за погром? Кто его учинил? Ни обликом своим, ни говором особо не отлична Янка, однако было в ней что-то такое, что говорило о дальней её родине. Вроде бы, в голосе звучало... птаха поёт подобно соловью, а всё ж не соловей она.

- Помню только белого аиста над домом, прямо на крыше. Аист, падет с неба, будто снег, встанет на край гнезда, поднимет клюв длинный прямо-прямо вверх и трещит им дробно. Меня маленьку пугали: «Не уходи далеко от дома, птица-аист унесёт в дальние земли». Ан вот не аист унес, а люди увели...

Оказалось, родителей своих не знает... выросла в чужой стороне, в чужой семье, а семья та распалась: одни померли в свой черёд, другие отъехали в соседние места. Осиротела во-все. Думала, будет плохо - ан стало хорошо: опять к добрым людям попала. Хорошо-то недолго было – пришел Мор, а с ним пожар, от которого едва спаслась...

- Сказывали мне, что родители мои – из полян, - вспомнила Янка. – Может так, а может нет.

- И поляне – люди русские, - сказал на это Яр, – равно как и древляне, и кривичи, и словене, и вятичи.

- Так, - подтвердила Устя. – Я знала семьи полянски, у них говор мало отличен от нашего....

- Не тужи, ты наша, не чужая, - это Малуша утешала Янку. – Ты росла – нашу воду пила, наш хлеб ела, на наше небо глядела – всё твоё естество составилось из родственного. Ты нам сестрица единоподушна. Теперь тебе нет иной родины, кроме Руси, а мы – твоя родня ныне.

- За нами охотятся! – предостерегающе сказала вдруг Устя, когда шли редким лесом. – Посмотрите туда.

Вож не заметил, а она заметила: трое лесников с рогатинами, прячась в отдалении за деревьями, смотрели в их сторону. Может, замыслили что-то недоброе? Поди-ка, догадайся, что у них на уме.

- Буду рядом с тобой.

Устинья поравнялась с ним в шаге.

- То не нужно, - спокойно отозвался он, глянув и раз, и два в ту сторону, куда она указала. – Они не решатся напасть на нас,

в том нет им нужды. Они не разбойники, мирные люди. Сами нас опасаются.

- А я боюсь, - тотчас призналась Янка. – Коли задерёмся, я убегу и спрячусь. На меня не надейтесь.

- Не страшись, - уверенно сказала Устя.

Она даже приободрилась тревогой той.

- Всегда опасайтесь, - наставительно сказал ей Яр. – Страх не к лицу мужу, но жёнке или девице страх простится, ино даже к лицу ей.

Спокойный вид его и уверенный тон голоса и ровная поступь рассеяли их боязливость. Однако почему лесники те не захотели приблизиться? Почему таились? Некоторое время сопровождали, потом отстали. Должно быть, прав был Яр: они сами опасались чужаков, потому держались не близко.

7.

В пути не поговоришь, а вот остановятся на отдых или на ночлег – тут и разговор. Им нравилось слушать его рассказы о том, где был, что видел в дальних краях, у иных народов.

- Хороши ли девы у них? – спрашивала Устя.

- Куда как хороши! – отвечал он, не понимая подвоха. - Глазами черны, кожей смуглы, станом тонки и гибки...

- Ишь, расхвалил. Много знался с ними?

- Я видел их только издали.

- Экой скромник! – поддразнивала Устя. - Но отчего-то не верю я... Не может лиса смотреть на мыша, да и не поймать.

Малуша на это возразила ей, что случается, и волк с овцой дружат, и ястреб с зайчонком, и щука с сорожкой.

- А верно ли, что бывают вовсе чёрные людие, вот как уголь древесный? – спрашивала Устя.

- То в гораздо жарких землях, - отвечал ей Яр.- Тебя туда поселить, и ты станешь черна, и возьмет тебя себе черный муж, и родишь от него чад чёрных...

Над Устей посмеялись дружно.

- Ночью во тьме потеряю дитё, не найти, - смеялась и она.

И вообще разговор у них шёл, как сказано, *единокупно*... надо полагать, согласно. Нечего было им делить, не о чём спорить, никто никому не перечил в сердцах да в досаде. Это отрадно было Яру.

- Ой, гляньте: из облак людьи головы смотрят на нас! – воскликнула вдруг Янка. - Крылаты...

Поднимали взоры к небу, смотрели – уже пропали те головы.

- То слуги божьи, зовомы ангелы, - наставляла ее Малуша.
- Их там много.

На Янку посматривали, усмехаясь снисходительно: очень уж юна.

Малуша среди оживленной беседы могла вдруг что-то сказать самой себе - это случалось, когда видела на пути какую-нибудь *собинную* травку или камушек или цветок. Тотчас подхватывала радостно, прятала в свою суму, приговаривая:

- *И стебло, и лествие, и тонкие луспы... аще змея ужалил, взять липовое лутошко... и намазать на кончик из уха серы.... и мазать где змея ужалила.*

- А от сердечного томления что? – спрашивала Устя.

- От сердечного томления возьми ершовых голов, засуши да истолки, да просей и с родниковой водицей пей на тоще сердце...

- Ох, боюсь – не поможет, - говорила Устя и оглядывалась на Яра.

Он уже знал: с нею надо держать ухо востро - того и гляди осмеёт.

Малуша сказала:

- А который человек хочет часто с женками ладиться, *ино* *взяти семя льняное и смешати с мёдом пресным и с перцем долгим и с корицею и ясти.* Тогда его в любовных утехах неведомо как унять.

Яр оставался невозмутим.

* * *

Дивно мне было всё в книге той, хотя бы и самое простое... вот хоть бы про жаворонков, про лягушек да утиц: оказывается, в столь далёкую пору окружающий мир был таков же, как теперь, только, по-видимому, всяческим тварям жилось гораздо выгоднее, чем ныне, они водились в неисчислимых количествах. Потом-то люди потеснили их и в водах, и в лесах, и в небесах, а пока же царственное положение занимали не люди, а их пернатые да хвостатые да копытные соседи.

Живя в деревне своей, я никогда не видел вблизи ни лебедей, ни диких гусей, ни орланов, ни кречетов. Разве что дикие гуси или журавли пролетали клином над нами по весне или осенью. И медведей уж не водилось у нас, и зверя по имени *тур*.

Да многого не видел я из того, что в книге упоминалось, как о чем-то обыденном, привычном.

Помнится, картина подземного мира, как её представлял себе Яр, произвела на меня, юного читателя, глубокое впечатление.

«Там в холодной воде, во мраке плавают слепые рыбы, подобные теням, узкие и длинные, и прозрачные, будто ледяные... Там во тьме текут реки, сдвигаются и расходятся толщи земные, падают с каменных уступов потоки водные и плещут моря...».

И я дивился вместе с его спутницами, очень живо представляя себе, как в подземном мраке перемещаются каменные пласты земли, и грохот их гложет в мёртвой тишине... как текут могучие реки, подмывая каменные глыбы... как плавают в ледяной воде безглазые рыбы... и молчаливо лежат, вызревая, драгоценные камни с удивительно красивыми именами: *смарагды, яхонты, опалы, аметисты, ониксы...*

А что до *бабогуров*, то лишь позднее я выяснил: так назывались агаты... а *червьцы* – это рубины, они же и *лалы*, и *яхонты*... а *бинчай* – это какая-то особенная смола... что же такое *сумбада*, не знаю до сих пор. Я выписывал эти названия в свою тетрадочку просто потому, что мне нравилось выписывать их: очень уж красивы.

Утомясь от глубокомыслия книжного и отступясь от таких премудростей, я улыбался, читая про *ухозвон*, *воронограй* и *куроклик*, смеялся вслух, прочитав, что некто *продал есми ту поллука со угодыи и с лешими и с водяными...*

Кстати, в книге той всяких леших да водяных было многовато: на каждой странице появлялись *жить и нежить* в разных обличьях - существа, подчас совершенно непонятного для меня облика и самого зловещего предназначения.

Впрочем, приведенная здесь фраза о продаже леших да водяных далее выстраивалась так: *с лешими и водяными ловищи и с речными и заборными воды*. То есть речь тут не о нечисти лесной да болотной, а о всяческих охотничьих угодьях. Однако же часто упоминались именно чудища да страшилища. А помимо того, ещё и загадочные личности, вроде того Квасура, чью кровь пополам с медом пьют из чаши круговой ради пущей мудрости некие карлы. То ли страшиться их, то ли восхищаться ими...

Глава десятая. Гроза.

Кто придумал облацы? Почему боги живут на небе, а не на земле? Яр и его наставник Нечуй. Гроза: кабы хлеба край, то и под елью рай. Русалки на острове. Посад под дождём. В ту ночь я был с ними, мне жаль Торопку.

1.

Шагая впереди своей дружины, муж добр предавался размышлениям. Он и на привалах, случалось, отходил в сторону, сидел один, не отзывался, когда его окликали. Он обладал способностью задумываться очень глубоко; закрывал глаза, и перед ним вдруг возникали видения: голубоватые холмистые берега того зеркального пролива – из одного моря в другое... светящиеся ночью рыбы в глубине... по берегам рыбацьи хижинки из камней, крытые соломой, и возле них деревья – как веретёна... стада овец на склонах холмов... Всё это проплывало перед ним чередой, и словно бы приносило оттуда ветром запах маслин и роз...

Или повеет вдруг на него солёным ветром... он слышал скрип уключин, плеск вёсел, удары хлыста и повелительные крики...

Видения исчезали, и перед глазами было совсем иное – уже родное.

Эти озёрки в поймах ручьёв да речек, думал он, с многообилием комарным будут постепенно мелеть, уменьшаться и высохнут насовсем, но в последних лужицах с поднявшейся в них травой, кишачие там головастики успеют превратиться в прытких лягушат. В поймах речных трава встанет по пояс человеку или даже выше, вся она покроется цветами со сладким млеком для пчёл. Эту траву любят и крастели для гнездования тайного, и птицы чывы с такими громкими и печальными голосами, и птицы перепела...

Перед глазами один черёд, а в голове другой... Размышлял он чаще всего о всеобщем круговороте жизни, о её прямо-таки волшебных изменениях согласно временам года... или о неожиданных её явлениях, происшествиях... думалось о самом простом, и от этого была ему радость.

Вот ясный полдень, на высоком небе пухлые облака. И он размышлял, как мне казалось, в простоте, совсем по-детски:

«Кто придумал облацы? Зачем они? Почему так разны и так похожи? Откуда и куда они плывут?»

И далее размышления его текли чередой, словно те облака...

Отчего они там, а не возлежат на земле? Ишь, словно корабли под парусами на море... а те, что на склоне неба, - словно овцы на пастбище...на траве голубой. Где их пастырь? Пеш он или на коне? Или на крылах? Один ли он или несколько? Стадо неисчислимо... Эти крутобоки, величавы, плывут по-доброму, а бывают косматы, будто хищные звери, летят, поспешая, стремясь неведомо куда и неведомо зачем, простерши крылья, словно охотятся на добычу; соединяются в тучи аспидны, громяют грозно и блещут огнём ярим, проливают великие воды, творят разорение на земле. А на закате замирают, глядят на солнце утопающее за край земли, зачарованные. Таковы они повсюду – и здесь, и за морем, и за горами...

«И звезды так же, и само солнце. Кто это всё устроил? Кто измыслил эту порядню? Ведь не может быть просто так, без разума и понятия!».

Он склонен был к подобным размышлениям, подчас очень простодушным – так случилось и потом. Вспоминая о чужих землях, часто упоминал о море да о горах.

«У каждой твари свой дом, семья, дети, заботы о еде, о защите от врагов, - размышлял Яр-Огонь. - Всё идет неостановимой чередой. Кто определил эту череду? Кто управляет ею? Кто придумал, кто создал всё это и зачем? И зачем сам я? Ведь если живу, то должен творить дела. Каковы они?...»

2.

А в иной день и в ином месте опять размышлял:

«Бог дал человеку срок жизни... Каждый годовой круг – рождение, цветение, созревание, умирание... и опять то же – от холода к теплу, от тепла к холоду... Так сорок и более раз. Как велик этот срок!».

Чем его занять человеку? Не сидеть же бездельно, глядя на облака! Не летать же подобно бесплотным ангелам в небе – у людей иное предназначение. А каково оно? Тот, кто определял срок человеческой жизни, придумал и занятия ему – постоянно заботиться о пище, о ночлеге, о жилище, об одежде... Главная же забота и отрада – сойтись двоим для любви, чтоб появились дети, которых надо выкормить, одевать и обувать, обучить ремеслу... Не затомишься в безделье.

Яр вздыхал, оглядывая окрестности:

«Вышень создал весь этот лад, весь этот круговорот, и ничего уж лучшего придумать нельзя».

Но почему боги живут на небе, где только воздух да синь да белые облака? Там пусто и однообразно... скучно! Почему не переселяются они на землю? Построили б тут свои чертоги, словно княжеские терема, хоть каменные, хоть деревянные, проторили б для себя реки с рыбами, похожими на солнечные струи, ручьи с песенным журчанием, сделали бы водопады с радугами... И жили бы бок-о-бок с людьми, наставляли их в жизни, приобщали к своей мудрости...

Так почти по-детски размышлял он.

Но, может быть, там, на небесах, всё устроено столь же *лепо*? Только невидимо для земных людей. Там и цветы, и животворные воды, и ветра, и сладкогласые птицы в праздничном оперении...

«Но зачем там, когда можно здесь?»

Он ловил взором то освещённый солнцем ствол красной сосны... то гроздь цветущей черёмухи... то водное зеркало со стреловидными листьями... то нарядную птаху в любовном восторге...

- *Мой надёжа, в чем ты кручинен, повеждь?* – озабоченно спросила Малуша.

- То не кручина, нет, - успокаивал он её с улыбкой и встряхивал головой. – Думы разные прилетают, как птахи, и садятся мне на голову.

- Коли сладкогласно пели, прости, что спугнула их, - повинилась Малуша.

3.

Эти размышления об устройстве мира давались мне с трудом, то есть я едва-едва удерживал внимание, чтоб разобраться, что к чему. С трудом понял, что для Яра с детства устройство мира было таковым...

Небесными сферами и всем, что над землёй, полноправно и никем неоспоримо владеют боги, а самым главным и всемогущим - Дид или Вышень, он же Белобог. Он ведал всем Родом, а Род – это Мир, Вселенная. Потому назывался Род, что все родится – свет, звуки, запахи... вода рождается в земле и выходит на свет родниками, а земля, как речной песок, намывается водой... камни появляются на свет в виде песчинок и вырастают до размеров горы – такие видел Яр... рождаются деревья, рыбы,

звери... и люди. Всё это по благоволению и при содействии Дида-Вышеня.

У него под рукой семь сыновей, они тоже боги и помогают ему управлять Вселенной-Родом, потому как хозяйство это необозримо и невообразимо обширно, за всем одному не углядеть, даже если он и всемогущ. Каждому из сыновей своих Вышень-Дид поручил выполнять тот или иной круг обязанностей.

«Министерства, - *ехидно подсказал химический карандаш. Кирилла.* – Над ними председатель совета министров».

Он и далее помечал иногда не менее ехидно или с гневом, но я не помню всех его помет. На этой странице, где повествовалось о размышлениях Яра, помет было довольно много.

Итак... Один из сыновей Дида ведает небом и светом – это Святовит. Он следит за сменой дня и ночи и чтоб было светло, когда солнца нет. Любой свет, откуда бы он ни исходил, от звезд ли, от луны ли, просто ли от костра - это дело Святовита. Даже светлячки в ночи – это его велением.

Второй сын управляет дождями и тучами, он мечет стрелы-молнии ради забавы или в гнев – это Перун, грозный бог, которого люди спешили умиловить больше, нежели прочих. Потому он и называется Перуном, что мечет огненные перья-молнии. Он ударяет по небесной наковальне огромным молотом, отчего сотрясается весь мир и молнии пронзают тучи, вонзаются в землю. Такая молния может расщепить могучий дуб от вершины до комля. Перун одним ударом может расколоть и каменную гору с вершины до основания. Если огненная стрела угодит кому-то в темя, то человек этот мгновенно превратится в чёрную головню или в пепел. От молний Перуновых случаются большие и малые пожары – загораются леса, селения, даже болота. Явление Перуна – в огне малом и большом, в пожаре и в костре. Он грозен, но и милостив: не только испепеляет, но и согревает, отгоняя хлад и стужу, помогает приготовить еду.

Третий сын Вышеня - Стрибог - управляет ветрами. От него вихри и бури. Это он валит деревья, срывает крыши с жилищ и гонит по небу облака.

Эти три брата Божича действуют всегда заодно, бок-о-бок, рука об руку – они *заединщики*: ветер раздувал огонь, от огня исходил свет...

Четвертый Божич ведает всеми животными на земле – это Ясунь, или Велес. Он возвращает для скота траву и листву, обучает птиц вить гнезда, зверей – рыть норы, муравьев – строить

муравейники. Ясунь – бог добрый и весёлый. Он любит праздники, на которые приглашает своих божественных братьев. Люди тоже должны веселиться, пить хмельное пиво, зажигать костры, вокруг которых устраивать игрища – так велит Ясунь-Велес.

Пятый – мрачный и страшный Чернобог. Его слуги (или сыновья?) Лют и Мор умерщвляют людей и животных... что тоже, мол, добро: иначе земля переполнилась бы живыми существами. Спускаясь в подземное царство, он становится Чернобогом, а выйдя оттуда, принимает разные лики – тогда он Лих, Див или Чур. Впрочем, может быть, эти трое суть дети Чернобога, а не его собственные обличья. Чернобог враждует и с отцом своим – Вышенем, и с братьями.

Кто шестой Бог, Яру было ведомо, но неведомо мне. А вот седьмого следовало бы в перечне Божичей поставить первым – это Дажьбог, он же Сварог. Лик его – солнце, потому на него нельзя смотреть, он слепит. Дажьбог приводит весну, тогда все расцветает, он одаряет людей любовью...

У каждого из Божичей семь жён, семь сыновей и семь дочерей. Дети Дажьбога: Арий и Скиф. От Ария сыновья, они внуки Дажьбожьи - Рус, Склавен, Север, Древ, Скрев, Полев и Лях - от них произошли русы, словене, северяне, поляне, древляне, кривичи и ляхи – все они братья.

4.

Не раз и не два у Яра был разговор об этом с человеком, которого считал своим старшим товарищем и наставником..

- Мы зовемся русы, - говорил ему Яр. – Потому так зовёмся, что наша первая мать звалась Рось. Наши пращуры пришли на землю по солнечному лучу и поселились у Белых гор в стародавние времена. От Белых гор мы идём по земле через моря и высокие горы – это путь нашего народа в веках. Путь наш светел и добр. Мы несём мир и спасение прочим народам, мы несём им нашу правду, нашу веру, наш свет.

А тот тоже был с Руси и носил там именно это имя – Нечуй. Но когда обрёл новую веру, в знак обретения её был омыт водой из чистого источника, к нему прикоснулась рука человека, который сопровождал Сына Божьего в его странствиях по земле среди племён. И Нечую дадено было другое имя, которое Яр не принял, звал русьским именем – Нечуй. Тот муж умирал Яра:

- На всё воля Бога. Ни человек, ни целый народ не может брать на себя труд избавления людей.

- Но мы внуки Дажьбожьи, - напоминал Яр.

- Нет Дажьбога, - строго отвечал ему Нечуй. – Нет Сварога, нет Святовита, нет Перуна или Стрибога и прочих.

- Ты отступил от наших богов, - говорил Яр с укоризной. – От веры наших отцов. Ты отступник! А потому достоин смерти!

Тут в Яре в полной мере проявлялся воин. Он говорил пылко и гордо:

- Мы – внуки Дажьбожьи! На том стоим. Он нас ведёт и направляет.

- И мой разум был погрязшим во тьме, - Нечуй осуждающе качал седой головой. - А мрак – заблуждение и пагуба. Теперь для меня все иначе. Надо обратиться к свету, в Богу Единому.

- Как можно заблудиться, коли всё ясно и просто! – горячился Яр. - Вот ветер – это от Стрибога. Вот огонь в костре – это от Перуна. Вот свет неба – это от Святовита. И над ними – Вышень! Как я могу не верить в них, они рядом, я вижу их дела, слышу, воспринимаю их тепло и силу?

- Не яришь, воин, - говорил Нечуй. – Что вспыхнул, как огонь? Истинная сила – не сила рук или меча, а в вере и в слове. Слово – вот мой меч. Слово – вот мой щит.

И Яр понимал, что слово *мужа мудрого*, даже сказанное тихо, имеет силу и вес. Старик этот уже посеял сомнения в его душу.

- Ведь лучше, когда всего много - дичи, плодов, добрых людей, – не сдавался Яр. - Много богов – есть кому призреть за нами, заступиться за нас. Один не может за всем углядеть.

Нечуй сердился и говорил о могуществе своего Бога: захочет – и *звезды спадут, аки листове*. Он рассказывал о том, что раньше не было ничего: ни земли, ни воды, ни неба, ни ветра – только мгла. Но Творец за семь дней создал все: и землю с реками и лесами, и небо с солнцем и звездами, и моря со зверями водными и рыбами, и камни, и цветы...

- Зачем? – спрашивал Яр. – Для чего? В чём замысел его?

- Чтоб мы жили и радовались, и славили его. Он – Творец. Наша радость ему в утеху. Наши слёзы – Его слёзы. Он любит нас, как отец своих детей, и страдает, когда мы страдаем. Он плачет от наших бед и гневается на наше невежество. Человек – любимое творение Всевышнего Бога. Он и ныне продолжает творить, делать нас лучше... Так ваятель обрабатывает мраморную статую, чтоб стала еще совершеннее, чтоб была одухотворена, то есть исполнена высокого, святого духа!

- Дай мне увидеть твоего Бога, и я поверю в него, - сказал на это Яр. - Если нельзя увидеть, то как мне услышать?

- И увидишь, и услышишь, – говорил ему Нечуй убеждённо. – Но если только заслужишь это, следуя его заветам. Не всякому дано...Главный же его завет: люби всех так, как самого себя. Следуй завету: *биему быти, а не бити, обидиму быти, а не обидети, лишаему быти, а не лишевати*. Тогда будет тебе милость Божья, и узришь...

- Откуда ты всё это ведаешь? – спрашивал Яр.

- Я встретил человека, чей лик светел, взор ясен, слово благотворно. Он извлёк меня из пучины невежества и заблуждений...

Так говорил он, *муж мудрый*. А был по природе своей злоуст, его заслушивались и стар, и млад. Можно ли ему верить? Не выдумка ли всё это?

От него впервые услышал Яр о том, кто ныне где-то шествует по Русьской Земле, избавляя её от моровой напасти...

5.

О Нечуе было ещё вот что: ранее он имел свой дом, а в доме *чюлан*, а в *чюлане том* – *харатьи бережёные*, то есть свитки рукописей, которые Нечуй читал, мог растолковывать написанное в них и сам умел писать. Была у него и семья... Но лишился всего по причинам горестного свойства, только мудрость осталась при нём – в его плешивой голове на худом теле, облаченном в рубище. Он очень хорошо говорил... только временами впадал в такое глубокомыслие, что простому уму оказывалось непосильно понять. К примеру, Яр никак не мог уразуметь триединую сущность Всевышнего Бога, как это объяснял Нечуй. Если б просто три лица – это понятно: Яр видел деревянные и каменные статуи богов и с двумя, и с четырьмя лицами. Четыре - затем, чтоб смотрели *на восток* и закат, на полуночь и полдень, чтоб всё видеть разом. А что такое триединство?

Нечуй сердился: речь не о ликах, а о трех сущностях!

- А сущности что? – спрашивал Яр, заранее зная, что для объяснения некоторых премудростей и слов-то нет.

- Ты хочешь постичь это сразу, как вкус хлеба или воды, – говорил Нечуй. – Не будь глупцом и не считай себя в гордости своей способным понять Божий промысел.

- Твой Бог создал человека по образу и подобию своему! Так ты говорил, - напомнил Яр, - Значит, я должен постичь...

- Пойми не разумом, но сердцем, - говорил Нечуй, уже сердясь оттого, что не в силах объяснить. - Просто поверь: Бог триедин и вездесущ. Посмотри мне в глаза – ты видишь? – я верю! Поверь и ты...

И далее о том, что Всевышний Бог есть в каждом человеке, как бы частица его, и это было опять непонятно Яру.

- Он как свет в душе! – горячился Нечуй. – Его дыхание в нас! Разве ты это не чувствуешь иногда?

Яр чувствовал радость и гнев, грусть и печаль, зависть и множество желаний – еды, питья, тепла, прохлады... Что тут частица божья?

Но и вопросы о цели создания Богом этого мира – зачем? к чему? почему? – оставались все-таки без ответа.

- Почему Он не снизойдет к нам, людям, и не скажет ясно, громогласно, как следует жить? – опять спрашивал Яр. - Ведь это ему так просто! Достаточно одного соизволения! Пусть явится и скажет. Нужны ли ему наши молитвы и восхваления? Нужны ли статуи и храмы?

Ученик в вопросах своих был прям, а Нечуй, соболезнуя, смотрел на него, как на неразумного:

- Ты хочешь простого там, где сложно! Ты хочешь небесное уравнивать с земным! Ты простодушен. Может быть, это и хорошо: ты чист душой. Думай! Тебе дан разум, но постигай и сердцем. К пониманию можно прийти только через труд размышления и через душевный труд... но главное все-таки верить. Верить! Разум твой понимает заветы божьи, но ты не уверовал в них, они не укоренились в душе твоей, потому и призываю тебя совершить труд душевный, следовать этим заветам.

Иногда он говорил вовсе неясно, сам себя не понимая, по крайней мере так казалось Яру. Терпение изменяло Нечую, и он сам же нарушал главный завет, установленный ему Богом: люби всех, как самого себя, и становился свиреп. Упорство Яра сердило его настолько, что однажды Нечуй ударил его... А Яр, смеясь, дружески обнял старика.

Так было.

Где он теперь, Нечуй? Увиделся ли с Богом, о котором говорил, что каждый человек, завершив свой земной путь, после смерти будет им судим и определен по заслугам его... вознесен ли на небо, низвергнут ли в пропасть, во тьму. Конечно же, Не-

чуй на небе. А лучше ли там, где он теперь, нежели здесь, на земле?

6.

В том месте рукописи, где размышлял Яр о Боге Всевышнем и вспоминал Нечуя, случился грозовой ливень.

День тот был до полудня красен вельми, а в полдень вдруг помрачилась грозно закатная сторона неба, надвинулись тучи и разбушевалась гроза.

Яр успел подыскать три могучие шатровые ели, стоявшие близко друг к другу. Нижние ветки их, каждая у ствола толщиной в его руку, росли до самого комля, выстилая лапы по земле. Вот под этот кров он и пробрался не без труда. Срубил там внутренние ветки, обозначил вход.

А уж ветер налетел и раскачивал деревья. Яр поспешно тащил к *укривищу* еловый лапник, сухой тростник и пучки *лапорти*, сплетал кров. Устя помогала ему – скорей! скорей! - Малуша и Янка проворно выстилали мягким мхом землю в шатре, раскладывали вещи. Они успели завершить эти дела, тут и хлынул ливень.

Молния ослепила их и весь окружающий мир, гром ударил, сотрясая небо и землю – небесная колесница промчалась как раз над их головами.

Стало темно, словно вечер наступил, но солнце было ещё высоко, хотя и склонялось на закат, аспидно-черная туча его закрыла. Опять сверкнула молния и следом другая, и третья...в небе почти не перемежался колёсный грохот и конский топот.

- Ой, боюсь! – в страхе говорила Янка и прижималась к Малуше, как к матери.

Это была истинно гроза, оглушающая и ослепляющая, повергающая в страх всё живое. Воды небесные пролились на землю многообильно. Однако под шатром было славно, лишь редкие капли дождевые пробивались и достигали укрывшихся - так плотна была крона елей. Но подстилка из игольника была суха и даже тепла – чем не готовое жильё?!

- Кабы хлеба край, то и под елью рай, - сказала Малуша.

- А хлеба ни куска, так и в теремных палатах тоска, - добавила Устя.

Дичина да рыба уже надоели им, а хлеб то ли кончился, то ли не было его вовсе с самого начала их общего похода.

Думали, что туча пройдет быстро, и опять выглянет солнце, выгнется по небу краса-радуга, будет пить воду из реки или озера, чтоб снова напоить водой тучу. Но не тут-то было: ливень перешёл в долгий сеющий дождь, который то утихал, то припускал ещё пуще.

- От такого дождевого мочения и стены градские разваливаются, - заметил Яр.

- Промокнем мы тут до самого сердца, - опасливо отозвалась Устя.

- А ну как всё лето будет тако! – в тон ей Малуша. – *Прошлого лета бысть много вельми дожdevья. Река наша была аки по весне.*

- А верно ли, - спросила Янка, любившая задавать вопросы, - что есть страна за морем, там град стоит велик и крепок вelmi, а во граде том все люди токмо дождевою водою *напоаемы* и *скотие тако же*. Они ту водицу пьют и тем сыты бывают.

Яр отвечал на это:

- У них там дожди столь редки, что в иной год не бывает вовсе.

- Без воды не взрастет ни злак, ни яблочко, не поднимется трава, она не накормит скот, на ней не расцветут цветы, нечем будет кормиться пчёлкам, не будет мёда...- это говорила Малуша напевно. - Как можно без дождей? Чем же они живут, те люди в дальних землях? Или там реки полноводны, озера налиты водой по самые края?

- Роят колодези глубокие, - отвечал Яр. - да не везде и в колодезях достигают воды. От зною солнечного прячется она в *таинных* местах, уходит в глубь земли, под пески и камни. Реки да озёра там только под землей, перетекают с места на место – не угадать колодезям.

- Целый год без дождя, - повторила Янка в раздумье. – Как хорошо, что у нас всего довольно, и дождей, и зноя, и мокрети всякой, и суши, и озёр да рек. Пусть Стрибог погонит им тучу... от щедрот наших. От нас не убудет, а они порадуются и воспрянут.

- Подари им реку или озеро, коли так щедра, - посоветовала Устя Янке. – У нас того с избытком.

- У них ежели *огнь объемлет град, всё загораху и отняти никак не можно*, потому как нечем огонь залить.

Это Малуша молвила сонным голосом. На что Яр со снисходительной усмешкой сказал:

- Там нечему гореть. У них дома из глины да камня, люди те роют пещеры в горах и в них живут. Это у нас на Руси выгорают начисто и села, и посады, и слободы, и починки, и грады. А там грады стоят от войны до войны.

- Когда воюют, всё рушат?

Он подтвердил:

- Одни строят, другие разоряют, тем и полнится людская жизнь. Так уж повелось испокон веку.

После недолгого молчания продолжал:

- И у нас на Руси одни трудятся, другие отнимают нажитое. Есть люди-строители, но есть и люди-разорители.

- То звериный обычай, - молвила Малуша, осуждая.

- Вот мы ни у кого ничего не отнимаем. – сказала Янка. - То добро нам зачтётся. Будет нам удача в награду.

Малуша на это:

- Не вчера ли и не с тобой ли мы яйца утиные похитили из гнёзд?

Янка засмеялась

- Люди любят ссориться да ратиться, - продолжал Яр свое размышление вслух. – Даже убивать друг друга любят, и в том находят усладу.

- Пошто так?

- Каждый жаждет повелевать другими, править и вершить человеческие судьбы. Каждый хочет, чтоб ему покорялись другие. А без того не можем. Встретятся двое во чистом поле, каждому хочется покорить другого.

- И ты того жаждешь?

- И я, - согласился Яр и по голосу было слышно, что улыбается. – Разве я вас не покорила? Или не в моей вы ныне власти? И разве не идёте следом, куда веду?

- Ты и не заметил, муж добр, как мы тебя покорили, – уверенно сказала Малуша. – Ты теперь в нашей власти, в нашей воле. Мы тебя встретили на пути своём и одолели, и заставили нам служить.

- Так, - подтвердила Устя.

А Янка опять засмеялась.

Малуша первой *нача крепко спать* под ровный шум дождя. Устя и Янка тоже примолкли, но ещё пошевеливались, уминаясь поудобнее. Устя словно нечаянно оказалась рядом с Яром, положила голову ему на грудь, как на изголовье, а Янке изголовьем стала сама Устя. Малуша ровненько посапывала возле них.

Ночь застала их крепко спящими. Дождь затих, тоже словно утомился и уснул. Яр что-то бормотал во сне. Слышно было ненадолго проснувшейся Малуше, как он внятно проговорил:

- Хози Асан... торговый человек... скажи Ахмету.

«То имена из кочевых племён, - решила Малуша сквозь дрему. – Откуда ему ведомы?»

7.

А на острове речном, на его песчаном побережии, под тёплым этим дождичком лежали на самом берегу девы числом то ли четыре, то ли пять. Были они наги и не испытывали стыда от наготы своей, равно как и холода не чувствовали. Перед кем стыдиться, коли никто их не видит? Они были холоднокровны, как рыбы, потому и не стремились к теплу; все с длинными распущенными волосами, тела их поблескивали от дождя или оттого, что покрыты были мелкой, как бы рыбьей чешуёй, хотя чешуя та была так мелка, что и не различить.

Девы те лежали, опутив в воду ноги с рыбьими плавниками вместо *лапостей*. У ног не стопы, а рыбы плавники или ласты, как у тюленей, - *лапости*.

Девы разговор вели меж собой.

- По мне такой дождик – словно ласкает кто, - сказала одна.

- А я люблю иное: когда туман утренний, - отозвалась другая. – Вот я бегу по росным кустам...и они меня ласкают.

Третья сказала:

- Лучше нет – когда трава росиста, в ней кататься... или в овсах. Но мало нынче сеют овсов!

Ещё одна вступила в разговор.

- Знаю, сестрицы, место, где покататься в траве росной. Там *лаговина*, травка ровна и мягка.

И далее говорили:

- А хорошо бы заманить кого для потехи!

- Надо крепкого мужа, кряжистого, как дуб. Молодой сомлеет скоро. А с тем повеселимся, сёстры!

- Погодите, уж я выслежу... Тут неподалеку двое причалили к берегу. Один мелок и суетен, а другой куда как силен! Станут купаться - тут и защечочу.

- Но как благостна водица небесная! Словно ласкает кто...

«*Сие суть бесстыдство и любострастие*», - не преминул отметить тут Кирилл.

Замечу ещё, что и тут, и в иных местах книги, где упоминались *нечистики*, вроде Болотного да Лешего, химическим карандашом кто-то рисовал православный крест. Наверно, все тот же о. *Кирилл*. Он пометил тем крестом и русалок, лежащих на приплёске и ведущих стыдный разговор.

8.

Гроза настигла и жителей Посада. Лошади у них были распряжены, скот кормился на обширной травной *круглице*, то есть на поляне. Посадские люди загодя укрылись под деревьями, под повозками. И всё бы ладно, однако от оглушительного громового раската вдруг взвилась на дыбы одна из лошадей, бросилась в сторону и затоптала отрока Торопку. Орлец кинулся наперерез ей, сумел ухватить за гриву и укротить, но отрок остался лежать.

Орлец, весь мокрый с головы до пят, привязал лошадь к дереву, постращал кнутом. А Торопку уже занесли под навес, укрывали *дерюшкой*, он стонал. Мать над ним склонилась, плача. Собрались вокруг и Городило, и кривой Вятко, и Большак, и Посеня... Роксана прижимала к себе Потешку и смотрела страдающими глазами... Отец Торопки был в отлучке где-то. Он с товарищами спасался под бревенчатым накатом. Пока что отец был весел, потому как не ведал о нечаянной, неожиданной беде. Дождь заставил их ночевать, где пришлось.

Весь Посад затих под ночным дождём.

* * *

В ту ночь я бродил между телегами Посада, слушал бормотанье или храп спящих, говор бодрствующих. Посидел у того костра, невидимый полусонному Юрку, поставленному на стороже. .

Какие славные люди! Как безбоязненно шли неведомо куда! Они были достойны моего горячего сочувствия.

На том листе, где рассказывалось о Посаде, в начертании заглавных букв вплелось и тележное колесо, и рогатая коровья голова, и чья-то могучая рука на конской гриве, и страховидная птица, нацеливающая на кого-то свой длинный клюв, несущий смерть.

«Не она ли клюнула в темечко немощного Нежно Луня, - подумал я. – А уж потом вот этот языкастый огонь едва не испепелил его? Но кто-то извлёк из огня, вырвал из когтей птицы нежить. И не она ли стережёт Торопку, чтоб похитить жизнь из его тела?»

Жалко мне было отрока Торопку... небось, он был моим однолетком.

А вот с богами было в книге много путаницы. Я никак не мог уразуметь, кто из них есть кто. Они именовались по разному, меж ними какие-то родственные связи, в которых я не мог разобраться, и их обязанности тоже были для меня непостижимы.

Я гадал так и этак, читая рукописную книгу:

Мир двуедин: небо и земля... вечный свет вверху и вечный мрак внизу... день и ночь... добро и зло... жизнь и смерть... жар и холод... Почему-то одно не может быть без другого, словно повязаны крепко. Не потому ли и самых высших, самых могущественных богов двое? Или всё-таки могущественнее один из них?

На небе обитает бог Вышень, у него может быть и иное имя. Он обретается там со своими сподвижниками – светлыми богами; их мир радостен, осиянен светом. Их дела – к добру, к правде, к созиданию.

Под землей – Чернобог со товарищи; там у них вечный мрак, холод, туман... Их дела – ложь и зло, коварство и предательство. Они ничего не создают, только разрушают.

Белые и черные боги ведут меж собой вечную вражду, сходятся в битвах, и поле их брани – земля. На ней они ратятся, подвигая всё живое к добрым или злым делам, каждый в меру сил своих. Кто творит добро – служит Вышеню, небу, свету. А кто творит зло - служит Чернобогу, мраку. Потому меж людьми распри, вражда, кровопролитие, а рядом милость, добросердие и любовь.

Я отступался в отчаянии, вздыхал: «Дым в Крыму, Крым в дыму – ничего не видно».

Глава одиннадцатая. Ловитвенная избёнка.

Гроза над Липицей. Деревянные зверьки. Злат пришёл к ней во сне. Холм-круглица и кумир на нём. Отроковицы Утешка и Нехорош-

ка. Село Льянные Дворы. Потвор-любядец. Что я выписывал в тетрадь.

1.

Едва заметная тропа вела Липицу в тот день, который *был до полудня красен вельми*. И не натопанная тропа, а просто следы прошедших тут однажды людей – травное быльё чуть примято, в кустах пролом, сухие валежины повалены. Что за люди прошли, кто тропил тут путь, неизвестно. Наверно, те, что заняты *лешим промыслом* – охотой, или такие же случайные *мимоходцы*, как и сама Липица. Следы их то и дело терялись на иглистом хвойном *настелье*, но на травянистых полянах, в молодых малинниках она находила их снова. И так рассудила: тропа приведёт её к месту *насельному*, к людям, может быть, их не затронуло моровое поветрие.

Тут надо отметить, что и на этой странице, в верхнем углу, в переплетении травном пряталась птица дивного облика, в красно-голубом оперении. Она опустила по краю листа чуть не до нижнего угла длинный-предлинный хвост – на конце каждого пера как бы зрак человеческий. Клюв же этой птицы устремлен был по верхнему краю листа, сквозь стебли якобы камыша – клюв, как желтая стрела с кроваво-красным окончанием нацелился на зелёную лягушку, прыгнувшую прочь. Она в прыжке, в полёте, та лягушка, у неё рот приоткрыт, тонкий рдяный язык почти настиг стрекозу... или это такой комар?

Кто на кого охотился? Небось, комар-стрекоза тоже кого-то жаждал добыть.

Что обозначал этот рисунок? Какой смысл в нём заключён? А, пожалуй, тот, что такая живность водилась в ту далёкую пору, вот и всё.

...В полдень отдаленно, неясно прогрехотал гром и помрачилась закатная сторона неба. Это была та самая грозовая туча, от ливня с которой прятались Яр и его спутницы под шатровыми елями. От первого громового раската, докатившегося до неё, Липица оглянулась – вроде бы, нет тучи, только облака тяжело-ваты, но они по всему небосклону, а у неё над головою голубизна ярка, и солнце блещет весело. Может, показалось ей, что гром прогремел? Однако опять гроыхнуло вдали уже явственно. Она озабоченно нахмурилась, выискивая глазами: где укрыться, если настигнет дождь. А шла мелколесьем, тут найти себе укывище негде. Спустилась в лог, пересекла его, опять

угодила в кустарник. Она уже потеряла тропу и теперь шла куда глаза глядят. Опять оглянулась - облака уже посдвинулись в той стороне, куда солнце уходит на ночь, там опять гроыхнуло. Но солнце вышло из-за облака и светило безмятежно.

И все-таки туча, клубясь, уже обозначилась, становилась грозна. Ветерок настороженно притих, как бы в испуге, потом сорвался с места, зашумел порывами в молодых березках и кустах, и опять замер, спрятался, затаился. Но налетел новый ветровой вал, пригибая траву, затрепетал в испуге окружающий Липицу лиственный мир! Она заспешила, то и дело оглядываясь; лицо её выражало всё больший страх: всегда боялась грозы. Ещё девочкой при наступлении грозовой тучи убегала в дом и зарывалась там головой в постель. Теперь же было страшнее: она одна – укрыться негде, защитить некому.

Но вот стали попадаться ей на пути молодые ёлочки, а впереди уже и лес темнел, стал гуще и выше – это ободрило. Вдруг раскололось небо почти над головой Липицы - прокатилась небесная колесница, как повозка по каменному спуску, - лихие кони мчали её. Показалось даже, что в облаках промелькнуло огромное колесо, и копыта могучего коня блеснули подковами

Видно было, как ветровым вихрем вместе с сухим быльём подняло над лесом двух ворон, они кувыркались там, испуганно каркая, – их вознесло подобно сорванным с дерева листьям и ветром же швырнуло вниз. И уж первые тяжелые капли упали на землю, на деревья, звучно щёлкая по листве. Липица хотела встать под кудрявую сосенку, но крона была не густа, вряд ли укрыла бы. И быть бы ей под ливнем грозным беззащитной, но – вот удача! - попала на пути тонкая ловитвенная избёнка. Именно так было сказано: тонкая, ловитвенная, похожая на лубяной короб, прохуdivшийся тут и там... Избёнка стояла меж двух старых елей, они ее оберегали своими кронами, простирая разлапистые ветки над нею. Судя по ветхости, поставлена была каким-то лесным жителем давно, как раз чтоб укрываться от дождя, и давно уже в ней никто не жила, потому что перед лубяной дверцей молодые кусточки не примяты - трава подступала к избёнке со всех сторон, росла даже на кровле, и мох напелзал по стене.

Липица вошла в избёнку с опаской, огляделась, пригибая голову: кровля низкая. Было тут довольно сумрачно – наверно, из-за надвигающейся тучи. Она разглядела на стене обрывки крученых из льна нитей и бечев, и вервиев, на полу лежали

птичьи перья, рыбы кости, изношенные лычные лапти, *изодранная в латки лопотина*, много ношенная и уже изопревшая, на стене висели хорошо сохранившиеся силки из конского волоса...

Почти половину этого жилья временного занимало сплетенное из лозины да верескового хворосту ложе. Малое оконце над ним было заткано паутиной, на которой сидел громадный паук; при появлении Липицы он проворно скрылся. Впрочем, свет проникал сюда не только через маленькое это оконце, но и сквозь щели в стенах, потому что стены не бревенчатые, а сделаны из кольев, переплетены прутьями ивовыми и кусками березового луба.

2.

Гостья не успела хорошенько оглядеться, как вдруг ослепило её ярким светом, она ахнула в ужасе и присела на ложе, прикрыв голову руками. Небо раскололось как раз над нею, и хлынул ливень. Крыша избенки протекала тут и там, Липица подвинулась в угол, где было сухо. Так сидела. Опять полыхнула молния, и в свете её из другого угла сверкнули на Липицу чьи-то глаза - она увидела прямо перед собой затаившуюся *лиску* и так подумала, что та тоже укрывается тут от дождя. После молнии опять стало *мгленно* – исчезла *лиска* в сутемени, не видать её. А при следующем всполохе Липица увидела снова: зверушка сидела на прутьяной полке возле окна, выставив из-за сухих деревяшек острую мордочку. Опять от молнии ослепла Липица, не зная, то ли здесь *лиска*, то ли уже убежала. Нет, осталась! И поглядывала очень хитро.

А какая гроза разыгралась над ними! Полный мрак мгновенно сменялся ослепительным светом, оглушительный гром встряхивал небо и землю, отчего ливень усиливался, - так ветровой вихрь отряхивает дерево. Липице было видно через окошко, как вода небесная приминала траву и кусты вокруг избенки, а ветки деревьев никли долу от ветрового да дождевого гнёта, того и гляди придавит этот водопад лубяную лачужку.

Так сидели они в страхе, Липица и *лиска*. Но вот раскаты громахающей колесницы удалились, ливень стал стихать, а через некоторое время и посветлело. *Лиска* же по-прежнему не хотела убегать и все так же неуклончиво смотрела на Липицу...

Не вдруг поняла жёнка, что зверёк этот – не живой, что он сотворен чьими-то руками из дерева, вернее, их древесного

корня. Там были ещё и волчонок, и сова, и пара лебедей... Она осторожно вынула из-за прочих поделок деревянных эту лисичку, у которой вместо глаз вставлены были круглые полупрозрачные камешки с искрами. Те искры вспыхивали от молний даже дальних и мгновенно гасли, внушая Липице сознание совершающегося на её глазах очевидного волшебства.

Липица, дивясь, качала головой. Уж кончился грозовой ливень, птичье загомонило в лесу, а она всё рассматривала деревянные поделки, *глаз не могла оторвать*.

Потом увидела на притолоке широкую ленту бересты и выцарапанную на ней надпись, сумела прочесть – это был краткий заговор, охраняющий избёнку и дарующий удачу в промысле. Слова заговора повторялись трижды. Липица благодарно подумала, что охранительный смысл заговора, небось, повлиял на её избавление от дождя и грозы.

Мелко сеявший дождик однако не выпускал Липицу из избёнки до сумерек. Пережидая его, она затаилась и незаметно для себя самой уснула. А была так утомлена, что проспала всю ночь. *Комарие обиду ей чиняху*, но не шибко лютовало то *комарие*, она не замечала его. Не увидела и не услышала, что ночью в лачужке этой и вокруг оной устроили великую игровую кутерьму та *лиска*, и волчонок, и писклята из гнезда, и змеи... лебеди гуляли парой, и сова вылетала через оконце, садилась на вершину ели, ухала оттуда... - все они ожили, хотя и были выструганы из дерева.

Ей же приснился счастливый сон: Злат на своем любимом Буяне вернулся из дальнего похода усталый, но радостно улыбающийся. Она, истосковавшаяся в разлуке, с сыном на руках сбегала к красного крыльца терема ему навстречу, смеясь, подала Ждана отцу на коня, взяла Буянку под уздцы и ввела в ворота...

Как счастливы были те мгновения! В лёгких слезах пробудилась она уже под утро и почувствовала, что озябла, прямо-таки застыла – ни согнуться, ни разогнуться, как кочерыжке капустной. Утренний сырой туманец плавал вокруг *ловитвенной избёнки* среди деревьев. Поплотнее ужалась она, укуталась тем, что у неё было, и опять уснула в надежде, что снова приснится Злат.

Почти каждую ночь снился он ей, ласковый, улыбающийся, называвший её не иначе, как *Красавой*. Именно так: *Красавой!* Голос его слышала явственно. Будь он *в животе*, то есть

живым-здоровым, разве попала бы она в этот дикий лес! Из-за тридевяти земель окликнул бы:

- Благополучна ли ты, любовь моя? Здоров ли Жданко, сын наш?

И нашёл бы, и спас бы...

А окончательно проснулась - нет Злата и нет сына Жданко. Тут она поплакала... А было уже солнечно. Вздохнула тяжело, огляделась вокруг – деревянные звери и птицы смиренно сидели на полках.

Великим искусником был тот человек, что когда-то коротал здесь время, пережидая непогоду или болезнь и выстругивая деревянных птиц и зверей. Впрочем, немного он трудился над *лиской* – то был просто изогнутый сосновый корень, отсечённый от комля, он лишь слегка постругал то, что было создано живым деревом: на упруго изогнутом теле *лиски* сохранилась кора - значит, он угадал в корне фигуру зверька, заострил мордочку и вставил камешки-глаза. И все-таки он был искусник, тот лесник-охотник: вырезал, выточил не только эту *лиску*, но и забавного волчонка, двух лебедей, свивших шеи в любовном томлении, гнездо с писклятами, сокола парящего, клубок змеиный, а в самом верху, под крышей, сидела сова, держа в когтях то ли мышь, то ли крота - все это было сделано из переплетения корней смолистых, из ореховых наростов да березовых *болон*, то есть из наростов же.

Липица опять осторожно снимала их, любовалась, возвращала на прежнее место. Кстати сказать, она нашла тут же, *на полке*, две *ольховые ладонки*, натёртые воском, одна темная, другая посветлее, *обе с крюковыми знаками*. Не процарапаны знаки, вырезаны ножом четко. При свете солнечном, лучом падавшим сквозь щель, прочитала на одной:

«Запаси две кади липовые, лубьё и липняк, и доски, и дра-
ницы».

На другой:

«А грабежом взяли у нас кожан козлиный, рукавицы бора-
ньи да два кушака красных...»

Наверно, один охотник, зайдя в *ловитвенную избёнку* и не найдя тут, кого ему надо, оставил в условленном месте весточку на *ладонке* и тоже ушёл на охоту. Была ли прочитана она тем, кому предназначалась? И что стало с охотниками?

3.

Не без сожаленья оставила Липица ту избёнку. На прощанье ещё раз подержала в руках *лиску*, полюбовалась ею и вернула на прежнее место. А когда отправилась в путь, деревянные зверушки ожили, прыгнули и слетели, и последовали за нею, таясь.

Куда она шла? Понимала ли, что нельзя ей прожить без людей? В дебрях лесных погибель ждёт её от дикого зверя... или просто от голода. Ведь у неё нет ничего, чтоб добыть себе пропитание: ни лука со стрелой, ни уды с крючком, ни силка. А ну как встретится на пути лихой человек, вроде того *злорадника*, что хотел убить Млад-Воинка и завладеть жёнкой его Радимой? На что же надеется эта Красава, женщина дивной красоты?

Может быть, она сознавала в горести глубокой, что ей не уцелеть, и примирилась с тем? Отмерила себе жизни ещё несколько дней, вот и всё. Отчаялась... а ободрить некому. Позади мор, впереди голод и звери дикие, и рядом никого.

Хотелось ей к живым людям. Надеялась встретить кого-нибудь из тех, кто знал её ранее: ведь она была в этих местах не далее, как прошлым летом. Множество людей видело её рядом с мужем, а Злат был возле князя Венцеслава бок-о-бок. Князя судили и рядили, она же помогала им советом. Многие были благодарны ей, они вспомнят красавицу-жёнку малого князя Злата Богуславича, помогут не страха ради, а из сердечного чувства... Впрочем, она уже далеко от родных мест - несёт её, словно сухой лист ветром - кто тут может её знать? Теперь каждого по пятам преследуют *беси* злобного Люта; каждый, спасаясь, думает только о себе да о своих родных. Но, небось, есть поселения, не тронутые моровой болезнью! Вот только где они?

Если б ей добраться до Червень-града! Там у неё родня – сводный брат Милован, он там в *лучших людях*. Там спаслась бы, если Червень-град не поражён Лютомором. Ничего ей не надо теперь – только тёплый угол в доме да хлеба крома, будет жить памятью о Злате да Жданко.

4.

Она шла довольно долго и вот поднялась на возвышенность, а тут остановилась в испуге: на холме том посреди поляны-*круглицы* стоял *муж древян*, поименованный *кумиром*... Он как бы врос в землю по пояс... или наоборот - вырос из земли?... и был не каменный, не глиняный, но именно деревянный, а ростом могуч, едва ли не вровень с вершинами молодых елей,

окружавших поляну. Деревя стояли тут хороводом или дружиной его. На главе *кумира* сидела ворона; она слышала треск сухой ветки под ногой Липицы, каркнула зловеще и перелетела на ближнее дерево. Оттуда опять каркнула несколько раз, словно предупреждая кого-то. Из лога лесистого откликнулись ей сойки. С высокого неба обронил свой клик белый орлан. Должно быть, птицы известили о чём-то друг друга... и ещё кого-то?

Липица недолго колебалась, осторожно стала приближаться к поляне, боясь выйти из-за деревьев на открытое место. Ворона улетела, но появились откуда-то две сороки, мелькали меж деревьями и трещали, опять же не просто так, а со своим умыслом. В лесу же было тихо. Может, от той тишины и страшнее стало Липице. Однако солнце светило ясно, ветерок веял ободряюще, это успокаивало её, и она осмелела немного.

Теперь она могла уже рассмотреть деревянного *кумира*. Ликом он был обращён к ней. Выражение на лице отнюдь не грозное, а напротив, добродушное. Голова без шеи плотно уместилась на широких плечах, волосы ниспадали крупными кольцами на плечи, борода во всю грудь – словно ветром её разнесло – и длинна, едва не до земли, а руки спрятаны на чреве под бороду; брови грозны, но губы усмешливы и пышные усы молодчески разведены в стороны, концы же опущены вниз... Два круглых камня, вставленные в глазницы, посверкивали на солнце мелкими блёстками, как у той *лиски*, что в *ловитвенной избёнке*. Казалось, сейчас кумир скажет что-то рокочущим громовым голосом или повернётся...или восстанет из земли ещё выше и ступит ногами по поляне.

Липица вовсе оробела. Она ожидала чего-то такого, что вот-вот случится, тогда она кинется бежать отсюда в великом страхе куда глаза глядят. И случилось, хотя она и не кинулась прочь.

А случилось-то вот что: от *кумира* вдруг отпал словно бы некий щит... и из образовавшегося проёма выступил, как выкатился, малого росточка человек с лысой головой, с бородой седой и длинной – завязана узлом борода та! На нём был тёплый кожушок овчинный без рукавов, порты тёплые тож, а на ногах мокроступы из валяной шерсти, обшитые кожей. Он проворно прошагал вокруг *кумира*, прижимая к животу невеликое лубяное *коробьё*, приостановился, прислушался, потом поставил *коробьё* на камень плоский *пред ликом кумировым* и вернулся проворно, юркнул в тот же проём, закрылся щитом, словно дверь за

собой закрыл. *Оная же «дверь» затворилась* так плотно, что можно стоять совсем близко или пройти мимо и не заметить её.

Пораженная таким явлением Липица не двигалась с места, ждала неведомо чего. Она не видела, как через малое время этот человек с узлом-бородой неслышно возник у неё за спиной, за деревьями, постоял, не приближаясь, и опять скрылся бесшумно, словно тень, едва она повернулась уходить.

5.

Детские голоса раздались вдруг совсем близко, заставили вздрогнуть Липицу ещё раз. *Две отроковицы в летах небольших*, одетые по-летнему, - в лапоточках, в холщовых одеждах...

(Я забыл, как они назывались – не платья, не сарафаны, а как-то иначе)

...при одинаковых платах на голове у каждой - прошли мимо, не заметив её. Они замедлили шаги, всходя на всхолмление и, переговариваясь уже шепотом, приблизились к деревянному *кумиру*, поклонились ему, положили перед ним на тот плоский камень свою ношу - два туеса неведомо с чем - опять поклонились и что-то громко сказали. В ответ им *кумир* ответил: стук, стук, стук. Отроковицы переглянулись и опять что-то спросили. Деревянный *кумир* ответил им уже тихим человеческим голосом, а что именно сказал, того Липица не расслышала. Они же почтительно попятились, прихватив с собой лубяное *коробье*, оставленное им на камне, и отправились назад, часто оглядываясь. Перед тем, как уйти, повинувшись тому тихому голосу, они посыпали что-то на камень, словно посеяли.

«То хлебные зёрна, - догадалась Липица. – Угощение для вороны той и для сорок, а те – прислужницы... при ком? Небось, не только они, а и более мелкие птахи служат волхву лесному. Однако же сам он чей прислужник? Или здешний леший?».

Жёнка последовала за отроковицами, но шла в некотором отдалении от них, не выказывая себя. Белые платы мелькали за стволами деревьев, за кустами, то пропадая, то появляясь вновь. Однако через некоторое время Липица решила вступить с ними в разговор – чего таиться? – и ускорила шаги, и выступила им на пути, чтоб увидели её. Они остановились в испуге, глядя недоверчиво и настороженно, готовые кинуться бежать. Чтоб не испугались, жёнка упредила их словом как можно ласковей, но они боязливо отступали, когда она делала к ним шаг.

Отроковицы те были сестрами. Старшую звали Нехорошка, младшую - Утешка. Сестрицы были очень похожи одна на другую, как близнецы, но Нехорошка старше Утешки на одно лето и чуть повыше ростом.

Липица улыбнулась, узнав их имена.

- Так тятя нарёк, – объяснили они в один голос.

Надо полагать, тятя нарёк их этак-то в шутку, ан вот прилепилось, прижилось.

- То имена будничные, обиходные, - объяснила старшая. - А вот войдём в возраст - будут нас величать иными, они *лучше*.

- Она Весница, а я – Звездица, - сказала младшая..

Что ж, то правда: этак *лучше*, то есть лучше, красивей.

Липица спросила, откуда они идут. Но сестры только переглянулись и ничего не ответили.

- Я видела, как вы что-то приносили кумиру. И видела, как из него выходил некто, ростом мал, головой лыс, в кожухе.

Сестрицы опять переглянулись, и Нехорошка сказала:

- Это Потвор. Он там живет.

- У Ветрилы за пазушкой, - пояснила Утешка и хихикнула.

Они спросили, видела ли Липица на кумире том *знамя* – *драконта* с огненным хвостом? Липица покачала головой: нет, не видела.

- Тот *драконт* выжжен небесным огнём при грозе, - сообщили они ей. – Он черный... аспид.

Карандаш раба Божьего Кирилла оставил в этом месте свои пометы: одна напротив упоминания о загадочном *знамени*:

«*То антихристова печать, она такова...*»

А рядом нарисована козлиная морда с кривыми рогами и гнусным раздвоенным языком; другая надпись – ниже:

«*Явится человек светообразен и порушит прельщающи кумирни*».

6.

Село, в котором сестрицы жили, называлось Льянные Дворы, потому как жители его сеяли лён и торговали льном, и одевались в льняное полотно, которым тоже торговали. И масло льняное жали на продажу, и пласти жмыха для того же, и вервие всякое плели – весь этот товар продавался с берега реки на приплывавшие издалека лодии. Река та мала и летом пересыхала, но по весне и по осени становилась полноводна. И весенний, и осенний торг длится несколько дней, а место то, где при-

ставали купцы, звалось Лодийным. Ну, до него далеко – с десятков поприщ или более того.

Во Льяных Дворах жили льном и во льне, как иные живут рыбой или житом, или скотом, или лесом. А раньше-то жили овсом – сеяли и себе на прокорм, и на продажу, и для обмена, и для своей скотины, а питались толокном да блинами овсяными, да овсяными же киселями. И звалось село иначе: Овсяниково. Однако овса на продажу на Лодинное место привозили много из иных мест, потому стал дешёв, а на лён спрос великий. Вот и стало Овсяниково Льяными Дворами.

Все это Липица узнала из краткого разговора с Нехорошкой и Утешкой. Сестрицы сказали, что отец послал их поклониться Ветриле – так зовут бога, чей *кумир* стоит в лесу на холме. Поклоняются таким же образом и другие семьи время от времени, порознь. А коли не сделать того, то Потвор наслёт на село *ветр вельми шумен и злопыхающ*. В начале же лета и по осени как раз после торгов собираются вместе близ *кумира* сразу три села – Льяные Дворы, Пестрядиново да Вёски, приносят дары и устраивают пир с хороводными плясками и песнями, с возжиганием великих костров, с плясанием вокруг них и игрищами всякими. В эти дни ветры и вихри ходят по округе посолонь над лесами, над сёлами и над ликующими людьми; искры же от костров поднимаются высоко вверх, чтоб стать потом на небе малыми звездочками.

Ранее кумира Ветрилы не было тут. Появился он сам собою, по своей воле и охоте, и произошло это в то время, когда их обеих, Нехорошки и Утешки, ещё не было на свете, а где они были, того не ведают.

Случилось же так. Стоял на холме посреди леса могучий дуб в три обхвата, очень старый, но крепкий и желудистый. Любили его вепри, да турье стадо приходило. И вот однажды дуба не стало. То есть он не упал, не сгорел, а сбросил с себя все ветки и кору, и обнажился *до болони*, обрёл голову с глазами живыми и кудрями до плеч, и бороду, у самой земли завязанную узлом, – теперь того узла уже нет. Люди пришли - стоит *древян муж*, а вокруг раскиданы ветровым вихрем ветки и листие, и кора, и щепы - это было первое чудо. Кто поднял бурю и воздвиг *кумира*? Ясно, что не человеческими руками сотворено. Тут поняли, что не кто иной, как Ветрило сотворил такое чудо. Новорожденному *кумиру* поклонились три села - одно ближнее и два в отдалении. Поклонились и мёдом, и дичью, и хлебным злаком, и льяной куделью, и услышали в ответ сначала стук-стук-

стук, а потом и благожелательные слова, прозвучавшие *из чрева кумирова* – это было второе чудо.

И вот в то лето случился добрый урожай и на лён, и на овёс, и на корение всякое, и на ягоды, и на грибы. И прилетели рои пчёл, заселили в окрестных сосновых борах новые борти... И пушных зверей набежало вокруг много – куница, соболев, горностаев, белка, лисица... и рыбы в реке стало изобильно, поселились тут выдра и бобёр. А по осени и зимой коровы отелились - по паре телят почти каждая, и овцы объягнились по осьми да десяти ягнят – это было чудо третье....

Голос же из чрева кумирова был человеческий: для общения с людьми Ветрило снарядил похожего на себя волхва по имени Потвор; тот вразумляет людей, даёт им советы, готовит целебное зелье для страждущих, доносит людские просьбы да моления до внемлющего уха не только Ветрилы, но и прочих богов, передаёт потом людям их повеления. А кланяться велит Потвор всякий раз не пустым поклоном – приносить ячменную крупу, хлеб-каравашек, молоко коровье топлёное и мёд сотовый или крупчатый, маслице коровье в горшке и маслице льняное в жбанчике....

Однако же Потвор в последнее время то ли состарился, то ли разлакомился праздным житием...

«Обленился, словно старый кот, который и мышей не ловит!» – не преминул язвительно написать в этом месте взыскательный Кирилл.

...и уже не столь ревнив в исполнении своих обязанностей, или сам Ветрило не так щедр да милосерден, как прежде. Теперь, говорят, великая беда надвигается на Льяные Дворы, Пестрядиново да Вёски - откуда-то из полуденных стран Лютова напасть идёт на Русьскую Землю весенним палом. Страх велик стал в людях. Три села собираются пойти к кумиру со слезами и молением, просить о защите единым воплем, единым плачем.

Сестрицы потому и не подходили к Липице близко - боялись её по той же причине, по какой она сама боялась пораженных язвой людей. Они объяснили: таков им был строгий наказ взрослых.

- На мне нет Лютовой меты, – заверила Липица.

- А беси? – спрашивали боязливые сестрицы. – Они сидят до поры, таятся, потом прыгают подобно лягве и язвят.

- Не страшитесь меня, - утешала Липица. - Я чиста от них.

Сестрицы смотрели на неё уже более доверчиво, однако всё-таки сторожились. Незнакомая жёнка нравилась им, уж

очень красива и славно улыбалась, да и одета не как простолюдинка, но запрет старших они помнили и не могли нарушить его, потому отправились домой, отнюдь не приглашая её с собою. Однако же Липица следовала за ними. Дорогой продолжали разговор, перекликаясь.

7.

Загадка с Потвором, обитающим в *кумуре*, занимала Липицу: он тайно там живет или явно? тут обман и хитрое лукавство или что иное? Она осторожно спросила, видят ли его люди. Отроковицы сказали, что видели его всего раза три или четыре да и то издали, а не близко. И взрослые так же, только посылают ему «поклоны» для прокормления, чтоб не было у него обид на людей, живущих во Льяных Дворах да в ближних сёлах: не прогневать бы Ветрилу! Взрослые тревожатся, когда волхв занедужит сам и не в состоянии себя вылечить. Тогда к нему идёт Осеня, вдовица, искусная в лечении простуды, ломоты, трясовицы, зубной боли, и *пользует* его, Потвор выздоравливает.

«Любоядец и любоядица» – пометил в этом месте химический карандаш.

- Осеня сказала, что, исцелясь, он ей песни поёт, - хихикнула Утешка.

- Что же он поёт?

- Жил-был некто, прозвище ему Свист Ветровой, - стала рассказывать младшая из сестриц. - Сам он имени своего не ведаёт, так его люди зовут. Родился же Свист Ветровой на свет не от отца-матери, а в листе дубовом, в свирель малую свернутом. И выдуло его ветром, полетел подобно комару, потом стал подобен пчеле, потом и быстрой птице, и засвистел разбойно или совсем иначе. Если иначе, то очаровывал...

- Потвор не поёт, а этак свиристит искусно, - поправила старшая сестра младшую. - Ты того не слышала, потому и не ведаешь, можно ли пересказывать без того свиста. Про то надо спросить у самой Осени очарованной или у тяти нашего, он слышал.

- Ещё он про то поёт, как ходил по земле Вьюр, который может быть и малым, с дерево или куст, а то и великим, до небес. Взвихрит Вьюр палую листву, земной прах, взморщит воду в лужах ли, в реке ли, в озёре ли, а рассердится – обломает ветки у дерев, а то и повалит целую рощу. Иногда просто шалит

Вьюр: поднимает у младенцев волос надо лбом или на маковке – так и останется он на всю жизнь вздыбленным.

- Ага! – сказал я в этом месте сам себе. – Вот откуда у меня вихор надо лбом! Вот он, справа. А мать пошучивала: корова, мол, языком лизнула. Нет, это какой-то Вьюр озоровал надо мной!

- Иной раз подолы на жёнках вздымет, - вставила в рассказ старшей сестры младшая, и обе захихикали.

Про всякие проделки Вьюра и пел Потвор, кумир Ветрилы, он много знает песен – так поведали сестрицы.

- Не он ли сам и есть тот Свист или Вьюр?

Сестрицы переглянулись и согласно кивнули:

- Так. Он всё может, потому как и лукав, и хитроумен, и изворотлив.

- Вот я сама схожу к Потвору и попрошу его, пусть попоёт мне и посвистит, - сказала Липица, в свою очередь лукавая.

Сёстры сказали на это хитро:

- Того Осеня не попустит.

- Отчего же?

- Она жёнок к нему не пускает, вот разве что нас, мы малы.

На вопрос, почему бы Потвору не жить среди людей хотя бы во Льяных Дворах или в Пестрядинове, или в Вёсках, сестрицы, удивясь, ответили, что это невозможно: он не может жить, как люди, тем более под одной кровлей с ними.

- Отчего же? – опять спросила Липица.

- Боги потому и боги, что всё у них инако.

- Но Потвор вовсе не бог, - возразила Липица. – Он всего лишь его прислужник, волхвователь, чаровник.

Ей объяснили, что Потвор - один из обликов Ветрилы, который может обратиться не только в человека, но и в птицу, и в зверя, и даже в пчелу.

- И может ужалить?

- Потвор добренький, – сказали ей. - Он любит дары и шибко лаком до вкусного да сладкого. Ещё любит мягкую рухлядишку – меха беличьи да лисьи – потому как озяблив.

- Что он вам сказал, когда вы принесли ему поклон?

Сестрицы переглянулись, старшая призналась:

- Повелел принести жмых на меду. Его знатно готовит Братаня Овсяникова. Да только Братаню свою Овсяник к Потвору не пустит.

- Отчего же? Ведь вы сказали, что Потвор добронравен.

- Охальничает, - захихикали сестрицы. – Какой муж отдаст свою женку на сторону! То негоже.

Тут и Липица засмеялась.

- А ещё Потвор любит бражку медовую, - продолжала хихикать младшая. – Вот выпьет чарочку, тогда и поет, и свиристит, и плясание учиняет.

8.

Далее Липица узнала, что Ветрило покровительствует лишь живущим близко от его *кумира*, а дальним он не помогает, их не охраняет. Там он только пожары раздувает, крыши соломенные подьёмлет и уносит неведомо куда, может и человека взметнуть вверх да и грянуть оземь, и такое бывало. Сестрицы этак предостерегли Липицу, ревниво отстраняя её от кумира, который стал собственностью их села: ведь, он охранял, оберегал Льянные Дворы, как хозяин своё владение, как пастух людское стадо, и оттого людям было благо.

Однажды случился во Льянных Дворах пожар: запылала крайняя изба. Все испугались, отцы забежали, матери закричали, дети заплакали: ветер дул в сторону села, и пылать бы ему до угольев, до пепла – великая беда случилась бы! Но появился откуда-то Потвор, взмахнул пучком травы-метлицы, что растёт по ручью, прокричал что-то, и ветер, дувший прямо, неуклончиво, закрутился, завихрился вокруг горящей избы, поднял вверх дым и пепл, а потом и вовсе подул в обратную сторону. Сгорела только одна изба, а прочие уцелели. Потвор же, совершив своё волхновение, тотчас пропал. Так было.

Рассказав об этом, сестры оглянулись на Липицу: дивится ли? Она дивилась.

Ещё они сказали, что он отпугивает *мимоходцев*, а вернее, отводит их. Взрослые говорили, что как раз нынче поутру Ветрило заставил чужих людей далеко обойти их селение. А шли четверо: *муж густобрад* и с ним три сопутницы - то ли дочери, то ли сёстры, то ли жёнки.

Расспросив, как были они одеты, Липица поняла, что это шли Яр, и Устя, и Малуша, и Янка. У неё заныло сердце, словно разминулась с родными ей людьми. Спросила, как они шли, в которую сторону. Ей сказали.

- Ты отбилась от них? – догадались Нехорошка с Утешкой.

- Я сама по себе, - строптиво и горделиво молвила Липица.
- Ни зла от меня, ни лиха, потому мне никто не препятствовал идти, как я хочу.

Возле крайней избы села Льянные Дворы двое *малых*, *оба лет по осьми* играли в *курышку*. Липице игра эта была знакома: *курышка* – деревянная чурочка, гранёная, с острыми концами; по ней бьют палкой так, чтоб подпрыгнула как можно выше, и тут стараются попасть по ней палкой ещё раз, чтоб после второго удара она улетела как можно подальше; потом *курышкой* стараются попасть в «*огонь*» – начерченный по земле круг ..

Те двое *малых*, увидев Липицу, остановились и смотрели, приоткрыв рты от изумления. Она улыбнулась им, они смутились. А отроковицы издали окликнули отца, вышедшего из жилья своего, предупреждая, что с ними чужая жёнка...

* * *

Прочитав про *курышку*, я знающе улыбался: это игра в *чижик*. Деревянную чурочку и мы звали то *курышкой*, то *чижилом* – это у нас в деревне любимая игра среди парнишек. Опять-таки словно руку мне кто-то протянул из далёкой древности: мы, мол, тут такие же, как вы.

А читал я об этом, сидя у стола, накинув на плечи заплатанный овчинный полушубок. Кстати сказать, на полушубок этот я стал посматривать пренебрежительно, прочитав о том, что и за полторы или две тысячи лет до меня некие люди русские носили душегреи да шубы *на собольих пупках да беличьих черевьях* (что за *пупки* и что за *черевья*?), а уж то, небось, не обиходная овчина, а настоящие меха.

В тетрадке моей набралось довольно много и фраз, и слов, и странных имён. Спешу сказать, что тетрадка эта никуда не исчезала, она и сейчас передо мной. Да ведь и книга вернётся, я знаю! В очередной раз спряталась куда-то. Вот пока пишу о ней, она и явится... неведомо откуда.

А что я выписывал в тетрадь?

Помню... «*лопша горохова*» смешила меня, равно как и «*талерки*» (небось, глиняные или деревянные?), «*наказа жестоким житием*» озадачивало, страшила «*лания люта*», которая «*бияше предними ногами человека по голове*», удивлял «*мерин рыж, грива направо, с отметом, краснокрыл*», смущало платье женское, называемое «*срачицей*», забавляло сказанное о ком-то, что кто-то не иначе как «*сотонина полка сиротина*»....

Вот ещё из тетрадки моей:

Аще кто и многи творит добродетели, а будет завистлив, то горше татя или разбойника...

Единорог есть зверь, подобный коню. Един рог имат во главе, вельми крепок и страшен...

В женской голове мужеский ум имела...

На окнах говяжьих пузыри или холстина в масле...

- Трава колюка, - бормотал я, постигая премудрости витиеватого письма, – трава *галган*, трава *тирпич*, трава *козлец*... *сон-трава*, *одолень-трава*... *разрыв-трава*, *трава не-чуй-ветер*, *огонь-цвет*, *ветреница*.

Что это за травки, поди догадайся. Растут ли они теперь или произрастали только тогда, в далеком прошлом? Может, вывелись, пропали, как вымерли мамонты да ящеры?

Я читал, произнося вслух слова поточнее, именно так, как написано, и в избе нашей звучало:

- *А в то лето бысть сухо, и курево дымное хождаху...*

- *Нача с высоты того древа назирати и ко спасению своему купного жития искати...*

- *И увидев же храбреник старика ропотника в лапотках лыковых...*

- *Радость и наслаждение завистливому и лихораднику есть зрети погыбающих всех возненавидимых от него...*

Некоторые выражения были так забавны, что я ввел их в свой обиход:

- *Мала птица пчела, а сладостен плод ея.*

- *Разверзошася хляби небесныя.*

- *Моложавился: зипун за кафтан выдавал.*

Мать дивилась, слыша это.

Глава двенадцатая. Грамота.

Переправа через реку. Покинутое насельное место. Ледокольная с домовым. Сражение с медведем. На закате. Малуша целит Яра. Утренняя трапеза. Был мрак во Вселенной. Разящий, сверкающий круг.

1.

Яр и его «малая дружина» шли ... и по мокрым *лядинам*, и по кустам густым, и по чащам лесным, и через овраги да всхолмления...

А наверно, потому шли они *пешу*, что путь их был прям – как по солнечному лучу – через леса с буреломами, через вольготно разросшийся кустарник, по низинам да *лядинам*. Тут на повозке не проедешь, а в глухих-то местах и лошадь в поводу не проведешь, не то, чтобы проехать на повозке. Яр знал это: когда ходил в дружине, так только по проложенным путям да вдоль рек, и лишь иногда напрямик. Но теперь он не хотел окольной дороги, где могут встретиться ему страждущие селения и пораженные Лютомором люди; к тому же надо было поспешать, а ему казалось, что напрямик выйдет скорее.

Иногда приходилось им огибать неодолимые болота или озёра с зыбкими берегами, но, обогнув их, Яр все-таки выдерживал прежний путь и в том не ведал сомнений. Пасмурным днём он угадывал солнце за облаками, ночью ловил взором звёзды на небе.

Река изрядно широка попалась им на пути. Яр, не мешкая, срубил несколько сухостоялых деревьев, увязал их ивовыми прутьями – в три настила плот! - на него сложили основную ношу. И ещё сладил плотик – для малой ноши.

- Мой надёжа, мы лягвами поплывем, - сказала Малуша под общий смех. – Они наги, и мы будем наги.

- И не подглядывай за нами: *то студно*, - добавила Устя, которой как раз хотелось, чтоб он не оставлял их без внимания.

Он не видел, как они разоблачались, но видел, как плыли: Устя впереди всех, сильно выбрасывая вверх и вперед руки - именно она тянула за собой малый плотик с их одежкой; Янка загребала руками часто, как собака лапами, при этом повизгивала и смеялась - за нею тянулась по воде коса ее золотистых волос; а Малуша плыла на спине – только нос наружу - казалось, кто-то из воды держал её и толкал вперед, к другому берегу – ходко плыла. Устя вдруг ахнула, на неё оглянулись, готовые помочь, но она продолжала плыть так же уверенно и сильно.

Сам же Яр поплыл, толкая впереди себя большой плот. На другом берегу за кустами девы одевались, возбужденные, освеженные, неведомо чем обрадованные, переговаривались:

- Вода ещё студёна, особенно в глуби.
- Как живут там рыбы? Холодно им! Я б не смогла.
- И рыбы, и водяной батюшка, и *берегини*...
- У берегинь, как у рыб, кровь холодна, подобна воде из родника-студенца. Им зябко не бывает, им в тепле нужды нет.
- Кто-то *пехал меня в живот*, - деловито сообщила Устя.
- В живот ли? – хихикала Малуша.

Янка так и прыскала смехом.

- Скользкий такой... я его ногой лягнула, отпрянул. Небось, рыба или бобёр...

- А ну как утопленник! – пугала Малуша.

Тут Янка ужаснулась, а не Устя..

- Или сам хозяин водяной, - продолжала Малуша. - А поласкаю, думает, эту деву! Уж больно ладна. Когда ещё такая поплывет через мою реку в чем мати родила!

- Пусть свою жёнку или *задружину* трогает, а ко мне не лезь – зашибу.

- У него она страхолика и ужасна телом. А ты у нас гладенька, словно яблочко налитое.

Малуша хлопнула Устинью по мягкому.

- У водяного не бывает жены! – сказала Янка. – Мне так говорили.

Тут они заспорили: есть или нет... и о детках его тоже. Сошлись на том, что семейство у Водяного должно быть. Коли жёнки нет, то много служащих да угождающих.

2.

Яр был ещё обнажен выше пояса, когда Устя подошла к нему

- Что это? – спросила она сострадательно и провела логонько пальцами по широкому шраму на его спине.

- В бою надо было быть проворней, увёртливей, - ответил он и пояснил. – Сзади достали мечом

Малуша подошла, тоже потрогала былую рану ладонью, так определила:

- Два ребра перерублены...однако срослись.

Яр с суровым видом надевал рубаху тафтяную.

- Как же ты исцелился? – сострадательно спросила Устя.

- То давно было. Уж забыл о том, забудьте и вы. Рубленое ребро крепче прежнего.

- Мой надёжа, - сказала Малуша озабоченно, - я заметила: у тебя болит нога. Почему не пожалишься?

- Жалиться – ваше дело, женское, - отозвался он с усмешкой. – То мужа недостойно.

- Стонал ночью... а утром, вставши, прихрамывал.

- С утра всегда так: ноет колено и словно бы поскуливает по-собачьи, жалуется. Но потом замолчит.

- Сказал бы нам ... Или не ведашь: твоя боль – наша боль?

- Слабый человек – мёртвый человек, - молвил он кратко.

- Коли слаб, то и не жилец? – переспросила Устя, уточняя.

- Так, - кивнул он.

Ей понравились его слова, потому что была она сильной, по душе ей всякое проявление мужества.

Малуша велела ему обнажить колено. Осмотрела, ощупала своими цепкими, но не сильными пальцами.

- Поранили в бою, как и спину?

- То камень из пращи. За каждым не углядишь, не увернёшься....

- И тоже исцелился сам собой?

- Долго хромал, а теперь отзывается из того времени, как эхо из леса на крик.

- По вечерней росе прокукует *куковица*, я тебе пошепчу над коленом, и не будет боли.

Он ответил ей, что-де пустое это дело – пошептать. А потому так сказал, что девы видели и слушали разговор, он же не хотел выглядеть перед ними в таком виде, когда его жалеют.

- Мой надёжа, будь скор на послушание, медлен на гнев, - сказала Малуша с твердостью и строгостью в голосе. – Ввечеру... прокукует *куковица*... я пошепчу.

3.

Заросшая тропа вывела их на место жилое, вернее, бывшее когда-то жилым, но брошенное по какой-то причине. На подходе угадывались леса пашенные: молодой березняк пополам с осинником да малых ёлочек стаи поднялись тут с того времени, как бросили пашню. В низине ручей *лукарёво тек* и *быстро вельми*, и неподалеку впадал в речку невеликую. Над ним чередой стояли *круглооблые* деревья – должно быть, ивы или вётлы. И на месте бывшего поселения вырос уже молодой лесок.

Путники остановились тут, оглядывались.

Можно было угадать, где располагались жилища, где гумна - и *ладони* их, и овины. *Гуменный засор* на месте овина... Еще сохранился мосточек через ручей. Впрочем, на него уже не ступишь – провалишься. В малиннике валялись остатки сгнивших ивовых корзин, почему-то обмазанных глиной, соха старая, изработанная и две бороны дубовые, уже без зубьев. А еще ва-

лялся в траве расколотый надвое *горшок-горлач* для пива и *горшок-растворник* да корчага, побитые тож. Яр поднял черепок – по краю ясные отпечатки пальцев горшечника: слеппен неумело, обожжён наскоро, потому и некрепок оказался, недолго прослужил. Лошадиные да коровьи кости валялись вразброс – небось, палую скотину растащили волки да лисы. Заросшая *жегалом* яма - Малуша по каким-то признакам определила:

- Тут была *ледоколья*.

В той *ледоколье*, упомянуто кстати, одиноко проживал домовый, не восхотевший в своё время покинуть обжитое место и уйти с людьми. Он притаился, но приободрился, когда появились Яр со спутницами: вдруг поселятся здесь! Не скучно ему станет. Домовой хозяин вжался в гущу крапивную, когда Малуша встала на краю ямы, угадывая её назначение

- Вот жили и ушли, - не без грусти сказал Яр, оглядываясь. – Наверно, земля пашенная истощала.

Должно быть, поселение было невелико - не более *двунадесяти* дворов; кое-где сохранились перегнившие нижние венцы бревенчатых построек, заросшие бурьяном.

- Гляньте! – воскликнула Устя.

На старом дереве, на стволине его, укреплен был (острый камешек вбит вместо гвоздя) свиток берестяной. Раз укреплен этак, то что-нибудь означает. Устя сняла его, хотела развернуть, но он стал ломаться.

- Подержи в воде, - посоветовала Малуша.

Устя намочила, осторожно развернула - на нём оказались письма. Сама прочесть не смогла, позвала Яра. Тот прочитал вслух, но не без труда, запинаясь, потому как изрядно попорчен был свиток:

- *«Брате, коли ты в животе... иди следом на полунощь... до шивого болота... оттуда по ручью долго... до каменной рели.... поверни и приспе до семи озёр...»*

Яр насторожился от прочитанного. *«До семи озёр»* – не о том ли месте писано, куда сам он идёт? Не опередил бы кто, не занял бы самый лучший берег с *ловищами* рыбными да звериными...

Он накрепко вбил кремневый камешек в стволину, укрепляя берестяную грамотку, сказал, хмурясь:

- Небось, не придет брат ко брату, коли она тут давно. Небось, нет его в животе...

- Или был тут да не увидел грамотку, – предположила Малуша.

- Как не увидеть, коли на самом виду!
- Или не захотел идти следом за братом?
- Наверно, мы следом за ними идем, поелику речь тут о семи озёрах. Туда и наш путь.
- Жили тут *людие* лет десяток и еще полдесятка в давности, - определила Малуша.
- Она всё оглядывалась вокруг, угадывая что-нибудь.
- Но вряд ли уцелела бы за этот срок берестяная грамотка, - возразил Яр.
- Значит, кто-то приходил позднее, уже на опустелое место.
- Как считать? – тотчас любопытствовала Янка. – Десятки, потом *сотницы*, потом *тысяцы*... А дальше что?
- *Тмы*, - подсказала Устя.
- А еще дальше?
- *Тмы тем*...Зачем тебе? Что считать хочешь? Деревя в лесу или звезды на небе?
- Янка не унималась:
- Надёжа наш, что за *тмами*?
- *Тмы тем* – это *лешоны*... потом *леодоры*, - отвечал Яр неуверенно.
- А за леодорами что?
- *Вятше того числа несть*.
- Янка размышляла вслух:
- И деревья, и птицы, и травы... кто их исчислит?
- Исчислят, да нам не поведают, - отозвалась Устя. – Не нашего ума счёт.
- Всеу есть хозяин: и лесу, и небу, и траве, и всякой живности, и нам, людям, тоже, - Малуша, говоря это, всё оглядывалась по сторонам. - Как ему обойтись без счёту? У бога мы – как золотишки в ларце. Хороший хозяин счёт их знает.
- Хозяев много, а порядку нет, - вздохнула Янка. – Зачем бывают некстати дожди или сушь? Зачем развелось многообильно *зловредное комарие*? Зачем тороканы? Зачем лето кратко, а зима долга?
- Зачем сладких яблок нет вот на этой *елине*? – подхватила Малуша. – И хлеб-каравашек не лежит на пнях, подобно снегу пышному.
- Сказавши так, принялись смеяться девы. Веселые они были, словно и не утомились в пути.

- Скажите мне: зачем вот эти пиявицы в воде? – не отступалась Янка. - От них только ядовитое ласкание. Кто их напустил сюда?

- А пиявицы рекше меж собой: к чему людие? – *это ей Малуша в ответ.* – Они рекше: *беспокойство и утеснение от людей нам,* пиявицам.

- *Все живут, и все жить хотят,* - заключил Яр.

Тут дружина его размечталась:

- Надобно такое устройство, чтоб сыты мы были ветром, светом солнечным, водой речной да озёрной, да ключевой. И довольно!

- Кабы так, не надо *ествы* никакой – ни хлеба сеять, ни скота иметь. Как легко жилось бы!

- А сколько зла из-за того, что надо уболаготворить своё чрево!

Тут их осенило: наверно, на небесах живут так – не сеют, не пашут, не пасут коров, не охотятся на зверя и птицу. Никаких хлопот - только радость и любовь. И подвели итог:

- То на небесах, а мы на земле. И надо сей же час добыть *ествы*, иначе заголодаем.

4.

Яр отправился поохотиться. Слышал, уходя, как сзади Малуша сказала по какому-то поводу:

- *А что ластовица не горе чинила, того не вем.*

И опять они смеялись, глядя ему вслед. Они любили пошутить над ним, и то ему было любо: не плачут, не тоскуют, не печалуются – веселы!

В этот раз случилось с ним вот что: лесной хозяин на него напал - медведь.

Им и раньше встречались иногда медвежьи знаки: следы на мягкой земле, царапины на деревьях. Однажды разминулись и с медведем, не причиняя обиды друг другу, только Малуша с Янкой успели ойкнуть от страха. И ещё раз было: медведица не хотела уступать дорогу, рыкнула угрожающе и пошла было на Яра, но топор в его руке описал разящий, сверкающий круг – нет, всего лишь полукруг! - медведица рявкнула и кинулась в сторону, тем спаслась..

Однако же теперь случилось иное, о том рассказывалось кратко, но сильно.

Шёл Яр один *елинником* частым – вдруг рядом раздался хруст и тяжелое сопение. Глянул в ту сторону и замер – почудилось, будто остановился в нескольких шагах от него за *древом сухим* и *елинником* человек огромного роста... медведь! Он был *не добр*, напротив - *нрава лютосердного и насильного*. Поначалу зверь шатнулся было прочь, но что-то его осердило, он повернулся и с коротким рычанием бросился на Яра. И промедли человек, отступи в страхе – несдобровать бы ему. Но топор описал мгновенный блистающий круг и вонзился в медвежью голову, раскроив её надвое... Но остановить медведя в прыжке он не мог. Тотчас Яр был опрокинут медвежьей тушей и придавлен к стволу упалого дерева.

Но лютосердый зверь был уже сражён! Он просто рухнул на человека, сбив его с ног! Яр высвободился из-под него, по-прежнему крепко держа в руке своё оружие, готовый к продолжению схватки. Медведь ещё судорожно сучил ногами, кровь стекала из его головы на моховую кочку широкой полосой. Переводя дух, Яр постоял над ним, потом отошел в сторону, присел на поваленное дерево, все ещё не сводя взгляда с поверженного медведя, потёр больное колено. Он не был ни возбужден, ни обрадован случившимся – он не испытывал торжества от своей победы и был почти спокоен, словно каждый день по многу раз приходилось ему сражаться с медведями.

И тут сказано было туманно, словно намёком, что такое и впрямь случалось ранее: он выходил на ристалище - на него выпускали разом пару разъярённых медведей, а князь Родослав Добрынич с княгиней и княжичами и *со други* своя сидели и смотрели. Однажды выпустили на Яра четверых медведей... и бой тот едва не закончился его смертью: один из медведей достал-таки Яра когтистой лапой, поранил плечо до самой кости. Но обошлось... После той схватки князь богато одарил своего дружинника: тогда он бился об заклад с гостями, что Яр-Огонь одолеет и четверых зверей. Одолел.

«Куда мне этот медведь? – хмурясь, размышлял теперь Яр. – Не вовремя и некстати пошел он на меня».

- Пошто не испугался? – спросил он у бездыханного медведя. - Пошто злобен так? Или я тебя обидел? Или я тебя не уважил?

Мёртвый зверь не отвечал ему.

- Или кто-то хотел наказать меня твоими когтями? – строго спрашивал Яр. - Или кто-то наказал тебя моей рукой?

Он даже оглянулся вокруг, словно ища глазами главного виновника схватки, оставшегося где-то в стороне. Но лес был по-прежнему безмятежен, день светел и ясен, и радостен. Воздух благоухающ, птицы щебетали, ветер шевелил листву рябинового лесного подростка. Пахло медовыми цветами. Впрочем, в лесной воздух вплетался запах свежей крови.

- Ишь, не жилось тебе! – ещё раз укорил Яр мертвого зверя. – Посмотри, сколь *лепо* кругом. Небось, и ранее зло творил? Не творил бы – не накликал бы беды себе.

5.

Медвежатину жарили на вертеле над *уголием*. От изобилия мясного решено было постоять на месте бывшего малого поселения ещё день, отдыхая. Недалеко открылся им лесной водоём, на берегу его и встали на временное житие. Малуша с Устей развесили куски мяса на ветру – вялить. Они оглядывались на своего вожа с почтением, Янка – даже с испугом: он одолел огромного медведя!

А домовый, прятаясь в яме-ледокольне, очень приободрился и, таясь, бродил вокруг них *вельми радостно*.

На исходе дня Малуша велела всем сесть на обрыве речном лицом на закат и молчать, и думать всем *об изгнании боли*. И вот сели послушно: и сама она, и Устя, и Янка. Покорился и Яр, тоже сел с ними в ряд.

Было тут описание дивного заката... боюсь, я не смогу воспроизвести его, хотя и помню некоторые подробности.

Облака пеленой подступали к краю земному, а над тем местом, где сходится небо и земля, простиралась неширокая полоса чистого неба. Верхняя часть полосы той была ярко-бирюзова. А пелена облачная над нею освещалась солнечным светом так, что подбрюшье облаков серебрилось.

Закатный свет лег на воду, отразился в глубине, озаряя рыб больших и малых... отразился на деревьях, окрасив зеленую листву в багровые тона.

Гладь водная перед ними была спокойна, только рыба иногда всплеснёт. Цвет же воды обретался вишневый или чуть лиловатый.

- Похоже на заснеженную равнину, – заметил Яр, глядя на облака, и добавил, помолчав. – Я давно не видел снега... Скучал о нём. А когда рассказывал кому, так не верили.

Кому рассказывал – не сказал.

- Чему ж не верить?

- А что падает с неба белое естество, как гагарий пух, как яблоневый цвет... и покрывает всё – леса, поля, реки...

- *Этого добра у нас много, - молвила Малуша. – Вот придёт зима...*

- *Навалит снегу – сугробы, всё бело, - подхватила Устя.*

- *Висит на деревьях да как рухнет со всего дерева вниз тебе на голову – шшшшу!*

- *Солнце над снегами встанет – над ним и под ним зеленые столбы.*

- *Звёзды ярые, все в инее...*

- *И солнце в инее, и месяц.*

Мечтательно так говорили они о зиме, словно вдруг заскучали по ней.

По мере того, как садилось солнце, серебристый цвет постепенно как бы насыщался кровью, переходя к багровости. В облаках открылось ярко-бирюзовое окошко, а под нижней кромкой их птицей плыло светло-желтое облачко. Оно вытягивалось, от него отделилось золотое перо и растаяло.

Из малой тучки просеялся вдруг дождик как раз на солнце. Казалось, от раскаленного шара, ставшего потом круглой алой шапкой, идет пар.

6.

Малуша сказала Яру, что теперь надо ждать голоса кукувицы. Она села к нему ближе, чтоб быть наготове. Стали ждать, тихонько переговариваясь. Устинья вспомнила про какого-то Бранко Кривоуста, который был *лечец вельми хитер*, - он отгонял неких дев-лихорадок, что летают по ветру. Имена им таковы: Знобея, Трясея, Огнея, Гнетей, Ломея, Корчея, и самая страшная – Невея, доводит до смерти. На это Малуша ревниво заметила, что тех лихорадок она умеет отгонять, но не они виноваты в болезни ножной их вожа. Сказавши так, велела всем молчать и слушать, чтоб не пропустить ожидаемого..

Уж росная испарина легла на траву. Кукушка долго не куковала. Но на всякое чье-либо нетерпеливое движение Малуша делала предостерегающий взмах рукой: *нишкните!* Так сидели.

И вот приплыло из дальней дали желанное ку-ку. Под него Малуша омочила руки в росе, простерла их над больным коленом мужа *доброго*, почти касаясь ладонями, словно разглажи-

вала и растирала. Она шептала что-то быстро-быстро, клонясь над коленом, и так замерла, всё ещё шепча и по-прежнему не касаясь колена.

Устя ревниво следила за Матрёшей, явно завидуя: та может такое, на что она, Устинья, не способна. Своим лекарским умением Малуша у неё на глазах покорила мужа *доброего*, а что будет потом? Завладеет им, станет ему ближе всех, милее всех... западёт ему в душу.

Нелегко давалось Малуше её лекарство: пот выступил на челе, а лицо побледнело, закрылись глаза – словно в забытье впала. Но вот она откинулась, подняла голову, перевела дух и улыбнулась.

- Будь здоров, мой надёжа! - возгласила она уверенно и встала. - Теперь не будет боли.

Вытерла лик свой платом – румянец медленно возвращался к ней. Яр прошелся по берегу, крепенько притопывая. Нет, не верил он, что избавился от боли, однако больное колено никак не отзывалось. Тогда он улыбнулся и даже поклонился Малуше в благодарность.

- Отныне я твой данник.

- Не тужи, мой надёжа, - отвечала она с таким же поклоном и с лёгким смехом. – Всё проходит: и боли, и печали.

Немного времени спустя, ещё сказала:

- Замечаю я, что ты в заботе весь. Не бери на себя лишнюю ношу. Мы тебе не в тягость будем. А что до меня, то я тебе ещё много пригожусь.

И сказано было, что колено Яра, некогда пораненное, не болело ни в эту ночь, ни потом.

7.

На другой день поутру. Яр и его спутницы съели по куску холодной медвежатины, снятой с вертела, водицы попили чистой, разговаривая тихо и оглядываясь вокруг. Перед каждой трапезой Малуша давала обычно каждому пожевать по корешку, найденному ею только что где-нибудь в травном затенье. Так было и в то утро.

- *Ядите на тоще брюхо*, - говорила она. – Это веселит и хотение надает к естве.

За трапезой утренней разговор был таков:

- *Отцего облаци, напимшися мокроты, отягчавше не падут на землю?* – спрашивала Янка.

Ей отвечали про дождь падающий: не всё, мол, мокроте быть на небесах – как наполнится, напитается облако, так и падёт дождь. Но она возразила:

- Тучи остаются там. Отчего ж не падут они? На чём держатся?

- На невидимых столбах, - подсказали ей.

- Те столбы должны быть велики. Ведь по тучам дождевым Перун скачет на своей колеснице, и слышно, как грохочут колёса по крепи, и огни из-под копыт, как об камени.

Всякий её вопрос вызывал улыбку, а то и смех, но поглядывали на Янку-Янину снисходительно, даже любовно.

- Тучи и облака на небе – по воле Перуновой или по слову Вышеня, - сказала Малуша. – А слово божье *крепльшие* камня. На нём держится всё, и земля наша с реками и лесами.

Яр не поддавался на пустой разговор, не пускался в объяснения, только на сказанное Малушей «*слово Божье крепльшие камня*» коротко глянул на неё. Кажется, молчаливость его нравилась спутникам: не мужское это дело - на всякий праздный вопрос отвечать.

Устя возразила Малуше:

- То ветер держит облака, словно пух цветочный. Пушинке довольно малого дыхания, а туче нужно великое – ветер.

Сказав так, оглянулась на Яра, ожидая его одобрения.

- Откуда там быть ветру? – сомневалась Янка.

- Стрибог рукавом опахнет – и вот облака плывут по его воле, - объяснила Устя, поглядев на небо.

- Ай! – вдруг вскрикнула Янка и замахала руками.

Это пчела с лёту ударилась в её чело и запуталась в волосах.

- Не прогневи её, - строго упредила Малуша и спокойно, отмахой руки прогнала пчелу. – Эта пташка маленька, но добра, хоть и гневлива бывает; эта пташка богова, потому сладкий мёд от неё. .

Через малое время Янка умилилась:

- *Внемьте: куренцы пискаху* в гнезде!

И верно, слышно было, как птенцы пищат в ближнем кусту, куда то и дело подпархивали две озабоченные птахи.

«*Куренцы пискаху в гнёздах*» - выписывал я в свою тетрадь.

Тем ли утром, другим ли, помнится, Малуша спросила:

- Мой надежда, а верно ли, будто есть горы, все *воскуряхуся*, и пламень из них?

- Так, - он кивнул и добавил, вздохнув. – Чего и быть не может, то бывает.

- Наши боги всемогущи, - сказала Малуша горделиво, словно они ей родня.

Яр отозвался на это:

- Рассказывали мне, что не только горы, но даже море Русское, зовомое тогда Чермным или иначе за красоту его, вскипело и вспылало огнём из края в край, от берега до берега. Так было.

- Может ли вода гореть? – усомнилась Янка.

- Не может. Однако горела, и пламень вздымался до неба, до самых звёзд. Вся рыба в море том *изомроша*.

- Отчего пламень? – со страхом спрашивали у него.

- Трус великий всколебал основание земли, расплескалось море, и вышло из недр земных пламя.

- Отчего же трус?

Он затруднился с ответом.

- Не у него спросите, а у Дида-Вышеня, - с улыбкой посоветовала Малуша. – То его воля, нам всего знать не дано. Дид всем правит, без его воли ничто не случится ни на небе, ни на земле, ни на море. Он повелевает всеми богами. Мой надежда, так ли я говорю?

Яр не ответил. Он погрузился в размышление, замолчал.

8.

А потому замолчал и впал в размышление, что вспомнил о Всевышнем Боге, как о нём говорил Нечуй мудрый... Тот говорил не раз, словно проходя однажды проложенной тропой. Теперь по той же тропе в мыслях своих шёл и Яр.

А Нечуй поведал так...

Был мрак во всей Вселенной... и Бог в облике неясном, неведомом летал во мраке том подобно птице или облаку. Так длилось очень долго, *тмы и тмы лет*... А что было до мрака, на то ответа нет. Был только Бог и этот мрак, зримый Богом насквозь. Впрочем, у Бога, по-видимому, было какое-то обиталище, в котором он мог замышлять и исполнять замышленное.

И вот наступило время, отмеченное великим всполохом огня, когда у Бога возникло желание сотворить мир, ныне видимый. И создал Он землю с реками и морями, небо со звездами,

с солнцем и луною. Подумав изрядно, сотворил деревья и травы, и цветы. Ещё сотворил зверей и птиц, и гадов – всякую тварь живую. А создав, порадовался своему творению. Но что-то не хватало в сотворённом Им мире, некоего завершения вечно-го, вершинного.

И тогда создал Бог человека – самое главное Своё творение, самое любимое, и опять порадовался. Нарёк Он его именем муж и поселил возле себя, как небожителя. Однако же он был смертен, тот человек, срок его жизни был определён Богом в тысячу круговоротов – тысячу зим, вёсен, лет и осеней – срок немалый, однако же конечный. Поскольку столь большой срок определил Бог человеку для жизни, чтоб не томился он от скуки и безделья, дал ему для душевной утехи *задругу*, имя ей – *жена*. Сотворил же он её из ребра мужа – это затем, чтоб были они роднее родных, неразделимы.

Так говорил Нечуй.

И жить бы тому мужу и той жене, не ведая забот, радуясь тому, что их окружает, но они восхотели утехи плотской, грубой, какая бывает у скота и у зверей, и предались ей – а то неуместно на небе, где обитает Бог. Он разгневался на человека и его *задругу*, но не поразил их смертью, потому что любил, - просто удалил от лика своего в земной мир, им созданный. А там они должны были каждодневно заботиться о *естве* и об одежде, и о крове над головой. От них пошло потомство – внуки, правнуки...

- Как можно было ослушаться Бога, если он всемогущ? – недоумевал Яр. – Ведь он – Бог!

Так сказал тогда, а теперь подумал: «Или Бог всемогущ, и тогда никто не может Его ослушаться. Или он не всемогущ, но тогда Он не Бог».

- Те первые люди, двое, очень полюбили друг друга, потому покорились велению плоти своей, - терпеливо объяснял Нечуй. – То не вина, а беда их, но грех не может совместиться с Божьим миром, там всё чисто, потому они были изгнаны с небес на землю. И вот люди доныне живут не по правде и справедливости, досаждая Всевышнему глупыми молениями и неустанно творя зло друг другу.

И далее втолковывал Нечуй своему ученику: видя зло и неправду, творимую людьми, и чтоб искоренить это в них, наставить на путь правды...

Тут я вспоминал написанное где-то в книге: «Есть три сущности, управляющих Вселенной, именуемых Явь, Новь и

Правь...». Наверно, Явь – это то, что имеем вокруг, Новь – это светлое будущее, а Правь – это путь правды к светлому будущему, только по нему можно достигнуть его.

Так вот, чтоб наставить людей на правильный путь, послал Бог на землю сына своего, рожденного от самой красивой земной женщины, светловолосой, синеглазой, добронравной и добромысленной. Сын имел её облик – так же светловолос и синеглаз, телом *бьяше красен*, а дух имел божественный - нравом незлобив, разумом мудр, и всепрощающ, как его Отец Всевышний. Он учил людей...

Сын Божий обрёл учеников и с этой *малой дружиной* ходил по земле – по берегам моря Великого, по берегам моря Малого, по берегам моря Чермного, именуемого Русским, увещевал людей, заклиная их любить друг друга, сам творил добро, врачуя и исцеляя. Но все было напрасно: люди оставались злоумышленными и жестокосердыми, завистливыми и коварными. Им в великую досаду были поучения и наставления, и увещевания. По злобе своей они убили его, распяв на кресте, как раба, желая показать, что он вовсе не Сын Божий, а обыкновенный *лытатель по градам и весям*, иначе говоря, шпынь, бродяга. Они по неразумию своему не знали, что можно умертвить тело, но нельзя убить бессмертный дух, частицу самого Всевышнего. Носителями этого духа стали ученики Сына Божьего. Они разбрелись теперь по всему свету с благою целью – учить и наставлять погрязших во тьме невежества людей, как это делал распятый их Учитель: на то они получили его благословение.

Яр слушал всё это в недоверием: уж немало знал о богах: у каждого народа свой: у греков... у египтян... и у славян. Однако было что-то в толкованиях Нечуя такое, что волновало и оставалось в душе. Со временем прорастало Нечуево слово где-то в самом сердце, обретая свет...

«Не из той ли дружины человек ныне идет по Русской земле? – подумал Яр. – Не его ли встречал Нечуй, не его ли слушал?»

* * *

Ах, этот сверкающий круг тесака, которым Яр сразил медведя! Он завораживал меня, простодушного читателя. Как было представить себе оружие, у которого по-особому заточено лезвие (*леззо!*) да в крепкой руке моего отважного героя? Как точен

оказался его удар! А вот если бы дрогнула рука... но не было с ним такого ранее, не случилось и ныне!

Мне даже снилось: как Яр взмахивает топором, и солнце взблескивает на лезвии, ослепляя и завораживая врага или того *лютосердого* медведя.

Помнится, я попытался во дворе возле поленицы поучиться этому боевому приёму, но наш топор, которым дрова рубили, после нескольких попыток чуть не вывернул мне руку. Тут я ещё больше зауважал героя рукописной книги, оценив силу его *десницы*. Топор этот (или секира? или просто тесак? – как его называть, если он необычной формы?) из особо закаленной стали мог отсечь напрочь голову волку или рыси, перерубить пополам хребет лося или неведомого мне тура... и раскроить череп медведю.

Вот что такое *разящий, сверкающий круг*.

Еще было сказано в этом месте, а ранее где-то, что тому приёму обучился Яр у воина по имени Эйнар Кривой Нос – удар этот не раз выручал Яра и в бою, и на охоте, как выручил и в схватке с самим Эйнаром... так уж распорядилась судьба.

А на закат, о котором говорилось в главе этой, оглядывались каждый со своего места отдаленного:

и Липица, уже устроившаяся на ночлег под высокими деревьями с густой кроной – соловьи возле неё неумолчно щелкали;

и Млад-Воинко с Радимой – она ощипывала подстреленного мужем рябка, а он разводил костёр;

и белые орланы с древа высокого, ставшие счастливыми родителями;

и Осинок, не находивший себе места в слезах и печали;

и лукавый *ведун, любострастник* Потвор, бродивший, вздыхая, вокруг кумира:

и сильно затосковавший отчего-то Овсяник Ворохабин во Льяных Дворах;

и трое друзей-отроков из Посада, любителей разглядывать небо:

и даже Малыга со Злобкой – люди с грубыми душами и бесстыдными помыслами – и они загляделись...

Глава тринадцатая. Потвор-чаровник.

Овсяник Ворохабин. Узница в омшанике. Сестрицы пришли её провести. У кумира. Потвор обольщает Липицу. Она заблудилась. Стадо туров. Липица и Осинок. Село Трызново. Второе имя Липицы.

1.

У отца Нехорошки и Утешки из веси Льяные Дворы было вот какое имя: Овсяник. Но в веси той были и ещё Овсяники, потому этот в отличие от других имел прозвище Ворохабин. А прочие имели прозвища – Овсяник Трецилов, Овсяник-Рядно, Овсяник-Вихля, Овсяник-сын. Теперь, когда стали сеять не овёс, а лён, появился тут младенец с именем Льяник.

А Овсяник Ворохабин, отец Нехорошки да Утешки, был грозного вида муж головаст и рукаст, с морщинами-бороздами на челе, борода метлой. Дочери по дороге сюда говорили о его доброте и отеческой заботливости, но Липицу он встретил сурово, то есть остановил окриком и предостерегающим взмахом руки. Овсяник Ворохабин, должно быть, вовсе не умел улыбаться. Остановил и спросил, куда идёт и зачем... Отроковицы тотчас встали с отцом, бок-о-бок, и так же сурово смотрели теперь на гостью, словно только что не разговаривали с нею вполне приветливо. И соседи подходили, останавливались не близко от пришедшей к ним неведомо откуда Липицы, разглядывали её взыскательно.

Она сказала, что отбилась от своих, осиротела, а идёт к родне в Червень-град, спасаясь от Лютоморовой напасти. Попросилась на ночлег, потому что вечер уже близок. Овсяник Ворохабин негромко посоветовался со стоявшими рядом с ним и объявил, чтоб шла она к ближайшему омшанику, ночевала там, а в избу жилую пригласить не могут.

- Не осуди нас: мы боимся тебя, - объяснил он. – Ты нам чужая. Что у тебя позади, неведомо. Не принесешь ли нам блезнь?

Липица сиятельно улыбнулась ему и сказала:

- Милость без правды малодушество есть, а правда без милости мучительство есть, и сие два разрушают общее сожителство.

Он потупился, смутясь. Но не слова смутили сурового мужа, а взгляд и улыбка красавицы-жёнки. Он даже отступил на шаг и не знал, что сказать.

А слова её смутили и прочих Овсяников, они уж готовы были умиловаться к гостье, но переглянулись со своими жёнками и не решились на то.

Сказано было в книге, что Липица знала силу и власть своих чар, знала, что может покорить взором любого, коли захочет. Только это было бы как раз *милостью без справеды*, а то было противно ей. Хмурый Овсяник Ворохабин отступил ещё на шаг, уклоняясь от её взгляда. Она же гордо повернулась и пошла к указанному омшанику. Овсяник и двое с ним провожали её, стерегли, чтоб не самовольничала и не вошла в чьё-либо жильё без спросу. Липица, оборотясь, сказала ему тихо, чтоб иные не слышали:

- По нраву моему взяла бы тебя служить мне, подобно верному псу. Но я не сделаю этого: кому нужны робкие да боязливые слуги! Мне служили только храбрые мужи.

Он был озадачен, однако же решения своего не изменил.

2.

В тот омшаник зашла Липица, за нею дверь заперли деревянным засовом, сказав, чтоб не боялась, худа ей никто не делает тут. Но, кажется, боялись-то больше они сами, нежели она. Вскоре жёнка Овсяника Ворохабина, *зовомая Улыбой*, принесла ей старую овчинную шубу и молоко в горшке, и хлеба *кромуху*, и *кашник* - горбушку подсохшей и слегка подгорелой каши – повинулась, что-де более ничего нет. Всё это положила у порога, не переступая его, и дверь заперла тотчас.

- Не осуди и не гневайся, - сказала из-за двери жёнка Улыба. - Мы люди простые, живём в великом опасении от бед.

Уходя, добавила:

- Не кручинься. Утром уйдёшь, куда захочешь. Ты вольна. Красота твоя губит тебя, она же и охраняет.

К этому времени гостья уже огляделась: омшаник мал, с соломенной кровлей на один скат; в нём даже понравилось ей - не хлевом пахло, не прелью или плесенью, а свеж ветерком. Лежала тут изрядная куча прошлогодней гречишной соломки – чем не мягкая постель! Где-то наверху, в соломенной кровлюшке пищали птенцы... небось синичьи или воробьиные.

«Я тут буду не одна», - с усмешкой подумала Липица.

Она не чинилась, хотя и чувствовала себя обиженной: поужинала принесенным *еством*, потом стала укладываться на

охапке соломы той и на овчинной шубе. Но уснуть не могла, хотя усталость во всем теле давала о себе знать.

Уже в сумерках подкрались к омшанику Нехорошка с Утешкой, окликнули:

- Эй-ой!

Сказали, что пришли проведать. Разговаривали тихонечко через стену бревенчатую.

Во Льяных Дворах люди хорошие, сказали отроковицы, а что ныне стали недоверчивы да негостеприимны, то не их вина – Лютоморова. А по прежним-то временам усадили бы за стол, накормили и расспросили, откуда идёт, что где видела, какие новости несёт, и знает ли про то или это. Теперь же в страхе все. Липица в свою очередь сказала, что не таит обиды, велела не беспокоиться о ней, она-де всем довольна. А уж задрёмывала. Отроковицы же уселись там, за стеной, и, совсем освоившись, спрашивали ее:

- Верно ли, будто в той стороне, где солнце спит, девицу выдали замуж за *лва*, зверя ужасного?

- И верно ли, что была она столь прекрасна, что сам Вышень полюбил её и по солнечному лучу спускался к ней голубем?

- Верно ли, будто дева, яко живая, шла по воде - по большому озеру Волохову - яко по суху, *а над нею столп стоял мрачен и мглен?* Было ли то и отчего так?

- Верно ли, будто по дождю, *бывшую велице, пшеница водою многою смешана спаде, тако и крохи сребряны спадоша?*

То есть вместе с дождем падали на землю хлебные зёрна и крупинки некоего серебра. И ещё спрашивали:

- Верно ли, что коня можно добыть из огнива, только надо найти к тому *кремень и кресало собенные?* Конь тот будет пламенно крылат и каждый его скок – по поприщу.

- Верно ли, коли уметь делать плескание в долонях воды родниковой, родится жемчуг цвета снежного или небесного?

- Верно ли, что есть на свете град Рудень, в котором улицы вымощены камнями прозрачными, как лед, но тёплыми? И стены кремника выложены большими камнями, прозрачными тож.

- Верно ли, что в граде том терема из сосен медового цвета, и над каждым домом светлицы вознесены высокие, в них сидят девицы на выданье, прядут *белый лён?*

Этим «верно ли» не было конца. Любознательны были отроковицы и сметливы, и скоры на суждение то или это.

Липица отвечала им на все вопросы, как могла. А про град Рудень сказала, что жила в нём: была выдана оттуда замуж за малого князя, но ушла за ним в иной град. Про мужа своего, храброго Златко, рассказать не успела, хотя и спросили её о том отроковицы, но спугнул их отец – вдруг позвал издали грозным окриком.

После их ухода Липица задремала на куче гречишной соломки, укрывшись овчинной шубой, потом и уснула. Под самое утро, уже на рассвете, приснилось ей: озеро в камышах... малая лодия ... и ступил с лодии на воду человек светоносен, пошёл по воде, яко по суху...но не Златко то был, как ей хотелось, а иной, - тот самый, что могуществом своим останавливает Люта в его злодеяниях.

Липица жарко взмолилась к тому человеку, уже удалявшемуся от неё по воде в своём стремлении куда-то, взмолилась об избавлении от сиротства своего... и он обернулся, приветно взмахнул рукой. Должно быть, услышал её мольбу.

И вот тут, наверно, от вихревого порыва ветра вдруг распахнулась дверь омшаника. Липица тотчас проснулась. Уже светало. Может, кто-то пришел и отпер, и распахнул дверь, но узнице показалось, что та открылась сама собой или от ветрового порыва. Она поднялась, вышла на волю, омочила руки в росной траве возле омшаника, потёрла лицо... Ей хотелось попрощаться с людьми, сказать им что-то доброе – душа её ещё несла на себе как бы отсвет странного сна, но никого не было видно. Село Льянские Дворы ещё спало - ни шороха нигде, ни голоса. Вздохнув, она пошла прочь.

Покидала Липица село Льянские Дворы без обиды, понимая, что люди в нём воистину добры, а что опасались её, то разве сама она не опасалась?

Недалеко от села она встретила восход солнца.

3.

Липица шла тем же путём, что и накануне с Нехорошкой и Утешкой. Ноги сами привели её на ту поляну, где стоял кумир бога именем *Ветрило*. В том кумире, она знала теперь, обитает хитрый ведун и волхвователь Потвор, он вовсе не зол, а добродушен. Потому она так решила, что он не откажет ей в спасительном совете и добром напутствии. Ведь он знает много, что ей не ведомо.

Здесь сказано было о жилище волхва: за щитом, который служил дверью, вниз вели ступени – числом семь. Коли спустишься... но кто, кроме хозяина, спускался по ним? Разве что вдовица Осеня, умевшая готовить сладкий жмых и медовую бражку... Так вот, коли спустишься, то окажешься в земляной *кельюшке*, над которой, как кровля, распростерлись корни старого дуба, могучий ствол которого превратился в кумира, а со старыми корнями переплелись молодые корни *леторослей*. Стены кельи выложены сосновыми да еловыми стволинами, а пол выстлан дубовой корой и чистым мхом, положенным по сухому песку. Здесь в *пещи земляной* очаг из камней, в нём остывшее уголье; от очага волоковой ход для дыма в сторону, в куст дубовой молодежи; рядом с *челом пещи* – кладка сухих березовых чурачков и береста, и сухой мох на растопку.

А ещё в углу - корчажка глиняная с водой родниковой, прикрыта сверху платом берестяным, и лубяной корец неведомо с чем; тут и ложе, выстланное мхом, на нём рухлядишка мягкая из сборных мехов. По стенам пучки травные, а на полках в плетеных да лубяных корзинках рыба вяленая, орехи да мёд зернистый. Ещё в углу можно увидеть волчью шкуру и волчью же личину при ней. Когда дверь щитовая откидывалась, и свет падал сверху через ступеньки вниз, волчья пасть страшно скалила клыки из темноты, и жёлтые глаза мерцали.

Но ничего этого не знала Липица, равно как и того, что был из кельи ещё один ход потайной вниз по склону холма. Там в кустах орешника плетёная дверца, искусно прикрытая зеленым мхом. Через неё Потвор удалялся в лесную чащу, коли в том была ему нужда. Он мог сделать это неслышно, будто тень, и появиться неожиданно там, где хотел. Для сокрытия же своих ходов по склону устроена была им засека.

Как и накануне, Липица не заметила, что из чаши лесной зорко углядели её глаза волхва плешивого, который тотчас скрылся в орешнике. Той же тропкой, по которой восходили Утешка с Нехорошкой, она взошла на всхолмление... Остановилась и кашлянула, чтоб привлечь к себе внимание. Никто ей не отозвался.

В невеликой ноше Липицы были сушеные сладкие ягоды, но совсем немного. Она положила на плоский камень перед деревянной бородой кумира горстку тех ягод. На камне том углядела загадочные знаки: то ли солнце с луной, то ли два глаза, один прищуренный хитро – лучи от него исходили и свивались в тугой узел. Под ним знакомыми Липице крюками что-то писано,

однако она не успела прочесть ничего, кроме трех одинаковых знаков, смысл которых ей был понятен.

Тут химический карандаш догадливого *Кирилла* пометил:
«*То печать антихристово и число зверево*».

4.

Липица вздохнула громко, опять покашляла и уж хотела отступить да и уйти, но услышала: стук... стук... стук.... Дескать, я тебе внимаю, говори.

— Я иду издалека, — сказала Липица, поклонясь. — Лютоморова напасть гонит меня. Родные померли, и нет мне защитников, нет помощников. Как быть? Что делать? Подскажи, научи, коли сможешь, коли будет на то твоя добрая воля.

Тихий голос ответил ей:

- Я знаю о тебе всё... Ты хорошего роду, была мужней женой, а теперь вдовица...

Откуда он о том проведал? Истинно *ведун*!

- Скажи: зачем отказалась быть с добрыми людьми? — спросил он. - Они не сделали бы тебе зла.

- Село не приняло меня.

- Я не о них, а о муже с тремя спутницами.

- Как было с ними пойти? — возразила Липица. - Я не жена, не сестра, не холопка... Невместно мне быть чужой в их семье. А стать хоть и мужу доброму жёнкой — всё своё отринуть. Не приемлет того ни душа моя, ни тело моё.

Тут откинулся щит и вышел Потвор. Он встал перед нею, невелик ростом, с молодым румянцем на щеках, глаза быстры, смышлёны, взгляд зорек, руки поигрывали узлом бороды своей.

- Дид наделил тебя красотой, - сказал он, оглядывая её с головы до ног. — Это достояние твое и божье, его беречь надо от обид и поруганий.

- Беречь? — спросила Липица. — Для чего и для кого?

- Для Бога, - отвечал он с пристойной важностью.

- Он высоко и далеко, ему до меня нужды нет, - с горечью сказала гордая жёнка.

- Бог повелел мне заботиться о тебе, - строго изрёк Потвор. — А потому слушай, что я повелю, и исполни, тогда будет тебе благо. Оставайся со мной.

Она быстро глянула на него и зарумянилась лицом.

- Я дам тебе приют. У меня есть *кельюшка земляная*, есть и *избушка лесная*. Будем жить вместе. Нам принесут вволю хлебных яств, и рухляди мягкой, и прочего, лишь захотим. Не надо будет ни о чем тужить.

Она же, насторожась, покачала головой, но почувствовала, как что-то ей мешает возразить.

- Оставайся, - продолжал он все более вкрадчиво. - Станешь мне жёнкой. Будем жить-поживать, словно мыши в крупе ячной. Тут тихо... я научу тебя понимать птиц и зверей, разговаривать с ними. Я научу тебя обретениям бога моего. Ты будешь счастлива, беспечальна, оберегаема.

Он и далее продолжал улещать её.

- Нет! - сказала Липица, перемогаясь, чтоб сбросить с себя его чары, и усмехнулась, и отступила с холма.

Он же шёл следом, продолжая уговаривать её, сначала ласково, а потом и пугая. Он руки к ней простёр!

- Никто не смеет ослушаться меня! – Потвор возвысил голос. - Чего хочу я, того хочет мой бог!

- Есть вдовица, которая ходит к тебе для повады твоей, - напомнила ему Липица.

- Она будет служить нам обоим.

- Нет! – громко сказала Липица.

Она отвернулась от него и пошла прочь, ускоряя шаги. Он поспешал следом, но она побежала. Кажется, он пытался её настигнуть, но она была легка в беге, *как лания*, и низкорослый Потвор, запыхавшись, отстал.

«Лукавец какой! – возмущалась и дивилась она. – Ишь, хитрый лис! Любоядец...»

Слово «*любоядец*» было зачеркнуто химическим карандашом и сверху написано «*развратник*». И еще добавлено «*Сам бес и слуга бесов*».

«*Это раб Божий написал*», - догадался я.

На том обрывалось повествование о Липице. А возобновлялось оно в другом месте, но я перенесу его сюда ради стройности в изложении событий.

5.

Всё-таки ведун этот сотворил с нею пагубу: она заблудилась в лесу. Чаща буреломная обступала её со всех сторон. Прямого пути не избрать – то поваленные давней бурей деревья

громоздились в завалы, не пройти, то болото оказывалось перед нею на пути, то *яменники*, густо заросшие кустами. Она обходила их поспешно, то и дело оглядываясь назад, и совсем потеряла направление. А заблудившись, вдруг вышла опять к тому холму, где стоял кумир. На этот раз она угадала его издали и тотчас повернула прочь, чтоб хитроумный Потвор не увидел да и не полонил её. Опять плутала по лесу, и – вот ведь какая беда! - ещё раз вышла к холму заклётому. Тут она впала в отчаяние и бежала прочь. А когда казалось ей, что спаслась, угодила... в турье стадо.

Она шла торопко мелколесьем, как вдруг в ближних кустах что-то фыркнуло, затрещало и выломился громадный зверь с низко опущенной головой, увенчанной острыми, изогнутыми рогами. Раздался грозный рев.

Липица отпрянула в ужасе и чуть не наткнулась на другого тура, смотревшего прямо на неё сквозь листву березового подраста. В третью сторону побежала Липица, а перед нею вдруг появилась турья корова, охраняя телёнка (турёнка!), грузно развернулась, нацеливая рога на Липицу, а та опять кинулась прочь, уже себя не помня. Она видела таковых же и с одной стороны, и с другой... это было, как наваждение, то стадо... она угодила едва ли не в его середину.

Как выбралась из турьего плена, не могла вспомнить потом. Просто бежала, бежала... Быстрые ноги, *как у лании*, спасли её, а будь не так проворна да увёртлива, небось, не удалось бы уклониться от острых рогов. Однако долго мнилось ей, что сзади настигает её тяжелым скоком громадный тур со страшными рогами. В изнеможении упала под дерева на траву. Прислушалась – позади тихо. Вокруг мирно шелестела-лепетала листва. Липица заплакала обессиленно. И горько кляла себя на этот раз: зачем плутает одна? зачем отбилась от людей там, на берегу реки Оцы? Даже могучие туры ходят стадами, и птицы живут стаями, и малые пташки – пчелы да муравьи... Так должно строить бытование свое - вместе с людьми. Зачем же она одна, как былинка на ветру? Все разумны, а она нет.

Следующую ночь она провела в лесу: построила наскоро хижинку в месте укромном – никто её тут не беспокоил, не пугал, только было очень холодно. А наутро удача выпала ей: попалось на пути семейство - муж, жёнка его да трое детей. Они окликнули её и остановили, не веля приближаться к ним. Были не пугливы, а строги. Разговаривали через лядину, они на той стороне, она на этой. В кратком разговоре с ними выяснилось, что

зовут мужа Братята, он с семьей своей покинул сельцо Трызново, куда пришел Лютомор. Братята сказал, что ранее ушли из их сельца их сосед Зуб с младшим братом, собираются покинуть родное село и Ладислав Менший с дочерьми, и вдовица Богиня с сыном...

Липица попросилась идти с этим семейством, и Братята согласился, но жёнка его воспротивилась. Они посоветовали ей на прощанье, какой стороны держаться, коли хочет встретить ещё людей. Сами боялись её по той же самой причине, что и Овсяник Ворохабин с прочими жителями из его села Льяные Дворы

- Моровы беси скачут с больного человека на здорового, - объяснил Братята. – Надо держаться порознь, если хотим уцелеть. Будем жить одни хотя бы до зимы...Мор боится стужи зимней, отступит, уберётся в тёплые края. Тогда вернёмся, или встанем на новом месте.

- А не слышно ли, чтоб кто-то избавлял людей от моровой напасти? - спросила Липица.

- Нет, того не слышно, - отвечал Братята, уже уходя.

6.

Они удалились, а Липица села и долго сидела так, потерянно глядя по сторонам. Как ей быть дальше? Куда идти? Где она приклонит свою голову?

Встала и долго-долго шла она по закустаренным лядинам, по лесу, которому, казалось, нет конца и края. Попадала в черемуховую да ивовую урёму, поднималась на возвышения, опускалась в овраги... Была она уже измучена, голодна.

Нет-нет, Липица не утратила достойного, горделивого своего вида. Однако её пошатывало от слабости. Шла, шла... и выбралась, наконец, на обширную ляду - это была заброшенная пашня, уже заросшая молодым ольшаником. А раз пашня, значит, быть поблизости и селению. Липица приободрилась. По этому кустовью вышла она на место вольное – тут оказалось невеликое озеро челноком.

Вдруг услышала неподалеку странные протяжные звуки. Это не было ни криком птицы, ни голосом зверька, ни журчанием воды или скрипом сухого дерева – печальные, берущие за душу звуки выстраивались в мелодию. Мелодия эта прерывалась и возникала снова.

Липица поняла, что сейчас она увидит людей или по крайней мере одного человека. И верно, на другой стороне озера, у самой воды, *под двумя березами от одного корени* сидел худенький отрок в отбеленной льняной рубахе, подпоясанной вервием, и в лапотках драных. Волосы у него стрижены ровно, падали на чело и на уши, в руках – свирель.

Липица сначала приняла ту свирель за обыкновенную палочку длиной в четверть или полторы четверти, на конце рог коровий - поделка довольно нелепая, но с голосом нежным. И вот отрок поднес её к губам - над водой выстлался этот протяжный звук с переливом в другой и в третий. Он приостановился, как бы слушая отлетающую от него мелодию, и продолжал. Иногда пение свирели прерывалось хрипловатым свистом, он хмурился от досады. Но если мелодия получалась чистой и звучной, игрец сразу светлел ликом и хорошо улыбался – это ясно видела Липица.

Она села на берегу напротив, слушала. Он же не вдруг заметил ее. А когда увидел, прервал игание и смотрел на чужую жёнку выжидательно, даже с тревогой. Липица улыбнулась ему, и он успокоился. Заговорила с ним, он ответил ей, и говор его был забавен: в речи отрока явственно выделялись «чоканье» и «цоканье». Липица опять улыбнулась и сказала, что тоже когда-то училась играть на свирели, но та была совсем другая, с *медным оконечием*. Он же охотно объяснил, что дуду свою сделал сам из ракового ствола, что давно уже делает такие, и прошлым летом, и позапрошлым. У него долго не получалось, многие он переломал в досаде, но две или три удались-таки, они ожили и запели, но потом умерли *от сухости*. Она спросила заинтересованно, зачем приладил он к своей свирели коровий рог?

Он объяснил, что дуда его состоит из двух колен: одно вдвигается другое, а сверху дырочки... на конце коровий рог с отпиленным острым концом - чтоб звук отлетал не рваным, а круглым, и отлетал дальше...

Все это он поведал ей увлечённо и показывал с другого берега, славный отрок с глазами ясными, с ликом чистым, с челом высоким.

Дуду он сделал вчера и очень удачно: чей-то голос вдруг зазвучал в ней - словно бы отделился от некоего человека и переселился в раковый обрезок с коровьим рогом на конце.

- Отцего так? – спрашивал он. – Цто-то сказать мне хоцет. А цто? Не из тех ли, цто умерли и отлетели?

При этом с надеждой посмотрел на Липицу: так ли? Она же ответила в раздумье: не знаю, мол. Он же ждал от неё другого ответа.

- Как тебя зовут? – спросила Липица.

Он ответил:

- Осинок.

И опять поднёс свою дуду к губам - от печальной мелодии его сжалось и заняло сердце Липицы. Она смахнула навернувшуюся слезу.

7.

Отсюда было видно его сельцо. Осинок назвал его: Трызново. Это, значит, то самое, из которого отошёл Братята с семейством. Сельцо скрывалось за разросшимися деревьями. На деревьях гомонили грачи – их не трогали людские напасти. У крайней избы паслась *корова черная с бочинами белыми* и телок возле неё. Вид на село мирный, но некая тягость невидимо лежала на нём, пригнетая его. Все-таки чуяли эту тягость и грачи, и корова.

- Измучился я... - сказал Осинок и тоже смахнул слезы рукавом рубахи. – Сестрица моя померла.

Он сделал эту свирель-дуду и теперь надеялся услышать голос сестрицы: может, молвит ему что-то.

- Это её голос, - заверила Липица. - Она велит сказать тебе, чтоб не печалился.

Осинок не поверил, но благодарно глянул на неё.

- У нас страждут все, - сообщил он и вздохнул. – Многие уже померли. На каждого не сделаешь дуду, чтоб поговорить с ними.

- Тебе надо уходить, - посоветовала она. – Я вот ушла, когда все вокруг стали болеть и умирать. Тем спасаюсь.

- Щур сказал: своей судьбы не минуешь, - отозвался отрок, подумав. – Щур – ведун, он знает.

- Тебе надо уходить, - настойчиво повторила она. – А что до судьбы, про которую говорил ваш Щур, то она подталкивает каждого из нас в спину, а путь выбираем мы сами.

От слов её задумался Осинок.

- Не жди Лютоморовой меты, - продолжала Липица. – Ударит тебя между крыльцами, как копьем, и умрёшь. Надо спастись уходом.

- Из нашего Трызнова ушел Братята с жёнкой и детьми, - вздохнув, сказал Осинок. – И Зуб ушел с младшим братом, и Ладислав Менший, и Богиня... Все уходят, кто жив и имеет силы. Небось, не только из нашего сельца. Вон там, за холмом, где двоеверхая виловатая сосна, нынче поутру мимоходцы перебрели через болото. Наверно, тоже уходят от чёрной беды.

Он говорил «*цезерек*», «*цорной*», «*мимоходчи*».

- Сколько их? – оживилась Липица. - Каковы обликом?

- Муж статен... и три дочери или сестры его.

«Второй раз выхожу я на их путь, - подумала Липица. – Судьба подталкивает меня в спину».

- Пойдем со мной, - позвала она, повинувшись внезапному порыву. - Я знаю, то были добрые люди, мы пойдем следом, настигнем их и вместе спасёмся.

- Мати у меня тут, - молвил Осинок в ответ. – Болеет... *ни едения, ни пития не приемлет*. Я буду при ней.

Он встал и, не попрощавшись, пошел к сельцу. Из Трызнова навстречу ему послышался громкий крик и плач...

Липица поспешила в сторону, в сторону от гиблого этого места. По низкой лядине да к холму да к двоеверхой сосне виловатой – к болоту, которое перебрела по чужому следу.

Вскоре, выбравшись на сухое место, она вышла к недавнему костру. Ей показалось даже, что под пеплом еще живы уголья. Внимательно осмотрелась вокруг и увидела на песке у ручья следы... и Устины, и Малуши, и Янки. Она угадала их! Равно как и большой, уверенный след Яра.

8.

А была ещё некая слободка - не *Лотошине*, где Гостята Лыков и прочие, и не Трызново, где Остинок, а совсем другая - Сырокомля.

В ней тоже страшно умирали люди. Перечислялись ужасные подробности: мертвые в язвах лежали бок о бок с ещё живыми и страдающими от таких же язв; ещё не поражённые болезнью обретались рядом с уже обречёнными на смерть, ожидали своей участи, не желая покидать близких да и не видя в том резона: смерть всё равно настигнет, от кары богов не уйти. Слобода стонала и плакала, исходила дурным духом, как огромное животное, желающее лишь скорой смерти, как избавления.

Повествовалось об отроке именем Персток, он похоронил свою мать и отца, и братьев, и сестёр, и сам тоже умирал, но не

от болезни – от горя. А возрастом был ровесник тем отрокам из Посада, что стронулся с места и уходил куда-то, – Смиряте, Торопке, Путяте, Шестунку, Славко... и мне, читавшему книгу.

Трудно было понять, насколько далеко от Сырокомли до Лотошина или до того селения, где волостелем Кормило. А повествование о ней начиналось словами:

«*Был слух на Руси, подобный дальнему-дальнему крику...*».

Тот слух, сказано, разносили ветер да птицы на крыльях, что надо было понимать, как иносказание. То был слух о человеке-избавителе, о котором повествовалось так...

9.

В страждущее селение вошёл *мимоходец* приметного облика: невысок ростом, но мужествен лицом, волосы имел тёмно-русые, с округлой, но не длинной бородой, а одет в ветхое – то в ли *пестрядь*, то ли в *посконь*; а лет ему около сорока или немногим более; впрочем, трудно было судить о его летах. А приметен ликом своим светлым, словно бы осиянным, взором сугубо осмысленным... Пояснялось: это он в некоем селении, подобном городку, сидел в порубе. Тут кстати сказано, что волостель Кормило разгневался на стража Маковца, и был Маковец бит плетью на глазах у соседей, у жены и детей - за нерадение.

Но об этом не узнал виновник наказания - *мимоходец* тот, ибо удалился. Он прошёл по Сырокомле, внимая плачу и стонам, потом созвал в одно место тех, кто ещё мог ходить, повелел встать на колени и повторять за ним слова, обращаясь к высокому небу, - *аки пастырь над овнами*. Не все поначалу повиновались, некоторые осердились и, *ругахуся*, разошлись. Но иные встали, как им велено, и повторяли вослед за пастырем моления:

- Доколе, Господи, быть нам в забвении от тебя?.. Доколе будешь скрывать от нас лик свой?.. Доколе врагу человеческому гордиться да возноситься над нами?... Призри нас, Боже наш!.. Уповаем на милость твою... Сердца наши возрадуются о спасении...

А поднявшись с колен, повелел он им идти за ним вокруг слободы той и повторять то, что говорит. Охотнее других ему повиновались Людота Коваль да Ульян Сивый. Трое обошли слободу по околице, потом опять встали коленапреклонённо, и с ними соединились болящие, а были как бы полубезумными, по-

вторая, словно заклинания, говоримое им. Было в тех заклинаниях и «*да святится Имя Твоё*»... и «*да придет царствие Твоё*»... и «*да будет воля Твоя*»... и «*избави нас от лукавого*»... и «*на Тебя уповаем*»...и «*приклони ухо Твоё и услышь нас*»... и ещё, и ещё многое.

Сам пастырь молился страстно, обращаясь ликом к небу, даже *плакал в мужестве своём*, и обращался к тем, что тоже стояли на коленях рядом с ним:

- Коли будете с верой в сердце молитвословить, то услышит вас Бог и исцелятся недужные и расслабленные. А коли без веры этой, то и не ждать вам благодати.

Они верили ему и стали молитвословить горячо, искренне.

И вот после моления вошел человек тот в крайний дом – там двое мёртвых, четверо ещё живых, все дети. Он возложил руки на чело самого младшего, почти умершего, и тот затих, почувствовал облегчение. Ещё не исцелился, но уже полегчало ему. Возложил руки на чело второго, потом третьего... Людота с Ульяном выносили мёртвых вон. И выбрали следом больные с просветлёнными лицами.

Так шёл он от жилища к жилищу...

10.

На исходе дня повелел пастырь Людоте Ковалю и Ульяну Сивому сойти к реке и трижды окунуться в воду, при этом возлагал на их головы *долони* свои, а были они, сказано тут, *грубы, как у пахаря или рыбака*....

В Сырокомле, воспрянувшей к жизни, пастырь тот, совершенно обессиленный, *ночлег створиша*, а наутро вышел, чтобы следовать далее путём, ему самому ведомым; он спешил. Его провожали всем селением, не хотели отпускать, плакали.

- Спаситель! – зывали к нему благодарно и целовали руки. – Не оставляй нас. Останься с нами, а мы будем тебе покорны во всём.

Он же досадовал в ответ:

- Не я спаситель ваш! Не я, но Тот, кто услышал нас. Лишь Его сила во мне, а вам спасение и благодать – от него же.

И далее говорил:

- Не поклоняйтесь кумирам... веруйте в бога единого... Помните слова молитв.

Не все понимали его, но просветлялись даже при непонимании своём.

- Повторяйте бесчисленно в мыслях своих и громогласно молитвы те, что я вам внушил. Вера да укрепит вас! А отступничество и шатание погубят... Верьте свято и безоглядно - и обретёте: услышит вашу мольбу Господь, и будет людям от Него благо.

* * *

Не знаю почему, но именно к Липице с самого начала возникло у меня особое чувство. И вовсе не потому, что была она заявлена в книге красавицей, и не потому, что держалась по-княжески заносчиво да горделиво, - нет! У меня возникло обостренное чувство к ней, словно я признал в этой юной женщине свою родню, и произошло это вот именно с первого же её появления на страницах рукописной книги. То есть я ещё не знал её второго имени, корневого в моей фамилии – *Красава* - а уже почувствовал в себе родственное чувство к ней, а почему так, не могу объяснить.

Я радостно вздрогнул, когда прочитал её второе имя. Я радостно вздрогнул еще раз, когда она произнесла слово *хлапы* - это случилось на берегу реки Оцы, она там рисовала *хлапами* на большом камне облик своего мужа Злата.

Липицу я сразу выделил среди прочих, поставил на высоту, и каждое сведение о ней в книге, даже самое пустячное, ловил ревниво и сохранял бережно. Я уже угадывал её в тех маленьких картинках, которыми пестрила рукописная книга – её рука, её след, её глаза. Впрочем, нельзя сказать, что там где-либо помещался её портрет целиком.

Еще она ничего не совершила похвального и достойного, а я уже полюбил Липицу-Красаву, полюбил бог весть за что. Второе имя её, подсказавшее мне древность моего сугубо крестьянского рода, воодушевляло.

У меня всё более и более крепло сознание родственности между ею и мною. Это было всецело овладевшее мною искушение считать её своей родней... пра-пра-прабабкой моей... пращурницей.

Глава четырнадцатая. Суд и ряд.

Птаха-зеленушка разговаривает с Малушей. О Гордыне-охотнике. Странное гнездо или охотничий схрон. О дальних странах. Жители села Усторонь, их распри: «Земля наша красна и обильна, но мира в ней нет». Яр судит и рядит. Щен по имени Князец. Сожалею о краткости описаний.

1.

От медвежатины и Яр, и его спутницы обрели новые силы и продолжали свой путь. Небыстро шли, неспешно, однако же и не мешкая.

Вож иногда приостанавливался в пути: медвежий след... волчий... турий... Случалось, следы озадачивали его: и велики, и нелепы – похожи на человечесьи, шаг неровный... иногда вдруг прыжками.

«Это лешевы... или чьи? Что за нетопырь прошёл! Полузверь, получеловек...»

Его не оставляло чувство, что за ними, идущими, постоянно присматривали со всех сторон. Кто? Неведомо. Небось, сами не видны или имели облик птицы, лягушки, зверя малого, вроде ежа или белки. Иногда медведь в лесной чаще в один миг ока превращался в муравейник, а серая кочка на поляне становилась вдруг зайцем - прыгнет в сторону и ускачет. За всеми не уследишь.

О том же и Малуша:

- Мы *мимоходцы* тут. На нас дивятся. И у дерев глаза есть, и у трав... цветы - не глаза ли? Вот и смотрят на нас, друг дружку извещают.

- Так, - подтвердил Яр. – Мы не одни.

Однажды он в чаще лесной стремительно развернулся - показалось, что сбоку кинулся на него некто - но это был всего лишь обломок ствола, заросший мхом. А ведь шевелился! Или померещилось?

Что до Малуши, то её любили птахи-зеленушки. То ли одна и та же парочка сопровождала, то ли прилетали со стороны разные. Она приветливо отмахивала им рукой, что-нибудь говорила, они отзывались щебетом – такой меж ними шёл живой разговор. Именно они приносили Малуше вести:

- Над болотом в лядине той орлан утицу сбил... В той стороне малый дождик просыпался... Два коня отбились от села, обитают диким образом, и малый жеребёнок с ними... На восток

двое лесовиков идут, но они далеко и заблудились, леший их запутал....

- Каковы кони? – заинтересовался Яр.

- Один рудой, краснокрыл...Второй саврас и тоже крылат...и жеребёночек-сосун с ними, тоже рудой и белогуб.

Так подсказывали Малуше птахи-зеленушки, оживлённо щебеча.

- Далеко ли те кони?

- Того не могут сказать... В поприще отсюда или даже в двух. Места нехоженые между нами.

Дед Гордыня, бывало, тоже разговаривал с этими *сопутствующими*. Но он – иначе. Шёл ли охотничьей тропой, у костра ли сидел – и поклонится в ту или эту сторону, и слово скажет приветное или укорливое, хотя никого, вроде бы, нет рядом. Дед был умён и потому очень уважителен к тем, кто невидимо правит водами и лесами, кто живёт с ним в добром соседстве, хоть и невидим. Однако при том Гордыня был отважен и силен, и неуступчив. «Моя тропа», - скажет, и не свернет с нее, даже если медведь впереди или стадо турье. Не уступил медведю в очередной раз, и в той последней схватке с ним сплеховал: поскользнулся на сырой лесине, лесной хозяин заломал его. Может, то и не зверь был, а вот именно хозяин леса, который разгневался на человека за непоклонство, за гордость охотничью. Но внук Провор, войдя в силу, был беспощаден к медведям, сознавая их, как вражескую рать. Однако вот теперь стал замечать за собой: жалеет зверей и медведей тоже, не хочется губить кого-либо понапрасну..

Всегда помня о Гордыне-охотнике, Яр в пути был настороже. Он главный смотрящий и главный слушающий; всё брал во внимание, всполошенный сорочий крик или стон сухого дерева. Он блюл старое охотничье правило: в лесу будь готов к неожиданностям днём и ночью и в особенности в такое время, когда, казалось бы, всё благополучно, ничто не угрожает. Наказ деда-охотника внуку был таков: в лесу имей силу медвежью, ноги как у лани, уши заячьи, глаза соколиные, и ярость вепреву, и лисью хитрость.

2.

И вот шли они...

Однажды шибко озадачило их большое гнездо высоко на дереве. Оно было столь велико, что и медведь в нём поместился бы. Янка в испуге всплеснула руками, глаза округлила:

- Ой!

Яр определил со знанием дела:

- Не бойся, это охотничий *схрон*. Когда-то и мы с дедом такие делали.

Но хоть и уверенно сказал, однако в душе своей усомнился: зачем охотнику делать себе *укромину* столь высоко? Три дерева сплетены вершинами, чтоб великое гнездо удержать. Тут какая-то загадка... Кто в нём жил?

- Мой надёжа, там три яйца лежат и каждое - в человечесью голову, - тихо подсказала Малуша.

Как она то рассмотрела, неведомо. А он уже примерялся, как добраться до гнезда. Но спутницы его дружно тому воспротивились:

- Не делай того: прилетит змей крылатый – это его гнездо. Он может быть о трёх главах. На земле можно спрятаться и спастись, а на дереве нет.

- Этак мы овдовеем, не ставши тебе жёнками!

Ушли с того места *наборзо*, то есть поспешая, но загадка эта долго не оставляла его. Раскаивался: зря послушал боязливых спутниц, надо было всё-таки добраться до того гнезда.

А спутницы Яра, испугавшись накоротко, опять стали беспечны, весело переговаривались. Он шёл, слушая их голоса позади.

- *Се аз отхожу от света сего маловременного ко отцам моим...*

Это Малуша рассказывала о смерти кого-то из родни.

- В малоумстве напился пьян и пошел купаться, да и утоп...

Это Устя о своём родственнике.

- От себя махался тесаком, чтоб не убили до смерти, - это опять Малуша о ком-то. – Рубаху на себе изодрал *в лепесты*. То было в праздник Квасура, бога весёлого...

О Квасуре том с шутками и смехом говорили они. Каждая вспоминала, как праздновали... угощение выставлялось в окошках для всех проходящих.

- По селу идешь – там блины грешневые или овсяные, тут пироги с рыбой или ягодами, тут колобки масляные...

- Наряжались в лопотину самую ветхую – лишь бы пошнее... становились водяными, лешими, домовыми...

- В полночь плясали у костров и пели опять же ради потехи песни озорные...

- Идти бы вот этак теперь да и угодить в село, на праздник Квасуров, - мечтательно сказала Малуша.

- Угостились бы, – подхватила Янка-Веселинка, - да и плясать пошли. Я люблю и сама поплясать, и на пляску иных посмотреть.

- Вот я б на тебя и смотрела... сидя за пирогом с зайчатинной, – сказала Устя, смеясь.

3.

Не ахти что говорилось, но и пустые разговоры за его спиной заняты! Он непривычен был к постоянному звучанию женских голосов возле себя.

Никогда раньше не жил среди женщин. Вырос без отца и без матери, отроком уходил в леса с дедом, потом стоял у мехов кузнечных да у наковальни, где женщинам не место... равно как и у кожевника... а потом взяли на княжеский двор: воином стал в дружине. Что ещё было с ним? По велению княжескому сопровождал купцов за море; там его взяли в полон, приковали к галере...

Сердце его отзывалось, когда думал, что обретёт когда-нибудь свою семью – жену, деток. Но он полагал, что это случится не скоро, потому что, вернувшись на родную землю, застал её в великой беде, в сумятице, как при пожаре. Не до того было, чтоб жёнку себе выбирать. Ведь у него ни кровя над головой, ни дела для прокормления семьи. И вдруг всё придвинулось к нему словно по волшебству: он может стать мужем, и не одной, а несколькими жёнам. Может, но должен ли? Не следует ли довести их до благополучного селения и там оставить... и продолжить путь одному... или взять с собой одну из них.

Яр уже осознал, что он теперь в ответе за этих доверчивых дев, а перед кем, неизвестно. Перед людьми... перед самим собой... Отныне что бы ни случилось с ними – это будет случившееся и с ним самим.

Не было в книге связного рассказа о его скитаниях, только проговаривался он о том вскользь по тому или иному поводу.

Если спрашивали, он омрачался ликом, отвечал односложно или просто молчал.

- И не вспоминай, мой надёжа, - тотчас вступилась Малуша. – Зачем рану тревожить!

- Потому и уволокся я в эти леса, как собака в кусты, - сказал Яр, - зализывать раны те, и душевные, и телесные.

На него смотрели вопросительно и Устинья, и Малуша с Янкой. И спросить хотелось, и щадили его милосердно.

Гораздо охотней, чем о себе, рассказывал он о том, что видел. При этом упоминался остров Ахия... и остров Род в Малом море... и остров Крит в море Великом.

- В Малом море островов много, как осенних листьев под деревом, - сказал он. - А в Великом острова большие, словно льдины на реке в половодье.

Упоминал град Мир в стране Ликий и град великий Эфес, и град малый Хилидония... и Патмос – то ли град, то ли остров... и Трою, некогда славную...

В Эфесе был Яр вольным, гулял на торгу, с любопытством приглядываясь к женщинам. И была среди них одна, которую он подкупил подарками на краткое время. А на пристани в граде Каллиполи силой увлёк себе в наложницы вёрткую и гибкую танцовщицу с бубном... и так же силой взяли её у него... Нет-нет, об этом не рассказывал он, просто вспомнил однажды, хмурясь: досадно было хранить в памяти, но и не выбросишь, как сорную рыбу за борт.

Но вот одно воспоминание было ему в радость: когда был он в неволе, подошла к нему дева смуглая, но с голубыми глазами, смело подошла, положила руки ему на плечи, назвала своё имя и сказала:

- Ты мне по сердцу, русич! Я тебя купила, отдала за тебя камень именем смарагд... Теперь ты мой раб.

И дрогнуло в нём всё от её голоса, от взгляда, от прикосновения *долоней* на плечах. Насчёт того, что *купила*, была её шутка, но про смарагд верно - отступного пришлось дать, чтоб разорвать его путы с хозяином-торговцем.

- Что молчишь? – спросила она и смутилась. – Или не примешь меня к душе своей? Коли так – отпущу на волю. Я тебя обрела, как птицу из Руси, в моей власти и отпустить. Пожелай - и улетишь.

И он склонил перед ней голову, не захотел улететь. Было! Она взяла его за руку и повела... в неволю. Он же стал её вла-

стелином, потому как полюбил крепко, а она его и того *крепль-ше*.

- Ярунко, моя мати была с Руси, она звала отца: сокол мой ясный. И я тако звать тебя стану: ясный сокол.

Она придумывала ему и новые имена: Яромир, Ярослав, Яролюб... последнее - за то, что обнимал крепко. А сама любила его самозабвенно и была неутомима в любви.

А разлучила их его неизбывная тоска по Руси. И был он отпущен смуглой красавицей... и её отпустил.

И этого Яр не поведал девам! Иногда, рассказывая о своих скитаниях, вдруг споткнется, вспоминая ... и замолчит.

Нет, они не стали ему подмогой, как крылья птице, но ведь и гнётом на плечах или путами на ногах пока что не стали. А вот присутствие их рядом отзывалось в его душе, пробуждая непривычные ему чувства.

4.

Ночь обещала быть тихой и тёплой, дым от костра поднимался прямо вверх. На небе застыли малые облака, дождя не предвиделось.

- А был ли ты за Великим морем? – спрашивали у Яра. - Верно ли, что и там правят люди с той реки?

- По морю Великому ходил, но по земле за морем не хаживал, - отвечал он. – Я не был дальше Кипра-острова, он посреди моря. А на том, на дальнем берегу, говорили мне, есть страна, где нет лесов, нет травы – деревья растут только возле воды, да и не деревья вовсе, а *палмы*.

- Каковы они?

- Стройны, как наши сосны, и *листья* велики, подобны ветвям, а ветвей нет. У других деревьев ветки почти у комля, но сухи, скудны, а стволы тоже стройны. Есть и иные деревья, все дивны. А чуть в сторону от них – будет только горячий песок, степь без деревьев и трав, мертва, и нет ей конца и краю. В стране той солнце *лвояростно*, ветр-суховея гуляет, иссушает всё, иногда подьёмлет пыль и песок вихрем до небес и гасит не только звёзды, но и солнце. Нечем дышать... Колодцы там глубоки и скудны, вода в них мутна, а реки высохли все, но бывают и полноводны от дождей, кои случаются не во всякий год. Но есть река столь велика, течет с края земного в море. А вода в ней желта, мутна, однако *всех напояет: и людие, и скотие*.

- Зачем же там люди живут, коли столь жарко? – недоумевала Янка. – Чего ради?

- Они привычны, - пояснила Малуша.

- Не сеют, не пашут, собирают с деревьев сладкие финики и ловят рыбу в мутной реке, - добавила Устя, чему-то улыбаясь.

- Шли бы к нам. Тут душе и телу привольно и радостно. Небось, не знают того, что у нас так лепо, потому и не идут?

А Яр продолжал:

- И вот на самой большой реке есть город, в котором стоит дворец. Сквозь него проведена малая речка, дно её устлано золотыми монетами да усыпано золотым песком, а берега выложены камнем-*измарагдом*. Царь в том дворце носит головной убор, в нём лал велик - с куриное яйцо... И говорили, верно, что владеют тем градом и страной люди русьские, родом с реки Таны... И царь тамошний оттуда, и жёнка его. Их пригласили на царство ради справедливого уряда. Они правят не по злобе и ярости, а справедливо, разумно – тем и славны.

Дивно было слушать про такое.

- Отчего же ты не стал там князем или царём, мой надёжа? – спросила Малуша отнюдь не шутки ради.

- Не приглашали, - усмехнулся Яр. - Но я не захотел бы стать там ни князем во граде, ни царем во дворце.

- Отчего так?

- Чужая земля, чужой воздух, чужое солнце... нет этих деревьев, нет снега, очень знойно... телу страдательно и душе томительно.

- Вся стать тебе быть князем у нас на русьской земле, - сказала Малуша и добавила с твёрдостью. – Так будет.

Очень убедительно сказала, будто знала всё наперёд.

5.

Они опять вспомнили о Липице.

- Что ж она, тоже княгиней где-то была?

- Была... да не в заморском граде – в русском.

- Как же её к нам в леса занесло?

- Чего не бывает!

- Небось, шла с ближними, а те поумирали в пути. Осиротела.

- Не женское это дело – в дальние походы ходить.

- Мужа любила... и он её любил, с собой брал, - предположил Яр. – С такой как расстаться?

- И ты брал бы, будь её мужем? – ревниво спросила Устя.

Он не ответил. А она уже не о Липице думала – о себе.

Жалели девы Липицу. И Яр пожалел – в который раз! - да и укорил себя: надо было настойчивей уговаривать её! Где она теперь? Ночует рядом с тем медведем? Или в слободе возле больных да умирающих? Значит, тоже умрет. Погаснет сияние красоты на её лице... А если вернутся на своей утлой лодейце двое шпыней и найдут её, что тогда?

Он оглянулся на спутниц своих с укором: они-то почему промолчали там? Они-то почему не уговаривали строптивую жёнку и не помогли ни ему, ни ей? Он винил и себя, и их.

Теперь же подумалось: может, гордая женка, уже раскаявшись, ждёт его там? Он очень живо представил себе, как сидит она на берегу с камешками-хлапами в руке и со слезами на своих прекрасных глазах. Гордость помешала ей согласиться на его предложение, а теперь, когда оказалась одна, когда осознала своё полное одиночество, стала бы сговорчивей Коли вернуться за нею, то просияла бы взором... Однако не вернуться, далеко ушли.

Отрадно было от мысли о ней!

- Придет на то место белоглазый детина с товарищем своим, полонят её, - словно услышав его думы, сокрушалась теперь Малуша. – Пропадет... жалко. Она в холе да неге выросла, привыкла к тонкой одежде да к ласковому слову.

- Оттого и горда, - с укором заметила Устя. – Попросилась бы с нами, разве мы отказали бы ей! Была б нам сестрой. Сама себя губит...

- Ишь, неженка... - заметила Янка с коротким смехом. – Все бы этак-то! И я не откажусь.

А Яр продолжал размышлять: кто-то говорил, что некое божество женское, некий невидимый дух поселяется в иных девах или жёнках, и тогда они обретают такой облик, что покоряют любого одним взглядом; на них божественная осиянность облика...

Его снова осенила мысль-догадка, что та, полонившая его душу там, на далеком греческом острове, каким-то непостижимым образом переселилась-таки на Русь, приняла облик Липицы и явилась ему уже тут, на берегу реки Оцы. А он не уразумел того и так легко отступился... Ведь было же в Липице что-то такое, отчего оторопь его постигла, словно жаркой волной ока-

тило, и он смутился, оробел. Божество женское ясно проступало в её лице, в её прекрасных глазах.

Не может ли быть так, что люди переселяются по божьему велению? Души их не принимают ли другой внешний облик? Вот мать Малуши и бабка - во птах лесных, а иной человек – в человеке...

От этой мысли, как от верной догадки, он замер и так стоял некоторое время, неотрывно глядя на огонь костра.. После чего случилось то, что случалось с ним иногда: он отошел в лес, углубился в самую чащу и рубил деревья одно за другим в ярости и отчаянии... пока не изнемог. А изнемогши, сел на поваленное дерево, так сидел...

«Нет, - сказал себе Яр и покачал головой. – Это не она. Божество женское встречается редко... Эта горда, высокоумна, строптива... она осталась женой того, лик коего писала по камню. Забудь о ней, забудь».

Когда вернулся к костру, Малуша встретила его испытующим взглядом. Он же виновато отвел свой взгляд.

6.

Однажды, когда остановились они на ночлег, явились вдруг трое жителей некоего селения, названного *весью*. Имена тех людей таковы; Посеня, Другинько и Добрыня Конявин.

Сказано было почти по-библейски:

Пришли к нему из веси названием Усторонь люди, и поклонились, и молвили...

То есть Добрыня Конявин говорил, а Посеня с Другинькой согласно кивали, иногда вставляя в его речь тот или иной возглас.

После почтительных приветствий они сказали, что наслышаны, будто идёт с полуденной стороны, поднимаясь по реке от моря от устья к истокам муж приметного облика: ликом светел, речью чист, с ясным взором, со словом разумным... За ним немало уже числится добрых дел, а о последнем услышали днями раньше. Знают-де они: два селения ратились до смертоубийств, и встал меж ними человек-мимоходец, обратился к ним с речью совестливой, с добрыми советами и умиротворил.

- Мы рады, что ты пришёл к нам , рады, что видим тебя *своима очима*, - сказали они в один голос и в великом волнении. – Вести бегут в разные стороны, как волны от брошенного камня.

Яр был сначала удивлён, не сразу уразумел, к чему относятся такие их слова; потом смутился и сказал, что они ошиблись: вовсе он не тот человек, о котором они слышали и говорят теперь.

- Тот! – заявили они хором. – Это ты! Не таись.

- Я тоже слышал о нём, - сказал смущённый Яр. – Должно быть, он идёт следом за нами. Но я – не он.

Мужики Усторонь переглянулись, перекинулись тихими словами: мол, пусть говорит, что хочет, но это тот, кого они ждут, как избавителя. Добрыня Конявин сказал так:

- Мы знаем, что ты творишь добрые дела на своём пути: исцеляешь больных, отвращаешь моровую напасть.

Яр покачал головой в ответ: нет. И повторил:

- Я ничем не отличен от вас. Вы обманываете себя.

Но при этом отвечал не сразу, а как бы в размышлении, и держался степенно, не как простой человек, то есть с таким достоинством, что они лишь переглянулись недоверчиво.

- Он не хочет открыться, - тихо сказал Посеня

- На то его воля и разумение, - смиренно молвил Другинько.

- Но это он! – шепнул им Добрыня Конявин. - Говорили же: ликом светел... роста доброго...с круглой бородой...с разумной речью и взором ясным. Это он!

Так они переговаривались меж собой тихими голосами.

Добрыня сказал Яру, что они заметили его, мужа доброго, с его семейством еще вчера, присматривались и нынче поутру, и так решили, что он как раз тот человек, кто им поможет.

- Приди в наше село, - попросили они и поклонились ему. – Твоё побывание отвратит от нас великую беду - мор, который наступает подобно весеннему палу. К тому же нет мира между нами в селении нашем, ратимся друг с другом. Уж и понимаем, что это негоже, но утонули в сварах, словно в болоте, затянуло нас, вылезти не можем. Ты рассудишь....

7.

Вот что поведали эти трое.

Они, то есть лесники (лесные охотники) да огнищане-земледелатели, поселились недалеко отсюда, на новом для них месте, *позалетось*. Отстроили себе жилье, выжгли лес, взодрали землю, сеяли и жали, охотились и бортничали... и всё шло ладно да *лело*: места тут вольные, земли много, зверья и птицы

изобильно. Однако вот начался у них разброд в людях, в умах шатание - чередой идут ссоры и *всякая пря*: то ловчие уголья не поделят, то пахотные поляны, то ягодные места...и уж готовы поднять топоры друг на друга. Всё это кончится великой бедой в любой день. Неведомо ныне, что для них страшнее: моровая напасть или междуусобная *пря*.

- Ты – человек ума ясного, - сказал Добрыня, опять кланясь. - Приди и рассуди нас по правде, тогда умиротворимся. Только тогда наступит у нас мир и согласие - то было бы благое дело, кое и тебе зачтётся перед богом. А мы со своей стороны готовы одарить тебя в той мере. В какой сам определишь..

Во время этой беседы с неожиданными гостями спутницы Яра держались смиренно в стороне и не вмешивались, слушали.

- Суд творить не мочен я по недостойнству своему и неразумению, - отвечал Яр гостям из Усторони. – На то есть князь или волостель или старшина. А я вам равен.

- Князь у нас щедр на скорый суд, но скуп на разумное и доброе, - возразил Добрыня. - Да и далеко он, не дозовёшься. Наша *весь* потому и зовётся Усторонь, что истинно в стороне от торных путей. Для князя наше селение - как орлану или кречету малый муравейник в дальнем лесу. Не зрит он нас, мурашей, и не внемлет нашей нужде.

Тут узнал Яр, что княжьи люди приезжают по осени, берут *житное* с каждого дыма, а ещё по кунице и лисице, по бобру и белке со всякой человеческой души, будь то младенец или зрелый муж. И *лагун мёду липового тож с дыма, да такой же лагун мёду гречишного или верхового*. А коли судит княжий человек, и тот блюдёт свою корысть, судит криводушно и лукаво. После того, как рассудит, брань в Устрои разгорается с новой силой.

- Нам же надобно по правде и по совести, чтоб установить мир благой, - сказал Конявин Добрыня, самый речистый из троих, хотя и моложе пришедших с ним. – А не то погубим мы сами себя. Сосед соседа обещает поджечь, брат готов поднять руку на брата... Приди, рассуди нас. В том тебе кланяемся и просим.

Яр отказывался. Но вступила в разговор Устя и сказала:

- Кроме тебя, мой надёжа, некому помочь этим людям. Посеешь добро – отзовётся сторицей.

- Жёнка твоя разумна и добросердечна, - тотчас польстили эти трое и поклонились ей.

- Есть, небось, у вас в Усторони муж летами немалыми, жизнью умудрённый, - посоветовал Яр. – Пусть он вас рассудит, его просите.

- Есть таков, но он тоже корыстен, - возразили жители веси той, - потому не исполняем мы его приговора. Пригласили из дальней веси, из Подборной Гривы, и тоже судил. Но неразумно и опять не по совести, а корыстно. Словно дерев сухостоялых в огонь бросил! Словно ветер в огонь дунул! Ещё большая *пря* началась у нас. Рассуди ты, мы сами себя рассудить не в силах. Тебе поверим, а более никому.

Они опять поклонились ему с почтением. Вступила Малуша:

- Иди к ним, Яр Вышатич, и исполни, как они хотят. Иные не мочны, а ты мочен.

Тотчас и ей поклонились эти трое ходоков.

- Я рассужу, а вы опять не слушаете, - сказал Яр. - И начнется у вас новая *пря*. То будет укор мне, без вины виноватый сам себя казнить стану.

- Ты муж добр и нашим никому не родня, - возразили ему. - У тебя взор чист, не лукав, слово разумно, ты нас рассудишь справедливо. Как скажешь, тому и воспоследует. Будь нашим князем на краткое время.

- А то и более, - добавили Посеня с Другинько. – Избу тебе поставим всем миром, живи с нами.

Ещё они сказали ему:

- Не хотим идти под князя, потому ушли в леса.

«Все жаждут справедливого, разумного да милосердного правителя, - подумал Яр. – А где его взять? Верх берёт наглодушный и жестокосердный. Но хоть и плох князь или волостель, а и вовсе без него порядне не быть».

- Нет стаи без вожака и нет стада без пастуха, - вступила и юная Янка со своим словом. – Надобно помочь им, учинить для них суд и ряд.

«Ишь, млада, а умна, доброму мужу подстать» - решили мужи из Усторони. Малуша молвила Яру, видя, что он уже решается:

- Мой надёжа, рассуди их. Будь строг и милостив.

- Что ж, дадим вам нашего князя на время, - молвила Устя с улыбкой. – Владейте им и вернёте в срок непоруганным.

Хоть и пошутила так, но они на том дали обещанье строгое.

- Я пойду с тобой, - решительно сказала Устя Яру. – А вы, сёстры, ждите нас тут.

8.

По пути к веси той Яр беседовал с Добрыней Конявиным и его товарищами. Устя шла позади. А говорили мужи о том, что слух о некоем человеке, избавляющем селения от Лютомора, приходит к ним с разных сторон. При этом смышлёный Добрыня поглядывал на Яра: я-де знаю, что о тебе тот слух, только не признаёшься ты... что ж, твоя воля.

На полпути Посеня с Другинько ускорили шаги и даже побежали вперёд: упредить Усторонь, чтоб собрались люди на общий сход.

А Яр шагал степенно вослед за Добрыней. Устя за ними. Так шли. Лесом, потом горелым местом, потом вдоль ручья и пришли наконец.

То была *весь* из четырех десятков жилищ. Гумна и стодолы вокруг, посторонь ручей запружен ради обширного озерца и бани по его берегу; возле озерца через ручей мост из брёвен. От моста дорога в лес, он подступал к *веси* близко, тесня её. Крыши изб крыты на два ската камышом или соломой, или древесным нащепом; над амбарами и банями крыши в один скат. Избы высоки, под каждой подполица - двери в них по летнему времени распахнуты – просыхали на вольном ветру. В красных окошках пузыри бычьи или ткань промасленная, волоковые же окошки под самыми князьками обмазаны глиной. Над иными крышами короткие трубы из долбленого дерева, также обмазанные глиной. Из трубы одного из жилищ восходил дымок: не управилась ещё хозяйка с очагом ко времени, припозднилась. Было тут две или три землянки, жители которых, должно быть, бедны, они названы *землянцами*...

Всё это Яр отметил зорким глазом. И Устя тоже отметила.

- У нас так дома не строили, чтоб в погреб входить с улицы, - молвила Устя. – У нас-то с западней в полу.

- Этак-то удобней, - отвечал он тихо.

- Высокие избы холодней, - возразила Устя.

- Дров ли у них мало! Леса кругом.

Теперь она держалась рядом с ним, но на полшага сзади: мол, не меня тут ждут, я только сопровождаю. Она его охраняла, хотя вряд ли он в том нуждался.

Меж двумя жилыми посадками, красным и черным, гуляла стая домашних гусей. Три лохматые собаки заворчали с угрозой, но Яр посмотрел на них с твердостью, и они не посмели даже облаять, просто бежали сзади; укротил он их взглядом – и это тоже отметил Добрыня Конявин. Следом за собаками бежал *щен малый* на кривоватых ногах. Когда взрослые собаки зарычали, он тоже зарычал, но не от злости – для порядка. Сытая лошадка стояла возле повозки двухколесной, лениво брала губами зелёную травку из охапки малой. В повозке лежал рогожный куль неведомо с чем – небось, с зерном. Должно быть, в поле собрался хозяин, да отвлекла сумятица общая или иные заботы.

Сказано было ещё, что возле домов тут и там на изгородях вывешены *срачицы* (нехорошее слово, но, должно быть, в то время обиходное!), то есть рубахи, шитые из льняной бели, и *порты из бели тож, и дитячы пелены*, и ещё тканое что-то – сушиться.

Кричали грачи – их тесное поселение заняло верхушки высоких сосен, что оставлены были не вырубленными посреди селения. Яр усмехнулся: небось, грачи прилетели сюда следом за людьми, не могут эти птицы без доброго людского соседства жить.

9.

Посреди Усторон на лугу собрались и малые дети, и взрослые, и старики со старухами – общим числом более ста. Говор там стоял, как и у глупых грачей на соснах. Когда завидели Яра с Устей в сопровождении Добрыни Конявина, притихли, обратились лицами в их сторону. Момент был волнующий.

Яр подошел, степенно поклонился со словом приветным. Устя сделала то же. Им ответили поклонами. Он обвел всех внимательным взглядом, словно оценивая, что это за *людие*, как вести с ними разговор. Малый лет пяти смотрел на него не в силах моргнуть от изумления.

- *Перст из уст выньми*, - велел ему Яр и улыбнулся, и руку протянул – погладить по голове малого.

А тот засовестился и, подбежав к матери, сидевшей в ряду с другими на бревне, уткнулся ей в колени. Все заулыбались,

общее волнение постепенно улеглось. А Яр уже был опять строг и даже суров.

Мужу добру предложили сесть на старый пенё, рядом липа молодая стояла, на липе той, как сказано, *харя вделана дубовая* - надо полагать, луг этот в Усторони был местом особенным. Наверно, тут всегда происходили общие собрания, вроде веча во граде; тут и *великая пря* у них случалась – того и гляди прольётся кровь.

Севши на пенё, как на княжье место, *муж добр* нахмурился и стал грозен. Устя отступила к липе, прислонилась к ней спиной. Жёнки села Усторонь смотрели на неё с любопытством: их немного озадачивал облик и манера поведения Усти, а та стояла с отвагой во взоре.

Яр сказал с укором:

- Я знаю ваши заботы, ставшие бедами. стыдно ратиться брату на брата или соседу на соседа. Вы люди разумные, отчего сумятытесь?

Он обвёл всех строгим взором. Они молчали, было тихо. Некоторые из мужей потупились, то есть признали: виноваты, мол.

- *Вы правду оставили, любви не имаете*, - продолжал он, - *зависть и злоба жируют у вас*. Распри ваши прогневают бога Высшего, навлечёте на себя от него жестокую кару. И выйдет так, что накажете сами себя вплоть до смертного погубления.

Далее он сказал им о наступлении морового поветрия и заверил, что не достигнет оно их, подобно пожару, если будут жить в мире и дружбе. Бог помогает добрым, а злых лишает разума и наказывает болезнями.

Потом в книге было сказано кратко: после этой его речи они повинились. А мне запомнилось и рассмешило: началось всё строго и даже торжественно, но тут подбежал к Яру *малый щен*, отделившись от взрослых собак, потерся о его ногу и сел рядом, и теперь смотрел на людей Устрои так же строго, как и Яр. Видя это, кое-кто заулыбался. Яр оглянулся на *щен*а, опустил руку, погладил его, потрепал уши, не теряя на лице сурового выражения.

- Положите мне слово клятвенное, что исполните так, как я рассужу ваши дела, - продолжал он *вельми строго*. – Без этого моему суду быть пусту, напрасну, а потому и без толку судить, встану и уйду.

Народ зашумел.

- Будь нашим князем нынче до заката солнца, - сказали ему самые почтенные, а Добрыня Конявин громче всех. – А мы тебе будем покорны.

Яр удовлетворённо кинул.

- А теперь говорите, - повелел он...

10.

Сказано было далее и, увы, очень кратко, что в селении том Яр рассудил здраво спорные дела, которые были для них *преткновенны* и возбуждали вражду.

Рассудив то или иное дело, он Яр говорил душевные слова, которые странным образом походили на те, что говорил самому Яру некогда Нечуй: должно любить, как самого себя, каждого человека, будь то родной или чужой... должно мужу быть чистым перед женою своею...должно чтить старших и особенно старых... должно не осквернять уста ложью и злословием... должно прощать своих врагов, своих должников и не мстить им... должно миловать провинившихся.

Он рассудил дела пашенные и сенокосные, урядил дела с рыбными и охотничьими ловищами...

Он разрешил к общему удовлетворению тяжбу о разделе хозяйства: из большой семьи уходила овдовевшая невестка с двумя отроками, а в хозяйстве лошадь, корова и куры, и овцы, и бель льняная, меряная локтями, и лопотина, и *жито в лубах*, и *кожи деланные*, и утварь – лощило, два топора, светец для лучины, дойник медный, *горшок-растворник*, *урыльник*...

Он рассудил мужа с женой: она его уличала в измене со своей сестрой, а он не признавал своей вины. Яр встал со своего пня-седалища, положил руку на плечо мужу, сказал:

- Брат, посмотри мне в глаза.

И вот перед изумлёнными жителями случилось: обвиняемый в измене посмотрел и признал вину, хотя ранее отрицал с упорством. А потому, что не солгал теперь и повинился, был прощён женою по увещеванию Ярову.

Яр своим решением определил участь двух сирот: общество обязалось не оставить их своим попечением, наметили порядок, в какой очередности сироты будут жить в той или иной семье.

Жёнку, назвавшую другую *блядию*, обязал Яр за обиду отдать обиженной овцу.

Во время суда *щен* сидел возле Яра, совершенно забыв свою собачью родню, и ластился к *мужу добру*, удивляя всех. Устя хотела приласкать его, но *щен* заворчал и отстранился от неё.

- Не я князь, а он, - сказал Яр с усмешкой.

Щен, нареченный Князем, выслушивал его наставления преданно, словно они предназначались именно ему.

Яр помирил двух соседей, не раз сходившихся в жестоком кулачном бою и готовых взяться за ножи или топоры: они делили *медовые улазы*. Помирил, поставив каждому малую мету на плече острым лезом, чтоб помнили мировой уговор. Побратал и детей их, утвердив общую радость.

После того уличил он вора, укравшего двух овец и зарезавшего их тайно - уличённый обязался возместить убыток и сверх того отдать двух ягнят...

Но было, что воспротивился его решению тот старик в Усторонни, который судил прежде и судил не по правде, - Теребень, немощный и больной. Но при нём был сын, молодой и сильный. Старик сказал, что следует дождаться того человека, что поднимается от моря по реке, с полуденной стороны к полунощной, от устья к истокам, пусть он и рассудит. Но его никто не слушал, а *щен* по имени Князь затыкал на него и, кажется, готов был даже укусить. Чуть не поднялась опять *великая пря*. Но Яр перед лицом её сказал твёрдо:

- Я уже пришёл к вам. Быть так, как я сказал!

И Теребень с сыном замолчали, покорились...

Тут на полуслове прерывалось повествование: утрачены были лист или даже несколько, того я не смог определить: нумерация страниц обозначалась буквами, которых не постичь. Но из дальнейшего повествования я узнал, что жители веси Усторонь горячо уговаривали Яра поселиться рядом с ними, обещая поставить ему избу всем миром, наделить скотом... Он не согласился.

Люди Усторонни хотели одарить его чем-либо, но он отказался и попросил в качестве подарка щен, который сидел у его ноги. Благодарные жители Усторонни совсем развеселились и провожали Яра и Устю далеко, чтоб те не заблудились на обратном пути.

* * *

Признаться, я был несколько разочарован краткостью в описании того суда. Что это - простое перечисление судебных

дел, и только! А любопытно мне было знать поподробнее, как всё происходило: какие именно слова говорились, в каком порядке выслушивались противоборствующие стороны... каковы их лица, имена, одежды... Запомнилось только имя жёнки, что была обижена худым словом: Весна.

И ещё: меня удивило: Яр вел себя так, словно не раз уже приходилось ему судить и рядить.

Да что! И внешний облик, и спокойный голос, и несуетливость в рассуждениях – всё располагало к *мужу доброму*. Он ведь мог одним взглядом вразумить глупого, остановить злого, справедливым укором пробудить его совесть. И то, что он рек, звучало весомо, значительно.

Именно это могла видеть Устя *своима очима*, стоя возле липы и глядя на него с горделивостью: вот муж... он мудрее всех.

А что до меня, то я испытывал горделивое чувство за моего героя: вот он каков может быть, Яр Вышатич, Яр-Огонь!

Он вернулся из Усторони в глубоком размышлении, а о чём, того не сказал. Устя тайком от него поведала что-то Малуше и Янке – они посматривали на него. Вот потому Малуша и сказала, что вся статья ему...

- У нас уже есть князь, - отшутился Яр, поглаживая *щена* по рыжей шерсти. – Будем ему верными слугами.

Глава пятнадцатая. Разорённый городок.

Радима и Млад-Воинко под дождём. Рысь охотится на них. Комарие свиряху при ночлеге. Они плывут в лодейце по реке. Вощеник Волох на их пути. Липяг и кремник. Трёхликий кумир. Лодийная пристань и торжок. Я читал и верил: они живут и ныне.

1.

Та самая гроза, от которой Липица пряталась в ловитвенной избенке, а Яр с «дружиной» своей - под разлапистой могучей елью, словно под шатром, эта гроза настигла Млад-Воинко и Радиму в лесу. Они укрылись от ливня под корнями вывороченного дерева: огромная сосна повалена недавно ветром - пласт земли с хвойным настилом вздыбился полого. Вот под него и присели эти двое, как под кровлю. С небес словно озеро пролилось! Вдоль упавшего дерева мимо спрятавшихся потёк ручей, закручивая в водоворотах сухую хвою, травное быльё и

зазевавшихся муравьёв – ручей этот побежал совсем рядом с Радимой и Воинком, того и гляди проберётся под них. Спасаясь от этого потока, шустро пробежала мокрая мышь и юркнула под корневище.

Радима прижималась к мужу, следя, чтоб не замочило их ношу ни ливнем, ни дождевым потоком. Выставила наружу босые ноги, засмеялась: водица небесная была благодатна, словно парное молоко. Млад-Воинко сделал то же самое.

Так сидели.

Несколько раз колесница Перунова прокатилась над их головами. Они расслышали даже топот могучих коней. Перун то ли в гневе, то ли от избытка силы метал огненные перья-молнии одну за другой. Молния угодила в большое дерево неподалеку – оно задымилось, но ливень потушил занявшийся огонь.

- Не страшись, - сказал Воинко Радиме. – Перуну незачем гневаться на нас.

Он положил руку ей на плечи, прикрывая, - это и означало на деле «взять под свою руку», то есть под охрану и защиту.

- Ему не видно нас, - утешила и его, и саму себя Радима.

- Мы – люди маленькие, как мураши. - добавил он.

Она засмеялась. Это была хорошая минута для них, несмотря на дождь. Они ещё не знали, что под этой кровлей им придётся провести и ночь, потому что дождь не прекращался, а нового места для ночлега искать было поздно: уже стало смеркаться.

2.

Наутро после той грозы день был погожим. Млад-Воинко с Радимой опять шли лесом, долго шли. Упоминались настойчиво лес дремучий, тропы со следами звериными, дебри непроходимые, погибельные. В тех дебрях сосны и ели переплетались ветвями и стволами, мхи напозлали на упавшие деревья, муравейники поднимались выше человеческого роста, а под вывороченными корнями могучих деревьев чудились медвежьи берлоги или что-нибудь пострашнее.

Трубный рёв турий наплывал издалека... Какие-то неясные звуки вдруг слышались – то ли лай волчат, то ли повизгивание молодых вепрей, то ли это просто скрип деревьев. Иногда сороки полошились, стрекотали поблизости, настораживая путников. Грозный клёкот беркута падал с небес...

Бессознательным, врожденным чутьём почувствовал Воинко опасность. Он шёл один, в буреломном месте Радима немного отстала от него. И вот тут словно ветерком страха опало — приостановился, не понимая, в чём дело. Пошёл медленнее, и вдруг как раз над ним живая тень метнулась, и он увидел мягко прыгнувшего по толстым сукам зверя...

Воинко узнал его по этому бесшумному скоку, и замер, мгновенно положив руку на пояс, где был нож в деревянном *пояснице*.

Да, этот зверь был ему знаком: рысь! Он видел прежде эту голову с кисточками шерсти на кончиках ушей, эти оранжевые глаза, не знающие жалости, это гибкое тело... Теперь они смотрели друг на друга — рысь и человек. Зверь уступил — ушёл почти бесшумно; слышно было только, как мёртвая хвоя посыпалась да на соседнем дереве хрустнула сухая ветка, а чуть дальше сорвалась вниз шишка, прошелестела. Рысь явилась, как тень, и, как тень, исчезла.

Млад-Воинко облегченно перевёл дыхание. Нет, он не был напуган, однако же напрягся весь — схватка могла быть жестокой.

- Э-гей! — громко окликнул он.

Радима отозвалась тотчас — она была недалеко и не там, куда ушла рысь. Он сел на ствол упалого дерева, поджидая жёнку, и всё ещё оглядывался вокруг настороженно: вряд ли зверь ушел насовсем, будет преследовать их. Рысь коварна и хитра, и умна, и ловка в охоте. Должно быть, раньше она была человеком, отважным и ловким. Так устроен мир: тут все против всех, кто кого одолеет. Птица вспорхнула неподалеку, и он тотчас обернулся в ту сторону. Ещё одна шишка сорвалась с соседнего дерева, опять посыпался сухой игольник — от ветра? или зверь подкрадывается с другой стороны?

«Не из страха ушла рысь — из хитрости, — подумал Млад-Воинко. — Может, решила, что мы боимся её, что она спугнула меня, а когда стану беспечен да неосторожен, она нападёт. Или никогда не видела людей, потому так смела? Кинется ещё раз... Надо было стрелить».

Но ведь не успел вынуть лука из *налучи*! Все решали мгновения. Только нож помог бы, если б она прыгнула.

Теперь он вдруг разобиделся на зверя, едва не напавшего на него. Эта обида отразилась на его лице — оно обрело детское выражение, так что Радима улыбнулась, увидев это.

Воинко рассказал, как едва не подвергся нападению зверя, затаившегося на дереве.

- Будь настороже, - наказал он ей. – Жди меня тут.

А сам неслышными шагами пошел в ту сторону, куда скрылась рысь. Наготове держал лук, стрела уже лежала на тетиве оперённым концом. Теперь Воинко был уже в гневе: на него, на человека, едва не напал зверь! Он, человек, стал дичью, а зверь уже охотником! Гордость взыграла в нём!

«Где ты? – мысленно спрашивал он. – Покажись...»

Однако не рискнул отдалиться от Радимы на большое расстояние. Обошёл вокруг, напряженно вслушиваясь. Было тихо. То есть раздавались обычные лесные звуки, а рысь не обнаруживала себя никак.

Он вернулся и пошли дальше, но его долго не оставляло опасение, что зверь крадется за ними следом, выбирая удобный момент. Воинко напряжённо прислушивался, Радима тоже. Они переглядывались, переговариваясь знаками: мол, пока ничего не слышно и не видно.

Через какое-то время лес поредел, вышли на простор. Тут они приостановились, и Млад-Воинко сказал, хмурясь, чтоб впредь Радима всегда держалась ближе к нему, иначе он не успеет её защитить.

- Не бойся за меня, - отвечала ему на это Радима. – Я справлюсь и с медведем.

Он покачал головой и сказал, что очень часто рысь бывает сильнее человека: она нападает врасплох. Сам он никогда не был в схватке с нею, но знал людей, обезображенных именно рысью, - это были сильные мужи, охотники, и они едва уцелели, едва смогли одолеть напавшего на них зверя. Не всем повезло... Прыжком с дерева рысь опрокидывает человека на землю и впивается зубами в горло ему. Всё происходит так быстро, что неprovорному да робкому быть мертву.

- Или ты забыл, кто я? – спросила Радима весело и напомнила. - Я – княгиня Рысь. Она не тронет меня, мы с нею сёстры.

«Князь Бобёр» даже не улыбнулся в ответ на говоримое ею: дело серьёзное, не до шуток.

- Покличь меня, когда заметишь рысь ещё раз, - продолжала Радима тем же тоном. – Я велю ей охранять нас, а не нападать. Если же она посмеет тронуть тебя, я загрызу её зубами и разорву в локуты.

3.

Река легла перед ними по долине широким плёсом; заливы да заводи при ней - словно почки на ветке древесной; и долгий-долгий остров посреди, на межени.

- Значит, верно идём, - сказал Воинко, подумав. - Теперь река повернет *на восток*, а нам путь держать, на полунощь. Так говорил Бубл. Он чертил для меня на песке: тут река малая, тут большая, тут Славень-град, тут Червень-град, сюда не ходи – болота гиблые... и сюда не ходи тоже – леса дремучие... иди вот так, выйдешь к большой реке с долгими островами... Вот она, эта река.

Птица над ними кричала, летая широкими кругами.

- То *лузвица*, - сказал Млад-Воинко. – Она пути стережёт.

- Зачем? От кого?

- Так ей велено. Она на службе у Сварога... или Стрибога... не знаю.

- Она пошлёт весть ему: идут двое... неведомо куда и неведомо зачем.

- Нам ведомо, потому и идём, - возразил Воинко.

Радима первой увидела впереди на их пути, на другом берегу реки, *избенку* под камышовой крышей и еще два строеньица рядом. Они стояли близко к воде, возле них лодка малая к мосточкам причалена.

Низкая дверь избенки отворилась, и показался человек - *ростом невелик, стар, волосом сильно впроседь, борода продолговата, впроседь же.*

Путники посоветовались, и Млад-Воинко вышел на берег, обнаружив себя, окликнул. Старик на том берегу отозвался.

Из краткой их перекички выяснилось, что старика зовут Волох, что он *вощеник*, то есть, мастер по изготовлению из воска каких-то хозяйственных припасов - ремесло у него такое. А одно из небольших строений возле его избушки было как раз *вощечней*, то есть чем-то вроде мастерской, в которой он из пчелиных сот добывал воск, перетапливая его, вошил ткани и нитки для торговли, делал свечи. Второе строение – банька, названная тут *мыльней*...

А пчелиный-то воск приносили Волоху окрестные бортники, да и сам он к ним ходил за тем. Торговать же отплывал на лодке до некоей слободы, которая отсюда в нескольких поприщах. Ныне же в слободе той он не бывает, прячется от людей из

страха: занедужила слобода, моровая болезнь невидимо пере-скакивает с одного человека на другого, оттого и умирают люди.

Млад-Воинко расспросил, где какие слободы или поселения есть поблизости или вдали, и живут ли в них люди, и ходят ли большие лодии по реке, а коли ходят, то как часто и кто ими владеет..

На все вопросы Волох отвечал Млад-Воинку кратко и сурово. Видно было, что он чрезвычайно удручён надвигающейся бедой и уже упал духом. Назвал себя так: *единец*, мол... то есть одиноко живущий человек. Они расстались, чтоб никогда больше не увидеться.

- Умрёт, - сказал Воинко, вернувшись к Радиме. – К нему вчера причаливали лодии с больными. Теперь и сам стал недужен. Его уже ударило между крыльцами.

- Поди, утешь его. Скажи, что придёт человек светлого образа, он избавляет от напасти.

Но Воинко только безнадёжно махнул рукой: когда придёт? да и придёт ли? не пустые ли слухи всё это?

- Умрёт, кто приберёт его тело? – пожалела Радима вощеника Волоха. – Ведь он *единец*. Кто о нём погорюет, кто поплачет? Зачем у него нет жёнки, сыновей, дочерей?

- Так бывает. У иного мужа две или три жёнки, у иного ни одной.

Она жалела старика-вощеника, а Млад-Воинко был озабочен.

- Нам надо идти лесом... и сторониться лодий на реке и путников на дорогах...

- А если хворь принесет к нам ветром? – боязливо спрашивала Радима.

- Не страшись. Хворь любит пугливых, они слабы, их легко одолеть. Разве мы с тобой таковы?

- Я страшусь не за себя, - сказала она тихо, - а за тебя.

Воинко обнял её, утешая:

- Моровы беси скачут с одного человека на другого, а по ветру не могут. Да и далече мы от них.

Он редко улыбался, зато так, что Радима обмирала. Её окатывало с головы до ног радостью от его улыбки: он улыбался сразу всем лицом, в особенности же глазами: они излучали ласковый свет.

- Если ты умрёшь, - сказала она, - я похороню тебя в землю и рядом поставлю себе жилье, чтоб никуда не уходить, чтоб

никогда нам не расставаться. А если я умру, ты найдёшь себе другую жёнку.

- Тогда я буду *единцом*, как *вощеник* Волох, - возразил он.

- Я жалею тебя больше, нежели себя.

Она так опечалилась, что готова была заплакать.

- Мы будем жить долго, - опять утешал её Млад-Воинко. – Вот подыщем себе хорошее место, воздвигнем малый теремок, расчистим лес, вздерём пашню, заведем скот....

- Ишь, как у тебя всё легко! – Радима усмехнулась. – Словно волшебным словом.

- Разве мы бессильны? – возразил он. – Разве я не строил вместе с отцом моим и жильё, и баню, и хлев с прихлевицей? Или я не ведаю, как ладить соху, как орать пашню, как обихаживать скотину?

- И я ведаю, - сказала она.

- Всё у нас будет, княгиня Рысь. Ты знала моего отца, он говорил: боги дали человеку руки вовсе не затем, чтоб он сидел в праздности.

- А мне, князь Бобёр, моя мати говорила: лень родит беду, беда приходит в праздности. Потому будем трудиться.

Такой разговор у них был не однажды: они вспоминали своих родных одного за другим, и о каждом что-нибудь хорошее.

- У нас будет много детей, - напомнила Радима. - Наши дети вырастут, приведут жён и мужей со стороны, поставят рядом свои дома... Возрастет сельцо, потом слобода.

- Так будет, - подтвердил он.

- Как прозовут то село?

- Радимичи.

- Нет... Боброво... Или Воиново.

Тут они опять развеселились и дальше шли бодрее.

4.

Удалившись от Волоха изрядно, они *ночлег створиша*.

Большое стадо вепрей обеспокоило их уже на закате солнца. Слышался рык матёрых и повизгивание малых. Чтоб спать беспечно, Млад-Воинко устроил постель не на земле, а на высоте двух сажень. Тут стояли тесно в ряд ели, протянув низко свои сплетенные могучие ветви. Их Воинко увязал ивовыми прутьями, положил жерди, накидал много лапнику елового, а поверх сухого мха. И вот забрались на это ложе, как в колыбель, улеглись и спали славно, укрывшись одеждой.

Ночью филин ухал... или это был не филин?

С неба соструились вдруг звезды – словно кто-то бросил горсть сверкающих камешков. Много их просыпалось оттуда, но на небе не уменьшилось числом.

Упоминались *комарие*, которое *свирыху*, и *жабье кречетание*.

На рассвете вепрево стадо прошло совсем неподалёку, едва ли не под ними. Млад-Воинко проснулся, поднял голову, увидел за лесной молодью волосатые спины идущих вепрей, послушал и опять улёгся, уснул.

А снилось им обоим одно и то же, хотя и разное. Радиме - младенец: он выпрастывал ручки из пелён и смеялся... а Воинко серп насекал на малом наковаленце, собираясь на работу: он оглядывался на свою «княгиню», слышал гулюканье младенца...

Хорошие сны были у них обоих, утешные.

А утро наступило тихое, тёплое. Пар поднимался от земли и был розовым от солнца.

- При мокрой земле, - говорила Радима, - егда теплыми лучами возсияет солнце, тогда пары мгленные вывлекнутся из глубины земной.

- То не из глубины, - возразил Воинко. – Они прилегли от неба. *То облацы, на землю легше...* Потому дышится так легко – от небес, не от земли.

- Свет возсияет с небес, а тьма возстаёт из земли. Но жито родится из земли, - в раздумье сказала Радима. – Жито возросло из тьмы?

Она тут очень похожа была на Янку, что была от них далеко.

- Жито взращивается солнцем, - возразил Воинко. – Из тьмы ничего не растёт. Тьма всё убивает.

- Но оно из земли! Сначала малый росток, потом выше и выше, питаемо из земли, и заколосится.

- И земля жива от солнца.

Они не перечили друг другу, они вразумлялись.

Белый орлан победно кружил над ними: в гнезде из распавшейся пополам скорлупы яйца появился маленький орланчик и уже требовал еды. Сердца родителей были полны гордости и радости.

Орланиха выбросила ненужную скорлупу из гнезда и согревала новорождённого своим пухом. А он дерзновенно выбирался на волю, несмышлениш.

5.

А далее опять не хватало в книге одного или двух листов, и повествовалось о том, что Воинко и Радима плыли по реке в *лодейце*. Откуда взялась у них *лодейца*, сделанная из толстых тёсанных досок, того не сказано. Во всяком случае Млад-Воинко не мог сладить её сам за короткое время. Небось, нашли кем-то брошенную. Она сильно протекала, в ней быстро скапливалась вода, и Радима неустанно отчерпывала её глиняным черепком.

По многим косвенным признакам – зацветающие водяные цветы, опавшие лепестки черемушника – можно было угадать преддверие летней поры. То есть они были в пути после того, как расстались с людьми на берегу Оцы, всего несколько дней – три или четыре дня, или даже пять, но не более.

А вёлся ли ими отсчёт времени? Где-то в их разговорах промелькнуло, что-де годовой коловорот начался месяцем *белояром*, а теперь, мол, идёт месяц *ладень*.

Названия месяцев сильно озадачивали меня, читателя. И я не сразу понял, что этот самый *белояр* начался со времени весеннего равноденствия, а *ладень* следовал за ним. Значит, события, о которых повествовалось, происходили в середине мая или в конце его. Такой вот расчёт.

Именно в эту пору плыли по реке Млад-Воинко и Радима. Лодейца у них была поместительная, но тяжела в ходу, к тому же плыли они против течения, на отмелях Воинко отталкивался веслом, как шестом. Держались ближе к берегу и очень зорко вглядывались вперёд, готовые уклониться от встреч с кем-либо из людей. Они не видели, как две женщины, пробиравшиеся берегом, остановились и наблюдали за ними, проплывающими мимо.

С другого берега человек с топором на плече увидел их, но тоже никак не объявил себя. А Млад-Воинко с Радимой продолжали путь, будучи уверенными, что их не замечает никто, что они таятся *вельми удачно*.

Но вовремя увидели они далеко впереди плывущий по течению плот и на нём двоих мужей и с ними жёнка. Воинко без промедления свернул в узкую заводь, загнал лодейцу под склонившуюся ветлу, в камыши. Здесь они затаились, не от страха, нет - из осторожности. Люди на плоту проплыли мимо, негромко переговариваясь. А разговор у них был такой:

- *Приплухом на некий остров пуст вспротивну воде, - говорила жёнка, сидевшая на корме, - и прибыхом на острове оном дни довольны.*

- Отплывал в разны стороны и возвращался.

- В иных селениях его привечали и слушали, а в иных бивали...

О ком это у них речь?

Плеск воды и скрип тесаных вёсел заглушали разговор. Но ветром донесло обрывок того, что говорил один из гребцов.

- *Молвил им тако: рыба же изомроша и восмердишася река...*

А другой сказал к чему-то:

- *От пресыщения бывает восполнение, от восполнения рождается огница.*

Разговор невнятный, отрывочный, неведомо о чем.

Когда они скрылись, Млад-Воинко с Радимой переглянулись: о каком острове речь, о какой реке, и какая такая огница бывает от восполнения да пресыщения? Кто на острове том жил, отплывая и возвращаясь? Кого бивали?

До острова пуста, о котором говорил Бубл, не доплыли они, а добрались до селения, что озаботило их немало: как миновать его незамеченными? До темноты простояли в прибрежных кустах, а потом, когда в селении том всё успокоилось, когда уже было далеко за полночь, тихо-тихо проплыли мимо.

Собака облаяла их от дворов, пришлось поднажать на вёсла. Петел прокричал, ему стали вторить другие. Словно в ответ на этот крик, что-то сильно стукнуло в днище, Радиме показалось, что мокрая зелёная рука с перепонками меж пальцев придерживает их за борт у кормы, и уж вознамерилась ударить по ней чем-нибудь, но рука исчезла, плеснув забортной водой. Радима ничего не сказала Воинку: видение то неясно было. Она только поёжилась от страха.

Плыли всю ночь, а на рассвете загнали лодейцу в камыши, выгрузили своё добро на берег, пожевали вяленой рыбы, запивая водицей, почерпнутой прямо в реке, и улеглись спать-почивать. А от усталости не пробудились, пока солнце, поднявшись высоко, не стало их припекать.

Пока они спали, лодейца их совсем притонула, остались только края бортов над водою. Воинко выволок её на мелкое место, опрокинул, чтоб вылить воду. Радима смотрела, как он делает это, и было ей в радость, что так он силен. Настоящий муж, а давно ли был отроком? Она помнила и того Воинка, что

бегал босым по слободе в игре или в домашних заботах. У неё было почти материнское чувство к нему, и оно странным образом сочеталось с иным чувством, когда она была его женой.

Они поплыли далее, но река повернула не туда, куда им надобно было, и они направили лодейцу в малый приток. Некоторое время плыли по нему, пока не обмелел он. Здесь оставили свою лодейцу, вскинули за спину каждый свою ношу и далее шли пеши.

6.

Я шел с ними берегом реки и прислушивался к тому, о чем они говорят. Признаться, мало что разумел. Тот разговор их остался для меня как бы нерасшифрованным, потому что некоторые слова были мне совершенно непонятны, а о смысле иных я мог догадаться, но без уверенности, что догадка моя верна. К тому же они, двое, с полуслова понимали друг друга, им совсем не обязательно было проговаривать каждую фразу целиком, разговор у них шел отрывочный. Я же не мог быть им достойным собеседником, о чём немало сожалел.

Запомнилось мне, как Радима сказала, оглядывая дали:

- Гора Горыня, река Теча, лес Дубыня...

В другой раз сказала в ответ на озабоченный вопрос мужа:

- Дай потосковать.

О чем она тосковала? Наверно, об отце-матери.

А Млад-Воинко выразился по какому-то поводу так:

- Я попросил у его скудости.

Ещё Радима молвила со вздохом:

- Все идём, идём... Не угодить бы к *костобоким рыбоедам!*

Меня смешили эти слова, вот хоть бы *костобокие рыбоеды*. Небось, не имя какого-нибудь народа или племени, а прозвище

- Жмудь, голядь, ляхи, берендеи – тот люд настроен рукопашно, - продолжала Радима. – Браниться с ними накладно: нас только двое, а их много. Или закружат нас лесные беси, заведут далеко-далеко - окажемся в *Синьбирской стороне*...

Млад-Воинко не принимал во внимание её сомнений, он держался уверенно и толковал о своем, этак хозяйственно оглядываясь по сторонам, и тем становясь похожим на Яра:

- Земли тут *лешии*... сена по *лешим полянам* довольно... А в месяце *вениче*... заоравши сохой лоскутину земли, должно рожь сеять на зиму...

7.

После утомительного дневного перехода по долу низкому, болотистому уже изрядно усталые Млад-Воинко и Радима выбрались на *липяг*, то есть на место возвышенное, заросшее липами, - по берегу реки. Кажется, это была все та же Оца, сделавшая изгиб и снова встретившаяся им. Или уже другая река? Тут им понравилось – вольно взору, хоть в одну сторону его кинь, хоть в другую. Оглядевшись, они были сильно озадачены и удивлены: на берегу угадывались всхолмления правильной формы, они располагались не беспорядочно, не кое-как, а согласно разумному человеческому замыслу.

Воинко первым догадался, что на этом месте был некогда городок: невеликий, но крепкий, как орех; *кремник* на холме... остатки башен и стен его с укрепой из камней-валунов неподъемной тяжести... Вокруг кремника остатки порушенных или сожженных купеческих *лабазов* и *лежалъников*, и житниц хлебных, и кузниц... От кремника в обе стороны две слободки – *улицы*, *рекше людские пути* - по берегу реки. Три дороги, уже заросшие травой и кустарником, уходили в разные стороны, в леса.

Все это угадал Млад-Воинко, пока обходил да оглядывал место, о том они с Радимой говорили. На холме самом большом угадывались угловые башни, а всего три, то есть остатки их – на обгорелые нижние венцы напоззли мхи и дерновина. Сказано было тут про *лютное запустение*... Оно так: дикие заросли ольхи, бредины, малинника, иван-чая да крапивы повсюду.

На том месте, где некогда стояли главные ворота кремника, Воинко споткнулся и выколупнул из земли два бронзовых наконечника от стрел. Причем один был виловат, то есть с двумя острыми оконечиями. Он слышал о таких, но видеть не приходилось. А среди чёрных головней опять споткнулся - на этот раз о сломанный меч: рукоятка из кости, раздробленная.

Радима осматривалась вокруг с выражением растерянности на лице. Воинко прошел по берегу, угадывая дворы, мостовые, *пристанище лодинное*.

- Тут причаливали *купцы вечные*, - сказал он сам себе.

«Вечные» понималось как «богатые», «почётные».

Судя по пристани, городок был торговый, бойкий. Когда-то – а случилось это не так уж и давно, лет пять или шесть назад - тут шла своим чередом обычная городская жизнь. Говор людской раздавался, стук повозок, топот коней по деревянным мостовым настилам, бодрые крики и весёлый смех. Всё было, а те-

перь ничего, только сорочье стрекотанье, да щебет птах малых, да ворона иногда каркнет.

А вокруг того города былого, как прочитано мною в книге и сначала неправильно понято, – *деревни пусты, а лежат перелогом и не пашет их никто*. Пустые деревни озадачили меня, я не сразу понял, что речь тут о бывших пашнях, а не о вымерших селениях.

Посреди всеобщего разора и запустения на лобном месте, на берегу реки утвердилась неколебимо каменная голова, величиной с сennую копну, как бы вросшая в каменные же плечи, а те утопали в земле. Впрочем, похоже было и на то, что взошла она из земли подобно грибу-боровику и так встала тут грозно. У головы той было три лика: один злой, как бы со стиснутыми зубами; другой с кричащим ртом; третий улыбался, но мстительно и коварно. Угадывались три уха, три бороды, а темя голо – темя общее, одно на троих, как и тулово.

- Это Лих, Лют и Мор, - прошептала Радима. – Они братья триединые, неразделимые. Но почему они здесь?

- Поставили те, что разорили город, - отозвался Воинко не очень уверенно. – По их наущению, но сотворили разорение люди.

- Зачем?

- Чтоб утвердить свою победу, и чтоб их князь княжил тут для зла и пагубы этому месту.

- Нет, - убеждённо покачала головой Радима. – То не люди воздвигли.

Они осторожно обошли вокруг каменной головы. В кричащем рте вдруг шевельнулся мокрый бородавчатый язык – Воинко с Радимой, вздрогнув, отступили. Но это была большая лягва, она спрыгнула в траву и пропала.

Млад-Воинко нахмурился, Радима подалась прочь, потянув его за собой.

В *кремнике*, в зарослях бузины и крапивы можно было угадать, как располагались строения: вот тут стояла главная хоромина, в которой жил князь или поставленный им волостель или старшина. Вот с той стороны был у хором *крылец выходной*, с которого он судил и рядил, а с другой - *грядницы*.

Под дерновиной тут и там – угли, зола, битые горшки... на дереве висело изветшавшее вконец волосяное решето. На месте обширного погреба - провал. Ещё один провал – на месте бывшего колодезя. На главной площади напротив *крыльца вы-*

ходного - черепа конские грудой... а в куче старых угольев, в золе, - цепь котельная, сковорода железная, край противня...

Насколько смогли понять Воинко и Радима, стоял здесь над речной излучиной городок невеликий. Однако же вот с укрепой каменной - для обороны от врагов, потому как место это на юру: торговый (да и разбойный тоже!) путь пролегал по реке. Вокруг кремника земляной вал – *исплетяху тонкий лес около большого древия и внутрь посыпаху землю да каменья и велми крепко утверждаху.*

Меж стеной кремника и пристанью лодийной располагался *торжок*, то есть площадь торговая, а вдоль по реке слобода располагалась вольно, улица («людской путь») змеей извивалась по берегу, огибая заводи и следуя речному изгибу, – небось, жили тут люди ловецкие да ремесленные мастера. Мыслилось так, что при большой беде, коли подступит чужая разбойная рать, жёнкам с детьми следовало уходить в леса, а мужам сражаться на берегу; если же враг будет одолевать, отступить в кремник, затворить врата, встать на стенах да башенках – держать оборону. Может быть, не раз спасались так-то и волощане, и огнищане, и гридь, и купцы, и сам князь с семейством. Но лет этак несколько назад то ли нападение было внезапным, то ли много оказалось тех разорителей, но вот сожгли слободы, порушили до основания кремник, а жителей побили, посекли...

* * *

Иногда у меня возникала убежденность, что они живут и поныне, эти люди. Живут! Может быть, даже знают о моем существовании, равно как и о существовании *Кирилла* с его строгим, взыскательным, а подчас и гневным карандашом. Знают они и о том, кто, собственно, и является автором рукописной книги. Казалось так, да. Но наступало прояснение в голове, и я спохватывался: все-таки это литературное сочинение, а оно не только допускает вымысел, но и обязывает к нему! Разумеется, тут много придумано кем-то, подчас это сущие нелепости, однако в основе все-таки истинные события, в которых участвовали жившие некогда люди.

Зачем предполагать, что никогда не было на свете Млад-Воинка и Радимы Сурожанки, Яра и Липицы, Усти и Малуши... даже той птахи-зеленушки или хозяйственного бобра или белого орлана? Они были на самом деле, да и не только они: жили в отдаленном историческом прошлом и птахи со зверями - не зве-

ри и птицы вообще, а тот или иной отдельно взятый зверь, со своим характером, нравом, отличное от прочих дерево... потому о них и написано в книге так подробно, со тщанием.

Зачем, скажите мне, упоминать: *«В тот день было ведроно и накрапал дождь мал, а в ночи стало холодно, дождь накрапал и был»*? Коли не было б того, то разве написали бы? А в том-то и дело, что накрапывал тот дождик, потому и запечатлён в книге.

Или вот в другом её месте: *«Два полавошника по красной земле, трава на них и лвы жолтые»*. Коли не было б тех полавошников да жолтых лвов, то и не упоминалось бы о них!

«Почерпоша ведром и ляху в латки...». Кто ж выдумал эти латки, в которые ляху воду? А никто не выдумывал, они были наяву, они существовали, они сопутствовали людям.

Я знал, что июнь по-ихнему – это *купень* или *купала*. Знал и то, что далее последуют *сенич*, *житнич*, а уж потом *венич*, когда и сеют рожь в зиму, *заоравши сохою*... Названия месяцев, как они именовались прежде, очень нравились мне. Вы только послушайте: *зернич*, *овсенич* или *овсень*, *просинь*. Наши нынешние слова сентябрь или октябрь – «неговорящие»: в них не заключено соответствующего смысла. А тут – коли *сенич*, то ясно, что речь идет о месяце, когда заготавливают сено. А коли *житнич* или *житень*, то ясно, что о месяце жатвы... Или вот о декабре: *студень* или *студич*, то есть студёный месяц... а о январе - *ледень*, о феврале – *лютень*... Их тогдашний язык прозрачнее по смыслу, чем наш нынешний!

Погодите-ка, а ведь там ещё упоминался *серпень* – это что за месяц? Июль или август... Он же *житнич*...

Какое славное название - *серпень*! Жаль, от него отказались ради слова «июль» или слова «август».

Глава шестнадцатая. «Лытатели».

Шестак повелевает. Злобка на охоте. О реке Лисице. Выморочное судно. Порты выходные, отрез огненного согдианского шёлка, золотые пугвицы и жуковина с камнем, яхонт с яйцом, цветом ал... Алчность обуяла Шестака Малыгу. Бегство Злобки Скосыря. Не думайте обо мне плохо.

1.

А Шестак Малыга со Злобкой Скосырем изрядно проголодались, и эта забота уже стала для них главнее прочих. Ранее имелась у них хлебная крома, завёрнутая в тканую тряпицу, но в суматохе из-за *лучного стреляния* при схватке с Яром обронили они её в воду вместе с веслом, а спохватились поздно. Возвращаться поопасались, хотя Шестах и бурчал угрожающе в ту сторону, где остались Яр и девы. Небось, теперь рыбы съели тот хлеб или сам батюшка-водяной полакомился, не побрезговал человеческим *еством*. А им, двум сиротам, двух изгоям, надо теперь как-то добывать себе прокорм.

- Поди стрели дичину, - приказал товарищу Шестак, словно господин слуге. – Слышишь, *журавия* кричат? Они тут не пуганы. Поди!

Сам он примостился лежать, то ли лень его одолевала, то ли рана шибко томила.

«Ишь, словно господин холопу своему, - подумал Злобка без приязни. – Этак только допусти – всяк норовит сесть на шею. А я сам себе господин!»

Злобка отправился на охоту. Когда помрачились небеса на закатной стороне, он *ходил, как зуй, по болоту*, потом из лядины поднялся на холм, заросший кустами. На глаза ему попадались только мелкие лесные птахи. Уж он и на них позарился. Змея прошелестела в листве – говорят, всякий гад к естве годен, но это уж когда голод со смертью об руку. А нынче охотнику в лесу стыдно без доброй добычи быть. Однако, поди, добудь рябка или тетерю! Не станешь же срелить сороку или ворону - то для еды негодное.

Некогда было Злобке посмотреть на небо, хотя отдалённый гром он слышал, - гроза, уже громыхавшая как раз над Липицей, над Млад-Воинком и Радимой, над Яром и его *дружиной*, крылом своим аспидным уже накрывала Шестака Малыгу и Злобку Скосыря.

Опять спустился неудачливый охотник в лядину, выследил журавля, однако раненой рукой не смог туго натянуть тетивы, потому стрела упала возле птицы уже на излёте, ослабев. Журавль поднялся и улетел, гортанно вскрикнув, - предупредил кого-то. И вот тут на Злобку обрушился ливень.

Скрыться ему было некуда. Побежал, побежал он... и провалился по пояс в болотную топь. Выбрался, опять побежал.... А молнии над ним сверкали, и гром сотрясал землю так, что того

и гляди болото выплеснется из своих низких берегов. Да и выплеснулось, и выбросило Злобку на твердь. Тут он остановился перевести дух, глянул вверх и обмер: из светлой промоины в туче аспидно-чёрной смотрело на него чье-то лицо со страшной ухмылкой...

2.

Злобка Скосырь вернулся с охоты в жалком состоянии: одежда мокра насквозь, в глазах испуг и весь он словно пришибленный. Он чуть не утонул в болоте по умыслу того, что смотрел на него с небес! А кто это был? И что ему надо от несчастного Злобки? Хорошо хоть цел остался, но вот дичины не добыл.

Шестак Малыга встретил его грубым словом: зачем долго ходил да почему вернулся в пустыми руками. Злобка сказал ему, тоже осердясь:

- Поди сам, коли ловок. У тебя обе руки целы, а у меня одна поранена.

Шестак отвечал зло и кратко:

- Не рука твоя виновата – голова! А ещё хвастал, что-де ловок да удачлив на охоте.

Злобка в свою очередь бранился многоречиво, от злости разгораясь и не особенно опасаясь недужного детины. Среди прочего молвил:

- А что до твоей головы, то она у тебя крепче пня дубового – не расколешь и топором дроворубным, а если расколешь, то окажется, что подобна гнилому ореху, в ней труха да черви.

Детина *лайчивый* то ли простонал в ответ, то ли прорычал непонятно что. Ради его умиротворения Злобка рассказал об увиденном в небе чьем-то лике, но Шестак лишь коротко хохотнул, не веря. Он и сам промок под дождем: молодое дерево, на которое понадеялся, не спасло, а иного поблизости нет. Теперь оба разделись донага, выжимали *порты* да *срачицы*, сушили их на ветру, да и солнце уже проглянуло. Они и продолжали лаять друг на друга: Шестак назвал Злобку хорём вонючим, а тот его в ответ вепрем волосатым. Но Злобка-то бранился уже слабо да и с опаской, а не то во гневе страшен бывает Малыга, истинно как вебрь.

Но голодные животы их требовали своё. Кое-как подсушившись, Злобка опять ушел на охоту, и на этот раз ему удалось-таки подстрелить лесного голубя да дрозда. С этой добычей он и вернулся к товарищу. Кое-как развели костёр: сушняку

нужного не оказалось. Когда Злобка стал ощипывать у костра голубя, над ними низко пролетели сразу три утицы, одна за другой. Он вскочил, схватился за лук, да уж поздно: скрылись они.

Шестак Малыга по этому поводу снова *ругахуся*. И было из-за чего! Если б хоть одну из тех утиц удалось сшибить стрелой да обжарить на углях до румяной корочки... Оба живо представили себе горячее птичье мясо во рту, сглотнули слюну. Да ведь не проворен оказался Злобка! А что до Малыги, тот и вовсе успел лишь рот открыть. Сильно подсадовали оба.

Злобка опять принялся за голубя, который в ощипанном виде оказался мал, чуть не с воробья. Шестак напомнил товарищу с погрёком, как третьего дня приволок домашнего гуся – подстрелил воровски почти на виду у хозяев. Злобка в ответ возразил:

- Мясо летящих птиц лучшее есть, нежели птиц кормлёных.

Шестак на это сказал, что-де у дурака и речи дурацкие. Злобка тоже не остался в долгу: сам он, Шестак Малыга, скорбен умом и не ему бы корить товарища. При этом поглядывал на детину недобро и думал: зачем ему такой соратник и не пора ли оставить его. Не будь сейчас Малыги, вся добыча досталась бы ему, Злобке Скосырю, и он насытился бы двумя жареными птицами. А так надо делиться: одним-то то голубем разве насытишься?

«Уйду один, - думал он, бросая сердитые взгляды на Шестака. – Зачем он мне? И глуп, и бранчлив, и ленив. От него одна проруха в делах. Эко! Не смог даже одолеть того, что остался с такой богатой добычей – с четырьмя девами. Уйду... Другого товарища себе подыщу... или даже двоих-троих: лучше ходить ватажкой, чем одному».

Но о том же самом думал и Шестак Малыга.

«Зачем он мне? Иных найду... Собыёмся малой дружиной, будем в селах да погостах, да починках, да по займищам дань брать и мехами, и *портищем*, и медом, и брашном».

«Нынче разор кругом, - размышлял Злобка. - У князей да волостелей руки окоротели: многие люди стронулись с места и бегут – страх перед неминуемой смертью сильнее страха перед судом княжеским. Теперь каждый для себя промышляет вольно, как может».

В лад ему думалось и Шестак:

«Поживем в лесу со товарищи купноумно, забогатеем от лихих да молодецких дел, потом разойдемся хозяйства себе ставить...».

Это «диавол наостри их обоих на воровство и разбой» - так сказано было в книге.

А химический карандаш подчеркнул эту строку, записанную явно гусиным пером, из чего следовало, что о. Кирилл одобряет такое суждение автора книги; о. Кирилл был бдительным и строгим читателем, особенно в тех местах, где говорилось о кознях всяческой нечистой силы да о помышлениях воровских, разбойных.

Но пока что соратников для лихого дела у Злобки не было, равно как и у Шестак. Пока что оба-два помышления суетного не ладили меж собой. Каждый из них норовил держать в послушании своего товарища, как слугу. Однако же оставаться совсем одному ни тому, ни другому не хотелось. Мало ли что может случиться! Известно: один в поле не воин.

«Буду держаться пока вместе с ним, а там посмотрим, - решил Злобка. – Он глуп, но силен. Лучше ли, если б умён был? Дурака легче обхитрить. От глупого иной раз толку больше, нежели от умного».

«Будет мне служить, - решил и Шестак Малыга. – Лучше такой нерасторопный, чем никакого».

3.

Они зажарили птиц на углях, да не досмотрели: дрозд обуглился сильно. Шестак Малыга из-за того опять бранился и норовил двинуть Злобку ногой, себе забрал голубя в румяной корочке и крушил птичьи кости своими лошадиными зубами, не выплевывая почти ничего.

«Чудь белоглазая, - ярился Злобка. - Откуда взялся? Не ветром ли его занесло на Русь?»

Шестак повелел ему принести водицы, непременно родниковой. Злобка отправился искать, да не нашел. Принес речной, однако на беду себе с малыми пиявицами - Шестак выругался страшно и плеснул товарищу на порты.

Немало уже подобных обид претерпел от него Злобка. Что делать! Придется и дальше терпеть. Но недолго, не долго!

Разобидясь, отправился он лучить рыбу: слышно было, как под вечер разыгралась она, то и дело бултыхала то тут, то там.

- Бойся: щука за *таинный* уд схватит, откусит вместе с *ятами*, - ухмыляясь, напутствовал его Шестак. – У таких полоротых как не откусить! Не ты первый, не ты последний.

Злобка молча вырезал из лещины прямой ствол, заострил, прикинул на руке. Выбрал местечко на берегу: над водой низко склонилось дерево. На нём затаился лучник и долго сидел недвижимо, слушал редкий крик белого орлана и клёкот кречета в небе высоком... Ветер-верховник был тёпл, едва морщил речную гладь, а под деревом, на котором сидел Злобка Скосырь, вода и вовсе была спокойна, просматривалась в глубину до самого дна. Раненая рука побаливала, но рана уже присохла, а *лучию* (острогу) держал он в здоровой руке.

«Скоро заживет», - утешал себя Злобка и опять размышлял о том, что надобно найти товарищей для разбоя, что было ему в отраду, – этак он опять размышлял согласно *диаволу наущению*.

Могло, мол, так стать, что в попутчиках оказались бы двое или трое надежных сотоварищей, готовых на любое дело, и слушались бы его, ловкого Скосыря. Прийти такой ватажке в село, припугнуть люд – и понесут серебряники да меха... ещё и девку румяную да толстую можно прихватить с собой на ночь, для тепла и утешения... такую, чтоб как спелое яблочко... Не глянулась одна – взял другую, не по вкусу да не по нраву вторая – взял третью. Не любо ли?

Тут он вспомнил давешних дев и опять пожалел: по крайней мере двух или даже трёх из них он взял бы себе. Прежде всего ту, имени которой он не знал, которая отделилась первой и уплыла на плоту с избранником своим. Она сильно понравилась Злобке: крепкая телом, с румянцем на щекастом лице, с большими смелыми глазами – именно такие нравились ему. Впрочем, так же сильно понравилась и та, что звалась Устиньей... Вот этих двух следовало укротить и увести с собой. Пожалуй, можно было б и самую молоденькую прихватить, она беспечальна, то и дело смеётся, с нею не заскучаешь. А других двух пусть взял бы Малыга – они не работницы...

Впрочем, хватит глупому детине и одной, она телом суховата. А та, что сидела на особицу... слишком заносчива и отчуждена, с нею много хлопот.

«Та мне не пара, - решил он. - Мне нужна не княгиня, а рабыня. При княгине я стану рабом, а при рабыне я буду князь. Мне нужна такая, чтоб грудь – хоть двойню выкормит, коли родит».

Так размышлял Скосырь, и лик при том имел мечтательный, пожалуй, даже глупее, чем у Малыги. .

«Поселиться бы в глухом месте, нанести добра всякого, - совсем разомлел он, - и чтоб жены рядом, вот те...уважали бы и ублажали...».

4.

Стая рыбок прямо под ним проплывала, но все невелики. Иногда выскакивали на мель довольно крупные, годные ко *ест-ву*, но они увертливы, поди-ка, попади острогой. Нужна добыча покрупней - ленивый линь или толстый *мень*, или гуляющая щука.

«Есть рыба такова, что можно есть сырою, потому как жирна, во рту тает».

Но таких рыб Скосырь не видывал и не едал, слышал лишь рассказы о них.

Он уже ясно представлял себе, как вернётся к Шестаку с пустыми руками, без улова, и тот будет над ним зло насмехаться: мол, тебе только лягушек ловить. От этой мысли хмурился Злобка. А между тем рыба на закате играла дружно и бесстрашно, тут и там слышалось бултыхание. В заводях шевелились тростники будто сами собой – ясно, что не сами собой и не от ветра - крупная рыба там; в осоке возле берега вода то и дело вскипала – стаи хищных окуней облавой охотились на пугливых сорожек, а щуки в суматохе, небось, хватали самих окуней, потерявших осторожность в азарте.

На этот раз Злобке Скосырю повезло: прямо под ним показалась щука, Она плыла медленно, словно несло течением *бревенцо* в сажень длиною. Небось, на то и рассчитывала, что мелкая рыбёшка примет её именно за *бревенцо* утопное. Он и сам так подумал поначалу. Известное дело, это рыба умная, хитрая. Если б жить в воде Злобке Скосырю, он хотел бы быть именно щукой. Может быть, раньше он и был как раз ею, теперь же стал человеком, ловцом щук, и не сплеховал: точным броском остроги пригвоздил её ко дну. Тотчас спрыгнул прямо в воду и выбросил упруго изгибающуюся рыбину на берег. А чтоб не скатилась обратно, пал на неё всем телом и боролся, и одолел.

Это была старая рыба, с позеленевшей от долгого житья головой, словно бы покрытой мхом. Наверно, прожила на свете десять десятков лет, не меньше. Злобка стоял над нею, размышлял: если-де был он раньше щукой, то эта вполне могла быть его бабкой или прабабкой. От такой мысли он ухмыльнулся и пнул её ногой непочтительно!

Оглянулся в сторону костра, и так не захотелось ему нести туда добычу, делиться ею! Он представил себе, как плотоядно будет есть горячую щучину белоглазый Шестак, выбирая лучшие куски, и разозлился: за что такая награда детине – за брань, за обиды?

Щука была ещё жива, шевелила жабрами, и он так решил, что оставит её в воде на привязи, а завтра утром унесёт подалее в лес, испечёт на костре и запирует один. И вот снял опояску, продел через жабры, оттащил щуку в воду и привязал накрепко в корневищу дерева.

К костру он вернулся с притворно-унылым видом: ничего, мол, не поймал. На издевательские речи Шестака Малыги ответил смирением, а отвернувшись, ухмылялся.

Наутро он так и сделал, как задумал. Сказавши Малыге, что идёт на охоту, уволок уже сомлевшую щуку далее по берегу, развёл там костёр...

И случилось вот что. Поскольку рыбина была велика, он не позарился на щучины черева, отбросил их в сторону; к ним подкрались две вороны, стали расклевывать, растаскивать. Даже подрались они. Злобка спугнул их, и одна из ворон подхватила рыбы черева, полетела ко гнезду своему и, отлетев уже изрядно, выронила из *стомаха рыбьего*, то есть из желудка, блеснувший на солнце камешек – это была серьга, та самая, которую Яр выбросил в реку, отрешаясь от сердечной привязанности.

Я тогда догадался: история с серьгой будет иметь своё продолжение и вот не ошибся. Правда, засомневался теперь: такое могло ли быть – чтоб человек кинул серьгу в воду, а рыба проглотила её, и отплыла, и попала под острогу, и была выпотрошена, а некий *стомах* унесён, откуда она и выпала. Что-то очень уж смахивает на выдумку. Но... чего не бывает на свете! И раз о том написано в книге, то уж верно, излагается сущая правда.

5.

Шестак Малыга очухался немного, стал деятелен и ещё более грозен, вовсе похож на свирепого вепря. На лбу у него красовалась рана, затянутая подсохшей коростой, оба глаза были в синих окружьях, опухоль спускалась к правому уху и на нос – страшен был лик Малыги-Вепря. Злобка даже заробел перед ним пуще прежнего.

Первым делом воспрянувший детина побывал на месте, где был он повержен в схватке. С большой опаской прокрался он туда, однако никого там не обнаружил. Осталось лишь кострище с погасшими угольями, аккуратно обложено камнями. Малыга не смог определить, куда ушёл его супротивник и увёл девиц. Скорей всего они переправились через реку да и скрылись в лесах. Но как переправились на тот берег? На чём? Ему почему-то не пришло в голову, что они могли просто переплыть, потому что сам он плавать не умел. Или ушли по берегу? Небось, сторожко удалились, чтоб не оставить за собой следов. Наверно, боялись, что он, Шестак Малыга, вернётся, выследит, настигнет и покарает.

- Не попусту боялись! – самодовольно проворчал он. – Я б ему черева выпустил ... и убил до смерти..

Не только чувство мести владело им - лук свой было ему жалко. То знатный лук, доставшийся ему счастливым случаем. Не менее, а даже более, пожалел, что не удалось завладеть дивным топором, который так легко, словно сам собой влекомый, описывал сверкающий, завораживающий круг в руке любителя костра. Если б только сложилось всё иначе, сейчас тот топор был бы в руке в него, у Шестака Малыги. Славное было бы обретение! И в бою сгодилось бы, и в работе, и на охоте. Ишь, говорил, что выкован из небесного железа... значит, непростой.

Вернувшись, детина сказал Скосырю Злобке, что враг их сбежал в великом трусе, но авось Лют сведёт их ещё раз, и уж тогда он, Шестак Малыга, не оплошает.

- Убью до смерти! - повторил он грозно.

Но что-то плохо верилось в его угрозы. Злобка-Хорь даже подумал, что товарищ его рад уходу Яра: уж очень уверенно стоял этот муж в схватке – истинно, как воин! Он был один против них, двоих, и не выказал ни малейшего страха, а напротив, проявил отвагу и сноровку. Взгляда не отвел, на шаг не отступил и десница его не дрогнула! И топора своего не пустил в дело, посчитал это ненужным – просто поразил камнем. В том было обидное пренебрежение к супротивнику – он-де недостойн быть поражённым небесным оружием.

Шестак Малыга, ещё более ободрившийся, – теперь некого опасаться! - отправился на охоту с луком Злобки и принёс с ближнего болота сразу четырёх утиц. Он хвастался бесстыдно перед товарищем, и это было просто непереносимо.

- Да их там не стрелять из лука, а на лету палкой сбивать можно!

Но ту похвальбу как не простить! Двух утиц кое-как ощипали, тотчас зажарили на вертеле над угольями костра и славно поели. Зажарили и двух других, но оставили их про запас.

А Злобке везло при рыбной ловле: приносил одну за другой крупных рыбин - налима, названного им *мень*, ещё одну щуку, хоть и невелику, и опять *меня*, потом и давно желанного линя. Тот линь приплыл откуда-то и копошился в осоке, причмокивая, словно водяной. Злобка даже оробел поначалу, но разглядел рыбью морду в траве донной и метнул свою *лучию* очень ловко.

Теперь *лытатели по градам и весям* были сыты, словно два мыша в хлебной житнице, словно вебри на ворохе желудей. Отоспались и всё чаще с сожалением вспоминали, что упустили дев, не смогли завладеть ими. С девами было бы поповадней, повеселей, с ними бы да поиграть! Ну, теперь упущенное не вернёшь, как уплывшую рыбу, как улетевшую птицу, как ускокавшего зайца.

У вечернего костра Шестак упоминал о реке Лисице, где у него будто бы богатые родственники и куда он намеревался идти. Не век же здесь куковать!

- Поселимся там, будем промыслять рыбу, - проговаривал он, - осетры да белуги... солить рыбу длинную и косячную... Их солью надобно натирать накрепко, чтоб не сгнила и не изопрела... торговать будем рыбой той...

Будет, мол, для них на реке той *мягкое и жировое житие*. Уж там-то, дескать, морового недуга нет, и край тот земной вельми злачен. Говорил Шестак, что товарища своего берёт с собой, при этом не спрашивал согласия Злобки и *лук его стрелебный с налучием кожаным* не возвращал, держал при себе, как собственный. А где та река Лисица, детина толком не знал, так что легко можно было усомниться, есть ли такая. А коли есть, то опять же забота: благополучно ли там, и доберутся ли они до реки той и кто их ждёт.

«Жил бы ты как жел в дупле, как *мыш* под кровлею, как крот в земле, потому как лучшего и не достоин», – неприязненно думал Злобка о товарище, но пока что помалкивал, не выказывая вражды. Вдруг и в самом деле всё так и есть: и река, и добрые люди, живущие на её берегах?

На третий или четвёртый день они отправились в путь. Поплыли опять вниз по течению, потому что против воды лодейца их двигалась тяжело. Плыли, держась близко к берегу, чтоб можно было в случае чего быстро причалить: людей боялись, несущ-

щих Лютоморовых *бесей*. На воде они оба чувствовали себя неуверенно, потому как лодейца мала и неустойчива, а Малыга к тому же плавать умеет только сверху вниз, как камень. Да и Злобка не очень-то привычен к плаванию. Иное дело на берегу, на тверди – нога ступает крепко и смело. Вот и держались возле приплёска.

Малыга твердил своё, сам не очень-то веря: река-де Лисица будет где-то в той стороне, куда они и плывут, потому, когда попадался им глубокий залив или рукав-протока, заходили в него узнать, не та ли это река. Шестак Малыга напряженно всматривался *семо и овамо*: не покажется ли жилье, не встретятся ли *набережные людие* – можно окликнуть издали, с безопасного расстояния, разузнать вести о моровой напасти и разведать путь-дорогу к желанной Лисице. Но пока что было пустынно, не у кого даже спросить? С берегов только птичий посвист раздавался, да иногда непонятные трубные звуки – то ли медвежий, то ли турий рев, то ли птица выпь кричала, пугая. И на лодиях никто не показывался.

Обрадовались, увидев на берегу избу с прихлевицею. Сошли на берег, приблизились, но тут оказалось пустынно - ни людей, ни скота - а оставлена изба давно и так стара, что крыша прихлевицы провалилась, а всё вокруг заросло высокой травой. Шестак, разозлясь, поджёг избу, с тем и ушли отсюда.

Зачем он поджёг, глупый? Разве она ему мешала?

Что с дурака ума спрашивать!

6.

И вот плыли они, плыли, да вдруг увидели на повороте корму причаленной к берегу *лодии*. Она была велика – небось, в две сажени от борта до борта, а стояла в заводи между низко склоненными к воде *круглооблыми* деревьями. Широкая доска сброшена с борта на берег - сходня. Никакого движения тут не заметили ни Шестак, ни Злобка, а уж насторожились оба куда как! Замерли на некотором расстоянии, веслом не гребли, слушали, смотрели. Однако же только ветер колыхал ветки деревьев, ни звука не раздавалось, кроме шелеста листвы да птичьего щебетанья, и несло с той стороны трупным запахом. Этот запах был знаком и Шестаку Малыге, и Злобке Скосырю. Пожалуй, именно он подсказал, что на судне том, именовавшемся то *лодией*, то *стругом*, беда, и никого из живых там нет. Разве что среди мертвых вовсе недужные, расслабленные.

Смрада ради злого, исходящая от места того, хотяху повернуть назад, ноздри свои зажав – так было сказано в книге и запомнилось мне, читателю.

Шестак уже соображал: а нельзя ли чем-нибудь пожить-ся на судне том? Стояли долго, наострив уши и не выдавая себя. Потом решили приблизиться. Медленно, осторожно стали подплывать

Злобка сделал знак рукой: мол, надо, не останавливаясь, плыть дальше, да и поскорее. Шепнул:

- Тут *беси*, уж я знаю. Они умертвили кого-то... или всех, кто там есть. Прыгнут и на нас.

- Не убоюсь, - буркнул Шестак. – Или забыл? У меня оборона есть.

Он решительно отобрал у товарища весло, причалил недалеко от лодии той и выпрыгнул на берег. Приказал ждать. Злобка же, мысленно обругав его дубиной, тотчас отпихнулся от берега и стал грести прочь, чтоб отплыть подальше от гибельного места. Дурной ветер торопил его, дышать не хотелось. Значит, умер там кто-то от страшной моровой язвы! Неужели то не понимает глупый детина?!

- Эй-ой! – опасливо окликнул Шестак, уже стоя на берегу. – Есть тут кто-нибудь?

Потом опять окликнул:

- Есть тут живые?

Никто ему не отозвался ни словом, ни стоном. Шестак оглянулся назад - лодейца со Злобкой отплывала. Приказал:

- Стань у самого берега! Буде что – прыгну к тебе и отчалим.

Злобка не послушался и вел себя непонятно: удалялся. Шестак погрозил ему кулаком. Злобка остановился на некотором расстоянии и выжидающе смотрел, что будет делать его товарищ. А Малыга по берегу осторожно приближался к судну.

Тихо было вокруг, мирно. Ничего угрожающего. Птицы порхали и щебетали весело; ветерок, шелестя, пробежал по береговым кустам, морщил воду и наносил трупный запах. Шестак потрогал на поясе нож, проверяя, тут ли он, под рукой ли. Чего опасался? Что заметят его, *лукарёво умысливающего*. Кто-нибудь затаился, ждёт, подстерегает - выскочат сразу несколько да и схватят, как татя, как разбойника.

Если бы Злобка видел сейчас лицо своего товарища, он сказал бы, что тот выслеживает дичь, на которую уже позарился. Но не дичь - двое мёртвых лежали возле жилья временного,

кое-как сложенного на берегу из жердей, веток да камыша. Еще двое – в жилье том малом, тесном, их черные босые ноги торчали из-под полсти наружу. Ворон прокаркал невдалеке, так что Малыга вздрогнул. Синицы порхали и на струге, и возле мёртвых на берегу...Тишина тут длилась, по-видимому, не один уже день.

«С низа шли, - определил Шестак Малыга. – Вот где их немочь настигла... или привезли её с собой».

- Эй-ой! – хрипло еще раз окликнул он. – Кто тут жив?

Опять никто не отозвался.

- Что зришь? – боязливо спросил Злобка издали.

Голос его по воде приплыл ясно.

- Мёртвые, - отозвался Малыга, не оборачиваясь.

- Сколько их?

Шестак поднял руку, показал четыре пальца: мол, столько мертвяков. Но их могло быть и больше. Кроме умерших, могли быть и больные, и здоровые. Страх уже отлетел от Шестак Малыги, уступив жадному интересу: что там, на лодии-струге?

«Товар купецкой...», – сразу же подумал детина, и дышанье занялось.

Не подходя близко к шалашу, убедился, что во временном пристанище на берегу все мертвы. Посмотрел в сторону молчаливого судна, медленно приблизился к нему и осторожно вошел по широкой доске. Доска, прогибаясь, скрипнула, но ничто не шелохнулось ни на струге, ни в шалаше. Две малые птахи вспорхнули с кормы и улетели, звонко цвикнув. Шестак поглядел на Злобку – тот держался на некотором расстоянии от берега и по-прежнему выжидательно смотрел в его сторону, готовый отплыть ещё дальше. Как раз теперь Злобка подумал, что ему надо уплывать, уплывать подальше от этого места. Теперь нельзя ему с Шестаком быть вместе, сидеть рядом, спать рядом, трапезовать вдвоём. Надо уходить как можно проворней!

7.

«С мертвяков на него уже прыгнули Моровы беси, - сообщал Злобка о товарище. – А с него прыгнут и на меня. Он-то уцелеет, как уцелел ранее, а мне пагуба. Пропаду... надо уткать».

Если бы Шестак Малыга знал о его мыслях, он поднял бы лук, натяг тетиву со стрелой и под угрозой велел бы приблизиться. Но он о том не догадывался, ему было не до того. Едва

ступив на струг, он жадно осмотрелся тут и содрогнулся, увидев двоих мёртвых на открытой палубе. Мертвяки были со страшными лицами, с выклеванными глазами. Шестак набросил на них валявшуюся тут рогожу, после чего сошел на берег; по спине детины пробежали мурашки от владевшего им страха... Опять оглянулся на товарища в *лодейце*, понял, что и на того *трус великий* *напал*. Хотел прикрикнуть на Злобку, но остерегся, словно безглазые мертвяки могли от его крика пробудиться и встать. Злобкин *трус* однако взбодрил Шестака, он воодушевился мыслью: «Меня чёрная болезнь не возьмет... Я отмечен Лютом... Щур меня!». И вернулся на судно.

Убедившись, что живых тут нет, он почувствовал себя увереннее. Уже по-хозяйски прошелся по судну, имея самый решительный и свирепый вид, готовый уже защищать это добро и в смертно бою, чтоб из чужого стало своим. А оно уже стало таким!

На *лодии* той, именуемой и стругом, было два крытых помещения, названные *чюланами*, – на носу и на корме. Заглянув в носовой *чюлан*, Шестак увидел лавицу для спанья, покрытую овчиной, но на ней никого не было. Всё прочее пространство завалено кладью в рогожах, заставлено корзинами прутьяными и лубяными, одна на одной.

А в кормовом же *чюлане* встроен был большой рундук, на нём стояли два *ушатника* больших. Шестак не утерпел, заглянул в крайний *ушатник* – в нём оказалась *крупа запарная овсяная*, сверху корки хлебные, запёклые; в другом - *рыба едобная*. А вот за рундуком в третьем *ушатнике*, покрытом холстиной, – ароматные вавилонские финики, прозрачные, как янтарь, он им и названья-то не знал, и не пробовал никогда.

Но не до сладких фиников ему теперь было! Снял *ушатники* с рундука, откинул крышку - сверху лежали *ширинки* полотняные, шитые *шолком да златом*, *подергиваны шолком черевчатым да чёрным*, *да плат мелкотравный*...

У Шестака дух занялся!

- А-а! – выдохнул он и протянул руку, пошевелил это добро..

Там были *двои порты выходные*, да отрез *огненного согдианского шелка*, *бармовые сукна*, *скарлатная шапка*... в углу покрыта *кафтанцем скрыня малая*, в ней синие да зеленые *запояски с жемчугами*... а еще *яхонт с яйцо*, *цветом красен*, а *только жидок цветом*...

Шестак опасливо оглянулся – не видит ли кто его? – хотел захлопнуть крышку рундука, но было тихо кругом и он продолжил осмотр.

Серебряная солоница на зверьках...

Две чарки *серебряные тож...*

А еще коробочка малая, в ней *златые пугвицы, в закрепах зерна жемчужные, жуковина с камнем алым, серги жемчюги продолговаты, а в них в закрепах по яхонту черевчату...*

Он примерил жуковину на перст свой, но персты у него были толсты, не для того назначены – пришлась лишь на *лихан* (на указательный перст), положил на место – зачем ему лишнее носить на пальце! - и поспешно захлопнул крышку.

Теперь он все уразумел...

«*Эко алчность-то обуяла сочинителя!*», - заметил на этой странице *Кирилл* беспощадным химическим карандашом.

Но при чем тут сочинитель, коли речь идёт о белоглазом Шестаке Малыге, безусловно человеку жадном? Виноват ли тот, кто писал книгу об истинных событиях?

8.

Алчность в белоглазом детине разыграла ещё более, когда он перешёл опять в носовое крытое помещение и там тоже под корзинами рогожной кладью обнаружил рундук, а в нём...

сверху лежала завёрнутая в холстину *ендова* в золоте...

рядом с нею *булава серебряна с напай золотыми...*

а ещё серебряный *свещец* и позолоченная *маковица...*

в *маковице* той - *напалок толстый золот, да перстен с перелефтою золот, да перстен с червцом, да жуковин с лалом, и с яхонтцом, и с бирюзами...*

и еще один *напалок – стеклянный, насечен золотом...*

Тут же лежали *моток пряденого золота да моток серебря, да мотки шолковых нитей....*

У Шестака совсем зашло сердце. Кажется, и дышать не мог, остановилось дыхание! Он захлопнул крышку рундука, взгромоздил сверху корзины и оглянулся. Лихорадочные мысли...

«Именно лихорадочные! – догадался я, читая это. – От *лиховой радости*, от *Лиха...*»

...теснились в его глупой голове. Надо попроворнее отплыть отсюда! А куда? Вверх по реке – не одолеть течения, а

вниз – чем ближе к устью её, тем больше вероятности встретить людей. Да и в верховьях этой Оцы тоже люди... Что делать?

Как счастливо нашедший клад спешит перезахоронить его вернее, так заторопился детина спрятать доставшееся ему судно или хотя бы выгрузить добро в надёжном укывище. Куда угодно, лишь бы не нашли бывшие хозяева. Надо поскорее закрепить за собой словно с неба свалившееся богатство!

«Лют привел меня сюда! – полыхнула в Шестаке жаркая догадка. – Лют умертвил купцов! Это всё для меня, для меня... Славен будь, Лют! Возьми меня всего, я тебе пригожусь, но оставь мне это добро. Оставь!».

Он ещё раз огляделся вокруг – шалаш на берегу, лес и реку. Подумалось, что не все хозяева судна и не все их слуги перемерли, кое-кто мог пойти искать себе подмоги, вот-вот вернётся и крикнет: «Кто таков? Хватай татя! Волоки на расправу!». И разбогатевший вдруг Шестак Малыга разом лишится всего, опять станет нищим, бездомовым *лытателем по градам и весям*, коли не лишится самой жизни.

«Лют того не допустит, - успокаивал он сам себя. – Не для того одарил, чтоб такое поущение случилось. Это было бы супротив его воли!».

Но как управиться с судном? Это не малая лодейца-набоенка. Глянул на лодейцу со Злобкой – вот кто пригодится! Не надо только всего ему показывать... Но тот уже бурлил воду веслом, удаляясь.

- Греби сюда! – грозно повелел ему Шестак Малыга, становясь опять свирепым вепрем.

А себе сказал:

- Поплывем на этом струге... пошто нам его лодейца! Оставим здесь.

Но Злобка Скосырь ему уже издали отвечивал:

- Там смерть... Теперь и ты умрешь... А я не столь глуп, дальше поплыву один, без тебя.

И стал ещё сильнее работать греблом то *ошую*, то *одесную*, глубже погружая гребло в воду. Шестак ему, осердясь:

- Не выходи из воли моей!

И добавил своё излюбленное:

- *Ино чревы тебе выпущу и убью до смерти!*

Но Злобка Скосырь явно затеял предательство: скрыться насовсем.

- Вернись! Сам не знаешь, как я тебя одарю! Богат будешь! – вслед ему кричал детина, однако же и боясь кричать слишком громко.

Злобка не отозвался. Шестак Малыга *лаею лаивал матерно*, - подлый Хорь не покорился. Детина поднял лук, прицелился - стрела вонзилась в воду, не долетев. Наверно, Злобка Скосырь только ухмыльнулся в ответ: не дострелит! Он удалялся и скоро скрылся за поворотом реки. Шестак Малыга некоторое время смотрел ему вслед, недоумевая, потом побежал, ломился береговыми кустами и почти перехватил беглеца на песчаной косе за речным поворотом, но тот всё-таки утёк.

Шестак постоял, сплюнул от великой досады и повернул назад, бурча себе под нос *худословия* подлому Злобке. Некогда было гоняться за ним, надо спроворить главное дело.

* * *

Признаюсь, читая в книге о том, как Шестак Малыга, храбро взойдя на вымершее судно, заглянул в укромные помещения да открыл некий *рундук*, тут я испытал нехороший азарт: самым постыдным образом вместе с Шестаком Малыгой перебирал чужое добро. Меня в особенности поразили вавилонские финики – даже сладко стало во рту, словно съел их несколько. А потом прочёл я об *огненном согдианском шёлке*... Тут каждое слово звучало песенно, поэтично: *огненный... согдианский... шёлк*... Уж верно, это была такая ткань, что глаз не оторвать... Но, клянусь, не корысть возбуждала меня, а обыкновенная любознательность: что может быть на купеческом струге, который плыл по реке с низовьев к верховьям (или наоборот?) не вчера и не сто лет назад, а может быть, две тысячи? Что может оказаться в тех купеческих закромах?

Не думайте обо мне плохо, я ведь ничего не стремился присвоить, чтоб разбогатеть разом, как Шестак Малыга. Впрочем, если откровенно... я был не прочь стать обладателем хотя бы того *плата мелкотравного*. Если, конечно, не сидят на нем *Моровы беси*. Подарил бы матери... А *ширинка, шитая золотом*, как я понял не сразу, к штанам, то есть к портам, не имеет никакого отношения – это что-то вроде скатерти или рушника. И она годилась бы в подарок хоть кому. Но ещё раз повторю: все-таки меня подталкивала не корысть, а любознательность, да очарование словами: *напаи золотые... булава серебряна... ма-*

ковица... залёные запояски с жемчугами... яхонт черевчатый...

И согласитесь, как это здорово: струг купеческий, на нём крытое помещение, в помещении том рундук, в рундуке скрыня (ларец), в скрыне коробочка, в коробочке жемчуга да злато, да яхонты с лапами... Как в сказке про Кощея Бессмертного. А Шестак Малыга чем не Кощей?

В досаду мне было, что такое богатство досталось такому недостойному человеку. «Ну, ладно бы Яру, - думал я. – Уж Яр Вышатич употребил бы всё это к общей пользе. А чего ждать от Малыги? Как он поступит с этими сокровищами? На добрые дела он не способен. Не одарит ни убогого, ни нищего. Интересно, что же будет дальше... ».

Глава семнадцатая. Перунов холм.

Щен по кличке Князец. Малый водопад – било. Щука в бочаге. Трапеза из щучины. Кряковатые дубы. Яр в дупле дуба. Не гнев ли Перунов? Ключ-студенец. Один ночью на волхвище. Супружеский завет - слово скрепляет.

1.

А Яр и его *малая дружина* шли и шли далее...Теперь *щен* бежал за ними, поскуливая от усталости. Иногда Яр сажал его себе на плечи и нёс, давая таким образом отдохнуть малому, после чего тот опять поспешал за ними пешим. Когда останавливались на отдых, *щен* лежал, устало положив голову на лапы, и уж не прыгал, не скакал, не резвился, только следил глазами, как Яр собирает хворост для костра. А смотрел со вниманием и строгостью, на прочих почти не обращал внимания.

- Ишь, как полюбил он тебя, - ревниво заметила Устя.

Такая привязанность удивляла и его, но была приятна. Думалось: «Почему он так смотрит на меня? Словно бы что-то сказать хочет». Он никак не мог отделаться от мысли, посетившей его: во взгляде *щена* было что-то... человеческое.

«Нечуй идёт со мной, - однажды подумал он, смутясь. – Душа его поселилась в этом *щене*. Может быть, так и кликать его: Нечуй? Но нет, то негоже. Не обидеть бы *мужа мудрого*. Псу - своё, человеку - своё».

Малуша поначалу дала *щену* кличку Волк, но тот на неё не откликнулся. А когда Яр окликнул: «Князец!» – *щен* вздрогнул,

тотчас встал на все четыре лапы и смотрел: мол, вот он я, тут! чего надо?

- Не восхотел быть Волком, - пояснил Яр спутницам своим.
- Будет Князь.

- Князь! – позвала Устя.

И *щен* тотчас обратился к ней. Все засмеялись.

- Быть по сему, - окончательно решил Яр.

Шли они берегом ручья. В укромном месте поручейного лог-га среди высокого травостоя поднимались пирамидальные цветы, венчавшие толстые стебли высотой в локоть. Малуша не преминула вырвать несколько растений вместе с корнями, при этом попросила неведомо кого простить её за это.

- На корнях *ятра* - сотворю для вас любовное зелье, - пояснила она девам. – Чтоб сердца у вас вспыхнули и души воспарили в радости и блаженстве.

- Чтоб огнём этим лёд растопить, - добавила Устя, оглянувшись на Яра.

Она этак то и дело задирала его. Он же якобы того не замечал.

Далее шли и слышали впереди мелодичный говорок - водный поток небольшой падал с обрыва, подмывая глинистое русло, а названо *билом*...

Я ахнул, прочитав это слово! Между нашей деревней и рекой Нерлью на ручье три таких водопада, и мы их называли именно так: верхнее *било*, среднее, нижнее... И у них там, в исторической дали, тоже *било*! Значит, слову этому тысячи лет! А потому что смысл такой: бьёт и бьёт водный поток в глиняное ложе русла, словно молот по наковальне. И весь этот лог широкий его трудами проложен за долгие годы.

- Ишь, какая *ендовина* вырыта! – сказал Яр, приостанавливаясь возле *била*. – Водный поток подмывает обрыв и таким образом продвигается вверх по течению, углубляет русло.

- Так и великие реки? - спросила Янка.

- И так, и иначе, - отвечал он.

Шли дальше по ручью и слышали другое *било*, на этот раз более громкое. Опять падала вода в яму-*ендовину*, теперь уже с большей высоты, потому и яма была обширна, продолговата, а русло ручья вниз по течению размыто гораздо глубже и шире.

- В водополищу било продвигается по руслу вверх быстрее, а летом замирает, - пояснил Яр в раздумье. – Кто-то задал ручью эту урочную работу.

В яме под вторым *билом* вдруг бултыхнула большая щука. Должно быть, она не успела уйти с нерестилища вовремя, а ручей местами уже обмелел, вода пробивается сквозь осоку, стелется тонким слоем по песчаным намывам. А осока с мелким кустовьем были подобны *веретям*, не пропускавшим теперь рыбу. Наверно, щука и ушла бы потом – она ведь может и по росной траве подобно ужю скатиться вниз, к устью ручья, но теперь, изнывая в бочаге под *билом*, испугалась человеческих голосов и обнаружила себя. Яр без большого труда поймал её за жабры и выбросил на берег – рыбина оказалась саженная, с огромной зубастой пастью, такая неprovорному и персты разом откусит.

Под кустом плескалась и ещё одна рыбина, того же хищного племени, явно поменьше, но её не стали ловить: лишняя добыча не нужна, ноша и без того тяжка. Яр вервием лыковым перехватил уже пойманную под жабры и перекинул через плечо, так шёл – щучий хвост чертил по земле. И хоть удовлетворен был этим уловом, однако же и подосадовал: одна ноша мешала другой, а вместе они словно бы противоборствовали ему.

2.

Солнце склонялось к закату, когда путники оказались перед стеной дремучего леса. На опушке его Яр остановился и объявил ночлег. Девы перед тем шли молча, устали, а теперь обрадовались, живо заговорили.

Мужу доброму нравилось то, как они дружно принимались за хлопоты. Никто не уклонялся от работы, никому не надо было подсказывать, что делать. Он рубил сухостоины – они таскали их к выбранному месту, настлали лапнику: устраивали себе лужа с трёх сторон костра и ещё одну постель - для него, с четвертой стороны. А он уже разжигал костёр.

В нём заметна была приверженность к огню. Стоило остановиться на отдых, как он уже собирал сушняк, доставал кремь и кресало. Огонь колдовски притягивал его взор – чем бы ни занимался, всё посматривал на костер. Наверно, ещё и поэтому прозвище ему было: Яр-Огонь.

Малуша осматривала свою изветшавшую обувку, сказала, вздохнув:

- Теперь боса пойду, налегке...

Устинья ей:

- Сплела бы тебе лапоточки, да лыка доброго не вижу, и бересты нет.

- А сумела бы?

- Учили... Много раз видела.

- Знать и уметь – не одно и то же. Я тоже плела, да неладно.

Щука лежала на траве, солнце освещало её. Князь опасливо подошёл и принялся к ней: что это за чудище? Осторожно потрогал лапой.

- Князюшка, - сказала ему Янка, - не изволь беспокоиться. Сейчас мы её приготовим для ествы, и тебе кое-что достанется.

И спина, и бока щуки - в ярких желтых пятнах, меж пятнами голубые да зеленоватые разводы... глаза желтые, мелкие чешуйки по-над жабрами чёрные, а то и зелёные тож.

- Ишь, какая у неё сряда богатая! – любясь, сказала Янка. - Атлас да бархат, *объярь* да *хамьян*. Не иначе, как царицей того ручья была.

- Была б царица – не плескала бы хвостом на мели, плавала бы в реке, - возразили Янке.

- Всяко бывает, - в свою очередь перечила она. - Вон наша-то княгиня как раз на мели оказалась.

Все поняли, что Янка имеет в виду Липицу, оставшуюся позади. Где она теперь бедует? Небось, винит себя, что погордилась, не пошла с ними?

- Княгиня ли? – усомнилась Устя.

- Она молвила, что родом с Таны-реки, - сообщила Малуша. - А на реке той царским да княжеским родам *начаток*. Правят те роды и в греках, и в Трое, и в той стране, что за Великим морем. Князья берут себе с Таны невест в жены – это чтобы дети имели царственную статью.

О реке Тане (наверно, всё-таки Танаис?) говорили, что по берегам её живут люди вольные, в повадке у них гордость, речь нетороплива и разумна, лики чисты, взоры возвышенны. Конечно, красивы те люди лицом и статью, но главное всё-таки в повадке и нраве. Они не повинуются никому, но повелевают по праву родства высокого, по природе своей, от предков своих.

- Отчего же однако такой почёт им, что берут невест оттуда в царские терема? – спрашивала Янка.

- Нрав у них достойный, - пояснила Малуша.

- Отчего же нрав таков? – не отставала Янка.

- Сызмала мнят о себе высоко. Всякая девица знает, как ручкой махнуть, как ножкой ступить, какое словечко когда молвить, кого одарить улыбкой или взором, а кому лишь погрозить бровями, и будет с него.

- А русские ли те люди, что живут на Тане-реке? – спросила Устя у Яра.

Тот усмехнулся:

- Русее не бывает.

- Отчего же однако они так разумны да величавы?

- Так повелось, - пояснила Малуша. - На том и стоят. Кем себя наречёшь, тем и прослывёшь.

А Яр объяснил это так:

- Мы – дети Дажьбожьи, пришли с небес по солнечному лучу. Потому особливы от всех племён. И на реке Тане русские люди, внуки Дажьбожьи. Потому и стать у них. Так ли я говорю, Князь?

- Так, - тявкнул *щен* в ответ

- Ах, и мне следовало назвать себя родом с Таны-реки, - сказала младшая из «сестёр» мечтательно. - Стала б для вас царицей или княгиней, повелевала бы вами...И уж звали бы меня не Янкой и не Веселинкой, а важности и почету ради Анной. Таково имя моё изначально.

- Подрастёшь – будем звать Анной, - пообещала Устя. – А пока что ты Янка да Веселинка.

Надо ли говорить, что свидетельство благородного происхождения – *царским и княжеским родам начаток!* – Липицы-Красавы пришлось мне тогда очень даже по душе? В ту пору я преисполнился гордости: прояснилось и несомненное благородство моего собственного происхождения, а этому ли не порадоваться да не возгордиться! Это ли не возвести себе в достоинство!

Истинно так: кем себя назовёшь, тем и прослывёшь...

3.

Они хотели приготовить рыбу для *ествы*, но Яр не позволил: сам справится. Чистить не стал, просто выпотрошил, причем очень ловко, словно играючи. Добыл из сумы кошель кожаный с солью, посолил щуку со всех сторон, выбрал из потрохов *ксень* и положил внутрь, тоже посоля. Потом сходил к обрыву и принёс оттуда глины. Глиной той обмазал щуку довольно толсто и, когда прогорел костёр, положил её, как брёвнышко, в самый

жар и сверху засыпал угольями. После чего подбросил немного дровяного нащепу, при этом следил, чтоб огонь не разгорелся слишком сильно.

- Эта рыба к *естве* жареная и вареная сладка и угодна к человеческому здравью, - приговаривала Малуша, следя, как ловко «надёжа» управляется с этим делом.

Для трапезы расселись вокруг костра. У них уже установился порядок в распределении мест: Устя садилась *одесную* от Яра, Малуша – *ошую*, а напротив - Янка. Князь занял самое близкое к хозяину место, под рукой. Его не прогоняли прочь.

Пока готовилась рыба в костре, пожевали вяленого мяса, но как-то неохотно. Яр пожалел, что в пути не добыл птицу, хотя можно было подстрелить журавля или уток. Несколько раз они видели зайцев, но руки охотника были заняты ношей, пока сбрасываешь её, ускачет.

Теперь две красавицы-сороки летали над ними, бойко *трескоташа*: чем-то они были обеспокоены. Причину их беспокойства разгадала Малуша, разглядев в сплетении веток древесных гнездо сорочье - свили невысоко на молодой берёзке. Янка тоже увидела его, сказала нерешительно:

- Хочу посмотреть, что в нём.

Но не пошла: не к лицу деве на дерево лезть. К тому же Малуша сказала:

- Не гоже в чужой дом без спросу.

А сороки скоро успокоились. Но не замолкали соловьи! Они высвистывали и щёлкали в низине, где кусты склонялись к воде. Казалось, их там столь же изобильно, как и лягушек вдоль по ручью, и они кrekотали вперебой.

Яр достал из костра «бревнышко», разломил на части, раздавая. Глина уже подсохла, к ней прикипела чешуя, а в разломе белое щучинное мясо сладким паром исходило.

- Мой надёжа, - сказала на это Малуша, - *не буди всегда рука твоя простерта на взятие, а на даяние сгбена*.

Янка и Устя засмеялись, а Яр улыбнулся. Малуша продолжала наставительно:

- Тогда бывает то сладость, *егда с восхотою алкаешь с добрыми людьми*.

Ему нравилось, что она называет своих подруг *сёстрами*. Повелел, чтоб звались и впредь так.

- Сестра, - сказал он Янке, - щучиную голову дарю тебе, ибо щука умна, а ты среди нас младше нас, тебе ума надо набираться.

Он шутливо это сказал, и Янка отозвалась детским смехом.

- Щучиную голову надо делить на всех, - сказала она. – Устинье глаза, чтоб зорко видеть, Малуше - язык, чтоб рассказывала нам в пути про быль и небыль, а мне самое вкусное – щучий ум.

- А вожу нашему что? - спросила Малуша. – Али не разум?

- Ему зубы, - отвечала Янка. – Аще кто покусится на нас, так чтоб оборонил.

И ксень щучиную разделил он, чтоб каждому досталась часть.

За трапезой разговаривали тихо, а Князь слушал: он до рыбы оказался не охотник, сыт был мясом, которым его угощали, да и промыслил какую-то живность, вроде *мыша*.

4.

А на склоне очередного дня достигли они места, которое удивило их и озадачило. Сначала попали в молодой дубняк, через который пробирались с трудом. Потом поднялись на возвышение. Тут стояли порознь старые корявые вязаи и такие же старые, *кроковастые* дубы, все могучего вида. Некоторые смыкались кронами, а иные росли поодиночке, вольно, а все они были столь высоки, столь обширны кроной и могучи стволами, что как бы подпирали небесный свод. Казалось, именно на этих великанах и держится небо. Не сразу Яр понял, что деревья стоят со смыслом, в заданном им порядке, что придавало этому месту особую значительность. Пришедшие сразу притихли и молча изумленно оглядывались: куда попали? И *щен*, хоть и названный именем Князь, оробело оглядывался и тихо-тихо поскуливал.

Янка-Янина вдруг шатнулась к Яру испуганная: нет, не медведя увидела и не лешего – исполинского вида жук сидел на стволе дуба, аспидно-чёрный, с исчерна-зелёными большими глазами, будто *пугвицы*, с усами вдвое длиннее его тела. Крылья у него были, но вряд ли он мог летать – слишком тяжёл.

- Не трогай его, мой надёжа, - остерегла Малуша. – Он тут неспроста.

- А если б вырос с корову? – прошептала Янина. – Я б тогда умерла от великого труса.

Но Яр безбоязненно накрыл его рукой, осторожно снял – жук был во всю его широкую ладонь. Однако такого страшилища

до сих пор ни ему, ни его спутникам нигде и никогда не встречалось, хотя похожих видывали. Этот же был велик, подстать исполинскому дереву, потому и страшен.

- Живет под корой, - сказал Яр, подумав. – Сверлит ходы в заболони... небось, длиною в сажень.

- Берегись, мой надёжа: откусит перст.

- Великаны добродушны, - возразил Яр. – И этот не злоумышлен.

Малуша с Янкой подсказывали:

- Под корой древесной у него горница, закрома, трапезная....

- ...жена и детки.

- Холопи и стадо мурашей да букариц, коими повелевает

- Пьёт дубовый сок, потому велик и силен.

Яр посадил страшного жука на прежнее место, и тот степенно скрылся в расщелине коры, не причинив никому вреда.

- А усы ему зачем? – спросила осмелевшая Янина.

- Чтоб жёнка любила, - подсказала Устя.

- Раз уж выросли, то для чего-нибудь нужны, - отозвался Яр с усмешкой. – Нам того не постичь.

5.

Под дубами земля оказалась взрытой, словно вспаханной, – да и не одним *ралом*! – тут потрудились немало *оратаев*, но все без разума: борозды вкривь и вкось, перехлестывали одна другую, взодранные корни топорщились из земли. Было уже ясно, кто тут *орал*: дальнейшее повизгивание вепрей донесло ветром... или это скрип сухих ветвей друг о друга?

Один из срединных дубов был так стар, что вот-вот рухнет; он доживал последнее: неохватный ствол его был пуст внутри, словно выгорел или сердцевину вырубили топорами. Но остались по внешней стороне как бы рёбра, прочные, и топором не перерубить, они уходили в землю, глубоко. Яр озадаченно вступил в эту пустоту и оказался как бы в *чюлане*; тут свободно могли разместиться не только он со своими спутниками, но и ещё столько же людей; «стен»-рёбер можно было касаться, только широко разведя руки; а над головой «свод» столь высок – не достать; внизу – настил из сухой древесной крошки. Во всём пространстве этом светло: в «окна»-щели смотрело солнце.

Огромный *мизгирь* сидел в самом широком «окне» на паутине, подстерегая добычу; и был так велик, что мог бы, навер-

ное, удержать в своей ловчей сети не только муху или шмеля, но и малую птаху. Он нехотя покинул место своей засады и скрылся вверху, где сумеречно, оттуда поблескивали зеленым огнем его глаза... Непонятно отчего Яр слегка оробел, словно почувствовав кожей присутствие чего-то неведомого, колдовского, но устыдил себя за малодушие и продолжал с интересом оглядываться. Тут и там видны были клочья жёсткой звериной шерсти... или не звериной? Запах этой шерсти был душноват. Кто прятался здесь в тёмной ночи или при светлом дне, затаясь и выглядывая в «окошки»? Чего ждал? Кого подстерегал?

Малуша заглянула:

- Мой надёжа, ладно ли тебе там?

А Яр продолжал оглядываться, словно примерялся, а не поселиться ли тут. И Устя с Янкой заглянули, говоря:

- Экое укывище!.. Да тут можно жить!

Они старались говорить весело, но видно было, что малый трус ими уже владеет.

Яр вышел из дуба сквозь большой проём, словно через дверь, отступил, запрокинул голову, оглядывая могучую крону и насторожился: ему показалось, что кто-то метнулся там, вверху, по ветвям, прячась в густой листве. Не птица, нет, - слишком велика. Некое подобие человеческой фигуры... с огромной головой и с руками вместо ног. Яр хотел о том сказать спутникам, но промолчал, чтоб не пугать, и поспешил их отвести отсюда. Может быть, некое существо лишь почудилось ему - *побластилось*. Однако же опять жутковато стало.

6.

Пошли дальше, уже с опаской. Яр оглядывался на дуб, в котором только что был гостем, хмурясь от напряжения мысли. Тревога всё ещё не оставляла его: кто гнезвился в укывище, куда он входил? кого не разглядеть было в густой кроне?

Путь им перегородило упавшее дерево, такое же могучее, как и то, которое озадачило Яра. Через него не перешагнуть и не перелезть – только обойти: ствол столь неохватно велик, что возвышался над головами подошедших к нему, а ведь лежал на боку. И ещё два старых дуба лежали вершинами в разные стороны, комлями в одно место.

- Почему так? – опять озадачился Яр.

- Тут было волхвище, - сказала Малуша, оглядываясь. – Молились богам...

Но это ещё ничего не объясняло.

Волхвища, Яр знал, сам бывал на них, имели вовсе иной вид: кумир стоял в том или ином облике... перед ним костёр большой пылал днем и ночью, летом и зимой... сторожа при нём... тропы со всех сторон выложены камнем или дубовыми плахами... многолюдье в особые дни... А тут пусто, ни следочка людского. Почему же здесь всё заброшенно? Или всё-таки это не волхвище, а нечто иное? Если так, то что же?

- Люди прогневали богов, - объяснила Малуша, поймав ход его мыслей. - Перун в великом гневe послал сюда огненную стрелу. Да, то божья кара людям.

- Нет, - возразила Устя. - Давно, когда я была ещё мала, слышала, взрослые говорили вот что: Чернобог, восстав из-под земли, умертвлял людей неисчислимо и складывал мёртвых в одно место, а потом засыпал землёй и посадил деревья... Вот оно, это место, и вот те деревья. Потому так велики, что на мёртвых растут, сосут из них корнями...

Янина ахнула и побледнела, оглядываясь.

- Так, - кивнула Малуша. - Но тогда сам Вышень разгневался: зачем, молвил, губишь людей? Вышень, ратоборствуя с Чернобогом, то ли сам огненный меч опустил, то ли Перуна послал, и тот исполнил его волю. Они одолели, Чернобог удалился во мгленый мир, а место это осталось разорено.

- То было не здесь - в ином месте, - поспешил успокоить их Яр. - Мой князь Родослав Добрынич ходил к тому месту с дружиной, и я был в дружине той. Мы пришли... Там провал и камни потекли, подобно воде, и так застыли. Здесь иное.

- Уйдёте, - позвала робкая Янина.

- Что скажешь, Князь? - спросил Яр, обращаясь к *щену*. - Молви своё мудрое слово.

Но Князь лишь виновато и боязливо поскуливал.

Они стояли перед поверженными дубами, как перед павшими на поле брани воинами-великанами. Лежащие деревья были вовсе не стары - в зрелом, но не дряхлом возрасте. Почему же повергнуты? Яр и его спутницы дивились: сколь велика сила, что повергла их наземь!

- Стрибог их разметал, - сказала Устя.

- Тут было волхвище, - ещё убежденней повторила Малуша, оглядываясь по сторонам. - Но вот уже несколько лет сюда никто не приходит... Почему?

- Страха ради, - предположила Янка.

- Некому приходить, - пояснила Устя. - Мор на Руси.

- Мора не ведали, когда дерева повержены были, - заметил Яр.

- Когда беда, самое время просить Дида-Вышеня о пощаде вот на таком месте, - возразила Малуша. – Следовало принести обильные дары, умиловостили... Но не вижу здесь ни людей, ни их жертвований.

- Потому и ушли, чтоб спастись от божьего гнева.

- Как спасаемся ныне мы, - добавила Устя и поторопила вослед за Янкой. – Отойдёмте отсюда.

- От ярости Перуновой не спасёшься, - сказала Малуша сурово. - Достанет и в подземелье.

Она выглядела сейчас старше их всех. Опять было сказано о ней, что она в женской голове мужеский ум имела.

«Истинно язычники» - пометил тут химический карандаш Кирилла.

7.

Кое-что прояснилось, когда они отошли чуть далее и внимательнее осмотрелись вокруг.

В молодом дубовом подросте можно было различить камни-валуны, высотой человеку по пояс или даже до плеч; они выстроились широким кругом, охватывая три лежавших дуба и одно уцелевшее, в которое Яр заходил, как в дом. А вот в середине четырехугольника, образованного теми дубами, лежал *камень дикой, широк, на четыре углы* и рядом с ним ещё один, отдалённо напоминавший человеческую голову. Тот второй был серого цвета, зернист. Трещина пересекла его как раз по «темени», она была оплавлена: камень как бы вскипел в этом месте. Должно быть, каменная голова стояла некогда на плоском камне, но свергнута была ударом молнии.

- Мой надёжа, здесь Перун опустил свой огненный меч, - уверенно сказала Малуша.

- Тогда от леса этого не осталось бы и пня – только дубовое уголье, - возразил Яр. - Или весь этот холм провалился бы и стал пропастью.

- Значит, только его стрела. И того было довольно.

Щен, словно малое дитя, поскуливал и просился на руки. Яр принял его, посадил себе на плечо

- На голове нет шелома, - определил Яр, осматривая каменную «голову». – В предгрозовые ночи над ним появлялись голубые искры и струились вверх... Я видел такое.

Он обошел вокруг этих камней, продолжая размышлять вслух:

- Небесный огонь поразил кумира как раз в темя... А кем послан был этот огонь, о том догадаться нам не в труд.

- Откуда взялись столь великие камни, и кто расставил их в круг? – спрашивала Янка со страхом. - Раньше на этой земле жили очень сильные люди, они принесли? И кто посадил деревья?

Малуша покачала головой:

- Никто не сажал, они сами пришли сюда и восстали... и так же камни пришли и возлегли, исполняя божью волю. .

- Разве такое может быть, чтоб камни и деревья сами пришли?

- И вода восплает пламенем, когда ей повелят, - сказал Яр.

- Мой надёжа, тут должен быть родник. Непременно должен! Мыслю я, где-то поблизости стрела Перунова вонзилась в землю, и в том месте пробился ключ. Так бывает.

И верно, они отыскиали родник. Отойдя на изрядное расстояние от жертвенных дубов, попали в *ельняк большой, глухой*, потом спустились в неглубокий овраг - тут и оказался родник-студенец. Он был выложен крупными прозрачными камнями – словно это подтаявшие куски льда. Ручеек от него бежал под уклон по таким же *камениям*, только мелким, промывая крупный песочек между ними. А далее за кустами поблёскивала река.

Затейливое журчание ручья было похоже на живой разговор нескольких людей – если стоять за елями и слушать - так! - двое или трое разговаривают вперебой. Даже стоя рядом, трудно было отделаться от впечатления, что это всё-таки людской разговор – голоса женские, вернее девичьи.

Сёстры переглянулись: как, мол, всё это понимать? Малуша более других стала серьёзна и внимательна, она напряженно вслушивалась в говор ручья, даже шевелила губами, словно повторяя то, что слышала. А Яр пожелал испытать холодной водицы и им велел пить без боязни да и умыться с дороги. Малуша же остановила *сестёр*, склонилась над *студенцом* первой и промолвила негромко какие-то слова. Потом легонько помахала над ним рукой, после чего и разрешила:

- Пейте!

- Заговор очищающий? – почти насмешливо поинтересовался Яр.

- Попросила, - строго отвечала ему Малуша. – Не будь так легкомыслен, мой надёжа.

Но в чём именно была её просьба, того не сказала. Небось, снимала некое заклятье, которое тут могло быть наложено на ключевую водицу.

Дальше в этот день уж не пошли, решили переночевать возле источника, хоть неблизкое соседство с волхвищем их немного пугало.

- Не страшитесь, - кратко сказал Яр. – Худа нам тут не будет. .

8.

Пока девы готовили вечернюю трапезу, Яр вернулся к волхвищу и постоял тут, размышляя: дубы посажены в неведомые времена с каким-то важным смыслом, и, если принять во внимание возраст деревьев, замыслу тому строгому, смыслу тому глубокому много-много лет. А располагались они прямыми линиями, пересекаясь на вершине большого холма, где лежали поваленные древа и огромные камни. Наверно, птицам с высоты этот порядок дубов на холме виделся похожим на лучистую звезду. Может, в том и был замысел изначальный?

Яр подумал о том, что давно замечено: на местах битв, над общими захоронениями павших воинов растут особенно могучие деревья. Неужто и здесь, у него под ногами, сложена тьма павших, и корни дубов оплетают ныне их кости? Может, оттого древа столь могучи, что в них перешла сила погибших?

Глядя на этих великанов, подумал он ещё, что у тех, кто посадил их – а ведь они именно посажены! он не мог верить, что они «пришли и встали тут», как утверждает Малуша, - появились потом внуки и правнуки, у которых были свои внуки и свои правнуки!.. а дубки все росли, матерели, сохраняя строй, становясь могучими дубами. Сколько поколений людских сменило друг друга, и все они уместились в жизненный срок только одного древесного колена!

От этого было ощущение времени.

Тут жарко и истово молились богам... приносили им жертвы... устраивались какие-то знаменательные торжества...или праздники единения с теми, кто, возможно, похоронен в холме. Или он тут насыпан над великой общей могилой? То есть было

ровное место, на котором произошла какая-то битва, и вот павших сложили, насыпали холм, посадили дубы, поставили каменного кумира, поклонялись ему и чтили память о павших...

Яр бродил тут, гадая, почему деревья посажены так, а не иначе. Он обошёл вокруг того дуба, в котором почудилось ему давеча что-то живое, метнувшееся вверх по ветвям... внимательно вглядывался в крону. Она же была столь густа, что отчетливо рассмотреть всё никак не удавалось. Но ветерок шумел в листве дуба мирно, успокаивающе. Вот только странное стеснение чувствовал Яр, пока ходил тут. Словно бы некая тяжесть легла ему на плечи, но это не было угнетающей тяжестью - напротив, душа его исполнялась торжественностью, и мысли обретали ясность.

Он вернулся к спутницам своим – они сидели у костра, поджидая его, Яр уловил из их разговора лишь слова Малуши, сказанные по-матерински наставительно:

- *Следует нам изринуть и искоренить от сердца и мысли своя всякую нелюбовь и гордость и кичение и лихорадство и самоугодие.*

9.

Он вернулся к костру, пребывая в особом расположении души своей. Постоял молча, после чего заявил, что до сих пор его спутницы были ему *сёстрами*, но далее *такой порядне не быть*. Они смотрели на него, встревожась.

- Дальше пойдем семьёй, - твердо сказал он. - А кто из вас того не хочет, кто не согласен так... того должно мне проводить до ближнего селения к людям, и там останется.

Девы переглянулись. Кажется, только Устя сразу поняла, что именно он имеет в виду. Впрочем, и Малуша тоже.

Далее он предупредил их, что будет суровым и взыскательным мужем и намерен поступать *овогда ласкою, овогда же грозю*. Чтоб не ошибиться и не корить потом себя или его, они должны теперь ещё раз подумать, после чего уж решить окончательно.

На это они ему сказали, как и несколько дней назад, одна за другою:

- Я пойду с тобой.
- Я согласна.
- И я тоже.

Надо полагать, Яру Вышатичу было важно, чтоб они подтвердили своё согласие теперь, когда немалое время шли вместе и успели присмотреться одна к другой, а болееё всего – к нему.

Вслед за этим он велел им встать вокруг родника, а руками соединиться – шуйца за десницу, десница за шуйцу. Разумеется, он и сам встал в этот круг - с одной стороны Устя, с другой Малуша, а Янка между ними напротив него. Вставши так, они произнесли слова...

Это было обращение людей к божьему созданию – к роднику-студенцу, связующему небо и землю. Последними же словами клятвы или договора было произнесено ясно, всеми вместе, что теперь они принадлежат друг другу, что они стали едины и не оставят один другого в беде, даже если это и сопряжено будет с риском для их жизни. Ещё было сказано девами, что они клянутся сохранять верность своему мужу, обещают ему полную покорность и любовь, а коли нарушат данное слово, то в его воле будет наказать клятвопреступницу вплоть до лишения жизни. Он же сказал им, что если предаст хоть одну из них, если отступится и покинет в беде ли, в болезни ли, пусть молния его поразит, как поразила она дубы жертвенные тут, на волхвище, как расколола и низвергла каменную голову кумира.

В заключение Малуша сказала:

- Вы не знаете, а я знаю... самые верные, самые крепкие слова. Повторяйте за мной. И ты, мой надёжа, вместе с нами.

Это были слова какого-то заклинания, непонятные слова, лишённые смысла, однако прозвучавшие весомо.

Вслед за тем, когда они разомкнули свой круг Малуша отрезала у сестёр своих по пряди волос и от Яровой *володии* тоже, все это перемешала и раскидала в разные стороны вокруг. Каждый из них будет свободен от своей клятвы, если сможет собрать все до единого волоска своего здесь – так они решили.

После этого они стали готовить праздничную трапезу из того припаса, что был у них с собою.

Яр сказал за трапезой той:

- Да будет супружество наше светлым и *не примесным любви сквернаве*.

И потом так:

- Отныне подобает нам любовь держать не лицом, но сердцем.

А свою первую семейную ночь они провели так, как и прежние, не меняя порядка: каждый сам по себе, наособицу, во-

круг живого костра, с четырех его сторон. Справа от Яра – Устя, слева – Малуша, а Янка напротив за костром. Перед сном переговаривались тихо, потом уснули.

А в самую полночь тихо встала одна из жён Яра и тихо пошла на волхвище, к каменному кругу, долго стояла тут... но вдруг увидела ясно человеческую фигуру возле того дуба, что был самым старым, и отступила назад, поспешно вернулась к спящим. А вернувшись, легла, никого не будя, укрылась шубейкой, долго не могла уснуть, чутко ловя каждый звук в лесу. Но было очень тихо. Ни шороха, ни треска, только сонная птица иногда пролетит, посвистывая крыльями.

А кто из дев встал да сходил на жертвенное место и зачем, можно только догадываться.

10.

Наутро они обнаружили, что *щен* Князь исчез. Спихватились, когда уже тронулись в путь. Поискали. Покликали, обошли всё вокруг – нет Князя.

- Он обиделся, - догадалась Малуша. – Вчера мы его не взяли в круг.

Опечалился Яр.

- Он найдётся, мой надёжа, - утешала Малуша. – Поверь моему слову: найдётся.

- Кто-то его похитил, - сказал Яр, хмурясь. – Хорошо, коли добро ему, а не на пагубу.

Поискали ещё. Яр сходил на волхвище, окликал и там – Князь не отзывался... Что было делать! Отправились дальше без Князя.

* * *

Каюсь, я не смог передать то состояние взволнованности, которое владело этими людьми во время «брачной» или «свадебной» церемонии. Сам я словно бы находился в их кругу, вместе с ними, и это не за Яра, а за меня выходили замуж сразу три девы. То есть настолько близко всё это было от меня... Поэтому и был я тоже тронут до глубины души.

Мне жаль, если вы не испытаете хотя бы в малой степени этого чувства! Что ж, то моя вина, а не их и не ваша. Я же тогда понимал, что эти люди относятся к клятвенным словам своим с чрезвычайной серьёзностью, с душевным и сердечным трепетом, с сознанием высокой значительности происходящего, как и

полагается тем, кто женится или выходит замуж. А коли так, то мне радостно было за Яра, он всё больше нравился мне.

Чуть ранее, читая о том, как он ходит по волхвищу, я не сразу понял, чем именно он так озабочен, о чем думает. Но вот последовало это «обручение» у родника - а я знаю тот родник! - и свадебный пир... Вот о чём размышлял он: принимал окончательное и очень важное для себя решение.

Ведь он встретил этих девиц, совершенно ему незнакомых, и они выбрали его себе в мужа, сами пожелали быть с ним рядом. Он их защита и опора, он их «надёжа». Казалось бы: чего же проще! Ответь согласиём да и дело с концом!

Ан, нет. За время пути каждая была ему мила по-своему, и он не мог решить, которая из них ему милее.

Меня очень занимало: кто и что скрепит их союз, если нет церкви, где им обвенчаться, если нет какого-то учреждения, вроде нашего сельсовета, которое узаконило бы его? Да, времена давние, но что с того? Должно же быть и у наших пращуров что-то скрепляющее семейные узы – слово княжеское, суд людской, страх перед божьей карой...

Яр - муж разумный, ему нужна не просто радость одного дня, а удача на всю жизнь. Он хотел каким-то образом скрепить семейный союз. Но не силой и не страхом! Нужно Слово.

И вот Слово произнесено... Они верят, что оно услышано и на небе. Слово скрепило их союз.

Глава восемнадцатая. Сказки.

Ночное жабье кречетанье. Сказание о плавающем острове. Ночная беседа: каковы жёны греческие в любви? Сон Яра. Лесовичок-батюшка. Сон Малуши. Утреннее купание. Я читаю матери о боге Квасуре.

1.

После вечерней трапезы не промедлили, стали укладываться на ночлег – усталость клонила их ко сну. А Яр с топором своим сходил в лес, уже в сумерках отыскал где-то лубу березового, уселся перед костром. Тут упоминалось слово *кочедыг* – некий инструмент для работы, который он наскоро себе изготовил – по нему-то жёны его – теперь уже жёны, так! - сразу догадались, что он хочет плести лапти-скороходы для босой Малуши. Та спросила, удивясь:

- Али ты умеешь?

- Раньше умел, - отозвался он, словно оправдываясь, - а теперь не знаю, смогу ли. Что ж, коли забыл, надо заново учиться. Обучусь - стану вас обувать во всякий день в обновки.

Они переглянулись: хорошо шутит. Или это он всерьёз?

Круг месячный поднялся над лесом низко в золотом ореоле и устремился к *Великому Млековому пути*. Из ближнего болотца с одной стороны да из тинистой *курьи* со стороны другой усиливалось радостное и бодрое лягушиное *кречетанье* - там низкий лог примыкал к речке. И по всему приречью соловьи вперебой и всё громче перекликались. Царило полное безветрие.

- В такую ночь и не уснуть, - молвила Устя, вздохнув, и улыбнулась.

- Жабье *кречетанье* суть словеса есть, - сказала Малуша. – Я *овогда* разумею их, а *овогда* нет.

- О чем они говорят? – любопытствовал Яр, не прерывая работы своей.

- Стыдно слушать, - смутилась Малуша. – Все *про любовь телесну*.

Устя с Янкой засмеялись.

- О том и я догадался, - возразил Яр. – И птахи щебечут о том же, и всякая живность в траве.

- Будь всегда догадлив, надёжа наш, - сказала на это Устя.

И опять засмеялись его жёны. Они, лежа, следили за его работой и перешёптывались меж собой.

Не только соловьи да жабы кричали в ночи, ещё и *комарие свиряху*.

- Ложись почивать, надёжа наш, - пожалела Яра Малуша. – Я завтра и боса пойду. Али раньше не хаживала? Случалось, и по снегу.

Он покачал головой, подбросил в костёр дровяных полен и продолжал работу. Отсветы костра играли на его лице, а лицо, как сказано, было *вельми лепо*.

2.

- Поведай сказку, Малуша, - попросила сонным голосом Устя. – Ту, что мне рассказывала, когда мы с тобой в берлоге под берегом сидели. А теперь для всех.

Малушу долго уговаривать не пришлось, она тотчас начала особенным, сказовым распевом:

*На море великом есть остров леп,
Не велик и не мал, а чуден вельми.
По воде не обплыть, по суху не обойти.
Посредине его да гора каменна.
А по бокам той горы дубы стоят,
Те дубы-богатыри всё столетние.
Гуляют в дубравах лани белорогие,
Лани белобокие да волоокие.
И стоит среди дубов терем высок.
Кровельки шатровые, ставни резные,
На четыре стороны четыре крыльца,
От тех крылец – четыре пути
Золотым песком усыпаны,
Драгими камнями устланы.
Каждая дорога прямо-прямо ведёт
На берег морской да к причалам каменным
Ветер подует на остров тот
В вековые дубы да во стены терема.
Дунет ветер в них, как в туги паруса,
И плывет остров по морским волнам,
По-над безднами окиян-моря.*

- Вот, мой надёжа, наш остров к весне прибило, - молвила Малуша, прервав свое сказание. - Вишь, как черёмухой пахнет и ручей журчит, и птицы поют. Разве не о нас сказка моя?

И она продолжала напевно:

*На вершине горы орлы гнёзда вьют,
В вековых дубах – соколы да кречеты.
А в кустах поют птицы сладкогласые,
И ручьи бегут с горы в окиян-море,
В них играют рыбы в золотой чешуе...
А внутри той горы пещеры глубокие.
А в пещерах лежат измарагды да яхонты,
Лежат они вроссыпь, как речной песок,
И горят, словно звезды в небесах,
Оттого в пещерах тех ясный свет горит.
Плывёт остров, как большой корабль,
Через море - к летнему ли, к зимнему ли берегу,
А меж летом и зимой - к весне или осени.*

*Причалит он к берегу зимнему –
Падёт белый снег да ударит мороз.
А причалит к берегу весеннему –
Цветы расцветут и птицы воспоют...*

Остановилась Малуша, задумалась.

- Дальше сказывай, – попросили её уже сонными голосами Устя и Янина.

- Про что? – будто не зная, спросила Малуша.

- Там царевна из терема выходит, - подсказала Устя.

Малуша продолжала... Как царевна-королевна выходила на красное крыльцо терема, поднимала свои белые руки, заведя дальний берег, звала... Всякий раз надеялась она, что увидит, наконец, своего храброго князя-витязя, отправившегося в дальний поход. А раньше-то они говорили друг другу милые сердцу речи, клялись не расставаться да вот расстались в тоске и печали...

Под её сказ уснули Устя с Янкой. Остались бодрствовать двое. Кажется, именно того и хотелось Малуше.

3.

А Яру невольно подумалось об острове посреди моря... вспомнилась та пещера на высокой горе... мраморная богиня, а рядом с нею живая...

- Как зовут-величают царевну да её сердечного друга? – спросил он.

- У них нет имен.

- Люди есть, а имен им нет?

- То иносказание... понимай, знай.

- Растолкуй, тогда пойму.

- Ах, я сама того не разгадаю, - слукавила Малуша. – Эту сказку мне бабушка Ясуня пела, и было то будто бы совсем недавно, словно бы третьего дня.

Тут Малуша вздохнула, взгрустнулось ей, даже смахнула слезу.

- Говорила она, что видит, как встретился с некоей прекрасной девой муж добр, густобрад, и зерк, и долголик, и доброгласен....

При этом она улыbnулась так, что Яр смутился. Что-то не получалось и с лаптем, потому досадовал, хмурился, однако

один лапоток уже народился у него в руках. Яр принялся за второй.

- Расскажи, как ходил в греки, - попросила Малуша. - Там, говорил ты, много островов.

- Много видел, да мало знал, - отозвался он, думая о своём..

- Красна ли земля та?

- Куда как красна! Горы высокие... *облацы легаху* на глвах горных... реки падают с высоты прямо в море... Издали смотреть – куда как *лепо*. Грады многолюдны, дома в них каменны...

- В каменных жить холодно, - рассудила Малуша.

На это Яр возразил:

- Не знают греки ни снега, ни льда. *Листове с дерев не опадают*, летние птицы тех мест не покидают...

Малуша объяснила ему:

- Греческие острова причалены к летнему берегу земли и привязаны накрепко, потому у них зимы не бывает.

- Вызревают там плоды, каковых у нас на Руси нет, - продолжал Яр, – лимоны и *наранжи*, и масличных деревьев много, и *помаранцы*, и *магдалы*...

- А *магдал* есть плод древесный или травный?

- Подобен ореху нашему, но не кругл и не гладок...

Он отвечал не спеша, согласно с занятием своим. Малуша словно бы складывала всё услышанное куда-то в себя – такое было у неё выражение лица. Он же просто вспоминал... Говорил о плодах земных, а в памяти вставали лица... а чаще один лик, милый ему, только почему-то похож был на лик гордой да своей нравной Липицы...

- А люди там каковы? – спросила Малуша после молчания.

- Мир велик, людей разных много: крепкодушны и слабодушны, лукавы и правдивы, добры и злы, коварны да хитры. Хорошо, когда по своей воле живут, и худо, когда в неволе. Добро то, когда каждый на своем месте, и не на чужом.

И опять молчали, слушали гомон соловьиный да *жабье кречетанье*. Ночная птица непонятного облика иногда пролетала над ними неслышно, как тень. Луна, кругла и ясна, сияла так, что лапти плести можно было и не у костра сидя: светло. Ночные бабочки прилетали на огонь и кружились вокруг.

- Скажи, каковы они обликом, греки?

- Они суть те же русичи, - отвечал он после молчания.

- Сказывали: жёнки греческие ходят, не закрываясь, груди голы.

- Того не видел. Женки греческие голубоглазы, светловолосы, станом стройны, гибки.

- А мужи?

- Мужи разумом быстры, в работе проворны, в бою отважны и стойки...

- А жёны греческие каковы в любви? – вдруг сквозь сон спросила Устя.

Малуша засмеялась: спала, мол, сестрица, а как услышала про любовь, сразу пробудилась.

- Спи, - сказал ей Яр.

- Ты гречанок знал, расскажи.

- Любовь – не плетение лаптей, о ней говорить не пристало.

- Про телесну нельзя, а про душевну можно, - возразила Устя. - Про душевну и песни поют, и сказки сказывают.

На это он ей не возразил.

- Про любовь душевну читала я, - сказала Малуша. – У бабушки моей Ясуни на осиновых лемешках да латках... были выжжены письма – много!.. гвоздок железный накаливали и писали, потом вощили, чтоб сохранней.

- Ты видела то? – заинтересовался Яр.

- Бабушка и сама писала, но другое: заговоры да травные хитрости - для памяти...А на осиновых тех *лемешках* она только читала да плакала. *Лемешков* да латок было четыре десятка и ещё четыре, они нанизаны на скрепе льняной, чтоб без перемешки. Бабушка прятала их, но я перехитрила её и читала. Тоже плакала, *потому как зело душевно и лепо..*

- Расскажи, что там, на латках тех? - попросила Устя.

- Потом расскажу.

Малуша была недовольная тем, что Устя вмешалась в её разговор с Яром.

- *А како лепо древо палмовое?* – спросила она у него

- *Палма* есть древо хоть и дивное, но нелепое, - сказал он кратко, а потом добавил. – А лепы наши берёза да ель, дуб могучий да сосна красная. Ты приглядишься к ним, можно ли чему быть краше?

- А верно ли, что там в *рецах животна есть*: до пупа муж или жена, а от пупа птица?

- Может, и водятся таковы, да не видел, - усмехнулся Яр. – Однако знаю: *изыдоша крокодили лютии зверии из реки, и пути затвориша, людей много поедоша.*

- Там, за Великим морем, живет змей огненный, зовомый *драгонт*, - уверенно заявила Устя.

- *Драгонты* и у нас тут бывают, - вздохнула Малуша, размышляя о своём. – Может, прилетают оттуда к нам.

- Самый страшный *драгонт* – это человек, людь, - сказал Яр, подумав. - И свиреп, и нежалостлив, и неотступен во зле и в мести, и коварен, и хитроумен.

- Но он же и самый милостивый, самый добрый, - возразила Малуша.

- Так, - согласился он.

Малуша опять словно бы положила сказанное им куда-то в себя – по выражению на лице её судя. Через малое время Устя уже крепко спала. Что же до Янки, то она и не просыпалась.

- Тебе, мой надёжа, не следует лапти плести, то не к лицу мужу, - сказала Малуша, наблюдая за его работой. – К твоей руке топор да секира, а не *кочедыг*. Сама буду плести или вдвоём с Устей завтра сладим. Ложись спать-почивать...

- Мужу любое дело к лицу, - возразил он строго, как давеча Устинье о любви.

Уж полночь миновала, а Яр всё ещё сидел у костра. Ему хотелось закончить начатую работу, и он закончил её – два лаптя, как раз по Малушиной ноге, положил у изголовья. Малуша не проснулась.

А он встал, отошел от костра и долго стоял недвижим, глядя и слушая. Когда вернулся, Устя приподнялась на ложе, сонная, позвала тихонько:

- Зябко будет одному... Приди ко мне.

Он посмотрел на спящих, покачал головой, бровями двинул: нельзя того.

- Спи, - приказал.

Она улыбнулась и отвернулась от него – спать.

4.

Здесь, на опушке леса, и внизу, вдоль ручья, где буйно цвела черемуха, соловьёв было неисчислимое множество; они перекликались из края в край видимого и невидимого ночного мира; казалось Яру, что сейчас вся Земля Русская от моря и до моря полна соловьиным щёлканьем, пересвистами, трелями.

Один так и вовсе высвистывал рядом, в соседнем кусту – протяни руку, и схватишь. А уж на что сторожкая птица! Слышно, как дрожит и трепещёт крохотная душа её от восторга и счастья.

- Соловушка, - вздохнула Малуша во сне и повернулась на другой бок, выговорив ясно. - Ласка день начинается, а соловей ночь кончает.

Яр обернулся и долго смотрел на спящих – их лица иногда выхватывали из тьмы отсветы костра. Янка улыбалась во сне, а спала она, свернувшись, как зверёк. Устинья лежала по-богатырски на спине, закинув обе руки за голову, бесстыдно выставив из-под шубейки свои полные, крепкие ноги - ни соловьи, ни комары, ни жабы, ни водяные с лешими не могли беспокоить её. Малуша, казалось, не дышала, словно умерла, но когда комар сел ей на чело, она, не просыпаясь, прихлопнула злодея вялым движением руки.

Яр усмехнулся, поправил брёвнышки в костре и улегся на ложе своё. Кажется, впервые после долгого-долгого времени он почувствовал себя счастливым.

- *Возлег на многомягце постели*, - сказал он себе, уминаясь на ворохе лапника. – Постель мягка... не твердая лава.

Никто ему не отозвался, – сон всецело овладел его жёнами.

Ночью просыпался Яр не раз. Проснувшись, пододвигал к огню брёвна - искры уносились вверх и там становились звездами. Янина приподняла голову с изголовья:

- Кто-то кашляет там.

Она указала рукой в чащу лесную.

- *Побластилось* тебе во сне, - сказал юной деве Яр. – Не думай о том... соловья слушай, он для нас старается.

- Нет, - возразила она. – Не для нас он старается – для соловушки своей.

Но ему и самому слышалось, что кто-то кашлянул совсем неподалёку, совсем как *людь*, и треснула ветка – не под ногой ли у кого-то? Через малое время опять кашель и негромкий треск.

«Лесовик ходит, - подумал Яр, отнюдь не тревожась: у лешего свои заботы, у людей - свои. – Может, впервые в его лес люди явились, вот и беспокоится...»

И Малуша слышала эти звуки, привычно прошептала впросонках:

- Лесовичок-батюшка, не тревожься, мы завтра уйдем. Спи себе...

Яр лежал на спине, глядел в небо. Уже предутренний ветерок пробудился. Чуть колыхались ветки ближних деревьев, осина трепетала листвой... облако плыло по листьям осиновым и по веткам деревьев... или то вся земля плыла мимо облаков, под ними.

«Всё в движении, - думал Яр, охваченный особенным состоянием, когда хочется думать о чём-то значительном. – И солнце, и луна... и небо со звездами, и ветер, и птицы летающие... и воды текущие, и рыбы, в них плавающие... восходят камни из глубы земной и возрастают, как трава, или утопают опять... а там текут водные потоки, пласты земли смещаются... Всё в движении! В подземных потоках плавают ледяные рыбы, и в земле роют норы холодные черви... И сами мы – сквозь нас проходит вода, которую пьём, и воздух, которым дышим... кровь бежит по нашим жилам неостановимо... И мы ходим, дышим, говорим, промышляем о *естве*... Всё движется! А остановиться не может. Остановится – это и будет смерть».

- Мой надёжа, - тихо окликнула его сонная Малуша, - ты сейчас подумал.... Не думай о том.

Она каким-то образом угадала не все течение его мыслей, а последнеё, ключевое слово – смерть. И тотчас: «Не думай о том...».

5.

Приснился Яру сон нелепый...

Какой-то город весь каменный, залитый солнцем, жаркий... В гавани корабли и у пристани корабли, пахнет смолой от бортов, рыбой от воды... знойно... Голые по пояс люди что-то носят туда и сюда в тюках и корзинах, толкают его, Яра, стоящего праздно, кричат гневно: посторонись! А он пробирается с некоей заботой, не разумея, куда попал и как выбраться из толчеи. Торг на его пути, а на торгу в одном ряду продают корзины с винными ягодами и желтые тыквы... в другом - рыбу... в третьем яркие ткани, кованую железную да медную утварь... в четвёртом - живых баранов и ослов, и коней... и только что привезенных на корабле рабынь – они стоят тесной толпой, боязливые, испуганные, без одежд, только по куску полотна на чреслах, руками закрывают груди, волосы распущены по плечам. Стоят, опустив глаза и словно окаменев от великого стыда, некоторые плачут.

Суровые стражи выводят их одну за другой на возвышение, заставляют повернуться несколько раз, и купцы из толпы

выкрикивают цену. Громкий говор вокруг, смех. Среди покупающих Яр видит знакомые лица: почему-то здесь и дед его Гордыня, и Нечуй - муж мудрый, и братья Яра – Добровит да Сторонька, и тот воин отважный по имени Атман, с которым бежали из неволи, и грек Лисандр, у которого жил, и купец из града Меры, что в Ликий, Скорпий его имя, и тот добрый молодец с рассеченным ухом и без мизинного пальца, который увел из общего круга на берегу Оцы Радиму... и *лытатели по градам и весям*. Почему-то Шестак со Злбкой одеты богато, весело скалят зубы, потряхивают кошельми как бы с золотом, словно они купцы знатные, а не шпыни безродные.

Вот вывели на помост красавицу с льняными волосами, и тотчас бородатый ассириец из первого ряда вскидывает руку, выкрикивает цену, его перебивают новой ценой, но он увеличивает свою... и уводит её с собой под гогот толпы. То же происходит и со второй, и с третьей...

Вот выволакивают за руки ещё одну, она сопротивляется, а это оказывается...Устя. Кто-то столь же бородатый самого свирепого вида бросает на помост кошель с монетами: он хочет владеть ею и уводит Устинью. Яр хватается за пояс – ни кошель, ни меча, нет даже ножа засапожного. А на помосте уже заплаканная Янка... и Малуша ждёт своей очереди в толпе рабынь...

Чувствуя своё бессилие и вину за происходящее, – его девы оказались в неволе! - Яр протискивается ближе к помосту, чтобы как-то помешать торгу. Но поздно, уводят и Янку, и Малушу. А на помост выталкивают... Липицу! Тотчас вскидываются вверх несколько рук, каждый выкрикивает цену выше и выше... В общей кутерьме Яр расталкивает ближних, но не может протиснуться. Между тем хитрый и коварный Злбка Скосырь выкликает самую высокую цену и забирает себе красавицу. Шестак Малыга что-то кричит в злобе – наверно, его обокрал Злбка, вот что. И уж самого Шестака выводят на помост, раздевают, чтоб видели все, какой это сильный раб, чтоб цену за него дали более других...

Пробудившись, Яр подивился: что за глупый сон! Он чувствовал великое облегчение оттого, что всё это оказалось ночными неверными видениями. Нет никакого города каменного - лес вокруг, родной ему лес: не кипарисы и не пальмы, не масличное дерево, а ель да сосна, берёза да ива над ручьём. И никто не продает его дев, они рядом...

Уже светало. Лёгкий туман поднимался с логовины, перетекал на лесную поляну... или это был дым от костра, ветром не унесённый? Птицы просыпались, перекликались. Яр лежал, глядя на гаснущие звезды, душа его полна была благодарным чувством. С этим он незаметно опять уснул, и спал уже без сновидений.

6.

А жёны его пробудились, когда он ещё спал. Должно быть, ночь была такова – все видели сны.

- Приснилось мне, - тихонько рассказывала Малуша, - будто на берегу шла я и набрела: сидит в траве в гнездышке птичка-невеличка, сама серенька, горлышко беленько, на голове хохолок пёстрый... Вспорхнула она, а в гнезде у неё не яички, что высиживаются, а яхонтцы да лалики... Взяла я их в руки – они тёпленьки, кругленьки и так на солнышке играют, так играют! И гладеньки – руке моей ласкание. Что делать? Оставить не могу – это ж камушки, не яички, а взять себе не можно – не моё. Птаха та надо мной порхает, порхает, плачет... и я уж будто бы слышу тонко-тонко писклята в лаликах да яхонтцах на руке моей голосишки подают. Дивилась я безмерно... Тут и пробудилась.

- То добрый сон, - решительно сказала Устя. – Жди хороших вестей от своих птах.

- А мне приснилось, - заговорила Янка, - будто сижу на поляне и выходит ко мне из леса *волочуга старый, брадатый*... испугалась я, а он простерши *левицу* свою да и *ять мя за десную руку*... Закричать хотела, ан вижу: вовсе не *волочуга* и вовсе не стар, молод совсем и наряден, будто князь – у пояса набедренник тафтяной *черевчатый*, на плечах *ласица* красная... и говорит что-то тако душевно, тако нежно. А я проснулась. Зачем проснулась! Пусть бы говорил.

- Лакома овца к соли, а коза к воли, - заметила Малуша.

- То леший к тебе ластился, а не добрый молодец, - сказала Устя Янке.

- Нет! – пылко возразила Янка. – Я видела ясно: у него взор был такой... любовный. И голосом чаровал. Он любил меня!

- Не вырасти траве выше леса!

Что Устя имела в виду? Ей немного в досаду была юность Янки.

- Ты таки видения гони прочь, - посоветовала Малуша самой младшей наставительно. - Те говоримые слова – ядовитое и *душевредительное ласкание*.

- Мы в снах своих не вольны, - возразила Янка строптиво. – Пока спим – кто-то владеет нашими душами по своему хотению.

- Чего нет во снах, того не будет и в яви. Кто-то хочет тебя остеречь.

Пошептавшись, девы ушли к ручью для утренних омовений. Ушли неслышно.

Яр проснулся - на ложах возле костра и вокруг никого не было. Нет, он не обеспокоился, потому что голоса доносились из-за кустов в низинке.

Он поднялся, подошёл и встал над обрывом, глядя на румяное (не со сна ли?) светило. Загляделся: оно озаряло облачный град из дворцов и крепостных стен... Этот град по-над окоёмом с десной стороны от солнца – не он ли приснился Яру ночью? А по другую сторону от солнца на краю небосклона курилась гора... над нею как бы белая птица летела, раскинув крылья... Яр хотел окликнуть купальщиц: гляньте, мол, на небо. Но уж и град, и гора потеряли свои очертания, и птица белая растаяла, словно снег, в солнечных лучах. Вместо них возрас-тали на глазах сады из круглооблых деревьев...

Яр стоял, глядя на утреннее чистое небо, слушал соловьиные трели, щебет малых птах, чарующий смех и разговор внизу, и плеск воды. Опять Устинья сказала по какому-то поводу:

- Не вырасти траве выше леса.

Отступил в сторону - в просвете меж кустами увидел её совершенно нагую, стоявшую на закраине омута, - она умывалась, плеская себе и на лицо, и на грудь, и на живот.

- Тебе, Устинья, деток пора рожать, - Малуша брызгала на неё холодной водицей. - Вон грудь у тебя какая – двойню выкормишь! Непременно роди сразу двоих.

- Я много нарожу, – пообещала Устя.

- Вся ты – истинно как яблочко румяно, - не унималась Малуша, – цвет маковый: того и гляди осыплются *лепесты*. Ох, переспело яблочко! Хоть медведю тебя, а замуж надо отдавать, не годя ни дня. В тебе, Устинья, сердечный огонь горит, он тебя греет.

- Или тебя не греет сердечный-то огонь?

- Что сравнивать! Во мне лишь грудочек-теплинка, то ли воспыхает, то ли погаснет.

- Верить ли тому?
- Истинно говорю.
- А холодна ли вода? – спросила Янка, *разболокаясь*.
- Видишь, пар поднимается? Водица - словно молочко только что надоевшее.

- Ой, холодна! – повизгивала Янка, трогая воду ногой. – Ой, боюсь! Не верховая тут вода, а подземная, из родников.

Она теперь тоже была нага и рядом с Устей - тонка в поясе, но груди крупны и чресла округлы, так что Яр удивился.

- Не страшись, сестрица! – уговаривала её Устя. – Утренняя вода все тяготы телесны снимает.

Янка вступила в воду, повизгивая от страха, но вдруг отважно кинулась в омут, поплыла. И Устя охнула, словно неволей упала следом за нею, подняв брызги и плески водные. А вода была так чиста и прозрачна, что с обрыва видно было их обеих.

7.

Яр смутился: нехорошо подглядывать да подслушивать - и вернулся к месту ночлега. Костёр едва дымил, подброшенный *дровяной нащеп* огонь принял радостно, затрещал бодро. Яр добыл *котлец* медный – кашу варить. *Котлец*, подаренный ему Лисандром, который приснился нынче ночью, - с тиснением, по краю письма гребешковые; Яр берёт его – то была память; сам умрёт – память останется.

А вот когда крупу для каши доставал из сумы, оттуда бойко выскочила мышь и побежала прочь. Это была здешняя мышка, а не принесенная; небось, забралась в суму ночью, попировала всласть. А там, куда побежала она, в кусту, зашевелилось что-то. Яр раздвинул ветки – увидел зверя колючего. Ёж бесстрашно подбежал к его ногам, но тотчас свернулся в клубок, едва его тронули.

За утренней трапезой Янина опять спрашивала *надёжу* о море: не страшно ли плавать по нему на корабле, если вовсе не видно берегов.

- Не страшней, чем в нашем лесу, - отвечал Яр.
- А небось там плавают *коркодилы* страшные да *драконы*?

- Они не страшней наших волков да медведей да леших. Но я, как по первости к морю пришед, дивился много: ино море по обычаю стоит лазорево, волны ласковы, а уж коли сердито – станет чёрным, и волны рушат камни на берегу. В добрую пору

вода чиста, рыбы плавающие видны... вот как вас давеча, когда вы плавали.

Жёны его засмеялись, поняв, что он видел их. Но не рассердились: не чужой человек.

- Иные рыбы столь велики - будто лодии, зубы у них каменны и остры, как мой топор. Они могутны и нападают даже на большие корабли, порушат борта, крушат днища.

Янка заморгала глазами со страхом, округляя глаза:

- И ты таких видел?

- Говорили мне... А видел я в море том рыбу с крылами кожаными, летает, как нетопырь, ино брякнется прямо в *лодию* по своей охоте или по глупости, или по дерзости.

Он рассказывал далее, как велик морской корабль, как ставят парус на нём, и ветер несёт его туда, куда надо. А коли попутного ветра нет – махай веслами. Там он сидел, прикованный железной цепью, не день и не два, а много дней.

- Трижды тонул, - сказал Яр, вздохнув. – Один раз возле берега... било меня о камни волной, не мог выбраться. Во второй раз – выбросили за борт, думая, что мёртв. А я просто очумел от жары, да в воде омылся, опять подняли на лодию. В третий раз тонул в реке. Про то говорить не стану.

А ёж между тем ползал вокруг них и недовольно фыркал.

- Может, ты и не ёж? – спрашивала у него Янка. – Признайся, кто тебя послал? Малуша, спроси ты, тебе скажет.

Ежу был поднесен дар самым почтительным образом: мясо вяленое, горстка зёрен - и отнесли его за куст, чтоб не мешал беседе.

* * *

В короткие зимние дни тьма густилась по углам нашей избы, а в долгие зимние вечера подступала ко мне со всех сторон. Когда матери не было дома, я сидел обычно на голбце, прижавшись спиной к тёплому боку печи, поставив на её плечо керосиновую коптилку.

От колеблющегося язычка пламени в лампе моей, похожей на лампаду, живые тени пугливо двигались по стене – пространство избы казалось живым, населённым, и я не чувствовал своего одиночества. Мышь скреблась под полом, настораживая угревшуюся, дремлющую кошку; сверчок старательно свиристел в подпечке; тараканы шелестели в тёмном углу; а в трубе, конечно же, пошумливал или завывал ветер, смотря по погоде, - всё

это странным образом соответствовало тому миру, что в моей книге: как она была густо заселена разнообразной живностью, так и наша изба.

Когда же я растапливал железную печку, возле неё читать было и вовсе хорошо. Отсвет пламени подрагивал на странице, иногда уголек вылетал из печи подобно раскаленному ядру – я был настороже и охранял свою книгу, как зеницу ока.

Я... жил в ней! Воображение моё разыгрывалось. Безмолвные тени проступали и мгновенно исчезали на стенах, шёпоты и шорохи чудились вокруг... Я уже привычно различал в темноте под лавкой или под печью некое шевеление и неопределенные очертания чьей-то фигуры – разумеется, там домовой! – доносился едва слышимый шепоток тараканьей дружины и хлопотливое попискивание мышей, чья хитроватая наглость озадачивала нашу кошку.

Когда мать возвращалась домой, мы ужинали, после чего она садилась щипать шерсть или прясть нитки из льняной кудели, а я опять брал в руки книгу, иногда пересказывал матери прочитанное.

Однажды я рассказал ей о каком-то Квасуре, столь мудром, что его убили именно за то, что мудр.

- Кто убил? – спрашивала мать с испугом.

- Какие-то *карлы*... Так написано. Они слили его кровь в чаши, смешали с мёдом, и всякий, кто это пил, становился умнее...

- Разве можно пить человеческую кровь? – мать в ужасе смотрела на меня.

- При этом они, карлы, радовались, ликовали, плясали и пели. Наверно, опьянели, как от вина.

Мать была озадачена и, подумав, сказала:

- Ты этому не верь, сынок. Кровь человеческую не пьют.

Сама она во всей книге прочла только тот листок, на котором молитва *«Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бесмертный, помилуй нас»*, записанная неким Кириллом, и заклятье, наложенное им: *«Сию книгу надобно сжечь, а пепел развеять...»*.

- Это не батюшка ли написал, который служил в нашей церкви? – сказала она в раздумье.

Церковь была не у нас в деревне, а в соседнем селе, но её называли «наша».

- Молодой такой, но строгий, взыскательный. Это было ещё перед войной, его в пески сослали.

- Чем он провинился?

- Очень уж верующий был и неуступчив, непокорлив. А кто не гнётся, того ломают. Церковь нашу после того закрыли, стала она вместо склада: льняную голову туда сыпали или рожь.

- Бог разгневается – насылает на людей моровую болезнь, - соображал я вслух. – Власти разневаются – угоняют в пески. И те, и другие карают. Куда бедному человеку податься? Как спастись?

- Поговаривали, что погубили там его, батюшку-то Кирилла, - шёпотом добавила мать. – Наверно, расстреляли.

- Слили кровь в чашу и выпили?

- А ты не болтай языком-то что ни попадя! - пристрожила она меня. – Не скажи этак-то при посторонних. Помалкивай знай!

Вот после этого разговора и пропала книга в первый раз. Я обыскал весь дом... и нашел своё сокровище в сенях спрятанным (или спрятавшимся?) в льняную кудель, ещё не трёпаную, под лестницей на чердак.

- Эта книга опасная, - сказала мать. – Не накликать бы нам беды на себя.

Но я так горячо возражал, что мать отступилась со словами:

- Ладно. Только никому не говори о ней, а то, не дай Бог...

- Ушлют в пески?

- Избави, Господи!

И я сделал под лавкой тайник: прибил две дощечки – образовалась ниша как раз по размеру книги. Если кто-то из соседей приходил к нам, я проворно прятал её туда.

Глава девятнадцатая. Братчина.

Шестак Малыга на выморочном судне. Злобка стал беглецом. Выродок на крыльях. Пир Полевого, Водяного и Лешего. Песни нечистиков. Повинная Злобки. Кто извлёк из глубины веков этих людей?

1.

Вернувшись к выморочному судну – теперь это было его судно! – Шестак Малыга зорко и жадно осмотрелся тут. Может, и хорошо, что утёк Злобка Скосырь. Зачем лишние завистливые

глаза, тем более глаза хитрого Хоря. От него только и жди предательства да иной пакости!

Другое беспокоило Шестака Малыгу: не вернулись бы к покинутому стругу его истинные хозяева? Он лихорадочно соображал: если кто-то и ушёл отсюда, спасая живот свой, то и он вряд ли уцелел, потому как унёс на себе зловредных *бесей*, а уж они своё дело знают. Небось, недалеко ушёл, а возлёт по моровой своей немочи где-нибудь в логу, в лесной чаще, диких зарослях да и помер. Небось, уж звери растащили его кости в разные стороны. Только бы не успел что-нибудь рассказать кому-либо!

Вид мёртвых не шибко-то пугал Шестака Малыгу, он ранее привык к виду умерших людей, но дух от них нехорош – дух этот заполнял пространство над заводью, окаймлённой кустами, а ветра тут не было. Хотелось вовсе не дышать, а поскорее удалиться отсюда. Но Шестах только усмехнулся от этой мысли.

- Мёртвые смиренны, - говаривал он ещё в ту пору, когда возил их из некоего селения в *скорбное место* и сваливал с повозки в общую яму. – Бояться следует живых, а не этих.

Прежде всего он взошёл на судно и сбросил лежавших там мертвяков в воду. Он делал это с содроганьем и старался не смотреть на них, чтоб не снились потом. Сошёл на берег к шалашу, храбро тронул крайнего мёртвого ногой и сказал, чтоб самого себя ободрить:

- Я тебя не страшусь.

Мёртвый ему не ответил. Этот был одет богато и лежал на шубе лисьей. Шестак соблазнился было его зелёным кафтаном с расшитым воротом, но не смог одолеть отвращения – мертвец был толст, ликом чёрен и весь подплыл...

- Ты был купец-молодец, а стал мертвец. Теперь я стану купцом-молодцом.

Сказавши так, детина принялся за работу: тащить мёртвых к реке ему не хотелось - он навалил и на них, и на шалаш много сухого древостоя и хворосту, высек огонь, поджёг сухое быльё. При этом до крови разбил огнем палец руки, державшей кусок кремня, отчего *ругахуся непотребно*. Развёл большой костёр - это чтоб уж наверняка мертвецы не ожили и не встали, и не отняли у него своё добро. Когда пламя взметнулось высоко, Шестак с непонятным и самому себе остервенением всё таскал и таскал в этот костер сухие деревья и бросал в огонь. Иногда ему казалось, что мертвецы все-таки ожили, что они ворочаются там, в огне. Но от костра исходил торжествующий шум - по это-

му шуму детина понял, что верно исполняет волю своего покровителя Люта. Поднявшийся вихрь уносил вверх и дым, и дурной дух.

Наконец, Шестак обратился к судну.

Затащил сходни на борт, длинным шестом стал отпихиваться от берега. Ему никак не удавалось отчалить. *Пехальный* шест того и гляди переломится. Малыга спрыгнул в воду, не считаясь с тем, что замочит порты, уперся в борт плечом, ногами в вязкое дно... и вдруг увидел рядом с собой плавающего мертвеца со страшными глазницами и с открытым, словно кричащим, ртом. А рядом второго... Детина дико вскрикнул, отчаянным усилием сдвинул судно и сумел взобраться на борт.

Струг, покачиваясь, медленно выплывал из заводи. Но мёртвые странным образом устремились следом за ним. Шестак тем же *пехальным шестом* оттолкнул одного и второго, они отстали, скрылись в глуби. Он облегчённо перевёл дух и едва удержался, чтобы не закричать торжествуяще: «О-го-го!», но лишь тихо повторил сам для себя, то есть для собственного ободрения:

- Теперь я купец, а не вы!

Течение реки приняло судно, берега медленно поплыли мимо. Шестак Малыга оглядывался вокруг: не видит ли кто, не подстерегает ли. Его более всего беспокоило: не повстречались бы люди, потому с особенным вниманием смотрел на открывшийся речной плёс впереди .

Он вставил два весла в уключины, по одному на оба борта, и греб попеременно, то одним, то другим. Надо бы поставить парус, ветер тому попутный, но он этого не умел делать. Теперь не *пехальный шест*, а вёсла того и гляди переломятся от его отчаянных усилий – всё-таки он был очень силен, этот детина. Однако же опасливо оглядывался на отдалявшееся место, где дымил большой костёр, посматривал и за корму: не плывут ли следом утопые... нет, не плывут!

Оглядывался нетерпеливо и на крытые помещения струга, словно оттуда вот-вот мог оттуда выйти хозяин и сказать грозным голосом:

- Что ты тут делаешь, тать? Вяжи его, молодцы!

«Нет никого! – успокаивал себя детина, и торжествующая улыбка не сходила с его лица. – И молодцев нет. Теперь я хозяин!»

Он ещё более ободрился. Струг плыл не по воле гребца, а по течению, не быстро, однако же плыл! И всё было спокойно

вокруг. Заразное место уже скрылось из вида, оно было в отдалении, но дым над ним ещё поднимался к небу, словно вихрь смерти. Подальше, подальше от него! Лишь бы теперь не встретился кто-нибудь на реке - остановят: куда плывешь? почему один на струге? чьё добро присвоил, тать?...

На повороте речном судно прибило течением к берегу. Малыга отталкивался *пехальным шестом*, лицо его багровело от усилий. Опять вышел на стрежень. Плыть бы и плыть этак, грести и грести, но не давало покоя нетерпение узнать, что же там ещё, в рундуке да в ларе, да в плетёных корзинах, да в рогожных тюках? Но уж и того довольно, что видел он! А ведь что-то есть ещё... Он едва мог удержать себя: хотелось причалить, перевести дух, осмотреть всё... Но надо уплыть подальше, подальше, уж где-нибудь в тайном месте, без помех заняться осмотром того, чем теперь овладел столь неожиданно.

А неожиданно ли? Разве не заслужил он этот щедрый дар, претерпев столько невзгод: и сиротство своё, и скитальчество, и болезнь смертную, и нападение лютого медведя, и жестокий удар камнем? До сих пор у него ещё не зарубцевалась Рана от камня Ярова на челе. Конечно, он заслужил свою удачу.

Так размышлял он по пути.

2.

А Злобка Скосырь так рассчитал, что освирепевший детина будет непременно преследовать его по берегу. Лодейца-набоиница, в которой он плыл, была тяжеловата в ходу, то и дело норовила опрокинуться и не могла плыть так же скоро, как мог бежать человек по берегу.

«Перехватит, - лихорадочно соображал Злобка. – Вон там, на повороте, переймёт... настигнет стрелой!»

Он не давал себе отдыха, грёб и грёб, бурлил воду веслом, досадуя, что движется неходко, лодейца - словно каменная и плохо слушалась его; поминутно оглядывался Злобка и старался держаться поближе к противоположному берегу, чтобы в случае чего можно было быстренько причалить, выскочить и скрыться в зарослях. Тяжелому в беге Шестаку Малыге не настигнуть лёгкого на ноги Скосыря Злобку.

Но пока что преследователь никак не обнаруживал себя. Может быть, отстал? Или пошёл далеко в обход?

Скорей всего детина белоглазый кинется напрямик и перехватит его в том месте, где ему удобно будет сделать это. Злоб-

ка Скосырь заспешил ещё более. Ему показалось, что на берегу за деревьями мелькнула чья-то фигура, но ведь это же на другой стороне реки, там Шестак Малыги быть не могло!

Только удалившись на изрядное расстояние, беглец почувствовал себя почти в полной безопасности. Тут он решил спрятаться и отсидеться, затаясь. Для этого выбрал славное местечко у противоположного берега: старые раскидистые листовые деревья подступали тут к самой воде. Он причалил в небольшой заводи, за тростниками, проворно повыбрасывал на берег всё, что лежало в лодейце, и затопил её саму, нагрузив камнями, собранными тут же, на отмели.

Вся поверхность воды тут была устлана круглыми листьями водорослей, каждое *подобно талерке*. Среди потревоженных плавающих листьев остался след от лодейцы — полоса светлой воды. Но скоро набежал ветер, листья расправились, разошлись и скрыли эту водную дорожку. Затянуло и ту полынь у берега, где Злобка затопил *набоиницу*. Скрылся и сам он, растворился тут, как в воду канул...

Теперь со всей ясностью он осознал, что остался один и должен сам промышлять для себя, не полагаясь ни на кого, — и о еде, и о кровле над головой, и о защите от кого бы то ни было.

Под старой, раскидистой елью, стоявшей шатром, Злобка устроил себе укывище, и затаился в нём. Сороки, летавшие неподалеку, стали его сторожами. Если б они забеспокоились, это означало бы, что мстительно выслеживающий его Шестак близко... Но вокруг было тихо и мирно. Только соловьи неутомимо высвистывали да лягвы переговаривались в заводи. А ещё *талерки*-листья пошлепывали от ветра по воде, листва на деревьях шелестела.

Отлежался он, даже вздремнул немного, потом выглянул из укывища — пусто на реке. Как-то там Малыга? Если не кинулся в погоню, то что с ним приключилось возле струга с мертвецами? Может, кинулись на него липкие, вонючие беси стайей да и повалили? Даже если удастся что-либо присвоить — зачем ему это? Всё равно погибнет. Там четверо мёртвых... или больше? Может, есть и живые, от которых несдобровать детине: или обвиноватят, как татя, или принудят служить им.

Осторожно выбрался Злобка из-под ели, походил, крадучись, туда и сюда по берегу, прислушивался да присматривался. Когда отошел чуть дальше, на месте возвышенном увидел камень. Этот камень удивил его: был ровен, будто обтёсан поверху топором, весьма обширен, подобен столу, и — с красными

пятнами, проступавшими изнутри. Словно на нём злодейски рубили головы кому-то, и кровь впиталась в камень.

А возле него земля обрывалась крутым травянистым скастом, за ним начиналось обширное болото – это с одной стороны. А с другой за елями проглядывала чистина, судя по всему когда-то паханая и сеяная, а теперь покинутая. Таким образом лес и поле, и вода сходились тут в триединстве, и кто-то воздвиг на этом возвышении камень. Для чего он нужен тут? И кому?

Злобка прошёл чуть далее и замер: на открытом со стороны реки месте, стояла *Девка Каменна* и на ней *по череву* глубокими бороздками выбиты знаки сверху вниз. В них угадал Злобка знак рыбы и знак воды и знак огня...но не смог прочесть эти письмена полностью.

Замечу: те знаки были начертаны в книге крупно, а химический карандаш оставил возле них большой знак вопроса.

Что обозначает эта запись, и к чему тут стоит *Девка Каменна*, поди, догадайся. Злобка же постоял тут и вернулся, озадаченный. Но, будучи человеком хоть и тревожным, но беспечальным, он устроился опять под елью, словно в своём доме, и скоро забыл о столовом камне и *Каменной Девке*: с ним был журавель, славно зажаренный вчера на вертеле, - добыча удачливого Малыги. Злобка хитроумно уговорил детину не трогать пока эту дичину: мол, впереди у них дальняя дорога, и неизвестно, повезет ли им на охоте ещё раз. От журавля теперь отламывал Злобка куски и славно трапезовал, поглядывая на реку. Он в мыслях своих похваливал себя: обхитрил глупого детину! Теперь хорошо было с печёным журавлем.

Насытился Злобка, довольный сидел. Так хорошо ему было, что и уходить никуда не хотелось.

3.

День простоял ведреный, но к вечеру стал пасмурен, а *к ночи поднялся ветер велик*. Дождик побрызгал. Однако Злобка не унывал, опять забился в своё логово под елью, там и уснул уже потемну.

Проснулся от непонятной тревоги. Волна страха вдруг окатила его... словно дуновением ветра опахнуло этим страхом. Так бывало с ним раньше, когда оказывался в темноте и чуял рядом присутствие чего-то необъяснимого и угрожающего. Но тогда, пожалуй, страх не был таким сильным. Теперь же у Злобки Скосыря мгновенно рассеялся сон.

Сквозь отлетающий этот сон услышал он, как будто бы сухое дерево проскрипело, невнятно, однако же довольно отчётливо:

- Се аз... призываю себе в помощь... леших из леса... водяных из реки...

«Побластилось», - стал утешать себя Злобка. Пока что ничего не происходило в ночной тишине, и он уснул, а в полночь проснулся опять от необъяснимой тревоги. Стал прислушиваться: над лесом или где-то в чаще лесной раздался хрипловатый крик, от которого мороз пробежал по спине Злобки, а глаза широко раскрылись и уставились во тьму. То был жуткий протяжный крик, от первого же звука его лежавший под шатровой елью вздрогнул и привстал с ложа. Такой крик не могли издать ни зверь, ни птица, да и человек тоже. Или всё-таки кто-то из людей, попавший в смертельную беду и закричавший не своим голосом? Горловой, хрипловатый стон, громкий, так что эхо отдавалось, могло издать только крупное существо. Но кто это или что это? Эхо отозвалось и замерло.

С вечера, как сказано, был *ветр велик*, а теперь вокруг царила мёртвая тишь, усиливая страх Злобки до ужаса. Он выбрался из своего укывища, оглядывался, слушал.

В тиши этой полукрик-полустон повторился уже близко, и шум крыльев послышался. Злобка выбрался из-под ели и замер, напряженно слушая и крутя головой: что это? где это? с кем это? На мгновение осенила догадка, что кричит Шестак Малыга. Может, его схватили ожившие мертвецы и душат? Может, то предсмертный вопль *лайчивого* детины? Ведь только при смертельной опасности можно так кричать, в последнюю минуту жизни. От этого предположения отнюдь не позлорадствовал Скосырь, нет, даже пожалел бывшего своего сотоварища... и себя тоже пожалел, *вострепета*: как бы чего не случилось и с ним.

А по-над лесом, иногда опускаясь низко к воде, кружила огромная птица... нет, не птица, а некое существо с огромными крыльями! Оно заметило на берегу под собою онемевшего от страха Злобку и резко взмыло вверх, угрожающе вскрикнув; и вдруг с высоты ринулось вниз, как это делает ястреб или орлан, выбравшие свою жертву внизу, на земле. На мгновение Злобка увидел в широком размахе крыльев... человеческую голову – да, да, так! - оранжевые яростные глаза, скошенный назад лоб, нос вполне как у человека, и рот с оскаленными острыми зубами. Это существо опять издало страшный крик, а крылья-руки с

растопыренными пальцами-когтями протянулись, нацелились как раз на Злобку.

Отчаянно и тонко закричав, будто заяц, попавший в когти орлана, не помня себя, он кинулся под ель, забился под ветки, в самую тесноту, обнял дерево за ствол у самого комля, зарылся лицом в игольник, каждое мгновение ожидая, что кривые, страшные когти вот-вот вопьются ему в спину. Вопьются, ухватят за рёбра, и вытащит это чудище его из-под ели, словно хорька или мышь, поднимет и понесёт над рекой куда-нибудь - на растерзание.

Человек звериного облика и с птичьими крыльями вломился следом за ним, но размах его крыльев был так широк, что ветки могучей ели спружинили, не пропуская. Чудище захлопало крыльями, завозилось, ломая ветки, дохнуло смрадом прямо в затылок Злобки... и отлетело с оглушительным кликом. Игольником осыпало Злобку, падающие шишки шелестели по веткам.

Слышно было, как чудище сделало несколько кругов над ним – человек под елью не шелохнулся, замерев, - и удалилось, пропало.

А Злобка всё ещё не решался пошевелиться, лежал ни жив, ни мёртв.

Он слышал ранее рассказы о крылатых людях – вырождаках человеческих. Рассказывали, что эти существа с крыльями, размахом в несколько раз больше, нежели у самых крупных птиц, и что имеют они человечесьи головы, а вместо рук у них крылья, и на конце каждого крыла торчит пясть руки человеческой или рука от локтя с пястью, на которой длинные пальцы с когтями железной крепости. Эти вырождаки охотятся на крупную дичь – на молодых вепрей, на домашних овец, на детенышей лося... а иногда и на людей: чаще на детей или жёнок. Уносят куда-то, и с тех пор о пропавших никто не слыхивал, они исчезают без следа.

Прежде Злобка Скосырь, слушая эти рассказы, только хитренько посмеивался: чем больше диковинного, тем меньше веры. Даже говаривал: пока, мол, сам не встречу, пока *своима очима не узрю*, ни за что не поверю.

И вот всё оказалось правдой! Именно выродок человеческий с крыльями разбойно напал на него – в том-то и был весь ужас происшедшего! Вот когда понял Злобка, что поступил опрометчиво, отделившись от своего спутника. Крылатый упырь не посмел бы напасть, будь рядом Шестак Малыга. Не потому, что Шестак заступился бы, а потому что не напал бы на двоих. Да и

не стал бы детина белоглазый прятаться в ужасе под ель. Нет, Малыга не таков: у него сила, а при ней и ума не надо. Он глуп и по причине глупости своей отважен. Умный человек безоглядно храбрым не бывает.

4.

Именно в эту ночь, как было сказано, вокруг примечательного *столового камня* с выбитыми на нём козлиными рогами собрались на пир три хозяина здешних мест: *Полевой*, *Водяной* (он же *Болотный*) и *Леший*.. Таковые сидения устраивались ими и прежде, а между сидениями люто ссорились они, определяя границы своих владений: принадлежит ли Водяному берег? в чьём ведении должны быть не заросшие поляны-круглицы и опушки лесные и закустаренные низины – у Полевого или у Лешего? должны ли они водить дружбу с домовыми в брошенных избуцах и сёлах?

Не было между ними мира и согласия ни в чём! Но время от времени общались они вполне дружественно. Так и теперь: сошлись ради беседы. Внешность же имели омерзительную, впрочем, сами они, должно быть, не замечали в облике друг друга ничего гнусного, отвратного..

Сказано было, что *Леший* порос мхом и лишаями, что пахло от него душными мухоморами, в шкуре копошились мураши, мелкие жучки и прочие *букахи* и *букарахи*. А *Водяной*, он же *Болотный*, был облеплен тиной да ряской гнилой, да лягушиной слизью, дурным багульником он вонял. Что касается Полевого, то он был весь в коросте из птичьего да звериного помёта.

А сошлись они так: *Болотный* выбрался из трясины своей по травному склону и занял место у камня; *Леший* ухнул сюда откуда-то из чащи с треском ломаемых сучьев; а *Полевой* прибежал молодым козлом, но еле-еле пробрался сквозь сплетенные ветки елей возле столового камня.

И вот эти трое пировали теперь с куражом великим: пили из костяных *ендов*, сделанных из черепов звериных; питье зелёное, хоть и вовсе не сладкое, но пьяное; закусывали попискивающими лягушатами, пиявицами, головастиками и *червию земляной*, находя в том для себя великую радость.

Разговор же у *Болотного*, *Полевого* и *Лешего* был хмельной, потому невыносимо хвастливый.

- Кто владеет этой землей? – вопрошал один из них у неведомо кого. - Кто хозяин этих лесов, рек, болот, полей?

- Мы! – отвечали все хором.
- Кто повелевает тварями водяными, лесными и земляными?

- Мы!
- Кто живет вольно и самодержавно, по хотению и усмотрению своему?

- Мы!
- Кому никто на земле и в воде не смеет противиться и перечить?

- Нам!

На последнем вопросе они однако споткнулись: есть над ними *егемон* – это сам Чернобог. Против него они не роптали, а на людей ярились: люди, вот кто их смертные враги! Тут все трое пришли к общему согласию: да, люди оспаривают у них власть, не считаются с волей истинных владельцев – *Водяного*, *Полевого* и *Лешего*.

- Тут наша отчина и дедина! – вопили эти трое. – А они *пришлецы, мимоходцы, утеснители!*

Троица эта жаловалась друг другу:

- Люди своенравны, непочтительны, строптивы, дерзки.

- От них слишком много беспокойства.

- Ими чинятся нам всяческие обиды.

- Они непоклонисты, гордыней исполнены.

- Долго ли будем терпеть?

Водяной с Болотным негодовали:

- Они самовольно селятся там и сям, вздирают деревни, роют колодцы.

- Они строят запруды, перегораживают воду *веретями*.

Леший тоже с обидами:

- Выжигают лес! Рубят деревья!

Тут они все трое хором:

- Всё это без спросу, без нашего благоволения!

- Они не приносят нам дани!

- Надо на них надеть узду, чтоб слушались и повиновались.

- И наденем! И обуздаем! И приведем к покорности!

- Да будет так, а не иначе!

Хотя автор книги рукописной не пожалел для них черных красок, и хотя сам я испытывал отвращение к пирующим, однако же с любопытством приглядывался к *нечистикам*. Они не заметили, что я поместился возле них за столовым камнем. Уж ко-

нечно, не ради их питья и закусок – ради того, чтоб послушать умный разговор. Я всегда был охотник до умных разговоров!

5.

На том пиру они договорились действовать против людей сообща, *купноумно*: устраивать им всяческие каверзы, подлости и пакости.

Оказалось, что они по этой части большие умельцы. Если подломился сук под ногой человека, если упало дерево ему на голову, если заблудился он в чаще – это всё проделки *Лешего*.

Если разверзлась болотная топь, если потянули туда же за ногу какого-нибудь бедолагу-охотника, если зкружилась голова от духа багульного – это всё стараниями *Болотного*.

Если оступился и подвихнул ногу в чистом поле, на ровном месте путник или пахарь, если укусила его какая-то *букарашка*, если занозил палец колючкой и вспухло то место и загноилось – это всё подстроил *Полевой*.

А пир сопровождался всеобщим праздником: в заливе речном девы с рыбьими хвостами плескались, хихикали и пели; цвела среди ночи *жабья трава* – *звездина*, она же вероника; в елях, седых от старости, ухал филин, и в лад ему хохотали совы; с поля посвистывали тонко мыши и *муши*...

Кто те *муши*, того не ведаю, но не мухи же, раз *посвистывали*!

Вот под этот «концерт» *Полевой*, *Болотный* да *Леший* и вели свой разговор.

- Люди бесстыдны и бесчестны!

- И жертвуют нам скупю.

- Они часто смеются над нами! Можно ли терпеть такое поругание нашей чести далее?!

- А потому они так непочтительны, что живут непугаными! То наше упущение. Надо держать их в *трепете* и *труссе*. Будем же к ним немилосердны и беспощадны!

- Да сжить их всех со свету, чтоб не осталось ни одного!

- Но как одолеешь? Их много, и они коварны, наглодушны, изворотливы, хитры...

Сидели, думали, перемежая думы питием и *ествой*, и снова сетовали:

- У нас тут их пока что мало, но может стать много. Им только дай волю – заполонят всё вокруг.

- В наших владениях они появляются *мимоходцами* – проплывут в лодиях, проскачут на конях, поселятся ненадолго и отойдут в иные места. Но в иных землях людей - не сосчитать.

- Они притесняют там наших собратьев!

- Людей на земле стало столько, что не сосчитать не то, что по головам, а даже по племенам.

- А ну-ка, братья, перечислим их племена!

- *Словены, руси, уверлы, венеды, бургонтионы...*

- *Померанцы, вандалы, баштарны, увилцы, ругяне...*

- *Оботриты, левбузы, тенны, увилины, стореваны...*

- То все род славянский! Нет ему переводу!

- Как их одолеть? Славяне отважны, терпеливы, выносливы, сильны, мужественны...

- Нет у нас сильнее врагов - только те, что зовомы *славянами!*

- Но мы ещё сильнее! Мы их покорим, как медведей, лосей, туров, вепрей!

- Мы изгоним их отсюда! Вот уж и Мор лютует над ними, нам в помощь!

- Мы – хозяева здесь!

Долго они так бахвалились, а потом подняли *ендовы* с зеленым питием и запели:

- Небо, воздух, земля и вода – наши!

Людам не одолеть нас, мы сильнее!

Мы нагоним на них страх, равный смерти!

Мы всеильны, нет от нас никому пощады!

Из леса, от болота и с поля подпевала им всяческая нечисть:

Мы напустим на них свирепых зверей!

Мы пошлём на них злых мошек, пауков и блох!

Ярые бури и грозы, снега и дожди нам в помощь!

Но главное – мы убьём их страхом!

Закончив песню, продолжили деловой разговор, завершившийся тем, что они *вечный союз заклинали*, то есть заключили договор о мире и согласии. После чего опять пели и хвастались, словно они витязи после одержанной в битве победу, а не противные нетопыри на краю болота.

Алчные от пьянства и жадные от объедения упыри эти мерзкое и непристойное плясание отправляли, ходя посолонь вокруг камня стольного.

И вспомнили о том, что поблизости ночует под елью человек. Кто-то им о том донёс – то ли мышь полевая, то ли комар

лесной, то ли лягушка болотная. Дали знать кому-то, чтоб нагнал *трус* на него. И тот, кому это поручили, раскинул широкие крылья, снялся со старой дуплистой сосны и полетел искать свою жертву...и нашёл.

6.

Эту ночь Злобка Скосырь не спал до самого рассвета. Слушал невнятное пенье, *крики гаврана и врана*, чудился ему невидимый полёт крылатого выродка человеческого... Лишь солнечный свет принёс ему некоторое успокоение.

Поутру рано он отправился берегом к тому месту, где стоял покинутый струг. Небось, где-то рядом обретается и детина. Куда ему деться! Не поплывет же один, одному не управиться с таким большим судном.

Что страшнее – болезнь Морова или смерть от *нелюдя крылатого*? И то, и другое ужасно, только Злобке столь тяжело было теперь оставаться одному, что решил он замирился с *чудью белоглазой* – с Шестаком Малыгой, который уверял, что оберегаем Лютом. Может, он и правду молвил: детину болезнь не берёт.

Хитрый, робкий Хорь готов был даже служить свирепому Вепрю, лишь бы иметь его защиту.

Не подходя близко, Злобка увидел обезображенный берег: опалённые деревья и кусты, чёрное пятно на земле. Вроде бы, ещё курился костёр – словно чья-то тень танцевала, извиваясь, над кучей угольев, подёрнутых пеплом. Но струга уже не было.

Злобка боязливо попятился и пошел куда глаза глядят. Сначала берегом, потом, обходя болотистую низину, углубился в лес, в котором заплутал надолго. Вдруг вышел опять к реке и...остолбенел: по речному плесу плыл струг, на котором изумленный Злобка увидел... Шестака Малыгу. Тот по-хозяйски расположился на корме, а веслами махали усердно трое мужей самого простого вида - *лесовики*, лесные жители: одеты бедно...

Злобка кинулся по берегу, закричал:

- Эй-ой!

Шестак Малыга не сразу услышал его, оглянулся, привстал и молча смотрел. На нём была противно летнему времени шапка песцовая, *шлык земляной* – от бахвальства! - на плечи накинута кафтанец с подпушкой, под кафтанцем *однорядка летняя*, на ногах *сапоги красные, сафьяновые*...

- Брат! – кричал Злобка. – Возьми меня!.. Ты обещал!.. Река Лисица!... Я хочу идти с тобой!

Шестак Малыга не отвечал, туго соображая: а нужен ли ему такой неверный товарищ?

- Брат! – не отставал Злобка. - Я тебе пригожусь!

И он был принят на борт. Шестак после размышления даже доволен был встречей, он сразу же, не помня зла, усадил беглого товарища за весла: ему край как не хватало четвертого гребца. Благодарный Злобка несколько раз повторил:

- Кем я ни буду, а этого тебе не забуду.

Гребцы смотрели молчаливо, насторожённо. .

- Откуда ты их добыл? – спросил Злобка.

- Я под рукой у всемогущего, - ответил Шестак Малыга с важностью.

- У Люта? – уточнил Злобка, понизив голос и оглядываясь.

- Молчи, - сказал Шестак. – У кого же ещё!

Гребцы переглянулись.

Хорь тотчас позавидовал удачливому Вепрю и сразу решил, что непременно подобьёт гребцов на лихое дело: надо отнять у нового хозяина доставшееся ему добро и поделить. Недолго Малыге владеть купеческим стругом! Но тот ничего не заподозрил, сказал Злобке великодушно:

- *Покаместа* служишь мне честно, *потаместа* будешь в милости моей. Помни о том.

Это у бедного речи слабы, а у богатого крепки...

А плыли они совсем недалеко от тех мест, где ночевали табором жители села Посад.

Но об этом просто упомянуто было. Без всяких подробностей.

* * *

По мере прочтения и по мере размышления над прочитанным меня всё более и более интересовало, кто же так любовно выводил эти буковки, иногда меняя стиль написания, – переходя от тяжеленьких, угловатых буквиц-«кирпичиков» к легким, паутинно-тонким, искусно переплетенным, с замысловатыми росчерками? Ведь это такая кропотливая, изнурительная работа! Кто так изобретательно рисовал разноцветной тушью или красками заставки в начале каждой главы и буквы заглавные? Кто поместил сюда всех этих крылатых змей, рычащих зверей, дивных птиц, травы и цветы, деревянные украшения неведомых ремесленников, загадочные знаки на камнях и стволах деревьев?

Наконец, самое главное: кто извлёк из тьмы веков множество людей? Муж добрый Яр Вышатич и его девы... Млад-Воинко и Радима... Многолюдье села Посад... Старичок Потвор, прикормившийся возле села Льяные Дворы, в котором живут мужички с одинаковыми именами – Овсяники... А ещё Злобка Скосырь и Шестак Малыга... и даже эти смиренные гребцы на струге... и *мимоходец* тот, изгоняемый из селений, однако исцеляющий страждущих...

«Ведь они были, все эти люди, раз о них написано! – размышлял я. - Если это всё и придумано, то кем? Где обозначено имя автора?»

У меня не было ответов на эти вопросы тогда, при первом чтении, нет и теперь, но постепенно сложилось твердое убеждение: книга, доставшаяся мне от бабушки, переписана с какой-то более древней, наверно, уже совершенно изветшавшей и распавшейся *на лепесты*. То, что читал я, - лишь копия... Может быть, с добавлениями и исправлениями, но это всего лишь переписано с чего-то! Есть древний первоисточник. Потому такая клочковатость, лоскутность, подчас полная путаница, а то и нелепица.

В книге страницу эту, где повествовалось о Шестаке Малыге и Злобке Скосыре, обрамляли по краям её два змея: один спускался *ошую* по изогнутому древу, свивая кольцами своё длинное-предлинное тело, и уже поймал раскрытой зубастой пастью хвост другого змея, уже вонзил в него острые зубы. А этот другой взбирался по *десному* краю листа, по древу тоже изогнутому, и в свою очередь ловил за хвост первого змея. Один был чёрен с красными пятнами по хребту и с желтым животом, другой зелен и тоже с пятнами, чёрными и красными. На одном можно было разобрать слово *аспид*, на другом слово *червь*, но буквы были странны, ни одной знакомой, и вовсе не старославянские, причём каждой сопутствовало краткое толкование автора книги.

Уж не намек ли тут на *лытателей*? Каждый из них готов был загрызть товарища своего. Червь и аспид...

На соседней странице, где рассказывалось, как Малыга сжигает мертвецов, по тексту поднимался столб дыма, и в нём едва-едва, но угадывались отвратительные существа, похожие на лягушат, с трёхпалыми лапками, с жаждущим присосаться ртом. А посреди страницы сквозь рукописный текст проглядывал в клубах дыма – не от костра ли, разведённого детиной? - страшный лик неведомо кого. К нему химический карандаш при-

рисовал козлиные рога и начертил тут аккуратно несколько православных крестов – закрестил страницу.

Глава двадцатая. Змиев-град.

Место пусто. Ночлег у кремника. Волки и вепри. Малые людие. Клад из медных монет. Изумрудная змейка в полёте. Её видят в Посаде, и Осинок, и во Льяных Дворах. Трёхликий кумир исчез! Коллежский регистратор – почти что император.

1.

Малые башенки расположились по углам того листа книги, где повествовалось о Млад-Воинке и Радиме; в середине едва заметно проступали очертания некоего терема... как бы хитро сплетенного из трав или покрытого травным ковром – наверно, княжеского.

Млад-Воинко очень живо мог представить себе последнее сражение на месте разорённого городка, и торжество победителей, и пир их, небось посреди дымящегося кремника или на том месте, где теперь стоял трёхликий каменный истукан. То-то ликовал он, глядя на это разорение!

Однажды Воинку пришлось участвовать в сидении за стенами – и у бойницы стоял, и в поле выходил. А было ему в ту пору четырнадцать лет всего. Но тогда осаждающим не удалось одолеть защитников града, Млад-Воинко с отцом своим Стар-Воином не испытал позора и горечи поражения.

- Небось, набежали с Дикого поля, больше некому, - предположила Радима. – Там городов не строят, земли не пашут, живут только воровством да разбоем, иного промысла или ремесла не ведают.

- Далеко Дикое поле, не дотянуться оттуда, хоть и длинные руки у них, - возразил Воинко. – Могли явиться рогатые люди со стороны полунощной, они приплывают по реке на лодиях от холодного моря. Но и до той страны далеко отсюда! Тут было что-то иное.

Он бродил по месту пусто, рассуждая вслух:

- Думаю, не ради разорения именно этого града приходили - сотворили зло мимоходом, а потом где-то ещё большее. Может быть, пруси? Или волохи? Или ляхи? То племена зловредные.

- Да ведь и им далеко до сих мест, - напомнила Радима.

- За ради доброго дела не пойдут, а за ради грабежа не удержишь.

- Или не с чужих краёв разбойники, а свои...

Так гадали они, не зная былого доподлинно, как не знаем ныне и мы...

В кустах жимолости Воинко обнаружил обугленные человеческие кости – видимо, тут сгорели заживо последние защитники. Или были убиты, а потом сожжены? Чуть в стороне лежал почти целый, не порушенный череп младенца и малые косточки. Их нашла Радима... и расплакалась. Воинко подошёл утешить:

- О чем ты, лада моя? То люди не родные нам. Не сокрушайся попусту.

- Этак и моё чадо погубят, которое во чреве понесу, - сказала она в ответ.

- Ещё не понесла, а уж жалеешь.

- Надо жалеть теперь, а потом будет поздно.

- Того не случится, - твердо обещал он.

А что знал наперед? Кто ведает судьбу свою? Так уж, ради своего и её утешения молвил...

Воинко выкопал неглубокую яму тут же, в жимолости, и захоронил все найденные людские кости. Прикатил и утвердил на этом месте камень-валун, другим камнем выбил на нём знак: три черты, обозначающие тулово и крылья птицы: костям лежать недвижимо, а душам человеческим летать птицами.

Останки младенца Радима похоронила особо со вздохами и со словами:

- Родила тебя мама, а приняла яма...

2.

На ночлег они устроились в самом кремнике, на княжьем месте. А не надо было им здесь ночевать! Вечером, уже в сумерках, чудилось им, что словно бы тени живших здесь некогда людей таились за кустами да за стволами деревьев. Иногда они перемещались неслышно, и голоса птиц казались их голосами. Млад-Воинко и Радима долго сидели у костра, слушали, как летает на вечерней заре птица *лелёк*, тревожно треща и хлопая крыльями.

И вот, сидя тут, на месте пустом, всеми покинутом, осененном крылами смерти, двое живых обсуждали увиденное и те события из прошлого, о которых можно было только догадываться.

- Это Змиев-град, - после долгого размышления предположил Млад-Воинко, сначала не очень уверенно, а потом уже твёрдо повторил. – Это Змиев-град! Если птицам сверху смотреть, то кремник будет видаться, как голова, а слобода – как тулово змеи по берегу.

И Радима вспомнила:

- Да, о нём говорили, что гневен был старый князь Остромир на Змиев, велел разорить его. А сделал он это по наущению Лихову.

- Так! Не чужие разорили гнездовье людское, а свои.

- Говорили, что все, кто жил тут, ушли в леса и не вернулись. А погибли те, что упорствовали в кремнике.

- Потому никто и не поселился здесь, - кивнул Млад-Воинко. – Боятся ослушаться. Гнев княжеский краю не знает.

Потом он сказал, размышляя:

- Главный враг у русских людей – не степняки и не варяги, не *пруси* или *волохи*, а междоусобье. Губим друг друга без пощады.

- Отчего так?

- От избытка силы, наверно.

- Оттого, что боги немилостивы к нам, - сказала Радима. - Они ревнивы... Коли заметят в ком равное божественному, укротят, заставят приклонить голову в покорности.

Воинко посмотрел на неё: разумна жёнка.

Она предположила, что уж непременно во граде этом где-то зарыт клад, да и не один, небось.

- Богатства и убожества не дайте мне, Дид и Лад, - отозвался на это Млад-Воинко. - Обогащай, восприму гордости и буйности, а во убожестве подумаю на татьбу и разбой.

- Не мыслю о богатстве, хочу быть с тобой, - словно спохватываясь и устыдясь сказанного ею перед тем, шепнула Радима и прижалась к нему. - С тобой будет всё, без тебя ничего не надо.

А тени за кустами да за деревьями слушали их. Было кому слушать!

Ночью спалось им тревожно, беспокойно, несмотря на усталость. Несколько раз просыпались они от громкого жабьего кречетанья в речной заводи, где было когда-то пристанище лодийное; в кречетанье том чудилось совсем иное... Вроде бы, голоса... ржанье коней... звон мечей... Радиме и вовсе приснился вопль велик, клик яростен и устрашающ... а более всего тревожил её плач малого дитяти...

На рассвете проснулись – стало зябко от предутренней сырости – плотнее прижались друг к другу, Радима слышала, как Воинко сказал сквозь сон:

- ...и чтоб не пили жеребята болотную воду... чтоб трава луговая была...

Во сне он уже и поселился, и укоренился на облюбованном месте, и хозяйствовал там, уже без страха, что грядет разоренье по гневу княжескому, по наущению Лихову.

3.

Совсем недалеко от них, в овраге, расположилась на ночлег волчья стая – шесть серых лежали почти рядом, ещё три чуть в стороне, и ещё два отдельно. Хищники спали спокойно, им тоже чудилось присутствие множества людей, хотя вожак (поименованный тут, словно человек: Рар) знал, что лишь двое людей ночуют неподалеку, на месте разорённого городка. Эти двое не опасны.

Люди – вот главные враги волков. Люди хитры и коварны, у них нет когтей и клыков, но они вооружены. Даже когда страх овладевает ими, они опасны. Рар был стар, матёр, он знал и то, что врага надо всегда иметь в пределах досягаемости – зрением, слухом, чутьём; хуже, когда теряешь его из вида. Этих двоих стая обнаружила ещё днём и некоторое время шла по их следу, изучая. Но не было нужды Раровой стае нападать на людей: в окрестностях гуляет брошенный, заблудившийся скот, бегают потерявшие осторожность зайцы и лисы... а совсем недалеко, на освоенной и помеченной территории пасётся вепрево стадо. Пусть пасётся... до поры.

Рарова стая не упускала из вида вепрей, подстерегая, когда оплошает кто-нибудь из них. Стая ходила кругами, выбирала удобный случай, чтоб совершить разбойный набег. Но у вепрей был умный и сильный вожак...

У него тоже, между прочим, было имя, но вот беда: я забыл его! А имя странное, необыкновенное. Тот вожак представлялся мне похожим на Шестака Малыгу, словно брат родной: большой, с широко расставленными злыми глазами.

Этот вожак содержал свою семью в строгости и полной покорности. При нападении волков стадо по его рыку мгновенно занимало круговую оборону. Во внешнем кольце вставляли самые свирепые и клыкастые – родные братья вожака, тоже упо-

мянутые поимённо, - не знавшие страха. Рарова стая набрасывалась на вепрево стадо подобно разбойникам с Дикого поля, напавшим на мирное село пахарей, но раз за разом откатывалась назад без всякого успеха: вепри и сами были свирепы, умели защититься. Так бывало чаще всего... В последнее время два хищника издохли от страшных ран, оставленных клыками вепревыми. Правда, и волки поживились: добыли двух поросят малых, а сам Рар завалил годовалого самца, то есть именно он, вожак, впился зубами в кабанье брюхо и порвал его, после чего и накинулась стая.

Была ещё одна волчья семья, бродившая в этих местах, но гораздо слабее – всего шесть волков - она не решалась соперничать с большой стаей. То семейство однажды загнало молодого лося, но Рарова семья отобрала добычу - это было еще зимой - а более хищники не сходились в схватке: малая стая избегала столкновений с большой.

Теперь же молодые волки спали крепко, а Рару не спалось: мнились в ночи крики и стоны людские, детский плач и материнский зов, шум сражения при пожаре, ржание коней и звон мечей... Не от того ли и поскуливали сквозь сон две матёрые волчицы, так что Рар грозно выкатил из гортани короткое «р-р-р».

4.

Ни люди, ночевавшие в Змиев-граде, ни звери, ночевавшие на месте покинутой слободы, не знали, что как раз в эту ночь в подземельях кремника, соединённых искусными переходами, царило веселье: *малые людие* - каждый ростом в долонь человеческую - праздновали при свете множества гнилушек, усеянных светлячками. Те *малые людие* угощались за пиршественными столами сладкими напитками, смеялись и пели, водили хороводы, взявшись за руки, бегали по витым из корней лестницам и переходам, качались на качелях, любились в местах потаённых. То был праздник-ликование по какому-то очень важному поводу. Именно так он и назывался: Праздник-Ликование.

В главном подземелье, весьма обширном, с каменными сводами сидели за длинным столом (это было смоляное тёсаное бревно) избранные, важные *людие*, вели разговор степенный. Из соседних помещений к ним забегали иногда шалившие, но тотчас уходили, становясь на цыпочки. На них не сердились: нельзя никому сердиться в Праздник-Ликование.

На стол в перламутровых раковинах подавалось из соседней пещерки какое-то *ество*, непонятно из чего приготовленное. Тут же на столе в скорлупки ореховые наливалась пьяная бражка, но к ней *людие* прикладывались редко и опять-таки степенно, чтоб беседа не была излишне вольна. Лики сидевших тут были серьёзны и веселы одновременно...

До спящих же Воинка и Радимы и до спящих волков, и до чутко дремлющих птиц доносился иногда *яко бы писк мышиный и мышинная возня и стройное пищание*, подобное хоровому пению. Но никто не догадывался о том празднике, кроме тех, кто в нём участвовал. Впрочем, потом выяснилось, что кое-кто и ведал, но не принимал участия: мыши да кроты – то им не по чину.

Когда же полная луна встала над Змиев-градом и осветила место кремника, те *люди малые* вышли из своих подземелий и, резвясь, бегали среди развалин и диких зарослей. Они хихикали, оглядываясь на спящих Радиму и Воинка, но не тревожили их сна, а к рассвету исчезли.

5.

Наутро поднялись разом – и волки, и Млад-Воинко с Радимой. И те, и другие помышляли о пропитании. Волчья стая лесной гривой ушла по вепреву следу, а двое людей принялись готовить пищу из запасов своих на костре. Перед тем, собирая сухие дрова для костра, с вольной стороны бывшего кремника Воинко случайно обнаружил грудку разбитых черепков и медные монеты среди них – они были оплавлены и позеленели.

- Княгиня Рысь! – позвал он. – Поди сюда. Вот твой клад, про который ты вчера говорила.

- Кабы золото или серебро, - вздохнула Радима, рассматривая медную зелень.

Воинко потёр одну из монет песком, на лицевой стороне проявилась голова человека в венце из листьев...

- Кабы золото! – вздохнул и он. – Буди к нам добрее, Дид! Много не надобно, а мало не станет лишним.

- Буди к нам добрее, - повторила Радима погромче, чтоб на небе их слышали.

За трапезой утренней оглядывались они озабоченно и с тревогой, а трапезовали наскоро и скудно. Радима пошутила:

- От пресыщения ли ждать добра! Оно ни в любви, ни в *естве* не нужно. Говорили же те, что плыли на плоту: *от пре-*

сыщения бывает восполнение, от восполнения рождается огница...

- С лёгким чревом легче идти, - отозвался Воинко: - Однако от недоеда болезни да томление. Хочу пирога с рыбой...

- Ишь, лакомец! – засмеялась Радима, но почувствовала себя виноватой.

И вот тут они оба разом увидели зелёную змейку, которая лежала совсем рядом, на каменном выкладе, служившем когда-то приступком крылечным. Змейка та наблюдала за ними и слушала их разговор. Воинко и Радима опешили: таковой красавицы-змеи они оба никогда не видывали. Их в особенности поразила её взгляд – то был строгий взгляд, в нём не было страха.

Змея лежала, свернувшись кольцами, как неживая, чуть приподняв узкую головку с черными умными глазами. Была она чудесно изукрашена: во всю длину её изумрудного тела извилистая угловатая полоска темно-бордового цвета с золотыми крапинами, похожими на мелкие ягодки. На голове полоска та раздваивалась, огибая внимательные немигающие глаза, концы же спускались к углам рта. Неживой казалась она, но вдруг распались кольца её длинного тела, она вытянулась и проворно поползла, да не прочь от людей, а как бы мимо них, словно показать себя хотела во всей своей красе, вот именно покрасоваться желая. Воинко с Радимой подались в сторону на шаг, на два. А у змеи той вдруг появились и затрепетали по бокам перепончатые крылья изрядной величины – почти как у ворона или даже орлана. Двое людей и вовсе отпрянули в страхе. Змея же упруго приподнялась, раскинула в стороны трепещущие крылья, ударила о землю хвостом, и полетела низко над землёй, заворотив, околдовав их своим шелестящим лётком.

Радима ошеломлённо оглянулась на Воинка.

- Не пугайся, - ободрил он её, хотя и сам был озадачен.

- То хозяйка, - шепнула Радима. - Княгиня Змиев-града...

- Не над чем тут княжить. Пепел, угли да *дикоросли*.

- Что-то стережёт.

Они прошли немного в том направлении, куда она скрылась, но летучей змеи больше не увидели. Тогда вернулись к своему костру, только уж трапезовать более не могли: так были взволнованы.

- Наверно, она погибла в огне и превратилась в змею, - предположила Радима.

Млад-Воинко *купноумно* молчал.

- Что же, мы ночевали рядом с нею? – опасливо спросила Радима. - И она не ужалила ни тебя, ни меня.

- Мы ничего не сделали тут плохого, - заметил Воинко. – Она не должна гневаться на нас.

- А кабы разгневалась, не быть бы нам живыми...

- Так, - согласился он.

После этого они немного успокоились оба.

- Небось, красавица была, - завистливо сказала Радима, помолчав. – Уж верно, красавица, коли столь богато наряжена....

Дивные происшествия не пресеклись на том. Когда Воинко и Радима вышли на берег к пристани лодийной, от того места высокого, где стоял кумир, *послышалось как бы пёсье лакание*. Они обратились туда и... не увидели здесь каменной головы.

Трёхликий кумир исчез! И на месте том росла кусточком лишь длиннолистая трава *шалуй*...

6.

Они были правы, Радима и Млад-Воинко, говоря меж собой, что изумрудная красавица-змея, словно бы украшенная к тому же золотом и лалами, ночь провела рядом с ними.

Именно так и было. Она лежала под кустом возле их ложа, слышала их шёпот посреди ночи, их согласное дыхание. И все утро смотрела на них, что бы ни делали эти двое, – умывались речной водой, собирали дрова для костра, по-утреннему трапезовали. Невыразимая грусть была в её глазах, и слезы в них стояли крупными каплями. А когда Воинко с Радимой заметили её, она смутилась и улетела в чащу лесную. Однако и оттуда прислушивалась к их разговору. В том не было праздного любопытства – то было иное.

Потом она опять ударила о землю хвостом, выпустила прозрачные перепончатые крылья и поднялась над лесом. Изумрудная змейка видела, как Воинко вырубает сухостоины, увязывает их ивовыми прутьями, чтоб получился малый плот. Они оба, муж и жена, разделись донага, уложили свои вещи на плот, вошли в воду и поплыли, толкая его впереди себя. А вот когда вступали они в воду, переглядываясь и улыбаясь друг другу, смутилась летучая змея.

Не видели Млад-Воинко с Радимой, как она стремительно поднялась к небесам, скользнула в облако, скрылась в нём,

опять появилась и снова исчезла. А потом поднялась ещё выше и долго витала там, из края в край неба...

Этот её полет заметил Шестунок, что в селе Посад. Он сказал товарищам своим, Смиряте и Славко. Отроки остановились и смотрели каждый из-под руки.

- То стрела Стрибожья, - сказал один из них.

- У Стрибога не бывает стрел, - возразил другой. – У него ветер, и град, и дождь, и вихрь, и буря.

- То стрела Перунова, - утверждал третий. – У него много их - огненные, зеленые, золотые... а бывают и чёрные.

- Я видел чёрную молнию, - отзывались двое в один голос.

- То-то... Стрелы Перуновы вонзаются в землю, пробивают её насквозь, до великой воды, по которой плавает земля, потому на этом месте появляются родники-студенцы.

- Отчего ж родники студёны, когда стрела огненна?

- Небось под нами и под землёй море великое, не согреешь его.

- Где б ни увидеть родник – это след Перуновой стрелы-молнии.

- А бывает, ударит копьём – прогнёт землю, и на том месте от родника озеро нальётся.

- Но эта вольна, подобна птице. .

- Вольна, пока не прострёт свою длань к ней Перун, тогда положит на тетиву лука своего, напряжёт её и пустит – тогда она летит прямо, ударяет в дерево или камень, или просто в воду.

- Говорили, угодила в темя кожевнику Возгряю – стал чёрен, яко бы уголь. А куда как силен был! Ударом кулака мог свалить и тура.

- За что же Перун поразил его?

- Силы имел много, загордился. Боги не жалуют высокогордивых.

Они продолжали отслеживать высокий полет змеи, щурясь от солнечного света и переговариваясь.

А в некоем селе с названием Гуляй-Лес малец по имени Боброк вешал на дерево птичий домик, выдолбленный из осинового чурбачка.

- Тятя! – крикнул он с высоты. – Глянь на полудень. То не пчелиный ли рой в облацах? Пчёлки золотеньки завиваются змейкой...

- Где? – спрашивал отец, высматривая из-под руки.

- Вон те *облаци*...одно похоже на медведя, другое на гуся...так меж ними.

Голос его пресекся... вместе с шорохом по ветвям сверху вниз раздался вскрик, и малец грянулся оземь, и остался тут недвижим.

Отец кинулся к сыну...

Осинок - отрок со свирелью - был в это утро совсем один. Он увидел поднебесный полёт крылатой змеи и по-своему понял это явление, поднял свирель раструбом вверх. Горько плакала та свирель, потому что плакал и сам Осинок, уже ставший круглым сиротой, не знающий, куда теперь ему пойти, где голову приклонить. Оставаться в родном селении ему было не с кем да и негде. Полубезумная Тюлга, у которой поумирали все – и муж, и шестеро детей, и мать, и брат с семьёй – подожгла избыцы одну за другой, дым смрадный относил от Трызнова ветром.

Две дочери Овсяника Ворохабина во Льяных Дворах - Нехорошка и Утешка – обе разом увидели загадочное блистание в небесах меж облаками и закричали, указывая на него взрослым.

Овсяник был смутен ликом. Женка его озабоченно посматривала на мужа. А другой Овсяник - Трецилов - телегу ладил; он только глянул вверх и тотчас отвернулся. Вдовица Осеня поджала губы и сказала, что надобно спросить у Потвора, нет ли в том какого-то знамения и уж хотела отправиться к нему.

Тут вдруг словно из-под земли и явился этот волхв, словно его позвали, - в тот день он наведался во Льяные Дворы, чего не делал давно. Об увиденном небесном явлении он сказал уверенно и твердо, что у бога Ветрилы немало прислужниц и в образе птиц, и в образе змей, и в образе столь страшном, безобразном, что и передать нельзя. Потвор спросил, не заходил ли в село кто-нибудь из посторонних, и если-де явится к ним жёнка, столь чарующа ликом своим, чтоб привели её к нему, как пленницу. Вдовица Осеня этому воспротивилась, перечила ему, но чаровник молвил: таково-де веление Ветрилы. Овсяник же Ворохабин, услышав наказ, нахмурился и помрачнел ликом ещё более.

С Овсяником в последнее время творилось что-то такое, что настораживало и пугало и жёнку его Улыбу, и дочерей Нехорошку и Утешку. Он стал задумчив, любое дело валилось из рук. Ложку не донесет до рта – задумается.

- Всё вижу её перед собою, - признался он Улыбе своей. – Ту, что ночевала здесь, в омшанике.

Он даже попросил жену:

- Отпусти меня, пойду искать её. Пусть снимет с меня наваждение это.

Но жёнка его Улыба не была столь проста, она не отпускала мужа: стыдила, укоряла, призвала на помощь обеих дочерей. Посмотрев на крылатую змею в поднебесье, сказала, что та не зря вьётся над Лыняными Дворами – не иначе, как ведьма, принявшая облик красавицы-жёнки, стала потом крылатой змеей, и теперь смущает мужа Овсяника.

А у него в ушах звучало: «По нраву моему взяла бы тебя служить мне... Но мне не нужны робкие слуги!».

Она назвала его робким! А разве он таков?

Однако не смог уйти, смирился. Надолго ли?

Увидела крылатую змею и Воислава-воительница, что так сурово встретила Млад-Воинко и Радиму. Она полюбовалась недолго вместе со своими сыновьями и сказала, что змея, играющая в облаках, не простая: падёт потом на землю и станет ручьём, как это бывало и ранее с летающими змеями: хвост уйдёт в глубь земную, откуда бьёт вода, а голова припадет к змее великой – к реке. И вот потечет чистая водная струя по телу её извилистому, ставшему руслом. Воду ту можно пить и купаться в ней и овсяную похлёбку ею разводить, и рыбу в ней ловить, но нельзя в неё кидать камни и уж тем более плевать или иное непотребство чинить.

Когда Воинко и Радима вышли из воды на другом берегу реки и снимали с плота свои вещи, змейка появлялась иногда в голубых окнах меж облаками, взблёскивала на солнце высверками, и опять пропадала. То не было её игрой, то было отчаянием, которое она хотела избыть, - отчаянием от невозможности вернуться... в прежнюю жизнь.

* * *

Глава, посвящённая Змиев-граду, была расписана особенно богато. Текст сопровождали искусные картинки: стоя волков терзает добычу... сражение на лестнице, приставленной к угловой башне... люди малые сбегают со строки на строку... один из трёх ликов каменного кумира - страшен...нарядная змейка...

Меня восхищали картинки, коим не было числа...

Над рукописной книгой, как я догадался, когда-то давно трудилось даже двое переписчиков; один вычерчивал буквы и весьма в том преуспел, а другой рисовал любовно и вдохновен-

но бесчисленные картинки, заставки, виньетки. Тот второй, безусловно, был талантливый художник... или художница? Что-то женское было в манере исполнения тех картинок. К тому же в каждой смысл любовный или семейный или хозяйственный – с весёлым лукавством, затейливостью. Впрочем, иногда смысл устрашающий, не до забавы.

Я вновь и вновь разглядывал картинки и находил множество мелких деталей, ранее мною не замеченных: они дополняли смысл и значение рисунков и текста. Вот хоть бы колесница (Перунова?), на ней письма незнакомые... Что за письма? Что они обозначали? Как их прочесть?

И вот ещё что озадачило меня: в конце главы, где повествовалось о Змиев-граде, под заставкой искусной поместился текст, написанный древнеславянской вязью, но с содержанием отнюдь не соответствующим глубокой древности. Вот этот текст:

«Мой отец в 1811 году был определён подканцеляристом в Орловский уездный суд. Служил последовательно в суде, в дворянской опеке, провиантском комиссариате, по питейным сборам.

Для достижения чина, дававшего потомственное дворянство, испросил себе перевод на окраину – в Астрахань - по управлению питейными сборами. Был награждён чином коллежского асессора - это уже штаб-офицерство, восьмой класс Табели о рангах, потомственное дворянство себе и нисходящему роду своему.

11 марта 1848 года состоялось определение Орловского депутатского собрания: его с детьми внести в третью часть дворянской родовой книги».

Прочитав это, я пожал плечами и выписал странный текст к себе в тетрадь, желая выяснить потом, что это такое – подканцелярист... питейные сборы... коллежский асессор... Табель о рангах...

«24 февраля 1850 года я был определен помощником начальника по рекрутскому набору от ревизского отделения.

Благодаря медленности восхождения даже мелких наградных представлений на Высочайшее утверждение я был ещё бесчиновным чиновником. Но вот произведен в коллежские регистраторы – первый классный чин».

В тексте тут и там поставлен был в концах слов твёрдый знак – «ъ». Тогда я решил, что это от безграмотности того, кто писал, и занося это в свою тетрадь, твёрдого знака не ставил нигде.

«Коллежский регистратор – почти что император!» – написал тут по краю листа химический карандаш Кирилла.

Поначалу я не уразумел его иронии и воспринял почти всерьез: коллежский регистратор - должно быть, немаловажный чин в какой-то коллегии, раз отмечено кем-то с горделивостью.

«Вскоре последовало определение столоначальником. Затем Высочайшим приказом определен я в губернские секретари.

В 1856 году получил учреждённую в память войны 1853-56 годов тёмно-бронзовую медаль на Андреевской ленте».

Далее был помещён перечень прочих полученных наград, который я не выписал, о чём ныне жалею; теперь уж не восстановить.

Глава двадцать первая. Шатёр елиный.

Лепота вокруг. Яр и Устя вступают в супружество. Ревность Янки, её песни. Комарие свиряху. О дальних землях. Птица Финикс, арамат ладанный. Ночлег под шатром елинным. Ночной грех. Я шёл с этими людьми. Слова, слова, слова...

1.

Шли лесами чёрными, шли лесами пашенными, шли борами сосновыми да еловыми, шли через дубравы и осинники... Много лесов на Руси, и не было им конца и края. Попадались гари иногда – то ли от молнии загорелся лес, то ли по людскому старанию или недосмотру, но на них – откуда ни возмись, наступали дружно малинники, закрывали черноту свежей зеленью.

Шагая впереди, Яр оглядывался окрест, словно всеми этими землями владеть ему предстояло, словно он уже вступал во владение ими.

- Тот лес *бревенный, хоромный*... а этот дровяной... - приговаривал он на ходу. - А тут *ляда*, пахали её, да тому уж лет с десяток прошло, как бросили...

Сказавши этак, он вздыхал удовлетворенно. Всё *лесопо-рослые* земли были: в низинах лес пониже – ольха да бредина, трепетная осина да тонкоствольная гибкая рябина; а на возвышениях боры многошумные – дуб, красная сосна, ель хоромная, липа вековая, берёза белоствольная.

- Эко диво – берёза! – говорил сам себе Яр. – А я, коли рассказывал кому – мол, стоит древо, ствол бел, словно снег, словно молоко, словно меловой столб – а мне не верили. То-то дивились бы, окажись они тут!

- Мой надёжа! – окликала Малуша. - Глянь: *лешева яблоня* цветёт – нет её краше! Глаз не отвести.

Она часто отставала, отвлекалась на что-либо. Ждать её не ждали, догоняла.

– А посмотрите, под орешником бубенцы, словно орехи! – это Янка восклицала звонко, так что эхо лесное откликалось ей.

- *Очима своима алкаем сию лепоту*, - Устя, говоря это, усмехалась; она была не столь восторженна, построже. – Берём в себя, а не убывает.

- *И лепота хочет нашего алкания*, - отозвался муж добр. – Она зовёт к себе: вот она я... Кто кому нужней? Кто кому предназначен?

Яблони лесные только зацветали, черёмушники стояли все в белом, как в снегу, рябины оделись в невестин убор – куда ни кинь взор, всё радуется само по себе и всё радует людей: и кустарник бузинный, и терновники, и калина с бузиной, а у елей да сосен зазеленели яро крайние персты лап. И по долу земному то же: скромно и неброско цвели черничники да брусничники, малиновый подрост и голубика, собирались зацвести лесные колокольцы да дрёма.

Названия всему растущему были разные, они то и дело попадались в книге, и все незнакомы мне, читателю, но я догадывался по описаниям, о чём речь, а о некоторых, увы, не смог.

«Ишь, каков по холмам липняк пошел да дубняк, - Яр любовался, оглядываясь *семо и овамо*. - Место доброе, а вот поди ж ты, не насельное».

Довольно часто путники шли не возвышенными, а низменными местами – то *лядиной* сырой, то тряским болотным покровом, то попадётся *курчажина*, то вовсе неодолимое переплетение кустов. Но Малуша тут даже больше радовалась, ибо на гиблых местах многообильно трав. Рискуя провалиться в топь, она выхватывала из травной гущи цветок или листок или корешок, приговаривая что-нибудь, вроде:

- *Егда чирей народитца на теле, нащупай его перстом безымянным да цветом приложи... Прежде нащипати и утолчи в ступе*.

Сума её в *зелах* (карманах), словно в заплатах, и в каждом что-то утолчено, умято, сокрыто, бережётся. О каждой травке или

цветке она помнила, над каждым пошептала, подышала. Извлекёт сухое быльё, потолчёт на латке деревянной, добавит в варево, в хлёбово, в печево:

- *Ядите...* Румянец будет, как маков цвет... крепкий сон будет... лому спину снимает...

2.

Яру в очередной раз удалось подстрелить птицу, но не гуся или журавля, а цаплю: та ходила по малому лесному болотцу и подпустила близко. И цапля годилась в *ество*. Остановились отдохнуть, птицу ощипали, весело переговариваясь и поглядывая на удачливого охотника, он едва успевал отшучиваться. Доставая из сумы новый кремён, выложил он ножницы, удивившие более других Янку, – то были ножницы, перекрещенные, а она знала другие - те просто смыкались, как два ножа. Теперь же Янка с детским любопытством вдела пальцы в отверстия – персты в наперстия - подвигала, показала *сёстрам*:

- Остры... Эка пасть, как у щуки...

То же и Малуша сделала, и она дивилась. А Устя заявила, что уже видела такие, когда гостила у родни – те богаты. Устя завладела ножницами, посмотрела на Яра, и озорная мысль мелькнула в её глазах.

Он разводил костер, чтоб нагорело угольев: надо зажарить птицу; высек огонь первым же ударом кресала, раздувал в пучке сухой травы; вспыхнувшее пламя осветило его лицо, и Устя почему-то заволновалась.

- Брада твоя загорится, - сказала она, смеясь, и подступила к нему с ножницами - подстричь.

Борода, пожалуй, была великовата для мужа тридцати с небольшим лет, такова прилична лишь старику. Они отошли чуть в сторону, к поваленному дереву. Яр сел на него, она стала подстригать ему бороду, касаясь ладонями щёк. Между ними был какой-то разговор, закончившийся громким смехом Усти. Она вдруг кинулась от него, он за нею, и в молодых березках настиг её. Тут сказано было так: *«простерши свою шуйцу, ять Иустинию за десную руку, и повел, и скрылись они»*.

Хлопотавшие у костра над дичиной оглядывались в их сторону. Малуша первой сообразила, что к чему, и улыбнулась как-то по-особенному.

А те двое отошли в укромное место. Яр повернул Устю к себе лицом и стал распускать её пояс. Нож, спрятанный за поясом, упал в траву.

- Ты его носишь всегда под рукой? – спросил он. – Зачем?

- Чтоб не взяли силою... Выну – на нож никто не пойдёт. Так отобьюсь.

- Что ж, отбивайся, - сказал он.

- Не хочу, - отвечала она и обняла его.

Они легли на молодую траву под куст ради любви и продолжения рода.

А у костра Янка в изумлении спрашивала у Малуши:

- И с нами так будет? С тобою и со мной? Ведь мы тоже ему жёны.

- О, до нас не скоро черёд дойдет! – отвечала ей Малуша со смехом. – Ты не знаешь Устинью. Вельми по душе ей пришёлся надёжа наш, так глазами и стережёт его. Она не вдруг его отпустит и ни с кем делиться не станет.

- Она *бесстудна*? - уже сердито спросила Янка. – То не к лицу деве.

- Пора её подошла. Вот как у яблоньки лешевой – не уговоришь не цвести, будет цвести. На то божья воля, в том божий промысел.

А Янина всё посматривала в ту сторону, куда удалились Яр и Устя.

- Забудь о том, то не наше, - сказала Малуша, управляясь с цаплей на вертеле. - Вот я тебе расскажу... как воин благородного облика *ввержен бысть в море и принесе его рыба на край берега*.

- Это о нём? – спросила Янка. - Он говорил, что тонул трижды.

- Уж верно о нём.

То был рассказ о том, как корабль опрокинулся в буре, его разбило в щепы и людей разметало по волнам... Все погибли, но одного *мужа доброго* большая рыба подхватила и вынесла на спине своей к берегу...

- У той рыбы ум человеческий. Она к людям всегда бывает милостива и готова служить.

«Это был дельфин!» - догадался я.

Далее рассказывала Малуша, сам же он – речь тут о Яре – ведал будто бы только то, что, верно, буря опрокинула корабль, а как потом оказался на берегу, того не ведал, был беспамятен, почти мёртв.

Но Янка не хотела слушать знакомое Матрешей невесть откуда – всё оглядывалась в ту сторону, куда те ушли. Когда же они возвращались, в глазах Усти было сияние. Она смеялась чему-то, шагая бок-о-бок с мужем, которого *познала*. Яр задержался, стал выламывать сухостоину для костра, а Устя подошла к *сёстрам*.

- Ну вот, - тихо сказала ей Малуша, - теперь ты настоящая жёнка.

- Да, - просто отвечала Устя. – Уж не девка, и настала мне пора ходить распяской.

Янка смотрела на них с изумлением: такой простой, такой обыкновенный разговор – о чем?! О только что случившемся. Она была крайне смущена, жаркий румянец пылал на щеках самой юной из *сестёр*. Она встала и тихо пошла прочь.

- Ревнует, - сказала Малуша, проводив её взглядом.

- Не след ей ревновать, - сказала Устя строго.

Яр как раз вернулся из леса с охапкой дров для костра, услышал говоримое.

- Не считай её в малых летах, - тихо посоветовала ему Малуша. – Она – как мы. Ты и ей муж, и нам. Разве не таков был уговор? Или ты её в рабыни взял?

- Я ваш раб, - отшутился он.

3.

Чуть времени спустя, он отправился в ту сторону, куда ушла Янка: нельзя, чтоб она не осталась в обиде, он хотел общего лада.

Вскоре услышал её голос: она пела негромко, сидя на скате берега и глядя на заходящее солнце. Перед нею было заболоченное озерцо невелико, но за ним, за протокой, угадывалось другое.. Он приостановился, слушал, ещё не замеченный. Песня её была про *куковицу*...

Не знает-де птица-куковица отца-матери, с детства была покинута, возросла, не ведая своего роду-племени, не имея родного гнезда. А потому летает по лесу, окликает доли, ищет душе своей отрады и утешения, сердцу любви, в думмах согласия – и зовёт, зовёт...

- Э-э, да ты у нас краснопевица! – сказал он, подходя к ней и садясь рядом. – Как славно поешь! А я того и не ведал по сию пору.

Она ладонью вытирала слезы, уже улыбалась. Он обнял её за плечи, по-отечески.

- Не стану тебя звать Янкой, - сказал он, подумав. – Стану звать Яниной, ибо ты не отроковица, а девица. Велю и сёстрам звать тебя тако же.

Она кивнула согласно.

- Не позволяй печали да всяческой туге владеть тобой.

- И грусти, и печали душа алкает в иное время, - возразила она. – Ничто!

- Спой ещё, - попросил он.

И она спела...

Жил-был родничок-студенец, но собой молодец. Вышел из чрева земли-матери, стал ручейком и побежал куда ему хотелось. Прыгал с камня на камень, нырял под палые деревья в лесу, растекался по песку чистому, по мелким камешкам, пробирался сквозь траву и камыш, через кусты да по древесным кореньям. Птахи над ним порхали и ему пели, солнышко его грело, малые крылатки играли над ним, а он бежал и бежал... и говорлив был, не унять, голосом хоть и тонок, но звонок. О чём пел-журчал? А о том, что встретится ему такой же ручеек от родника-студенца, соединятся они и побегут вместе, едино... а путь далёк!

- Такая вот песня, - сказала Янка-Янина уже веселее, как это и было ей более свойственно. – Она о нас... Мы тоже... бежим, бежим.

- Уже скоро остановимся насовсем, - сказал Яр и провёл рукой по её волосам.

- Не так, не так, - сказала Янина. – Я тебе не дочь. Ты нас всех в жёны себе взял, и меня тоже. Не забывай о том.

И обняла его сама, как жена, шепнув при этом:

- Мой надежда...

Она была, пожалуй, посмелей Усти.

В тот ли раз, в другой ли она пела для него:

*Ты взойди, взойди, солнце красное,
Из-за края земного да из тьмы ночной.
Во небесную высь, где живет Сварог,
Где живет Сварог, самый добрый бог.
Погаси в небесах звезды ярые
Да пролей на землю живое тепло.*

*Встрепенутся листья, расцветут цветы,
Воспоют птахи по лесам и долам,
Возрадуются рыбы во быстрых реках,
Звери дикие умилоостивятся...
А и нам ли горевать, когда ты взойдешь?
А и нам ли не петь да не радоваться?*

4.

А вечером девы пели уже втроём. Про кукушечку и про чистый ручеёк, и про солнышко на небе... а ещё про то, как созрела-раскраснелась ягодка...

А была-то зелененька, робко пряталась под зеленым листом, никому не нужна, никому не желанна, ан вдруг солнышко её пригрело – и ягодка зарумянилась, стала краше всех, стала слаще всех, потому всяк к ней тянется...

То была шутливая песня, потому развеселились девы и спели вовсе озорное: про некий лужок, что едва поднялся, закурдявился, а уж примерялись к нему бравые косари, просили-умоляли, нельзя ли покосить, и вот разрешено было кому-то:

*Ладно, парень, приходи в садочек,
Будет вёдро – выкосишь лужочек.
Да смотри мне: раз уж напросился,
Не скули: мол, хватит, накопился.*

Тут надо сказать, что песни этой поначалу вовсе не было в книге... Или я её оставил без внимания, когда читал первый раз? Да, именно так: пропустил при чтении. Она показалась мне слишком обыденной: ну травка на лужку... ну кто-то хочет скосить её... и вот ему позволили, говоря, что-де не ленись. Но песенка эта немудрящая потом словно бы появилась по собственной воле и легла в текст, отнюдь ему не противореча и не выделяясь манерой написания.

А спать они в ту тёплую ночь легли не у костра, а *под шатром елинным*, то есть под елью шатровой: головами к стволу, ногами на все четыре стороны.

- Привяжу себя косой за *елину* эту, - шептала Янина, умащаясь на ложе своём, - а то леший ночью схватит за ноги меня и уволочёт в лесные кочки.

- Или Ворон Вороневич унесет на высокую сосну, - подсказала Малуша. – Там у него гнездо.

- Не отдавайте меня никому, - попросила Янина. – Небось, я вам ещё пригожусь.

5.

В эту пору их стали донимать комары, особенно по ночам. Но Малуша отыскала какую-то травку, растерла её на лопаточке осиновой, которую сама же и выстругала, смешала с припасенным ею ранее зельем и пахучей этой кашицей велела мазать понемногу и чело, и за ушами и по шее, и голые руки да ноги тоже. Малуша зельем травным помазала и ствол ели. *Комарие* неисчислимой ратью подступало к ним; самые воинственные отважились садиться на обнаженные места, но, чихая и кашляя, отлетали, свирепо свиристая.

А ещё Малуша перед сном пугала всех *навьями*, приходящими к живым *из земли темне и мглене, из тьмы вечных...* Рассказывала, как являются они в морозные зимние ночи к избам погреться, и как в мыльню приходят помыться, как на местах скудельных, где хоронят мёртвых, разводят костры – пламя высокое, а жара от него нет, только неверный свет.

Пугалась Янина, а Устя в свою очередь рассказывала, что в некоей стране живет на горе *людояд*, который ест во всякий день по человеку. А выбирает для трапез девушек юных да самых *лелых* - чем красивей они, тем ему чревоугоднее.

- Сначала натешится с нею, а потом съест, - заключила Устя.

Потом снова вступила Малуша. Яр слушал уже сквозь сон:

- Прослышав же преславный *страстник тех глаголющих*, прослезился *о прелести их*, *умиленным же оком обращаясь*, вздохнул...

- *Страстник* - это кто? – спрашивала Янина.

- Старик древний, много страстей испытывший, потому и *страстник*, - поясняла Малуша.

Рассказам Малуши не было перевода: поведает одну – принимается за вторую. Однажды, как некий *муж добр* плавал на корабле, называемом *галера*, вдоль берега и к островам и обратно - доставляли товар в города. И какова та галера, и каковы те города.

«Откуда она знает? – дивился он. - Кто ей поведать мог? На море не бывала... галер и прочих судов не видывала...»

Он не ведал, что брала она его десную руку, когда он спал, и по ней вела с ним разговор...

- А в тех городах, - говорила теперь она, - богатые люди на кроватях да на перинах лежаше, совокупляюще завтрак с обедом, а обед с вечернею... едят неумеренно, чрево расширяют.

- И легают с женами на святых местах, - подсказала Устя насмешливо.

- Легают, - подтвердила Малуша. – Вина сладкие пьют, гворове мясо едят, как ество лакомое.

- Таково мясо бесполезно есть, - возразила Устя.

- То нам. А им полезно, от них те люди в любовных утехах неукротимы становятся.

Тут девы похихикивали. Посчитали, сколько гворов-зворобьёв надо поймать и ощипать и зажарить, чтоб насытиться одному... или двоим, паре любовной.

- В тёплых странах таковых птах изобильно, нет им перевода, - сказал Яр. – Люди сеют просо, а гворы убирают урожай. Потому они и воры.

- А верно ли, будто далеко за морем есть река и в ней плавают чудища таковы, что могут проглотить человека с лодкой? – замирая, спрашивала Янина.

- Сам не видел, но говорили: на Ниле-реке есть зверь лютый именем Коркодил... подобен ящерице, но велик, словно бревно в десяток сажений. На нём доспехи из пластей железных и когти железные, а хвост будто каменный и широк. Ударит хвостом по воде – рыба вверх чревом всплывает, и ест он её...

- И людей?

- И людей ест, словно лягу, - подтверждал Яр, тая улыбку. Янина вздрагивала от страха.

6.

Комарие свиристяху вокруг них неумолчно, однако не докучало, смирилось, что не попить им людской крови, как ни лакома она им.

- За Кипром-островом опять море бирюзово... за морем страны чудные, - рассказывал Яр. - В ином же месте жидове жертвы возношаху богове. То место нарицаху Леван - страна лесная.

– Там живет дивная птица финикс, - добавила Малуша, - она наполняет лес криком своим, очаровывает.

- За Леваном *на восток* волшебные страны... Говорили мне: там яблоки с человечесью голову...и птицы кладут яйца тако-вы же... и *многообильно драгих камениев: садоник, тумпаз, изморагд, анфракс, аспид...*

- Мой надежда, а что за трава *лавенда*, которая растёт в землях *еллинских*? Мне бабушка давала обоняти, говорила, что из-за моря.

Яр в ответ сдержанно, неторопливо:

- *Лавенда есть трава, естеством горяча и суха. Однако силу имеет такову, аще кто часто обоневает, у того очи светлостны бывают.*

- Очи светлостны, - прошептала следом за ним Янина.

- *Лавенда и небо егда да освежает.* А дерева леванские *нарицахуся кедры*, от коих *арамат*.

- То *арамат ладанный*, - пояснила Малуша.

Рассказал он и про лавр – дерево долговечное и всегда зелёное. Именно там живёт птица *финикс*: её убьёшь – она оживает, а сжечь в огне – восстаёт из пепла нетронутой, неопалимой.

Рассказал он и про ладан, спадающий с небес:

- *Тако взимают его на деревьях. Он же в летье время сякнет из древа, то есть хорош и светел, а коли сякнет во иное время, тот есть нечист и мутен.*

Тут в его рассказ вступила Малуша со знанием, словно сама ходила за море:

- А на Кипре-острове родится ладан росный, его хранят в *ладаницах* серебряных золоченых. Кто его обоневает, Дида-Вышеня увидит и слуг его – ангелов.

- Ангелы – это кто? – спросила Янка.

- Младени или отроки с крыльями и летают, как птицы, - пояснила Малуша. - Они прислужники у небесных богов, они их гриди. Коли кто умирает во младенстве, того определяют в ангелы, потому как ещё безгрешны они.

- А у Чернобога гриди кто?

- То демоны. Они злы, немилостивы, они погубители наши.

- Ангелы – это рабы при Вышене? – уточнил Яр, желая подшутить над Малушей.

- Нет, - возразила она. – Вот если б ты нас приневолил, мы были бы рабыни твои. А коль мы по своей охоте...

- ...то мы ангелы при тебе, - подхватила Устя. – Так и у Дида.

- Сладь мне крылья из берёзового луба, как сплел лапти для Малуши, - попросила Янина. - Я хочу летать, как летаю во сне.

- Боги небесные красивы ликом, справедливы, потому и ангелы их таковы же, - говорила Малуша поучающе. - А боги тёмного царства злы и страшны, и прислужники их лик имеют ужасный. Богу небесному ангел прислуживает по любви, а Чернобогу его демоны да беси – из страха и от зловредного да лютосердого их нрава исполняют его злую волю.

7.

Наконец заснули все дружно. Однако ночью Устинья подкатилась к Яру, привалилась тесно, пригребала его властной, сильной рукой. Его, ещё сонного, позабавило, как это она похозяйски с ним поступает, словно обрела полное и неразделимое право на владение мужем и ясным днем, и тёмной ночью.

- Услышат, - шепнул он ей в ухо одним дыханием.

- Спят, - отозвалась она, а в тоне её шепота было: пусть, мол, слышат, она не тать в ночи, а его жёнка.

Под шатром *елинным* была крошечная тьма, а в лесу тишина такая, что слышен и шорох пробегающей мимо мыши. Но Устинью не смущала и полная тишина, в которой явственно слышалось её частое, рвущееся дыхание: так она любила его в ту ночь.

«Грех, грех, грех! – пометил тут химический карандаш. – То не человеческий, а звериный обычай. Любовь стадная, бесстыдная... Язычество суть!».

Гневался батюшка Кирилл (если, конечно, карандаш был именно в его руке)... да и я, читатель, немало смущался прочитанным: уж очень неуклончиво об этом повествовалось, с некоторыми подробностями, которые я ныне по соображениям целомудрия опускаю и которые немало смущали меня тогда,

Словно оправдываясь за свою любовную пылкость, Устинья шептала:

- Я не ради баловства - хочу, чтоб у меня было дитя.

- Зачем тебе оно? – подивился Яр. – Сами спасаемся, *гнезда не имам* и дитя обречём на тяготы. Разве не так?

- Для утешения в тяготах и дитя, - возразила она. - Сами спасёмся и его спасём. Дитя нам и силы даст

«Хочу ли иметь дитя? – мысленно примерился он. – То куда как дивно... Будет вот так рядом спать, и я слушать, как он дышит».

Он ощутил в груди своей странное чувство, какого не бывало ранее: вроде бы как тепло на душе стало.

- Родится сын – наречем Сторонькой, - решил Яр.

- А если дочка – наречем Ярославой, по отцу.

- Добро, - согласился он.

- Но почему Сторонька?

- Брат у меня был, - Яр вздохнул. - Любил я его больше других братьев. До сих пор о нём горюю. Пусть вернется ко мне, как сын.

- Был – значит, нету ныне... Небось, зверь растерзал?

- Нет, убили в ссоре... Эйнар Кривой Нос, воин в найме, по ярости своей погубил Стороньку.

Помолчав, Яр добавил сурово:

- Невиновен был брат мой перед ним, потому я лишил Эй-нара жизни...

Устинья вздрогнула, а потом крепче обняла его, сказав:

- Ты поступил, как должно. Нашего Стороньку мы будем оберегать и не дадим в обиду ни дикому зверю, ни лихому человеку.

- Так, - отозвался он.

- Но у нас будет много сыновей, - добавила она

- Добровит, Климята, Домажир – то мои погибшие братья.

Пусть они вернутся ко мне все, уже как сыновья.

И добавил после короткого молчания:

- И Нечуй тоже...

- Да будет так, - сказала Устя.

Ёж приполз к ним из ночи, но Устя строго приказала:

- Ёж-батюшка, не толкайся.

Отпихнула его, чтоб не мешал, и он откатился к Малуше.

* * *

Я шел с этими людьми, поместившимися в книге... Не спрашивая разрешения и не ожидая приглашения, садился с ними за трапезу, внимательно приглядывался к их хлопотам, слушал разговоры, подчас смущавшие меня.

Вот Малуша накопила известных только ей кореньев, натёрла их – каша была сладка и бела, как снег. Мне казалось, я отведал той каши.

Вот Яр побродил по берегу озерца, подстрелил из лука двух молодых щучек и еще одну большую рыбину, которой никто не знал названия; она была очень сильна, даже со стрелой в теле боролась и уходила в глубину, но запуталась в *затресье*, то есть в тростниковых зарослях; при жарении на углях она истекала вся жиром, мясо же имела нежное, ароматное, необыкновенно вкусное. Она была столь велика, что каждому за трапезой хватило по большому кусу. Каким-то образом и мне перепала *кромина* той рыбы, потому что я явственно ощущал её во рту. Что это была за рыба? Иногда упоминались белорыбца да стерлядь, совершенно неведомые мне, иногда вовсе незнакомо-го названия. Может, то белуга, опять-таки неизвестная мною? Именно её я представлял большой, толстой, жирной...

Я видел: в логах и под кустами, под деревьями поднимались вверх кулачки папоротников, готовые разжаться. Тут и там в изобилии цвели первые весенние цветы, именуемые в книге той столь дивно и странно, что невозможно было определить, о каких именно цветах идёт речь. Но догадывался: это, небось, о ландышах, купальницах, калужницах, о мелких белых цветочках, именуемых ныне любками....

Впрочем, можно предположить, что тогда росли какие-то иные травы и красовались иные цветы, которых ныне уже нет. Коли никого из нас, ныне живущих, в то далекое время не было, то как мы можем утверждать что-то со знанием дела? Растения разного облика приходят и уходят, как и люди: одни народы вымирают, другие нарождаются... строятся новые города, стареют и исчезают без следа... И с травами так же. Появляются, благоденствуют государства и тоже исчезают бесследно.

Вот из моей тетради записи:

Разрыв-травка, плакун-травка, прыгун-травка, спрынь-травка, сон-травка...

Зодик, растет по старым росчистям, собой мохната, ростом в пядь...

Травка парамон, собою волосиста...

Травка смык, растет по полям, ростом в перст...

Зоря, клопец, изоп, ушки, ногти, увар, шабер, уклея, девичья краса...

Иные названия расшифровать удавалось отнюдь не с первого прочтения. Вот, скажем, что такое *курья*? В моей деревне такого слова не употребляли, но я, встречая его в книге своей, угадывал по тексту, что это заболоченное место, прилегающее к

речному или озерному заливу, где и растут дивные травы. А поначалу-то решил, что это ветхая, временная избёнка.

Или вот: что такое *мень*? А это, как сказано, *рыба речная величиною бывает в три пяди, во всем подобна сому, а тело его лучше сомового. Мень* – это налим, вот что!

Я натыкался на *воробы*, полагая, что речь идет о воробьях. Ничего подобного! *Воробы* – это крестовины для шалаша, жилья временного.

Теперь-то я знаю, что упоминавшаяся там *крошня* – это корзина, а *веретеи* и *путевье* – это сети рыболовные, а *накапка* – головной плат, который женщины накидывали поверх *капы* (шапки)...

Но не стану увлекаться словарём, а к словам этим ещё вернусь по необходимости. Некоторые так и остались для меня загадочными:

Рыба-калуха, камень *оловастр*, рыба *курва* - что это?

Костобокые рыбоеды – о ком это?

Звезда Чигирь – о какой звезде речь?

Пучок зори, пучок роману да пучок маярсу – о чём это?

А еще *лопатень, ляговина*... и много, много ещё.

Глава двадцать вторая. Видения на холме.

Явление Липицы. Малуша целит её. Моются... глиной. Рассказ Липицы. Изумрудная змейка в облаках. Медведица с медвежонком. Малуша на холме. Изображения искусные.

1.

Поутру Малуша проснулась оттого, что рядом с её головой, как раз возле уха, копошится мышь. Малуша, не открывая глаз, поймала её в ладони, сделав их лодочкой, спросила:

- Ну, что тебе?

Мышь попискивала озабоченно. Не человеческим голосом, а именно мышинным писком поведала Малуше:

- Вы не одни тут... Рядом с вами ночует жёнка...

- Я догадываюсь, - шепнула ей Малуша. – Не разумею только, почему она не явится нам?

- Того и я не ведаю...

- Что ещё случилось?

- Пролетал над вами нетопырь, замышлял злое, да не сумел...

- Селение есть поблизости?
- В двух поприщах отсюда селение встало на новом месте.
- Велико ли?
- Многолюдно...А в той стороне, в поприще отсюда, три избы, в них пятеро мужей, четыре жёнки, детей много. В иные стороны селений нет.
- Откуда твои вести?
- Птахи в клювах принесли. Я разумею их переклик.
От попискивания мышиноного проснулись Янина и Устя.
- Гостья у меня, - объяснила Малуша *сестрам*. – Новости поведала мне.

Те не удивились. Они привыкли к Малушиным забавам. А мышшь прыгнула с её ладоней на землю и убежала. Малуша загадочно улыбалась, а чему, того не сказала.

После утренней трапезы, когда уже готовы были отправиться в путь, Яр еловой лапой пригасил огонь костра: он никогда не заливал его водой, просто разметал и прихлопывал еловой веткой, притоптывал до последнего уголька. Тут несвойственный лесу звук озадачил и насторожил их: явственно послышался кашель. Янина испуганно оглянулась на Малушу, на Яра. Устя отважно направилась туда - узнать, кто там. Но Яр остановил её взмахом руки, нахмурил брови: не твоя, мол, забота. Пошел сам в ту сторону. Ступал тихо, словно зверя скрадывал, - и хворостина сухая не хрустнула под ногой, и ветка живая не прошелестела о плечо.

В лесу было ещё сумрачно, хотя солнце поднялось над вершинами деревьев. Лёгкий туманец плавал меж стволами. Как ни зорок был Яр, а не заметил под раскидистой шатровой елью женскую фигуру, сидевшую нахохлясь. Постоял, вслушиваясь в тишину, всматриваясь, – вокруг лес хоть и не густой, но с подростом рябиновым, брединным да из молодых ёлочек.

Кого тут можно разглядеть! Если кашлянул леший, то уж он знает, где и как ему прятаться – не углядишь. Небось, сидит в укромине под моховым покровом, и смотрит на человека, ухмыляется, корчит рожи, а голоса теперь уж не подаст. Показалось: вон он притаился... Но это был муравейник.

Малые птахи прилетели стайкой, деятельно порхали по стволам, по веткам. Яр стоял, слушал – больше никаких звуков. Он повернул назад и ушел бы, но тут снова закашлял кто-то. Яр тотчас увидел... Липица!

Она сидела на ворохе сухого тростника, прислонясь спиной к развилине сосновой, а ноша её лежала рядом. На голову

плат накинута, закрывая лицо и шею от комаров. Как она оказалась здесь? Давно ли? Шла ли следом за ними, они ли случайно оказались рядом, и вот пересеклись их пути.

Солнце как раз вышло из-за облака и косым лучом пронзило лесную чащу, упало на Липицу. Яр сразу различил: лик её пылал жаром, прекрасные глаза в поволоке истомной.

- Настиг-таки тебя Лют, - сказал Яр сокрушенно. – Не такой судьбы я тебе хотел.

Он не приближался к ней из опаски, а что теперь делать и как помочь, не ведал.

- Не бойся меня, - отвечала она, преодолевая душивший её кашель. - То не чёрная болезнь, то лихоманка простудная. Нет на мне Лютоморовых мет...

У него немного отлегло на душе.

- Ты к нам шла или мы к тебе?

- Я следовала за вами.

- Сказала, пойдёшь к людям, - напомнил он. – Я так и решил, потому лишь от тебя отступился.

- Пошла... но они не приняли меня. Ими владеет страх.

- Я звал тебя с собой, - опять попенял он ей.

Она кивнула, соглашаясь: да, звал.

Яр видел, как вздрагивают её плечи от сдавленного кашля, и голос рвался. *Трясовица* мучила красавицу-жёнку. Он помог Липице встать, повёл к *сёстрам*, ободрил шуткой:

- Этак-то на плаху идут да на крест для распятия. Шагай веселей, жёнка! Не затем родилась, чтоб скоро умирать.

И она приободрилась, однако смущена была тем, что он поддерживает её, потому отстранилась, сказав твердо:

- Иди... я следом.

2.

Устя и Янина встретили Яра вопросительными взглядами: с кем разговаривал и чьи сумы принёс? Он ничего не сказал, только оглянулся. Что тут было объяснять: Липица уже выходила из-за деревьев. К появлению её отнеслись по-разному: Янина с изумлением, Устя насторожённо, Малуша приветливо улыбалась.

- Я тебя ждала, - сказала Малуша Липице. – Знала, что ты где-то рядом, скоро явишься к нам.

Яр укорил её:

- Зачем не поведала мне?

- Яблочко должно созреть, тогда срывай, а иначе кисло, - отозвалась Малуша. – Она следовала за нами, потому я решила: пусть дозревает.

- Ты не могла знать! – возразила Липица. - Я шла за вами тайно.

- Тайно... - засмеялась Малуша. – Всяк зверь тебя видел, всяка птаха, и древо, и комар... Мы тут все на виду.

Липица села рядом с Малушей, закашлялась, говоря:

- Я только вчера в полдень вышла на ваш след, потом потеряла.

- Обронила гребень свой, - подсказала Малуша. - Он выпал у тебя из-под плата.

- Ты видела это! – удивилась Липица.

- Теперь он в земляной норе, у хозяина мохнатого. Забудь о потере своей.

Липица не опечалилась.

- У меня есть ещё один, малый. Тот был велик, потому и выпал.

- Где ты была? – спросила Устя.

- Я шла лесами, - говорила Липица, преодолевая недуг свой. - Напала на турье стадо... бежала...ночевала в *ловитвенной избёнке*... там *лиска* живёт, то ли живая, то ли заговорённая... потом вышла к селению, к людям, но они не приняли меня... вышла к другому селению, а там Лих лютует... Из того селения добрый отрок на дуде играл, звать его Осинок... ах, как жалко его: небось, помрёт!... Я долго плутала, и вышла на ваш след. Истинно: кто-то вёл меня.

- Она недужна! – шепнула Янина.

- Не пугайтесь, - Липица закашлялась. – Это лихоманка временная. У меня так бывало и раньше. Чёрной меты нет на мне, я чиста.

- Небось, в низком месте ночь провела? – спросила Малуша и добавила наставительно. - Нельзя при болоте ночевать – чирья наскочат.

- *Аще не спасет место нас, сице не творим воли богов наших*, - тихо ответствовала ей Липица.

Малуша опახнула её лик своей легкой рукой, в глаза посмотрела, молвила;

- Жёнка, тебя целить надо.

Потом сказала Яру:

- Мой надёжа, идти с нею нельзя, надо постоять.

- Мне б полежать немного, и исцелюсь, - виновато сказала на это Липица.

- Нет-нет... покорись мне, я всё знаю и всё умею.

В этот день они уж не пошли дальше. Развели большой костёр, а когда прогорел, груды жарких угольев по велению Малуши разметали, золу размели до самой земли, а на разметенное место набросала она мху сухого, по нему разложила мягкую настилку из *лоскотья* бобрового да лисьего. Подошла к Липице, взяла её голову в ладони, что-то быстро-быстро говорила, дала ей испить травного отвару, велела раздеться донага и лечь. Больная с испугом оглянулась на Яра, но Малуша строго сказала:

- Не стыдися, сестрица, невместно теперь это! Немочь твоя такова, что можешь умереть.

Яр отошёл в сторону.

Липица стала уже покорна, не было в ней прежней отчуждённости, усмирила свою гордыню. Она разделась, легла, сотрясаясь от кашля, и Малуша принялась разминать её тело; руки она перед тем смазала из берестяной коробки светлой мазью, душно пахнущей.

- Устинья! - повелела она. – Делай, как я. Положи на доло-ни снадобья моего, растирай... Да поспешай, поспешай!

Устя стала ей помогать.

- Сильнее! – приказывала Малуша. – Не жалея её! Пощады не ведай!

Она и сама, словно опьянела от своих усилий и от запаха мази, но скоро отступилась в изнеможении.

- Поди сюда, - позвала она Яра строго. – Проворней! Нужна мужская сила.

Смазала ему руки той же мазью и велела растирать тело Липицы сильно-сильно – от *выи* до пят.

- Мни вот так, чтоб кости хрустели. И спину, и бока, и крестец, и ягодичы. Да не стыдися, ты не красна девица! Ты муж, ты воин, ты наша оборона и от болезней.

Липица была узка в плечах, узка в спине, но в чреслах гораздо широка и ладна.

- Ишь, какова жёнка, - ревниво сказала Устя, разминая её нещадно. – И где такие родятся?

- На Тане-реке, - отозвалась тоже опьяневшая Липица.

- То-то говорили... мол, оттуда в царицы жён да девиц берут!

Она посматривала на Яра – тот растирал больную рядом с нею с невозмутимым, даже суровым видом, хмурясь, – словно обычное дело исполнял.

- И живот, и грудь! – распоряжалась Малуша.

И с прежней силой накинута на Липицу, словно дикий зверь на жертву свою.

- Вот так! Вот так...

Тело Липицы уже полыхало огнем; она постанывала и была явно не в себе. Её быстро облачили в тёплое, уложили опять на горячее место, на ту же настилку; накрыли сверху *шубой ильковой*.....поверх шубы той накрыли *вотолой*...

Как я понял потом, *ильковая* означает *хорьковая*, а что такое *вотоло* - не ведаю.,

...и еще сухим мхом покрыли толсто – она была теперь, как птенец в гнезде, как слепой крот в норе, как медведь в берлоге. И уже спала.

3.

Яр ушёл в лес и долго не возвращался. Девы в его отсутствие занялись собой: полоскали и стирали в старице речной нательное свое. Малуша нашла тут в обрыве глину *собинную*, обрадовалась ей, растерла её с молодой травой. Нательное расстилали по берегу на траве, плескали на него водой, натирали глиной, колотили палками и полоскали в бочаге. А была та глина вовсе не бела, а почти черна, однако же смывалась легко, не оставляя следа, но оставляя чистоту.

Глиной той покрывали головы, крепко тёрли волосы, делая колтун, потом окунались в воду.

- Не бойтесь, - говорила Малуша, всё делая первой. - Вода смое.

Так и было. Волосы у каждой из них, просохши, послушно струились, гребню были покорны, распушились, даже закудрявились немного, под руками были ласковы.

И нательная одежда явилась чиста.

Устя рассказала между делом: вышла-де утром к реке купаться – она бесстрашно купалась! – и вот видит: у другого берега на мелководье русалочки играют. А туманец стлался над рекой! Они этак выныривали из воды, выходили на берег, катались по росной траве, гонялись друг за другом, шалили всяко и опять уходили в реку. Устя ясно расслышала их смех, пенье тихое и печальное.

Но всех напугал рассказ Матрёши: она пошла к лесному озерку за кореньями, и вот из тины-трясины поднялась водяная старуха, костлявая, с зелёными волосами, персты с перепонами, изо рта чёрный зуб торчит.

- Худущая, страшная, рот распялен. Ухнула филином - ряска над озерцом всколыхнулась, вороньё поднялось над лесом - и утонула опять.

Это уханье слышно было по вечерам и ночью. Теперь-то стало ясно, кто пугал.

Янина в свою очередь тоже поведала: мол, сама не видела, но видели другие и ей рассказывали, когда была маленька: вышло-де из лесу чудище огромно - с омёт соломы, и шерсть на нём подобна соломе, только темна, как на вепре, а ноги – как брёвна, а нос длинен, до земли, и два рога торчат изо рта...

- То всё говорилось тебе в забаву, - так сказали Янине. – Того не могло быть, чтоб столь велико – с омёт соломенный.

- Земля тряслась, когда он шёл, - уверяла Янина.

Про водяную старуху в зеленой ряске верилось и в русалок тоже, а вот в чудище, чтоб рога изо рта, не верилось.

- Надобно спросить у Яра Вышатича, - решила Устя. – Небось, знает, могло ли быть такое.

А Липица спала. Ни слова от неё, ни дыхания не слышно. Устя и раз, и два подходила к ней, наклонялась, потом тихонько спрашивала Малушу:

- Не померла ли?

Но Малуша только улыбалась в ответ:

- Коли спит, то и добро. Худо, если б металась да стонала. Пусть спит. Сон от многих немочей исцеляет.

4.

Липица проснулась и выбралась из своего логова жаркого - встала румяной да веселой, словно и недужной не была. Глаза уже не в поволоке истомной, а лукавые, даже озорные. Она тоже восхотела натереть голову глиной, но Малуша не разрешила: рано пташечка запела. Липица отправилась к воде – умыться.

В её отсутствие три девы сидели вокруг костра, пили горячий сбитень, приготовленный Малушей из водицы родниковой *вперемешку* с какими-то травами, и определяли судьбу прибывшей к ним жёнки.

- Возьмём её с собой – сказала Малуша.

- Она не работница – костью тонка, - обронила Устя.

- Потому отвергнем? То не гоже.
- Нельзя её оставлять одну, пропадёт.

Говоря это, Устя оглядывалась на Липицу ревниво. А та вернулась от воды, вытирая лицо платом, посмотрела на этих троих милым взором, сказала:

- Как у вас всё ладно. *Муж добр* уже приручил вас. Не думала я, что так скоро. Как сумел?

- *Овогда* бранит грозно, *овогда* похвалит, - пошутила Устя.
- Брани его не слышала. Добр и терпелив он с вами.

А Яр как раз подходил к ним и слышал разговор этот.

- *Терпелив муж мног в мудрости, а наглодушен крепок безумием*, - сказал он с усмешкою.

- Муж у нас строг... а надобно бы строже, - сказала Устя уже для него. - Нельзя ему с нами добрым быть. Доброта погибельна.

Она с умыслом употребила это слово – муж - чтоб знала Липица, кто тут кому кем доводится.

Он был удачлив на охоте: принес пару утиц, которых ошипали, одну из них стали жарить на вертеле над углями, другую потом зарыли в угли, набив её горячими камнями. За хлопотами этими разговор между жёнами был.

Янина рассказывала весело о реке по имени Стugna, как купалась в ней.

Малуша вспомнила реку по имени Стрежень и про некие Болдины горы.

Липица слушала и счастливо улыбалась. Устя, сказала о ней ревниво:

- Ишь, какая ... Наверно, любили тебя? Признавайся... Ножам, небось, из-за тебя резались... мечам секлись?

Липица того не отрицала и не подтверждала, просто улыбалась и была очень хороша теперь – глаз не оторвать. Вот почему звал её Златко таким именем – Красавой! Устя опять с ревностью спросила :

- Небось, любил тебя муж твой?
- Любил... на то и муж, чтоб любить.

Липица вздохнула и опечалилась, но накоротко – словно тень прошла по лику её.

- Сестрица, - обратилась к ней Малуша, - мы подумали о тебе: строптива... Ан нет! Ты ласкова.

- Говорят: *жена злая кротима высится, а биена бесится*, - сказала Устя.

- Не была ни *кротима*, ни *биена*, - отвечала Липица. – Была кротка. Но только с мужем.

- За кротость лёгкий суд, - усмехнулся Яр. - Кто он был, твой муж?

Она опять затуманилась взором, сказала так:

- Злат мой – из первых людей при князе Венцеславе и сам княжий сын, только не Венцеславич. Злат – из Кремь-града, его отец Богуслав там княжил.

- Что ж не жилось твоему Злату в Креми?

- Он от третьей жены у Богуслава... с братьями не поладил, отошел к Венцеславу, дяде своему. На Думенском поле Богуслав пал в битве, в Креми стал княжить сводный брат Злата – Рур Богуславич. А тот боялся, что Злат вернётся в Кремь, прогонит его с отчего места, потому как любим был горожанами. А поженились мы в месяц *сенич*, уж рожь цвела, - тому три лета прошло. Недолго я радовалась... а надо бы сто лет. Венцеслав послал Златко в полюдьё на реку Сну, там его погубили подосланные Руром люди...

Опять опечалилась Липица, жалко было смотреть на неё, когда она рассказывала это.

- Каков он был, твой Злат, что ты о нём по сю пору печалуешься? - опять спросил Яр.

- Станом тонок, высок, крепок, белорук.... малыми *очима...* *зерк...* *луконос...* *тонким лицом...* да только *любогордив*! Потому что княжий сын.

При этом она посмотрела на Яра, словно сравнивая. Он же принахмурился. А потому принахмурился, что подумалось: от того сравнения нет ему пользы. А ещё он понял теперь ясно, что Липица желанней всех ему, но она не полюбит его никогда, раз так любила мужа, хоть и нет его *в животе*, то есть в живых. А коли так, то лучше б её не было вовсе рядом, лучше б ей не возвращаться к ним. Змеей ужаленный палец должно отрубать напрочь, тогда заживет. А не отрубишь – погибнешь.

Попечалилась Липица от воспоминаний, потом превозмогла себя, с усилием смахнула тень с лица и опять стала столь весела да радостна, что готова была целовать и Устинью, и Янину, а Малушу более других.

Исцелилась жёнка... Яру, улучив минуту, сказала строго:

- Не требуй покорности моей против моего желания. Дай мне пожить с вами. Как знать, что будет дальше! На всё воля богов!

Ничего ей Яр на это не ответил, словно не слышал. Но она так поняла, что *муж добр* принял её к себе *под крыло*. Ему же опять явилась мысль об ужаленном пальце... Но не отрубил.

5.

За хлопотами, когда собирались в дальнейший путь, случилось...

- Посмотрите! – вдруг воскликнула Малуша, глядя вверх. - Гляньте в небо: что-то там посверкивает. Кто-то играет в облаках.

Никто не увидел того, что видела она.

- Смотрите! – настаивала Малуша. - То не птица! То змея... с крыльями. Вот в облаке скрылась.... А вот вылетела...

В небе и впрямь что-то посверкивало среди облаков, а что именно, не различить. Но разве может быть змея с крыльями? То птица или малая стайка птиц.

- Да нет же! – настаивала Малуша. - Крылышки блестящие... хвост истинно змеиный. Вишь, как свивается!.. Это змей! От колдовства соединились в одно птица и гад.

Теперь увидели это и Яр, и Липица, и Устя с Янкой.

От места того шли они вдоль по руслу ручья, словно не желая с ним расставаться, словно он был их поводырём. А вернее так: ручей тот бежал с ними рядом. Он то поворачивал и скрывался за деревьями, за всхолмлениями или за кустами в высокой траве, и казалось, что больше его не увидят; то вдруг выныривал им наперерез и убегал совсем в другую сторону, и в той, другой, стороне слышно было, как он журчит ласково или шумит рассерженно. Малуша улыбалась, слушая его.

Так шли... пятеро путников и ручей. А когда остановились на отдых, он опять как бы прилег к ним, присоседился дружески. Они напились из него – водица была чиста и холодна. Малуша сказала:

- Он по пути собирает воду с других родников, как пчела медок с цветов.

- О чем он воркует? – спросила Устя. – Небось, тоже про любовь телесну?..

- Он еще маленек, - сказала Малуша. – У него разум, как у дитяти.

- Потом взрастёт, станет отроком... потом еще более возмужает, окрепнет...

- Так получаются реки, - это Яр молвил. - Сейчас он – как один человек. А сплетутся многие в одно – станет целый народ.

- Не о нём ли песня твоя, та, что ты пела? – спросили у Янины

- Нет, не о нём, - отвечала та. – Моя песня непроста... она иносказание. Она об одном человеке.

- Да уж сами не глупы, - самолюбиво сказала Устя. – Знаем-понимаем не менее твоего.

6.

Шли далее ... Иногда пересекали - с опаской! - дороги наезженные или неторные, попадались и охотничьи тропы. Не раз и не два видели ловецкую сеть с уже оборванной тетивой: должно быть, ушёл зверь, попавший в эту сеть, сбросил с себя путы.

Вдруг вышли к камню, на котором чётко высечен был след человеческой ноги: кто-то обозначал границы своих владений – то не охотничий, то княжеский знак, небось, оговоренный соседями-князьями ещё в некие стародавние времена. И ещё камень попался им - с трех его сторон высечена голова птичья – опять обозначен край чьей-то отчины и дедины.

Однажды увидели медведицу с медвежонком – это случилось, когда присели отдохнуть на берегу реки: мать-медведица и её маленький детёныш, деятельный, бойкий, спустились с берега к заводи; здесь она забрела на изрядную глубину и стала вытаскивать толстые корневища водяных растений, вкусно чавкала сама и угощала детёныша. Оба ели с видимым наслаждением, будучи уверенными, что никто не видит их в эти минуты, никто не помешает их трапезе: ветер дул не со стороны путников.

Потом звери вышли на берег; видно было, как медведица разломилась огромный гнилой пень и выбирала оттуда кого-то или что-то; должно быть, белых червяков или муравьёв. Закончили они свою трапезу тем, что мать ободрала кору молодой осины, и опять они причмокивали от удовольствия, вылизывали сладкий подкорный сок. Наконец, медведица вздохнула шумно, добродушным ворчанием позвала медвежонка, и они ушли.

Все это происходило так близко, что казалось, звери эти могут услышать и изумленный шёпот Усти, и дыхание замороженной Малуши, и тихое восклицание испуганной Янины...

Только Яр следил за этой сценкой спокойно и внимательно. Впрочем, и Липица тоже.

Не раз и не два случались им на пути подобные встречи. В иных местах звери были непугаными, равно как и птицы. Стаи куропаток с треском и чиликаньем взлетали прямо из-под ног. На горях тетерева расхаживали, не желая подниматься на крыло, даже увидев людей. Вдруг раздавалось громкое фыркание где-то совсем рядом, чавканье чьих-то ног по грязи, треск ломаемых веток – и выходил лось; он смотрел недоуменно на проходящих мимо него людей и отступал от них неспешно, без испуга.

7.

Тут, пожалуй, моё упущение: я забыл изложить.... Надо непременно вернуться назад, чтоб приблизить повествование к первоисточнику: такое случилось несколько ранее... наверно, за день или за несколько дней перед тем.

Было так:

На пути своём в тот минувший день они достигли высокого холма. Яр почти взбежал на него, спутницы отстали.

Малуша, поднималась на холм и вдруг, словно споткнувшись, пала ничком, раскинув руки в стороны и вверх по откосу. Он, оглянувшись, подумал было, что с нею что-то случилось. Окликнул, вернулся – Малуша лежала, припав к земле ухом, на лице её ясно отражалось усилие внимания – она слушала.

Он присел рядом, уже зная, что это не зря: что-то она хочет услышать и о том поведать..

- Мой надёжа, - сказала она, - почему так изобильно людских голосов? Неисчислимое множество их и в той стороне, и в этой... со всех сторон.

Он не сразу понял её, потому возразил:

- Никого нет, кроме нас.

- Вся эта земля - будто улей на пчельнике... исполнена голосов людских. И грохот, и крики, и шум, и гуд... Столько не бывает и в самом великом граде. Наверно, лишь на бранном поле так-то, когда сходятся две несметные рати?

Он понял: она слышала то, что не слышимо никому. Яр оглянулся вокруг, предположил:

- Может, здесь была битва?

- И смех, и ликование, и детки шалют, смеются, и девы поют, и трубы трубят, и струны звенят... и пря великая со звоном мечей, крики яростные и гласы страдания... Много всего.

Поднялись к ним по откосу Устя с Янкой, сели рядом, слушали. Тогда ещё не было с ними Липицы, и Янка ещё не стала Яниной.

- Небось, тут было когда-то поселение? – предположил Яр. – Люди ушли, а голоса их остались?

- Они не из бывшего ранее, - возразила Малуша, чрезвычайно взволнованная. – То, что слышу, – будет потом. Разумеете?

Она закрыла глаза и продолжала, как в забытьи:

- Мой надёжа, слушай... И вы, сестрицы, внимлите... На этом месте встанет великий град, какого никогда не бывало... очень много людей поселится тут и их дети, внуки, правнуки... но жить будут совсем не так, как мы ныне. Я не слышу тележных колес, конского топота, но слышу иное... шум, но не бури... и гуд, но не ветровой... грохот как бы каменный, звяк железный и как бы рычание звериное...

Лицо Малуши было бледно: её осенило некое озарение, и оно было ей в великую тягость, руки у неё вздрагивали. Помолчав, она повторила еще более уверенно:

- Тут будет великий град.

- Именно на этом холме, где мы теперь сидим? – недоверчиво спросила Янка.

- Тут семь холмов... Град будет стоять на них и по окрестностям, насколько мы можем окинуть взором с высоты и далее, сколь видят птицы. Будут дивные терема и палаты из белого камня... у них широкие окна... дороги мощены ровно, словно лед на реке... Здесь будет бесчисленно людей... великие игрища, великие торжища...

- Сказка о новом граде, - шепнула тогда Янка, тихо смеясь. – А по мне так лучше б песня.

- Почему-то изобильно неизвестных мною звуков, – молвила Малуша словно в отчаянии.

Она села, оглядываясь, повторила:

- Мой надёжа, тут будет главный город на земле, самый-самый... Но ни мы не увидим его, ни наши дети, ни внуки. Он будет гораздо после нас.

То напряжение, с каким она вслушивалась, обессилило её. Некоторое время она сидела молча, переводя дыхание, как после долгого бега. Потом сказала:

- Мой надёжа, не встать ли нам на этом холме да и не жить ли тут, чтоб положить начаток граду тому?

- Нет, - сказал Яр, подумав. – Мы пойдем далее. Тут поселения близко. Нам же нужно место вольное чтоб не было у нас с кем-то споров да раздоров. Земля наша велика, всем места хватит..

Так было...

На том холме однако они приостановились, устроили ночлег, и ночью приходил к ним дед-лесовик. Он обошел вокруг елей, под которыми спали люди, – слышно было, как вздыхал и приминал ногами мягкие ветки. Янина проснулась и разбудила Яра, прошептала ему боязливо: посмотри, мол, кто там. Он посмотрел в просвет между елями – верно, дед-лесовичок обходит их ночлег: невысокого росточка, *брадат* и волосат, неуклюж, и то ли причмокивает, то ли пофыркивает, чем-то недоволен.

Это был именно дед-лесовик, а не зверь какой-нибудь. Они смотрели: да, под деревом стоит, покашливая, потом чихнул и отступил.

Яр поднялся с ложа и отнес в чащу лесную, положил там на поваленном стволе медвежатины кусок да сладкое корение, найденное днем Матрёшей.

- Эй! – сказал Яр и руку приложил к сердцу, и поклонился. – Не обижай нас, а мы тебя не обидим.

Тотчас ему из чащи отозвался кто-то добродушным ворчаньем. Лесовик угощение принял: поутру положенного на стволе дерева не было.

* * *

Пожалуй, больше, чем Яр, был обрадован я, когда Липица соединилась с ними. Трудно было мне примириться с тем, что она будет и далее скитаться неприкаянно и пропадет насовсем в дебрях лесных или уйдет в чужие люди, где тоже исчезнет безвестно. Теперь же Липица словно бы встала рядом не только с ними, но и со мной тоже. А болезнь её не встревожила меня: конечно же, это лихоманка простудная, а не Лютоморова напасть, от которой верная смерть.

Признаться, не по душе мне было, что идут они к каким-то озёрам... а шли они, как было сказано, именно в некий озёрный край. Близ моей деревни только болото, а озеро нет. Значит, Яр и его спутницы шли где-то далеко.. Зачем? Поселились бы на Нерли...

Я мечтательно предположил: может, идут они все-таки сюда? Наша Нерль тоже вытекает из озера...и ручей наш под названием Ир течёт хоть и не из озера, а из болота, но когда-то давно, уж верно, оно было озером.

Мне тогда казалось, что в тысячелетнем прошлом и реки текли по иным руслам, и озера были не там, где ныне. Великие камни-валуны всходят из земли и утопают вновь, леса кочуют с места на место, как стада коров, студёные родники пробиваются из земных глубин и иссякают, умирают. Разве не так? Наверно, каждое болото было раньше чистым озером, но заросло, затянулось илом да ряской.

Был лес чёрный, состарились ели да сосны или выгорели, на их месте выросли ольха да береза. Под их охранительным покровом поднялись молодые елочки, и встал опять хвойный лес. Получается, что кочуют леса.

Так же и с реками, и с озерами.

Короче говоря, я не терял надежды, что эти люди идут как раз сюда, где я жил. Пусть они идут ко мне, эти люди, – малая дружина во главе со своим *вожем*, названным *мужем добрым Яром Вышатичем*.

Но если они пойдут в озёрный край, который где-то далеко, то какая тут связь со мной, живущим в деревне возле реки Нерли Волжской? Так с чего я взял, будто Липица пра-пра-прабабка моя?

Но мне радостно было думать, памятуя о другом имени Липицы (напомню, муж Златко называл её Красавой!), что в книге рукописной я встретил родную пра-пра-прабабку... пращурку свою, от которой, собственно, произошел и я. Между нами такая же родственная связь, как между корнем яблони и яблоком, висящим на древе том, между семечком в яблоке и будущей яблоней, которая вырастет из малого семечка, и расцветет, и будет плодоносить. Так тянется цепь всякого рода через сотни лет...

Где-то в этой главе книги поместилось изображение искусное: в левом верхнем углу родничок-студенец, от него ручей-младенец по-детски игривый бежал верхним краем бумажного листа среди зеленых трав и цветущих кустов, а в правом верхнем углу он делал заливчатую петлю, подныривая сам под себя, и бежал вниз по правому краю листа, то и дело доплескивая до текста. В одном месте он перепрыгнул с камня на камень, разбрызгиваясь лазурными брызгами. Вдоль по его течению образовалось два омутка синих, из них пили воду зайчиха с зайча-

тами, птахи малые и стрекоза величиной больше тех птах. А внизу листа за столом низким сидел, полуразвалясь, медвежонок в обнимку с кувшином и пил из него... воду ли, молоко ли, мёд ли.

Все эти изображения были малы, но отчетливы, лишь местами слегка размыты.

«Кто рисовал? – гадал я. – И что означает рисунок? Какое тут иносказание?

Рисовать такое можно было только с улыбкой...

Химический карандаш раба Божьего Кирилла здесь не поставил неодобрительного, осуждающего знака, хотя появление деда-лесовика пометил крестом.

Глава двадцать третья. Княгиня Змиев-града.

Кони. Крылатая змея. Сокровища разорённого городка: серебряные караси и лемешки тоже серебряные, золото плетёное. Они решили поселиться. Млад-Воинко обходит владения. Утиная охота. Песня на пиру. Турье стадо. Дождь накрапал и был. Эти двое нравились мне всё больше и больше.

1.

Там, где погорелое и разоренное городище, берег высокий, взор на реку и заречье мог простираться очень далеко, отчего душе вольно.

- Место доброе, - вздохнула Радима. – А страшно было бы жить здесь: ночью мне чудились стоны и плач.

- Найдем иное, лучше этого, - решил Млад-Воинко.

Рано было им останавливаться насовсем, рано укореняться. Они ещё недостаточно отделились... Надо продолжить путь.

Однако же какая-то сила *кrotила теперь их стремление*, как бы леность одолевала. Они то и дело оглядывались назад, сожалея неведомо о чём, словно хотели вернуться. Однако продолжали путь.

Шли сначала берегом реки, потом тёмным лесом. Лес был дремуч, тут и там непроходимый бурелом. Притихли Радима и Млад-Воинко, медленно шли - не шли, а пробирались. Ручей попался им на пути, который едва одолели, зарос он густо брединой да ольхой да высокой травой. Далее лес поредел, стал повольнее, и опять попался ручей. А раз он есть, значит, куда-то течёт, где-то поблизости река или озеро.

Пошли вдоль этого ручья и вдруг услышали впереди конское ржанье. Млад-Воинко и Радима тотчас замерли и стали слушать. У обоих мелькнула опасливая мысль: уж не князьи ли то люди, которые их знают, которые их схватят... Но не слышно было людских голосов. Да и пустые страхи: уже далеко от родных мест, тут земля или ничейная, или в ином владении. Через некоторое время опять послышался конский топот и фыркание.

Радима осталась в укромном месте с кладью, а Воинко налегке, осторожно, то и дело останавливаясь и прислушиваясь, прокрался в ту сторону. Тут был лес, но за ним открылся обширный лог, ручей, по которому шли, впадал в реку... в том логу увидел Воинко двух мирно пасущихся коней. Один *был рудой, грива направо, с отметом и краснокрыл*. Второго *саврас, белогуб, в гриве чалинки, и тоже крылат*, то есть с тёмными лопатками. Не верховые подбористые, а рабочие, тяжеловатые в скоке кони, отвыкшие от узды, нагулянные. Ни людей, ни человеческого жилья, ни прочих строений поблизости не было.

Некоторое время Воинко наблюдал за ними, потом вышел *на лицо*, обнаруживая себя. Кони насторожились, побежали было прочь, но остановились, глядя на него. Насовсем убежать они не хотели и даже проявили к нему интерес. Они даже пошли следом за ним, когда Воинко стал отступать, повернул назад. У него мелькнула мысль, что это одичавшие кони, ничейные, потому так и смотрят на него: давно не видели людей. Он решил, что, по-видимому, они паслись тут уже много дней; может быть, с зимы... и всё более утверждался потом в своей догадке.

Наверно, в логу этом они кормились молодой травкой... здесь же был у них и водопой – малое озерцо, настоящее на лягушках... Небось, вдвоем, могли они отбиться и от медведя – ушел бы чуть жив. А что до волчьей стаи, то от неё не отбиться коням. Небось, ветром доносило до волков запах конский, однако волчья стая бродила за рекой, водную преграду ей не одолеть.

Так подумал Воинко, и был прав в своей догадке: лошади те пришли сюда издалека, из выморочного селения. Испугал их изначально волчий вой, кинулись бешеным скоком неведомо куда. По пути встретилось им турье стадо... встречали и лосей... долго скакали и остановились здесь, в месте укромном, - тому была важная причина: место славное – есть где укрыться, есть где попасться...

К Воинко из-за кустов выбежал вдруг жеребёночек-сосун, рудой, тонконогий, белогубый тож. Он уставился на человека с

изумлением и страхом, и вид имел очень глупый. Некоторое время жеребёнок и человек смотрели друг на друга. Лошади забеспокоились, предупреждая фыркнули и приближались: защитить малого. А тот не внял их предупреждению и продолжал смотреть. Воинко протянул в его сторону руку, жеребёнок неуверенно отпрыгнул и отбежал. Мать заботливо оттеснила его ещё далее.

Воинко почувствовал, что теперь не уйдет никуда от этих лошадей, тем более от жеребёнка, которого словно бы принял к душе своей. Ещё мысли такой не было, а уж сердце подсказывало: тут надо остановиться. И если б знала о том Радима, то порадовалась бы.

В таких случаях говорят: боги послали по милости своей. Нежданная и нечаянная удача выпала: вот они, кони, и место такое славное...

2.

Это летучая змея заставила двух одичалых коней подать голос как раз в то время, когда Воинко и Радима проходили неподалеку. Ей хотелось сделать добро этим двоим людям. Она испытывала глубокую благодарность к ним, потому что Радима оплакала найденные ею останки младенца, сама выкопала отдельную ямку, и захоронила косточки. Над теми косточками немало ранее кручинилась та, что приняла облик крылатой змеи, и не было ей покоя долго-долго. Жалела только, что не может подсказать этим *добросердным мимоходцам*, что под угловой плитой бывшего княжеского дома доныне сохранился дубовый ларец, в котором лежат дорогие каменья. Те каменья истомились без солнечного света, они жаждут человеческого тепла, хотя быть ласкаемы и любимы, хотят, чтобы ими любовались, и вот блёкнет их красота, они могут умереть. А рядом с ларцом в полуистлевшем кожаном кошелье *серебряные караси и лемешки тож серебряные, сверток волочёного золота и золото плетеное в перст толщиной, и бруски серебра да злата, а в них лазоревые камушки в гнездах*

В другом месте под сгоревшим теремом опущен в ямину и закрыт землёй сундук, окованный по углам медью: в нём шёлковые *паволоки* и шерстяные *аксамиты, атлас, объярь, хамьян...* там среди прочего и отрез загадочного шёлка, *огненного, согдианского*, а ещё ткани с такими названиями: *лундыш, скарлат, куфтерь..*

О том сундуке можно лишь плакаться: при пожаре обгорел угол, через прогар-прореху от дождей налилась вода... пропало добро, истлел согдианский шёлк. Но там есть *лазоревый зипун* на красной подкладке, на нём *камения драгие* и золотое шитьё по вороту и по *зепам* (карманам), полы обшиты золотым галуном – то не пропало, целёхонько.

Есть там ещё *кафтан зимний шубный, распашной, правая пола на левую (десно на шую)* и *с пугвицы изумрудны* – то сохранны. А ещё *полукафтанье камчатое на лисицах* и *ферязь*, и *корзно* – но это пропало, однако шитьё и *златые пугвицы* можно снять, они сами собой живы.

Дубовый ларец нетронут, а вот через обгорелый угол наведываются в сундук *людие малое*, и мыши свили там гнезда. С мышами воевали те *малые* и победили их, и поставили, и держат теперь у сундука свою стражу. Но кое-что уже разнесли по своим норам да спальням: лоскуты ткани, куски меха, жемчужные зёрна...

«Надобно внушить им, чтоб вернулись,- помышляла змейка о Воинко и Радиме. – И внушить *малым людям*, чтоб выкатили россыпь жемчуга на белый свет... по ним эти мимоходцы найдут схороненное, и будет благо всем...»

Лежит в земле нетронутой и глиняная копилка-«уточка», в ней *златые лепесты*, и рядом с копилкой *кубышка глиняная* тож с серьгами и перстнями... И о том помнила крылатая змея. Разве забудешь!

Да, она была когда-то княгиней в Змиеве и владела всем этим. На выходных её нарядах, усыпанных жемчугами, сверкали лалы и яхонты; она носила на пальцах золотые перстни, на голове обруч, который ослеплял высверками алмазными. Она была княгиней не в одном только этом граде, а ещё и в двух других, и в селениях окрестных. Была любима мужем, молода, у неё уже родились две дочери, а потом и долгожданный сын....

Всё то было, и всего того ныне нет и тому не быть никогда. Как с этим примириться ей?

3.

Воинко вернулся к Радиме, поведал об увиденном. Они уже вдвоём отправились в лог, и Воинко показал Радиме двух коней и жеребёнка.

- Да он недавно явился на свет! – воскликнула Радима, сразу умиляясь. – Ему всего несколько дней от роду! Но какой борзый да *велелепый*! Надобно его чем-нибудь *лакомым* приманить.

Жеребёнок скакал неумело, но этак резво.

- Поди, поди, - звала его к себе Радима, протягивая к нему руку, словно бы с горстью сладкой травы. – Поди же ко мне.

У Радимы был столь ласковый голос, что ей удалось подойти к пугливому жеребёнку гораздо ближе, чем Воинку. Однако родители угрожающе всхрапывали, делая вид, что сейчас кинутся на неё и затопчут.

- Не будем их сердить, - решил Воинко, отступая. – Нельзя ими овладеть сразу. Потом укротим их *овогда лаской, овогда грозю*, но быть им в нашей воле.

Странное дело, они оба с особенной ясностью почувствовали: нет у них более желания идти дальше. Было, и не стало. Осмотрелись вокруг, переглянулись меж собой: куда, мол, стремимся и надо ли продолжать путь? Страх перед возможной погоней окончательно отступил, да ведь и не только теперь, а и ранее: никто их не преследует, никому нет до них дела, никому они не нужны. Осознав это, они улыбнулись друг другу и по пути назад стали осматриваться обстоятельнее.

Их появление здесь встревожило дроздов в ельнике; птицы эти озабоченно перекликались в своём городке, густо заселённом, – два десятка гнездовий на елях с опущенными до земли ветвями. Как раз на этих ветвях, совсем низко, только руку протяни, их гнёзда.

Заяц скакнул за кусты, насторожил свою зайчиху... Сорока пролетела, извещая всех о пришельцах. В поручейном бочаге бултыхнула рыба. И ещё некто попятился за деревья, приняв вид муравьиной кучи и тоже обратившись в слух.

- Не надо куда далее идти, князь Бобёр, - сказала Радима. - Я хочу остаться тут.

И обняла его, чтоб он не противился её желанию.

- Ин добро, княгиня Рысь, - отвечал он. – Быть по-твоему.

Хотя это было и его согласное желание. Её порадовало, что он не стал перечить, согласился так охотно.

Не знали они, что внушено то им княгиней Змиева-городка, ставшей теперь их покровительницей. А им самим князьями не быть, как и *мимоходцами*, а быть тут вольными поселенцами.

Они пришли.

4.

Только надо было удостовериться, на ничейную ли землю решили они сесть. Не получилось бы тут какого недоразумения...

Посоветовались они, Воинко и Радима, после чего решили: если не останутся насовсем, то хотя бы проживут здесь. Не надо спешить с окончательным решением.

Воинко велел Радиме ожидать его, а сам заявил, что обследует окрестности.

- Возьми меня с собой, - попросилась Радима. – Ношу свою спрячем пока и пойдем налегке. Не потеряем! И похитить некому добро наше.

Он же возразил довольно строго, что пойдет быстро и, может быть, далеко, а она пусть останется и бережёт силы.

- Добро, - согласилась она. - Ты обойди большим кругом, а я малым. Ты вокруг меня, а я вокруг самой себя.

На том порешили, и он ушёл.

Сначала Млад-Воинко попал в бурелом; тут и там лежали поваленные деревья и молодая *елинная поросль* поднималась густо; прошлогодняя трава стояла в рост человека; он то и дело проваливался в ямы, невидимые в этой траве да мёртвом хворосте. Потом начался мшистый лес – сосны стояли часто, зелёная хвоя только на вершинах, глянешь - шапка сваливается; стволы ровные от земли до самого неба. Он хлопал по ним ладонью – вот из чего строить избу! Да что избу – хоть княжий терем. А внизу под соснами мелкий мох, муравьиные тропы да зелёная листовая поросль того и сего, да черничник с брусничником - судя по тому, что дружно цветут, ягоды летом будет многообильно.

Он тут и там, нагибаясь, щупал землю – примерялся, где можно выжигать деляну, чтоб как-нибудь вздрать землю да и посеять жито. Будет жито – будешь жить сыто.

Потом он спустился в лог и шёл вдоль говорливого, живого ручья, поворачивая согласно изгибам его русла. Тут Воинко оказался в густом орешнике – молодые листья покрыты шелковыми волосками, а меж них, словно листовенные узелки, обозначились будущие орехи.

Лещина тянулась полосой вдоль ручья, поднималась по косогору под кроны елей. Поднимался и Воинко; он встречал тут звериные тропы к водопою, обильные россыпи заячьего помёта и на лещине да на дикой яблоне следы заячьих зубов на высоте

до плеча – это кормились зайцы зимой, когда снега лежали великие. Увидел и зайца – он большими прыжками удалялся прочь, мелькая между деревьями.

Старая ель стояла на возвышении, Воинко влез на неё, на самую вершину, отсюда окинул взором всю окрестность – славные уголья и для охоты, и для сбора орехов да ягод, но нигде не увидел ни человеческого жилья, ни дымов, ни пахотных пропашин. Это ещё более успокоило его.

Уйдя довольно далеко, Воинко встретил стадо вепрей. Именно «встретил»: они шли неспешно прямо на него; впереди матерый вожак, перед ним, казалось, и деревья расступались, за вожаком следовала разновозрастная многочисленная семья. Вепри держались уверенно, как хозяева этих мест; они никого не боялись, и человек уступил им дорогу, отойдя за сосны. Воинко проводил их взглядом не без сожаления, но ныне он не настроен был охотиться.

Несколько раз долетал до него медвежий рёв – увидеть медведя не пришлось, хотя иногда попадали на глаза следы его пребывания здесь: и помёт, и следы на супесной лесной земле, и царапины от когтей на стволах, и разрытые муравейники.

Он уже возвращался назад, когда на пути попало ему озерцо, то самое, из которого вытекал ручей. Воинко обогнул озерцо широким полукругом. Тут было много пернатой живности, и более всего утиц – они плавали тут и там. Мелкие птицы неумолчно *пели и легким свистом и великим гласом*. Опять шёл, отмечая глазами: вот богатый черничник, вот возвышаются до пояса и до плеча кусты голубики... потом попал на горелое место, где малинник зеленел яро. Малина цвела, пчелы жужжали над нею дружно. Вдруг увидел, лежащие прямо на земле яички – ни гнезда, ни укрытия, просто десяток светло-жёлтых яиц с тёмными крапинками: не тетёркина ли кладка? Воинко посмотрел сквозь него на солнце – свежее, не насиженное, потому забрал всю кладку: птица не обеднеет, ещё сложит!

С озером соседствовали два невеликих болотца. На них он отметил пару журавлей и пару цапель. Лебедь пролетел над ним низко, но не сел на те болотца – небось, у них своё владение недалеко. Резкий клёкот раздавался в небе, тревоживший птиц: кречет надзирал за своими ловищами.

Теперь Воинко был уверен в том, в чём раньше только догадывался: кони – вовсе ничьи, одичавшие. Ведь сколько ни ходил, не увидел даже вдали ни села, ни сельца, ни посада, ни починка, ни займища, ни выселка, ни просто лесной сторожки...

и не попались ему ни дорога наезженная, ни тропа натопанная. А раз так, то кони становятся его собственностью, он вступает во владение ими. Да и всеми этими угожьями тоже - ненасельное место, ничьё.

5.

Пока он ходил, Радима оглядывалась на новом месте, и «принимала его к душе своей», как Млад-Воинко коней и жеребёнка.

День был ясен, светом солнечным залита земля и всё, что на ней, и сама Радима тоже. Она прошла чуть дальше, поднялась по изволоку, поросшему молодыми ёлочками и рябинками, и вступила в красный сосновый бор. По-над обрывом, к которому подступал изволок, стояли вековые сосны, подпиравшие небо, стеной стояли. Дух тут был смолистый, птичье щебетанье многоголосое: лесные жаворонки перекликались вперебой, «юлили»... пеночки тенькали... пара белогрудых, белоголовых, длиннохвостых пташек попискивала, порхая, – этим она не знала названия.

Радима постояла возле большого муравейника, понаблюдала за хлопотливыми муравьями, улыбнулась, подумала:

«Они построили себе дом и живут-поживают... Долго ли нам быть бездомовыми?»

Другой «муравейник» наблюдал за нею, затаясь. И отступил тихо, неслышно, сокрылся в *елиннике*. То есть это был не муравьиный дом вовсе, а кто-то, принявший его облик.

Она прошла ещё немного – словно вели её, словно подсказывал кто-то: пойди сюда... посмотри... Прошла и чуть не вслух ахнула: перед нею распахнулась даль, невеликая река открылась, вода взблескивала, посверкивала весело, играла множеством огней.

Радима стояла и смотрела, зачарованная. Опять огляделась и, не сознавая, что делает, принялась прибирать лесную окраину над обрывом, словно у себя дома: отбросила прочь сухие ветки, откатила в сторону камень-валунок, выдернула деревце сухостоялое, и ещё одно, потом наломала метёлку малую, стала сметать вниз встопорщенные сосновые шишки. Рядом начинался черничник, покрывавший землю под соснами подобно зелёному ковру. Папоротники росли тут и там, молодые их побеги она собрала в горсть – для *ествы*..

На низовой ковёр этот обрушивались сверху потоки солнечного света. Радима покружилась, переходя из одного потока в другой, оглядывалась вокруг этак любовно: всё ей нравилось тут, всё было по душе. Вернулась на то место, которое только что прибирала, как жильё своё, и думала снова и снова: «Никуда не надо более идти... Хочу остаться здесь. Чего нам ещё искать! Ищут ли от добра новое добро? Бросают ли обретенное ради иного?»

6.

Когда Воинко вернулся, они перенесли свою ношу на то место, где над невысоким обрывом стояли красные сосны. Он тоже хозяйственно осматривался тут. Ясно увидел, как хорошо встанет тут дом, и где место конскому стойлу, и куда ходить за водой, и где взять глины да камней для очага, и где заготовить дрова...

Улеглись на ночлег уже в темноте, но в эту ночь Воинко покинул спальное ложе и ушел – утонул во мраке.

Он ещё ввечеру, в сумерках, вытесал наскоро из *корчажины* подобие утки. Теперь нёс её с собой, а в кармане утиную дудку, тоже наскоро сделанную.

Было ещё совсем темно, однако он угадывал скорое наступление утреннего света. Дошел до озера – оно было подобно челну, продолговато, у «кормы» озера-челна он ещё вчера присмотрел удобное место. И вот тихо, чтоб *не полошить* дичь, выпустил свою деревянную утку на лоно чистой воды меж тростниковыми зарослями, сам отступил чуть дальше и затаился под раскидистым, низкорослым деревом.

Озеро стало пробуждаться, словно почуяв приближение утренней зари. Всплеснула рыба... В сухих камышах что-то ворохнулось, слышалось хлопанье крыльев, и опять стихло всё. Потом снова шорох или шелест... или шёпот. Было так прохладно и сыро, что его прохватывала дрожь. Хотелось потопать ногами, попрыгать, согреваясь, но он сидел, не шевелясь.

Пролетели кулички, посвистывая тонко: фюить! Фюить! Вода плеснула за тростниками - должно быть, опять сонная рыба там разыгралась.

Зоря учала заниматься. Ветер-полунощник слабо повеял и замер. «Словно жеребёнок, - усмехнулся Воинко. – Учится бегать».

Озеро как бы задымилось, потом туман уплотнился, пришёл в движение – стал клочковат, отслоился от воды, стал пеленой.

Вдруг совсем рядом за кустами промчался заяц. Он так топтал по земле, что Воинко поначалу невольно подумал: уж не давешний ли белогубый жеребёнок пробежал, резвясь? С ума у него не шёл жеребёнок тот. Птицы уже перекликались с берега на берег. Лягушки всё чаще подавали голоса.

Проступили кусты тальника на фоне посветлевшего неба. А небо в этот предутренний час было чисто, лишь два малых облачка замерли *на востоце* – словно охотник дичь, подстерегали солнце, которое должно взлететь подобно птице... нет, не охотники, они просто хотели посмотреть, как будет пробуждаться и вставать солнце.

Розовый огонь разливался по небу – Воинку казалось, что сейчас он может увидеть нечто такое, чего не видел никогда: какое-то божество вот-вот явит себя. Но нет, не явилось. Воинко вздохнул, пожалуй, с облегчением: всё обычно вокруг.

Уже отчетливо проступали ближние и более дальние деревья. Теперь уже птичий хор звенел над озером. Но, заглушая этот благозвучный хор, *безобразно ругахуся* лягушки.

Туман поднялся выше, ещё более отслоясь от недвижной воды, и перед Воинком открылось всё озёрное пространство – вода и кусты, и лес за кустами.

Из тумана вдруг показалась стоявшая на одной ноге неподалеку белая цапля – не над гнездом ли своим? – Воинко не успел рассмотреть её: клочья белой пелены опять заслонили птицу, она растаяла в этой пелене. Да и цапля ли то была? Может, показалось?

Крякнула утка, ей страстно отозвалось сразу несколько селезней.

Воинко покрякал в свою дудку и очень скоро откуда-то сверху на деревянное чучело упал селезень. Он упал с шумом, расплескивая спокойное лоно воды, и тотчас туго натянулась тетива лука, коротко свистнула тонкая стрела. Воинко, разбрызгивая воду, кинулся к подстреленному селезню – здесь было мелководье – добрался до дичины, замочив порты едва выше колен. Селезень был матёр, тяжёл, он ещё трепыхался, пришлось свернуть ему голову, и он скоро затих.

Охотник опять уселся на берегу под деревом, поманил дудкой. Селезни откликались на зов этот, но уже не шлёпались на его «утицу». Зато чаще стали всплескивать рыбы.

«Кабы *веретеи* тут поставить... или поплавной невод, - сон одолевал Воинка, думалось ему медленно. - Вот сплету и поставлю. Да попроворней надо, попроворней!».

Не заметив как, он задремал, размышляя благостно. А проснулся оттого, что ещё один селезень шлёпнулся рядом с подсадной утицей. Теперь уж охотник не был спросонок так меток, стрела его пролетела мимо, и молодой селезень, ничего толком не уразумев, поднялся в страхе на крыло и улетел.

После короткого охотничьего возбуждения опять дрема стала одолевать Воинка, и он решил вернуться к месту ночлега. Вернулся, весьма собой довольный...

Замечу: я тоже был на той утиной охоте и доныне помню свежесть утра, розовый огонь по небу, стройный птичий хор, заглушаемый хором лягушачьим – так живо это было описано.

7.

В знак окончания пути они решили устроить себе пир.

Развели большой костёр. Радима вынула из сумы, из самой глубины её, невеликую головешку и положила в костёр, на уголья, пошептав некий заговор: головня та – от родительского очага. Долго же она хранилась у неё! Зато теперь была восстановлена связь между материнским очагом и этим, на новоселье.

Когда нагорели уголья, Воинко жарил на рожне селезня, а в золе напекли яиц тетеревиных. Ещё была у них рыба, по-видимому, вяленая или просольная, потому как не сказано нигде на этой странице, чтоб Воинко наловил свежей рыбы. Упомянуто было, что та *рыба едобная* такова, что *ягодь* стекала по пальцам рук, её державших.

«Хи-хи! - соображал я, посмеиваясь. - *Ягодь* – это, значит, жир. Отсюда слово *ягодицы*».

Пока Радима готовила на костре праздничную трапезу, Млад-Воинко сходил к озеру ещё раз, принёс на широком куске бересты ворох раков – каждый в пясть. Радима боялась подступиться к ним, говоря:

- Рак – водяная вошь.

Но это не смущало её мужа. Раки медлительно и упорно ворочались, постукивая клешнями. Их варили в медной посудине, причем Радима боялась их и варёных, а Воинко смеялся над нею.

- Смотри, - говорил, - на этом и панцирь, и шлём, на ногах поножия, клешня эта – щит, а усы – копья... Там их такая рать!

Неисчислима. Но я сражался храбро, одолел и – видишь?- взял богатый полон.

- Потому отец твой и назвал тебя Воин.

Однако Радима отказалась есть раков:

- Они поганы.

А он опять смеялся.

Когда всё это стало годным для *естьбы*, Радима отделила от каждого яства часть – и от птицы, и от рыбы, и от раков, и от печёных яиц, и от варёных корней да зелени - и разнесла по ближним местам: для птиц, для зверей и для того *хозяина*, что прятался в затенье, а был похож то на моховую кочку, то на муравейник. Пришедши сюда, они ещё не видели его, но знали, что он есть, что надо с ним ладить.

К тому «праздничному столу» на траве-скатерти Радима села нарядной: упоминалось, что вдела она в уши *серги жемчуги продолговати*, а у них в закрепках по *яхонту по черевчату*. Воинко одобрительно поглядывал на неё.

Потом они сидели на косогоре ликами к озеру и пели. То была песня на два голоса – как бы разговор: он и она...

Двое живут розно и тоскуют друг о друге... И молят богов соединить их... И вот соединились в радости и веселии... Ветры буйные над ними веют, ломают и валят деревья, расплёскивают реки и озёра... Великие пожары проносятся – того и гляди испепелят их... ан не испепелили, не потопили в водах, потому что едины двое, он и она, неразделимы ни ветром, ни огнём...

8.

Несколько дней они жили в проворстве и хлопотах: наскоро поставили *мурью*, то есть лачужку-временочку из легких жердей да широких листов бересты. Осматривали, что есть вокруг, примеряли, для чего может пригодиться то или это. Сказано было, что тут Радима в последний раз варила *тёртую кашу* – из тёртой рыбы с крупой, которая как раз кончилась у них, не стало больше крупы. Кстати, в прежние дни она однажды *сворила цежь* из овсяной муки, которая тоже у них закончилась.

- Не тревожься, - утешал Млад-Воинко Радиму. – Всё у нас будет. Не пропадём с голоду.

А на что надеялся, неведомо.

Воинко был озабочен, хотя и не подавал вида. Он уходил в разные стороны и отсутствовал подолгу, а Радима ждала в тревоге, то и дело прислушиваясь. Без дела не пребывала – тоже изучала окрестности, не отходя далеко и примечая, где какая трава растет, где какая птица поёт. А ещё промышляла о том, что бы ей *полепить* на том месте, где встали.

В первый же день обнаружила она совсем рядом покинутую медвежью берлогу, заросшую *жегалом*, то есть кудрявой крапивой, и такое соседство насторожило её. В ином месте набрела на многообильное поселение дроздов, названных *емелухами*, - они безбоязненно понастроили гнезда низко, Радима могла дотянуться до них рукою. Подойдет к ели старой, а на ветке покачивается гнездо, словно на руке протянутой. Белка над нею цокала... пёстрый дятел выпорхнул из дупла... По тёплову краю леса над обрывом выстроились в ряд высокие муравейники... Когда шла вдоль их ряда, откуда-то выскочил к ней *горносталь* и тотчас скрылся.

«То всё соседи мои теперь, - подумала Радима с улыбкой и погладила тёплую кору сосны, приласкала живое дерево. – Что ж, будем жить купно, согласно, не забирая друг друга».

А была она теперь боса, одета в летник поверх рубахи. И сказано, что такой она особенно нравилась мужу своему.

Когда Воинко вернулся после очередной отлучки, она показала ему старую берлогу медвежью. Он, не долго думая, поджег эту кучу хвороста под вывороченными корнями, чтоб она не приманивала своего бывшего хозяина. А хозяин тот, небось, бродил где-то поблизости, но лучше бы такого соседа не иметь.

В своих походах да за прочими хлопотами Воинко не забывал о конях, ходил их проводить. Они паслись на прежнем месте – трава тут сочна, от добра ли добра им искать! И Радима тоже ходила - полюбоваться на жеребёнка. Кони те уже не столь пугались их, понемногу привыкали. Воинко даже подманил и поймал рудого жеребца за гриву да и *кротил* его. А белогубую кобылицу изловить оказалось проще; та словно бы и рада была, что, наконец, нашелся им хозяин. А без хозяина как? Отныне пусть он заботится и об их прокормлении, и об их обороне от волков.

Однажды Воинко вернулся из очередного похода и сказал озабоченно, что в той стороне – махнул рукой, показывая, - бродит турье стадо, большое; он насчитал два десятка взрослых, а есть ещё и малые. Это сразу озаботило и Радиму: а ну как те заявятся сюда, на их место? Затапчут, задавят рогами... Он же

успокоил её: сделает засеку для обороны. Не откладывая этого дела, тотчас принялся по полукружью срубить топором и валить деревья таким образом, чтоб они оградили их *насельное место*. А за работой этой размышлял так: следует стадо держать в своём ведении, как бы далеко ни ушло: потом можно поохотиться и на тура. Ну, не теперь – по осени. Сделает загон... или выкопает ловчую яму... авось удастся завалить молодого – мяса надолго хватит.

- Что ж, - сказал он Радиме, - теперь мы, княгиня моя Рысь, владеем двумя лошадьми и жеребёнком, да турьим стадом.

- И медведем, - добавила она, смеясь.

- И утицами, и рыбой, - продолжал он, - и раками, и прочей живностью.

- А ещё в нашем владении *веверичка* – вон на той сосне цокает. Слышишь, князь Бобёр?

- А есть и бобры в ручье да по заводям речным. Самих я не видел, но видел их запруды.

- И *дятлик*, и муравьи в своих теремах, и дрозды, - продолжала перечислять Радима. - Всё наше! Не успели на место придти, как уж стали богаты.

- Вот придёт к нам здешний хозяин, медведь, и скажет, кто кем владеет, кто кем повелевать будет, - попугал её Воинко.

- Медведь – муж рассудливый. Лучше с ним поладить, чем ратиться.

- Поладим, когда шкуру с него снимем. Будем спать на медвежьих шкурах и есть турье мясо! – провозгласил он.

- А ну как он одолеет нас? Возьмёт меня в жёны себе, уведёт в свою берлогу, как пленницу. Что тогда?

- А не бывать нам ни в медвежьей, ни в турьей, ни в чьей иной власти! - уверенно заявил Воинко. – Не за тем так долго шли.

Он говорлив стал в эту пору и весел, и бодр. Вослед весёлым речам молвил и иное:

- Кто-то споспешествует нам. Иначе откуда бы взяться коням на нашем пути? Не дарение ли нам это от кого-то, кто не здесь, а на небе?

- Да и вывел кто-то нас на это красное место, - согласно молвила Радима. - Как хорошо, что мы здесь сели!

* * *

Я был вместе с ними, хоть и не покидал своего места возле печи, где сидел, прислонясь спиной к её теплему боку. У меня была зима, у них лето. У меня трещали крещенские морозы, у них же припекало солнце, воздух плавился в солнечном зное. Там то ли конец мая, то ли начало июня... нет, уже середина июня, раз поспевают первые ягодки. У меня морозные узоры на окнах, инеем обметало дверь, а выйдешь на крыльцо, глянешь вдоль деревни – сугробы до крыш, и на крышах сугробы, и снежные выструги под карнизами, под застрехами, и деревья потрескивают от мороза. Жар морозный припекает щёки подобно жару огня. Но именно потому мне так по душе было описание лета, лесных чащ со щебетом птичьим, описание малой реки или ручья, текущих посреди долины. То лето грело меня посреди моей зимы.

А ещё грело то, что место, на котором остановились (сели!) Млад-Воинко с Радимой, очень уж похоже... ведь у нас тут ручей Ир, по весне превращающийся в малую речку, впадающий в реку Нерль; леса еловые да сосновые, долина по ручью... не здесь ли паслись одичалые кони, встреченные Воинком и Радимой?

Я вглядывался в этих двоих: они мне нравились всё больше и больше. «Вглядывался» – это означает пробирался по рукописному тексту подобно тому, как сами они пробирались дремучим лесом. Воинко с Радимой – перелезая через павшие деревья и прорубаясь сквозь заросли кустов; я - через буквенные и словесные завалы, раздирая слитно написанные слова, как дикоросли, разгадывая замысловатые значки, как следы диких зверей. Им было тяжело в пути, но по моим-то силам и мне не легче!

В отраду мне проявится вдруг фраза, от которой неведомо почему повеет чем-то родным. Вот хоть бы эта:

«В тот день было ведрено и накрапал дождь мал, а в ночи стало холодно, дождь накрапал и был...».

Это так похоже... Прочитаешь – всё дальнее, давнее приблизится и встанет рядом.

- Дождь накрапал и был, - повторял я вслух.

Или вот ещё:

«Дерево к созиданью хором подобает чтобы было сеченое в месяце студне или ледене или лютене, потому что от

стужи в ту пору выступают из дерева всякия мезги, лишние мокроты».

То есть в декабре надо срубить дерево для строительства дома, в декабре да январе! Но не весной и не летом, когда по стволу сокодвижение идет. Как понятно! И как славно, что они это знали ещё тогда, очень давно. Небось, не глупее нас люди, а в чем-то и поумней.

У меня было обострённое внимание к тем словам. Я их старательно выписывал к себе в тетрадку, что, согласитесь, делает мне, деревенскому парнишке, честь. Мог бы и заскучать, мог бы и вообще отодвинуть книгу да и забыть о ней. Однако же я был увлечён любопытством, интересом, меня, словно магнитом, притягивало это занятие.

Да ведь и Воинко с Радимой не только страх гнал всё дальше и дальше – ими владела жажда открытия благословенного места, где они будут жить-поживать да добра наживать. Они напряглись, преодолели...потому и успешны.

Верно говаривала бабушкина сестра тётя Саша: «Бог помогает тем, кто трудится, а ленивым да бездеятельным не помогает».

Я был вместе с Млад-Воинком и Радимой там, на месте исчезнувшего Змиев-града... Глазами Радимы проследил полёт белобрового дрозда, потом пёстрого дятла, её же ушами слышал глухое «уп-уп-уп», долетавшее из-за реки. Путники мои так и называли её: *птица-уп*. «Что это за птица такая?» – гадал я. Сказано было, что клюв у *птицы-уп* длинный-предлинный и тонкий, изогнутый.

Вот Млад-Воинко в норе у каменной россыпи нашел гнездо, наверно, этой самой *уп*, в нём пять белых, довольно крупных яиц... Но сыты были мои путники, не стали разорять гнезда.

Я всё это видел, при всём присутствовал и как бы принимал участие. Я нёс равную с ними ношу и, конечно же, примерил на себя тяжесть прыгнувшей с дерева рыси. Я испытал тот же страх за Радиму – хоть и отважна она, однако женщина все-таки, и неизвестно, сможет ли справиться со зверем. Говорить смелые да веселые речи – это одно, а выстоять в схватке – совсем другое. Тем не менее я испытывал странную гордость, когда она так сказала: «Не страшись за меня. Я справлюсь и с медведем» - ту самую гордость, которую испытывал и сам Млад-Воинко. Во мне с каждой вновь прочитанной страницей возрастало родственное чувство к ним обоим.

Вечером я сидел у того затухающего костра, когда Млад-Воинко и Радима спали. Меня глубоко трогало это: вот двое в диком лесу – у них нет крыши над головой, нет родных и знакомых, которые могут помочь в трудных обстоятельствах. Куда они идут? На что надеются? Что за глупая мечта о какой-то благословенной земле, где всего много? Что за наивный расчет на манну небесную, иначе говоря, неведомо на что? Там, куда они направляются, нет им жилья, нет никакой хозяйственной утвари и орудий труда, нет запаса еды... А лето пролетит быстро, наступит зима. Что с ними будет?

Говорят, в тёплых странах можно круглый год жить в шалаше из пальмовых листьев и не заботиться об одежде или обуви. А здесь Русь с её снегами и морозами. Там на деревьях сами собой – не пахано, не сеяно – созревают плоды. Всего и трудов – влезть на дерево и сорвать. А на Руси вырастить колосок каково? Надо выжечь лес, выкорчевать пни, вспахать целину – *взодрать деревню!* – а милостива ли будет погода? Посеянное зальёт дождём, схватит ударившим вдруг морозом... Хлеб на Руси достаётся великим трудом.

Я размышлял как раз об этом: сколько сил потребуется, чтоб возвести кров над головой, – да не шалаш, не *мурью* жалкую, а надёжное строение из брёвен! Какую изворотливость ума, какую сноровку надо иметь, чтоб вырастить на холодной земле хлеб, а в лесу добыть дичь! Без всего этого просто не выжить... На что же рассчитывают Млад-Воинко и Радима? Только на себя. Но откуда их уверенность в своих силах?

Глава двадцать четвёртая. Червень-град.

Вечер в плотницкой слободе. Шестак Малыга во граде. Слободы и люди Червень-града. Встреча с Любавой. Первое сватовство Малыги. Злое умышление его. Моё мгновенное перемещение в пространстве.

1.

Трудно понять, сколько времени прошло с того дня, как Шестак Малыга на берегу Оцы был повержен Яром, и даже после того, как неожиданно стал богат. Просто рассказывалось, что ночь-де предыдущую провел он на *лодии* своей, то есть ставшей ему уже своей. А была эта лодия уже причалена в за-

тоне рядом с другими судами. И вот шёл он поутру в некоем городе торговом, названном Червень-градом, по окраинной его слободе.

Я не поручусь, что верно прочитал название того града: то ли Чермень, то ли Червень, то ли Чарынь - начертано столь витиевато, и лист этот в книге закапан свечным воском. А чтоб не мучиться, просто решил: пусть будет Червень-град. Наверно, в переводе на нынешний русский язык название это означает «Красный Городок»: ведь, слово «червовый» или «червонный» означает «красный». А если и Чарынь-городок – тоже хорошо: от корневого «чары» - «чаровать», «очаровывать». То есть чарующий город.

Однако пусть будет Червень-град. В конце концов не в имени дело, а в том, что он собой представлял.

Шестак мало спал в эту ночь: боялся за богатство свое, стерёг его да и томим был тревогами да заботами... а более всего не спалось ему потому, что где-то в садах недалеко от затона того допоздна сидели девы слободские и пели. Вот запевала одна:

*Во саду-садочке
Да во цвету-цветочке
Соловей тосковал,
Соловьику звал.*

Другая подхватывала:

*Ждала я тебя, ладо,
Не смыкала очи,
Над Ольгой-рекой,
Весеннею порой.*

Так хорошо, так ладно пели, что у Шестака сердце замирало. И хотелось ему подойти к ним, и сидеть с ними, и разговаривать, но он не смел, робость проклятая одолела. Как-никак место незнакомое, как тут его примут? Ведь не к нему обращался песней третий голос:

*Я дверь отомкнула,
Окошко распахнула,
Приходи скорее,
Сердцем зову.*

И уж весь девичий хор:

*Где ты, мой ладо?
Не забыл ли ты песни,
Что поёт соловушка
В нашем саду?*

Стройно и душевно пели девы те червеньские, слободские. Небось, все, как одна, *велелепны да велеозарны красотою лица своего*, да взорами потаёнными, и полногруды, и в чреслах округлы...

Уж насмелился было Шестак Малыга и решил отправиться к ним, но остановился на полпути: девицы сидели не просто на улице хоженной - *улица, рекше людской путь* - а за цветущими кустами – небось, сирени да черёмухи, за цветущими яблонями, за огорожей. Ему туда хода нет. Не зайдешь ведь, как тать, как *наглодушный* человек!

Так вот в тревоге и сомнениях да при пробудившихся надеждах провёл он ночь, ворочаясь на лавице жёсткой, что в тесной каморке на корме лодии.

2.

А теперь поутру шагал он по деревянным мосткам некоей плотницкой слободы, поднимаясь от реки на возвышенный берег, вспоминал вчерашние песни.

Ждала я тебя, ладо, не смыкала очи...

Ах, не твоим ли огнём горят мои губы?

Не твоим ли шёпотом душа моя томима?...

Та слобода - при торговом Червень-граде... а город тот - на большой реке Ольге.

Может быть, это Волга? – думал я. - Но нет, первая буква в названии именно «О». Впрочем, можно ли положиться на начертание букв? Может так, а может этак.

Жили тут и *люди сильные, и лучшие, и средние, и бедные, и мелкие, и недостаточные*, были и *убогие*. Но *тяглых дворов и средних гораздо много*. А слобод несколько – помимо плотницкой, ещё и кожевенная, и *горончарная*, и ловецкая – все вокруг городка да поближе к реке.

На Шестаке были грубо сработанные, но крепкие сапоги из яловой кожи, не ношенные. Таких добротных сапог он ранее никогда не нашивал. Ему нравилось, что тяжесть их придает его походке силу и крепость. Он шёл и слушал твердый, хозяйский стук своих каблуков по деревянному настилу; этот стук был отраден ему, словно бодрый, деловитый стук дятла поутру.

Шестак Малыга очень переменялся за то время, пока повествовалось о других людях, так вольно расселившихся на просторах рукописной книги:

идущие по лесам Яр с его «дружиной»...

крепко севшие в красном лесу над озером Радима и Млад-Воинко ...

Овсяник Ворохабин во Льяных Дворах и волхв Потвор – оба тоскующие по красавице-жёнке Липице...

вож Городило, ведущий общину села Посад на новое место проживания...

замирившаяся весь Усторонь...

промышляющий мёдом Некрас-бортник с сыновьями...

Воислава-воительница с сыновьями тож...

А Шестак Малыга шагал по Червень-граду. Это был уже не тот детина, что на берегу Оцы свирепые и глупые словеса ронял. Если ранее он был *наквашен лютостью*, то теперь обрёл важность в походе, стал нетороплив в движениях, неспешен в словах. Даже рубец на лбу, оставленный камнем, пущенным рукой Яра, придавал ему вид большей мужественности: побывал, мол. во всяких переделках.

Верно сказал сметливый Злобка Скосырь: ум в иную голову надо вбивать, словно гвоздок железный в дубовую доску. Вот и у Шестака ума прибавилось от *камения* того. Новая повадка детины говорила о том, что он привычен стал распоряжаться и не поспешит на чей-то зов: сам подойди, зовущий, коли тебе надо.

Впрочем, сказано было о нём, что по прибытии в Червень-град он *поклонился* важному человеку Коротиле Ясковичу - у него под рукой все эти слободы и торг, и крепостца каменная – *кремник*, да и ближние села, слободы, посады, займища. Сей грозный муж принял его со строгостью и суровостью, на красном крыльце, как и всех принимал, важных и не важных, - на лавице, устланной ковром, сидя. Шестак же явился к Коротилу Ясковичу не пустым - поклонился *карасем серебряным*, куском шёлковой ткани для двух жён его, сушёными сладостями деткам. Потому, приняв поначалу сурово, Коротил Яскович проводил Шестака Малыгу с лаской и распорядился о воле для торга новому купцу, сказав с добродушной и лукавой усмешкой:

- Ин от лишения дал, а ин от избытка.

Он был полновластным правителем Червень-града, однако над ним где-то сидел князь поважнѐе, названный странным словом *агемон*, от милости которого зависел и перед ним ответ держал Коротил Яскович.

Шестак вёл себя с важной скромностью, намёк на богатство воспринял удовлетворенно и сказал, что следом за ним приедет отец, который сейчас, мол, торгует на реке Оце... И

ещё что-то ложно сказал детина, чтоб оправдать свое появление здесь, в Червень-граде. Пока-де он только приглядывается, а проведает путь, потянутся за ним другие, как гуси за вожаком.

Коротил Яскович благосклонно кивнул в ответ на это.

То было вчера. А теперь поутру шагал Малыга уверенно и узаконенно. Немного хмурился он, вспоминая, что поклонился важному Коротиле *серебряным карасём*, жалко было того *карася*: может, надо было поклониться чем-нибудь подешевле? Ишь, как легко вложил в жадную длань серебро заморское! Этак всё богатство можно раздать: тому дай да этому дай... Сомнение да раскаяние от жадности мучило новоявленного купца Малыгу.

«Ладно, - он крякнул на ходу, - моё добро авось вернётся добром. С людьми сильными надо ладить, с людьми лучшими дружбу водить».

Он уже немало прознал о Червень-граде. Городок жил мирно, однако пугающие слухи уже достигли его: где-то моровая язва косила людей. Но пока что здесь никто не занедужил, так что продолжали жить беспечно. Что же до Шестака Малыги, то он считал себя от болезни начисто очищенным, а о лодии своей и вовсе ничего плохого не думал. Ведь хозяева её сгорели в огне вместе с прилипшими к ним *бесями*, а к лодии да к товару *беси* не прилипают, только к живому.

3.

Червень-городок был невелик, однако *твёрд вельми* – с *кремником*. *Под стену сваи биты и бутовым камением набучено*, земляной скат у стены обложен крупным *каменiem*, ров глубокий и широкий, а через ров мост мощён. Сама же стена прочна, четыре присадистых башенки с бойницами крепят её да две башенки – надвратные. Ворота же окованы железом, они распахнуты на день, а на ночь затворяются и запираются.

Внутри кремника главный терем, в котором живет Коротил Яскович с чадами и домочадцами, с людьми ближними и холопами, и где останавливается набольший князь, названный тут *агемоном*. Тот *агемон* наезжает сюда, в свою вотчину, ежегодно по весне и по осени. На площадь, что посреди кремника, выходит крыльцо красное, с которого Коротил Яскович и сам *агемон* выходили судить и рядить, выслушивать мольбы и просьбицы, отсюда они жаловали и миловали, отсюда и расправу творили. В кремнике понастроены и прочие строения - лабазы, житницы

и, как говорили, есть подземные хранилища, недоступные огню при пожаре.

Да, не самый главный он человек в Червень-граде, этот Коротил Яскович, муж крупный, черевистый, именуемый даже малым князем – под рукой он у *агемона*, что наезжает сюда с малой дружиной. Но теперь вот по весне не едет он пока – прошел слух, будто занедужил он. Уж не настигла ли его моровая болезнь?

А слобода, по которой шагал теперь Шестак Малыга, поднималась от подола, где поставлен колодец на родниках, к кремнику и огибала его с полунощной стороны. По одну сторону слободской улицы огорожа из кольев с заостренными верхними концами, в ней дубовые ворота на крепких запорах – для повозок и дверца полегче и помене – для пеших людей. *А городьба около двора забирана в столбах забором.* Вдоль огорожи тесно к ней тропа земляная, а посреди улицы дорога проездная тут и там мощена камнем, засыпана речным песком и деревянными плахами выложена. И по ту сторону улицы, и по эту за городьбой – крепкие дома, которые впору называть малыми теремами, да *затворные лавки*... Бревна венцов срубных могучие, крыши тесовые, окна смотровые со ставнями резными. Трубы над крышами или волоковые оконца под князьками крыш – всё в согласии с благолепием. Кучные поселения грачей на высоких деревьях, на иных скворечники – то добрый знак: птицы *купно* селятся там, где люди к ним милосердны, и друг к другу тоже. А уж *ластовицы*-щебетуны любят хозяев справных и добрых, равно как и *гворы* (воробы) и галки, и голуби.

Шестак дивился и на огорожу эту, и на резные ворота, и на жилые избы. Такого града не видывал ранее детина. Он то и дело останавливался и смотрел – лик его был озадаченный и удивлённый: что ни строение, то любо-дорого глянуть – будь то простой сарай, курятник или колодец. А уж сами дома – все новенькие! Плотники явно соревновались в выдумке, откровенно соперничали друг с другом, норовя *полепшити* то или это – у кого получится приглядней да удобней. У одного светёлка возносится вверх острой кровлей-маковкой и на маковке птица деревянная сидит, ветер ловит; у другого крылечко высокое с перилами да балясинами; у третьего крытая лестница обвивает угол дома, поднимаясь до крыши или к светлице; у четвертого жилая изба соединена крытым переходом с хозяйственными строениями для скота или дров, или это лабаз для хозяйственных нужд...

«Чтоб в зимнюю пору выходить во двор к скотине, одевшись наскоро, легко, - завистливо соображал Шестак Малыга. – Ишь, какая лепота... Хочу, чтоб и у меня так же было: и светелка над жилой избой, и сени высокие, и ставни резные, и крытый переход... и чтоб деревянный петух пел на князьке!».

Далее размышлял он о том, что будет у него и корова с телком, и мерин гнед или солов, и кабанчиков двое или трое, и куры с гусями... Из этих его размышлений понятно было, что никакой он ещё не купец, хотя и разбогател так внезапно, словно по волшебству. Не быть ему купцом, не тем родился! Малыга – обыкновенный мирянин, то есть простой человек, лесник или огнищанин, рыбарь или охотник. Ему б не товары заморские во владение, а именно вот это - коровушку, лошадку... дом с крыльцом, хлев с *прихлевицей*... соху да борону. Небось, так оно и будет потом, если не покривит детина свою стезю по неразумию своему. Сказано: не лезь с кувшинным рылом да в калашный ряд.

Ни кожевенная, ни ловецкая, ни прочие слободы не дивили Шестака Малыгу так, как плотницкая. Она была нарядна, источала смоляной здоровый дух... а в тех слободах вонь кожевенная да рыбная, кузнечная гарь с дымом да копотью. На плотницкой же улице жили мужики весёлые и трудоусердные. Даже теперь по раннему-то утру тут и там слышались сочные звуки от ударов топора по дереву, треск отдираемой щепы, бодрые голоса.

По некоторым признакам - много обгорелых брёвен уложено в мостовую, много покалеченных огнём тополей да берёз вдоль по улице – можно было догадаться, что в слободе некогда случился великий пожар. Небось, пожрал огонь всю эту улицу, *рекше людской путь*, и вот плотники выстроили себе жильё заново, выстроили этак победно!

Через огорожу Малыга перекинулся словом со стариком, сидевшим на высоком крыльце своего дома, и тот подтвердил его догадку:

- Да, был пожар... *Инде же вихрь силен и дворы из основания исторже, и с людьми, и со всем бытом и занесе далеко...*

Ещё старик сказал о ком-то из соседей или из родни своей по имени Всемир:

- *Всемир уж пламенем затлел, скочил на забор и упал так в огонь.* Великая беда была!

Старик качал сокрушённо головой, горюя.

И то ли случилось это лишь с плотницкой слободой, что вся сгорела, то ли весь Червень-град выгорел, кроме кремника каменного, – того не понял детина. Старик на крыльце высоком опустил голову и более на допрос не отвечал: горевал о некоем Всемиле. Уж не сын ли его?

«Небось, вихрь поднялся из-за пожара, - размышлял Шестак Малыга. – Здесь был рожден огонь вихревой, здесь и умер, когда всё пожрал. Но вот восстала слобода, словно птица *Финикс*. А случился пожар лета три или четыре тому назад, а то и более. Что ж, нет худа без добра – ишь, как лепо ныне тут!».

Судя по всему, не только жилые избы могут поставить здешние плотники, а с ними и амбары, и омшаники... и ворота эти, огорожу несокрушимую, мостовые настилы крепкие... и княжеские терема сумеют воздвигнуть.. Чуть ранее, когда шёл берегом, видел Шестак Малыга и новенькие струги, ялики, лодки, дощаники, *лодейцы-набоиницы* – это всё искусная топорная работа.

Не пришлые плотники строили да ладили – все здешние.

4.

Так вот шагал Шестак неторопливо, оглядывался вокруг, примерялся, словно купить хотел один из домов-теремов. Пахло в плотницкой слободе свежеструганными сосновыми да еловыми брёвнами, смоляной щепой, сочными опилками, молодой листвой тополей, сладкими берёзовыми дровами, дымом от домашних очагов, варевом мясным, печевом хлебным... Таким семейным миром да теплом да уютом повеяло на новоявленного купца, что даже подобрел он в душе своей, размяк. Накоротко представил себе, что сидеть бы ему теперь за столом, хлебать из глиняной плошки щи с мясным крошевом, держа в руке кромуху ржаного хлеба... а рядом были бы жена, детки... Это как раз то, что нужно всякому человеку.

Глупое, мечтательное выражение опять появилось на его лице. Оно и всегда-то было не шибко умно, а теперь и вовсе.

Всю жизнь Шестак мечтал о семье. И всю жизнь мотало его туда и сюда - как стал сиротой в малых летах, так и ныне, в возраст взошедши, один на свете, как дерево на юру. А коли имя таково, то был он шестым в семье. Где ж его братья? Где его сестры? Где родной кров? Почему он остался один, и *не приклониться ни к отчеви, ни к мати*.

По плотницкой слободе он проходил и накануне, а теперь направлялся в слободу кузнечную, оттуда уже слышались бодрые удары молота. Не с руки идти по плотницкой, ан все-таки этот путь выбрал – нравилось тут ему.

Особой нужды идти к кузнецам у него не было, но хотелось прицениться. Каковы цены на кузнечный товар – по ним можно судить и о прочих. Одно дело - на торгу, там одна цена, и совсем другая – в кузнице, тут дешевле. Впрочем, не собирался он что-то закупать, просто приценивался, чтоб иметь деловой вид, чтоб не выглядеть полоротым бездельником – а то ведь и осмеют, и прогонят, ещё и по шее дадут.

Во всё время, пока он тут, в Червень-граде, чувствовал Шестак себя на распутье: как быть – на место ли сесть в одной из слобод здешних... поселиться ли там, где *лучшие люди* – купцы... отплыть ли отсюда куда-нибудь в иное место. Но – куда? Иначе говоря, уподобиться ли дереву да и пустить корни, стать ли птицей перелётной...чья судьба счастливей? Теперь вот глядя на эти ладные строения, захотелось ему осесть тут.

Шестак Малыга приостанавливался, глядя и слушая... опять шёл.

Было мирно и тихо. Разве что скрипнут ворота, послышится мычание коровы или собачий брех.

Вот двое шабров разговаривают через огорожу, один из них оперся локтями на перила крылечные, другой на поперечную жердь изгороди.

- Там рыба *изомроша* и *возсмердишася* река, – внятно сказал один.

- Ловцы молвили: замор случился перед водополицей, , - ответил ему другой. – Мраз был силен, лёд осел до земли... рыба в бочагах дышать не могли.

- Так то в озере. А в реке вода текуча, в ней рыбе не заснуть.

- Да в ямах речных и по реке рыба сомлела, и там замор случился.

«Ишь ты, не только на людей, но и на рыбу случается мор, - подумал Шестак Малыга. – Небось, у каждой твари свои беды, свои боги карающие, как и у людей. Или для зверья и рыб, и птиц боги те же, что и для нас?».

Бог смерти неутомим и неотступен: прерывает жизни и человека, и зверя, и рыбы, и пчелы, и древа...

5.

Мимо проехала повозка, запряжен в ней *меринок каур, грива надесно, во лбу звездочалинка, мохнат*. Меринок ступал лениво по плахам мостовым, возница прикрикнул на него, бегло глянул на Шестак и проехал мимо, не оборачиваясь. В повозке у него *коробьё* с зерном - значит, земледельец, хлебопашец. Небось, едет по своей хозяйственной нужде к кузнецам или кожевникам, менять зерно на лемеха или кожи для упряжи. Кто тут шьёт хомуты да сбрую?

Кто-то кого-то окликнул неподалеку:

- Эй, отроче! Подь ко мне!

Шестак не успел сообразить, кто кого окликнул: навстречу шла девица, одетая довольно празднично, несмотря на ранний час – в недавно пошитом *летнике* с пуговками, и *епанечке лазоревой* с подпушкой просто накинут на плечи. Волосы у неё *златошелковые*, в косе одной... Сначала-то она не смотрела на него, а когда поравнялись, когда расступились, минувась на узком мостовом настиле, девица вскинула на него взор... а была в это мгновение так близко к нему, что глянула будто бы глубоко-глубоко, в самую душу Шестака. Он запнулся, как давеча каурый меринок, а девица коротко засмеялась этому, удаляясь.

Остановился Шестак Малыга, будто пораженный молнией и оглушённый громом, и смотрел ей вслед. Потом, не сознавая, что делает, пошел за нею. Она оглянулась, и видно было, как принахмурилась. Шестак же не решался догнать, остановить, спросить... не хватало храбрости! А девица шагнула с деревянных мостков в сторону, отворила калитку в высокой огороже и скрылась за нею.

Перед этой калиткой остановился Шестак, потрогал её – заперто. Калитка на крюках железных в три широкие доски; по доскам вырезаны два медведя с рогатинами в лапах, держат крест-на-крест – сторожат.

Ещё слышались удаляющиеся шаги девицы, потом она поднялась на крылечко и исчезла. Шестак же имел ошеломлённый вид... именно ошеломлённый – словно его крепко стукнули «по шелому», оглушили. Он медленно приходил в себя, оглядывался.

Перед огорожей три дерева срубленные, из низких пней *леторосли* поднялись дружно, а за огорожей молодые яблоньки числом три. Лицо же самого дома загораживали не только эти яблоньки, но и кусты цветущей сирени. За сиренью той окна за-

кривочные, косячатые. Дом новый, с *присеньем* и с крылечком затейливым, словно для забавы сделано: столбики резные поддерживали шатровую крышу из новеньких осиновых брусочков - словно рыба чешуя. Балясинки тоже как бы витые, перильца чуть изогнутые. Истинно красное крыльцо! Возле него – *липка для мёда* калилась на солнце, пчёлы возле неё вились. Ещё рассмотрел Малыга сквозь щели: во дворе стоит свежая клеть амбарца – у амбарца ещё нет крыши, он только строится, потому вокруг щепы и корье. Должно быть, его потом разберут и перенесут на иное место, не стоять ему здесь. Должно быть, на заказ делают...

«Тоже разумно, - подумал гость на плотницкой слободе. – Небольшой амбарец, да ладен, вроде большого ларя... долго ли разобрать да перенести!.. Таковой и мне пригодился бы для добришка моего... А насовсем ли она ушла? Может, подождать, так выйдет?»

Он и подождал, оглядывая двор: подле амбарца омшаник с навесом – это уже приросло к земле, и конюшня наметана досками, над нею же навес на столбах, покрыт дранью.

Шестак потоптался тут, забыв совершенно, что намеревался идти в кузнечную слободу. Показалось: медведи с калитки ухмыляются, глядя на него. Он же был растерян настолько, что опять оступился на деревянном настиле: где-то внутри, в нём самом, лик девицы остался - словно отражение в лоне воды. Через лик тот проступало окружающее – то, что видел. Потому рассеян был Малыга, потому и оступился.

Отойдя немного от этого дома, детина встретил бабу с пустыми деревянными бадьями на коромысле, остановил её и расспросил о том да о сем. Она оказалась словоохотливой. От неё узнал, что девицу эту, которая только что встретилась ему, зовут Любавой, по отцу она Рукославна. Отца уж *нет в животе*, то есть помер; и матери тоже нет - значит, сирота, а живёт с братьями, оба они женаты. Они о ней заботятся, но держат в строгости. Семья эта *трудоусердна*, и хоть не числится в *лучших*, но *средняя и крепкая*. Сама же Любава *учителна, кротка, долготерплива, а не наглодушна или сварлива*. Братьев по-уличному зовут «медведями» – за изображение на калитке.

Слово «*сирота*» пронзительно отозвалось в сердце Шестака Малыги. Он подумал, что уже не Лих, а Бог Вышний посылает ему этот свет, от которого так озарилась душа. Вспомнилось: «Лих добра людям не делает». Значит, что же... сам Вы-

шень благосклонен к нему, Шестаку Малыге? А иначе-то как понимать?

Он был всё-таки доверчив и простоват, этот детина, гораздо больше, нежели прочие.

Покаюсь задним числом: я верно прочитал имя девушки, встретившейся Шестаку Малыге, но оно показалось мне грубоватым в произношении: Любыня. Я несколько раз повторил его вслух... нет, не понравилось оно мне! Поэтому я немного изменил его – она стала Любавой – и к этому имени, как читатель, привык. Даже теперь не могу от него отступить, как и в случае с Устей-Умиллой.

Не посчитайте это за великий грех, прошу меня простить. Я убежден, что так-то лучше: Люба, Любава, Любава Рукославна... сестра братьев Рукославичей.

Но если вам не по душе моё своеволие, называйте её Любыней, коли так вам будет угодно.

6.

Немного времени спустя – так велико было его нетерпение! - с решимостью на лице Шестак Малыга вернулся на эту улицу, к красному подворью, где дом с весёлым крылечком. А с собой принёс резную каменную *крушку с накрышкой*, полную сушеной сладкой ягоды, какая растёт только в краях полуденных.

«Какие-такие ягоды? - озадачился я, читатель. - Небось, сухой компот, там есть изюм».

Но химический карандаш о. Кирилла, словно услышав мои гадания, поправил: «Финики!»

Наверно, он был прав, потому что далее говорилось именно о ягодах крупных, к тому же сладких и прозрачных, как янтарь.

На подворье слышались мужские голоса, как раз в том месте, где строился амбарец. Шестак Малыга заглянул в щель – никого не увидел. *Липка для мёда* всё ещё калилась на солнце. Где-то с той стороны огорожи послышалось рычание, похожее на медвежье... но нет, это свинья сытая хрюкала. Шестак постучал в дверь и насупился, построжал ликом: дело серьёзное, вернуться может и так, и этак... Постучал ещё раз.

Калитка распахнулась, и перед ним оказался плечистый мужик с рыжеватой кудрявой бородой, по-девичьи синеглазый, румяный. Он был заметно кривоног, этак косолап - истинно мед-

ведь! Рукава его холстинной рубахи с пятнами смолы были закатаны под локти, ворот распахнут, в ворота крепкая загорелая шея. Мужик смерил нежданного гостя дерзким взглядом, спросил, что надобно. Шестак головой тряхнул и сказал, что принес поклон для Любавы Рукославны. Мужик спросил неприветливо, настороженно:

- От кого поклон?

Шестак храбро отвечал:

- От меня.

И протянул обеими руками *крушку с накрышкою*. С ягодой сладкой! А посудина с искрами в камне была куда как хороша, такая стоит недешево. Солнце как раз упало на неё и искры сверкали, играли.

Однако подарок, поименованный поклоном, у него не приняли. К мужику в калитке подошел ещё один, тоже бородатый, постарше и кряжистей, то есть медвежковатей, но ликом схожий, столь же синеглаз. Он сказал громко и грозно:

- Как смеешь ты, человек пришлый, сторонний, кланяться сестре нашей этим подарком? Мы тебя знать не знаем. Откуда таков наглодушен взялся?

- Может, ты тать ночной, воровских лазов выведыватель? – вторил ему младший.

- Может, ты украл это и нам принёс? – ещё суровей и грозней вопрошал старший.

Младший тоже возвысил голос:

- Или ты чести нашей позавидовал, сраму нам пожелал, потому и пришёл, чтоб осрамить?

- Я тебе голову снесу! – совсем уж рассердился старший

В руках у него был топор, каким голову снести – только махнуть. Шестак молчал. Немота его объяла! А следовало ему сказать хотя бы так:

- Мужики добрые, простите, не знаю здешних обычаев. Верно, человек я пришлый, но хорошего роду, от добрых родителей, дружбу вожу с людьми лучшими, желаю и с вами дружбу иметь.

- Вона как! – удивясь, сказали бы братья в один голос.

А уж там Шестак приободрился бы и продолжал хотя бы так: сестра-де их посмотрела на него ласково, душу ему перевернула, и теперь без неё не жить добру молодцу. Хочет, мол, он видеть её, хочет голос её слышать, дары ей приносить... А потом можно сказать и самое главное: по её же согласию и по доброй воле братьев Рукославичей хочет он в жёны её взять.

Однако вот не нашлось таких слов у детины, ставшего купцом. А потому не нашлось, что показалось, будто из окна с распахнутыми ставнями смотрит на него Любава, смеясь подавшему. Тут у него и язык онемел

- Пошёл прочь! – сказали Малыге братья Рукославичи, похожие на медведей. – Или мы тебя вот этим ослопом попотчужем.

И ослоп упомянутый словно сам собой появился в руках у младшего. Однако потчевать таким образом гостя не стали, отложили до будущего раза, коли случится. Дверца-калитка захлопнулась, и слышно было, как братья засмеялись, перекинувшись какими-то словами. Шестак остался стоять со своим подарком в руках.

В огорчении и растерянности он поставил каменную *крушку* на пень с леторослями возле огорожи, посчитав недостойным для себя нести это назад, – ведь уже подарено! А раз подарено, пусть стоит тут - увидят хозяева, как выйдут из калитки, вспомнят о нём, оценят его щедроту, и примут подарок. Авось окажется он в руках у Любавы! Но, отойдя, вернулся: неведомо откуда появившаяся рябая курица бойко клевала сладкие ягоды из *крушки каменной* – такое небрежение к подарку было и вовсе в обиду. Он шуганул курицу и взял-таки *крушку* с собой, сунул за пазуху: нечего добром дорогим разбрасываться.

Так рассудил умный Шестак Малыга.

7.

Пройдя плотницкую слободу до конца, он постоял, размышляя. Нетерпение владело им! Не будь он владельцем лодии с товарами, разве втемяшилось бы ему глупое это сватовство? Но теперь купеческая спесь взыграла в нём: как это так, почему его не почтили уважением, почему не попochётчили? Он не простой мирянин, не *лытатель по градам и весям*, не *шпынь*, его сам Коротил Яскович принимал с *вежеством*.

Не мог молодой купец Малыга теперь отступить, не мог оставить затеянное дело без доброго разрешения, потому повернул назад, чтобы пройти ещё раз мимо приметного дома: авось Любава опять попадется ему навстречу. То-то была бы удача! Он скажет ей, что по сердцу она ему прилась... что оденет её в шелка да паволоки да аксамиты, что нынче же накинёт ей на плечи опашень зимний шубный на красной подкладке, при двенадцати пуговицах янтарных. А мало, так и шубу

горностаеву. И не устоит девка! Это ж надо вовсе без ума быть, чтоб ей отказаться от такого богатства, а ему от такой красавицы. Она, небось, разумна, да и он не дурак.

Но не вышла Любава из дома, а у знакомой калитки Шестак Малыга самолюбиво напыжился, проходя мимо.

За огорожей во дворе никого не было видно, только из амбара, возле которого разглядел Малыга *лодейную снасть*, раздавались мужские голоса и удары топора. На крыльце скрипнули ступеньки, Шестак замер - но во двор вышла вовсе не Любава, а, должно быть, жёнка одного из братьев – голубой плат обернут на голове, нижний край голубой же поневы заткнут за пояс - понесла в скотий хлев деревянную бадью с пойлом. Понесла, а сама оглядывалась с усмешкой в сторону *снастного амбара*, где голоса мужские: вот она я, поглядите на меня. Ох, живая жёнка! С нею не затомишься, не заскучаешь.

Шестак постоял, все ещё на что-то надеясь. Ставни красных окон были распахнуты, но оттуда не выглянул никто.

* * *

Я уже отмечал не раз для себя: герои этой книги не носили на груди нательных крестиков, не осеняли себя и крестным знамением, не произносили слов, вроде «спаси, Христос» и явно не знали молитв, которые знал я, обученный тётёй Сашей, старшей сестрой моей бабушки Орины: «*Отче наш, иже еси на небеси...*», «*Богородица, дева, радуйся...*», «*Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас*».

С этими словами вторгался в книгу только суровый *Кирилл*. Он постоянно напоминал своим карандашом этим язычникам о Боге Триедином и Единосущном, обозначая крестами сомнительные да предосудительные по его понятию места. Более всего он негодовал при упоминании на страницах книги всяческих нечистиков, вроде Лешего или Полевого с Болотным. По-видимому, *Кирилл* считал их своими личными врагами: вот они гнездятся в книге, потому надо их затворить там, закрестить, чтоб они оттуда не выпрыгнули в мир и не наделали бы пакостей людям.

Но, наверно, ему, как и мне, нравились некоторые герои повествования, вот хотя бы братья Рукославичи. Вишь, как они благородно поступили с нахальным и глупым Малыгой: как смеет он, человек пришлый, сторонний, приходить с подарком к их сестре!

Может быть, раб Божий Кирилл даже полюбил мужа доброго Яра с его сёстрами и Липицу, и многих ещё, полюбил так же, как я, потому и не бросил книгу в печку, не развеял пепел её по ветру да по текучей воде? Предполагаю, что он хотел бы спасти те грешные души, заблудшие в темноте да невежестве языческого мира.

Глава двадцать пятая. Рыбари.

Нишкни, воробей, не почиркивай. Рыбари волочили озёрную заводь. Встреча с Митюком. О сыне его Первушке. Митюк с сыновьями: сватовство ратное. Размышление Яра о Янине-Веселинке. Яблочко зелено. Прощание Яра с юной женой, как с дочерью. Я вспоминаю те прекрасные вечера.

1.

После утомительного дневного перехода Яр и его малая дружина вышли к большому озеру – не тому, к которому стремился он и знал, что этого не миновать, оно должно было попасться на пути. Значит, верно держал направление. Он сразу успокоился.

Уже вечерело, устроились на ночлег.

Малуша сказки рассказывала:

- Синица молвит: «*Нишкни, воробей, не почиркивай. Живи ты со мной, как твой отец с моим отцом ладно живали...*»

Или про лисицу, которая была и курятница, и лестуха, и лизунья, и блинница. Но всякую свою сказку заключала просьбой:

- Мой надёжа, а поведай нам про что-нибудь, что видел. Про коркодила или ноздророга.

- Про них перед сном нельзя, - отказывался он. - Приснятся ночью, будете кричать от страха. Спите!

Тогда она сама принималась рассказывать:

- *Ноздророг* есть зверь страшнее слона, а слон – с маманта, а мамант - с гору. Уши у *ноздророга* медвежьи, а очи под горлом, рога на губе и на носу.

Янка с Устей ахали от страха. Яр усмехался молча.

Наконец, все уgomонятся и уснут.

А поутру, когда пошли к воде умыться, увидели: за излучиной четверо ловцов *волочили* озёрную заводь. Сеть у них была шагов этак с двенадцать длиной или более. Двое держали

её за крылья, еще двое загоняли рыбу с закраин в сеть эту, ударяя кольями по осоке. На берегу стояли двое малых, лет по семи-восемью, возле них корзина плетёная для рыбы. Ловцы переговаривались громко, детишки повизгивали в нетерпении – по воде раздавалось далеко. Сойки там кричали на них вельми громко, сердито, словно прогоняя, но рыбакам было не до них. Селеньице невелико, в три избы, приютилось на берегу, теснимое соснами: вчера в вечерних-то сумерках не разглядели его. А вот жители селенья заметили их ранее, но не проявляли ни беспокойства, ни любопытства: мол, пришли какие-то люди, и ладно.

- Так-то и я лавливал, - сказал Яр, тронутый этой картиной и собственным воспоминанием.

Он на этот раз не обеспокоился, как бывало прежде, даже прошёл по берегу, обогнул озёрную излучину и поговорил с ловцами. Он загорелся вдруг ловецким азартом и готов был сам влезть в воду, помочь рыбакам. Вернувшись к своим, сказал:

- Нет у них моровой напасти, только слышали о ней. А о нас они знают, и с какой стороны идём, и в какую сторону путь держим, и песни ваши вчера слушали.

- Без тебя тут приезжал добрый молодец, - загадочно сказала Малуша.

- Откуда?

- С того берега, - показала Малуша рукой.

- Что ему было надобно?

- А привета нашего.

- Только-то?

- А ему и то дорого: редко, сказал, сторонних людей видит.

Стали собираться в путь, но вяло и нехотя, устало. Тут из-за береговых кустов показалась лодочка, направляясь прямо к ним, и пристала к берегу. Устя первой заметила её:

- Гляньте-ко... опять гости к нам.

Из лодки вышел не добрый молодец, а старик в портах с заплатами на коленях; рубаха на нём пошита неумело, длинна, по швам – крупные стёжки, по вороту расстёгнута наискось. Старик был бос, словно только что с крыльца своего дома сошёл, да и шагал этак уверенно, как хозяин по своей земле.

Не дойдя изрядно, старик отвесил поклон, опуская правую руку к земле. Потом, словно ободряясь, приблизился, говоря что-то и улыбаясь. Слова произносил неотчётливо: был беззуб, шепелявил, хотя лицо млажавое – ему было лет под пятьдесят.

Яр степенно ответил ему: мол, в добром ли ты здравии, человек, и с чем пожаловал?

Старик ответил: захотелось, мол, поговорить с добрыми людьми, повидаться, знакомство свести:

- Потому как слух о вас по земле идёт.

- Откуда быть слуху? – удивился Яр. – Мы никого не встречали давно.

- А вороны на хвосте приносят, - засмеялся старик.

Он пояснил: третьего, мол, дня он ходил на дальнее утиное болото, встретил там человека, который видел Поташку Лаптихина. А тот Поташка дубовое корьё заготавливает да возит продавать кузнецам в слободу. Он сказал: видел-де Добрыню Конявина, что из села Усторонь, с которым в свойстве. Добрыня рассказывал: мол, идёт муж, зело мудр, рассудлив, добронравен, с ним дочери или сёстры... И другие люди говорили тож.

- А вас увидел я, сразу смекнул, о ком толкуют.

Яр пригласил гостя присесть на берегу. А в лодочке, с которой сошёл старик, остался *вьюнош* белоголовый, с ним уже разговаривала Янина, смеялась: она над обрывом береговым вверху, а он, не вылезая из лодки, внизу. Яру не понравилось, что ветер треплет на ней рубаху, а сидящий в лодке не сводит с неё глаз.

Старик сказал, что живет на берегу этого озера только три лета, а перебрался сюда с большой реки, там у него был и дом, и хозяйство: землицы немного пахал, хлеб сеял, но больше рыбой промышлял и зверя бил. Пушнину хорошо берут купцы, что проходят по осени караваном. Но случилось несчастье: дом его сгорел, в том огне и жена погибла. Вот и перебрался с тремя сыновьями сюда, не восхотев остаться на прежнем погиблом месте.

Говоря все это, старик живо оглядывал Яра, но более и зорче его спутниц, признался:

- Соскучились мы по людям. Живём *в пусте*, в сиротстве: безлюдно у нас. Иной раз и с татем потолковать будешь рад, и злой ворог уж не злой и не ворог, а живой человек.

- Разве *в пусте*? Вон люди, - указал Яр на рыбаей.

- Они на этом берегу, мы на том. Да и немирны мы с ними. *Не ратимся, но и не братствуем*. Вдруг видим: новые люди пришли и по всем приметам как раз те, о которых говорили Добрыня Конявин да Поташка Лаптихин. Что ж, мы людям рады. Как не сойтись да не обменяться новостями!

Всё это он говорил живо, весело, улыбаясь беззубым ртом, словно рассмешить их хотел.

- Куда путь держите, добрые люди? Не хотите ли поселиться здесь? Места хватит, места у нас добрые: и зверь, и птица, и пахать-сеять можно. Нам поповадней будет.

- Нет, - решительно отверг Яр. – Дальше пойдём.

- Раньше проплывали мы тут с Первушкой – не было ничего, а тут видим: костёр на берегу, - продолжал говорливый старик. – А сплаваем, говорю Первушке, познаем, что за люди, добрые ли, лихие ли.

- Нет, не лихие, - улыбнулся Яр, оглядываясь на спутниц своих.

- Да уж вижу, - сказал старик, всё более веселея.

А Первушка – это был его сын, тот, что остался в лодке. О себе старик сказал, что зовут его Митюк. И ещё два сына у него есть: Другинько и Осташко.

Он спросил, откуда и куда идёт Яр с сёстрами своими.

Яр отвечал уклончиво, но упомянул о большом озере на Великом Серегерском пути, что будет отсюда в полунощной стороне.

- Я бывал там, - сказал старик. – Но куда как давно. Места славные, но безлюдные тож.

- И я бывал... давно, - сказал Яр.

- Останавливайтесь здесь, место доброе, - стал уговаривать Митюк. – Будем соседями. Вы поможете нам, мы поможем вам, как водится между людьми.

- А не будем ли в ссоре, как с этими? – Яр кивнул на рыба-рей.

- Мы не ссоримся с ними, - возразил старик ласково. – Просто не сроднились пока. Сроднимся и с ними, и с вами, только дай срок. Оставайтесь с нами!

Но Яр в ответ покачал головой: нет, дальше пойдут.

О моровой язве старик поведал, что слышал о ней, но далеко она, сюда не придет, потому как слабеет, словно волна, набегающая на песчаный берег, остановилась, не доплеснув до этих мест.

Яр заметил на поясе старика нож добрый – то нож охотника и воина. В этом он знал толк. Хоть и ласков был гость, а зорек, насторожён, что-то держал на уме про запас. Нет, не ради пустой беседы приплыл он с сыном, а словно бы разведать что-то. И не верилось пока что в его привет да ласку.

- Надолго ли остановились тут? – спросил он.

- Отдохнём и дальше пойдём, - сказал Яр. – Вас не обеспокоим.

Митюк не стал засиживаться, поблагодарил за добрую беседу и пошел к лодке, то и дело оглядываясь. Они с сыном тотчас отчалили.

2.

Неведомо почему, появление Митюка с сыном оставило в душе Яра неясное беспокойство.

- Так ли он ласков внутри, как с вида? – усомнилась и Малуша.

- Если увидишь его ещё раз, будь с ним настороже, Яр Вышатич, - предупредила Устя.

Она теперь не звала его «мой надёжа», после того, как распустила перед ним поясок, величала по отчеству.

А Яр и сам не мог понять, почему именно насторожило его появление нежданного гостя: старик слабосилен, смиренен, поклонист – он не злоумышлен, не враг. Однако что-то нехорошее сулила эта встреча, а что?

Устя с Малушей, смеясь, передразнивали шепелявый голос Митюка, манеру слишком ласково улыбаться, с готовностью кланяться.

- А сын его, Первушка этот, робкий, боязливый, - оживлённо сказала подошедшая к ним Янина. – Спрашиваю, почему не женат, а он краснеет, словно девица.

То, как робел перед Яниной этот *вьюнош*, смешило и Малушу, и Устю. Только Яр сидел с отсутствующим видом, словно случившееся его не занимало.

А Липица занята была иным размышлением: она успела спросить уходящего Митюка, ходят ли тут купеческие суда. Он ответил, что проплывают, но очень редко, потому как Великий Серегерский путь в стороне от них. Опять задумалась Липица. Она и раньше слышала от Яра, что то озеро, к которому он ведёт, лежит на том Серегерском пути. Муж её Златко тем путём не хаживал, но хаживали купцы, знавшие и её, и мужа. Неясная надежда забрезжила у Липицы, она стала задумчива, а Яр слышал её краткий разговор с гостем.

Лодка Митюка и его сына Первушки удалялась, а они всё стояли и смотрели ей вслед. И те, отплывшие, то и дело оглядывались в их сторону, о чём-то толковали меж собой.

Малуша подошла к Яру:

- Надо ли нам спешить? Утомились. Экой путь одолели!

- Что ж, место тут доброе, - согласился он. - Постоим до завтра.

Решение его было воспринято с радостью. Спутницы его оживились, тотчас принялись за хлопоты, каждая за свои. Он, чтоб не мешать их делам, опять отправился к рыбакам - по-расспросить о том, о сём. У него было радостное чувство в душе: уже немного осталось идти, уже близко.

Вернулся он нескоро, а вернувшись, узнал, что ещё раз приплывал этот Первушка Митюков, уже без отца. Он разговаривал с Яниной, и Устинья была тут же: одну Янину не оставляла. Они обе подсмеивались над молодым гостем, не вылезавшим из лодки из-за робости своей. Робок-то робок, но и отважен: вишь, приплыл, и глаз не сводил с Янины. Среди разговора выведал, когда уйдут далее. Ему было сказано Яниной: завтра поутру. Он омрачился челом и голову понурил.

- Украдут у нас девку, - сказала Устя Яру, когда Первушка отплыл. - Ишь, повадились... Уж это неспроста.

Он никак не отозвался на это. Однако заметил, что приезды Первушки и робкое его поведение чрезвычайно забавляют Янину. Она даже гордится тем, что вот из-за неё приплывает этот добрый молодец с другого берега озера. Она то и дело поглядывала с ту сторону.

3.

Наутро раным-рано Митюк появился уже со всеми своими сыновьями. Что-то насторожило Яра в том, как шли они от лодки плечом к плечу. Так в гости по дружбе не ходят.

Митюк же имел по-прежнему приветливый и ласковый вид, но сыновья его посматривали хмуро – все трое были вооружены – и луки при них, и топоры; но отец с пустыми руками, только боевой нож на поясе.

Когда они приблизились, Устя подошла и решительно встала рядом с Яром, сказав тихо: «Я с тобой». О, это была женщина-воин! Ей бы в мужском обличье родиться.

Гости поприветствовали хозяев этак вразнобой и как бы нехотя, средний из них и вовсе промолчал.

Первушка был худощав и высок ростом, строен; он посматривал по сторонам, ища взглядом Янину, и не находил – это озаботило его.

Другинько был детина плечистый, пониже ростом, и выглядел старше Первушки да и решительнее, отважнее: взгляд дерзкий, твердый.

Третий, Осташко, был ещё отрок, но посматривал тоже вызывающе, девичий румянец выдавал его волнение.

Митюк тотчас приступил к разговору. Он сказал, что из-за пустого дела не явились бы, назвал по именам своих сыновей.

- Первушка с Другинькой – погодки, - объяснил Митюк, присаживаясь к костру перед Яром. – А младшенький их догоняет.

Сыновья его садиться не стали. Видно было, как отец любит своих сыновей и как гордится ими, то и дело оглядывается на них..

«Неплохие сыновья у старика», - мимолётно отметил Яр, ещё не сердясь.

- Не прогневайся, скажу, - начал Митюк. – Трое сыновей у меня, и все не женаты. И девиц поблизости нет. А шибко понравилась сестрица или дочь твоя моему Первушке.

- Она жена мне, а не дочь и не сестра, - прервал его Яр с суровостью.

- Ну, так что ж, - небрежно отвечивал Митюк. – Я не в укор, а к тому, что... зачем тебе так много жён?

- Ты говоришь дерзкие слова, старик, - молвил Яр и нахмурился, помрачнел. - Не серди меня, в гневе я бываю нехорош: жалость отступает от моего сердца и рука становится дерзновенной.

- Зачем тебе одному три жены? – повторил с укором гость, не смущаясь предупреждением. – У тебя три, а у моих сыновей ни одной. Добро ли так? Да и нет у тебя ничего, *мимоходец* ты, хоть и муж *добр*. А у нас и дом, и скот, и хлеб, и утварь...

Сыновья стояли молча. Между ними и отцом был какой-то сговор, как действовать, и Яр стерёг их боковым зрением, имея перед собой Митюка.

- Такие детинушки хоробые, - усмехнулся Яр, кивнув на них. – Пусть сходят за леса и реки, найдут себе жёнок. Я слышал, в Червень-граде хороши девы. А ещё *лучше*... – тут Яр посмотрел на Липицу, - ещё *лучше* на Тане-реке. Пусть идут на Низ, в те земли, будут у них красавицы-жёнки.

- Зачем ходить так далеко? – возразил Митюк. – У нас тут водятся белка и соболь, куницы да лисицы лучше заморских. Нам далеко ходить не надобно. А вот больно понравилась девка твоя.

Тут он увидел Янину, как раз вышедшую из леса, и встал, и поклонился ей, глядя ласково. Та вспыхнула всем лицом, и Первушка сразу смутился, встретив её взгляд.

Все это ещё более не понравилось Яру.

- Отпусти её с нами, - стал просить Митюк. – Хоть один из моих сыновей будет женат, появятся и у меня внуки, не пресечётся род.

- Ты в своем ли уме, старик? – сказал Яр так же сурово.

- Дом некому блюсти, - настаивал тот. – А у нас есть и жито в амбаре, и корова в хлеву, и свинья в *прихлевице*, и овцы, и птица домашняя. А хозяйки всему этому нет. Наше дело – мужское: на охоту ходить, рыбу ловить. Как царю без царицы, так жениху без девицы.

Последнее он сказал уже для Янины и опять обратился к Яру, попросил очень твёрдо, как потребовал:

- Отпусти девку с нами.

- Она жена мне, - напомнил Яр сурово.

- Мы дадим отступного, - миролюбиво, но упорно убеждал старик. – Мы тебе куньи шкурки привезли... заморской работы полотна *киндячного* на рубаху...

Яр прервал его и встал:

- Я не торгую жёнами. Уходите.

Вот тут впервые подал голос средний сын Митюка - Другинько:

- Не отдашь – возьмём силой.

- Вам не одолеть меня, - спокойно и уверенно сказал Яр, и топор, лежавший рядом с ним словно сам собой оказался в его руке.

Они-то не знали, а я знал: он ходил в дружине и в сече справлялся с четверыми, но те четверо были воины, а эти кто? Пахари, охотники, рыбаки. Им ли ратоборствовать с Яром!

- Хотите *ратиться* со мной – я готов, - сказал Яр твёрдым голосом.

Но он не взял в руки лука, он надеялся на свою быстроту и на топор. А Устинья отступила на несколько шагов, как бы невзначай взяла в руки лук, положила стрелу на тетиву, не сводя глаз с сыновей Митюка. Её действия однако не остались без внимания: ясно было, что она предпримет, случись быть схватке.

Братья переглянулись, хоть и без боязливости, но уже насторожились; каждый из них – как стрела на тетиве лука.

- Зачем тебе сыновья посеченные, даже если они останутся живы? – сурово спросил Яр у Митюка. – Или ты этого хочешь?

- Нет, - ласково сказал старик, однако повторил ещё раз, с упрямством. – У тебя три жены, а у моих сыновей ни одной. Отдай нам младшую, она уже сговорила с моим Первушкой.

Яр оглянулся на Янину: он ждал, что самая юная из сестёр рассердится, что она возразит: это ложь, она не сговаривалась! Но та не рассердилась и не сказала ничего, просто смутилась, румянея всем лицом, и опустила взор.

У Яра не было негодования на Митюка с сыновьями, пришедших отнять у него одну из его спутниц. Ему даже понравилось это семейство: вишь, как дружно встали все ради одного! Но поведение Янины удивило и насторожило его, он смутился в свой черёд. .

- Я спрошу у неё, - сказал Яр, подумав. - Ответ дам завтра, а теперь уходите.

- Отпусти сейчас, - попросил старик. – Первушка положил завет, что не вернётся домой без неё.

- Я сказал! – Яр нахмурился и встал, и рукой показал на их берег. – Ждите там.

- Но он уведёт их до завтра, - подсказал отцу Другинько.

- Удерживать силой не стану, - пообещал Яр.

Митюк сделал умиротворяющий знак сыновьям, вежливо поклонился ему, потом отдельно поклонился и Янине, назвал её Анной, как взрослому, отчего она смутилась ещё более.

- Завтра придешь ты один, - сказал Яр ему вслед. – Сыновей не бери с собой, особенно при доспехах – беда будет.

Братья оглянулись на него, остановились, но отец что-то успокаивающе сказал им. Все четверо молча спустились к воде, сели в лодку и отплыли.

4.

После того, как они удалились, Яр, не говоря ни слова, ушёл в лес.

Нет, он не горевал из-за Янки, но был немало уязвлён в гордыне своей: ему, мужу зрелому, мужу сильному предпочли другого! Какой-то *вьюнош*, едва появившись, одолел его в соперничестве, не ратоборствуя, - просто взглядом или словом. Ведь так! Он победил своею юностью... Яр, сознавая это, хмурился и даже помахал своим топором, прорубаясь в чаще – та-

кое действие обычно помогало успокоиться, когда бывал чем-то сильно раздосадован.

Поразмыслив, он решил, что ранее Янка была тоже немало уязвлена - тем, что он, их «надёжа», предпочёл Устю, а не её, Янку. То есть, если считать, что теперь она от него отступилась ради другого, то он отступился от неё раньше ради другой.

- Что ж, можно размежеваться, - сказал он вслух.

Наверно, она ревновала его и к Липице, видя, что та столь красива. Может быть, по каким-то приметам – взгляд ли, слово ли – поняла, что красавица-вдовица нравится Яру даже больше, нежели Устя. Она же, Янка, ему вроде дочери. И что её ждёт в будущем? Быть третьей женой? Или даже четвёртой?

Он вспомнил тот случай, когда она со слезами на глазах пела про одинокую кукушечку. Она тогда сказала ему с укоризной за то, что приласкал её по-отечески: «Не так, не так! Я тебе не дочь. Ты нас всех в жёны себе взял, и меня тоже. Не забывай о том». А он забыл.

Тут он ошибся. Так бывает на боевых игрищах при княжеском дворе или в бою: не туда ступил, не оглянулся вовремя, не отклонился от удара... и уж не поправишь, проиграл или погиб. Эти девы, что зовут друг дружку *сёстрами*, не полонянки его, не купленные рабыни. Их не удержать ни силой, ни устрашением.

- А никого не стану удерживать, - произнёс он со вспыхнувшим ожесточением. - Пусть уходят, кто ни пожелает.

Так он размышлял в гордости своей.

Вернувшись, он не сказал ничего. Сёстры сидели кружком вокруг костра. Должно быть, беседа уже закончилась у них, потому что молчали.

В этот день они не тронулись с места. Весь день прошёл за хлопотами, и уж не было прежней беззаботности, переговаривались тихо. Наступившим вечером устроились на ночлег, и уж Малушу не просили рассказать про *остров мал*, где творились всяческие чудеса, и сама она не просила Яра что-либо поведать про греческую землю.

От того места, где устроились на ночлег, видно было: на берегу дальнем костёр горел всю ночь - это Первушка сидел возле него бессонно. Костёр горел и на этом берегу.

5.

А наутро Яр позвал с собой самую младшую из сестёр; вышли они вдвоем на берег, сели там. Он спросил:

- Почему ты не сказала Первушке Митюкову: пошел прочь, смерд, не нужен мне еси!

- Он робкий, - улыбнулась, потом засмеялась Янина, уже названная тут Анной. - Мне его стало жалко.

- Ты жалеешь его? – переспросил он, словно она призналась в любви к Первушке.

- Да, - подтвердила Янина-Анна. - У них нет жёнки в доме - то очень худо. Есть мужеские дела, а есть женские. Они принуждены делать женское – доить корову, держать огонь в очаге...

- В том нет худа, - возразил Яр. – Муж должен уметь делать всё.

- Он должен быть грозен, как князь в стольном граде, - в свою очередь возразила Анна-Янина, при этом улыбалась. – Он оборона от всех напастей. А жена – хозяйка, от неё тепло в доме.

Некоторое время они сидели молча. И видно было, как от дальнего берега отчалила лодка и направилась к ним.

- Как же нам поступить? – спросил Яр. – Если уйдёшь отсюда с нами, то появится на пути нашем ещё кто-то, и ты его пожалеешь...

- Нет! – горячо отвечала она. – Больше не понравится никто. Только этот...

Яр молчал. Потом спросил:

- Не станешь ли ты у них рабыней?

- Нет, - убеждённо сказала Анна-Янина. – Я буду у них хозяйкой. Я стану ими повелевать, они исполнять, как повелю!

Сказав так, она засмеялась. Он не стал её разубеждать. Зачем? Лодочка была уже на середине озера.

- Что ж, быть по сему, - решил Яр.

И они вернулись к общему костру.

- Рано тебе распочинаться, – сказала Устя младшей сестре. – Поняла ли, о чем я говорю?

- Мне десяток и шесток вёсен, - возразила Янина, ставшая Анной.

Устя продолжала:

- Кто яблочко зелено сорвет да надкусит – будет ему кисло, скоротится. Али не знаешь, как поётся?

Яблочко зелено,

Не поспело оно.

Не зарумянилось,

Соком не налилось

Она уже пела, этак поддразнивая, и Малуша вторила ей:

*Яблочко зелено,
Словно мало дитё.
Солнышко, его грей.
Ветер, его обвей.
Роса чиста, окропи.
Листове, приласкай.*

- Почём знать, - строптиво возразила Анна-Янина, оглядываясь на подплывающую лодку, но не Усте, а как бы себе самой сказала. – Не тебе срывать, не тебе и надкусывать.

*Яблочко зелено,
Коли станет румяно,
Сладостью напилось,
Видно семечки насквозь.
Само в руки упадет,
Само просится в рот*

- *Не ты и распробуешь, сладко ли, кисло ли,* - вставила в их песню Анна-Янина.

Кажется, она даже обиделась на эти шутки. Что-то детское было в такой строптивости.

- Отпусти её, - тихо посоветовала Малуша Яру.

- Отпусти, - сказала и Устя, усмехнувшись. – Какой тебе от неё прок?

- Отпускаю, - отозвался он.

А Липица сказала Анне-Янине:

- Не бойся ничего. Боги бывают милостивы к сиротам.

6.

Лодка уже причалила, в ней были двое. Старик вышел на берег, Первушка остался.

Анна-Янина поклонилась каждой из *сестёр* по очереди, поклонилась и Яру, на глазах у неё были слёзы. Она смахнула их, улыбнулась.

- Ты не была мне женой и не станешь, - сказал он. - Если они откажутся от тебя, что будешь делать? Пойдёшь следом, как Липица?

Она усмехнулась и молвила уверенно:

- Он не откажется.

- Она уже знает, что Первушка у неё в руках, как птица в силке, - сказала Малуша.

Яр взял младшую из *сестёр* за руку, повёл навстречу старику. Он как бы передал её ему из рук в руки. Первушка встал в

лодке, напряженно следя за происходящим. Янина, уже названная тут Анной, оглянулась, поклонилась оставшимся общим поклоном – исполать вам! - сошла с берега к воде и вступила в покачнувшуюся лодку. Оглянулась ещё раз, помахала прощально рукой, и они поплыли, о чем-то быстро переговариваясь.

- Всё кончили миром, – бодро сказала Устя. – Не кручинься, Яр Вышатич! Ты не один, мы с тобой.

- То ли потерял, то ли обрёл, - отозвался он.

Липица при этом посмотрела на него испытующе.

Пошучивая, чтоб рассеять грусть, стали собираться в путь и отправились.

* * *

Я не отплыл вместе с Яниной и её новыми спутниками на лодке, остался на берегу. Нет, я не был возмущён или огорчён тем, что произошло: самую младшую из жён Яровых увозили. Но мне было жаль расставаться с нею и хотелось знать, как сложится далее её судьба. Отлистав книгу на много вперёд, я встретил там имя Анна... наверно, это о ней, о Янке-Янине. Значит, я её встречу потом, а пока что я не стал опережать события, читал по порядку, как это было в книге.

Вспоминаю теперь те прекрасные вечера, когда я всецело увлечен был чтением - особенно в декабре-январе. Вы только представьте себе: вокруг снега бескрайние... над ними бескрайней же и бездонное звездное небо... морозное дыхание зимы оведало мою деревню и каждую избу в ней, и нашу избушку тоже... живое тепло противостояло мертвящей стуже... Избушка (в книге моей таковую назвали бы «*избёнка*») в три окна по лицевой стене – это наша крепость, наша оборона от осаждающего врага: вселенского холода.

По осени мы одели её в соломенную «душегрею» - таковая в нашей местности называлась *пелёдой*. *Запеледили* избу – это значит, поставили высокие, до карниза, колья в ряд вдоль стен, укрепили их поперечными жердями и плотно-плотно набить между теми кольями и стеной соломы или сухого мху; потом туда набьётся снег – вот и «душегрея» готова. Оконцы становились маленькими, изба съёживалась и как бы затаивалась, прижималась к земле.

Но мороз - враг жестокий, коварный и упорный, он невидимо проникал сквозь окна и двери, через щели в полу и потолке, доставая до нас, живых людей. Он оледенил бы наше жильё,

если бы не спасительница-печь – изобретение наших предков! Я стал ощущать её как большое и доброе существо, наподобие коровы или лошади: у неё широкая теплая спина и теплые бока, четырьмя кирпичными ногами она уходит в подполицу, упираясь там в землю, терпеливо снося холод, а голова с жарко дышащим или даже огнедышащим горлом поднималась на чердак и выше; ржавое ведро над трубой – железный шлём. Экое чудовище - дракон... или *драконт*, как он именовался в книге. А вот поди ж ты как спасительна и охранительна была его забота для нас!

У нашего мирного, доброго *драконта* был и детёныш: маленькая железная печка. Она оживала по вечерам, была шумлива и весела, как и полагается быть детёнышу. Но тепла от маленькой печки хватало только на вечер, да и то если не засиживаться долго. А за ночь изба выстывала, и только большая печь – истинно русская печь! - сохраняла тепло. В ней варили щи из кислой капусты и картошку, парили свёклу, сушили валенки... в ней по субботам устраивали баню. Но о том, как мы мылись в той печи и даже парились с веничком, как-нибудь в другой раз.

Возле печи той и сам я чувствовал себя детёнышем.

Никогда ранее не приходило мне в голову подумать о неодушевленных предметах, как о живых. Теперь же, когда я читал книгу, все воспринималось иначе.

Глава двадцать шестая. Плотницкая слобода.

Мир плотницкой слободы. Старшина Коротил Яскович. На торгу. Купчина Братко Сухорук и сын его Незговор. Страх Малыги о своём добре. Как он плыл в Червень-град. Схрон на острове. Девы поют. А что, если Яр с его малой дружиной войдёт ко мне в дом?

1.

Шестак Малыга был не из тех людей, кто после неудачи отступает от затеянного; напротив, невезение пробуждало в нём ярость и ещё большее упрямство. Ума у него, как сказано, всё-таки небогато, но упрямства не занимать. Теперь же он и вовсе готов был на всё, даже на то, что *сугубо дерзостно, опасно и гибельно*.

«Я её украду, - подумал он, сбывая голову и лютея глазами подобно вепрю. – Украду!»

Мысли потекли, словно ручеёк по новому руслу.

«Можно подстеречь здесь, выследить... схватить и унести! До реки недалеко, а там на струг... и быстро отчалить... Доплыву до острова... добуду из-под камня клад мой... одарю её аксамитами да измарагдами... и полюбит!».

Но размышление это угасало, подобно тому же ручейку, уходящему в песок:

«Как это «схватить и унести»? Тут же люди кругом. Разве не вступятся?... Настигнут... Потом выпорют в кремнике, перед красным крыльцом Коротила Ясковича. Тут так делают с татями да прочими злодеями».

Мимо него проехала давешняя повозка, уже без *коробья* с зерном. Хозяин её посмотрел на Малыгу усмешливо. Показалось, что он догадывается о его терзаниях: мол, не один ты маешься - всякому лестно сорвать румяно да сладко яблочко, ан поди-ка, добудь.

«Да мы приступом возьмем! – рассердился детина. – Подговорю лихих людей... Братьев запереть в амбаре ... а Любаву увести на струг да и отчалить от Червень-града...»

Почесал детина в затылке с сомнением, оглядываясь на подворье Медведев-Рукославичей: такое не возьмешь приступом. Братья топорами отмахаются, да и соседи им помогут. Силой не взять, надо как-то иначе, поразумней.

Вспомнился хитрый Злобка: уж тот что-нибудь придумал бы. В голове мелькнуло: «А вот если поджечь ночью...».

Он очень живо представил себе, как в суматохе вокруг горящего дома увлечёт Любаву в темноту, якобы спасая её... Если будет упираться, связать девку по рукам и ногам, унести, как овцу из стада, к стружку, поскорее отчалить от пристани, и уплыть, уплыть подальше от Червень-града! Никто не увидит, никто не узнает.

Этот план показался ему самым разумным из прочих. Именно так следует поступить, если не удастся решить дело любовно. Но сначала нельзя ли всё-таки уладить честь-честью, миром? В добром-то согласии с братьями Рукославичами все дела потом вершить куда как способно!

2.

Уже бодрее шагал он теперь по плотницкой слободе.

«А ведь она, небось, приходила ввечеру на берег и пела вместе с девами», – подумалось ему.

*На заре-зарнице,
При ясном солнце
Отступи, тоска-грусть,
Развейся по ветру.
Где ты, мой ладо,
Мой ясный сокол?
Потоскуй обо мне,
Как я по тебе.*

«Как утешно они пели! Зря я сробел... надо было подойти, заговорить, угостить девок сушёной сладкой ягодой. Там и Любава была... Упустил я случай».

Ещё он подумал, что окажись Любава на берегу Оцы с теми девами, из-за которых рассекли ему лоб, он не колебался бы в выборе и не отступился так легко. Там он сказал бы: «Не надо мне никого, только одну её. На иных не позарюсь, а не уступлю никому, хоть умереть на месте».

Что ж, теперь ли отступить? Силой или хитростью, подкупом или угрозами, упорным и неотступным преследованием или как иначе – любой ценой он добьётся, чтоб светлоликая, синеглазая дева стала его женой. Ведь от одного её взгляда загорелся он, как сухой *дровяной нащеп*. А ну-ка, если она будет рядом каждый день... Ведь это же утеха на всю жизнь!

«Украду, как овцу из стада! И – в леса...».

Двое малых отроков сидели на лавице возле огорожи. Небось, недавно пробудились и по дружескому соседскому чувству уселись возле дома, выстругивали оба свистки ивовые. Это дело было знакомо Шестаку, и он остановился, похвастал своим умением – выстругал свисток, посвистел, подражая сначала скворцу, потом иволге... Отроки сразу дружески расположились к нему. От них он узнал, что братьев Любавы зовут так: старшего – Бородай, младшего – Покор. Младший совсем недавно привел в дом жёнку – это она, небось, вышла давеча... А у старшего младенец в зыбке, ещё без имени. О Любаве Шестак спрашивать у них не посмел. Всё надо делать тайно, а не явно.

Покинув отроков, опять он думал о том же:

«Украду... и уйду в леса».

Однако же что делать в глухих лесах с его богатством? Не медведей же обряжать в аксамиты да бархаты! Не птицам же на поклёв отдавать жемчуга да бисер! Да и по душе пришелся Шестаку Малыге Червень-град, покидать его не хотелось, тем более столь скоро. Надо оглядеться...

Так уверенно возвышался на всхолмлении кремник, придавая граду вид силы и надежности! Так вольготно раскинулись по сторонам его слободы – кузнечная, ловецкая, *горончарная*, плотницкая, кожевенная! Так буйно повсюду цвели яблони, посвистывали птахи – и синицы, и соловьи, и скворушки, стайно чирикали *зворове*. С высокого берега видно, как плещут веслами по реке малые струги.

Даже собаки здешние брехали не от свирепости или от скуки, а от бодрости. А что самое примечательное: люди в Червень-граде словно бы знакомые – все веселы, приветливы, а коли задирали иногда друг друга или человека пришлого, то делали это не зла ради, а от молодечества. Ещё нравилось Шестаку: праздных тут не было, все заняты делом... и работают весело: на земле ли, в кузнях ли, в варнях да мяльнях ли. С мостков у берега жёнки полощут рубахи, колотят вальками, весело перекликаясь. Даже неприглядные виды кожевенной слободки, раскинувшейся по оврагу, где тек грязный и зловонный ручей, не разочаровывали.

Теперь, когда он знал, что живет тут Любава, ещё светлее стало и в плотницкой слободе, и во всем граде. Малыга опять подумал, что бог, ему покровительствующий, не зря привел его сюда.

Так что же, сам Вышень заботится о нем? Или это все-таки Лют, явившийся ему, недужному, в страшном облике? Может, Лют другим делает зло, а для него, сиротины, творит добро? Вот вывел на купеческую лодию, оставшуюся без хозяина, а теперь направил в Червень–град. Не Лют ли подтолкнул его нынче поутру пройти по плотницкой слободе, и не он ли внушил Любаве выйти нарядной в это же время на улицу, чтоб они встретились лицом к лицу?

А не Лютова тут воля, нет, - это Вышень. Он добр, он видит всё – и малую птаху, и всякого зверя, и человека. Он принял во внимание сиротство его, Шестака Малыги, и сделал ему добро.

А коли это так, то за благим началом последует благое же продолжение. Надо только подождать...

Тут вспомнилось ему, что среди прочих каменных сокровищ, вроде той *крушки*, есть птахи, сделанные из камениев – словно живые! - одна зелена, другая рдяна, третья янтарна... Небось, подарить их Любаве, умилился. Да что птахи те! Подарить ожерелье из сверкающих камешков! Не устоит она, не устоит...

3.

Он продолжал гулять по слободам, вступал в разговоры, проявлял интерес и к тому, что ему вовсе не нужно. В кузнечной слободке было особенно весело от железных звонов. *Чюланы да кельи да кузни* мастеров-ковалей располагались вольно, и так, и этак. Тут пахло дымом от дубового угля, железной окалиной. Любопытный Малыга заглянул в одну из келий кузнечных, увидел в ней *наковал большой, три молота – один большой, другой одноручный да маленькой, двои клещи да мехи дульные и гвоздильное наковаленцо*. Тут он даже самым тяжёлым молотом помахал при одобрительных возгласах ковалей.

А ковали-то они топоры с подбородышами, да *сошныя лопари* (лемеха), да *гвоздьё: пробойное, двоетесное, одготесное, лубяное, зауделное, скальное*. В соседней кузне замочник ковал *дверную заложку* к сеням и ключ к *вислому замку*, а другой – *замок задвижной с колцами*. Сюда приносили лом железный, заказывали кочергу наварить, косу или буравль или долота, или скобель выковать, подковы для лошадей, кольца для сбруи. Делали тут и воинские доспехи, но в ту кузню, где это делали, не пустили Шестака Малыгу: дело тайное, не для посторонних глаз.

Работы много у кузнецов! Без дела никто не слонялся. Малыга не тяготел ни к кузнечному, ни к кожевенному, ни к сапожному ремеслу, но ему нравилось просто гулять да присматриваться.

По утрам особенно оживлённо было возле пристани. Тут в крытых рядах сидели торгующие жёнки: гречевницы, гороховницы, чесночницы... тут же продавали крупеники, пироги с капустой и луком... тут же и семена огуречные, луковые, морковные, свекольные... Продавали рядом и *заудильники*, и некие *оловенники*, и замки вислые да задвижные, и скобкари деревянные, и кули мочальные, *капы* (шапки) женские с *накапками*, душегреи с *ласками*, сапоги-заколенники рыбацьи, сапожки девичьи и прочий сапожный товар. В другом ряду – новенькие *крошни* (корзинки) из ивовых прутьев и еловых корней, лагуны, лукошки, ушатники липовые да кади дубовые - всяк со своим товаром. Да что, всего и не перечислишь!

Его влекло и к тому месту в городе, где причаливали по утрам ловцы, продававшие рыбу прямо с лодий, с малых стругов, с дощаников. А покупать приходили бойкие жёнки со всех слобод, любившие пошутить и посмеяться. Они препирались из-за

цены, окликали рыбарей смешными прозвищами: Клопец, Лыч-ный Лапоть, Тоскун, Лях-в-луде, Рукосуй... а те их величали так: Толоконница, Кубышка, Верейя... Ясно было, что все тут давно знают друг друга, потому им весело. Шестак, *луская зубами лесной орех*, купленный тут же, возле пристани, с особенным удовольствием слушал шутливые перебранки, не вступая в разговоры: его дело стороннее. Ему по душе был весь этот шум и гам. Тут кричали впереводку:

- А вот осётр свежий!...
- Щука большая да полюбовник её сом!..
- Два сига живые!
- А вот белорыбица!
- Судаки! Кому надобны судаки! Ещё шевелятся...
- Лещи да лини! Имень с полено! Кому? Набегай!
- А вот рыба шелонь!
- Эй, жёнка, не уходи, линия подарю!
- Поди сюда, сговоримся, любя моя!

В рыбный лабаз заглянешь: тут сиговина, щучина, белужина да лососина – это рыба просольная в бочках... А ещё *пласти лещёвые* – вяленые лещи.

На месте лобном возле пристани – иной торг. Сюда подъезжали с разных сторон повозки с кладью: привозили мёд в *лагунках*, зерно в коробьях, головы воска, масло коровье в *лаговках*, холстины и овчины, мясо и шерсть, пеньку и лён - товары эти или продавались тут же, на торгу, помалу, или складывались в лабазы здешних *лучших людей*, вроде Братко Сухорука, - в ожидании купцов, приплывающих по реке с верху ли, с низу ли.

Малыга спрашивал у приезжавших по сухопутью:

- Откуда?

Ему отвечали охотно:

- Сельцо Брюханово... слободка Барчикова... с Лосиной Горы... с погоста, что за Холмищем.

Посмотрел он, как с двух больших судов, только что прибывших, размером никак поболее *выморочной лодии*, доставшейся ему, снимали тюки товара и носили в купеческий лабаз крепкий. Потом хозяева известили, что привезены и ткани заморские, и кожи сафьянные, и сапоги готовые связками, и вещи дельные из меди да железа, и лакомства, вроде иноземных орехов, сушёных сладких яблок да ягод иноземных тож и прочего... А прочего было довольно.

Славен Червень-град! Судя по всему, любили его купцы.

4.

Шестак пока ничем не торговал, только приглядывался. Он не знал, как торговать, за что какую цену запрашивать, кому что предлагать. Никогда ведь раньше купцом не был, богатым товаром не владел и не ведал теперь, как с ним поступить, с чего дело начать. Более всего опасался сильно продешевить, потому и приглядывался, приценивался.

Забота одолевала: что потом ему делать, когда распродаст всё и останется налегке? А куда за новым товаром плыть? И надо ли это ему? Может быть, смиренно упятиться в теремок и жить-поживать безбедно?

Пока что ему по пути в Червень-град удалось подобрать добрых сторожей - двоих крепких мужиков, Тезю да Бугреца. Это были люди простые, бесхитростные, до хмельных медов охотники. Хмельным-то мёдом и подкупил их Шестак, расположил к себе, приказал на лодии его пребывать безотлучно. Припугнул, сказав, что за ними будет пригляд бдительный от сторожи, которую они даже не знают в лицо.

У Тези была жена и детки числом четверо, оставленные им в Барчиковой слободке на попечение старшего брата. А Бугрец недавно овдовел, по этой причине много печалился и главным своим занятием считал лечь на бортовую лавицу, говоря:

- Полежу, подумаю... про горькую судьбу мою.

И лежал, и думал. Ночами не спал, тем и хорош был сторож.

Тезя и Бугрец, хоть и любители хмельных медов, однако знали в питье меру и к службе всегда были годны – и веслом махать, и от татей отбиться. Поначалу Шестак Малыга с них глаз не спускал, но потом успокоился: они не подозревали, что за товар у него в крытых помещениях за замками. Сказано же: люди простые и бесхитростные, и на лихое дело, как его задумал было Шестак Малыга, вряд ли согласились бы...

А к нему, как встал своим стругом в затоне, стали приглядываться люди торговые, очень ласково заговаривали, стараясь вывести себе поболее, а ему сказать помене. Он же хранил молчание или же говорил, что ждёт настоящего хозяина товарам своим, распоряжаться ими не может, потому как ходит под рукой у отца своего, который, мол, должен приехать следом. Как тот скажет, так тому и быть.

Один из владельцев лавок да лабазов червеньских Братко по прозвищу Сухорук и раз, и два приходил присмотреться к его

стругу. У Братко десная рука усохла, не владел он ею, зато глаз у него остёр, разум быстр, голос вкрадчив и приятен. С ним бывал сын его Незговор – ростом невелик, в *лицо чермен, очи серы, ус занимаетца, на десной щеке рубец, лет в дватцать...* Знать бы Шестак Малыге, что Незговор подарил плат головной Любаве, и дар тот был принят ею по разрешению братьев. Но не знал того детина...

Сухорук спросил, не встречал ли Шестак где-нито черевистого купца Семейку Сестринича, у него-де точно такое же судно, на ходу легкое и на лебедя плывущего похожее. Шестак отвечал, насторожась, – не заподозрил ли тот? - что оного Семейку видеть не видывал, но слыхом, мол, пользовался: жив-здоров Семейка Сестринич, плавает и торгует. А что до струга, то он сделан по отцову заказу, что отец скоро приплывет сюда на таком же, привезёт товар и будет торговать. Вот у него надо спросить про Семейку, потому как отец ходил в низовья реки Ольги до самого моря и, уж конечно, там встречал многих купцов.

В свою очередь, чтоб сбить остроглазого Сухорука с пути мысленного, спросил у него Шестак, а знает ли он купеческого старшину Сбышко Волосовича, который водит на Низ купеческие караваны. Шестак о таком слышал, но видеть не видывал. Братко же Сухорук о Сбышко Волосовиче тоже лишь слышал ранее, но в знакомстве с ним не состоял.

Спросил потом Братко про Ратмира Полочанина: не встречал ли его молодой купец. Шестак ответил, что не только слышивал о нём, но и разговаривал с ним на торгу, однако вместе за столом не сиживал и медов не пивал.

Не столь уж был глуп Шестак Малыга, разговаривал достойно, разумно – так показалось Сухоруку. Сын же его Незговор был молчалив, однако улыбался затаённо, словно о чём-то догадывался, а *к отчеви*, то есть к отцу своему, обращался почтительно. Небось, белозубой улыбкой своей подкупил он Любаву, а не платом лазоревым.

После разговора того стал Братко с Шестаком дружелюбен, по плечу хлопал при встрече и руку жал, и на чару хмельного приглашал – значит, признал за ровню. Именно так решил новоявленный купец Шестак Малыга и предложил этим *лучшим людям* червеньским купить у него мягкую рухлядь, цену на кою он уже уразумел, да два косяка камки узорной, да ещё что-то. Сухорук отвечал, что собирается отплыть куда-то для торга, потому готов купить это.

- Но *покаместа* не оженю сына, *потаместа* не отъеду.

Тут бы и поспрашивать Шестаку, на ком намерен жениться Незговор Сухоруков, но не спросил.

5.

Ещё ранее, когда плыл к Червень-граду, опасался он, что кто-то узнает лодию и уличит его, Шестака, в овладении чужим добром. А потому срубил топором носовую часть, приладил по бортам доски тёсанные, хотя они были тут ни к чему, белой глиной обмазал снаружи и кормовой, и носовой *чюланы* и таким образом неузнаваемо обезобразил судно. Теперь и настоящий хозяин не узнал бы своего, случись появиться тому хозяину живым на пристани Червень-града. Но вряд ли появится... Однако опасение, что кто-то из владельцев остался жив, не отступало, Шестак Малыга жил в тревожном ожидании, которого не мог от себя отогнать. Вот-вот кто-то придёт и явит свои неоспоримые права на богатство, доставшееся ему таким неожиданным образом, доведут до грозного Коротила Ясковича, и тот прикажет бросить вора-разбойника в холодный и сырой поруб. И сидеть в том порубе до скончания жизни.

«Они плывут теперь, как рыбы, - успокаивал он сам себя Малыга. - Они вниз по реке, и рыбы их поели, а я плыл вверх, разошлись наши пути. Некому меня уличать! Они мертвы, а я живой».

Насколько сам он мог понять, лодия, по-видимому, принадлежала ранее не одному купцу, а по крайней мере двоим: товары были разделены на две части. Он зорко стерег их, заботливо укрывал рогожами, и не столько от ветра или дождя, сколько от завистливого да воровского глаза, повесил на дверях крепкие замки. Строго-настрога указал Бугрецу и Тезе их место на лодии, чтоб и не помыслили заглядывать в запертые *чюланы*, пригрозил за то смертным боем и намекнул на Лютову заботу над ним, Шестаком. По прибытии в Червень-град поведал сторожам своим, как почётит его и ласкал Коротил Яскович, обещал никаких препон не чинить, а, напротив, наказал никого не бояться – он всякого татя отыщет и накажет. Однако же и медовым брашном, купленным здесь, в Червень-граде, Шестак Малыга сторожей своих верных угощал, будучи уверенным: только сытый пёс верен хозяину, а голодного любой тать прикормит. За чаркой хмельной каждому из сторожей своих шепнул тайно, чтоб приглядывал за товарищем и в случае злого умысла, донёс ему, хозяину, за что будет щедрое вознаграждён.

Надо было как можно скорее занять крепкий лабаз, да чтоб с железными засовами, с висячим кованым замком. У него не было в обычае плавать по воде, привык ступать по твердой земле. К тому же у него достаточно теперь богатства, надо заботиться не об умножении его, а о сохранении. Он даже готов был избавиться от лодии - продать её и купить домовое строение: так-то надёжней. И вот тут братья Рукославичи могли быть ему надёжной подмогой: мужи крепкие, суровые, рассудливые – такая родня укрепила бы купца Малыгу.

Отправив своих сторожей куда-либо с поручением, любопытствуя в нетерпении, Малыга открывал один из рундуков, перебирал мягкую рухлядь – не отсырела ли, не изопрела ли. Надо бы поддержать пушной товар на ветру, а то не побил бы хорь (наверно, тут речь о моли), но как выставить всё это на общее обозрение? И Малыга уже присмотрел крепкий лабазец на берегу, в ряду других – он принадлежал некоей вдове Каптелинице и, как говорили, пустовал. Надобно им завладеть, пока с Любовой всё так неверно.

Страх да заботы не давали покоя купцу Малыге, потому и решил он избавиться от рухляди мягкой в первую очередь: бобры да лисицы красные и бурые, белки да куницы, *горносталь* да соболь – товар лёгкий, места много занимает. Может быть, следовало продать поскорее и ширинки, шитые шёлком да златом... и те ширинки, что *подергиваны шолком черевчатым да чёрным*....и отрез огненного согдианского шёлка... и синие да зелёные опояски с жемчугами... и кафтаны шитые, и порты выходные, что нашлись там...

Но на что обменять всё это? Что получить взамен? Не вышло б так: топор на гирю, гирю на гвоздок, гвоздок на шильце, а шильце на ничто. Обмен всегда обман, малый или большой.

«Плат мелкотравный подарю Любаве, - думал он и тотчас как бы придерживал себя в доброте такой: - Ну, это коли будет ко мне ласкова».

6.

Повествование о Шестаке Малыге шло временами этак «задом наперед», то есть иногда рассказывалось прежде о сегодняшнем, а потом о вчерашнем или даже случившемся неделю назад. Насколько я мог судить по прочитанному, до того, как Малыга оказался в Червень-граде, события протекали так...

В первый же день, как вступил он во владение лодией купеческой, будто князь вокняжился, нанял он в гребцы троих робких рыбарей, случайно им встреченных. Отмахав веслами до вечера, они переночевали на берегу, а сам купец на лодии. Утром сели за вёсла, но вскоре покинули хозяина Малыгу - это случилось после того, как тот круто обошелся со Злобкой Скосырем, о чём речь впереди.. Они выплыли тогда на великую реку именем Ольга, и тут встретилось другое купеческое судно, почти такое же, - робкие рыбаи пересели на него, получив от Малыги лишь половину обещанной платы, и стали там гребцами, а те гребцы перебрались к Малыге: хотели вернуться домой, по уговору. Встречное судно поплыло вниз, а Шестак – вверх. Новые гребцы на Малыгином судне махали веслами до заката солнечного и доплыли до своего селения. Тут он расплатился с ними честно и наутро нанял себе новых.

А вот любопытно бы знать: чем расплачивался он? То ли монетами серебряными, то ли товарами некими... Неведомо.

Он все более и более входил в роль состоятельного купца. На нём теперь была рубашка-ластовица, какой он ранее никогда не нашивал, сапоги на ногах имел добрые. Коли зябко поутру да ввечеру, на плечи небрежно накидывал *опашень с подпушкой*. А спал купец Малыга на ларе с товаром, накрывшись от ночной да речной свежести не чем-нибудь, а шубой лапчатой лисьей, под рукой всегда держал и саблю, и топор, а вид имел столь свирепый – истинно вепрь! - что никто на него и грубым словом не покушался. На поясе у Шестака висел *нарядный нож булатной, черен раковинной, насечен золотом, у черена наконечники золотые чеканные*. Ещё упомянуто было о *ножнах с цепочком*. Впрочем, не очень-то он выставлял все это на вид, опять-таки из опасения быть разоблачённым или ограбленным. При следующем ночлеге гребцов пришлось сменить.

Так плыл целую неделю, пока не оказался уже в местах, где только слышали, что где-то далеко лихоманствует Мор, но болезнь эта повальная да жестокая не дошла сюда. Должно быть, она остановилась и уходилась в себе самой – так затухает пожар, пожрав лес.

Всё это время Шестаку Малыге было хоть и радостно, однако же и заботно от свалившегося на него богатства, и под шубой лисьей спалось ему тревожно: снова и снова упоминалось, что он боялся быть ограбленным. Он уже знал, что впереди Червень-град, а что там ожидает его? Потому, крепко подумав, решил захоронить самое ценное - серебро да золото. Они не

истлеют, куда ни закопай. А решился он на это, когда увидел на пути речном *остров различными древами наполненный и загущенный соснами, елками да березами*. На острове том безлюдном, на темени его, нашелся камень величиной едва ли не с корову. Камень тот, поднатужась отвалил он, выкопал на том месте яму, в ней и укрыл Малыга и *серебряну солоницу на зверках*, и чарки серебряные дивной работы, и коробочку малую *со златыми пугвицами*, и *ендову* в золоте, и булаву серебряную, и моток пряденого золота – всё это было уложено в ларце крепком, по углам окованном.

И вот зарыл его, закрыл мелким камением, привалил сверху большой камень, думая обрести спокойствие душе. Но этот клад зарытый, оставленный на острове, всё-таки не давал ему покоя: он был теперь как бы и в голове у Малыги зарыт-закопан – о нём постоянно помнил и боялся за него: а не видел ли кто, как он прятал? Или зверь дикий вздумает нору рыть да и выбросит золото вон... Или вдруг такой же купец или разбойник причалит к острову и так же надумает спрятать свое добро – а где, как не под камень тот! И, наконец, самое главное: а вдруг умрёт... или убьют.... Пропадёт такое богатство!

Шестак Малыга стал бояться смерти и утешался так: «Что ж... Пусть пропадёт и добро моё, пусть не достанется никому, коли я помру».

7.

Точно так же, как о кладе, во все время хождений по городу и разговоров о том, о сем не забывал он лика Любавы. Как она глянула на него! И вся такая... личико беленько, глазки синеньки, губки алы, коса на спине - словно золоченый шёлк... Но тотчас вспоминал грозных братьев её – как стражи у врат градских! - один с топором, другой с ослопом – вспоминал их и хмурился.

«Хочу здесь жилое место иметь, - вздыхая, мечтал теперь Малыга. – Хочу тут жить. Куплю или построю дом...Братья Рукославичи срубят мне целый терем! Заведу лавку на торгу... Не стану сам на лодии ходить – коли будет такая нужда, поручу верному человеку. На остров тот наведуясь и перехороню спрятанное понадежней. Будет у меня родня, в родне и верный человек найдется... помощник в делах торговых...Будет сын-наследник, вроде Незговора Сухорукова...».

Вечером опять пели девы. Совсем недалеко от того места, где стояла причаленная лодия новоявленного купца Шестака Малыги.

*Кукушечка-куковица,
Словно красна девица,
По ком твоя печаль-горе?
По ком, душа, тоскуешь?
Кого зовешь, кого манишь?*

Так пел-вопрошал нежный девичий голос. А ему отвечал другой:

*О тебе, ладо, тоскую,
Ты мое сердце ранишь.
Слезой горючей
Я очи омываю.*

И опять первый голос вопрошал:

*Кукушечка-куковица,
По ком твоя печаль-горе?*

Тут третий девичий голос вступал:

*Мил дружок не за рекою,
Не за дальнею горою –
Живет рядом, ходит мимо
А меня не видит, милый.*

Далее пели они уже хором:

*Кукушечка-куковица,
Прокукуй громко милому,
Чтоб он очима увидел,
Чтобы он сердцем услышал,
Как тоскую по нёму...*

Ещё у них была песня долгая, с повтором про травку-повилику возле тропиночки, которая ведет от крыльца родного да на чужую сторону.

Потом они пели про ластовицу-касатку над берегом, у которой малы детки остались сиротами, клювы разевают, дождевой или росной водицы просят, чистых зернышек для ествы молят...

Ах, как хорошо пели те девы! Словно по сердцу мягкой лапкой гладили купца-детину.

Добры молодцы со всей слободы плотницкой так же табунились неподалеку, но всё-таки отдельно, их в девичий виноград тоже не пускали или пускали не всех, а по выбору. У добрых молодцев кто-то играл на рожке плясовую, слышался ладный топот...

Небось, то же и в кожевенной слободе, потому что и там тоже девицы пели, а добры молодцы в бубен били и звенели на кудесах, и кто-то возглашал громким голосом под общий смех и говор...

В ближнем-то *винограде* Шестаку чудился среди прочих голосов смех Любавы. То есть он угадывал его: вот он, её смех, её голос, нежный, чистый. Да и не она ли пела вторым голосом: *«Мил-дружок не за рекою, Не за дальнею горою: Живёт рядом, ходит мимо...»*

«Украду, - окончательно решил Шестак. – Или же с нею быть, или пропасть».

* * *

Ещё в самом начале мне следовало предупредить читателей: я то и дело буду сбиваться в повествовании своем таким образом, будто сам участвую во всех описываемых событиях или присутствую при них. Вы уж мне это простите ради Бога! Этот грех мой не от злого умысла, а от природного да благоприобретенного простодушия.

В ту пору я был доверчивым и вот именно простодушным читателем, остаюсь таковым и поныне. Но, заметьте, тогда особенно отличен был этими качествами и открывал книгу, как открывают дверь в незнакомую комнату, как отворяют калитку в дивный сад. Переступив некий порог, я мгновенно оказывался в соседнем, сопредельном пространстве и становился свидетелем или даже участником всего происходившего там.

Я очень быстро сжился с обретенной мною рукописной книгой, вернее, с уместившимся в ней миром, в котором словно бы живые люди, я даже сроднился с ними, так что не удивился бы, если б однажды они вошли ко мне в избу, как гости. То есть самым обычным образом обмели бы голиком на крыльце снег с валенок, отворили дверь, обитую тряпками (для тепла!), из сеней в жилую избу и, сказали, входя, что-нибудь, вроде «Есть ли тут кто живой?» или «Мир вам, люди добрые!» или даже так, по-свойски: «Будь здрав, книгочей!».

Я так и видел их входящими: Воинко с Радимой, Яра с Устей да Малушей-Матрёшей... хитрого Потвора, немощного, но стойкого Нежко Луня, Осинка со свирелью ... и, конечно, Липицу. А ещё вошли бы Орлец с Городилом да Путята с Торопкой и те трое друзей - Смирята, Славко, Шестунок - что спали на под-

стилке из сухого камыша прямо под открытым небом и толковали о небе том, и о звездах-заблудницах:

- Они в пределах прочих звезд, а блуждают по всему небу.

Это ведь они о планетах говорили, называя их *звёздами-заблудницами*! Совсем как мы, деревенские парнишки, с замиранием сердца иногда рассуждали о том же и я, помнится, щеголял названиями: «Вот это созвездие Дракона... а это Персей... Лира... Телец...».

Гости мои расселись бы по лавкам и возле печки железной. Я угощал бы их пареной да сушеной свёклой, а ещё лучше картошкой в мундире прямо из чугунка – то-то они дивились бы на картошку! Сказали бы: «Этакое диво-дивное!» и назвали бы земляными яблоками или земляным орехом, приговаривая:

- Лаком орех и алкать его не грех.

Такого *ества* не знали они. Равно как и книг не видывали. Мы славно поговорили бы о том! Я их просветил бы насчет картошки, планет и книг, а они мне поведали бы смысл и значение многих слов и понятий, для меня непостижимых без посторонней помощи. Попадётся в тексте *кунница*, *лаговка*, *опона*, *вотолла*, *лундыш*... вот и думай, что это такое. Они рассказали бы мне о многом, о чём я даже не подозревал и не подозреваю ныне.

Но не они ко мне входили, а я к ним, незванный и неожиданный. Временами мне казалось даже дивно, что нахожусь здесь в то время, как по-настоящему-то я был там.

Глава двадцать седьмая. Дивье городище.

Злобка обнищал и оголодал. Ведьма кривая в дивьем городище. Внутреннее убранство теремца. Козёл рогатый. Пёс стал товарищем Злобки. Возвращение заблудшего к ведьме. Мерзость блудная. Лихие люди злоумышляют. Рогожский монастырь – какое отношение имеет он к рукописной книге?

1.

А Злобка Скосырь... Злобка-то Скосырь, эта змея *запазушная*, как он назван в книге, кстати сказать, не единожды, продолжал свой путь в одиночестве. Шёл лесом, не зная куда и не ведая зачем. Его несло, как несет щепку водный поток или палый лист ветром.

Почему-то он был уже один, не с Малыгой... А ведь тот, завидя товарища на берегу, взял его к себе на судно. Почему же теперь они врозь? Что там у них произошло? Не похоже, чтоб Хорь вступил в свару да ссору с Вепрем, не было у него такого намерения: он готов был повиноваться товарищу и быть ему покорным, лишь бы не остаться одному.

Довольно бегло, без объяснения причин сказано о том, что детина *бил товарища по хребту*, желая убить до смерти, а потом, вроде бы, спихнул в воду - то ли это случилось на судне, то ли на берегу... А бил-то, кстати сказать, *ощепком лучиновым*. Небось, лучина служила вместо фонаря, когда ночью острой добывали рыбу, или для какой-то иной надобности. А ощепок, небось, целое полено - в гневе схватил Малыга, что под руку попало. Если вспомнить про его *нрав лютосердый и насильный*, то чему дивиться?

Но это неважно, чем бит Злобка, а важно то, что разгневался на товарища Малыга. А вот почему, о том не сказано, или где-то упомянуто, но утрачено. Не проявил ли Злобка явный интерес к тому, *что за замками* на лодии-струге? Или оказался чересчур болтлив, что губительно для новоявленного купца Шестак Малыги. Странно даже, что Шестак принял его на борт своего судна. Для Шестака лучше, если б Злобка был растерзан волчьей стаей в лесной чаще или его закогтил бы тот *нелюдь крылатый*: кто, кроме Скосыря, владел разгадкой внезапного Малыгиного богатства?

Может, потому и спихнул Шестак Малыга товарища, чтоб утопить? Может быть, затем и взял на лодию, чтоб таким образом избавиться от свидетеля? А потому просто бежал Злобка Скосырь, спрыгнув с борта в воду, желая спастись от лютосердого гнева товарища. Да и то сказать: работа веслом тяжела, а таковой всегда сторонился хитрый Хорь.

И так, и сяк подумаешь, а как на самом-то деле было, поди узнай. Тому времени минуло, уж верно, не менее двух тысяч лет.

Оттого, что не добром они расстались, у Злобки Скосыря теперь с собой ничего не оказалось – ни суммы с *едобным* припасом, ни лука со стрелами, ни тёплой одежи на случай ночного холода. Только нож засапожный, да и тот с обломанным *лезом*. Много ль от такого толку?

Совершенно нищий Злобка пребывал в скорбном состоянии. Он оголодал до отчаяния во время своих блужданий по буреломам да болотинам, хотя дичи в лесу было много. Костра

разжечь не мог, потому как трут отсырел. Видел вблизи и тетёрку, и рябка, и лесных голубей, и зайца, и даже пару лосей, да поди добудь эту дичину с одним засапожным ножом в руке! По пути ел некую кудрявую травку, называемую *купыри* или *дядель*, и другую, называемую *снить*; выкопал толстое корневище какого-то растения – уж не обыкновенного ли лопуха? – и грыз его алчно.

2.

И вот после продолжительного пути вышел на чистое место в лесу. Не было ни дороги, ни торных троп, но оказалось место обжитое – стоял тут дом и обширные дворовые постройки – и то, и другое шибко ветхое, того и гляди повалится, а названо всё *дивьим городищем*. Вокруг дома огороженный тыном двор, где гуляли куры и чёрный козёл с одним рогом, второй же обломан или его не бывало никогда вовсе. В углу двора на старой берёзе, дуплистом, с засохшей вершиной, сидели две вороны и ссорились. Под навесом корова жевала зелёную траву, наваленную ворохом.

«Тут можно *что-нито* промыслить, - так подумал обрадованный Злобка и прибавил шагу. – Где корова, там и молоко, а где молоко, там и сдобное печево...».

Когда приблизился, из дома вышла старуха, должно быть, хозяйка. Она была худа, согбена, крива на один глаз, другой же глаз имел пронзающий насквозь взгляд. Не по себе стало Злобке от этого взгляда. Он всегда считал, что косые да кривые люди неверны и лукавы, злоумышленны – за то и кара на них положена: боги всякую шельму метят. Особенно опасны те, что с бельмом, с ними надо быть настороже, а эта как раз с бельмом. Не понравилась ему эта старая шельма, шибко не понравилась, однако же смиренно попросил он у нее хлеба или *чего-нито* *едобного*. Она молчала в ответ и сверлила его единственным глазом.

- Хоть сохлую корочку из *кашника*, - попросил уже не смиренно, а жалобно Злобка, и сам подумал *инако*: ватруху бы в полсковороды, чтоб сверху по творогу румяная пенка запеклась от сметаны.

- Ишь, чего возжаждал, - ухмыльнулась старая карга, услышав каким-то образом его мысли. – Кто таков? Где разбойничал? Кого доныне грабил?

Злобка поведал кратко, что-де идет издалека, вырвался из жестокой неволи, где его *нудили и мучили и морили голодом лихие люди*. А путь, мол, держит к родному дому, где ждёт его матери, проливая о нём горючие слезы. Он же, сирота, на беду свою заблудился в лесу и плутает уже много дней. Должно быть, водит его злоумышленно кто-то невидимый. И волки, мол, за ним гнались, да отсиделся на дереве; и медведь подмял было, да удалось утечь от него; и *нелюдь крылатый* чуть не закогтил – спрятался под корни дерева поваленного.

Очень жалостливо говорил он ей всё это, но старуха, должно быть, видела его насквозь своим чёрным глазом и Злобкины жалостливые стенания разгадала, как хитрости притворные. В ответ она страшно усмехнулась, ощерив желтые зубы, и сочувствием к его сиротству не прониклась. Уж на что Хорь был хитёр да лукав, но она оказалась хитрее и лукавей. Потому сказала, что-де *ествой* не торгует и даром хлеба не раздает, и добавила, что *нищевродов да лытателей по градам и весям* немало шастает по земле, всех ей не прокормить. Ещё спросила: а не он ли украл у неё нынче поутру двух куриц и козлёнка. Злобка жарко уверял, что нынче утром был он далече отсюда и украсть никак не мог, даже если б захотел. На этот раз старуха ему поверила. Да и как не поверить, коли это сущая правда!

- Так и быть, налью тебе ковшик *сыты*, - сказала она с усмешкой *лукарёвой*. – Сыт не станешь, но сил прибавится.

От питья ли медового отказываться Злобке Скосырю! Тотчас повеселел он и приободрился.

- *И хлеба кромину, от ковриги половину*, - сказал он ей вослед.

Старуха ушла, ещё раз усмехнувшись.

3.

Он огляделся и заметил, что дом её с лица и боков обложен старьём да гнильём, из которого ясно выступает ладный теремец, крепкий, крытый осиновыми *латками да выстругами*. То есть издали смотреть – мурья ветхая, а вблизи – истинно теремец, *три красных оконца на лицо в резных ставенках*... Быстро подступил Злобка к окну, глянул внутрь и *издивился вельми*: в чистой избе половики да *полавошки да наоконники с узорами*... *стольцы* для сиденья покрыты бархатом... на столе трапезном - *алтабасовый подскатерник*... кровать широкая, на *возголовьях наволоки камчатые красные*, одеяло подбито со-

болею, перины... не из лебяжьего ли пуха?.. и простое одеяло на лавице широкой, подбитое заячьим мехом... Ещё разглядел остроглазый Хорь в углу светлом на сундуке, окованном медью, костяной городок с башенками, а в боковом *чюлане* рукомойник оловянный, судки с *накрышками*.

Ай да ведьма старая! Богато живёт.

Термец был подобен шкуре дорогого зверя – лисицы или соболя или *горносталя* неприглядной мездрой наружу, а мягким мехом внутрь.

Хозяйка промелькнула там в двери, что вела в сени, - он отступил проворно, а отступя, огляделся вокруг, и оторопь его взяла: возле калитки на колья огорожи надеты черепа овечьи да козлиные, да череп медвежий, да еще какие-то, не разглядел сразу. Среди них один был очень велик и с рогами охватом. Озадачился Злобка и ещё более насторожился. Воровато оглянувшись на термец, снял большой череп с кола огорожи – тот оказался довольно легкий, потому что совершенно пуст внутри. Его можно было даже надеть на голову, что Злобка и сделал, отчего его тотчас пробрал озноб. Померещилось, что кости эти стали стискивать голову со всех сторон, что уж не снять будет и сейчас сам он превратится в это чудище с рогами – обрастет дикой шерстью, выпустит длинный хвост, на ногах появятся копыта. Скосырь стал поспешно снимать с головы эту личину, а и не удавалось от поспешности. С силой содрал, поранив оба уха, повесил на прежнее место и отступил в страхе: если б промедлил, то приросла бы личина и не снять вовсе.

Ещё больше насторожило то, что увидел среди иных череп человеческий, *местами бел, а местами чёрен, с клыкастым ртом - страшен*. Пустые глазницы смотрели на пришлеца Злобку, словно выжидая чего-то.

Тут сзади подошел к нему чёрный козёл с огненными подпалинами на боках, сильно боднул рогом и скверно проблеял. Злобка вздрогнул, развернулся и пнул козла ногой - тот проблеял гнусно ещё раз. Подумалось: отломить бы этот рог – пригодился бы для чего-либо. А из крапивы совсем рядом выбежала и закудахтала рябая курица. Злобка пригляделся, даже присел – в зарослях бурьяна возле огорожи тесным кружком лежали яйца – то ли осьмок, то ли десяток, а может и больше. Они были не белыми, а в голубую да рдяную крапинку, но это именно куриные яйца! Ведь курица оттуда выскочила, да и величиной они таковы. Только вот крапины смущали.

На яйца те *вельми позарился* Злобка – известное дело, хори их любят! – но добыть их оттуда не успел: на крыльцо вместо костлявой старухи вышла крепкая баба, тоже кривая, с бельмом на том же *десном* глазу. Да всё та же это была! Только непонятным образом помолодела... Может, всё-таки сестра прежней старухи или её дочь? Она несла медный ковш в руках и усмехнулась точь-в-точь так же, как давеча старуха-шельма. Ковшик был хорош – являл собой малую лодейцу, по бортам письмамена...однако словно бы в грудь толкнул Злобку неверный взгляд бабы, и усмешка её показалась ему зловещей. Он попятился в страхе – не надо и пития! - и пошел прочь, всё убыстряя шаги. Хозяйка же подворья – *дивьего городища!* - помолодевшая за столь короткий срок лет этак на двадцать, окликнула его молодым и весёлым голосом:

- Эй, добрый молодец! Погоди-постой!

Оглянулся – она шла следом и протягивала ему ковш. Но Злобка, объятый ещё большим страхом, побежал – скорее прочь, прочь отсюда! Оглянулся – за ним скакал козёл однорогий, за козлом поспешала рябая курица, за курицей ещё кто-то помельче, вроде вонючего хорька или крысы... Злобка наддал ходу, а сзади гнусно блял козёл и кудахтала курица. Скорей к лесу да и скрыться в чаще! Сзади раздавался хохот:

- Попался, лычный лапоть! Теперь ты у меня в силках, не уйдёшь!

Лес встретил его дружным щебетом птичьим, словно птахи смеялись над ним хором. Злобка не оглянулся перед тем, как скрыться в лесу. А если б оглянулся, то увидел бы, как баба напоила козла из ковша, села на него верхом и поехала назад, к своему дому, взяв рябую курицу под руку себе.

4.

Он отдалился на большое расстояние от того недоброго места и подыскивал уже лежбище для ночлега, когда вдруг к нему прибился неведомо откуда взявшийся рослый пёс волчьей масти, с оборванным ухом. Это был не волк, а именно дворовый пёс, потому что он стал безбоязненно ластиться к Злобке и заглядывать ему в глаза. Должно быть, обрадовался тому, что встретил в тёмном лесу человека. Ясно, что животное эта - такая же сиротина, как и сам Злобка Скосырь, заплутавший в лесу. Небось, отбилсЯ от хозяев или прогнали со двора. Злобка проникся к нему добрым чувством - все-таки живая душа рядом! – и

в то же время подумал, что пёс может пригодиться и для других целей. В конце концов его можно съесть, если не удастся добыть дичину. Кто-то говорил, что собачье мясо так же вкусно, как зайчатина.

А умён же оказался этот пёс! Зря не лаял, без толку не бегал и не прыгал, преданно смотрел в глаза, только и ждал повеления, чтоб исполнить. Кто учил его уму-разуму, коли так смышлён? Тут бы насторожиться Скосырю Злобке, но он был при сугубой хитрости своей все-таки простоват. И мудро ли: ведь хитрость и простоватость в глупом человеке – родные сёстры. А иначе как, если не простотой его, объяснить, что он принял к себе нового товарища – пса с оторванным ухом и явно волчьей, разбойной породы?

Именно бессловесный, но услужливый спутник этот вывел Злобку к небольшому болотцу, названному *ламбой*. Тут они спугнули утку, она сидела в тростниках на гнезде, а в нём оказалось десятка полтора яиц. Вот это гнездо Злобка обобрал дочиста. Вздул костёр, напёк в горячей золе яиц - некоторые оказались насиженными, их он, облупив, отдал приبلудному псу. Но более половины - свежие. Впрочем, Злобка был так голоден, что готов был съесть любые. Таким образом двое сирот знатно поужинали и устроились на ночлег уже как товарищи, согревая один другого под елью, на хвойной подстилке.

Наутро пёс добыл и принес ему ещё трепыхавшегося рябка. Где он сумел его изловить, неведомо, но положил к ногам своего нового хозяина и смотрел преданно. Злобка Скосырь понял, что такому товарищу цены нет, что теперь не пропадёт. Рябка зажарили над костром, хозяин грыз дичину и кидал кости псу. Потом уже неспешно отправились они далее, надеясь на благой исход.

5.

Этот пёс стал поводырём. Злобка всецело доверился ему и к полудню... оказался на прежнем месте. То есть он вышел как раз на ту лесную чистину, где стояло *дивье городище* – теремец, обложенный ветхим да гнилым деревом, с нелепыми пристройками, в которых угадывались опять же крепкие строения, прикрытые гнилыми брёвнами. Тот же чёрный единорогий козёл гулял и корова паслась... у дровяного сарая стоял *конь бур, космат, на ухо лыс...* а из зарослей бурьяна выбежали кругленькие цыплятки с такими же пятнами, что и на яйцах, в сопро-

вождении клохчущей курицы. На одном из цыплят болтался присохший кусок скорлупы с голубыми и рдяными крапинками.

Но на этот-то раз Злобка вышел к *дивьему городищу* с другой стороны - у ворот во двор. И первое, чему удивился он на этот раз: на верее ворот грелась на солнце чёрная змея с белым брюхом, в сажень длиной. И на чёрной спине её, и по жёлтому боку – замысловатый узор, напоминающий некие письмена...

Письмена те, между прочим, начертаны были в книге, да как прочесть? Ни Злобка того не смог, ни я, читатель.

По змее прыгал воробей и весело чирикал, склёвывая мушек. Может быть, и змея была крива, того Злобка не различил, но вертлявый воробей уж точно был крив, оттого и вертелся столь проворно, чтоб зрить единым глазом на всё вокруг и всё видеть. Ворота же были в загороде... из человеческих костей. Оторопь взяла Злобку: то были именно человеческие кости, только разве что велики, словно принадлежали ранее людям по крайней мере вдвое большего роста, чем у Злобки Скосыря. Воротными щитами служили ребра, соединенные хребтом – костяная «спина» обороняла двор; а вместо запоров – сцепленные костяные руки, и на них вместо замка челюсти зубасты с двумя парами сомкнутых клыков... страшный рот! И опять черепа с загороди зрели на Злобку пустыми глазницами...

Тут бы опасливому Хорю, шибко робеющему в неожиданных обстоятельствах, бежать прочь, сломя голову, но уже шла к нему от дома, распутно усмехаясь... нет, не старуха согбенная и не кряжистая баба, что появлялись перед ним ранее, а молодая девка, одетая бесстыдно: сквозь прорехи её наряда выглядывало голое тело. Она тоже была *бельмаста на десный* глаз, а прямо зрячий смотрел недобро и повергал в тот же страх, что и прежде. Злобка попятился, но предатель-пёс ухватил его зубами за порты и удержал, да и глаз этот завораживал непонятной силой.

Девка та сняла с головы *очёлыш*, распустила по плечам волосы, обольщая гостя голосом и улыбкой. И обольстила бы, да бельмо на её десном глазу посверкивало иногда синеватым, мёртвенным огнём. Она протянула ему пирог в одной руке, а в другой ковш с питьем.

- Не погнушайся моим угощением, добрый молодец, - молвила она.

«Добрый молодец» больше из страха, нежели от голода, *раздрал пирог – из пирога вылетели голубь и голубка*. Девка

заохотала, нагло подбоченясь: дырявая одежина её сползла с плеча, обнажая крутой холм груди. Злобка Скосырь почувствовал притягательную силу девки той и слабость свою перед нею. Он попросил косоглазую точно так же жалобно, как попросил Яра тогда, на берегу реки Оцы:

- Отпусти меня.

- Выпей, - повелела она и протянула ему ковш.

А зелье в ковше дурно пахло.

- Я тебе худа не творил, - сказал Злобка. – Отпусти, я дальше пойду. Не надобно мне ничего.

- Пей! - приказала она, уже сердясь.

На этот раз он не ослушался, выпил, преодолевая отвращение... Ничего худого с ним от того питья не приключилось, только потерял он страх перед хозяйкой *дивьего городища*, которая являлась перед ним в разных обличьях, но при этом стал ей послушен во всём и смирен, как овца.

- Буди мне покорен и служи, яко пёс, - сказала эта ведьма ласково и зловеще. – Я же возблагодарю тебя неземною услугою.

Она взяла его за руку и повела во двор. Тут на траву мягкую, зелёную бросила овчинную полсть, легла на неё, велела и ему лечь...

- То слаще мёда и сыты, - молвила она, загорясь.

Далее сказано было, что по её хотению *впал в мерзость блудную* на виду у гнусно блеявшего и гнусно пахнувшего черного козла...

Так было написано в книге. Впрочем, слова *впал в мерзость блудную* добавил химический карандаш раба Божьего Кирилла.

6.

Должно быть, в этот же день или в один из последующих в *дивьем городище* на лужайке возле терема сидели дружеским кругом шестеро *лихих людей*:

Немир - краснолицый, с огненными волосами из-под шапки-*тафы*, плечист и силён, *на десном плече заорлён*, то есть клеймен, словно конь тавром;

Лосёнок – отрок летами, криворот, *зорок очима*, быстроног; он Немиру родня от жениного корня;

Чюрило – *страхоликий*, со взглядом тяжёлым, со скрюченной рукой: то ли медведь её попортил, то ли пострадал в воровском набеge, однако же и кривая рука его была сильна. Отличен он был от прочих ещё тем, что у него не унималось бурчание в животе: завелся в нём Срам – злой дух;

Нелидко – *вида лютого, броват*, кривоног, *алчен от пьянства и жаден от объедения*, в душегрее овчинной без рукавов, прочной, словно кольчуга;

Пятому прозвище было - Шушпан, *а как зовут от отца и матери, того и сам не ведает* – со шрамом на челе, грозен бровями;

Этот Шушпан жаловался на кого-то:

- *Учал меня бить поленом и топтунами топтал, и живот оттоптал, и ножом хотел меня зарезать...*

А шестым среди них был Злобка Скосырь. Он тут уже свой человек, смеялся над Шушпаном, смеялись и прочие.

- Пошто хребёт подставлял?

- Полено увидело твой хребёт – как не пройтись по нему!

- Кто не проворен да не увёртлив, того и курица забодает.

Не Злобке бы смеяться таким смехом: давно ли сам бит *ощепком лучиновым*. Но никто о том не знал, а у Злобки Скосыря вид был лихой, будто сам черт ему брат. Он всё пошевеливал плечами, словно бродила в нём сила молодецкая. А может и бродила: давно ли пил из ковшу дурное зелье.

Потом речь они повели о деле, ради которого сели в дружеский круг для совета и замысла: в Выселках Порецких, что на речке Вырице, нынче ночью остановится на ночлег обоз из осьми подвод. В семи товар так себе – железо кричное, семя льняное, лён пряденый, рыба вяленая... а *осьмой* подводе хозяин Мамчило, муж крепкий; у него товар в сундуке, а сундук тот изрядно тяжёл, не унести и двоим. В повозку его впряжена пара лошадей, коренная да пристяжная.

Из Выселок Порецких только что прибежал Лосёнок, сказал, кривя рот, в каком доме ждут на ночлег Мамчило – у кума, которому имя Гюргей Чик. У него этот гость останавливался и в прошлый раз. Теперь, как и в прежние заезды, распрягут гости коней, повозку закатят под навес, а Мамчилов сундук с товаром занесут в лабаз, под крепкий замок. Потом гости и хозяева сядут за стол медовуху пить да закусывать пирогами да беседу творить, после чего и уснут крепко.

- Лучше бы брать их в пути, - сказал Нелидко угрюмо. – Нечего тянуть дело, размазывать кашу по киселю.

Но Лосёнок сказал, что обоз идёт с опаской и со сторожей. Да ведь и не нужен весь товар: ни железо кричное, ни жито, ни рыба вяленая – только сундук тот. А его не лучше ли похитить ночью, тайно, когда все спят?

Кривая ведьма – на этот раз баба присадистая - вынесла *лихим людям жбанец* с медовухой, сказала кратко:

- Лишнего не берите, только сундук. Да и сундука не берите – только товар из него: там серебро – чарки, *овкачи, болванцы... солоницы на рыбках*, и шёлк, и меха.

- Верно ли то? – спросили у неё. – Откуда ведомо?

- Мне ли не знать! Вороны мои и проведали, и прослышали, и прознали. Они мне вот что принесли ныне.

Она протянула руку – на *долони* посверкивала прозрачным камушком серьга. Тонкий лучик от камушка того попал, как соринка, в глаз Злобке Скосырю, он моргнул, потёр глаз грязным перстом.

- Прокаркали они мне, что-де выпала эта серьга *из стомаха щурино*. А в стомах-де попала она, будучи брошенной в реку неким мужем, что идёт по лесам, через реки и доли. .

Разбойники подивились. А Злобка Скосырь насторожился было, но в голову ему не вступило, что щуку ту он поймал, он же *черевья* у неё выпустил да в сторону отбросил.

Вороны между тем продолжали сидеть на березе с высохшей вершиной и ссориться меж собою.

- Со мной одна незадача, - сказал сокрушённо Немир, отпивая от чарки, - как горького бражника нельзя допускать до бражки, так нельзя меня подпускать к лошадям. Они мне дороже злата и серебра. Что там девичья краса – кони вельми краше. У Мамчило, я знаю, кони добры. Увижу Ветреницу – всё забуду.

- Я буду рядом, - с угрозой в голосе сказал Нелидко.- Я тебя урезоню.

- Всё доставьте сюда к утру, - распорядилась ведьма-разбойница. - Одарю вас, как в прошлый раз.

Засмеялась своим осмысленным смехом, опять притворно *зазорясь*, то есть бесстыдничая нагло, и ушла.

Чюрило проводил ее взглядом тяжелым и мрачно молвил:

- Будем брать ночью. Мы не топоры дроворубные, мы – топоры плотнические, искусные. Так возьмём, что никто не услышит.

Переглянулись разбойники, загордились.

- Где дом Гюргея? – спросил Чюрило. - С краю села или в серёдке?

- Второй от реки, - отвечали ему в один голос Немир и Лосёнок.

- Один ли Мамчило остановится у Гюргея или все?

- Будут держаться кучно, даже если не поместятся в одном доме.

- Когда они там уснут, ты, Лосёнок, приласкай пса хозяйского, чтоб не брехал, людей не полошил. У тебя ко псам сноровка, они тебя любят.

- Лучше задавить, а не ласкать, - подсказал Шушпан.

- Не взять ли с собой нашего Волка? Он любую собаку загрызёт.

Ведьма из окна им:

- Волк останется со мной, он мой охранитель.

- От кого тебя охранять? – коротко посмеялись мужи разбойные. – От тебя самой охранять надобно.

- То-то! – сказала она. - У меня не вы одни.

- Ладно, - молвил Нелидко. - Обойдёмся без Волка. Ты, Шушпан, дверь дома припрёшь бревном. Ты, Немир, выведешь лошадей из стодолы, они тебя слушаются, а меня отчего-то боятся и лошади, и псы.

- Поелику зело страховиден ты, - подсказали товарищи.

- Чем замок вислый взять? – робко спросил Лосёнок. – Нужен лом железный. Но услышат.

- Коли выскочат из дому, бить по головам, чтоб наповал, - решил Нелидко.

- И Гюргея? – спросил Немир. – Он муж добр. Нынешней зимой приютил и меня, и Лосёнка, кормил-поил, работой не нудил. Рука не поднимется его убивать.

- Своя шкура дороже, - сказал мрачный Шушпан. – Того жаль, этого жаль, а себя жальче всех.

Он изначально был за то, чтоб взять товар силой, то есть разбоем, не считаясь с тем, что придется кого-то убить. Немир уже убивал ранее и говорил, что это очень просто. Нелидко и Чюрило, хоть и с сомнением, но склонялись к тому же: нечего рассусоливать – бей по головам, забирай добро, какое есть.

- Зачем людей *полошить*? – негромко сказал Злобка. – Я отопру любой замок.

К нему обернулись:

- Так ли?

- Так, - подтвердил он. – И лошадей не надо выводить из стодолы. Сами впряжемся в повозку, выкатим в лес, разберём товар и уйдём, следа не оставим.

Он был против разбоя: украсть почётнее, чем ограбить, убивая кого-то.

- Чтоб украсть что-то, нужен ум и сноровка, а для разбоя только сила-дура. За хитроумное дело и боги не карают, а дивятся да тешутся. Они бывают гневливы на глупости людские, а за ум вознаграждают щедро.

- То-то наградят! – хмыкнул один из мужей. – Раскрывая рот – мёдом капнут с небес. Что воровство, что грабёж – одна честь.

- Для разбоя да грабежа ни ума, ни ловкости да проворства не надо, - стоял на своём Злобка, затаённо усмехаясь. - Ишь, бей по головам, и всё тут.

В том с ним согласен был и Немир, он важно качал головой.

- Может, попросить, так отдадут? – съехидничал Чюрило. – Отдайте, мол, люди добрые, нам на бедность. Они и смилятся.

- А по мне так взять силой, и дело с концом, - твердил своё Шушпан. – Зачем идти в обход, когда есть прямой путь? Перехватить обоз в лесу, налететь с разных сторон, ошеломить, и вся недолга.

Беседу их слушала из окна та, что показывалась то девочкой, то бабой, то старухой. Она рассудила оттуда:

- И Шушпан прав, и Хорь прав, - сказала она.

Ишь, как она повеличала Злобку Скосыря – Хорь, и всё тут. Словно прозвище написано на челе у него.

- Идите смело, а дело покажет. Коли сумеете украсть – украдите. А коли не исхитритесь, то возьмёте силой. Вы у меня в лихих делах сноровисты. Против вас кто устоит?

Это уж она польстила им лукаво. Тут разбойники приободрились, приосанились и налили себе ещё по чарке.

- На лишнее не *жадайте*, - наказывала она. - Берите только то, что я велела. Не бойтесь и погубить кого, за то с меня взыщется, а не с вас.

Разбойники выпили, покачали жбанец: не осталось ли ещё. Но жбанец предательски опустел.

- Однако уже солнце покатилося к окоёму, - сказано было им из окна. – Пилось бы да елось, а работа-то на ум бы не шла. Пора!

Они послушно встали.

7.

Кривая хозяйка *дивьего подворья* вышла проводить их и на этот раз была опять девкой молодой, с телесами тугими. *На груди у нее чепь звенчата золотая - одни звенцы бубенчиками, другие четверогранны, с жемчюги.* А в руках та злоумышленная девка держала *кубок раковинный, обложен серебром золоченым, наверху мужичок серебрян с чепочкою, а поддон - зверь морской.* Сама она пригубила тот кубок, а их угощала питием из иного, золоченого и с *чепкой золота литого* - то была добыча прежней, но не шибко дальней поры.

- Не робейте! – напутствовала она голосом твердым, словно вдруг стала мужем, а не девкой.

- Кто оробел – пропал, - поддакнул ей Злобка Скосырь и молодецки пошевелил плечами.

- Кого трус одолеет - накажу *безмочеством мужеским* во всю его жизнь.

Она глядела при этом бесстыже.

- Нам ли кого страшиться! – опять сказал Злобка Скосырь: хмель бродил в нём, как и в прочих.

- Кто сробеет, тому *выпущу черевы и убью*, - пригрозил Чюрило, обводя страхолюдным взором товарищей своих.

- Не от труса ли у тебя в животе Страм бурчит? – огрызнулся Нелидко.

- Не ссорьтесь, - остановила их ведьма и пообещала: - Вернётесь – одарю.

- Ты сулила мне шубу из сиводушных лисиц, - напомнил Немир.

- Коли посулила, то исполню. Однако же обещанного три лета ждут. Жди и ты.

- А мне косяк ткани доброй, - напомнил Чюрило.

- *Не жадай.* Ты уже одарен мною.

Чюрило смутился взором.

- Богатых у нас изрядно, нет им переводу, - она засмеялась. - На наш век хватит. Мы – волки, а они овцы. Коли овец не стричь, забуреют, задичают.

Засмеялись и разбойники. Вот так со смехом и отправились... в Выселки Порецкие, *за замки.*

Шли лесом... потом краем болота... и опять лесом.

По-над елями восстала луна, и была она смутна ликом своим, бледна, потому как ещё светило солнце из-за края земли. Оно уже закатилось, там словно бы пожар полыхал, медлен-

но угасая. Луна приободрилась, осмелела, стала ярче. И прохладой повеяло из лесной глубины, разбойники зашагали бодрей.

А луне сверху было видно все, из края в край земли. Она видела...

угасающий костер на месте лобном, возле костра сидел занятый каким-то рукодельем муж *добр*; рядом спали девы...

повозки села Посад, вставшего на ночлег в непроходимом лесу...

одинокое сидевшего перед кумиром Потвора – хитрован этот чем-то был опечален...

встревоженного лошадиным беспокойством Млад-Воинка – он вошел к ним в загон и чутко прислушивался к ночи...

сидящего на берегу отрока, опечаленного и тем, что свирель его самодельная потеряла голос, замолчала...

спящего на повозке с сеном возле своего же дома во Льяных дворах Овсяника Ворохабина – муж этот в ссоре со своею женою отлучён ею от супружеского ложа, спал *единцом*...

безлюдное селение, в котором некоторые дома стали пепелищами и курились дымом...

угомонившийся Червень-град – лишь у самой реки ещё пели девы червеньские...

и сидящего у гнезда белого орлана...

* * *

В конце этой главы вложен был небольшого формата лист, на котором записано - уж не гусиным ли пером? – фиолетовыми чернилами:

«От Великаго Господина Святейшего Иоакима Патриарха Московского и всея Руси Ржевскому уезду Селижарова монастыря Игумену Евфимию.

По нашему Святейшего Патриарха Указу, а по челобитью Ржевскаго уезду Пелагеиной пустыни Рогожскаго Девича монастыря старицы Елены с сестрами, велено в том монастыре в Игуменьях быть старице Евфимии, на место Игуменьи Фёклы и монастырь на неё отписать».

Какое отношение имеет Рогожский Девичий монастырь к дивьему городищу, того не ведаю.

Глава двадцать восьмая. Община.

Млад-Воинко и Радима, их жилище. Встреча с Некрасом-бортником. Волхвы. Братья Успен из веси Подборная Грива и Утороп из Выселок Порецких. Деревянная птица. Млад-Воинко купноумно положили завет. Почти колхоз.

1.

Сколько времени прошло после той утиной охоты да после пира по случаю окончания пути, понять трудно – должно быть, неделя или больше.

Млад-Воинко и Радима уже выкопали над крутым склоном для жилья своего полуземлянку, выложили её стены и пол сухими брёвнами, а поверх возвели *мшенник*, то есть бревенчатую надстройку в пяток венцов, потому *мшенником* названную, что пазы меж венцами выложены мхом, и покрыли крышу опять же сухими бревешками, а по ним пучками сухого тростника, а по тростнику слоем глины, смешанной опять же со мхом, а по глине дерновиной луговой – это была защита от дождя. И дождь прошёл, да и не один, так что они удовлетворенно отметили: не протекает их кровля.

Они оба были неустойчивы в этой работе. Просыпались с рассветом в жилье своё – на ложе, выстланном сухим тростником да мхом, и тотчас принимались за дела. А хлопот было много. Они как бы множились, те хлопоты и дела, – по мере исполнения одних, тотчас неотложно подступали другие.

Воинко решил устроить загон для лошадей как раз под склоном, чтоб всегда были на виду и чтоб привыкали к новым хозяевам – лошади стали их главным достоянием и уже признали новых хозяев.

Он вырубил длинные жерди, протянул изгородь. Лошадки радовали новых хозяев, доверчиво заходили в загон, Воинко то и дело навещался к ним – поговорить, приласкать. Он сказал им, что главное намерение его – *пахать добро и безохульно, и пожен не заростить, и внове расчищать*. Лошади выслушали его с разумением и одобрительным храпом, и напомнили ему, что, коли так, то уж пора заготавливать зимний корм для них, а не то заголодают зимой и падут. Воинко согласился: пора, пора!

Однако же и *зверовать* ему было пора, и рыбу ловить, и бортничать, и... да мало ли!

Радима обустроивала очаг рядом с *мурьей-мшенником* – без помощи мужа навела крышу над ним, прикатила с обрыва

несколько крупных камней, уложила малым кругом, собирала сухие дрова, чтоб всегда были под рукой, готовила *еству*... За этими хлопотами отмечала, что уж скоро ягода *земляница* поспевать начнет – той ягоды находила она много на припёке: по опушке да на полянах, на пригорках. И малинников много, и черничников...

Земляница кое-где ужеставляла на вид румяные бока, в черничниках уже попадались синеватые ягодки – скоро почернеют и можно собирать, сушить. А для ягод сушёных надо плести загодя берестяные лунки или прутьяные корзины. Надо поспешать с этим...

и для рыбной ловли снасть нужна...

и упряжь для лошадей: долго ли им гулять, работать должны!

А из чего быть упряжи, коли нет кож, нет льну или коноп-ли?

А главное, нечем сеять, нет у них зерна, нет и жерновов для зерна, чтоб крушить крупу, молотить муку...

- Всё будет, - деловито утешал Радуму Воинко, надеясь на что-то.

У него был свой расчёт, а в чём он, пока что неясно было.

Обилие подступающих со всех сторон забот обескураживало, но не настолько, чтоб у них опускались руки. Напротив, радость сопутствовала этим двоим, потому что каждый день они могли видеть свершения свои:

вот новое жильё...

вот легли тропы туда и сюда...

вот мосточки от берега через тростники утвердились – удобно стало воды зачерпнуть...

вот изгородь протянулась...

вот корзинка из тонких корней *елинных* сплетена...

И уже есть жильё... и очаг...

2.

А Млад-Воинко между своими делами ходил разведывать окрестности, примеряясь, где лучше выкопать яму звероловную, где земля под деревню годна – пора уже выжечь тут лес, а где сосны да ели годны для строения.

И вдруг встал на его пути человек вида самого дерзновенного: муж роста высокого, в льняной рубахе распояской и в пор-

тах из льняной же ткани, поверх рубахи той опашень; волосы на голове схвачены по лбу лыковой тесьмой, нож на поясе, в руках лук. Одет обыкновенно, а вид самый владетельный, словно на нём княжеское облачение.

Остановились на некотором расстоянии друг от друга. Каждый думал: а добрый ли это муж, не лихой ли, не разбойный ли? Потом решительно сблизились.

Хоть и дерзок был вид встречного мужа, но совсем не враждебен. Он даже улыбнулся дружески. Рядом с ним, как из-под земли, вырос отрок ростом ему по плечо, тонкий, как тростинка. У отрока в руках тоже лук, за спиной на поясе-верви деревянное *налучие*.

- Я – Некрас, - сказал этот муж с достоинством. - А кто ты? Млад-Воинко назвал себя.

Некрас сказал, что он бортник-древолаз, пришли они с сыном Зябликом издалека в поисках новых пчелиных бортей.

- Как близко отсюда людские поселения? – спрашивал Воинко.

Отец с сыном переглянулись, догадываясь, что он не просто незнакомый им, но и вовсе нездешний, откуда-то издалека, потому ничего не знает о местности. Не успел Некрас ответить, как отрок Зяблик бойко молвил:

- Далеко. От крика до крика десяток раз, а то и более.

- Помолчи, - строго сказал ему отец, и отрок отступил чуть в сторону.

- Да, до ближнего селения долго идти, - сказал Некрас.

- Пяток поприщ, - добавил Зяблик. - А мерили те поприща черти лесные да болотные,

Он был весел и говорлив, тот отрок Зяблик.

Выяснилось, что живёт Некрас с семьёй в диком лесу, там построил избу, занимается охотой и бортничеством. Близких соседей у него нет, лишь изредка, раз или два в год встречает охотников и рад бывает им: новости узнаёт.

- Что от нас на *всток*? –спрашивал Воинко.

- На *всток* идти - будет место низкое, потом мелколесье, за ним опять *лаговины* чередой, за ними лес красный, - объяснял Некрас. - Там было когда-то место *насельное*, остался только *жальник*, куда приходят помянуть мертвых.

Жальник, как я понял, это погост, вроде нашего в селе Спасском. Надо же, какое точное слово! *Жальник* – значит, место, где жалеют о ком-то, печалются, горюют и плачут.

- А старик? – напомнил бойкий Зяблик. – У Ильма своё жильё, он постоянно там живёт.

- Ильм поселился в стороне от того места и только навещается к *жальнику*, - возразил ему отец. – Однако не даёт трин-траве зарастать по могилам.

- Добрый человек, - заметил Млад-Воинко.

- *Он лечец вельми хитёр*, - важно пояснил Некрас.- Ушёл от людей, живет *единцом* по старости своей, а стар гораздо.

- Что от нас на полудень? – спросил Воинко.

- Если идти неспешно с восхода солнца до того, как оно поднимется над головой, придёшь в Подборную Гриву. Я родом оттуда, но давно там не живу.

Зяблик добавил:

- И я.

- Село это велико, - продолжал его отец, - стоит на реке, славно горшками-кашниками. Ремесло горончарное там испокон веку. В Подборной Гриве торг бывает по весне и по осени немалый, собираются гости со всех селений, что окрест. Приплывают и гости издалека, привозят ткани заморские, меняют на меха, на льняное полотно.

- Прибуду и я, - пообещал Воинко.

- Чем торговать будешь?

- Посулами да обещаниями, - отшутился Воинко.

Некрас с сыном смотрели на него с интересом.

- Что у нас на закат? – продолжал спрашивать Воинко.

- Там будут Выселки Порецкие. Есть Выселки Малые и Выселки Большие – оба-два будут Порецкие – это по реке Тиксне. Но дворов меньше, чем в Подборной Гриве. В Малых Выселках всего шесток изб.

- Уже четверток, - поправил Зяблик. – Или забыл? Две семьи снялись и переселились куда-то.

- Так, - согласился отец.

- До реки той, что зовётся Тиксной, далеко ли? – спросил Воинко.

- По ней ходят большие лодии в Подборную Гриву.

- Как близко эти Выселки?

- Далеко. Не увидит и вон тот коршун в поднебесье, - встрял Зяблик.

Ему хотелось участвовать в беседе наравне со взрослыми

- Что у нас на полночь?

- На полунощь будет великий *елинник* – он молод, растёт густо. Через него не пройти, надо прорубаться топором. За *елинником* - *жарец*...

Словом этим – *жарец* – обозначалось выгоревшее место в лесу, так я понял не сразу.

Ах, как много попадалось в книге той слов, коим я не знал смысла! И радовался, когда мог уразуметь, о чём речь.

- ...а дальше гиблые места, - отец с сыном одинаково махнули десницами в ту сторону. - Из Выселок Порецких ушёл в ту сторону Берсень Брадатый – отважен был! – ушёл и не вернулся. Я знавал его, добрый был муж, удалой охотник.

- Может быть, там край земли? – предположил Зяблик. - Дойдешь до края и оборвешься в пропасть, во тьму.

Отец лишь усмехнулся на это.

- Что слышно о Лютоморе, что идёт на людей подобно лесному пожару? – спросил Воинко.

Ему ответили:

- Говорят, Лютомор наказал жестоко *четыренадесять* городов...

- ...и сорок сороков поселений малых.

- Может, на том утишится, – неуверенно предположил Воинко

- Волхвы обороняются от Лютомора заговорами да письменами, - шепотом сказал Зяблик.

- Что за письмена? – заинтересовался Воинко.

- На тёсанных латках знаки, - пояснил Некрас. - По ним читают и сами знаки вырезают или выжигают калёным железом и покрывают воском. У них таких латок множество неисчислимое - волшба, нам неведомая.

У Бубла, напутствовавшего Воинка так благожелательно и спасительно, тоже были латки с письменами.

- Далеко ли до тех волхвов?

- Три дня пути, да незачем идти, - весело вставил Зяблик.

- Помолчи, - опять урезонил его отец, но не строго. – Те волхвы суровы к простым людям. Их трое, и каждый недобр. Что тем волхвам наш страх перед моровым поветрием! Они о себе лишь пекутся, а потому не могут остановить пагубу.

- А вот идет от моря Русского, из стран Царьграда вверх по реке Непре или по Тане-реке человек светообразен, достойный удивления великого, - сказал Некрас. - Он ратится с самим Лютомором и одолевает его какими-то словами.

- О том я слышал, - сказал Воинко. – Но верить ли?
- Говорят, он отважен и не берёт в руки меча или рогатины,
- вставил своё слово Зяблик.

- Так, – кивнул утвердительно Некрас. - Молвит будто бы речи дивные, являет чудеса... В языке чистота, в очах быстрость, в голосе милосердие. Таков слух о нём. Этот к людям добр, да люди к нему немилостивы.

- Отчего так?

- Дерзновенен к богам нашим: сокрушает кумиры в местах молитвенных, за что и бит.

Зяблик на это возразил:

- Однако он, а не волхвы, остановил моровую болезнь. Он, а вовсе не злые волхвы.

- Пока сами не увидим его, не поверим, - заключил Некрас.

И Воинко в лад ему повторил:

- Пока не увидим, не поверим.

Ещё Воинко осторожно спросил:

- Что слышно о князе Любославе?

Ему сказали, что о князьях только слышно, что Мор побил их, и челядь, и дружины. Ослабели теперь князья.

Между прочим, Некрас сказал, что ходили они с сыном по весне далеко с заботой вот какой: в полутора поприщах отсюда в некоем сельце есть отрок, поёт дивно. И вот Некрас, уступая жаркой просьбице сына своего старшего, отправились послушать, и слушали... и дивились немало.

Так шёл разговор. Отец с сыном в свою очередь спрашивали Воинко. Он отвечал кратко: мол, идёт с полуденной стороны вдвоём с задругой своей, а больше никого с ними нет, разве что братья подойдут позднее. О братьях неверно сказал, чтоб не подумал Некрас, будто он одинок и в лихой беде не будет ему помощи и защиты. Пусть думает, что и братья есть, и прочая родня имеется, всего довольно.

Некрас отвечал: мол, озеро, на котором остановился Воинко и даже охотился на уток, зовётся Половинным, потому как один край его заболочен, берег стал трясиной, а другой чист, с ясным бором по солнечной стороне.

- Мы сели тут, - кивнул Воинко, - в том красном бору.

- *Лучше того места нет*, - молвил Некрас.

После этой беседы Воинко и Некрас сделали затеси: одну на корявой сосне, что стояла на краю леса перед спуском в низину, вторую на некотором отдалении в виде стрелы, указывавшей на белый лес, то есть на березняк вдали. Так они опре-

делили границы своих владений, чтоб не заступать на угожья друг друга.

Перед тем, как расстаться, Млад-Воинко подарил Некрасу двух рябков, что подстрелил незадолго перед тем, а они отдались связкой шкурок кротовых – годны на рукавицы...

Тут я должен остановиться... в некотором сомнении.

Мне кажется, встреча Млад-Воинка с Некрасом-бортником была позднее, и разговор у них был иной...

Ах, если бы книга была сейчас у меня под рукой, такого не случилось бы, а так память подвела меня...

Верно то, что Млад-Воинко меж делами возле своего сельского места ходил и в дальние походы, чтоб разведать окрестности. И вот в таком дальнем походе он встретил *лесников* - это были Успен и Утороп. Именно у них, а не у Некраса-бортника, расспрашивал Млад_Воинко, что на *восток* да на *полунощь*, и это они рассказывали ему про волхва Ильма, который живёт на *жальнике*, и почее. И не отрок Зяблик, сын Некраса, встречал в беседу взрослых, а тех же лет отрок именем Посвист, сын старшего из братьев, Успена. Впрочем, они были не братьями по крови, а по дружбе задушевной.

3.

Успен был из села Подборная Грива, а Утороп из Выселок Порецких. Селения эти враждовали меж собой и даже ратились до жестокого лучного стреляния. Но Успен с Уторопом подружились при каких-то чрезвычайных обстоятельствах, даже побратались, то есть стали братьями. И вот сговорились они *купноумно* покинуть свои селенья и сесть на новом месте. А место такое присмотрели как раз на озере Половинном, но, как оказалось, их опередили Млад-Воинко с Радимой.

Братья встретились с Млад-Воинком и Радимой, поклонились им и сказали, что против справедливости да доброй воли поступать им негоже, потому хотели бы услышать их слово, поскольку они уже *крепенько сели* тут первыми. Млад-Воинко и Радима переглянулись и молвили так: земли окрест довольно, на всех хватит с избытком. Ещё Воинко добавил: не восстали против них ни птица, ни зверь, а они, люди, противиться не станут.

Услышав эти слова, братья отозвались благодарно, то есть поступали они не *наглодушно*, а напротив, степенно: мол,

спасибо на добром слове. А что до зверей да птиц, до деревьев да трав, до лесного или озёрного хозяев, то они тем поклонятся особо, каждому по его чину.

И Воинко с Радимой в свой черёд поклонились братьям: мол, милости просим, вместе быть и сподручней, и повадней, иначе говоря повеселее. .

Тем и завершились переговоры.

После этого Успен и Утороп обошли озеро Половинное по-солонь, потом повернули и обошли ещё раз, то и дело останавливаясь и рассуждая. Уже вместе с Млад-Воинком определили, где братьям сесть, то есть где они будут строить себе жильё – поблизости, но не рядом, чтоб не утеснять шабров-соседей. На этих местах сделали затеси на деревьях.

Определив главное, они сели втроём для совета – братья и Млад-Воинко. Они крепкий завет положили меж собой и закрепили его клятвой, обращаясь к небесам и окрестностям.

4.

Сразу после встречи с *лесными братьями* или на другой день Воинко вышел на лесную поляну, посреди которой на пне сидела огромная птица, раскинув крылья. Он тотчас поднял лук, но не стал стрелять: его с первого взгляда поразила прежде всего величина птицы той – в рост человека, а размах крыльев в две сажени. Крылья были приподняты, словно птица хотела вот сейчас взлететь, но промедлила в нерешительности или не смогла, так замерла; голова опущена, и в когтях держала что-то, нацеливаясь клювом.

Она не шелохнулась, когда под ногами приближавшегося человека довольно громко хрустнула сухая ветка. Воинко с луком наготове остановился и стоял неподвижно, и так же недвижимой оставалась огромная птица. По внешнему виду это был орёл-беркут, но... таких больших беркутов не бывает!

Вдруг на замершее крыло села малая птаха, повертелась и вспорхнула, исчезла. Только теперь Воинко понял, что это не живой беркут – он сделан из дерева. Подошел ближе и встал рядом, дивясь: птица была вытесана-выстрогана с большим искусством - и перья в крыльях, и голова, и глаза, и хищно разинутый рот... и когти, впившиеся в зверька, величиной с зайца... всё так похоже!

Судя по тому, что деревянный беркут уже потемнел от времени, вытесали его минувшим летом, а то и ранее. Должно

быть, на этой поляне бурей сломало великое дерево, и из его высокого пня с нижними толстыми ветвями кому-то пришло в голову сделать птицу. Уж не братья ли Успен с Уторопом спроворили? И не помогал ли им шустрый Посвист? Или исхитрился неведомый волхв Ильм, обитающий где-то тут, хотя и в отдалении? Само тело птицы было вытесано из пня, комель являл собой опущенный хвост и когтистые лапы; а крылья крепились на толстые нижние ветки, но к ним накрепко приделаны осиновые латки в виде перьев.

Зачем она здесь, эта деревянная птица? Ради чего трудился неведомый ваятель? Или ради кого?

- А затем, чтоб я нашел и увидел, - весело сказал сам себе Воинко.

Всё было сделано так искусно и прочно, что Воинко так ещё подумал: «Раньше она была живой... потом села тут и замерла... Кто-то её заколдовал... Может быть тот волхв по имени Ильм?»

Подумав так, он уже с опаской посмотрел отступил от изваяния.

5.

Лесные братья пришли и ещё раз, сговор свой закрепили на том месте, где определились поселиться: срубили высокое дерево на высоте человеческого роста, вытесали топорами четыре стороны, и на тех сторонах вырезали письма.

Те письма были, по-видимому, точно скопированы в книге, и расположены на странице сверху вниз столбиками – они были совершенно загадочны для меня, читателя, совершенно незнакомы. А рядом, вдоль столбиков тех, тоже сверху вниз было помещено толкование их, перевод, который гласил:

все они, Утороп с Успеном и Млад-Воинко, будут жить каждый своим домом, своим двором, но некую часть хозяйства следует им вести сообща;

избы жилые ставить друг другу купными силами – сначала для старшего из них, Успена, у него детей больше – четверо, потом для Уторопа, у него детей двое, а уж потом для Млад-Воинко.

выжигать лес, раскорчёвывать выжженное место под пашню, орать её, боронить и засеивать, и урожай собирать, и обмолачивать – тоже всё вместе, дружно;

зерно же по осени поделить на части по едокам, большим и малым;

две лошади и две коровы поступают в общее пользование, в общее хозяйство, равно как и телица *леторослая*, и два теляти, - для них быть единому двору, единому загону впредь до полного, справедливого и окончательного раздела, если такому потом быть – но *покаместа* не забогатеют, *потаместа* не делиться;

упряжь, сохи и бороны, телеги и сани поступают в общее владение – и те, что есть, и те, что будут - опять же впредь до полного раздела, если таковому быть надлежит;

добытое на общей охоте – будь то вепрь, лось или тур – делить по семьям ровно, то есть на три равные части, а добытое одним – будь то птица летающая (*утица, журавия, лебедь*) или зверь бегающий (заяц) на всех не делить – то семье удачливого охотника;

а случись беда: звериный или разбойный набег – оборону держать совместно, не жалея живота для спасения друг друга.

А самое главное было обозначено поверх письменных столбцов: все спорные дела разрешать совместно, общим советом, полюбовно и обиды ни в чем друг другу не чинить.

Вот на том крепкий завет положили, то есть поклялись.

6.

Через день или через два после этого пришли они - Успен с семьей и Утороп тоже с семьей... Они именно пришли, а не прибыли обозом. Наверно, у них не было ни лошадей, ни телег. Пожитки несли на себе.

Впереди шёл Успен, он нёс на плечах большую кладь и вёл за собой корову звероватого облика – словно туриха: велика и с рогами, изогнутыми вперёд.

Впрочем, шёл он не самым первым – впереди бойко шагал с малой ношей тот самый отрок, что сопровождал отца при встрече с Млад-Воинком – то был Посвист.

А на корове рогатой были навешены с боков две ивовые корзины с кладью в них: корзины те придерживала, шагая сбоку, жёнка Успена Божица, и она тоже несла ношу.

За нею вела корову жёнка Уторопа Всеслава. За той коровой шла телица, за телицей два малых телка, подгоняемые дочкой Уторопа Милой. И Мила тоже с ношей была.

За ними чередой шли детки поболее и помене, каждый что-то нёс – их было четверо, а кто чей сын или дочь, не понять.

Сзади всех шёл Утороп и нёс увязанное в рогожи, тяжёлое...

Так они явились к озеру Половинному, а дойдя, сели на берегу - отдышаться, отдохнуть. Тут они оказались уже под вечер – дорога была дальняя.

Млад-Воинко с Радимой принесли им двух утиц и рыбы. Божиха с Всеславой подоили коров и напоили всех молоком.

А на другой день, как сказано, или чуть потом к ним прибился отрок Осинок. Или то случилось какое-то большее время спустя? Первой его увидела Радима сидящим на берегу озера Половинного. Осинок был худ, измучен: он издали остерёг ее, чтоб не подходила близко. Сказал о себе, что покинул родное село, совсем вымершее, пробирался лесами долго, сам не зная куда.

Радима кликнула Воинко, тот разговаривал с Осинком через заболоченный край озера.

Прибежал шустрый Посвист, встал рядом с Воинком и с любопытством смотрел на Осинка. Воинко строго сказал, чтоб отроки не смели сходиться близко.

Подошли братья, Успен и Утороп. На общем совете порешили, что надо поостеречься: отрок пусть поживёт на том месте, где сидел теперь, постоит себе временное прибежище. Определили место, куда ему принести огня, чтоб согрелся ночью, и кое-что из *ества* - где он может взять и то, и другое по нужде своей, не приближаясь к людям. Пусть он ловит рыбу, сумеет и утицу подстрелить...

Вечером того дня уже в сумерках над озером-болотом раздались печальные звуки – Осинок играл на свирели. На другом берегу слушали его с тревогой и печалью...

* * *

«Ага! Они решили организовать общину, иначе говоря, колхоз! – неведомо почему обрадовался я, прочитав о том, как крепкий завет положили братья и Млад-Воинко. – Или даже маленькое государство... Определили примерные границы и где быть столице...»

Я живо представил себе, как они на главной площади, то есть на поляне перед мурьей-мшенником, будут устраивать собрания: объявлять войну медведям или вепрям, или турьему

стаду... или провозглашать мир с ними... принимать важные решения: кого из парнишек выпороть за баловство, кого наградить пирогом с грибами. А потом они изберут себе царя... или князя... вишь, один уже есть – князь бобёр и его княгиня Рысь. Сейчас меж ними и братьями и их жёнками дружба, а, небось, не все-то будет гладко. Вдруг поссорятся! Тогда пригласят со стороны чужого человека: приди княжить и володеть нами, потому что земля наша велика и обильна, а порядку в ней нет...И пригласят Яра Вышатича.

Что ж, в том был им резон – жить вместе, поступать *купно-умно*.. В самом деле, как Млад-Воинко построил бы себе дом? Посильно ли это одному? Ведь повалить дерево просто, а как его перенести с места на место? Вдвоем с Радимой? Ну, это не женская работа. Надорвалась бы жёнка.

А так-то они – трое мужиков... Разумеется, это не колхоз! Но совместно им легче будет и жильё строить, и пахать да сеять, и со зверями дикими сражаться.

И вот размышлял я...

Да и что плохого, если и колхоз? Коли у нашей деревни не отнимало бы почти всё подчистую всеильное и безжалостное государство - мы были б богаче богатых. А то ведь все сдаём ему в некие закрома и зерно, и льняное семя, и картошку, и молоко, и мясо, и шерсть, и льняную тресту, и куриные яйца... А ну-ка если б все это разделить по дворам, по работникам? Конечно, мы забогатели бы... Вот почему Воинко с Радимой искали вольной жизни: чтоб государству ничего не отдавать, то есть князю Любославу... как там его? - как отдаёт почти всё наша деревня, наш колхоз. Что это за властитель такой многоглавый, многоликий по имени Государство? Этакое чудище, которому служит и стар, млад? Нельзя ли освободиться от этого ига, подобного татаро-монгольскому? Нельзя ли отыскать местечко, где оно не настигнет и не потребует дани?

Тогда можно было найти на Руси такое место, а теперь уж нет. Шалишь, брат, такового не отыскать.

Глава двадцать девятая. Пожалование.

Капкан на зверя. Останки витязя предали земле. Шли, как в море, по звёздам. Надёжа наш, скоро ли? Опять Некрас-бортник. В гостях у Некраса. Великий Серегерский путь. Жалую вас! Он был художник – тот, кто написал книгу.

1.

Люди редко появлялись в этих местах, по которым шли Яр и его *малая дружина*, однако появлялись: вовремя заметил Яр натянутую через звериную тропу бечеву и остановился: прямо на него нацелен лучной самострельный капкан. Это довольно хитрое устройство, в котором использовались своеобразно растущие тут березы: их стволы раздвинуты с большой силой и вставлена меж ними не стрела: то, что держали в напряжении раздвинутые стволы берез, соединено было кожаной бечевой – если проходящее кабанье стадо оборвет её или напружит, то пронзит вожака насквозь острога ... она пронзила бы и Яра, если б был неосторожен.

Он предупредил об опасности шагавших за ним следом, но, обходя капкан, заметил, что деревья уже ослабили свое напряжение: что-то долго не появлялся охотник проверить его.

- Поставлен на вепря, но убить может разве что зайца, - заметил Яр.

- Или мыша, - добавила Устя.

Он шёл впереди, за ним Малуша и Липица, а Устя замыкала шествие. Приостановились на отдых, но Малуша сказала, обеспокоенно оглядываясь:

- Мой надёжа, невместно нам тут. Не знаю, отчего. Перейдем на иной бережок.

Он осмотрелся – вокруг тихо и мирно. Только птицы-*емелухи* перекликались да вдали *жаворон* звенел-заливался.

- Уйдём, мой надёжа, - еще настойчивей попросила Малуша. – Тут место недоброе.

Она была насторожена, лицо переменчиво, руки вздрагивали. Вокруг дровяной *елинник* да *ельха* по спуску в низину – ничего настораживающего. Всё как обычно.

- Полно! – отвечал он. – Давайте отдохнём. Тут и ручей есть, в нём водица чистая, можно напиться.

А спускаясь к ручью, наткнулся Яр на лошадиные кости – промытые дождями, высушенные солнцем они белели в траве зеленой. С лобной части черепа опал *начелок* конской сбруи – на истлевших кожаных ремнях серебряные бляхи. И удила тут лежали, и стремяна. Седло шито по черному серебряной нитью, но от седла, кроме нити той да нескольких кожаных лоскутков, не осталось ничего, истлело всё, да и серебряные украшения сбруи почернели, угадывались с трудом.

«Боевой конь, не пахарь... гнед, матёр... и в богатой сряде», - отметил Яр.

Оглядываясь вокруг, пытался отгадать: откуда тут быть коню ратному? что с ним случилось? почему не расседланным пал? где его всадник? О том не скажут ни ручей, ни трава, ни ближние древа.

Удила и бляхи *начелка*, стремяна и серебряные *шарики-ворворки* и железные наконечники стрелы – всё положил Яр себе в суму: пригодится добро. А подковы не стал сбивать с копыт, оставил: пусть и на том свете скачет конь по ледяным равнинам да каменным кручам, не скользя и не падая. Он безусловно заслужил волю.

Между тем девы тоже оглядывались, они нашли два заржавленных наконечника стрел и остатки оперенья их. Малуша на спуске к ручью почти возле самой воды увидела... кости человеческие, проступающие сквозь полуистлевшую одежду. Она отступила на шаг и еще на шаг, позвала:

- Мой надёжа! Поди сюда.

Это были останки воина. Яр остановился над ними, со скромностью оглядывая его ратную збрую: *латы, куяки, колчугу, бастерцы, наручи, зарукавье, наколенки, мисюрки..* полуистлевший пояс, по-видимому, бывший когда-то шёлковым, и серебряные *шарики-ворворки* возле него... и шлем, названный почему-то *ерихонкой*, у которого один наушник отсечен. Ещё на воине том был нагрудник, у которого нижняя часть сдвижная, и почему-то два меча – один русский, другой иноземный. Мечи те лежали отдельно и с ними *сабля булатна, булат красной*. Упоминался некий *елман* – на *елмане* травы решёткою. Ещё Яр насчитал одиннадцать переных стрел длиною до пяти четвертей, древо почти сохранно – каждая стрела оканчивалась железным копьём, вбитым в неё.

Устинья и Малуша встали рядом с Яром. И Липица подошла, имея вид сострадания и страха на лице, она боязливо остановилась, не подходя близко.

- Мой надёжа, вот отчего томительно мне было, - сказала Малуша. – Дух человека умершего летает здесь, над нами.

- Почему не успокоится?

Она отвечала, словно прислушиваясь к самой себе:

- Хочет, чтоб его кости положили в землю, чтоб не лежали они так, словно ненужная рухлядь.

Он распорядился, чтоб они ждали его неподалеку, и они отошли, сели на пригорке. А Яр вырыл могилу и с бережением

уложил человеческие кости вместе с истлевшей одеждой. Рядом сложил туда же воинскую сряду – и мечи, и саблю, и прочие доспехи: коли восстанет воин из могилы – сразу готов к бою. Только ту стрелу, что застряла, обломившись, в грудных костях скелета, Яр отбросил далеко. После чего засыпал прах воина.

Он никак не обозначил могилу – сделал с землею ровно. Загадка – что тут случилось? почему погиб этот витязь? – волновала его. Наверно, был ранен стрелой, какое-то время скакал на коне своем. И конь, легко догадаться, был ранен, как и его хозяин, поскольку тоже пал. А всадник спустился к ручью, наверно, напился водицы, промыл рану, и тут умер....

Но он был победителем! Потому при нем вражеский меч.

2.

Когда он закончил, девы подошли к нему, встали рядом.

- Теперь он успокоится, - сказала Малуша. – Уже не гнетёт меня дух его. - Я знаю, это был добрый человек.

- Так, - отозвался Яр и кивком головы подтвердил.

Он испытывал к павшему воину такое чувство, словно это его друг, соратник.

- Он был погублен через предательство, - продолжала Малуша, словно бы слушая внутренний голос.

- Когда это случилось? – тихо спросил Яр.

- Прошлым летом... *в начале серпня.*

- Сколько ему было лет?

- Дванадцать... и еще семь.

На лице Яра было сострадание и сожаление. Не в первый раз он вот так разминулся с кем-то, кто мог стать его братом или другом.

- То был непростой человек, - сказал он Липице.

- Так, - согласилась она. – Мой Златко обряжался в такой доспех, только шишак иной и по нагруднику знаки письменные – заклинание.

- Есть знаки и у этого. Я прочел.

- Разве ты умудрён в грамоте? – удивилась Липица.

Ему было приятно её удивление.

- У меня был добрый учитель... Рядом сидели, к веслу прикованные. Писали мокрыми перстами.

- По воде?

- Как лукава ты! Не по воде – по лавице, на коей сидели. Пишем – солнце сушит. Сызнова пишем – и сызннова сушит. Так учил.

- А я научена письму и чтению с малых лет...

Он начертил на песке знаки, спросил:

- Прочти.

- *«Солнце опустилось в свое гнездо»*, - прочла Липица вслух.

Он начертил еще, она читала:

- *«Это божье око...»*

Она тоже написала, и он прочел.

«Видишь ли древо на мысу, нагнуто собачкою на восход?»

«Это знак путеводный», - отвечал он.

«Кому? И кто его оставил?»

«Того не вею».

Так вели они письменный разговор.

- Не гордитесь и не заноситесь, - сказала ревниво Устя. - Я письменную речь тоже разумею.

- И я, - сказала Малуша и начертала на песке – они прочли:

«Тут растет трава зодик, на старой росчисти, собой мохната, ростом в пядь»

Только Устя смутилась: она не умела читать письмена.

- Ничего, сестрица, - утешила её Малуша, - мы тебя научим.

3.

Шли далее... спускались в низины с ещё шумными ручьями... поднимались на гряды холмов.

- Надёжа наш, скоро ли? – нетерпеливо спрашивали Яра спутницы.

- Скоро, - успокаивал он.

- Без дороги идем. Может, миновали место, кое ты определил заранее? – сомневалась Малуша.

- Идем, как в море, - по звездам, по солнцу, - отвечал он.

- Есть ли приметы? Мудрено ли ошибиться!

- Озеро само поймает нас, как ловят сети рыбу. Оно вот так расставило руки.

Он широко разводил руки в стороны, показывая:

- По шуйце будет плёс, и по деснице плес, а прямо – острова чередую. Вот так озеро то объемлет нас. А по деснице спервоначалу должна быть река.

И подбадривал их:

- Озеро то доброе. Вода в нём чиста... забредаешь в неё по пояс, по грудь и по плечи – видно песок на дне, и всякую рыбку, и всякую букарашку. В заводях лебеди и гуси гнездятся. Леса по берегам... зверя и птицы изобильно... и рыбы всякой.

Здесь на углу листа было чьей-то рукой записано наискось:
«В 1860 году семью неводами в озере было выловлено 4188 пудов снетка и 962 пуда крупной рыбы. Снетки продавались по полтора-два рубля за пуд».

- Там Великий Серегерский путь, - сказала Липица себе самой. – Там ходят купеческие суда.

Она уже что-то замышляла.

А он приободрился, подумав, что сейчас она решает для себя самое важное: быть рядом с ним... Надежда появилась у него.

- Будешь охотником, - сказала она, размышляя. – Или земледельцем. Так?

- Дом построю, заведу скот, буду сеять злаки, охотиться, ловить рыбу... Хочу, чтоб была у меня, как водится у людей, конюшня с прихлевицею, сараи, курник со свинухом, деревеньку вздеру, борти поставлю для пчёл, сети сплету, умею ковать железо... Будем трудиться - будет много и ествы, и пития, и хлебного, и воложного, и мясного...

Далее он признался, что где-то там кое-что *спрятано крепенько* братьями его – Добровитом, Климятой, Домажиром: кузнечная снасть, железокричное и готское... соль в деревянных бадьях. Они ходили туда по следу Гордыни, деда своего, хотели поселиться навсегда, только не было дано им то. Коли сохранилось *крепенько спрятанное* – а где именно, братья сказали Яру и несколько раз рисовали ему на песке да на доске – остров на озере, река, из озера вытекающая, место схрона... Он поторгует этим - будет и с хлебом, и с конём, и с *говядом*.

Вот теперь он уговаривал её пойти вместе с ним, хотя и не говорил о том прямо.

- Малуша разумно молвила тебе: следует печься о радости, а она не в богатстве. Это так, я знаю. Радость – в любви, в детях.

- Что ж, будут и дети, - сказал он, усмехнувшись. - Возрастут – обучу их всякому ремеслу.

Тут они помолчали.

4.

В лесу красном, где ни тропы, ни следа, вдруг замечал Яр *знамена* – затеси на стволах древесных, на них вырублены знаки в виде буквиц, то есть чьи-то меты.. На соснах *ознаменованных* высоко вверху роились пчёлы – живые были бортники. Он не тронул их и даже поспешил вывести свою *малую дружину* из этого леса: тут были чьи-то владения, вторгаться в кои не по нраву ему.

И вдруг встал на их пути человек...

Я сразу понял, что это был Некрас-бортник! Да и как было не понять, коли далее было слово в слово то, что и в главе, где Млад-Воинко повстречался с ним...

...вида самого дерзновенного: муж роста высокого, в льняной рубахе распояской и в портах из льняной же ткани, поверх рубахи той опашень; волосы на голове схвачены по лбу лыковой тесьмой, нож на поясе, в руках лук. Одет обыкновенно, а вид самый владетельный, словно на нём княжеское облачение.

Яр остановился, не дойдя до него несколько шагов, потому как человек этот стоял на лесной тропе и не собирался уступать её. Они смотрели друг на друга, как два воина перед сражением, оценивая силы друг друга.

- Я – Некрас, - сказал этот муж с достоинством. - А кто ты?

Яр назвал себя.

- Тут мой лес, мои ловища, - молвил Некрас. - Коли ты добрый человек, проходи с миром.

- Мы идем мимо, - успокоил его Яр.

- Далече ли?

- Пока вовсе не выбьемся из сил, - отшутился Яр.

И опять-таки было сказано: хоть и дерзок был вид Некраса, но совсем не враждебен. Он даже улыбнулся дружески. А рядом с ним, как из-под земли, вырос отрок ростом ему по плечо, тонкий, как тростинка. У отрока длинное вервие кольцами в руке, а за спиной лук в деревянном *налучии*.

- Это твой сын? – спросил Яр, хотя отрок был *вельми* похож, нечего и спрашивать.

- Самый старший, Зяблик, – отвечал Некрас, положив руку на плечо отрока. - У меня их целая дружина.

- Сидят в засаде?– спросил Яр тоже с улыбкой.
- Домашние дела правят.
- А каковы дела правишь ты? Ловец или оратай?
- Я бортник. Меня кормят птахи малые – пчёлы. Дань свою мне, князю, приносят на крыльях от щедрот своих.

Некрас уже по-доброму смотрел на *мимоходцев*, и даже пригласил их к себе в гости, подкрепить силы. В ответ Яр ему с остережением:

- Разве не боишься Лютомора? Его *беси* прыгают с человека на человека?

Некрас махнул рукой беспечно:

- У кого на устах мёд, того Мор не возьмёт. Мёд и насыщает, и исцеляет от болезней, и оберегает от оных.

Яру по душе пришелся муж сей. Он даже подумал, что с таким бы соседом да рядом жить... Некрас опять, ещё приветливей и настойчивей, пригласил в гости.

- Люди вы добрые, не обойдите стороной. И жёнка моя будет рада, и воины мои...

Яр посоветовался со спутниками, те согласились: почему бы и не зайти, коли зовут от доброго сердца

Видно было, что и им понравился Некрас: одет бедно, в домотканину, а статью годится в *люди лучшие*. Он же поглядывал на них весело и с *вежеством*.

5.

А жил он в лесу, как сказано, один, то есть имелось в виду - один со своим семейством. По пути рассказал, что пришел сюда десяток лет назад, поставил дом, хлев для скотины, баньку, *лабазец* невеликий, и ещё один. Тут сенные уголья обильны, есть ручей с рыбными бочагами, но главное – лес хорош: пчёл много. И никто его тут по сю пору не обидел, никто не беспокоил. Наведывались изредка ловцы, но *разумели резоны*, то есть вели себя достойно.

Дом бортника-древолаза стоял в соснах, в ряд с прочими строениями, и только банька – внизу, у ручья. Все это расположилось так ладно, так слитно с лесом, словно выросло все само собой, как вырастают деревья или кусты; строения эти со стороны почти вовсе незаметны, можно пройти мимо, не догадываясь о них. Небось, не спроста этак-то расположился хозяин.

Пришед к его жилью, гости сели на мшистой поляне, и хозяин вынес им *лукно с медом крупичатым и корчажку с медо-*

вым брашном. Сын его Зяблик в общий круг не присел, стоял чуть в стороне, прислонясь спиной к дереву и внимательно слушал, смотрел с острым любопытством. Был он молчалив и застенчив. Вышла и хозяйка, но тоже держалась застенчиво и даже пугливо, назвалась Звездицей. Она сначала смотрела на гостей с крылечка, однако потом осмелела, принесла глиняный жбанец со сбитнем, с поклонами угощала Малушу, Устю и Липицу, причём явно выделяла почётом Липицу, и смотрела на неё по-особому.

- Почему так смотришь? – тихо спросила у неё Липица.

Так же тихо женка Некраса ответила:

- Я видела тебя раньше... в ином обличье... в ином наряде.

Липица покачала головой, вздохнула:

- Нет, ты не могла меня видеть. Я издалека.

Некрас услышал их тихий разговор, сказал о жене:

- Она у меня тоже издалека.

Липица внимательней посмотрела на его жёнку.

- Тебя муж называл ласково, - нерешительно молвила Звездица. – Но я не помню, как именно. Не Звениславой ли?

- Нет, - Липица покачала головой.

- Может быть, я обманулась, - повиноватилась Звездица. – Но та, что так схожа... тоже была и красива, и царственна - то божий дар...

- Ты очень добра, - отозвалась Липица и тронула её рукой.

А мужи – Яр и Некрас – пили нечто медовое, названное *брашном*.

- Где же дружина? – спросил Яр. – Хотим зреть твоих воинов.

И «дружина» скоро собралась – все сыновья, числом шестеро: помимо Зяблика, ещё Вьюрок, Снегирь, Дятлик, Щегол и Гворушка. Самому младшему – Гворушке – небось, лета два, не более. Некрас с гордостью посматривал на сыновей.

Яр даже загрустил, глядя на них. Загрустила завистливо и Устя. Она с укором посмотрела на мужа *доброго*: Некрас, мол, летами не старше, а у него сыновья - подпора ему и защита в старости.

- А ты что же, Яр Вышатич, не завел себе сынов? – весело спросил Некрас

- Время не пришло, - ответил тот, смутясь.

- Вот встанем на место, будут и сыны и дочери, - смело пообещала Устя.

- Не ходите далеко, - посоветовал Некрас. – Становитесь моими соседями. Места и тут вольные, жить будем дружно.

- Уже скоро остановимся, - сказал Яр. – Осталось два или три перехода. Мы идём до озера, которое мне дорого.

- Коли так, будем соседями! – провозгласил Некрас.

Дружина Некрасова, лишь показавшись гостям ненадолго, разошлась по своим делам: один повел теленка на пастьбу. другой щепал лучину, третий был послан куда-то тихим повелением матери...

А из дома вдруг послышался плач младенца, и *девица лет осьми* появилась откуда-то, взбежала на крыльцо, спеша на плач.

- Еще один сын? – удивился Яр. – Сколько же всего?

- Сыновей шестеро, - отвечал Некрас, – а девки в счет не идут.

При этих словах жёнка его махнула рукой: ишь, мол, что молвил! дочери ему не в счёт! - и ушла в дом. Судя по походке её да по округлости стана, в семействе Некраса ожидалось пополнение.

- Здрав будь! – торжественно и с благорасположением сказал Яр, поднимая глиняную чашу с медовым брашном.

А далее пошла у них беседа, содержание которой не записано в книге, а просто сказано, что-де беседовали мужи – Яр и Некрас – о делах, а вернее, а медах, поименованных так: *отборный, смородинный, приварный, можжевеловый, красный, белый паточный, просто белый, малиновый, черемуховый, вешний, княжий, старый...* а еще названы были меды *верховой, дикий, мед-сырец, с вощиной, грешневый...* Упоминались *медовые улазы, бортные знамена...* И опять упоминалось о человеке, который идёт издалека, из-за Русского моря и удивляет всех своими речами и поступками. Имя ему неслыханное – Андрей.

Малуша прислушивалась внимательно к беседе той, а Липица ждала хозяйку: хотела расспросить... Устя осматривалась вокруг с любопытством и улыбалась.

- Завидую, - обронила она. – Хочу тако же иметь.

6.

Недолго они шли после встречи с Некрасом-бортником... А впрочем, как тут измерить время и расстояние?

И вот вышли на берег красавицы-речки.

- Это она, - уверенно сказал Яр сам себе, окидывая взглядом открывшийся ему речной простор. – Всё так же, словно я ушёл отсюда вчера. Вон та излучина...

Он спустился с берега, встал на колени и зачерпнул водички своей широкой ладонью, словно ковшом, испил.

- Это она, - повторил он, словно узнал реку и на вкус, и громко сказал. – Она!

Вернулся к спутницам своим - глаза его блестели... не от слёз ли?

- Ты плакал, надежда наш? – встревожилась Малуша.

- Умывался... Сделайте и вы то же. Река меня узнала, пусть знает и вас.

Пока они умывались, он оглядывался вокруг.

Да, он не ошибся: вон же сосновый бор, подступающий к невысоким береговым обрывам с обеих сторон. А вон заводь одна и другая... не в них ли они с дедом Гордыней ловили бобров?

А вон та низина, где ели стоят, вцепившись корнями в зыбкий берег, по которому и теперь, как тогда, блещут *ключистуденцы*, словно рыба чешуя, словно весь он в серебре.

«А вон каменная осыпь...»

В этих камнях они с дедом Гордыней видели череп огромного зверя, изо рта у него торчали два зуба, каждый в сажень.

«А вон береза виловатая, на четыре ствола... Небошь, она помнит меня, как я её помню. Я стоял на её развилине».

Далее за мысом будут в ряд три великих камня, на крайнем знак: стрела высечена, устремленная вверх...

- Э-ге-гей! – закричал Яр во всю силу голоса.

Долгим эхом ответила ему лесная чаща.

- Надежда наш, ты распугаешь всех зверей, - пошутили спутницы его, поднимаясь к нему от воды.

А он не мог совладать с восторгом своим. Воспоминания обступили его. Так и казалось: вот-вот выйдет сейчас из-за деревьев на речной излучине дед Гордыня, позовет: «Ярунко! Ступай со мной... Покажу тебе место знатное... Где ты пропадал так долго? Я жаждался тебя...»

Но не вышел дед, не позвал...

Это была знаемая им река, то узка, то широка; течение её то быстро, то медленно; берега то круты, то пологи, тут и там тихие заводи, тут и там впадают в неё ручьи... и такое множество чистых родников вдоль по руслу! Дремучий лес по обеим сторонам; от леса исходило восхитительное дуновение ветра.

Именно тут промышлял дед Гордыня, хотя и не только тут: ставил сети на бобра, переходя с места на место вверх или вниз по течению. Он учил внука плести сети для ловли рыбы, выде-

лывать шкурки зверей, вялить мясо медведя и лося, угадывать рыбные и бобровые ловища, скрадывать лесную и болотную дичь...

И ныне тут и там поваленные с берега в воду осины; на них свежие следы зубов у комля – это трудоусердные бобры оставили... значит, их тут по-прежнему много.

Яр прошел по берегу - даже среди дня то и дело всплескивала или вскипала вдруг вода – белорыбица шла, гонимая щукой или окунем. Малое время спустя, вдруг прорезала водную гладь осетровая спина... мгновенно наполнив Яра ловецким азартом.

«Не встать ли тут? – тотчас подумал он. – Нет! Впереди место лучшее. А сюда буду наведываться».

Эту реку с её побережными лесами и лугами хранил в душе своей Яр-Огонь Вышатич в пору скитаний на чужбине. Её вода *напоила* его и там...

7.

Муж добр вел своих спутниц по реке той. Шёл уверенно, отнюдь не следуя изгибам русла, а иногда углубляясь и в чащу лесную, но всегда выходил к реке, – то был самый краткий путь к намеченному месту.

А Устя с Малушей полпути мечтали вслух:

- Хочу, чтоб у нас был дом, как терем...

- Хочу, чтоб был полон двор скотины и птицы... *поросёнок зимняк и летняк...*

- Животинка станет водиться, то и хлеб уродится.

- Для животинки омшаник надобен... с навесом... покрыт не соломой, а *драницами* ...

- Для жита - амбар с сусеками.

- Ещё будет у нас *конюшня с прихлевицей, курник со свинухом.*

- Поставим борти для пчёл, чтоб далеко за ними не ходить... Так, надежда наш?

- Так, - подтверждал он, не особенно вникая в смысл того, что говорили: воодушевлён бы тем, что *зрел своима очима.*

- Две лошади или три, две коровы или три...

- А овец две дюжины заведём...

А Липица не участвовала в их мечтательном разговоре. Была молчалива, хотя то и дело улыбалась светло.

Устя же с Малушей вспомнили ту корову, что выходила к ним из леса, плача и моля выдоить ей вымя, - это когда сидели они на берегу реки Оцы в начале своего пути. Жалели:

- Небось, задрал ту корову зверь. Нет ей хозяйской защиты, нет о ней ничьей заботы.

- Хочу, чтоб был *ключ-студенец* совсем рядом, под берегом, - сказала Устя. - Я б ходила к нему по воду...

- Есть там ключик, - уверял Яр. - Не под берегом, а в лесу и ручей от него к озеру. Над родником камень, на нём мною выбито знамя...

- Какое? - спросила Малуша.

- Солнечный знак - *коловрат*... Всё может пропасть - иссякнет ручей. Сгорит лес - а камень будет всегда.

Он оглядывался на Липицу: почему задумчива? почему не увлекает её разговор общий? Отчуждённо держится...

«Эта птица залетная в моей стае, - невесело отметил Яр. - Того и гляди поднимется на крыло и улетит прочь. Не удержать».

Он рассказывал ранее и напомнил теперь, что в походе дальнем Великим Серегерским путём дружина Родослава Добрынича, в которой шёл и Яр, останавливалась на долгий отдых. А стояли там *два пятка дней*. Дружинники за один день срубили терем для князя - это не здесь, а впереди, на острове озёрном.

- На наше счастье, может, уцелел тот теремок, - говорил Яр, однако с сомнением немалым. - С верха теремного далеко окрест видно, а его самого не заметят, кто б ни плыл мимо.

- Кто же там может плыть? Ты говорил, край озерный, безлюдный, - напомнила Устя.

- По озерам проложен давний путь. Ходят воины, но редко... чаще люди торговые...

- ...воры-разбойники, - подсказала она.

- Коли есть люди добрые, как не быть вора! - рассуждала Малуша. - На всякую птицу - коршун или кречет, на всякую рыбицу - щука зубастая, на каждую овцу - волк. А на доброго человека - разбойник.

Им попалось место людской стоянки: осталось кострище, остались ступени по берегу и след от лодии, где она причаливала.

- Останавливались тут, должно быть, на ночлег, - сказал Яр, осматриваясь. - То было несколько дней назад.

8.

И вот вышли они к озеру, вернее как бы в створ двух озёр. Вода проблескивала *и одесную, и ошую*.

- Нет-нет, - сказал воодушевлённый вож. – То два плеса одного озера.

Когда и впереди заблестала водная гладь, остановились.

Липица подошла к Яру. Она только что умылась и оттого была еще более хороша, просто глаз не отвести.

- Мы пришли? – спросила она.

- Так, - ответил он с радостью в голосе и во взоре. – Там далее будет великое озеро... или много озёр. На каждом острове, и на островах озерки. Я бывал тут не только с князем Родославом - другой раз без князя шли по зиме, *был студ и мраз велик*.

- Это здесь ты *рыбу лаксир* лавливал руками?

Всё слышала она, что он говорил там, на реке Оце, хотя делала вид, что не слушает! Всё слышала и помнила.

- И *рыбу лодогу*, - добавил он, - и *рыбу сурь*, и *рыбу каяну*...

- И здесь много дичи бегающей да летающей? – спросила Липица, оглядываясь вокруг.

Ему радостен был её интерес.

- Так, - подтвердил он. – И соболей, и горностаев, и куницы, и бобры, и лисы рыжие да *сиводушные* – это здесь. И *тетеря*, и *жеравия*, и *ряби*... Все добуду я вам. На мехах будете спать, мехами укрываться, в меха одеваться.

- Теперь ты вступишь во владение всем этим? – спросила Липица с улыбкой.

- Так, - ответил он. – Но дани с огнищан да лесников да прочих *земледельцев* брать не стану.

- Их тут нет, - сказала она весело. – А коли есть, то платить дани тебе не станут, Яр Вышатич.

- И не надобно, - отвечал он. – Дань мне будут платить лес и река, и озеро.

Она этак мысленно примерялась к грядущему житию тут и что-то её смущало.

- Однако пойдёмте, - поторопил он. – Пойдёмте на то место, где и встанем.

И добавил не для них – для себя:

А далее было...

Земля полуостровом вторгалась в озеро. Яр-Огонь Вышатич вышел на *оконечие* того полуострова, раскинул руки и возгласил, обращаясь к спутницам своим, словно владетельный князь к своим подданным:

- Жалую вас озёрами и реками рыбными, жалую студёными ключами, что их питают... жалую чёрными и красными лесами, мягкими мхами, охотничьими угожьями, зверями и птицами... жалую ягодными и грибными местами, жалую орешниками и малинниками, черничниками и клюквенниками... Всем этим жалую я вас!

* * *

На последнем листе главы о *пожаловании* искусно изображен был медведь, подпоясанный красным кушаком, в обнимку с девой, имевшей рыбий хвост. На голове медведь имел лихо заломленную *шапку червлену, заломы белы*. А у девы хвостатой в волосах, распущенных по спине, вплетены водоросли зеленые с синими цветками – небось, это нарисована та самая русалка, что разговаривала с лягушками.

Картинка была так мала - можно закрыть спичечным коробком - как на ней уместилось столь многое? Она повторялась на углу – та же пара, только дева-рыба сидела на медведе, опустив хвост до земли, а он шагал широко. На носу медведя сидела то ли птаха малая, то ли пчела – указывала путь.

Не знаю, что там было смешного, но, помнится, я хохотал, разглядывая эти картинки. А вот к чему тут они... Наверно, чтоб подвеселить описываемые события, а то уж очень печально всё: вишь, корову задрала медведиха... умершую женку сожгли... Яр покинут и Липицей, и Малушей...с Устей случилась беда... несчастную ворону сбил хищный орлан

«Он был художник – тот, кто писал книгу! – подумал я, рассматривая картинки. – Разве сможет обыкновенный человек нарисовать такое? Конечно, он был художник!

Я дивился, любуясь: уж очень кропотливая работа – словно вязание кружева крючком. Не женщина ли тут приложила руку? Небось, писал текст её муж, а она рисовала...

Да, авторов было двое: один рисовал, другой писал. По мягкости линий, по нежности красок, по склонности к цветам и листьям, то есть ко всему красивому, я предположил, что рисовала женщина. А твердый почерк письма – это, несомненно, мужская рука.

Их было двое! Они писали книгу вдвоём... Наверно, муж и жена... или брат и сестра... А когда они это исполнили? Когда они жили и кто были? Они явно переписывали из другой, уже обветшавшей книги? Да и не уплыла ли та более древняя книга от них так же незаметно и неведомо куда, как и моя?

Глава тридцатая. Озёрный владыка.

Малуша слышит шум малого града. Дождь над озером. Под шатром елиным. Подводный мир. Озёрный владыка на дне. Рак поймал Устю. Разговор Малуши с птахой. Стихи и молитва.

1.

Перед тем, как возгласил Яр о пожаловании, вот что было...

Малуша пала ничком посреди той земли, что вдавалась в озеро полуостровом, приникла ухом к лесной подстилке, на лице её ясно отражалось усилие внимания – слушала... Так уже было с нею в пути однажды, теперь вот снова.

- Мой надёжа, - сказала она, - и тут изобильно людских голосов.

- Как и там, на холме?

- Здесь гораздо менее... однако же много....

- Небось, и тут было когда-то поселение? – предположил Яр. – Люди ушли, а голоса их остались

- Что слышу теперь – не из бывшего, а из того, что будет потом, - опять, как и в прошлый раз, возразила Малуша.

- Того знать не можно, - строго сказал он.

- Но откуда знаю я? – спросила она.

- Ты не можешь знать промысел богов.

- Не их ли промысел в том, что я знаю?

Она закрыла глаза и, помолчав, сказала ещё более уверенно:

- Тут будет град... невелик, но стоять ему долго!

- Что ж, положим ему начало, - ответил Яр с улыбкой и поднялся. - То дело доброславное.

Вот после того, выйдя на берег, и провозгласил он, что-де жалует спутниц своих озёрами да реками рыбными, ягодными да грибными угожьями, орешниками да малинниками... А когда произнёс эти слова, пошел вдруг дождь.

2.

Как-то тихо подкралась неведомо откуда туча, совсем не грозная, - вроде бы как случайно сошлись пухлобокие облака, а сойдясь, помрачнели, погрознели, напитались сердитостью, заворчали и - нате вам дождь. Сначала посеялись редкие крупные капли, как зёрна из горсти, потом посыпались щедро и ещё щедрее – словно горох из *лукна*, а *лукно* то величиной с озеро вместе с его берегами и островами.

Но Яр ещё стремился вперед, и путники успели перебраться на остров ближний, перейдя отмелью через неширокий пролив. Тут *налетел ветер вельми шумящ и злопыхающ*, и хлынул ливень. Едва успели укрыться под шатровой елью, под густыми лапчатыми ветвями её - на их счастье та ель была могуча.

- Тёплый дождь - знак добрый, - удовлетворённо сказала Малуша, умащиваясь у самого ствола потеснее с *сёстрами*. – Небо к нам милостиво.

- Куда как добр! – отозвалась со смехом Устя, упихивая ношу свою под *елинные лапы*. – Вымокнем от такой доброты да милости с головы до пят, вымокнет и наше добришко. Сушиться как станем?

И далее говорили:

- *Капли дождевые* подобны зернам житным.

- Коли небо не захочет дать дождя, земля не даст жита.

- А потому и зовется жито, что даёт житие и людям, и скоту, и птицам.

- Раз тут дождик просеялся, то и назовем это место Житным.

- *Кто б сеял да жал, кто б зерно в крупу крушил да муку молот, а мы б кашу варили да пироги пекли.*

- *Пироги с рыбой, с ягодами, с травкой шалуй.*

- То-то была бы благодать!

- Просеется крупный дождь – взойдут травы рослые, выше человека, а мелкий питает травку-муравку.

- *В землю житные зёрна, а в озеро что?*

- Туда сеется рыба малая - та, что вьётся у ног, когда зайдёшь на мелководе. Она с неба падает маленька, а в озере да в реке произрастает.

Устроились поудобней, затихли, уже задрёмывать стали, но Малуша, любительница поговорить, сказала, прислушиваясь к шуму дождя:

- Так *напаяются деревья*.

Ещё сказала, размышляя вслух, что деревья бывают обликом, как *людие*, – горды или унижены, сильны или немощны, здоровы или больны. У них, мол, нет меж собой мира, как и у людей, – *ратятся*, кто кого одолеет.

- Одни – словно воины: рослые, стоят победно. Другие подобны нищевородам бездомовым, голодным: хилы, кривы да оборваны. А наша *елина* – как мать родна, спасительница и попечительница. Ишь, как приветно да ласково нас руками своими укрыла!

- Расставила ветки по сторонам, словно курица крыла свои, – уже сонно сказала Устя, - а мы писклята у неё.

3.

Хоть и густа была крона той могучей ели, а дождевая водица просачивалась сквозь. По стволу *елинному* тоненькой струйкой потёк ручеёк, свиваясь подобно льняному *вервию*, но, к счастью, пресёкся. Вдруг упала сквозь хвою череда капель на голову да на плечи Усте, она вздрогнула в полудрёме:

- Словно камушки, тяжелы.

- То жемчуга небесные, - поправила её Малуша.

А Липица молчала. Затихла в думе своей. Молчал и Яр.

Яр исхитрился укрепить над головами некую *дерюшку*, под ней укромней; уселись потеснее: и Липица, и Малуша, и Устя. А он отдельно: его смущала близость женская, потому сторонился и прежде, и теперь, за что над ним пошучивали:

- *Стыдлив надежда наш, словно вьюнош.*

- *Видом муж храбр, а робостью подобен девице.*

- *Кто жёнок боится, у того детей не родится.*

Это Устя поддразнивала его, а он отозвался с улыбкой:

- То не малая робость, то *трус* великий.

- С чего трусу быть? Али мы страшны?

Он не ответил, а Малуша пояснила:

- Когда враг на него с мечом да с копием, да с палицей рогатой, то не страшно ему. И зверь в лесу не страшен, и сам царь водяной или шишига лесная или нетопырь болотный – и тех не убоится. А коли жёнка – у неё *очи пылающи, голосом она покоряюща, стать волнующа...* как не оробеть!

Малуша говорила это самым серьёзным тоном, Устя в ответ смеялась. А Липица лишь улыбалась потаённо, и улыбку эту её тайную замечал Яр.

- То правда, - согласился он покладисто. – Говорят же: чары женски тенета суть, и *ловения женского* да лукавства надобно опасаться, как змеиноного жала.

- Не слушай никого, Яр Вышатич, - сказала Устя. – Мы тебя и сами не обидим, и никакому ворогу или зверю в обиду не дадим. Держись за нас *крепльше*.

- Будем тебя беречь и лелеять, надёжа наш, - добавила Малуша.

При этом смеялись они.

4.

Обвальный ливень стал ровным дождиком, неспешным, словно ранее он бежал во всю прыть, торопясь куда-то, а теперь сменил бег на шаг и шёл неспешно.

- Да откуда ж столько воды? - подивился Яр, выглянув из-под ветвей на небо. – И всего-то три облака.

- Они сошлись на совет да и решили пролиться дождём, - сказала Малуша.

Но теперь уже не три облака, а большая туча заняла половину неба и наступала без молний и громов, намереваясь занять весь небосклон.

- Эта не скоро иссякнет, - решил Яр. – Устраивайтесь надолго.

- Что ж делать! – удовлетворённо вздохнула Устя. - То не беда. Отоспимся, отдохнем после пути, наберемся новых сил.

Ручей от соседних деревьев стал подбираться к Яру по земле, устланной игольником. Пришлось ему пересесть теснее к *сёстрам*, возле них было сухо.

- Обними меня, - попросила Устя не тайно, не стыдясь.

Ей хотелось, чтоб он был ближе к ней, нежели к кому-то.

- Должно обнимать крепко и сразу всех, как обруч на *кади* или на *бочюрке* обнимает *латки*, - отшутился он.

- Одну меня, - настаивала Устя.

- Уймись, Устинья! – урезонила её Малуша. – Ишь, разгорелась! Вот выпихнем под дождь, чтоб унял в тебе пламя.

- Бывает огонь, что и водой не зальёшь, - отважно заявила Устя.

А Липица не стремилась быть возле Яра, хотя и не отстранялась, если в пути он оказывался рядом или на отдыхе садилась возле неё. Теперь она придвинулась тесней к Малуше, *поелику дождик* забижал её с *десного боку*.

Яр заметил это.

- Прикройся, - сказал он и подал ей что-то из *лопотины*.

Она приняла, но укрыла не себя, а Малушу. К ней испытывала больше сердечного чувства, нежели к Устинье. Липица часто любовалась, глядя на Малушу, и слушала всегда с неизменным вниманием.

- Ты не обидь её, - сказала она Яру накануне

- Кто ведунью обидит, тот сам себе враг, - отозвался он.

И вот теперь они даже о чём-то шептались, Малуша и Липица.

«И от малой беды польза: ишь, покропил дождик, и сразу утеснились дружно, - с усмешкой размышлял Яр. – В радости мы врозь, а в беде сбиваемся в стаю».

Малуша выставила из-под *елинной лапы* ладони свои, сложенные лодочкой, - тотчас в них налилась лужица. Попила, вытягивая губы и поднимая лицо вверх.

- Пьёшь, как птаха, - сказала ей Липица – Может, ты раньше птахой была?

- Того не помню, - отвечала Малуша беззаботно.

Умиротворение царило под елью. Все были рады, что пришли, наконец, после долгого пути достигли: вот оно, то место, та земля, куда вёл их вож. Лес, озеро... что ж, место и впрямь доброе. Успокоились все, подрёмывали. Потому и разговор легкий, праздный.

- Прикажи встать царь-огню, – попросили Яра. - Сумеешь ли возжечь его под дождём?

Но он покачал в ответ головой: нет, мол, в том нужды.

- А чрево просит своего, - сказала Устя. – Что делать с ним? Наказать ли голодом, потешить ли кашей?

Коли костра не возжечь, каши на костре не готовить. Однако Устя вдвоем с Малушей, не покидая угрето места, живо спроворили некую *жидкую пищу* – должно быть, из овсяной муки да из дождевой водицы. Ту *заболтку* поели - прихлебывали из медной посуды, передавая её из рук в руки, однако нехотя – устали в пути.

5.

Дождь лил до вечера, продолжался и ночью, то прекращаясь, то припуская вновь. Мрак царил над озером, над его островами, над его берегами. Но в глуби озёрной от неведомой причины брезжил серебристый свет; там скользили неясные тени,

вдруг вспыхивали и гасли призрачные огни – зелёные, голубые, желтые, рдяные, отчего прояснялись иногда некие омутные пространства и в них открывались *палаты* с каменными сводами. В те *палаты* заплывали гибкие тела полурыб, полулюдей, раздавались неясные звуки, похожие на человеческие голоса, слышалось *водное плескание и струнное игране* - озёрная глубь была полна движения, жизни, однако что там творилось и кто творил, неведомо.

Тут упоминались часто слова *чертоги* (*брачный чертог, чертожное место*), *гридницы, покои*, и вообще довольно много диковинных слов в описании придонного пространства, подводного обиталища. А обитали там вот те самые полулюди да полурыбы, и был *некто*, названный *владыкой*, а ещё и именем, похожим на слово «серебро», трудночитаемым. У него были длинные волосы... если, конечно, это были волосы... обрамлявшие могучие плечи; он имел бороду, подобную белому льну, промытую водами до чистого цвета – она волнами ниспадала ему накрево – и руки, похожие на плавники. На спине, и на животе, и на плечах – крупная чешуя, подобная кольчуге. Он был свитой окружён – то его *друзи и служебники*, хвостатые девы... или не девы вовсе, а отроки – полулежал в укромном месте на зеленом ковре среди длинных водорослей, подобных тростниковым рощам, и слегка прикрыт был зелёным ковром – не понять, есть ли ноги у него или только хвост рыбообразный, а ковёр тот переливался радужными цветами при вспышках призрачных огней.

Владыка озёрный беседовал с кем-то – с гостем ли, с прислужником ли из тех, что важнее, сановнее. Две русалки принесли ему в *лукне* белого жемчугу – чью-то дань - он играл им и разбрасывал по сторонам, по дну.

Лежала в палате той *личина сребряна дивной работы*, с янтарными глазами, с вызолоченными усами и с бородой в яхонтах, длинной, в двенадцать вершков. Прозрачное копье было воткнуто у его изголовья, неведомо из чего сделанное. А на колоде дубовой лежали в ряд *гривны сребряны с ликами человеческими* – *четыре вершка на три вершка*. У *владыки* с «серебряным» именем – не Серегер ли? - был под рукой лук из радуги, он пускал из него, забавляясь, мерцающие стрелы, которые дробились и, отражаясь от поверхности озера, опадали на дно подобно осколкам льда.

Некая жена с большой грудью прилегла рядом с ним и брызгала ему женским молоком в глаза, не любившие дневного света, и поила его тем молоком.

И принесли *владыке*, любителю жемчугов да прочих драгоценных *камениев*, травы в пуках – *зорю, смык, зодиг, клопец, изоп, роман, ушки, ногти, увар, уклея, чабер...* и иные. Должно быть, и травы любил властитель озерный – *они напаяли его чертог благими вониями*.

Гибкие тела всплывали от жилища Серегерова к ровной глади озера, выставляли поочередно покрытые чешуёй бока, и спины, и округлые бёдра, и рыбы хвосты, и зелены власы, выплескивались на отмели и лежали под тёплым дождиком, нежились; тогда можно было слышать тихий смех и непонятные возгласы... но некому было слушать, пусто на озере – ни лодочки на воде, ни костров по берегам.

Озеро же было покойно, волны не гуляли по нему разбойно – только шорох дождевой с тонким-тонки звоном, подобным комариному. Дождь продолжался, не прерываясь...

И как-то не верилось, что в эту пору полночную, глухую, над тучами в невообразимой вышине всеохватно замерло небо, усыпанное загадочно мигающими звёздами. – словно алмазные гвоздочки вбиты в чёрный небесный бархат, и только несколько звёзд-блудниц пробирались меж прочими, не находя себе места.

6.

В двух поприщах от *владычных чертогов* на дне стояла келья, без крова – просто как бы сруб из дубовых брёвентопляков; лежал в келье той утопленник дивной красоты – ни жив, ни мёртв – утех хвостатым девам. И в ней же тут и там травы пуками и ворохом – разрыв-трава, плакун-трава, смык-трава, прыгун-трава. Сюда заплывали шаловливые девы, тормозили молодца, говорили ему ласковые да нежные слова.

А в поприще от кельи той, в самом глубоком месте, лежало на дне судно вёсельное, гружёное белым камением и плитками обожжённой глины. На плитках тех рисунки-писанки: лик весёлого солнышка, коровья голова со звёздами на концах рогов, цветы и травы, горшок с сидящим в нём зверьком – то ли ласка, то ли хорёк, но чаще иных на рисунках тех *кура с петелом*... Судно то было с обломанной мачтой; полуистлевший парус лежал рядом,

его затянуло илом и песком – выглядывал неровный край его с вышитыми смоляной ниткой знаками, которые не прочесть.

Там же, на дне, *стояли человек камен и девка камня – обое с буквицами на челе и между глаз*; у него на темени знак солнца, у неё знак луны.

А в полупоприще отсюда на отмели кости лежали; череп, наполовину занесенный песком, смотрел пустыми глазницами сквозь водную толщу в небо. В ясные ночи лунный свет ложился на череп тот сквозь водный слой, и он оживал. Если б проплывал мимо запоздалый рыбарь да глянул бы он – волосы у него встали бы дыбом от страха. Но не проплывали тут рыбаки.

Меж островами большими, в проливе, покоилось на дне ещё одно судно, груженое *горончарным* товаром: горшками, почему-то обвитыми берестой; светильниками в виде утиц; кринками и махотками, украшенными тиснёными буквицами... и кашники, и горлачи, и плошки, и горшки-подойники... Тут же стояли в ряд на затопленном судне четыре корчаги – небось, для пива. И на корчагах, и на горлачах, и на утицах-светильниках можно было прочесть письма... но кто прочитает? Разве что рыбы.

Уж не пиво, не молоко, не сладкая съята и не щи да каши были в тех глиняных посудилах – нанесло водою песку и тины, поселились клешнятые раки, а в большие корчаги, случалось, заплывали малые рыбы стайками.

Между корчагами с зеленой плесенью на боках дремала старая щука с зелеными же боками и желтыми глазами. Щуке было сто лет. Она много повидала на своём веку. Помнила и ту бурю, когда волна перехлестнула борт *лодии* с горшечным товаром. И другую бурю помнила, когда ветер сломал на большой *лодии* мачту с парусом, а мачта, сломанная ветром, смела с палубы двух растерявшихся гребцов, *лодия* клюнула носом в волны и пошла ко дну.

Щука знала и о несчастье той женщины, чей безглазый череп и кости лежали теперь на отмели. Знала и о несчастье с двумя отроками, что взялись на спор переплыть плёс озерный, – и их кости ныне разметало по дну возле берега.

Щука была свидетельницей того, как на проплывающий караван судов с двух островных берегов кинулись лихие люди, секлись мечами и резались ножами, потом покидали мертвых в воду и уплыли прочь...

Щука знала тот берег, где по просеке в лесу на катящихся бревнах спускались в озеро те суда. Однажды сорвалось одно

из них, ринулось вниз и придавило зазевавшегося человека – ноги на берегу, а голова и тулово в воде.

Щука помнила и тот караван, во главе которого плыл княжеский стружок, а сам князь сидел в нём, как простой человек, свесив босые ноги к воде. На князе была *срачица* летняя из льняной ткани с расстегнутым воротом, с завернутыми до локтей рукавами, распояской, порты подвернуты до колен – просто был одет князь, под стать своим гридням. И *долони* у него, как и у гридней, были испачканы смолой сосновой. А те пели; пение их перекидывалось с этого небольшого судёнышка на большие *лодии*, что плыли следом; там среди прочего люда находился светловолосый длиннорукий дружинник с кудрявой молодой бородкой и синими девичьими глазами. Он первым спрыгнул на берег острова, когда *лодии* причалили, и первым принялся разводить костер, говоря:

- Встань, царь-огонь!

И огонь встал.

В тот раз щуке повезло; именно этот дружинник едва не поразил её насмерть на мелководье стрелой из лука, поранил щучье тело подле жабр. Она счастливо ушла, а он проводил её смехом, сказавши, что ещё добудет этакую-то красавицу, не уйти ей. А вот не добыл.

Много событий и случаев помнила и знала эта старая рыба! От великого знания туманом застилало её глаза, и взор становился тусклым. Однако если проплывала близко беспечная сорожка или окупёвая стая, старая щука, словно ставши вдруг молодой, стремительно кидалась вперёд – становилась подобной молнии или остроге, пущенной сильной рукой, и настигала добычу, после чего возвращалась на своё место между корчагами и опять погружалась в дремоту да в воспоминания и минувшем.

7.

И наутро дождь все сеял и сеял. Но Яр и его *малая дружина* не жалели о том; долгая дорога столь утомила их, что лечиться было желанно. Они продолжали спать; лишь иногда просыпались, переговаривались сонно, и снова засыпали. Так утомились во время долгого пути, что не чаяли и наотдыхаться, отоспаться.

Но вот дождь прекратился, разнесло тучу, стало светлее, облака поредели; можно и выбраться из-под елового шатра. Ог-

ляделись: небо чисто, озёрные дали ясны, лоно вод покойно, солнце блистает, на еловых лапах радужно посверкивают *дождевые капли*.

- Иные капли на елях рдяны, иные лазоревы, иные зелены или золоты! - говорила Малуша, любуясь. – Кто их развесил тут? Пока мы спали.

Липица омочила руки в траве, потерла лицо – умывалась так. Устя, оглядываясь на неё, сделала то же. А Яр до пояса разделся, забрёл в воду по колено, плескал себе на грудь, на плечи, в лицо и фыркал. Устя с улыбкой понаблюдала, сказала:

- Ты словно лось... или тур. Так и следует звать тебя: Буй Тур Яр Вышатич

Она, не таясь, любовалась им. Забрела в воду следом и стала плескать ему на спину, смеялась.

- Ай! – вдруг вскрикнула она и выдернула босую ногу из воды – в плюсну возле самого малого пальца вцепился клешней рак, покачивался. Он был велик, с мужескую ладонь и тяжёл, будто камень - небось, мог перекусить клешней палец. Устя, морщась от боли, сняла его, хотела тотчас закинуть в озеро, рассердясь, но... посадила на спину Яру. А тот даже не охнул, словно не заметил того, продолжал омовение. Усатое и клешнятое страшилище соскользнуло с мокрой спины и шлепнулось в воду. Яр поймал его за усы и выбросил на берег, сказавши:

- Просится к нашей трапезе.

- А вон ещё, - показала Устя на дно: из-под камня видны были две большие клешни.

Яр приподнял камень, вытащил рака и тоже выбросил на берег. Вышел и сам на сухое место, лицо и грудь и шею вытирал *лопотиной*, какая подвернулась под руку, и опять Устя помогала ему, как жена.

А он занят был какой-то важной мыслью, сосредоточенно взволнован, оглядывался вокруг, и очень хорош был в эти минуты: лик светел, взгляд синих глаз ясен. И от всего его облика веяло мужеством и силой. Именно так подумали о нём не только Устя, но и Малуша:

«Очень хорош надёжа наш: ладен, силен... разумен, добр...».

Сказано было, что Малуша, может быть, впервые испытала острую ревность к Устинье, которая отирала ему мокрую спину и плечи.

Даже Липица посмотрела на него внимательно, как ранее не смотрела. А он не замечал этого. Он был полон заботы, соз-

нения того, что вот они пришли, и сейчас он узнает главное, что впереди...

8.

Между тем Малуша отошла в сторону и остановилась неподалеку, подняв руку – на ладони её уже сидела нарядная птичка: спинка зелена, хвостик черный с желтыми поперечными полосками, и брюшко зеленовато. Вид у птицы – словно это та самая, что садилась ей на ладонь и на берегу реки Оцы. Теперь же рядом с этой зеленушкой на ветке дерева качалась и порхала ещё одна, совсем такая же, только скромнее нарядом. С ними обеими разговаривала Малуша. Устя её окликнула:

- О чем толкуете?

Малуша сказала со смехом, что по птичьим вестям где-то не столь далеко отсюда и не столь близко некий человек, похожий на Злобку Скосыря, названного Хорём, попал в тенета, словно муха к пауку...

- Может быть, то и не Хорь, - молвила Малуша, - но сильно похож.

А что за тенета, непонятно было. Не такие же, какие ставят на летающую дичь!

- Угодил в неволю к кому-то, - пояснила Малуша, продолжая переговариваться с зеленушками. – Будет служить, как повелят.

А была почему-то весела, смеялась.

- Коли речь о Хоре, то почему и не о детине том, что похож на вепря? – спросила Устя. - Почему тот не угодил в тенета? Или он сам, как паук, взял в неволю своего товарища?

Того не сказала Малуша, хотя и знала что-то.

- Откуда ведомо птичке? – спросила Липица.

- Такова молва по лесу, – пояснила Малуша. – От птицы летящей к зверю бегущему, от зверя бегущего к гаду ползущему и к лягве прыгающей, к рыбе плавающей и опять к птице летящей да поющей. У них там много всякой молвы. Слышите, какой гомон в лесу? Слышите, как лягвы *кречетают*? Поют и песней вести передают!

Верно, птичьим щебетом полон был лес, и по закраине озерной перекликались лягушки.

Птичка с ладони её перепорхнула на ветку, а другая с ветки на Малушину ладонь и тоже принялась оживленно щебетать. Малуша что-то говорила ей одними губами.

- Они говорят, что у некоего бортника сын-отрок упал за-
мертво с дерева, с сосны бортной.

- Уж не у Некраса ли? - насторожился Яр.

- Того не знаю. Может, тут речь о птенце? Все бортники-
древолоазы становятся потом *дятликами*. Может, то птенец вы-
пал из дупла?

Но птахи сказали: нет, речь о людях.

И Яр, и Устя, и Липица погоревали, а Малуша более других
опечалилась.

- Что они ещё поведали тебе? – спросил Яр.

- Много всего. То ли медведь задрал вепря, то ли вепрь
напал на медведя – подышают оба... Некое село движется по
лесу, слово большой корабль по морю, и хочет осесть на новом
месте... Некий муж любитя со своей жёнкой... Отрок на свире-
ли играет в горести... Некие ловцы покарали вора... Во граде
шумство: тушат пожар – кузница горит... Старик с бородой, за-
вязанной узлом, залез на высокое дерево и взывает к богу...
Где-то не столь далеко от нас волоком тащат по земле лодии;
их три, одну уже спустили на воду.

- Куда они поплывут? – спросила Липица. – Не к нам ли
сюда?

- Того пичуги мои не знают. Позднее скажут.

Малуша и далее перечисляла лесные новости, то улыба-
ясь весело, то печалась.

- Как ты разговариваешь с ними? – спросили у неё.

- Как и с вами.

- Научи нас.

Подумав, она сказала:

- То не можно. Они не захотят.

- Отчего же? – ревниво допытывалась Устя. - Чем ты луч-
ше нас? Почему ты их избранница, а не мы?

- Тем, что это матери моя Лата и бабка Ясуня, - тихо сказала
Малуша. - Они стали птахами. Только я могу с ними говорить.

- Разумеют ли они тебя?

- Разумеют!

- А не верю я тому, - сказал Яр.

- Но я говорю правду! – обиделась Малуша.

– Ну-ка, попроси их спеть нам.

Малуша попросила. Птахи вострепнулись, вспорхнули обе
и сели рядышком на ветке; одна из них издала мелодичный по-
свист, и ещё, и часто-часто защебетала; другая ей вторила.

- Тьви-чъви-ти-ти-ви, - начинала одна.

- Фиорри-фиорри-тень-тень, - вторила другая.

Первая издавала длинную трель, а вторая вставляла в неё короткие посвисты.

И Липица, и Устя засмеялись от восхищения. И Яр улыбнулся.

- Они со смыслом поют или просто щебечут?

- Со смыслом.

- О чём же?

- А вот что солнышко светит, что свет в дождевой капле сияет, ветерок веет - о том и поют.

- Всё, как у нас, - сказала Липица с печальной улыбкой. – И мы о том же поём. Кто у кого научился?

- В них души равно как людские, - напомнила Малуша.

- Ещё бы и летать нас обучили! – сказала Липица. - То-то было бы славно! Полетела бы я, полетела...

- Куда, сестрица? – заботливо спросила Малуша. – Небось, на реку Тану, к отцу-матери?

- Отца и матери нет, осиротела кругом. А на Тану-реку полетела бы, так. Видеть её хочу, водицы из неё испить.

- Не печалься. За сиротами боги призрят.

- А вот сестрица моя живёт в Червень-граде, её выдали за тамошнего владетельного человека, они возьмут меня под крыло себе. Да как до них добраться?

Яр, услышав это, опять подумал: «Эта птица залетная в моей стае... Не удержать... Что ж, она вольна...».

И опять с обидой и даже ожесточась: «Да не держу я никого!».

А Малушины птахи перепорхнули друг через дружку, попрыгали на ветке, покрутились вёртко, очень смешно приседали, топорща крылышки и продолжая при этом весело щебетать.

- Вот дивно! – сказали Устя и Липица в один голос.

Яр смотрел на Малушу внимательно, словно хотел перенять её умение.

- Нет ли у нас зёрен либо крох хлебных? – спросил он. – Этак и на мою *долонь* сядут, и я поговорю с ними.

- Нет, мой надёжа, не тщись, - молвила Малуша с улыбкой и покачала головой. – Мои птахи на чужую руку не сядут.

Он не настаивал, только сказал:

- Тут птахи не пуганы. Небось, и звери тоже. А коли ты разумеешь птичью речь, то познай и звериную.

- Заячью, медвежью, мышью, - подсказывала Устя.

Птахи уже вспорхнули и улетели.

Сказано было, что *лепота* проступала на лице Малуши в это время, словно свет солнечный сквозь пелену облачную.

- Не смотри на меня так, мой надёжа, - сказала она Яру, улыбаясь. – А то сердце у тебя усохнет, забудешь обо всех, меня одну видеть будешь...

Но ни Устя, ни тем более Липица не испытывали к ней ревнивого чувства. Они и сами любовались ею. Она же любила пошутить.

* * *

В конце главы этой, где поместилось описание подводного царства, было зачем-то вставлено и даже вклеено два листа, исписанных убористым мелким почерком, резко отличным о соседнего писания. Почему именно в конце этой главы? А наверно как противостояние *озёрному владыке*...

*Если раньше не был гениален,
Гениальным становлюсь теперь,
Словно в мир, который нереален,
С изумленьем открываю дверь,*

*И душа, к неведомым пределам
Устремляясь в неземной полёт,
Словно бы изъятая из тела,
В напряженье радостном поёт.*

Не без удовольствия и раз, и два прочитал я эти стихи: когда открывал книгу и принимался читать, тоже ощущал, что душа моя отправляется в полёт к неведомым пределам...

За стихами поместилась молитва:

Отче наш, иже еси на небеси. Да святится Имя Твоё, да пребудет Царство твоё, да будет воля Твоя...

Глава тридцать первая. Злодейство.

Шайка разбойников идёт по замки. Луна смотрит на них. Обоз во дворе Гюргея Чика. Лошадка Ветреница. Схватка. Злобка Скосырь утёк в Червень-град. Шестак Малыга продолжает сватовство. Братья Рукославици отказывают жениху Малыге.

1.

Разбойники шли с вечера до полуночи. Ночь была неверная, переменчивая: то вдруг подует ветер, то утихнет; то наплывут облака, закрывая лунный лик, и откроют его снова. Ночная птица кричала откуда-то из чащи лесной, кого-то о чём-то предупреждая.

Злобка Скосырь ясно видел: когда полная луна выходила из-за облаков, она зловеще улыбалась. Он то и дело оглядывался на неё с беспокойством: почему она так недобра нынче? Настораживал и этот лунный лик, и крик ночной птицы, но он ничего о том не сказал сотоварищам.

Трава стала сыра, и сырыми стали листовые ветки деревьев, чуть тронешь - роняли капли росы. Разбойники поёживались на ходу. Шагали молча, лишь иногда перекидывались краткими суждениями.

Первым шел Лосёнок, он знал дорогу лучше прочих, потому как днём его посылали проведать, как и что, и он тут ходил не один раз.

За ним шёл Нелидко, слегка помахивая топором, у которого *на закрежке клин железный*, — он не ловок был стрелять из лука и на лихое дело всегда брал с собой топор:

- По ночам кого *стрелить* — темно! — не раз говаривал он. — То ли дело топор! Тут не промахнёшься.

Но нынче было временами так светло, что лук пригодился бы и Нелидко.

- Надо было брать их в пути, - ворчал он.

- Восемь возов, - напомнили ему. — При каждом по два сторожа, да ещё хозяин с кем-то. При них и *лучие стрелебное*, и мечи, и рогатины, и ослопы... Нас шестеро, их втрое более. Не одолеть

- Надо брать не числом, а храбростью, - стоял на своем Нелидко и поигрывал топором. — Их втрое числом, но они робки. Трус их одолел бы, как только выскочили б мы из оврага.

Вот Немир, тот был с луком, на плече нёс льняное вервие — вязать кого-то или товар в рогожу. Немир из лука мог попасть белке в глаз и хвастал, что даже комару в глаз попадёт.

И Лосёнок тоже был с луком, но больше для важности, толку от него в бою мало.

Чюрило сказал:

- Брали мы купцов... шли по воде на *кубарах*... средь бела дня брали... увязали их и сложили, как снопы... никто не воспротивился... смиренны были, словно овцы.

- Надо было и этих брать в пути, - угрюмо повторял Нелидко. - Выскочить из леса – и топором по головам. Дело верное! Самые смиренные – это мертвые. Нечего жалеть!

- И сейчас будет всё ладно, - утешил Шушпан, хотя и не был столь уверен.

Шушпан шёл с коротким бердышом и с железной гирькой на ремешке из сыромятной кожи. Он очень ловко умел управляться и с тем, и с другим. Мог и человека завалить, и лошадь, и медведя, коли случится.

А Злобка Скосырь шагал налегке сзади всех – у него ни *лука стрелебного*, ни топора, всё это он намерен был взять в разбое. Он изначально решил вперед не лезть, пусть другие молодчество показывают. Самое главное - при дележе быть первым.

Помимо прочего, все имели при себе по ножу засапожному, а у Шушпана даже два..

Вышли к малой речке Вырице, дальше – берегом к реке Тиксне. По-прежнему небо было облачным, но иногда *внезапу* показывалась луна, то хмурилась недобро, то улыбалась зловеще.

«Чего это она? – тревожно думалось Злобке Скосырю. – Что-то знает наперёд.. нам не скажет».

При ясном лике луны становилось светло, а коли скроется, наступала крошечная темнота. В темноте этой уже к полуночи вышли к Выселкам Порецким, упёрлись в загородь из поперечных жердей; за нею угадывался низкий амбарец, угадывалось и гумно, и стодола.

- Лосёнок, ты верно ли нас привёл? – проворчал Немир

Отрок был в недоумении, вглядывался в темноту: с той ли стороны подошли. Опять показалась луна, легли непроглядные тени, но в Выселках Порецких высветилось всё: и жилые дома, и дорога, и мост через Тиксну.

- Подворье Гюргея там, - указал Лосёнок.

Он уверенней пошел вперёд, прячась по теням. Опять попало им прясло из жердей, потом канава с водой или ручей, потом куст...

2.

Разбойники вышли, наконец, ко двору Гюргея Чика. Собака там взлаяла. Затаились. Шушпан знаками показал Лосёнку: иди, мол, уйми пса. Лосёнок ушел. Собака залаяла громче, потом замолчала. Через малое время Лосёнок привел её *на верви*, Злобка Скосырь приласкал, но Шушпан вдруг ударил пса по голове железной гирькой и поразил.

- Не надо бы, - опасливо пожалел Лосёнок.

- Молчи! – рыкнул на него Шушпан. – А не то и тебе голову расколю, как орех.

- Не лютуй, - осадили его.

Осторожно, по теням от деревьев приблизились они, постояли у загороди, приглядываясь. Жилая изба была молчалива - значит, и хозяева, и гости улеглись спать. Сладко спится после медовухи да сыты! И путь был не близок, утомились и люди, и лошади. Во дворе стояли повозки, прикрытые рядниной да рогожами. Возле них лошади дремали или хрупали траву, наваленную тут для них охапками.

- Ох, добры кони! – шептал Немир, загораюсь. – Ох, добры!.. Как хотите, а одну или двух я уведу с собой.

- *Не жадай*, - сказали ему. - Не велено.

- Опять у тебя Страм в брюхе урчит, - сказал Чюриле Шушпан. – Испугаешь даже коней.

- Гляньте: Ветреница, - зачарованно молвил Немир. – Мне ли её не знать! Скачет легко – словно ветром её несёт. И как *велелепа*! Глядеть – не наглядеться.

И смотрел на неё, как замороженный, забыв, зачем пришли.

Лошади забеспокоились, когда разбойники, раздвинув топорами толстые плахи забора, проникли во двор. Одна из них всхрапнула вдруг, дернулась и ударила копытами в оглобли, раскинутые по земле, - это и была Ветреница: Немир был уже рядом с нею, ласково похлопал по шее, по крупу, успокоил. Он, как сказано, *слово знал*: шепнул ей в ухо, она и успокоилась. Он любовался ею, и было чем любоваться: лошадка молода, тонконога, чиста, со звездой на лбу.

А тень Шушпана подалась к крыльцу избы, он припёр дверь то ли оглоблей, то ли жердью. Чюрило уже проверял повозки, шепча товарищам:

- Тут жито... тут *железо кричное*... тут овчины...

А Злобка Скосырь уже колдовал над замком лабаза.

Вдруг из сенника вышел человек, окликнул:

- Кто тут?

К нему метнулся Нелидко, ударил обухом топора в темя, человек упал, глухо простонав. На соседнем подворье взлаяла визгливо, злобно собачонка. Разбойники опять замерли. Да что стоять! Чего ждать? Дело надо делать.

Злобка Скосырь отпер замок, стал поспешно раскрывать дверь – она громко заскрипела. Разбойники опять приостановились каждый по-своему: один согнувшись, другой в полный рост. Слушали. Потом успокоили друг друга знаками и поторопили: живей! Вошли в лабаз и на ощупь определили: здесь Мамчилов сундук! Укрыт рогожами, *увязан вервием*. Выносили его втроём: сам Злобка и Чюрило с Нелидко.

Злобка махнул рукой Шушпану, показывая: открывай ворота подворья. И эти ворота заскрипели.

Откуда-то из темноты вдруг вывернулась соседская собачонка и опять визгливо взлаяла. Немир ударом ноги перекинул её через забор, она предсмертно завывала. Тут на беду луна вышла из облаков полным ликом и осветила всё ясно.

Собачий визг обеспокоил кого-то в доме Гюргея Чика. На крыльце стукнуло, скрипнула половица, кто-то, ворча, торнулся в дверь – приперто! - громко сказал:

- Гюргей, вставай!

Голос хозяина подворья отозвался из жилой избы невнятно.

- Лихо у нас! – крикнул с крыльца тот, что толкал дверь изнутри.

У соседнего дома скрипнула калитка, там слышались мужеские голоса. Злобка присел в чёрную тень лабаза, где крапива да *евшан*, то есть полынь-трава.

«Худо дело: начинается шумство, - сообразил он. – Тихо не сумели...».

Дверь крыльца распахнулась от удара изнутри, выскочили сразу двое. Немир не промедлил, стрелил из лука в одного из них, попал в грудь. Нелидко метнулся ко второму, ударил топором, да не попал по голове, в плечо угодил - человек этот отшатнулся к стене дома со стоном:

- О-о!

Из дома с криками «Лихо!» стали выскакивать один за другим и гости, и хозяйева. Началась суматоха. Злобка Скосырь пал в *евшан*, выглядывал оттуда, как сурок. Он видел, что у одного из выскочивших в руках топор, у другого ослоп... Свистнула

стрела – это Немир опять стрелил из-за повозок, но промахнулся.

Нелидко ударили тележным курком по голове, и он упал, раскинув руки. Страхоликий Чюрило отбивался топором, на него наседали двое. В другом углу двора Шушпан отмахивался гирькой на ремне, но к нему подступали с вилами с двух сторон.

Пугливая лошадка Ветреница сорвалась с привязи и ша-рахалась по двору, беспокоя других лошадей. Опять свистнула стрела, но чья, не понять. Шушпана пырнули-таки в живот вилами, метнув их, как копье, но он не упал, только согнулся и продолжал отбиваться. Лосёнок заверещал – его вязали возле крыльца, заламывая за спину локти. А у Нелидко выбили из рук топор, ударив по *деснице* ослопом, но он *шуйцей* выхватил нож. Однако тут его поразили по голове жердью, и он упал.

Немир же отбросил лук, вскинулся на спину Ветреницы, ударил её пятками в бока и выскакал за ворота - слышно было, как, удаляясь, замирает топот копыт.

Откуда-то с улицы подбегали ещё люди...

Все было кончено.

Злобка шмыгнул по *евшану*, подобно змее, хотел перелезть через загороду крепкую, но было так светло, что его заметили бы непременно. Он ступил ногой на что-то и вознесся одним махом на крышу лабаза, тут залег.

Он видел, как уложили в ряд на земле уже мертвых Чюрила и Нелидка. Шушпан лежал на боку, скорчившись в крендель и стонал. К нему подошли сразу двое, вынули из руки гирьку на ремне - кистень, пнули ногой в бок со злобой и этой же гирькой ударили по голове – Злобке Скосырю почудилось, как голова треснула, словно орех... или горшок глиняный.

Еще трое мертвых было – один из них Гюргей Чик, над ним уже рыдала жёнка.

Мамчило сидел, прислонясь спиной к стене дома, положив руку себе на плечо. Отнимет её, вытрет кровь о порты и опять приложит.

Лосёнок скулил у ворот, связанный.

Злобка Скосырь чаял лишь об одном: как унести ноги. На его счастье луна скрылась, словно сжалась над ним, и в наступившей темноте он соскользнул с крыши, перекинулся через загородь и быстрее зайца, быстрее лисицы, быстрее самого ветра скакнул через канаву и проломился через кусты в лес.

3.

Опять долго плутал Злобка Скосырь по лесам, не ведая, куда идти, как спастись. Шёл всю ночь до утра, утомился, подремал, прислонясь к дереву, сидя на сыром мху. Опять встал и пошел.

«Надо было тихо всё делать! – снова и снова корил он своих сотоварищей. – Тихо надо было делать! Шушпан – ослоп... а Нелидко – дубина стоеросовая. И не к чему было Лосёнка брать с собой: теперь он о всех расскажет».

Вот к кому испытывал Злобка острую зависть - к Чюриле:

«А Чюрило-то ускакал, ускакал... Увёл такую лошадку! Да за неё на любом торгу немало дадут».

Он ошибался: в суматохе той не понял, что ускакал не Чюрило, а Немир, так что позавидовал хитрый Хорь не тому человеку, кому следовало завидовать.

День разгорался вёдреный. Злобка был голоден и зол. Он попадал в непроходимую чащу, поворачивал туда и сюда, выходил в мелколесье, которому, казалось, не будет конца-краю, опять углублялся в лес. Сидел тут, опасливо озираясь. Он слышал не раз медвежий рёв совсем недалеко от себя, и волчий вой ему чудился. Он вздрагивал всем телом, когда на пути его вдруг из-под ног взлетала, шумно хлопая крыльями, птица. Лес казался чужим, губительный лес.

В середине дня, шагая бездумно и бесцельно, он угодил в великую топь. Сам не мог понять, как так случилось: попал в гиблое место. Вокруг были только чахлые сосенки да слабые редкие кусточки, на кочках росли кустики багульника, густо пахнущего, - голова кружилась от этого дурмана и больно стучало в висках. Между кочками стояла вода с клочками зеленой да желтой пены. Обопрешься ногой на кочку, а она вся уходит в топь. Вот на вид надежный холмик, а ступишь на него – окажешься по колено в болотной жиже.

Зыбко всё, под ногами колыхался как неверный настил - как над пропастью. Страх властно овладевал Злобкой. Хрустнула и переломилась под рукой кривая стволина, он покачнулся, сделал торопливый шаг, чтоб не упасть, и провалился в болотную жижу по пояс. Ухватился за ствол ближней берёзки – она вынималась с корнем! Дотянулся до сосенки – и сосенка подалась к нему от слабости своей.

Однако же кое-как выбрался, но на десной ноге не оказалось сапога. Искал в болотной жиже, уже нашел, а топь затяги-

вала его снова...Как он выбрался из болота, осталось для меня загадкой, равно как и то, как он оказался на каком-то судне.

Сказано было, что он сошел на берег с *насада*, то есть с некоей лодии с насаженными (*нарощенными*) бортами. Не просто сошел, а спихнули его, сопроводив смехом и ругательными словами.

Что с ним было перед тем, долго ли он плутал по лесам да болотинам, как он вышел к людям и кто его выручил, теперь уж не узнать.

И оказался Злобка не где-нибудь, а в Червень-граде. Он стоял на пристани, рядом шумел торг... *приспе утреннее время*.

- Покажи, чем тороват, гость заморской? – крикнули ему жёнки из торгового ряда.

- Не продашь ли порты? Шибко ладны.

А порты на Злобке и грязны, и рваны, едва срам прикрывают. Они же продолжали:

- Ишь, идёт, словно гоголь по воде плывет

- Словно *чайца на струях*.

- Повеждь нам, откуда таков?

Злобка Скосырь, не отвечая, озирался. Ему сказано было:

- А коли у человека очи мигают часто, у того ума нет, ум у него семо и овамо переменяется.

Словно сороки трескоташа, те жёнки, вовсе осмеяли Злобку. Он же не знал, куда от них деться, как отбрехаться. Со всем растерялся... Потом умилились они:

- Отведай моего пирога с клюковкой, добрый молодец.

- Отведай моей сыты – слаще не бывает.

- Ратиславко! Вон гость прибыл, будет от него прибыль.

- Подарит тебе ему порты – женихаться будешь.

«Быть беде, коли нет серебра при бедре», - уныло подумал Злобка и вздохнул.

4.

А в это время в Червень-граде Шестак Малыга продолжал своё сватовство. В случае удачи всё выстраивалось ладно: и жёнка у него будет красавица, и родня в помощь: братья понравились ему. А потому решил он не скупиться с подарками.

Перед тем, как отправиться к Рукославичам снова, отпер Малыга окованный медью ларь, достал отрез ткани заморской и

шаль с узором из диковинных птиц и деревьев, еще хотел взять перстень с рдяным камушком, но передумал: успеется.

На судне его в этот день сторожем был Тезя – он никуда не отлучался, только подрёмывал, лёжа на подстилке из шкуры бараньей. Шестак пнул его ногой в бок, погрозил кулаком:

- Гляди у меня! Не пускай никого на лодию, ино пришибу, как звора.

- Не нудись, хозяин! – беспечно отвечал ему Тезя. – Тут сторожей много, на каждом судне по одному да по двое. А без моего позволения и муха не пукнет.

- Где Бугрец?

- Малый кафтанец ему шьют, пошёл примерять.

- Вернётся хмелён – отвесь ему по шее два раза. Скажи: я велел.

- Будет исполнено, хозяин: по шее три раза. Один раз в придачу – от меня. За то, что пил, да нас не позвал.

И вот Шестак отправился по плотницкой слободе от реки вверх. Шёл с подарками, а под полой кафтанца имел плетъ из жил говяжьих со свинцовым оконечием - это для обороны, если дерзновенные братья Рукославичи учинят над ним насилие кулачное.

Шестак Малыга явился перед огорожей, где кустились *леторосли* на пнях. О *крушке каменной* и не вспомнил, а готов был на любые унижения и подвиги, лишь бы увидеть еще раз Любаву да поговорить с нею. Пусть глянет на него ласково, и чтоб засмеялась так же, как в тот раз... Он уже видел её накануне, но была она не одна, а с женой одного из братьев, поговорить не удалось. Она глянула на него вскользь и засмеялась чему-то.

И вот он постучал. Его увидели со двора братья Рукославичи: они обшивали амбарец свой берестой, широкими её платами. По их грозному виду Шестак понял, что быть ему сегодня от них битую, но упрямо нагнул голову и постучал ещё раз.

Когда дверь в огороже отворилась, Шестак смиренно, однако же и с достоинством опять сказал, что принес поклон свой Любаве Рукославне, просит принять. При этом словно нечаянно развернул ткань – это был лёгкий струящийся шёлк... Братья переглянулись, кулаки у них разжались. Они спросили, кто он такой, почему столь дерзок в настойчивости своей.

На этот раз Шестак был более красноречив, он отвечал, что отец послал его на струге поторговать в верховых городках русских, что он впервые в Червень-граде, но его с почётом при-

нимал и набольший человек Коротил Яскович и что его знает Братко Сухорук и кое-кто из прочих *лучших людей* как человека достойного. И, сказавши так, протянул свои подарки со словами:

- Коли мне самому негоже передать это Любаве Рукославне, передайте вы, братья.

Бородай с Покором опять переглянулись, даров не приняли, но сказали:

- Что ж, заходи, молодец степенный, потолкуем.

В дом не повели, нет, - пока что не сочли достойным такой чести. Пригласили сесть на лавицу возле ворот. Для гостя не почетно, однако Шестак и тому был рад. Он вступил во двор с опаской, оглянулся на дом. Ставни опять были распахнуты, но в окнах никого. Или там всё-таки кто-то есть, и смотрит?

Толстую тёсаную лаву младший из братьев шутейно обмахнул шапкой: садись, мол, гость дорогой. Сели - Шестак посреди, братья по сторонам, в пол-оборота в гостю. Огромная, словно медведь, свинья с поросятами приблизилась к ним, один из братьев отпихнул её ногой, она отошла неспешно, словно отплыла ладья от пристани.

- Ты в женихи метишь или как-то иначе? - спросили братья у Шестака. - Может, ты возжаждал купить сестру нашу, словно овцу из стада?

Вопрос был таков, что при дерзком ответе ослеп братьям пригодился бы.

- Хочу в жёны взять, - сказал Малыга, словно топором по бревну хряснул.

Братья переглянулись.

- Известно ли тебе, молодец степенный, что сестре нашей всего шестнадцати годков, и рано ей замуж?

Шестак отвечал, что о летах её ведать не ведает, а известно им лишь то, что любя она ему, по сердцу пришлась. Так любя, что и жизни нет без неё.

- Давно ли? - поинтересовались братья.

Шестак лукавить не стал, а прямо признался, что увидел сестру их лишь несколько дней назад: и так она посмотрела на него, словно в сердце заглянула да там и осталась.

Младший из братьев, Покор, хмыкнул, а старший, Бородай, сказал, что надобно девку отстегать вервию тугим, чтоб впредь на пришлых не зрела.

Тут на крыльцо вышла молодка, кою видел Шестак на торгу вместе с Любавой, уперла руки в боки и сказала, что негоже

сидеть праздну, когда работа стоит, когда и всякая птаха трудится. Это была младшая из братниных жён. Её муж, Покор, сдвинул грозно брови, она же засмеялась от такой грозы и ушла.

- Я из пришлого стану здешним, - смиренно сказал Шестак Малыга. - Дом в Червень-граде куплю или поставлю. Лавку на торгу обрету. А Любаву в шелка одену!

Братья переглянулись, младший старшему что-то шепнул, старший в ответ кивнул, и видно было, что подобрили к незваному гостю. Шестаку же казалось, что из тёмных сеней через распахнутую дверь кто-то смотрит на него, и кто же, как не Любава свет Рукославна? Он опять словно нечаянно развернул кусок ткани – она струилась у него в руках! Пусть из сеней видят, пусть оценят его щедрость.

5.

Далее поговорили с ним братья о дожде ожидаемом, о рыбе, ловимой в разных местах реки Ольги, о дальнем бедствии: мрут люди от страшной болезни, которая выкашивает целые селения, и как бы мор не докатился и до Червень-града. Шестак не сказал, что сам он из тех мест – зачем пугать людей! А о себе подумал, что чист от болезни, а иначе умер бы в пути, равно как и работники его. Они же здоровы: Тезя спит себе на струге, похрапывая, и снятся ему сны самые живые, не мёртвые: чарка хмельная да жёнка толстая, веселая; а Бугрец о новом наряде помышляет...

«Бугрец-то кафтан себе заказал, - мимолётно отметил Шестак. – Кого-то улестить хочет... как и я».

Братья всё время испытующе поглядывали на гостя. Шестак опять попросил их позвать сестру, чтоб он вручил ей подарки свои, но они ответили отказом: негоже девице принимать подношения от чужого человека. Что люди подумают? А подумают, что падки-де братья Рукославичи на даровое, и осудят. Хуже нет людского осуждения! Да и ему не след быть *наглодушным*, такие люди в Червень-граде не в чести..

- У нас тут народ на руку дерзкий. За *наглодушество* могут и проучить кулачным боем.

Это они пошучивали. Разговор же шёл уже вполне дружеский.

В заключение беседы этой Рукославичи пообещали поговорить с сестрой, после чего наведаться к нему на судно для продолжения знакомства.

- Мы – плотники, - сказали они о себе. – Надумаешь дом строить, позови нас. Хоть терем княжеский, хоть купеческие хоромы, хоть дом, вроде нашего, или просто лабаз для твоего купеческого товара – всё можем! А про девку нашу забудь, она тебе не пара. Ты приглядишься, у нас в Червень-граде и гораздо *лучше* есть – и дородней, и разумней.

Хоть и отказывали жениху-свату, но надежду ему оставляли.

- Мне *лучше* не надо, - отвечал им Шестак Малыга с упрямством. – Только она, и никто более. Жду вас нынче под вечер в гости к себе...

- Ишь, занетерпелось... Нельзя так поспешно, - отвечали Покор с Бородаем. – У нас работа, её уважать надо, бросать нельзя ради праздного разговора, а то ведь во иной раз она и в руки не дастся. Придем как-нибудь... вот праздник случится, так отчего и не погоститься!

Ушёл гость от них приободренный. Ничего не приобрел, но ничего и не утратил: подарки нёс назад. Ничего, авось их потом примут с уважением. По пути вздыхал: «Лучше мне в её окне затычкою быть, сем сиротою...».

* * *

Всё, описанное в главе этой – суть злодейство или просто действие не от большого ума, а от малоумства.

«*Дьяволы ухищрения и соблазны*», как верно пометил тут о. Кирилл.

Но и в этой главе, и в предыдущих, равно как и в последующих, тут и там умещались где-нибудь с краю листа или между строками малые картинки, подчас ничего не поясняющие и как бы не имеющие отношения к тому, о чём в этом месте повествовалось:

упавшее дерево придавило медведицу, а двое медвежат, напрягая все свои силы, поднимают его, чтоб освободить мать. Какое напряжение в их туловах, в их лапах! Они поднимут дерево, поднимут! Да и не уловка ли это медведицы, желающей испытать своих детей? Она смотрела на них отнюдь не с выражением боли или отчаяния, а этак хитровато: мол, погляжу-ка я, на что вы способны, детки мои.

тонкая паутинная сеть натянута через всю страницу, концы нитей зацеплены за буковки. В паутине этой запутались и рыбка,

и птичка, и шмель, и сосновая шишка... и тут же паук с паучихой, обнявшись, сидят у гнезда, из которого выглядывают паучата...

дятел выдолбил на стволе силуэт своей подруги, а та сидит в дупле - словно хозяйка дома выглядывает из окошка, улыбается...

медведь умыкнул красну девицу к себе в берлогу, угощает мёдом из борти принесённой... красна девица в шубейке лапчатой, из шубейки выглядывают голые плечи и ещё кое-что...

муравьиный дом с многочисленными ходами-переходами, комнатками, закоулками, и обитатели его, кажется, сейчас разбегутся из книги во все стороны... муравьи, а так похожи на людей!

а вот не *люди* ли малое - одни сидят за столами и пируют, другие хлопочут по хозяйству, третьи гуляют, церемонно взяв друг дружку под руку или за руку...

и не забавно ли: сидит на облаке, свесив с него ноги в лаптях, скучающий бог, а рядом распряженная колесница, на поднятых вверх оглоблях, подпертых дугами, висят три хомута, и три гривастые лошадки гуляют рядом... к колесу прислонен лук, из колчана выпали три оперённых стрелы, напоминающие молнии... небось, это Илья Пророк?

Надо ли пояснять, что рисунки эти отмечались химическим карандашом не всегда одобрительно?

Глава тридцать вторая. Терем на острове Клич.

Яр на острове. Таинный схрон братьев Вышатичей. Воспоминания. Рыбка снеть и травка сныть. Разговор четырёх огней. Яр и Устя охотятся на вепря.

1.

- Оставайтесь здесь и ждите меня, - повелел Яр и отправился по берегу озера налегке, босым.

На нём была только рубаха, порты да пояс, на котором нож в кожаном чехле, и топор он всегда держал в руке, не расставаясь с ним. С поясом этим, кожаным, широким, он тоже не расставался.

- В нём головы царские, - сказал он однажды, усмехнувшись.

Там у него было зашито несколько золотых монет, но он их не показывал: крепко зашиты.

Идти по берегу оказалось непросто: если по закраине, то на мелководье густо рос тростник; а если берегом, тут валежник и кусты, и ельник. Яр топором делал неуловимо лёгкое движение - отсекал то, что преграждало ему путь

«Сделаю тут торную тропу, – деловито подумал он. – Однако я не ошибся: здесь, как и прежде, безлюдно, вольно».

Когда вышел на излучину берега, увидел: навстречу ему от большого плывут один за другим два лося. Над головами их летали чайки, словно намеревались сесть.

«И свить гнездо», - усмехнулся Яр.

Лоси не ожидали встретить тут человека и не видели его; они вышли на берег недалеко, почти рядом, и, мотая головами, фыркая, скрылись за деревьями, за тростниками. Слышно было, как шагали они берегом, по приплёску - трещал сухой валежник; потом опять вошли в воду и поплыли – на материк, где твердь земная полуостровом вторгается в озеро. Яр мог бы перехватить одного из лосей на их пути – была бы славная добыча! - но не захотел. Другая забота владела им.

Он постоял на мелководье, глядя на озёрный плёс, на ближний остров: всё тут так же, как сохранила память, ничто не изменилось. Мир здешний оставался таким, каким был десять лет назад. Эти годы как бы выпали из его жизни, и концы обрыва соединились.

«Пусть и не будет того, что осталось позади, - подумал он. – Забыть, забыть...Надо жить, как если бы я только ныне родился на свет».

2.

Он разделся и переплыл на большой остров, держа в десной руке над водой топор и одежду. Там, далее, за широким проливом будет остров ещё больший, нежели этот, а на нём малое озерцо, но туда Яру пока было не нужно. Однако же им владело такое чувство, что всё это его собственная вотчина, и он вступает во владение ею, он *вокняживается* тут. Да, именно так: он *вокняживается*.

Выйдя на берег, он оделся и стал пробираться кустами, взмахивая взблескивающим топором - место тут низкое, песчаное, деревья не росли, только кусты переплелись в плотные заросли. Из ближних тростников утица взлетала, громко вскричав, шумно махая крыльями. Где-то рядом крякали вперебой сразу

две. Высоко вверху пролетал курлыкающий журавль. А ещё кликал лебедь с другого края острова.

«Такое место, - подумал Яр, – окликают друг друга. По-над озером, по-над лесом островным клик разносится далеко! Так было и прежде... Князь Родослав Добрынич велел наречь его так: остров Клич».

На косе песчаной, поднимающейся хребтом из озера, должно быть то, о чем он говорил ранее: «Для меня там припрятано... братьями Домажиром, Добровитом и Климятой». Они приплывали сюда уже после похода князя Родослава Добрынича, в дружине которого был прежде их младший брат Яр. Сохранилось ли схороненное ими?

Он пошел *ошую* и поднялся на гору – это была коса длинная, поросшая поверху соснами, с песчаными осыпями с обеих сторон. Её отделяла от острова обширная заводь, заросшая по краям тростником и покрытая широкими листьями того, что растет в воде. Тут плавали утицы, квакали лягвы, то и дело всплескивала рыба, судя по этим всплескам, рыба крупная. Или это был бобёр?

Яр спустился к воде на песчаный свей, стараясь отсюда окинуть взглядом всю эту гору. Так шел, понизу. Потом поднялся и спустился с другой стороны к заводи, вспугнув кричащих утиц. Он не сразу отличил ту сосну, которую искал: братья говорили ему, что она должна быть могуча и двоеверха, но таковой не оказалось, а была велика, однако же одноверха. Подойдя ближе, Яр увидел, что вторая вершина той сосны приметной сломана порывом ветра, а другая опалена молнией, но оправилась, ожила.

Теперь он хотел знать, лежит ли возле этого дерева, у самого ствола, камень плоский со знаменем, выбитым на нём Домажиром. Широкими шагами отправился туда – нет камня... и тотчас чуть не воскликнул: есть! Вот он, травой позарос. И вот выбитый на нем *знаменный знак*: клюв птицы-змеи хищно раскрытый с острым языком. Этот охранительный знак как раз и оставили братья, о чём и сказали Яру. Думали сохранить добро для себя, а получилось - для него, для брата.

Яр перевёл дух, похлопал по камню ладонью, даже присел на него. Перед ним был крутой скат берега: именно здесь причаливал *стружок*, на котором приплыли его братья. Тут они и устроили *таинный схрон*. Яр знал, что именно в нем припрятано, однако всё время сомневался и тревожился: а сохранилось ли?

Посидев недолго на камне том, он спустился чуть ниже, куда уходили корни могучего дерева, раздвинул кусты - открылись прислоненные к обрыву коряги и подгнившие сосновые брёвна, стоявшие плотно один к другому. Он разобрал эти брёвна – открылся вход в землянку. Солнце заглянуло сюда вместе с Яром и осветило три ушата да три лагуна больших с крышками. Он, согнувшись, пролез в землянку, сунул руку в один из ушатов, нащупал холодное железо – здесь оно! Заржавело поверху, но хоть сейчас его в ковку. А в лагунах – соль; она окаменела, белой изморозью проступила сквозь дощечки-латы. За соль он боялся более всего, то есть был даже уверен, что не сохранилась она: могло размыть дождями. Но братья – мужи умелые и умные - выбрали для *таинного схрона* место сухое, сделали над лагунами и ушатами добрую укрепу и защиту от дождей, и от зверей, потому всё сохранилось.

Стены землянки забраны были брёвнами *в забор*, в углу стояли прислоненными *наковаленцо*, два молота, клещи и прочий кузнечный припас. Всё это ощупал Яр с удовлетворением и радостью, после чего вышел из тесной землянки на свет, заложил вход теми же бревнами, навалил хворосту, пригнул кусты и облегчённо вздохнул.

Он обратил лицо к небу, долго всматривался... Говорят, люди после смерти летают там... Если так, то Домажир и Добровит, и Климята видят его теперь и радуются вместе в нем: он нашел то, что искал, их добро не пропало без проку. Будет прок!

3.

Он опять присел на камень и вспоминал деда, отца с матерью, братьев...

Дед Гордыня был узкоплеч, но силен – *тягущой!* – весь из жил да костей. Он не любил сидеть праздно. Ему даже ночью снилось о том, что делает: охотился на медведя да на пушного зверя, бил острой рыбу, ставил тенета на птицу...при этом иногда вскрикивал - должно быть, в минуты особого ловчего азарта. Дома он тосковал, домашних хлопот не любил. Вдруг поднимется, скажет: «Пойдём, Ярунко!» – и отправится в лес. Шагал легко, споро, словно подгоняемый ветром, едва за ним поспеваешь.

«От него у меня лёгкий шаг», - сказал теперь сам себе Яр и улыбнулся.

С отцом своим Вышатой Гордыничем не пришлось Яру ни работать, ни на охоту хаживать. Отец был молчалив, затаённо усмешлив, с сыновьями то ласков, то строг. Вдруг протянет руку, погладит того или иного сына по голове, вороша светлые волосы, и станет грустен, скажет:

- Твоя младость – моя старость. Тебе расцветать – мне увядать.

Братья Домажир и Добровит были погодками, но оба одного роста и одинаковой стати, оба на одно лицо. И улыбались одинаково, и несловоохотливы были – в отца - и голоса их почти неотличимы, и волосы, и глаза. А Климьята – другой: волосом черноват, кудряв, нрава веселого. Вышата Гордынич спрашивал у жены своей:

- Росица, где ты мне такого нашла?

А та сердилась и отмахивалась: посмотри, мол, на братьев моих.

Самым любимым из братьев для Яра был Сторонька, младший. И неведомо почему любим! Просто потому, что младший. Он так славно улыбался, так охотно смеялся! Не было у братьев жён... не осталось их детей... От всего рода – только он, Яр. Теперь подумал о том – помрачился ликом.

4.

Стремил Яра ещё одна забота здесь, на острове Клич: а не поселился ли кто-нибудь тут ранее? Вспомнилось, как плыл с князем Родославом в его дружине, как остановились у этого острова, как причалили струги. Тут лес славный - сосны над песчаным окатистым берегом.

Теперь не без труда пробрался Яр к этому месту, чутко прислушиваясь и отмечая: нет тут троп, нет людских следов, разве что звериные. И вот он, залив, чистый, не заросший тростником – именно здесь стояли когда-то *лодии* князя Родослава Добрынича. Можно даже угадать бывшие тропы, что вели от места причала в лес. Здесь на поляне построен был князю *теремец*, невелик, но достаточно поместителен и крепок. Построен на скорую руку, обыдёнкой. Но слишком много времени прошло, чтоб сохраниться теремцу: десять лет. Небось, разрушился, а то и сгорел по чьему-либо умыслу или недосмотру..

Но опять Яр ошибся: за деревьями, по *закустовью* увидел и вспыхнул радостью: *теремец* ещё стоял! Он стал пониже, потемнел, обступили его *жалища* да малинник, на нижние венцы

сруба напозлали мхи. Крыша из тёсанных осиновых латок тоже поросла мхом, а над углом выросла молоденькая кудрявая березка. *Теремец* стоял и ждал своего хозяина!

Хозяин в воодушевлении тотчас принялся за дело: срубил кусты, подступавшие к стенам и крылечку. Рубил сердито, словно гневаясь на них, как на врагов, осаждавших город, и так же сердито вырывал с корнями крапиву да малинник. Расчистив, ходил вокруг, постукивал по бревнам. Они отзывались тугим звоном – значит, не погнили. Крылечко чуть покосилось, и нижние ступени утонули во мху, но входная дверь была нетронута.

Он вынул деревянный засов из проушин в двери, переступил порог, остановился. Сумеречные просторные сени были перед ним, и *присенье*. Тихо, словно крадучись, прошел в другой дверной проём: тут была тоже сумеречная палата с лавками вдоль стен, при двух оконцах – это гридница. На грубо сколоченном длинном столе мелкий прах лежал, пыль; тот стол был сделан на недолгое пользование им. А на этих лавках и на конике сиживали и спали ближние к князю люди; сам же он располагался в горнице – это рядом. Вот ложе, на котором спал князь Родослав, и лавица вдоль стены, и окно. В проём оконный, в щель между ставнями, цвикнув, выпорхнула птаха – уж нет ли тут её гнезда? В углу у пола неслышно мелькнула тень. Яр успел поймать взглядом гибкое тело рыжей ласочки; она именно мелькнула и исчезла, как бесплотная тень.

«Ишь ты, *домовейко*, - догадался Яр. – Принял такой облик... Не покидал жилья, ждал... не меня ли?»

Он откашлялся, давая о себе знать, с поклоном молвил приветные слова к невидимому *домовейку*. В ответ – лёгкий шорох под полом. Услышал домовейко - небось, рад: что за сласть быть одному

Яр огляделся. В красном углу поставлена в рост доска. Он знал, что с обратной стороны доски той тёсаной вырезана голова некоей птицы с хищным клювом, с гневным оком, с грозной бровью над оком, с длинным языком – это знаменной знак князя Родослава Добрынича. И опять же: письмена крупно, сверху вниз по доске той – имя князя.

Молчаливые сумерки отстоялись в теремце, то есть очень тихо было - так зимой и летом, из года в год. Тонкий луч солнца пронзил эти сумерки и малым пятнышком лёг на пыльный пол, медленно истаивая. Другой лучик высветил паучьи тенета в углу и самого паука, терпеливо поджидающего свою добычу.

Постояв, Яр вышел вон. Растворил ставни оконцев, впуская внутрь солнечный свет и веяние ветра. Опять вошел и оглядел все комнаты. Поднял с полу какой-то пыльный лоскут, пожал плечами, не поняв, чему он принадлежит: это был истлевший клочок меха... кажется, беличий. Ещё поднял с полу деревянную *пугвицу*. Положил и то и другое на подоконник. Потопал, проверяя прочность пола – в комнатах отдалось эхо.

«Строение доброе, - решил Яр. – Можно жить...»

5.

На обратном пути он срубил несколько сухих деревьев, сделал плот, увязав его крепко ивовыми прутьями. На этом плоту переплыл на малый остров и закорил плот у самого берега *пехальным шестом*. Сойдя на берег, разделся и вошел в воду, а та была так ласкова, так желанна!

Поплавал, фыркая и ныряя, словно зверь водяной. Потом посидел немного, чтоб обсохнуть, оделся и быстро сладил из сухостоин мосточки, к которым и причалил плот.

На этом плоту переправились потом все они на большой остров. Яр привел спутниц своих к *теремцу*:

- Тут будем жить.

Они же осматривали это жилье с удивлением и любопытством, обходя кругом.

- Кто его строил?

- Я! – с гордостью сказал Яр, но поспешно добавил. - Не один, а со товарищи. Могу показать мои брёвна – те, что тесал я. Вот моя затесь... и вот... и вот...

Яр хлопал ладонью по стенам, словно добрых коней по шеям да холкам.

Сёстры с осторожностью вошли внутрь, оглядывались и, не мешкая, принялись хлопотать – выметали пыль и мусор из *теремца*, обмахивали углы в нём, паутиной оплетенные...

А Яр ходил вокруг с топором своим и вырубал то, что будет мешать – крапиву, таволгу, кусты, малые деревца.

- Надобно, чтоб солнце заглядывало в окошки, сушило стены, - приговаривал он.

- Ты обещал родник, - напомнила ему Устя.

- Раз обещал, будет, - сказал он. – Пойдем, покажу.

Он уверенно прошел сквозь лесные заросли, спустился к озеру и здесь в низинке, верно, сочился родничок. Он именно сочился, сквозь пелену из хвои и сосновых шишек.

- Слабосилен, аки младенец, - сказал Яр с улыбкой.

Но Устя была охвачена иной заботой. Она оглянулась назад, не идет ли кто следом, и обняла его, напоминая:

- Ты муж мой, не забывай о том.

На этот раз он сказал ей с необидной строгостью:

- Девицу украшает скромность.

- Таковой и буду, но не вдвоём, - возразила она со смехом и ластилась к нему опять.

- Увидят нас, - остерёг он.

- Кого ты боишься? Уж не Липицы ли?

Тут хрустнула ветка неподалёку, и голос Малуши послышался:

- Гляньте, вон гнёздышко чьё-то! Небось, малиновки.

- Надо помочь родничку-младеню, - сказал Яр и принялся за работу.

Пока Устя с Малушей делали ямку на том месте, где сочился родник, пуская пузыри - истинно словно младенец! - Яр срубил дерево, разделил его на брёвнышки, из них сложил малый срубец, его и поставил над тем местом, где водяная жила. Замутил сильно, пока делал, пришлось пригоршнями отчерпывать мутную воду. Устя между тем сплела из бересты корец для питья. Малуша расчистила русло, выложила камешками, по ним и побежал ручеек. Когда водица очистилась, черпали её берестяным корцом и пили...

6.

Теремец преображался на глазах. Новые его жители выскоблили и вымыли с дресвой полы и в гриднице, и в горнице, и в сенях с присеньем... развесили по стенам да разложили по лавицам свою одежду, Малуша воскурила некую травку – запахло *благими вониями*. Липица принесла цветов охапку, разложила по лавицам да на подоконниках, снаружи украсили березовыми ветками окошки и крылечко.

День разгулялся жаркий, а войдешь в покои – тут сумрачно, однако же воздух чист, запашист, лёгок.

Вот только *едобных запасов* не стало у них. Похлебали *овсяной заболтки* - в последний раз, кончился и этот запас. Переглянулись: каждое брюхо просило иной, не столь лёгкой пищи. А из иного только травка *снять да дядель*.

- Этак живы будем, но дерева не срубить и бревна не поднять по немощи, - сказал Яр с усмешкой.

- С такой *ествы* и не до любовных утех, - добавила Устя. – Откуда сил взять!

Малуша укорила подругу:

- Ах, Устинья! Стала ты вовсе *бесстудна*.

- А я не княжеского роду, я девушка простая, - отвечала Устя со смехом. – А что шучу так, то жёнке не в укор, а в похвалу. У шибко скромных детей не бывает.

Липица, слушая их, лишь улыбнулась застенчиво.

- Ишь, наша княгиня, какова скромница! – шепнула Устя Яру. – Себе на уме. Тебя приваживает.

Он не отозвался, только подумал: «Если бы так! Небось не высматривала бы себе при каждом случае иной путь. Она не прельстилась ни мною, ни озером светлым, ни островом, ни теремом этим...».

В середине дня он случаем подбил палкой взлетающую с гнезда утицу, тотчас её поджарили на вертеле и съели, и опять нет ничего.

- Тут много такой рыбки, что не вырастает более, как *мизинный перст*, - сказал Яр. - То рыбка *снеть*. В иную пору её можно ловить руками: хватъ – и в пясти сразу несколько. Из *снети* варят кашу, со *снетью* пекут пироги.

- Не поминай про пироги, мой надёжа, а то брюхо затоскует, - попросила Малуша.

- Рыбка *снеть* да травка *снить* одолеют и недуг, и смерть, - вторила ей Устя.

Малуша тотчас пошла к озерной заводи и ловила там головным платом, загоняя к песчаному берегу, этаким бредешком, мелкую рыбку, словно бы вчерашним дождиком просеянную. Слышно было, как она там увлеченно ахала и повизгивала. Принесла рыбной мелочи не много, не мало - хватило на похлёбку.

А Устя сходила туда, откуда Яр утицу принёс, бродила по камышам, нашла два гнезда утиных, однако яйца были уже насиженные, для *ествы* негодные.

Яру не до *ествы* было – трудоусердствовал, не унять. Он *удобливал теремец* и вокруг него: прорубил тропы в лесу к озеру и к роднику-студенцу, сделал над ним *накрышку*, чтоб не падали в срубец хвоя да *листья*, да мелкая летающая живность, расчищал поляну перед жильём, готовил дрова для костра.

- Мой надёжа, тут борть! – возгласила издали Малуша.

Верно, на берегу сосна дупловатая, над нею вьются пчёлы. Откуда медок носят? А небось с мелколесья, что по берегам, да с цветущих трав по полянам.

- Пусть трудятся, - сказал он. – Будут и они с мёдом, и мы. Будем соседствовать безобидно.

- Мой надёжа, ставь на них вот такое знамя, - сказала Малуша и нарисовала на земле знак, похожий и на пчелу, и на бабочку, и на некую птаху.

- Надо проще... и грозней, - Яр усмехнулся. –. Чтоб никто не тронул.

- Сколько может быть меду в борти? – заинтересовалась Липица.

- В ином пуда полтора, а то и больше, - отвечал Яр, подумав.

Малуша тотчас озаботилась:

- Пойдёшь добывать мёд - отвар тебе сделаю, а не то пчелы изжалят.

- Пчелка мала, но воительница храбра, - остерегла Устя.

- Надо пучок зори, да маники два пучка, да пучок роману, да милисовой травы, да ещё маярсу...

- Меня пчела не победит, - Яр пошевелил плечами. – Я её одолею. Не впервой мне мёд брать.

- Изжалят, мой надёжа, болети будешь.

Он отмахнулся. И был охвачен заботами, говоря себе:

- Надо кадь под мёд учинить... Хоть бы месяц по ночам светил, я б и ночью их ладил!

Он ходил по острову, выбирал самые прямые сосны да ели и валил их, и ошкуривал сразу же: пусть сохнут – пригодны будут и на мыльню, и на лабаз, и на омшаник...да и башенка над теремцом покривилась, не влезешь на неё, надо новую воздвигнуть.

Конечно, *дерево к созиданию подобает, чтобы было сечено в начатке зимы, потому что от стужи в ту пору выступает из дерева всякие мезги и лишние мокроты.* Но не станешь же ждать зимы...

- Зима строго спросит, - говорил он сам себе.

Малуша была зорка, приметлива, словно сквозь землю глядела, потому угадала глиняный пласт под лесной подстилкой, показала Яру:

- Мой надёжа, годна ли она для очага?

Он помял в руках комок:

- Коли для очага не будет годна, то для иного дела, небось, сгодится.

Взамен сторожевой башенки над теремцом, он наскоро сделал к самой высокой сосне лестницу. По ней поднимались все поочерёдно. Оттуда, с вершины, открывался вид на озеро во все стороны – простор такой, что дух захватывало.

Озеро было пустынно. Нигде по берегам не видно было *насельного места*, не плавала ни одна лодка.

- То и хорошо, - сказал Яр удовлетворённо.

А Липица задержалась наверху дольше всех. Она стояла там, вглядываясь в даль.

7.

Под вечер муж добр торжественно провозгласил:

- Теперь разведем святой огонь.

Таковым считается только тот, что не от кремня да огнива. Яр выстругал из сухого дерева некую *мutowку*, её сильно крутил в сухой стволине. Труд этот не всякому по плечу! Малуша стояла рядом, приготовив сухую былинку, чтоб та затлелась в нужное время.

- Встань, царь-огонь! – приказал запыхавшийся Яр.

Дымок воскурился под его руками. Яр снова ожесточенно и опять приказал – громче и повелительнее:

- Встань, царь-огонь!

И огонь встал.

- То-то, - удовлетворённо сказал огню человек, его добывший. – И впредь буди мне послушен.

А огонёк был поначалу подобен малому ростку, проклюнувшемуся из зернышка. Малуша стояла над ним, закрыв глаза, и шептала какой-то заговор. Устинья и Липица подкладывали былинки, потом малые прутики и веточки – это чтоб каждый был причастен к рождению святого огня.

Огонь возрастал по мере того, как возгорался от былья травного сухой *дровяной нащеп*. А когда возрос довольно, сели вокруг него, и Яр сказал сурово:

- Вот и водворились мы. Теперь настало время совет нам держать: как быть дальше. Одной ли семьёй, разойдёмся ли... С чего начали на берегу Оцы, к тому ныне вернулись.

Он обвёл всех строгим взором и обратился к Липице:

- Я вижу, ты не останешься здесь. Как мыслишь жить далее?

Липица сказала:

- Благодарю тебя, Яр Вышатич, что не чинишь надо мной насилия. И вас, сёстры, благодарю за привет и ласку. Вы меня вывели сюда, а там, в лесах, я пропала бы. Тут же ходят купеческие корабли... Я надеюсь с ними спуститься вниз, до Червеньграда или далее, до Таны-реки. Там у меня брат, он меня не оставит своей заботой.

Яр наклонил голову:

- Быть по сему. Я обещал тебя вывести к людям и сделаю это согласно твоему желанию.

Он вздохнул, и словно невидимая стена встала между ним и Липицей. Посмотрел на Устю – та тотчас подвинулась к нему:

- Я с тобой...

Он кивнул, иного от неё и не ждал. Липица сказала:

- Отпусти со мной Малушу. Без неё мне как? Вы останетесь вдвоём, вы сильные. А мы слабые, будем помогать одна другой.

- Согласна ли ты? – спросил он у Малуши.

Та отвечала тихо:

- Я ей нужнее.

Липица тотчас поклонилась ей:

- Благодарю тебя.

Теперь невидимая стена воздвиглась между Яром и Малушей. Он помрачнел ещё более.

- Пусть они идут, - тихо сказала Устя ему. – Мы с тобой сильные, Яр Вышатич. Отпусти их.

- Я не держу, - сказал он. – Вы все свободны. И ты, Устinya, когда захочешь, сможешь уйти.

- Я не уйду, - решительно сказала она. – Разве что прогонишь силой.

- Нет, не прогоню, - отвечал он.

Так они объяснились.

Затем они встали все, разделили костёр на части и разнесли по четырем сторонам и долго стояли возле них, тихо переговариваясь. Дров тут было в изобилии, пламя во всех четырех кострах поднималось высоко, а искры взлетали до вершин сосен и выше, и там исчезали. Не они ли пополнили сонмище звезд на небе? Уж очень густо вызвездило в ту ночь.

Тишина стояла загадочная, потому Яр и его спутницы были молчаливы, после чего ушли в *теремец* спать-почивать.

Уже в сумерках настилали в гриднице сухого тростнику для ложа. Яру определили то ложе, на котором десять лет назад спал-почивал Родослав Добрынич.

- Коли заскучаешь или зябко станет, позови меня, я согрею, - сказала Яру Устя, зазорясь.

Но он не позвал.

8.

Когда они спали, был разговор четырех огней.

Один сказал:

- Я восстал, братья, по воле этого человека. Он меня позвал.

Второй сказал:

- Теперь не пребывать нам в ничтожестве. Мы будем жить, ликовать и торжествовать. Он дал нам жизнь, мы его дети!

Третий сказал:

- Призвавшего нас зовут Яр-Огонь. Он наш покровитель, но и слугитель нам. Он будет питать нас и беречь.

Четвертый сказал:

- И он, и эти девы - добрые люди. Подарим им наше тепло и свет.

И далее они говорили по череду:

- Да не угаснем, братья! По ночам будем уходить в угли, спрячемся в золу, чтобы утром вспылать ярко.

- Попляшем и пошумим, попрыщем искрами во все стороны!

- Яр-Огонь соединит нас, поселит в своем терему. Будем жить в очаге, ибо это достойное нам жилище.

- Нам ли бегать по лесу, подобно диким зверям! Мы будем обитать тут, рядом с этими людьми.

- Яр-Огонь любит нас. Положимся на его любовь.

- И на нашу верную дружбу с ним.

- Но если придет ветер и рассердит нас – быть пожару!

- Яр-Огонь разумен и того не попустит.

- Да исполнится!

Так они говорили, а лес молчал, слушая их. Безмолствовало и озеро.

Ночь опять была тиха.

Снова из недр озёрных, из самой глубокой глубины его пробивался мерцающий свет... при нём иногда проступали очертания

ния неких палат... в них скользили неясные тени... и раздавались чьи-то голоса.

9.

На другое утро решили: довольно кормить себя только травкой *снать* да рыбкой *снеть*!

- Легче всех мясо есть *вепревина*, - сказала Устя, вздохнув.

- Так, - согласился Яр. – Быть по-вашему, пойду и добуду вепря.

Он хотел идти один, но Устя твёрдо заявила:

- Хочу быть с тобой.

И отправились вдвоём. Переплыли на плотике туда, где дождь *посеял жито* – остров Житный. С него перебрались и на озерный берег. Отсюда шли в солнечную сторону прямо, друг за другом, слушая птичьи голоса и примечая звериные следы.

Мелколесье тут, но местами дружно поднимались высокие сосны; вокруг них густой кустарник, трава высока, идти трудно. Повернули *ошую* и так шли, повернули и *одесную*, опять шли, чутко слушая. Две красавицы-сороки долго сопровождали их, извещая весь лес, куда и как движется пара двуногих существ - людей.

Вышли на *круглицу(на поляну)*, всю в цветах, тут сели отдыхать. Устя тотчас приласкалась к мужу:

- Что делаешь со мной, когда обнимаешь, – сама себя не помню.

- Верно Малуша сказала, - отвечал он. – Ишь, огонь в тебе пылает!

- А в тебе?

- Как не загореться!

- Хочу, чтоб было у нас дитё. Чтоб был сын - умён, проворен, ловок, смел, удачлив... как ты

- Иному откуда быть!

Они тут любили друг друга. Устя досадовала на сорок, говоря:

- Не подглядывайте, бесстыдные...

Но тотчас забывала о них, как и обо всем на свете. Упрекая сорок в бесстыдстве, сама была бесстыдна в любовных утехах и ненасытна. В самозабвении и смеялась, и плакала, и кричала...

Опять отдыхали, совершенно обессиленные.

- Рожу тебе сразу двоих, - сказала она. – То и Малуша мне предрекла на прощанье.

Верно, накануне, когда оказались одни, Малуша, внимательно посмотрев на Устю, сказала:

- Да берегут тебя боги! И пусть берегут тебя все добрые духи.

- Что это ты? – Устя смутилась

- Чреваты жёнки медведю хлеба дают из рук, - загадочно продолжала Малуша. – Да рыкнет – девица будет, а молчит – отрок будет. Поди, Устинья, к медведю в лес, узнай, кто родится у тебя.

Устя ей с сомнением:

- Рано еще.

Пламень отразился на лице её.

- Про то я знаю, рано ли, - возразила Малуша. – Вот глянула в глаза твои близко и так думаю, что родишь двойню... но в том боюсь ошибиться.

Опять посмотрела ей в глаза, пошептала что-то про себя и решила:

- Ан двойня будет у тебя, сын и дочка.

Устя лишь посмеялась на её предсказание, не веря. Мало ли что говорит эта выдумщица! Но тем не менее была обрадована.

10.

Шли дальше, *наострив и зрение, и слух*. Довольно часто попадались им тут тропы с чёткими отпечатками вепревых копыт и взрытая земля – паслось целое стадо, а обнаружить зверей не удавалось.

Пока ходили лесом, и раз, и два примечал Яр на соснах поселения пчелиные, делал затеси для памяти. Пчела залетела ему в волосы и жужжала, того гляди ужалит. Он отбивался от неё, а Устя на этот раз не обороняла его.

- Отбивайся сам, Яр Вышатич. Я боюсь пчёл... и мышей, и пиявок. Вепря не боюсь, а эти страшны мне.

Так они ходили до полудня и, наконец, Яр услышал в отдалении знакомое глухое похрюкивание, повизгивание. Остановились, он влез на дерево: вепрево стадо паслось в дубняке. Он послал Устю пойти с наветренной стороны и там кричать и стучать палкой по стволам деревьев, а сам пошёл и сел в укрытие

со стороны подветренной, возле натопанной зверями тропы за вывороченным с корнем деревом...

Он верно рассчитал: Устя стала кричать да стучать, обеспокоенное стадо двинулось тропой по узкому логу, как раз на Яра. *В тож время услышаше лоскот и сапание по лесу, понеже вепрь уstraшен и раздражен бежа на него.*

Он пропустил вожака, выбрал вепря молодого, топор его мгновенно описал сверкающий круг и угодил зверю точно за ухо, в основание черепа. Вепрь рухнул в куст, а стадо, ускорив бег, с шумом и визгом скрылось в лаговине. Яр уже вынул засапожный нож, чтоб *выпустить черевы вепревы*, да оглянулся вокруг – где взять лозин, чтоб перевязать ноги убитого зверя да где вырубить шест, на котором нести добычу.

Но далее случилось ...

Что-то затрещало в чаще, на пути стада, уходившего прочь. На его пути оказалась Устя...

Она не успела даже испугаться. Всё произошло в одно мгновение: огромный вепрь-вожак возник перед нею, опрокинул её и скрылся. А мимо в треске и шуме ломаемого валежника прошли иные, не замечая поверженную Устю.

А что было далее? И о том повествовалось в книге, но я тогда не успел прочесть.

* * *

А далее, в середине книги, довольно ровное повествование вдруг словно бы раскололось, как зеркало, на крупные и малые осколки; они поместились в следующей главе беспорядочной кучей, так что трудно было, читая, выстроить всё согласно смыслу. Там было и о людях из веси с названием Посад, и о жителях Червень-града, и об Овсяниках во Льяных дворах да волхве Потворе, и о новых поселенцах на приболоченном с одного края озерце Половинном, то есть о Млад-Воинко и Радиме, и, конечно, о Яре Вышатиче – почти обо всех, кто так или иначе поместился в повествовательном пространстве книги.

А причиной такому разделению стал небесный огонь, подобный змею с круглой головой (говорили потом, что можно было рассмотреть и огненные глаза, и зубастую пасть с острым языком), с длинным хвостом... Он вдруг промчался по небу с великим громом и пал на землю – так падает хищная птица на добычу. Его видели и слышали, не могли не видеть и не слы-

шать, равно как и ощутить вздрогнувшую землю. Голова огненного змея перед падением разделилась на несколько глав – он стал истинно многоглавым, тот Змей Горыныч.

Да, именно из-за этого и раскололось повествование на малые части.

Глава тридцать третья. Небесный огонь.

Малуша и Липица в лодии купца Ратмира Полочанина. Шестак Малыга и Каптелиница в Червень-граде. Камень из пращи Небесного Охотника над Воинком и Радимой. Камень тот в руках Воинка. Погребальный костёр и явление небесного огня над весью Льянные Дворы. Медведь и белый орлан.

Она мне часто снится, та книга. Великое коловращение жизни.

1.

А в эту пору Липица с Малушей плыли в большой лодии под парусом широким озёрным плёсом. Лодия та дивила их обеих: такого великого судна ранее они не видывали – оно было с плоским дном и широко распахнутыми бортами, то есть столь широко, что на нём могла разместиться, пожалуй, и сотница людей. Но на лодии их лишь десяток: сам хозяин именем Ратмир Полочанин, его младший брат Ладислав и гребцы числом восемь, по четверо с каждого борта.

Следом по пенному следу шли один за другим два струга с поднятыми парусами – то ли Ратмировы, то ли других купцов. Но ветер был невелик, паруса свободно полоскались, то и дело бессильно опадая. Потому гребцы на каждом судне налегали на вёсла

А Липица и Малуша сидели в носовой части лодии; для них сладили мягкие сиденья из плетёных корзин, покрытых овчинами.

Ратмир Полочанин - муж страхолюдного вида, со шрамом, рассекавшим его десную щеку и уста - обращался с гостями *вельми почтительно*. Липицу называл *госпожой* и величал отчеством – *Доброславна*. Малуша слышала, что ещё на берегу он говорил Липице:

- Госпожа, мужу твоему Злату Богуславичу обязан я жизнью своею и тем, что имею ныне. Коли он нас зрит сейчас, - тут Ратмир обратил лицо к небу, - то зрит и то, как я рад послужить

тебе и тем отплатить за его добро. Я перед ним всегда пребуду в неоплатном долгу. Он тебя почитал за ум и красоту, называл, знаю, Красавой... И я почитаю, госпожа.

Тут он поклонился.

- Повелевай мною, всё исполню.

И она повелела: раз купец повезёт свой товар вниз по реке Ольге, то чтоб взял её с Малушей с собою до Червень-града. А иного им ничего не нужно.

Гребцы в лад неустанно махали вёслами, изредка переговариваясь. Сам Ратмир с братом расположились на корме, у руля, зорко оглядывая берега. Судно вошло в створ, где река Ольга вытекала из озера.

Липица и Малуша сразу заметили, что люди на лодии чем-то *сумнительны*, одни хмуры, другие веселы, и между ними *пря*. Что-то произошло как раз перед тем, как на *лодии* оказались Липица и Малуша. И гребцы, и хозяева переглядывались, перекидывались краткими и малопонятными суждениями. Кто-то кому-то противоречил, несогласие царило тут. Лишь чуть позднее среди прочего хозяин лодии Ратмир сказал Липице, что-де накануне пристал к ним на волоке человек лихой. А приехал он верхом на коне, без седла, охлюпкой, и попросился взять его на судно, потому как надобно ему спуститься вниз по реке Ольге.

Прочитав это, я подумал: не разбойник ли Немир доскакал до них на Ветренице? Но Немир вряд ли так легко расстался бы с лошадкой той.

Человек тот коня продал жителю побережного селения. Ратмир взял человека того на лодию с условием, что станет он гребцом: тот в руках крепок, долони широки, как у земледельца, и по тому, как взял в руки весло, видно, что оно ему привычно.

Сначала-то он был вовсе не лих, тот человек, даже смирен, *умеренно потребне зрил, беседование вёл в светле лице*, потому к нему обращались с радостью. А потом, когда уже плыли озером, беседование его с гребцами стало смущать их да и младшего Ратмирова брата Ладислава тоже. Назвал себя тот человек каким-то непривычным для слуха именем, таковое, вроде бы, обиходно в греческих землях, в странах Царьграда.

Плыли он озером, среди островов - места дивные. И стал говорить тот человек о любви меж людьми, о царстве мира и согласия, о торжестве правды-истины, а ещё о том, что многобожие для людей есть не что иное, как заблуждение, потому как

Бог един. Говоря всё это, человек разгорячился настолько, что деревянного кумира с развевающимися льняными волосами и бородой и выбросил за борт.

- Тогда мы его самого выбросили за борт, - со смехом сказал Ратмир. – Взяли за руки, за ноги и метнули в волны.

- Он утонул? – со страхом спросила Липицы.

- То не наша забота, - важно молвил Ратмир.

- Утоп, - сказал один из гребцов.

- Нет, не утоп, - возразил другой. - Поплыл...

- Как топор, сверху вниз, - со смехом добавил третий.

- А коли утоп, то туда ему и дорога, - сурово молвил Ратмир, становясь к кормовому рулю. - Эй, налегай, налегай! Не языком греби, а веслом! .

- Нет, он поплыл, - не унимались гребцы. – Или нет?

- Сначала плыл, а потом, как налетел на озеро вихрь, то и захлестнул его волнами.

- Это Стрибог настиг его.

- Не хули богов, не людское это дело.

- Мы малы, мы ничтожны, мы слабы.

- Наше дело – взывать о помощи к ним, а не хулить.

Из-за того вихря они были вынуждены причалить к большому острову с подветренной стороны и остановиться, постоять, пока не улягутся волны. В эту-то пору и подошёл к ним Яр в сопровождении Липицы и Малуши. А когда отчалили, то Яр остался, а они поплыли...

2.

Лодии и струги вошли с просторного озёрного плёса в створ, где вытекает из него река и плыли теперь по ней.

Это была та самая река, к которой вывел Яр свою малую дружину, и о которой было сказано: эту реку с её бережными лесами хранил в душе своей Яр-Огонь Вышатич в пору скитаний на чужбине; это на ней он промышлял когда-то с дедом Годыней. Они плыли как раз мимо соснового бора, подступающего с обеих сторон, мимо того глиняного обрыва, где каменная осыпь. И Липица, и Малуша узнавали теперь те места.

- Сестрица, глянь! Вон блещут ключи-студенцы.

- А вон та берёза виловатая...

Они мимолётно загрустили обе.

Иногда Ратмир подходил к Липице, чтобы спросить, не надо ли чего. У него был запас всякой *ествы*: и мясо вяленое, и

рыба копчёная, и хлеб, и *забела* в горшке, и всякое *печеве*, и сладкая *сыта* в жбане, и мёды в горшках. Липица же преобразилась: она теперь сидела на плетёной корзине, как на княжеском месте, горделиво держа голову и вольно откинув руку на увязанный в рогожи мягкий товар. Малуша любовалась ею. Да разве только Малуша!

Ратмир Полочанин велел оградить их от прочих полотном парусинным, чтоб не было в их сторону назойливых взоров. Ибо гребцы были все мужи молодые, а вдова малого князя Злата Богуславича собой такова, что глаз не отвести. Липица с Малушей чувствовали себя на судне этом вполне укомно. Погрустив, они опять радовались.

Местами река была узка и отмели попадались на пути каравана судов. Иногда кто-нибудь из гребцов по повелению Ратмира становился у борта с *пехальным шестом*. Сам он встал на носу, а Ладислава поставил у кормового руля. Днище лодии иногда, слышно, чертило по песчаному дну.

Малые волны ласково похлопывали внизу под днищем *лодии*-плоскодонки. Вёсла плескали. *Чайцы* кричали. Парус на мачте лениво шевелился от малого ветра. *Лодия* двигалась тяжело, но величаво.

И вот тут зоркая Малуша первой увидела огненную стрелу в чистом небе, различила даже и то, что та была не одна, а целый пучок стрел, оставлявших за собою белый след. Небесный огонь, появившись откуда-то из невообразимой небесной выси, пересекал чистое утреннее небо, разделяясь на стрелы. Некоторое время спустя, гром прокатился из края в край – казалось, от него вздрогнула вся земля и озеро плеснулось в берега.

Гребцы на *лодии* перестали махать вёслами, тоже смотрели вверх. Липица, услыша гром, сказала недоуменно:

- Тучи нет... откуда быть грозе?

- Боги бранятся меж собой, – тихо сказала Малуша. - Мечут звезды, *аки* яблоки или камни... прыщут стрелами огненными.

- Друг в друга?

- Добрые боги злых загоняют под землю, во тьму, - объясняла Малуша. - Те иногда поднимаются из мира *мгленного* и вступают во брань со светлыми небесными богами, тогда идут рать на рать..

Она говорила это с полной убежденностью. А Липица сказала:

- То наши русьские боги ратятся с богами ромейскими да греческими, да египетскими, да юдейскими.

- Не суди их, - предостерегла Малуша. – Услышат – прогневаются.

Много непонятного да загадочного с этими небесными владыками. Как узнать их волю? Как угадать их повеления? Какovy они собой? Спускаются ли они на землю? А если нет, то почему? Разве тут было бы худо им? А коли живут на небесах, то что их там прельщает? Дивный *сад-виноград* со множеством деревьев, усыпанных сладкими плодами? Текущие светлые воды? Поющие птицы, которые услаждают их слух. Многообилие цветов? Есть ли то на небе?..

О том говорили Липица с Малушей, сидя на купеческом судне Ратмира Полочанина, а гребцы прислушивались к их беседе.

«*Истинно язычницы*, - написал тут химический карандаш о. Кириллa. – *В темноте невежества и во грехе погрязают!*»

3.

Далее было про Червень-град и про Шестака Малыгу.

На самом краю слободы плотницкой в заулке стоял дом весёлого, справного вида: нижние венцы из крепких брёвен, *горнице на подклете жилom*, рядом колодец с журавлём, крепкий забор подступал по берегу к самой реке, выгораживая заводь, тут мосточки для хозяйственных надобности – черпать воду, полоскать что-либо, тут отмокали бочюрки липовые для солений.... Место укромное, давно обжитое.

В весёлом доме жила вдова Каптелиница. Хозяйство своё вела она другим на зависть, с соседями уживалась советно. Тут употреблено было слово «поважать»: мол, соседи её *поважали*.

Каптелиница-вдова была возрастом двадцати лет с шестью годами, телом дородна, нрава доброго, однако же строга и поведенья честного. Она владела *хлебнею*, в которой две нанятые *жёнки* выпекали *каравашек* под неусыпным присмотром самой Каптелиницы. А продавался он на торгу во всякий день – выносили в лубяных да плетёных корзинах под льняными платками, сама она и продавала. Про хлеб тот в Червень-граде говорили, что-де он *достойн еству*, то есть добрая слава была о нём. Во граде были и другие хлебни – в горончарной слободке, в кузнечной, в кожевенной; но только *каравашек* вдовы Каптелиницы подавался на праздничные столы, и никакой другой.

Это она, Каптелиница, спала на шубе *ильковой*, что на хорьковом меху, да в красной тафтяной рубахе, когда вошел к ней с улицы *некто* – о том упоминалось уже ранее мною... Этот *некто* был Шестак Малыга, пришедший спросить, нельзя ли приткнуть его струг в её заводь, что отгорожена от всех - тут место тихое, надёжное. И вышло так, что Шестак Малыга *поял вдовицу бесчестно, за что был бит ею лворяростно, в смиренности каялся и был прощён*.

А будучи прощён, *каким-то побытом* Шестак Малыга оказался в доме то ли гостем, то ли постояльцем Каптелиницы, сидел уже не где-нибудь, а *в красном углу*, то есть с почётом. А струг купеческий, доставшийся Малыге воровски, уже причален был в заводи, и всё добро с него перенесено и упрятано в амбарец Каптелиницы да в горницу её. Однако просьба Шестака к хозяйке повторялась и стала обиходной:

- Позволь, - говорил он, - поставить стружок мой в твою заводу.

И она позволяла.

Далее несколько строк было вымарано химическим карандашом раба Божьего Кирилла, я не смог их прочитать.

У Каптелиницы же было всякого припасу довольно. В жилой избе *лавки кругом тесовые с причалинами, и опечек, и поллавочки тесовые. На кровати накладка в тафте темно-гвоздишной, стегано на оба лица. В сенцах просо в кади, закромец ячменю... В погребах, и на ледниках, и на погребицах хлеб и калачи, и яйца, и забела (то есть сметана), и везде подметено, и вытерто, и не намочено, и не налито, и не нагрязнено, и не насорено...*

Упомянуто было, что рядом с горницей – *сени и присенье, и подсенье, и с вышкою, и с крыльцом, и с лестницею, и с надпогребным анбаром рубленным*.

И вот Малыга сидел за столом, оглядывался, дивясь тому, что на столе перед ним *накрытие столовое... и ества и питье...* Он заметил в доме серебряный светец, который был в повседневном употреблении, а это говорило о достатке вдовы Каптелиницы, о её хозяйственном благополучии, что подкупало детину всё больше и больше.

Каптелиница подносила ему чарку питья, бойко говоря:

- То мёд с девятисилом, жимолостью, щавелем... И с прочими травами, про которые отцы наши говорили... Бродило на солнце три дня да смешивала я его с молоком...

«Дуракам везёт» - пометил тут химический карандаш Кирилл, с явной досадой и завистью.

4.

Во граде том слышали дальний гром, а перед тем кое-кто будто бы даже видел пролетевшего огненного змея, и будто бы с несколькими головами, долгий хвост его ещё истаивал в небе. И змей, и гром были далеко отсюда и не пробудили великого страха в людях, только насторожились они, живо обсуждали происшествие.

- То Небесный Охотник прыщет стрелами.

- Или камни мечет из своей пращи.

Но большинство склонялось к тому, что это был всё-таки змей огненный.

- На торгу сказали, что где-то загорелся лес от упавшей молнии, - сообщила Каптелиница Шестаку Малыге.

- Лесные пожары от того и бывают, - с важностью отвечал он. – Коли на небесах великая гроза, молнии залетают к нам, как щепка от топора плотницкого, как малый уголь от костра великого.

Малыга сидел за столом и трапезовал, от сытости икая.

- Так ли? – усомнилась Каптелиница, но не ради того, чтоб перечить, а чтоб поддержать разговор: жена-поперечница и мужу не в честь, и себе в убыток.

Да и хотелось ей, чтоб гость этот водворился к ней не приبلудной овцой, смиренной да робкой – какая ей честь от того! – а хозяином, крепким как стена кремника.

- Лишь бы не на наше жилище упала, – сказал он, выволакивая из горшка ещё одну мозговую кость.

Шестак Малыга любил мослы и мозговые кости, а Каптелиница то знала, тем и угощала. Ей нравилось, как он ест, – сразу видно, что, не *щупливый*, а *солощий*, что ни поставь перед ним, всё слопает: истинно вебрь лесной, к тому же оголодавший довольно!

«А каков едок, таков и работник», - рассудила она, уже заранее зная, на какую работу его можно определить в хозяйстве вдовьем: у амбарца нижние венцы пора менять, ворота пошатнулись – надо укрепить.

«Запрягла, так теперь поеду», - подумала она с усмешкою.

Нравилось ей, как крепко, по-хозяйски стучит он по столешнице мозговой костью, выбивая из неё самое вкусное. Те-

перь отметила с удовлетворением, что он именно так сказал: «наш дом». Ибо жильё вдовицы стало уже и его жильём.

Она добавила к сказанному, что будто бы огненная стрела, отделившись от змея, ударила в остров, что ниже по течению, полонённый соснами, и весь тот лес выжгла. И будто бы на острове том лежал камень велик, теперь он расколот на части, разрублен, словно голова теляти на торгу в мясном ряду. При таком известии Малыга насторожился, встревожился и отложил лакомую кость: о каком острове речь? Не о том ли, где устроен им *таинный схрон*, в котором *и золото, и камни драгоценные*? Стал расспрашивать Каптелиницу, но та слышала лишь мельком и ничего определенного сообщить не смогла.

Он же подумал, что как огонь небесный ударил именно в тот камень... молнии всегда целят или в высокое дерево, или в камень на горе - и что если знают про камень, то уж кто-то его видел *своими очима* расколотым на части, *а поелику так, то и не нашёл ли кто схрона?*

Замерло, заныло сердце Шестака Малыги. Сам себя стал утешать: не может того допустить Лих, покровительствующий ему! Не может... Этак утешив себя немного, опять принялся за мосол. Однако так решил: пора, пора отправиться к острову да и забрать оттуда свой клад, чтоб схоронить понадежней. Поспешать надо.

Теперь уж не было в нём прежнего благодушия. Мучимый тревогой, Шестак Малыга встал из-за стола и отправился на торговую пристань: авось что-нибудь проведает.

Там было по обычаю многолюдно. Малыга прислушивался к разговорам, с важностью кланялся знакомым, перекинулся словом приветом с Братко Сухоруком. Тревога его не покидала и даже возрастала.

Вдруг увидел он совсем недалеко Любаву - она стояла с Незговором Сухоруковым, оба поглядывали в его сторону - не о нём ли говорили? Но теперь ему было не до неё, и сердце его не разгорелось ревностью. Сердечное томление так же легко угасло в нём, как легко и воспламенилось при первой встрече.

Показалось Малыге, что в толпе мелькнуло ещё одно знакомое лицо... да уж не Злобка ли Скосырь глянул на него и тотчас поспешил скрыться за чужими спинами? Неужто?.. Вот кто может разом порушить его благополучие! Слишком много знает лукавый, неверный Хорь, а коли скрылся с глаз долой столь поспешно, то уж что-то замышляет...

Шестак тотчас насупился и ожесточился сердцем.

Не знал детина, что уготовано ему судьбой и разорение, и позор...

На том и прерывалось повествование о Шестаке Малыге

5.

Весь же Льянные Дворы, в которой жили Овсяник Ворохабин с семейством и с родственниками, и с шабрами, ещё помнила Липицу. Да и как было забыть! После её загадочного исчезновения – ушла, не удержали и запоры! – ждали какой-то напасти, которая последует за не доброту к ней.

Но, может быть, месть её ограничилась лишь тем, что она сглазила Овсяника Ворохабина; он никак не мог оклёматься, обрести самого себя, пребывал в задумчивости, всякое дело валилось у него из рук.

- Гляньте, что случилось с моим Овсяником, - жаловалась жёнка его Улыба соседкам. - Ликом во все дни пасмурен, тоскует... Испортила та пришлая чаровница мужа моего.

Улыба повела мужа к волхву Потвору, чтоб снял чары. А Потвор и сам он под теми чарами. Лукавец этот сказал, что приходила во Льянные Дворы не просто жёнка, а ведьма *прелестного зраку* и была-де *неодолима*. Овсянику с его Улыбой это было и ранее ясно. С таким-то дивным взглядом, с таким-то голосом – кто перед нею устоит?

Не помогло и зелье Потворово, которым волхвователь снабдил Улыбу, повелев пить обоим по глотку перед тем, как лягут на супружеское ложе и после того. Овсяник зелье пил, но напрасно: взор его был устремлён в ту сторону, куда удалилась Липица, словно она непременно должна вернуться, и тогда воскреснет он духом, воссияет ликом. Но она не возвращалась, потому облик Овсяника был потерянный, что словно бы не в себе.

- Никакой утехой не могу утешиться, - повторял он.

- Глянула на него своим огненным зраком, - причитала Улыба. - Чарами своими околдовала, и вот места себе не найдет Овсяник мой, сна лишился, не до еды ему, не до питья.

Ясный лик Липицы так и стоял перед мысленным взором Овсяника, не отступая. Она ведь сказала ему тогда: «Захочу – будешь мне служить, как верный пёс». И Овсяник почувствовал вдруг со страхом и ликованием: так! он уже готов ей служить... Но она добавила: «Мне не нужны робкие слуги!». И ушла неведомо куда. Он теперь не увидит её во веки веков, никогда – от этого было у него чувство великой потери.

- Помоги мне, - просил он жену свою Улыбу. - Утешь меня. А как она его утешит, как поможет?

Улыба опасалась, как бы муж не отправился на поиски её неведомо куда, он уже заговаривал о том, обещая непременно вернуться.

- Я только увижу её, только глас её услышу, тотчас утешусь и вернусь с лёгкой душой.

И вот прокатился великий небесный гром, сотрясая землю, прочертила огненная стрела утреннее небо, озадачив и напугав всех. Тут Овсяник Ворохабин смутился и встревожился – не за себя, не за жену и детей своих, нет: а за ту странную жёнку? Испугалась, небось! Ведь совсем одна где-то в лесу... может быть, заблудилась? Кто за неё заступится? Кто её охранит? Сознание своей вины перед нею тяготило Овсяника Ворохабина: вовсе она не ведьма и не чаровница – беззащитна, слаба, ей надобен помощник, защитник да и кормилец тоже.

Он засобирався вдруг и ушел из дому якобы на охоту, а сам решил во что бы то ни стало отыскать Липицу. Он будет расспрашивать о ней всех встречных и выйдет на её след, и отыщет, и падёт к её ногам... На что надеялся? Совсем ум потерял. Легче отыскать пушинку, унесенную ветром неведомо куда. Леса вокруг неоглядные, лесные чащи непролазные, болотные мари... тут и там то медведь то волк, то вепрь. Его вдохновляло то, как велика будет его радость, если он её найдёт. Он найдёт её!

Вдовица Осеня, выдавшая огненную стрелу в небе, отправилась за толкованием этого явления и за советом к волхву Потвору. Ей тоже пришло в голову: уж не в гневе ли на них та приبلудная жёнка за то, что приняли неласково? Очевидно, что не просто. Ишь плутает одна... в этакое время. Ночевала в крепко запертом омшанике, из которого вышла неведомым образом, отомкнула запор... Явилась-то в смиренном облике, а теперь не по её ли велению пал небесный огонь на землю?

– Я отвращу от вас беду, ею насылаемую, - услышала Осеня от Потвора. - А коли появится у вас во Льяных Дворах снова, тотчас отведите ко мне, я ей суровый наказ положу.

Как же! Жди, появится она. Была б у неё такая забота.

- А пока что раздобудь и принеси мне мёду жбанчик, тогда и будет веси вашей добро, - заключил Потвор.

Сказавши так, лукавый волхвователь приласкал вдовицу.

6.

А далее в книге повествовалось о Млад-Воинко и Радиме.

Сгущение огня с длинным хвостом, рассыпающего искры и сопровождаемое громом, вторглось в лес совсем неподалеку от озера-болота Половинного. Оно было подобно дракону огнедышащему – он пролетел как раз над головами Млад-Воинка и Радимы и вломился в лесную чащу. Слышно было, как застонали деревья, и глухо отозвалась на удар земля. Им же подумалось, что огонь тот словно бы целил в домашний очаг их. Злое шипенье последовало с того места, где воткнулась огненная стрела – или что это было? – *листя дров вострепета*. Воинка и Радимы опахнуло горячим воздухом, как от костра, после чего наступила тишина. И птицы испуганно замолчали, и ветер замер, хотя только что шелестел листвой.

Помедлив, Млад-Воинко направился туда, где вонзился в лес сгусток огня. Он прихватил с собой топор – неведомо зачем, но с топором всегда лучше, чем с пустыми руками. Радима осторожно придерживала его за рукав: не ходи, мол, как бы не случилось с тобой худо. Он же упрямо мотнул головой, освободил руку и зашагал через кусты, через завал старых деревьев. Радима пошла следом на некотором расстоянии, но он обернулся, сделал ей повелительный жест рукой, останавливая: пусть ждёт его, тут не женское дело.

Через некоторое время послышались удары топора по дереву. Потом стало слышно Радиме, как дерево повалилось. И опять топор рубил.

Радима ждала. Воинко вернулся, держа в руках оплавленный камень величиной с кулак: не простой камень – очень тяжелый и *ноздроватый*. Они осматривали его, дивясь, передавая из рук в руки, – он был ещё тёплым и походил на кусок железа, недавно выхваченный из горна и побывавший в лагунке с водой. Оба то и дело оглядывались на небо – там белый дымный след ещё виден был, но истаявал.

- Вот что мечут боги, когда бывает гроза, - тихо сказал Млад-Воинко. – Я никогда не видывал, а теперь знаю.

- Так, - кивнула Радима. – Но ведь сейчас нет грозы! Небо чисто.

- Боги вольны метать камни в любое время...

- Зачем?

Воинко лишь пожал плечами.

Потом, уже в другом месте рукописной книги, а по времени – через несколько лет, рассказывая об этом происшествии, Радима уверяла, что *видела* *среди* *облак* *Небесного Охотника* - *мужа роста великого, с пращей в руке*. Он бежал там, в заоблачной высоте, преследуя золотистую лань... или то был иной зверь, с названием коего она затруднялась.

То видение, говорила Радима, было очень кратким, но она успела отметить благородную осанку Охотника, его блистающие глаза, сияющие золотом доспехи и *перстаты* на обеих руках, и *камение рдяное на обруче налобном*.

Млад-Воинко верил ее рассказу... но это было потом.

А пока что они рассматривали прилетевший снаряд... конечно же, он был из пращи Небесного Охотника.

- Иногда небесный огонь, зовомый молниєю, попадает человеку в темя, пронзает по становому хребту до пяты, и сквозь пяту уходит в землю, - сказал Млад-Воинко.

- И человек станет чёрен, как земля, - подтвердила Радима.

- А если попадет в дерево, раскалывает его от вершины до комля и обращает в уголь.

- Но то молния, просто огонь, а не камень небесный.

- Если же камень ударит в землю, в месте том пробьётся родник и побежит ручей.

Так они переговаривались между собой и поглядывали вверх, гадая: что там случилось, на небесах? И ждать ли оттуда чего-нибудь грозного ещё? Не спрятаться ли?

- Не будет ли и здесь родника? – предположила Радима.

С опаской пошли на место падения, постояли тут, осмотрелись: небесный снаряд, посланный божественной дланью, срезал вершину ели, потом выщербил ствол огромной сосны и врезался в комель следующей и застрял в нём.

- Сосна получила смертельную рану, она хоть и устояла, но вот-вот упадёт, потому я срубил её. А камень торчал вот тут, в комле, - указал Млад-Воинко. - Я едва извлек его, подрубая так и этак.

- Чем мы прогневали кого-то из богов? - с тревогой в голосе спросила Радима.

- Если б они хотели поразить нас, то уж верно не промахнулись бы, - утешил свою жёнку Млад-Воинко, опять посмотрев на небо.

- У бога десница верная, - согласилась Радима. – захочет покарать – не промахнётся.

- Но ему до нас дела нет, - возразил ей муж. - Мы маленькие, как мураши, нас оттуда, с небес, и не видно.

- Они видят всё, каждую былинку и каждую *букарашку*, - в свою очередь возразила Радима.

Простодушный Млад-Воинко посмотрел на неё вопросительно: так ли?

- Они хотят, чтоб мы уцеломудрились и уstraшились, - предположила Радима, в голосе её слышалось лукавство. – Остерегают нас и упреждают. Но разве мы с тобой не целомудренны?

Воинко тоже усмехнулся и сказал так:

- Бог над нами, как я над муравьиным теремом. Есть ли мне дело до каждого мураша? Стану ли я карать того или иного из них? У меня свои заботы... и у богов так.

Ещё поразмышляв, они окончательно решили, что небесный посланец этот – камень - есть им знак... может быть, добрый. Вовсе не угроза, а подарок неба! Ведь он не причинил им никакого вреда, только напугал немного. А раз так, то это дар небес, и ничто иное. Совсем недавно он был в руке одного из небожителей – их там много! Тот небожитель запустил его с высоты на землю с такой силой, что дымный след протянулся по небу. Камень ударился о деревья и, может быть, раскололся на части; один осколок застрял в дереве, а иные ушли в землю. Наверно, так... или как-то иначе. Но без сомнения в камне, что теперь держал в руках Воинко, заключена была та необоримая сила, которой владеют небожители, она передастся иземным людям, то есть ему.

- Будем его хранить, - решил Млад-Воинко.

- А он нас, - добавила Радима. – Потом передадим нашим детям, чтоб и они хранили.

Они ещё раз наведались на то место, откуда Млад-Воинко вернулся с тёплым камнем в руках. Воинко отошёл чуть в сторону и увидел свежерытую яму глубиной в два локтя. В ней уже накопилась вода и переливалась через край – ручеек торил тут себе путь под уклон.

- Княгиня Рысь! – позвал он. – Поди сюда! Подивимся вместе...

На этом прерывалось повествование о Млад-Воинко и Радиме.

7.

Ночью этой или ещё ввечеру или даже накануне случилось несчастье в посадской общине: умерла недужная жёнка именем Ивиня.

А потом описывались её похороны. Всё происходило в стороне от того места, где ночевали, - на небольшом возвышении, которое уже именовалось *жальником*.

Мёртвое тело положили на воздвигнутый для него помост из сухих жердей, обложили со всех сторон сухими деревьями и хворостом, и сухой травой. Перед тем, как возжечь погребальный костёр, муж рассудливый Городило сказал напутствие для покойной, а Нежко Лунь взмахнул руками, пожелав ей восстать в огневом вихре, и отдаться на волю богов. Хворост подожгли, слышался общий плач... Четыре старухи в черных платах, стоя с четырех сторон, хлопали в ладоши и нараспев проговаривали малопонятные заклинания, в которых я, читатель, словно бы пребывая вместе с ними на тех похоронах, разобрал лишь повторявшиеся слова:

- *Ветровей... суховей... жаровей...*

Огонь взметнулся высоко, поднимая тучу искр. В этом вихре увидели, как мёртвая Ивиня приподнялась на ложе своём и исчезла в дыму и пламени. Дочь ее, Звана, ахнула и обмерла, потеряв цвет лица, без сил опустилась на землю.

- *Жаровей... огневей... вихревей...*, - повторяли старухи в лад.

«*Молитвы, молитвы надобны! А не колдовские заклинания!*» - гневно пометил тут Кирилл своим карандашом. – Истинно язычники, заблудшие души. Надпись эта была изрядно закапана воском.

А мне было жаль тех опечаленных посадских людей и поучения да упрёки некоего Кирилла я не одобрял.

Как раз на время похорон пришлось то дивное небесное явление: сгусток огня с громовым раскатом пролетел в выси небесной и вонзился в землю где-то далеко отсюда, оставив дымный след на небе. Посадские люди вздрогнули все, как один, прекратились рыдания, замолчали и старухи... лошади прядали ушами... кудахтали куры... Но старухи запели снова про *жаровей* и *огневей*, присовокупляя уже и *дымовей*, и *углевей*. Общая тревога от небесного грома усилила горесть похорон. Было сказано, что не зря явился этот самый огонь, который *пламеннови-*

ден и совокупишася с молниєю. В том какой-то знак, смысл которого трудно постигнуть земным существам.

У людей, стоявших широким кругом у погребального костра под женский плач был разговор, в котором участвовали все мужи: и Городило, и Вятко, и Большак, и Посеня, и Юрок, и отроки, любившие рассуждать о небесных явлениях... Упоминался тут и Орлец, но он стоял в толпе молодых, поглядывая на озабоченную Роксану: младенец же её, Потешка, весело гулюкал, и это было не к месту и не ко времени, однако никто его не унимал. По чьей-то высшей воле младенец своим гулюканьем ободрял опечаленных

Нежко Лунь при виде упавшего с неба огня поначалу встревожился, напряженно глядя слезящимися глазами в небо, потом, прикинув в уме все обстоятельства происшедшего, успокоил внимавших ему:

- Иногда такое и к добру.

Сказал-то сказал, но подумал иное: «Кто-то разгневал богов... но не мы, не в нас целили они».

Огонь большого костра унялся. Старухи повторяли:

- Углеей... пепловей... ветровей...

Когда костёр догорел, угли и пепел сгребли в кучу и закрыли дерновиной с зелёной травкой. Над холмиком ещё курился дымок. Осиротевшая Звана неутешно плакала над тем местом, откуда мать её вознеслась в небесную высь вместе с дымом погребального костра.

Вож посадский Городило по совету Нежко Луня повелел потом положить на высоком месте, чтоб видно было с неба, дань малую: три пястки зерна единой горкой, накрошенные вареные яйца, вяленую дичину и вяленую же рыбу. А какую именно дичину и откуда взялась у них рыба, про то не сказано.

8.

Медведь, который некогда выходил на берег реки Оцы на виду у Малуши и Усти, в этот час был в лесу. Он рывкнул в ответ на раздавшийся с небес гром. Ему откликнулась медведица, заломавшая накануне корову и теперь не отходившая от неё далеко...

В ответ на медвежье рывканье гром затих, и медведь-хозяин удовлетворённо помотал головой.

Белый орлан кружился над лесами. Этот орлан, между прочим, на дальнем отлёте однажды сбил зазевавшуюся воро-

ну. Она закувыркалась, теряя перья, и упала не куда-нибудь, а на *дивье поддворье* - как раз возле изгороди с насаженными на колья черепами. С крыльца сошла кривая старуха, подняла упавшую ворону, что-то бормоча, и бросила её чёрному псу...

А орлан отозвался на небесный гром встревоженным криком и ринулся вниз, к вершинам сосен, стоявших купно. Не страх был причиной - в гнезде сидел маленький орланчик, постоянно требовавший себе еды и защиты.

Сердца родителей были полны гордости и радости, по сравнению с чем грозные небесные явления казались ничтожными. Орланиха, садясь на гнездо, согревала новорождённого своим пухом. А он дерзновенно выбирался на волю, несмышлёныш.

Но ничуть не встревожились лягушки в болотах; напротив, они возбуждённо и радостно *крекотали*...

И сидела на берегу возле родника-студенца, опять разговаривала с ними некая дева с распущенными волосами, которые едва прикрывали её наготу.

Химический карандаш густо зачеркнул тут несколько строк.

Далее стояли тут тесно крюковые знаки, совсем не похожие на буквы. А что они обозначали?

Того не вем...

* * *

Она мне часто снится, та книга: я держу её перед собой и читаю, читаю... Проснусь – у меня в памяти прочитанное, но оно постепенно отдаляется, заволакивается туманцем. Надо бы записывать их, но не всегда я мог справиться со своим сонным состоянием.

Великое коловращение жизни совершалось в книге той... Должно быть, сознавая это, изображал автор книги на страницах её:

вот солнце из правого верхнего угла протянуло свои лучи вниз и поверху...

вот летающая и порхающая живность купается в его лучах по верхней кромке листа...

вот гнездовья птиц – в каждом гнезде раскрытые рты птенцов или яйца в крапинку – слева по краю...

вот ползающие и плавающие по низу листа – все с выражением весёлости и бодрости на дивных мордах и в дивных гла-

зах, - все это переплетено с травой и кустами, с солнечными лучами и с восходящим туманцем...

вот двое братьев Рукославичей, стерегущих свою сестру Любаву, - это они, они! - изображены искусно на углу листа – сидели на некоем бревенчатом срубе, свесив ноги в лаптях, вели меж собой беседу; рисунок невелик, а уместилось на нём всё, даже мелочи: и лапти, и топор, воткнутый в бревно, и курица, гуляющая по свежей щепе...

На этом же листе искусно нарисована была уже знакомая мне дивная птица. Она царственно сидела на кровле красного крыльца с богатыми резными украшениями. Крыльцо то прилегало к высокому терему, который не уместился на одной стороне. От терема крытые переходы вели на обратную сторону листа, а тут расположились некие жилые светлицы с балкончиками, башенками, открытыми сенями-свесами. Дивный такой терем для праздного, княжеского или царского, житья. Но ясно то, что строили его братья Рукославичи со товарищи, искусные весёлые плотники.

Картинки занимали меня тогда, равно как занимают и ныне – они остались запечатлёнными в моей памяти. А вот как понимать: какой-то небесный огонь... должно быть, метеорит, упавший чуть ли не в руки одному из живущих там людей... словно это мячик при игре в лапту...

Что-то плохо верилось в это. Хотя... я ведь сам держал в руках такой камень. Правда, я не был свидетелем того, как он упал с неба. Но я держал его в руках!

И с серьёзом, пожалуй, явная выдумка. Хотя, опять же... чего не бывает на свете! Случается и такое, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Или вот намёк, что путники оказались на том месте, где на семи холмах потом будет стоять великий град... знаю я, какой это град.

Можно верить или не верить тому...

Ныне, когда мне уже за шестьдесят, расстояние это временное в тысячу или даже две тысячи лет не кажется таким огромным, как прежде. А тогда время, в котором жили те люди, было невообразимо далеким, до него - как до звёзд.

По ночам мне и теперь иногда снятся страховидные, зубастые драконы и крылатые змеи, и мерин тот краснокрылый, и лань лютая, и многоглавые, косматые чудовища, вылезавшие из

болот и лесных чащ, - водяные, болотные, лешие, домовые... Все это, оказывается, водилось в изобилии тогда.

В прежние годы будучи в очередной раз уверенным, что потерялась книга безвозвратно, я чувствовал ее близкое, но невидимое присутствие... как чувствую и теперь. И она являлась в своем облике, мне уже привычном. Потому говорю ныне с убежденностью: она вернется, обязательно вернется! Опять неведомым образом ляжет передо мной на стол, встанет на книжную полку или окажется на шкафу, припорошив себя пылью. Я возьму её в руки и раскрою на любой странице, испытывая глубокую радость от нашей новой встречи.

Но сколько ждать? Пока что предпринятый мною труд не будет ли свидетельством моей преданности, верности и любви? А верность и любовь сокращают разлуку и приближают счастливый миг нашей встречи.

Я готов продолжить мой пересказ книги той, но... мне теперь так хочется повидаться с нею! Прямо-таки насущно необходимо. А потому не следует ли мне прервать мой труд и терпеливо подождать, когда она явится снова? Повторю: книга эта непонятным образом отлучается куда-то по своей прихоти, но, должно быть, с тайной целью, при этом со странной привязанностью сопровождает меня всю жизнь. Повторю, как заклинание: она вернется ко мне. Я сравню то, что уже написал, с нею и устыжусь или приободрюсь. Во всяком случае станет ясно, не слишком ли далеко я зашел в своем труде и не напрасен ли он. Тогда уж не отпущу её от себя. Нет, не отпущу... если, конечно, это будет в моих силах.

Давным-давно я уверился, что дивная книга эта досталась мне отнюдь не случайно, а по некоему предназначению. В ней помещен мир, отдаленный от меня не только временем и пространством, но и незрелым самосознанием моим, складом отроческого ума, неспособного уразуметь все. Я понимал: за чередой событий, подчас самых незначительных, за описанием обыденных дел кроется какой-то глубокий смысл. Ныне догадываюсь, в чем он, однако вряд ли следует мне излагать свою догадку. Предоставляю это тем, кто возымеет желание прочитать записанное мною теперь. Но помните: это всего лишь переложение того, что было в книге. И, увы, оно не полностью соответствует ей, как я ни стараюсь быть точным. Мне нужно сравнить...

А пока что я отступаюсь.

1996-2007 г.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ:**ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КРАСАВИН****КНИГИ:**

<u>1. ЯСНЫЕ ДАЛИ,</u> повести и рассказы	- М.: Московский рабочий, 1971
<u>2. НА МОЕЙ ЗЕМЛЕ,</u> повести	- М.: Современник, 1973
<u>3. ХОЗЯИН,</u> повести	- М.: Молодая гвардия, 1974
<u>4. В СЕРЕДИНЕ ЛЕТА,</u> повесть	- Л.: Лениздат, 1975
<u>5. ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ,</u> повести	- М.: Современник, 1978
<u>6. ПОРЕЧЬЕ,</u> повести	- М.: Современник, 1981
<u>7. ХОРОШО ЖИВУ,</u> повести и рассказы	- М.: Советский писатель, 1982
<u>8. МАСТЕРА,</u> роман	- М.: Молодая гвардия, 1984
<u>9. ЯСНЫЕ ДНИ,</u> повести	- М.: Советская Россия, 1985
<u>10. СЛОВО О МОЕЙ НЕРЛИ,</u> повести	- М.: Современник, 1986
<u>11. ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ,</u> повести	- М.: Сов. писатель, 1990
<u>12. ВЕЛИКИЙ МОСТ,</u> повести	- М.: Современник, 1990
<u>13. ТЁПЛЫЙ ПЕРЕУЛОК,</u> повесть	- М.: Детская литература, 1990
<u>14. РУССКИЕ СНЕГА,</u> повести	- Т.: Тверское изд-во, 1998

РОМАНЫ И ПОВЕСТИ В ЖУРНАЛАХ:

<u>1. ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ...,</u> повесть	- «НЕВА», № 7 – 1968
<u>2. ХОЗЯИН,</u> повесть	- «ОКТЯБРЬ», № 7 – 1969
<u>3. ЯСНЫЕ ДНИ,</u> повесть	- «ЗНАМЯ», № 9 – 1970
<u>4. ХОРОШО ЖИВУ,</u> повесть	- «ЗВЕЗДА», № 9 – 1977
<u>5. ТРОПИНКИ НАШЕГО ДЕТСТВА,</u> повесть	- «ВОЛГА», № 3 – 1978
<u>6. СЛОВО О МОЕЙ НЕРЛИ,</u>
повесть без вымысла	- «ВОЛГА», № 1 – 1980
<u>7. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ОГНЯ,</u> роман	- «ВОЛГА», №№ 11,12 – 1983
<u>8. РЕКА ЗАБВЕНИЯ,</u> повесть	- «СЕВЕР», № 1 – 1984
<u>9. ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ,</u> повесть	- «НОВЫЙ МИР», № 8 – 1989
<u>10. ОНИ НАСТУПАЮТ,</u> повесть	- «ВОЛГА», №№ 7 и 8 - 1990
<u>11. НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ,</u> повесть	- «НЕВА», № 7 – 1990
<u>12. ВАЛЕНКИ,</u> повесть	- «НОВЫЙ МИР», № 4 – 1992
<u>13. СВИДЕТЕЛЬСТВО О ЖИЗНИ,</u> повесть	- «ЗНАМЯ», № 12 – 1992
<u>14. ГРИБЫ С ГЛАЗАМИ,</u> повесть	- «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ», № 1 – 1993

Юрий Васильевич КРАСАВИН

- 498 -

ПИСЬМЕНА, роман

15. ГРИБЫ С ГЛАЗАМИ, повесть

- «МОСКВА», № 12 – 1993

16. ВРЕМЯ НОЛЬ, повесть

- «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ»
№ 2 – 1994

17. ХУТОРОК, повесть

- «ДЯДЯ ВАНЯ», лит. альманах
Чеховского общ-ва, № 2 – 1994

18. ДИКИЙ РЫНОК, повесть

- «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ»
№ 1 – 1995

19. ПУСТОШЬ, повесть

- «БЕЖИН ЛУГ», № 2 – 1995

20. ПРИВЕТ, СТАРИК!, повесть

- «ДЯДЯ ВАНЯ», лит. альманах
Чеховского общ-ва, № 1 – 1995

21. РУССКИЕ СНЕГА, роман

«МОСКВА», № 9 – 1996

22. ПУСТОШЬ, повесть

- «ВОЛГА», №11-12 – 1996

23. НОВАЯ КОРЧЕВА, очерки

- «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ»,
№ 4 – 1996

24. НОВАЯ КОРЧЕВА, очерки

- «НОВЫЙ МИР», № 2 – 1997

25. ДЕЛО СВЯТОЕ, повесть

- «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК», № 2 – 1997

26. ДЕЛО СВЯТОЕ, повесть

- «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ»,
№ 3 – 1997

27. ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СТРАСТИ,
повесть

- «МОСКВА», № 12 – 1997

28. ХОЛОПКА, повесть

- «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ»,
№ - 2000

29. ХУТОРОК, повесть

- «НЕВА», № 11 – 2000

30. ПРО ПОЛКОВНИКА, повесть

- «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ»,
№ 3 – 2001

31. ПРИВЕТ, СТАРИК!, повесть

- «РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ»,
№ 4- 2002

32. РУССКИЕ СНЕГА, роман

- «РОМАН-ГАЗЕТА», № 3 – 2004

33. ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ, повесть

- «ДОН», № 6 – 2004

34. ВРЕМЯ НОЛЬ, повесть

- «ДОН», № 5 - 2005

35. ПРИВЕТ, СТАРИК!, повесть

- «ДОН», № 2 - 2006

36. ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ХРОНИКИ,
повесть

- «НАШ СОВРЕМЕННОК»,
№ 8 - 2006

37. ПРО ПОЛКОВНИКА, повесть

- «ПОДЪЁМ», № 9 – 2006

38. ПИСЬМЕНА, роман

- «ДОН», № 10 – 12 за 2006,
№ 1 – 2 за 2007

39. ХОЛОПКА, повесть

- «РУССКИЙ ПУТЬ №2(11) – 2006

40. ДЕЛО СВЯТОЕ, повесть

«ПОДЪЁМ», № 4 – 2007

41. ЯМУГА, повесть

«НАШ СОВРЕМЕННОК», № 1 – 2008

Юрий Васильевич КРАСАВИН

- 499 -

ПИСЬМЕНА, роман

42. ХОЛОПКА, повесть

«ПОДЪЁМ», № 4 – 2008

43. ВРЕМЯ НОЛЬ, повесть

«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
(Минск), № 4 - 2008

44. ТРУБА ЗОВЁТ, повесть

«ПОДЪЁМ», № 2 - 2009

